Coda in crescendo

Sonata con fuoco - 4

Евгений Лотош

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ну хорошо, выжить не удалось — по крайней мере, в общепринятом смысле. Это пассив. В активе — примирение с отцом и возвращение в Хёнкон. Можно снова возвратиться к учебе, благо и научных руководителей теперь завались, и верный друг рядом. Да еще и изобретательные паладары не устают делать жизнь интереснее, выдумывая разные забавные штучки типа виртуального махания руками и прыгания с облака на облако. Способности прогрессируют, связь с другом только усиливается, впереди необъятное поле для экспериментов…

…вот только безмятежностью вокруг и не пахнет. Кольчоны все чаще накрывают паллийские города, люди восстают из мертвых, электрические штормы вырываются на свободу, и энергоплазма из жуткой экзотики становится неприятной повседневностью. А еще, грозит Палле гибель или нет, люди остаются людьми. Ненависть, застарелые обиды и фанатизм воплощаются в мстителях — благородных, самоотверженных, но всё-таки террористах. Прошлое настигает десятилетия спустя, месть уничтожает всё, в том числе своих носителей, и даже в посмертии им не суждено обрести покой. И даже в тихом защищенном Хёнконе не удается спрятаться от жестокой реальности окружающего мира.

- Евгений Лотош
  - 06.27.1232. Барна, Кайтар
  - 02.28.1232. Хёнкон
  - 04.28.1232. Хёнкон
  - Тот же день. Бэйцзы, Кайнань
  - 05.28.1232. Хёнкон
  - 06.28.1232. Хёнкон
  - 08.28.1232. Территориальные воды Хёнкона
  - Ночь на 09.28.1232. Хёнкон
  - 09.28.1232. Хёнкон
  - 01.29.1232. Дриммад, Кайтар
  - 02.29.1232. Кионара, Ценгань
  - 03.29.1232. Хёнкон
  - Вечер того же дня. Остров Пинчау, Хёнкон
  - 04.29.1232. Хёнкон
  - 06.29.1232. Хёнкон
  - Незадолго до того. Дайхама, Ценгань
  - 08.29.1232. Хёнкон
  - Вечер того же дня. Хёнкон

- 07.29.1232. Шансима, Ценгань
- Параллельный временной поток. Москва, Джамтерра, Большая Вселенная
- Тот же день. Шансима, Ценгань
- То же время. Бывшая игровая площадка № 1150098-LXB-11206 "Палла"
- 09–10.29.1232. Шансима, Ценгань

Евгений Лотош
Coda in crescendo

06.27.1232. Барна, Кайтар

Лампа под потолком мигнула, потускнела, тонко зазвенела нитью. Какое-то время она явно раздумывала, не отдохнуть ли немного от тяжкой работы, но решила не пренебрегать служебным долгом. Настольная лампа повела себя менее достойно: замерцав, она тут же потухла совсем. На бумаги на столе легли тени, а складки на задернутых шторах, покрытых рубцами старых шрамов, превратились в мрачную паутину лунных каньонов. Доктор Сантонелла Чико нахмурился. Опять что-то на подстанции? Или просто давно прогнившая проводка в больнице святого Мейсера отказывается служить так, как положено? Надо все-таки извернуться и выделить деньги на ее ремонт. Ладно, когда лампы просто гаснут — а если короткое замыкание и пожар?

Он отодвинул стул от стола и поднялся, потягиваясь и хрустя суставами. Складки жира на талии, которые так и не удавалось, да и не особенно хотелось согнать, огорчительно дрогнули. Ну, хоть какой-то повод оторваться от горы бесконечных бумаг и пройтись по больнице обходом. Хорошо, когда государство наконец-то вспоминает о необходимости заботиться о своих гражданах, и на больничный счет начинают втекать не только скудные капли финансирования от церкви Рассвета, но и тоненький ручеек государственных средств. Хорошо — даже с учетом того, что непосредственной причиной послужил пинок от паладаров. Плохо, что ручеек того и гляди перекроет плотина из форм и отчетов, которые треклятые бюрократы (не иначе, в качестве мести) требуют оформлять по дюжине в декаду. Карраха! Свалить их, что ли, на тессу Фьюченцу? В конце концов, она заместитель директора. Женщина она не слишком умная, но усердная — вот пусть и возьмет на себя бумажную рутину, высвободив ему время заниматься больными. Точно, завтра же утром торжественно перераспределим обязанности. Управлять финансами ей позволять нельзя, поскольку экономическая сметка у монашки полностью отсутствует, несмотря на высокий ранг пасанты, но для заполнения статистических таблиц и отчетов по расходам много ума не нужно.

Так, ладно. Не время предаваться праздным раздумьям. Нужно пройтись по всем трем этажам и проверить, что случилось. Если и в самом деле проблемы с городской электросетью, то нужно убедиться, что хотя бы тревожные кнопки в палатах действуют. Да и время уже к полуночи, на улице стоит густая тьма. Пора совершить последний обход, проконтролировать

дежурных — и по домам. В конце концов, бумаги до завтра никуда не денутся. Сантонелла постучал пальцем по настольной лампе (загораться та отказалась, и доктор щелкнул выключателем, чтобы она не включилась ночью, если электричество восстановится), погасил верхний свет и вышел в коридор первого этажа.

В поздний час больница уже спала. Немногие ходячие больные разбрелись по палатам, из дверей которых выползали тусклые лучики света. Еще более тусклые дежурные лампы под потолком едва горели, и в коридоре стоял таинственный полумрак. В небольшом холле, заменявшем сотрудникам больницы святого Мейсера ординаторскую и медсестринскую комнаты, сидели две монашки-сервилы — Пикаччо и Селия — и одна вольнонаемная медсестра, пожилая грузная женщина под шестьдесят, дэйя Розалия Арасия. Все трое дружно стучали вязальными спицами (на полу на ниточках подпрыгивали шерстяные клубочки) и о чем-то переговаривались негромким шепотом. Пульт вызовов в свете двухлампового светильника возвышался черным надгробным монументом отсутствующему току: техника, и без того не новая, все-таки объявила забастовку и выключилась. Так. Теперь больным в палатах остается лишь орать во все горло в надежде, что их услышат. А кто услышит, если все дежурные собрались здесь?

— Добрый вечер, дэй Чико, — дружным хором поздоровались кумушки, не переставая вязать.

— Вы уверены, что добрый? — саркастически осведомился доктор. — Палатная сигнализация не работает, видите? Тесса Пикаччо, дэйя Арасия, по-моему, ваши рабочие места находятся совсем не здесь.

— Ох, и в самом же деле не работает! — удивилась монашка, бросая взгляд на пульт. — Да и темно чегой-то. Опять с лепестричеством не так, помилуй нас господи? Вот уж заболтались так заболтались. Пойдем-ка, Рози, а то не ровен час, приспичит кому-нибудь утку…

Пикаччо сложила спицы и, кряхтя, подняла с пола клубки, вручив один коллеге.

— Уже идем, дэй доктор, уже идем! — закивала Арасия, поднимаясь. — А что, со светом только у нас плохо? Ну-ка, гляну-ка я на улицу…

Она зашаркала к окну и отодвинула штору, вглядываясь наружу.

— Что-то мутно там! — с недоумением сказала она. — Туман непроглядный, фонарей почти не видно.

— Туман? — переспросил Сантонелла. Он тоже подошел к

окну и вгляделся.

Действительно, вместо пары уличных фонарей, располагавшихся недалеко от окон, за стеклом виднелись лишь два смутных пятна в густой серой мгле. Странно. Туман — в конце лета, да еще и после солнечного сухого дня? Доктор отщелкнул шпингалет и потянул скрипящую створку на себя. Нет, сыростью с улицы не пахло. Через щель потекли серые полупрозрачные струйки, закручиваясь небольшими плотными клубами, даже и не думавшими растворяться в помещении.

— Что за чушь такая? — пробормотала Арасия, помахивая рукой. Ее ладонь проходила сквозь клубы без видимого эффекта. — Горит там, что ли, что-то? Да нет вроде, гари не слышно…

Сантонелла тупо смотрел на клубящиеся струйки, пытаясь поймать за хвост какую-то весьма неприятную мысль. Какое-то воспоминание… страшное… морозящее… И когда он наконец-то сообразил, ЧТО ему напоминают небольшие пока сгустки тумана, его словно ударило током.

— Назад! — рявкнул он, отталкивая любопытную медсестру от окна и резко захлопывая створку. — Назад, живо! Там, снаружи, кольчон! Мы под кольчоном!

В ответ раздался тихий взвизг и два громких оханья. Арасия с удивительной для ее комплекции скоростью бросилась к диванчику у стены холла и попыталась спрятаться за ним. Обе монашки всплеснули руками, уронив вязание на пол, а стоящая Пикаччо без сил опустилась на стул, прижимая руки ко рту. Сантонелла резким движением задернул штору и лихорадочно оглянулся. Радио. Передают ли что-нибудь по… Нет, кольчон же глушит радиоволны! Неужели очередной Удар, уже третий? Что делать? Говорят, стены здания, особенно такие толстые, как в старой больнице, способны защитить от кольчона. Полгода назад, зимой, Барна вместе с остальной планетой уже пережила появление чудовища — и жертв в городе оказалось на удивление мало, всего полторы сотни на восемьсот тысяч горожан. Что случится сейчас?

Так, спокойно. Кольчон — снаружи, на улице. Они — в здании. Изменений в самочувствии… нет. Зато, в отличие от прошлого раза, не до конца пропало электричество. Главное, не паниковать. Кольчоны над сушей никогда не задерживались долго. Нужно продержаться полчаса, максимум час. Главное, чтобы никто из пациентов не начал паниковать.

— Слушайте меня! — сказал он, поражаясь внезапному холодному спокойствию своего голоса, абсолютно не соответствующему внутреннему вихрю эмоций. — Снаружи

кольчон, но мы в безопасности. Пациенты уже спят, и пусть себе спят. Не нужно их будить…

— Разве мы не станем их эва… ва… вакуировать? — дрожащими губами пробормотала Селия.

— Куда? — немного резче, чем намеревался, спросил доктор. — Подвала у нас нет. Предлагаете вышвырнуть всех на улицу?.. Ох, простите, тесса, я не хотел на вас кричать. Нет, мы никого никуда не эвакуируем. Зимой все обошлось, обойдется и сейчас. Но нам нужно следить за этажами и пациентами. Тесса Селия, остаетесь здесь. Дэйя Арасия, за вами второй этаж. Тесса Пикаччо, вы на третьем. Займите посты возле лестницы. Я отопру уличную дверь в приемный холл на случай, если прохожим потребуется укрыться, и пройду по этажам. Давайте, давайте, не стойте на месте!

Раздалось мягкое неторопливое шарканье, и в холл вышел, опираясь на трость, высокий грузный старик в полосатой пижаме. Дэй Винсенте Капола, автоматически вспомнил Сантонелла. Ишемическая болезнь сердца, сопровождаемая тяжелыми приступами стенокардии, провоцирующими истерические припадки, высокий уровень легких липопротеинов… Тьфу. О чем он думает?

— Почему в коридоре свет не горит? — капризным тоном осведомился старик. — И в туалете? Думаете, я могу на ощупь свои дела делать? Доктор Чико, что у вас за больница такая, в которой ничего не работает?

— Дэй Капола, в районе перебои с электричеством, — как можно естественнее ответил Сантонелла. — Слишком низкое напряжение в сети. Боюсь, мы ничего не можем сделать.

— Ну да, ну да, здесь-то у вас свет есть! — в голосе пациента прорезались плаксивые нотки. — А я в темноте нервничаю, а мне нельзя волноваться… Включите свет, доктор!

— Так, дэй, ну-ка, хватит капризничать! — Селия, при виде подопечного как-то сразу взявшая себя в руки, решительно подошла к нему и взяла под локоть. — Сказал же дэй доктор — с электричеством неполадки. Где мы тебе электричество возьмем, сам подумай! Шерстяной тряпочкой по стеклу натрем? Ну-ка, пойдем в палату потихонечку. Дам я тебе утку и сама вынесу.

— Вот все у вас так… — начал говорить старик — и осекся.

Багровая вспышка — и мгновением позже двухметровая волюта сгустилась из воздуха прямо перед его лицом. Длинный, завитый спиралью вдоль продольной оси серый конус, похожий на какую-то шипастую морскую раковину-переросток, медленно покачивался, словно на зыбких волнах. Мелькнула еще одна вспышка, третья, четвертая, пятая… Одна за другой волюты

возникали в холле и в коридоре. Вот откуда-то издалека раздался громкий мужской вопль, ему вторил истошный женский визг. Сантонелла в оцепенении следил за тем, как клочья грязного тумана плывут по коридору, холлу, сближаются с ним, окружают его смертельным кольцом, бледно полыхающим багровым пламенем. Третий Удар, отчаянно колотилось у него в груди, Третий Удар! Снова волюты, снова кольчоны — совсем как зимой…

И тут в три голоса заверещали медсестры.

Волюты, до того момента не обращавшие на них внимания, мгновенно перестроились. По крайней мере половина из двух десятков, окружавших доктора, двинулась к женщинам, пятившимся к стене. Брошенный старик грузно осел на пол, тяжело хватая воздух и держась за сердце. Одна из волют плавно опустилась к нему и зависла перед лицом. Ее спиральные очертания вдруг поплыли и смазались, вокруг заколебались языки бледного, почти незаметного пламени. Миг — и она вдруг разлетелась стаей грязно-серых хлопьев, окружившей старика словно вихрем тополиного пуха. Потом хлопья синхронным движением облепили Каполу комом отвратительной пародии на снег и тут же пропали, словно всосавшись в тело. Старик, выпучив глаза и хрипя, упал навзничь и задергался — и тут оцепенение доктора Чико наконец-то прошло.

С яростным воплем он схватил тяжелый деревянный стул, на котором только что сидела одна из сестер, и обрушил его на ближайшую волюту. Стул прошел сквозь нее совершенно бесшумно, но огонь внутри туманной спирали погас, и она, чуть поколебавшись в воздухе, упала на пол несколькими большими серыми кляксами. Над ними тут же заколебались едва заметные языки пламени, и мерзкая слизь начала то ли испаряться, то ли всасываться в керамические плитки. Стул по инерции тоже ударился о пол и треснул: одна из ножек согнулась под углом, щерясь щепками на разломе. Рыча, Сантонелла поднял стул и ударил им по второй волюте. Все повторилось в точности: потухший огонь и пятна горящей слизи на полу. Треснула и отвалилась вторая ножка. Волюты не двигались — даже те, что отвлеклись на медсестер, вернулись обратно и мирно висели неподалеку, совершенно игнорируя судьбу товарок. Почему они не реагируют?

Три женщины продолжали синхронно визжать, и из коридора им вторили новые и новые крики пациентов: видимо, волюты появились и в палатах. Сантонелла занес обломки стула в третий раз — и тут одна из волют вдруг плюнула в него ослепительно-ярким комком алого пламени.

Оцепенение вернулось. Сгусток, казалось, двигался в воздухе с небрежной ленцой. Он несколько раз резко изменил направление движения, попутно пройдя сквозь сиденье стула. Во все стороны брызнули деревянные щепки, и в руках у Сантонеллы остался лишь огрызок спинки. Доктор попытался уклониться, но шаровая молния, в очередной раз сменив направление, ударила его прямо в лицо.

Мир заслонила яркая вспышка. В голове словно грянул гулкий могучий колокол кафедрального собора — тот, что молчал со времен Первого Удара. Вот и все, мелькнула мысль. Конец.

Конец, однако, наступать не торопился: красная пелена рассеялась, и Сантонелла изумленно понял, что жив и даже не обожжен. Родившая сгусток волюта приблизилась и выпустила из себя бахрому тонких щупалец. Те вытянулись в разные стороны, словно пытаясь что-то обнаружить, и замерцали, превращаясь в струйки танцующего пламени.

А потом из волюты в грудь доктора ударила странно изломанная искрящаяся молния. Он швырнул в кусок тумана остатками стула (волюта даже не обратила на них внимания) и попытался отступить, но в него уже вонзилась новая молния от другой волюты — затем от третьей, четвертой… Статические разряды побежали по телу, окутывая с головы до ног, словно невероятной мерцающей шубой, а потом его внезапно охватил кокон серого тумана — такого же, из какого состояли ужасные летучие спирали. Ощущений не возникало никаких. Доктор в панике оглядывался по сторонам, а в холле уже бушевал настоящий электрический шторм. С хлопком погасла одна лампа под потолком, потом другая, и лишь призрачный свет молний давал возможность видеть хоть что-то. Сестры уже не визжали: Арасия и Селия неподвижно валялись на полу, без сознания или мертвые, а Пикаччо вжалась в угол, беспрерывно осеняя себя косым знамением и тихо поскуливая. Молнии били и в нее, не причиняя видимого вреда.

А потом вдруг все кончилось. Из коридора по-прежнему доносились стоны и оханья, но волюты пропали все разом, словно кто-то повернул выключатель кинопроектора. Остро пахло паленой материей. Тяжело дыша, доктор стоял со сжатыми кулаками и непонимающе шарил взглядом по сторонам. По полу и стенам метались невнятные тени, и Сантонелла не сразу понял, что источник света — не только фонари за окном, с трудом пробивающиеся сквозь плотную штору, но и его собственное тело. Клочья серого тумана — энергоплазмы, внезапно вспомнилось ему популярное паладарское словечко — тут и там облепляли

его, слабо светясь. Впрочем, они быстро таяли и исчезали.

Страшным усилием воли доктор заставил себя сбросить оцепенение и сделать шаг в сторону монашки, продолжавшей осенять себя знамением и тихой скороговоркой бормотать неразборчивую молитву. Та тихо всхлипнула и замерла. Истошные вопли из коридора стихли, сменившись невнятным отдаленным причитанием.

— Тесса Пикаччо! — хрипло сказал доктор. — Как вы себя чувствуете?

Монашка часто задышала. Ее глаза бессмысленно смотрели сквозь Сантонеллу. Вздохнув, доктор отвесил ей несильную пощечину. В ответ та охнула и схватилась за щеку.

— Тесса Пикаччо! — настойчиво повторил доктор. — Вы меня понимаете?

— Да… да, дэй Чико… — тихо прошептала медсестра.

— Тесса Пикаччо, как вы себя чувствуете? Мы должны помочь людям. Вы в состоянии работать? С сердцем все в порядке?

— Я… — монашка глубоко вздохнула. — Дэй доктор, мы ведь живы, да?

— Мы двое — точно живы. Что с остальными, нужно выяснять. Тесса Пикаччо, я не справлюсь один со всей больницей. Возьмите себя в руки!

Монашка еще раз вздохнула, осенила себя косым знамением и отлепилась от стены.

— Что нужно делать, дэй доктор? — слабым голосом спросила она.

— Пройдите по всем трем этажам. Попытайтесь успокоить людей. Посмотрите, много ли погибших и в каком вообще состоянии пациенты. Скажите, что помощь вот-вот придет. Понятно? Я сейчас присоединюсь.

— А… помощь придет, дэй доктор?

Сантонелла досадливо тряхнул головой.

— Сомневаюсь. Во всяком случае, не в ближайшее время. Если город действительно накрыл кольчон, властям сейчас не до нас. Но мы должны сделать все, что в наших силах.

— Поняла, дэй доктор. Я… пойду.

— Да-да, и побыстрее! — нетерпеливо сказал Сантонелла.

В коридоре затлело и медленно разгорелось дежурное освещение: видимо подача электричества возобновилась в полной мере. Слава Ваххарону! Хоть не впотьмах шариться…

— Сестра, ох, сестра! — из-за угла показалась, медленно перебирая руками по стене, старуха-пациентка. — Сестра! Помогите же! Там… сердечный приступ… там летали какие-то…

— Сейчас мы со всем разберемся! — Пикаччо быстро подошла

к бабке и взяла ее под локоть. Видимо, воспоминание о профессиональном долге привело ее в чувство. — Давайте-ка, дэйя, возвращаемся в палату.

И обе женщины пропали в коридоре. Доктор Чико проводил их взглядом: темно-зеленую рясу монашки испещряли черные разводы, отсутствовавшие там еще десять минут назад. Точно такие же разводы покрывали белый халат самого доктора. Дотронувшись до них пальцем, он с изумлением разглядел на нем следы сажи. Неужто их молниями так пожгло? Одежду подпалило, а тело даже ничего не почувствовало? Лишь сейчас он осознал, что при каждом движении по коже пробегают неприятные волны прохладного воздуха: очевидно, и рубашка под халатом прогорела до дыр. Нет, плевать на одежду, не до нее. Сантонелла склонился над распростертыми на полу телами. Арасия и Селия неподвижно лежали на полу с закрытыми глазами. Доктор быстро пощупал пульс на шее: у обеих ровный и уверенный. Живы, просто обморок. Странно. Он никогда раньше не слышал, чтобы волюты проникали в помещения, и уж тем более не попадал в связанный с ними электрический шторм. Но по логике вещей следовало бы предположить, что без жертв в такой ситуации не обойдется. Однако все четверо… четверо? Нет, пятеро. Он быстро подошел к старику на полу и приложил пальцы к сонной артерии.

Мертв.

Из пяти присутствовавших один погиб. Но четверо, тем не менее, выжили. Нужно как можно быстрее совершить обход, успокоить людей по мере возможности и понять, сколько еще погибших. Тела нужно немедленно убрать… куда? Например, сложить на полу в приемном холле. Да, и сердечный приступ с гипертоническим кризом наверняка случились далеко не у одного пациента. Одна надежда, что большинство людей в момент происшествия уже спали и спят до сих пор, если только их не пробудили крики бодрствующих. Что там с запасом лекарств?

Так, быстрый план действий: привести в чувство обеих медсестер и заставить их заняться делом. Возможно, придется хлестать по физиономиям, чтобы привести в себя, но лучше начать с более мягких средств — например, нашатыря. И еще стоит все-таки позвонить в полицию — вдруг они смогут прислать хотя бы пару человек, чтобы выносить трупы? Да, и еще нужно слушать радио: вдруг там что-нибудь важное передадут? В отличие от Второго Удара, сегодня электричество сохранилось, значит, осталось и радиовещание.

Доктор быстро подошел к висящему на стене трехпрограммному приемнику и нажал клавишу включения. На

первых двух кнопках, разумеется, трещала статика: местные радиостанции вещание прекратили. Однако после щелчка третьей кнопки в холле негромко зазвучала веселая песенка: из Дриммада транслировали какую-то оперетту. Оперетту? После атаки кольчона? Или Дриммад не затронуло?

Тихий стон позади заставил его подпрыгнуть на месте. Доктор резко повернулся. Тело Винсенте Каполы беспорядочно дергалось на полу, словно в предсмертной агонии. Сантонелла бросился к нему. Неужто он не уловил пульс? На губах старика пузырилась пена, и когда доктор склонился над ним, глаза пациента открылись.

— Сер… дце… — прошептал он. — Плохо… Помогите…

— Спокойно, дэй Капола, я с вами, — быстро проговорил доктор, лихорадочно соображая. Если у старика действительно приступ стенокардии, нужен нитроэфир. Но также возможен вариант с истероидной реакцией, где потребуется успокоительное. Так, пульс и давление — именно с них и нужно начать. Он опрометью бросился в свой кабинет, прибежал обратно с тонометром, лихорадочно напялил манжету на левую руку старика и быстро накачал ее. В тусклых отблесках света из коридора он напряженно следил за медленно ползущей по циферблату стрелкой. Ну же?! Проклятый указатель даже и не думал дергаться. Он плавно опускался все ниже и ниже и, наконец, уткнулся в ноль. Сантонелла ухватил пациента за запястье, нащупывая пульс. Тщетно. Не удалось обнаружить его и на шее. Что происходит?

— Пло…хо… — снова прохрипел Капола. — Душно…

И тут под пальцами доктора, все еще приложенными к шее старика, вдруг дернулась жилка — потом снова и снова. Несколько секунд спустя пульс бился словно бешеный, а пациент тяжело и хрипло дышал, закатив глаза под лоб. Доктор Чико выпростал часы на запястье из-под рукава рубашки и принялся считать. Сто семьдесят пять ударов в минуту… впрочем, частота постепенно снижалась.

Что же получается, дэй Капола дышал, смотрел и разговаривал с остановившимся сердцем? Невозможно. Совершенно невозможно. Скорее, сам доктор в панике умудрился ошибиться. Но не время размышлять, нужно что-то делать. И можно с уверенностью сказать, что в одиночку Сантонелла такую тушу даже до кровати не дотащит. Значит, нужно потратить пару минут на приведение в чувство медсестер.

Врач вскочил на ноги и бросился в свой кабинет, к сейфу с лекарствами, на ходу нащупывая ключ в кармане. Похоже, впереди ожидала долгая, очень долгая ночь.

02.28.1232. Хёнкон

Яхта "Рыба-меч" рассекала зеленую воду Южного океана, оставляя позади длинные усы кильватерного следа. По левую руку тянулись холмы Могерата, чем дальше, тем больше покрывающиеся темными пятнами лесов, вершины прибрежных гор приблизились вплотную и медленно отступали назад. Судя по всему, скоро должен появиться остров Ланта, ну а там и до Колуна рукой подать. Фуоко стояла на верхней палубе яхты, облокотившись о перила и задумчиво рассматривая юго-западное направление, где над морскими волнами громоздились черные тучи — вестники приближающегося тайфуна. Низкие облака, набухшие дождем, тянулись по-над самой головой, но пока удерживали влагу в себе. Стояла жаркая духота, от которой не спасало даже почти полное обнажение. Второй раз она возвращается в Хёнкон, и второй раз — перед самой бурей. Символично, ага. Она пощупала бинты, закрывавшие верхнюю часть головы и левую сторону лица, и вздохнула. Сколько еще времени ей таскать повязки и ходить с зашитым веком? В конце концов, хочется снова взглянуть на мир обоими глазами!

— Что стонешь, принцесса? Живот болит? — ехидно поинтересовался Кирис, сидящий в шезлонге с книгой в руках. — Попроси у Дзии слабительного, она пропишет. Точно, Гатто?

— Дзии пропишет, — согласился парс, развалившийся в соседнем шезлонге. — И Фуоко пропишет, и тебе за компанию.

— Обоих в капсулу, лечиться! — поддержала Зорра. — Молниями бросаются! Опасны для окружающих! Изолировать побыстрее, ку-ун!

— Я вот сейчас кого-то самого изолирую! — пригрозила Фуоко. — Засохните все, а то я за себя не ручаюсь.

— Одно слово — быр-быр девочка! — Кирис широко ухмыльнулся. — Заводишься с полпинка, как динамо. Фучи, ты чего такая кислая сегодня?

Фуоко отвернулась и не ответила. Она не понимала собственные чувства. С одной стороны, она наконец-то возвращается в Университет, причем на сей раз — с согласия и благословения отца. Впереди ее ждут паладары и учеба, а заодно и захватывающие исследования себя самой, план которых она уже составила. За те три декады, что она торчала в барнской больнице и в фамильном особняке, и дни, что отцовская яхта везла ее через океан, чтобы не рисковать с самолетом, она ни разу не позволила себе проявить странные способности. Никаких свечений рук, ног и прочих частей тела, никаких молний и уж тем более, упаси

Ваххарон, вызовов волют. Она выбила у отца возможность прочитать отчеты, составленные со слов кайтарских наемников из спасательного отряда, и то, что Кирис с помощью странной внутренней силы натворил в маленькой деревушке посреди заболоченных рисовых полей, заставляло ее сердце сжиматься — если вдруг нечто похожее случится среди людей… И вот теперь ее ожидает дальняя островная лаборатория, где, как заверил координатор, она сможет безбоязненно заниматься исследованиями. В общем, перспективы впереди открывались вдохновляющие.

И, тем не менее, чем ближе к Хёнкону, тем хуже становилось ее настроение. В чем проблема? Иногда она чувствовала себя так, словно страшно хочет спать — но с тех пор, как она очнулась после остановки сердца в больнице, заснуть ей так ни разу и не удалось — ни самостоятельно, ни с помощью снотворных. Почти сорок дней круглосуточного бодрствования… Возможно, сказывается бессонница. А может, что-то еще. Может, тяжесть на сердце вызвана страхом предстоящих экспериментов? Но почему?

Сзади по палубе прошлепали босые ноги, и рука Кириса легла ей на талию чуть выше плавок бикини.

— Фучи, ты что? — на сей раз в голове друга звучала неподдельная тревога. — Слушай, если что-то не так, скажи сразу.

— Все так… — пробормотала девушка. В ответ Кирис отвесил ей легкий подзатыльник.

— Не ври мне, а то щелбан дам, — пригрозил он. — Я же чую…

Вот и еще одна проблема. После недавних приключений они с Кирисом стали чувствовать не только сексуальные ощущения, но и обычные сильные эмоции друг друга. Теперь скрывать дурное настроение от него стало практически невозможно. Ну вот как ему объяснить, если она сама не понимает?

Фуоко с силой ткнула Кириса локтем в бок.

— Еще кто кому щелбана даст! — фыркнула она. — Кир, не лезь в душу, а? Не знаю я…

— Все из-за братца переживаешь?

Девушка замерла и медленно выдохнула. Да, вот оно. Кир хотя и дубина неотесанная, но и у него случаются озарения. Да, Сима. Неприятный разговор, состоявшийся между ним и Фуоко декаду назад, все еще лежал на душе холодным камнем. Брат прямо и в весьма грубых выражениях заявил, что именно ее бегство в Хёнкон стало причиной отцовского инсульта и что еще немного, и она доведет отца до могилы. Во время неторопливого путешествия через океан она постаралась забыть про Массима, но

теперь, по мере приближения к Хёнкону, эмоции снова всплывали в памяти. Они с братом никогда особенно не дружили, в отличие от Лойзы — сказывались и почти десятилетняя разница в возрасте, и его подчеркнуто консервативные взгляды на жизнь. Но, похоже, сейчас он начал ее по-настоящему ненавидеть — то ли из-за отца, то ли из-за ее вопиющего отказа подчиняться традициям.

Интересно, о чем Сима говорил с Кирисом наедине? Тогда Фуоко ощутила краткий приступ бешенства, овладевший другом, но Кир так и отказался рассказывать, хотя пару дней после того ходил угрюмый и взъерошенный, почти все время пропадая в городе. Возможно, Сима тоже попрекнул его деньгами, чем и уязвил гордость Кира до самого предела. Ну почему в жизни все так сложно?

— Плюнь, — сказал Кирис, глядя в волны. — Ну, мудак твой брат, что тут сделаешь? У меня самого сестрица не сахар, так что понимаю. Только ты здесь, а он в Кайтаре, за пять тыщ цул отсюда. Плюнь.

— Плюнула, — согласилась девушка. — Ох, ну скоро мы там доберемся? Достало на волнах качаться, хочу на твердую землю. Зорра, спроси Райнику, долго еще плыть?

— Полчаса, — с готовностью откликнулась парса. — Почетный караул устал, волнуется. Встретят — по ушам напинают за опоздание.

— Какой еще караул? — нахмурился Кирис. — Эй, лопоухая, ты о чем? Гатто?

— Не велено говорить! — парса ухмыльнулась во всю зубастую пасть. — Сюрприз, сюрприз, сюрприз! Мучайся ожиданием.

— Информация секретна, — поддержал Гатто. — Никому нельзя говорить про оркестр с фанфарами!

Фуоко с Кирисом переглянулись. Оркестр? Или парс шутит в своей лучшей новообретенной манере?

— Только оркестров нам и не хватало для полного счастья… — Фуоко оттолкнулась от перил, подошла к шезлонгу и плюхнулась в него. — Кир, тебе не скучно? Может… — она шаловливо оттянула топ бикини и лукаво взглянула на друга.

— Тебе не поплохеет, травмированная? — усмехнулся Кирис. — Хотя…

Внезапно едва слышное бормотание водометного двигателя яхты словно обрезало, и из-за торможения Кириса мотнуло вперед, прижав к перилам. За кормой что-то громко бултыхнулось в воде. Одновременно Зорра и Гатто вскочили на лапы и напряженно уставились по сторонам.

— Опасность! — тявкнула Зорра. — Синий код! Опасность планетарного масштаба! Кольчоны над городами Паллы! Превентивная консервация управления!

— Корабль в дрейфе! Корабль в дрейфе! — поддержал Гатто. — Плавучий якорь сброшен! Не паниковать, все под контролем!

Фуоко напряглась. Она спустила ноги на палубу и нервно оглянулась. Опять? Третий раз за последнюю декаду! В первый раз накрыло восемь крупных городов, включая Барну, и десятка полтора мелких. Во второй — четыре крупных. Ни одной жертвы, если не считать нескольких несчастных случаев, но все же… Кто пострадает на сей раз?

Яхта тихо дрейфовала по волнам. Облака по-прежнему неслись над головой, и далекие громады туч явно приблизились. Как неудачно! Что, если их застанет шторм? "Рыба-меч", конечно, выдающаяся яхта, но устоит ли она перед тайфуном? И они с Киром вдвоем на корабле — даже зная, что он под полным контролем Райники, а эскортируют его два десятка боэй, при необходимости способные выступить в роли спасательных капсул, все равно неуютно. Она прикрыла глаза и потянулась к ночному миру, пытаясь разглядеть, не появилось ли вокруг чего-то новенького. Да вроде нет…

Серый плотный туман сгустился в реальном мире совершенно без предупреждения. По коже Фуоко пробежала слабая пока волна электрических разрядов.

— Ходер! — выругался Кирис, поспешно сбрасывая плавки. — Фучи, сейчас опять тряпки пожжешь.

Фуоко последовала его примеру и поспешно вылезла из бикини, оставшись голой. Хотя у нее в чемодане лежала куча одежды из негорючих тканей, носить ее она не любила: делалась несгорайка из каких-то пластиков, липучих из-за статического электричества и вообще неприятных на коже. Кирис ее отношение разделял, хотя, как Фуоко подозревала, имел и скрытые мотивы — типа того, что ее подарила семья Деллавита. В общем, особой роли это не играло: в Хёнконе можно и посреди улицы раздеться, а на дальнем острове, твердо обещанном Рисой, в одежде необходимость вообще отпадет, разве что накидки от солнца потребуются. Сейчас, правда, ветер постепенно крепчал и свежел, но бикини от него не спасет. А станет совсем холодно — всегда можно спуститься вниз, на пассажирскую палубу.

Отложив купальник в соседний шезлонг, Фуоко настороженно огляделась, снова позволив ночному геометрическому миру наполовину заслонить реальность. Переливающиеся поверхности, мешанина цветных линий и

беспорядочно мечущиеся огненные шары наложились на море и берег. За прошедшее время она уже научилась совмещать две картинки, причем даже без особого напряжения. Как объяснила Дзии, в ее голове, вероятно, шли те же процессы, что и у младенца в начале жизни, и мозг постепенно обучался совмещать изображения рефлекторно, без осознанных усилий. Сейчас она привычно использовала в качестве маяка Кириса, воспринимаемого сегодня как большой зеленоватый комок с едва заметными синими прожилками. Себя она по-прежнему не видела, но несколько полупрозрачных багровых и фиолетовых нитей, извивающихся причудливыми петлям, тянулись от друга прямо к ее глазам. Обширная паутина волнующихся линий разбегалась от них двоих в разные стороны, и вдоль некоторых скользили разноцветные пульсирующие пятна. Ни одно не соответствовало объекту в реальном мире — по крайней мере, видимому. Присутствие мамы-розы ощущалось далеко-далеко, за невидимым горизонтом, но ни страха, ни неуверенности, ни любопытства от нее не исходило. Похоже, она спала — если понятие сна вообще можно применить непонятно к чему, далекому и абсолютно чужому.

Нет, ничего не видно. Ни волют в реальности, ни незнакомых объектов в виртуальности, как ее обозвала Риса. Озорные типа-братья и типа-сестры тоже не ощущались. На месте Зорры с Гатто на мгновение проступили клыкастые ухмыляющиеся физиономии, но сей ложный артефакт воображения Фуоко решительно отогнала подальше. Нет, ложная тревога. Можно расслабиться.

Первые капли теплого дождя упали на лицо, грудь и живот. Девушка машинально стерла их, и тут же на нее нахлынуло необычайное возбуждение. Она прерывисто вздохнула и повернулась к подошедшему вплотную Кирису. Его эрекция недвусмысленно свидетельствовала о тех же чувствах. Фуоко прижалась к нему и поцеловала в губы — и в голове словно взорвалась бомба.

Чудовищный неконтролируемый поток чувственности переполнил ее тело, и осознание мира временно отступило на задний план. Остались лишь они вдвоем, бешеная пляска геометрического света и ощущение безумного, сводящего с ума наслаждения, передаваемого партнеру и возвращаемого обратно, десятикратно усиленного. Кажется, они катались по палубе, и порывы ветра вперемешку со струями тропического ливня лупили по их обнаженным телам, и грохочущие раскаты грома со вспышками молний органично вплетались во вспышки и переливы ночного мира. Когда все закончилось — внезапно,

словно отрубленное, как все чаще случалось в последний дни — они какое-то время лежали рядом на палубе, тяжело дыша.

— Между прочим, Фучи, — наконец пробормотал Кирис, приподнимаясь на локте и криво ухмыляясь, — спину мне раздирать когтями совершенно не обязательно. Кошка, блин, весенняя…

— Когда ты мне ребра своей хваткой ломаешь, я же не плачусь… — усмехнулась в ответ Фуоко, постепенно возвращаясь к осознанию окружающего мира и чувствуя, что хлещущий дождь и резкий ветер охлаждают разгоряченную кожу куда быстрее, чем хотелось бы. — Ой… Кир, смотри! Да не на меня, вокруг!

Море вокруг яхты скрывал густой серый туман — настолько густой, что от переднего края смотровой палубы не удавалось рассмотреть трап вниз, в салон, на противоположном ее конце. Зато несколько десятков волют, окруживших яхту, различались очень даже хорошо. В видимом мире в их сердцевинах горели багровые огни, а в призрачном они выглядели как абстрактные геометрические многоугольники, постоянно меняющие форму: отращивающие и теряющие отростки, то угловато-неуклюжие, то вдруг зализанные и обтекаемые. От некоторых шло отчетливое ощущение братьев и сестер, остальные оставались немыми.

— Во, зрители… — пробормотал Кирис, оглядываясь. — Вуй… вай… как их там по-умному называют?

— Вуайеристы. Кир, парсы…

— Отключились, вестимо, — парень бросил безразличный взгляд на неподвижные тела микродронов. — Вдруг волютам захотелось бы ими поужинать, пока мы… физзарядкой развлекались? Кажется, Гатто что-то вякал, но как-то не до него было. А мы что, внутри кольчона? Фучи, посмотри своим ясновидением, что там вокруг? Волютам-то что нужно? Я ни на один летучий глаз настроиться не могу.

— Да фиг знает… — Девушка подняла ладонь и зажгла в ней светлячок, немедленно заискрившийся крохотными молниями. Между ближайшей группой волют пробежали причудливо изгибающиеся электрические разряды (в ночном мире выглядящие как сложные гладкие графики математических функций), а потом несколько молний хлестнули и по ней с Кирисом. Волюты обменялись несколькими яркими алыми сгустками шаровых молний, выпустив две штуки в Фуоко и одну — в Кириса. Потом вдруг вся окружающая яхту стая начала медленно подниматься вверх и в сторону, тая в окружающем тумане. Дождь явно усилился, заметно похолодало, и по коже Фуоко поползли крупные мурашки. Палуба под ногами качалась все сильнее, раскаты грома становились все чаще. Вспышки

молний скрывал туман, но глазом под повязкой Фуоко их видела отчетливо.

— Идем вниз, Кир, — сказала она, подбирая бикини из шезлонга и прикидывая не стоит ли прихватить и неподвижных парсов. Нет, не стоит — уж больно тяжелые. Да ничего микродронам под дождем не сделается. — Я задрыгла. И есть хочется. Как думаешь, долго мы еще в море проболтаемся?

— Я так думаю, пока кольчон не свалит, — пожал тот плечами. — Ну, идем. Фучи, а прикинь, если бы паладары не потребовали нас на свою яхту пересадить, твои матросы сейчас обоссались бы. Еще бы и нас за борт выкинули, чтобы волют не приманивали.

— Не болтай, — Фуоко протопала по гладким доскам верхней палубы босыми ногами, пытаясь вспомнить, нет ли где на яхте полотенец: лезть за ними в чемодан далеко, а вытереться надо. Осторожно спустившись по узкой лесенке, она вышла в проход межу сиденьями — и остолбенела.

Огромная, не меньше трех метров в длину и полутора в диаметре, волюта индифферентно висела под потолком посреди салона. Ее верхняя часть уходила в потолок, багровый огонь в центре не горел. Фуоко сконцентрировалась на ней в ночном мире — и не увидела ничего. В месте, где предположительно находилась гостья, заканчивалась оранжевая струна, уходившая куда-то в невидимую даль и терявшаяся в общей геометрической мешанине, но тем все и ограничивалась.

— Ого! — сказал Кирис, спускаясь следом и протискиваясь мимо. — Все по домам, а эта что, заблудилась? Эй, ты, вали отсюда!

Волюта не отреагировала ни на слова, ни на последующий тычок кулаком, отвешенный Кирисом в прыжке.

— Не, ну я не понял! — удивленно проговорил парень. — Самая крутая, что ли? Фучи, ну-ка, я ее сейчас мозговой волной шибану…

— Я тебе шибану! — Фуоко ухватила его за плечо. — Сдурел? Яхту ненароком потопишь — и что, вплавь к Хёнкону? Спасибочки, я туда хоть раз нормально добраться хочу, а не внутри боэй после катастрофы. Ну, висит и висит. Жалко, что ли? Никого же нет, кроме нас.

— Ну, как скажешь… — слегка разочарованно согласился тот. — Слушай, ты здесь полотенца не видела?

— Не-а. Думала уже. Только в чемоданах искать. Да ладно, так обсохнем.

Снаружи порыв ветра хлестнул по стеклам потоком крупных капель. Яхту снова качнуло. Серый туман быстро рассеивался и

таял, сквозь него проступало штормящее море. Фуоко с ногами забралась на сиденье, съежилась и принялась глядеть на дождь. Кирис пристроился рядом и осторожно обнял ее. Девушка откинулась к нему на грудь, ощущая тепло тела и биение сердца. Хорошо…

Легкая дрожь пронизала корпус яхты, загудела лебедка на корме, выбирая плавучий якорь, потом заработал мотор. Яхта закачалась, разворачиваясь, легла на прежний курс и заскользила по волнам. Тут же ожил экран в передней части салона.

— Дэй Сэйторий, дэйя Винтаре, как вы себя чувствуете? — осведомился с экрана Дзии в мужском обличье.

— Мы в норме, — проинформировала Фуоко. — Только промокли и замерзли немного. А что случилось? Откуда кольчон взялся?

— Спутники зафиксировали восемь кольчонов на поверхности Паллы, включая один над Хёнконом и один над вашей яхтой. В Университете пострадавших нет, насчет остальных городов данных пока не поступало. Ваше прибытие в Хёнкон ожидается через двадцать три минуты, и я рекомендую приготовиться к высадке. Процедура обычная: таможенный контроль, медицинское обследование и так далее.

— Погодите, как — таможенный контроль? — переспросила Фуоко. — Нам же обещали, что на дальний остров высадят! И зачем обследование, если вы и так за нами следили всю дорогу?

— Процедура одна для всех, — невозмутимо откликнулся Дзии. — Вдруг вам наркотики или мину с часовым механизмом подбросили по дороге? Насчет лаборатории разговаривайте с ректором, данный вопрос на ее личном контроле. Однако должен напомнить, что дэй Сэйторий занимается по прежней стандартной программе, так что б***о***льшую часть времени ему все равно придется проводить на Колуне. Вам, дэйя Винтаре, проще благодаря индивидуальной программе, но и вас от регулярных свиданий с куратором и занятий физкультурой никто не освобождает. Да и назначенным научным руководителям вряд ли понравится постоянно тратить время на дальние поездки. Комнаты в общежитии за вами сохранены, и я предполагаю, что пользоваться ими придется часто. Сегодня — уж точно. Кроме того, вас встречают.

Фуоко надулась. Она-то думала, что можно сразу начинать долгожданные эксперименты с таинственными силами, а оказывается, что придется на Колуне торчать!

— Кто встречает-то? — спросил Кирис.

— Увидите. Пока что напоминаю о близкой высадке и рекомендую привести себя в такой вид, в каком не постесняетесь

показаться людям. Двадцать одна минута до прибытия. Ожидаю вас в пункте медицинского контроля. Да, и постарайтесь свести к минимуму общение с волютой в салоне. Не похоже, что она агрессивна, но лучше не рисковать.

Экран погас, и на нем появились карта с курсом и цифры таймера, отсчитывающего время до прибытия. От трапа раздался дробный топот лап. Оба парса спустились с верхней палубы, запрыгнули на ближайшие сиденья и дружно отряхнулись, забрызгав Кириса с Фуоко тучей мелких капелек.

— Ну вот, блин, только подсыхать начали! — недовольно сказал Кирис. — Слышь, шестиноги, вы чисто конкретно оборзели. Наверху обсушиться не могли?

— Наверху мокро, — Гатто ухмыльнулся во всю пасть. — Водные процедуры полезны. Мрр-мя!

Снаружи с удвоенной силой загрохотало, качка чувствовалась все сильнее. Быстро сгущалась темнота: основной грозовой фронт приближался к побережью. В салоне вспыхнули и неярко затлели лампы. Одна из них оказалась внутри волюты и светила сквозь нее — вопреки ожиданиям, не серым, а синевато-фиолетовым светом. Фуоко еще раз попыталась разглядеть что-нибудь связанное с ней в ночном мире, но опять неудачно. Необычно прямая оранжевая струна по-прежнему терялась в переливающейся дали.

— Кир, — задумчиво сказала девушка, — а ты не думаешь, что Дзии как-то странно на волюту отреагировал? Мы ведь прямо в Хёнкон идем. Вдруг она там на кого-нибудь нападет?

— Фучи, ты балда, — вздохнул парень. — Тебе же сказали: над Колуном только что кольчон висел. И наверняка с волютами в компании. Волютой больше, волютой меньше…

Он ущипнул ее за сосок, и Фуоко тихо взвизгнула, в отместку врезав ему локтем по ребрам.

— Одеваться пора, — сказала она. — Или нагишом разгуливать собрался?

— На кой одеваться? — удивился тот. — Дзии же сказал, что обследование нам устроит по полной программе. Значит, все равно раздеваться придется. И потом, с яхты все равно сразу в помещение не попасть, там метров десять открытого пространства — на кой одежду мочить? Да и в общагу на дроне поедем, на улицах все равно никого.

— Нас встречают, забыл?

— Ну, значит, оденешься после осмотра, стеснительная ты наша, — Кирис ткнул Фуоко пальцем в талию, и когда та дернулась от щекотки, выскользнул из-под нее. Девушка потеряла равновесие и упала спиной на сиденье.

— Справился, да? — обиженно осведомилась она, глядя на друга снизу вверх. — Если не одеваться, ты куда ломанулся? Мы же еще не приехали. Вон, больше десяти минут осталось.

— Чемоданы к выходу подтащить надо. И вообще…

Кирис встал ногами на сиденье, так что его голова оказалась в нескольких сунах от волюты, и задумчиво потыкал ее пальцем. Тихо щелкнуло, в энергоплазму ушел и бесследно пропал небольшой электроразряд. Потом у Фуоко словно что-то лопнуло внутри, и волюта бесследно пропала.

— Вот так! — довольно сказал парень. — И нефиг тут всяким без билета ездить.

— Дзи же сказал не экспериментировать! — Фуоко тоже поднялась с сиденья и провела ладонью по коже. Все еще влажная. Действительно, прав Кир: и на пирсе промокнешь, и одежду на мокрое тело надевать неприятно, и полотенца искать неохота. — А если бы опять устроил как тогда, под Оокием?

Название города отозвалось в желудке неприятным ёканьем.

— Ну, не устроил же… — Кирис спрыгнул на качающийся пол. — Ты ничего не почувствовала?

— Что-то странное внутри. Как током дернуло. Но, в общем, ничего особенного. Ты что сделал?

— Да вспомнил, как в прошлый раз волют из Хёнкона вышвырнул, ну и… попытался воспроизвести. Получилось, похоже.

— Доиграешься. Ладно, потащили чемоданы. Еще купальник прибрать нужно…

Причалившую к пирсу яхту под ударами разбушевавшегося ветра качало так, что Фуоко всерьез забеспокоилась о спуске на берег — по скользкому трапу, да еще и с двумя чемоданами… Однако заниматься эквилибристикой не пришлось: два транспортных дрона взлетели по трапу прямо в салон, и девушка даже охнуть не успела, как оказалась внутри теплой темноты. Ее уронило на спину и куда-то повлекло.

— Дэйя Винтаре, — раздался в ушах мелодичный голос Райники, — не беспокойтесь, все в порядке. И-за неблагоприятных погодных условий применена процедура безопасной эвакуации пассажиров с водного транспорта. Сейчас дрон вас выпустит в помещении контрольного пункта. Ваши вещи получите после завершения медосмотра… приготовьтесь к высадке.

Ее дернуло, закрутило, и внезапно она обнаружила, что сидит в небольшой комнате на медицинской капсуле, растерянно хлопая свободным глазом. За окном бушевала сплошная стена ливня, то и дело озаряемая вспышками молний. Приглушенно

грохотал гром. Впрочем, оглядеться толком ей не дали. Не успела еще серая туша дрона выскользнуть за дверь, как поверхность капсулы просела. Фуоко опрокинулась на спину и тут же с головой утонула в псевдовеществе.

— Дэйя Винтаре, — прозвучал в темноте мужской голос Дзии, — я воспользуюсь случаем и проведу перевязку вашей головы и поврежденного глаза. Я обработаю веко медикаментами, может слегка пощипать. В остальном расслабьтесь и отдохните. Примерное время процедуры — три минуты.

Окутывающее псевдовещество облегало и слегка пульсировало, приятно массируя кожу с головы до пяток. Голову слегка подергивало из стороны в сторону, когда Дзии удалял старые бинты и возился со шрамами. Интересно, как она выглядит без обмоток? Обритые в Барне волосы уже слегка отросли, и открытая часть черепа выглядела уже не так страшно, как вначале. Однако шрамы, оставшиеся от взрыва гранаты и операций, Фуоко не видела еще ни разу. Что же у нее все-таки с лицом? Дзии категорически отказывался демонстрировать ей хотя бы фотографии, не говоря уже про видео, рассуждая про бессмысленную моральную травму, которую молодая красивая девушка (льстец!) может получить от вида преходящего состояния. Но ведь не может же она ходить в бинтах вечно! На голове отца, теперь постоянно обритой после трепанации черепа, шрамы выделялись несколькими яркими красными линиями — наверное, у нее получится то же самое. Но волосы можно отрастить снова, а вот что же у нее с лицом? Врачи в Барне один раз проговорились насчет извлеченного из височной кости осколка гранаты, но потом дружно заткнулись и лишь делали загадочные лица.

И вот ведь еще проблема: краситься или нет? Хотя брови оставались черными, те волосы, что отрастали на голове справа, выглядели грязно-белыми. Похоже, после приключений на Могерате она все-таки поседела полностью. Остается одно из двух: либо сделать вид, что специально волосы выбеливает, либо выбрать себе другой цвет и краситься. А краситься лень…

Через какое-то время перевязка головы завершилась вместе с легкими толчками в районе левого глаза. Еще пару минут Дзии просил ее глубоко вдыхать, а потом долго выдыхать воздух, сплевывать и даже помочиться. Несколько раз она ощутила странные запахи, впрочем, тут же пропавшие. Но все плохое когда-то кончается, и неб наконец сжалился над ней. Фуоко всплыла на поверхность, моргая глазом от неожиданно яркого света. Судя по часам на стене, в капсуле она провела примерно тридцать минут.

— Я не нахожу у вас особых проблем со здоровьем, — проинформировал Дзии с настенного экрана. — Опасные инфекции отсутствуют, организм функционирует более-менее нормально — с учетом, разумеется, полученных травм. Заживление ран идет очень хорошо. Думаю, скоро я освобожу вас от бинтов полностью.

Фуоко провела рукой по свежей повязке на голове.

— Спасибо, — сказала она. — Всё?

— Всё. Дэй Сэйторий и ваши вещи уже находятся в зале ожидания. По возвращении в общежитие рекомендую отдых до завтрашнего утра, пусть даже вам не нужно подстраивать режим сна к новому часовому поясу. Ваша кровать адаптирована к новой ситуации, так что приятного пребывания в Университете, дэйя.

Экран погас. Бросив взгляд за окно, где по-прежнему бушевала поздняя летняя (точнее, здесь, в южном тропике, зимняя) гроза, Фуоко вышла в коридор и в замешательстве остановилась. Куда дальше-то? В прошлый раз спасательный дрон привез ее, бессознательную, прямо в больницу, и через пограничный пункт она не проходила. К счастью, она разглядела стрелку с надписью "Выход" на четырех языках. Пройдя по короткому коридору, она толкнула дверь и вышла в небольшой зал с рядами мягких диванов.

В тот момент, когда дверь щелкнула за ее спиной, закрываясь, девушка поняла, что склеротичная дура. На яхте она так и не оделась и сейчас оказалась совершенно голой перед небольшой компанией, больше подходящей для свободного пляжа, чем для зала прибытия.

Карина в своей взрослой маске и Дзара, мокрая сверху донизу, с лужицей у ног, сидели голышом на диване, и девочка что-то увлеченно рассказывала ректору, поглаживая примостившегося рядом енота — Мелиссу, как вспомнилось Фуоко. Шерсть микродрона-спутника влажно поблескивала. Рядом расположились трое других паладаров. Красавица Цукка и коренастая Яна, тоже без одежды, но в такой изощренной телесной раскраске, что походили, скорее, на ожившие статуи с выставки современного искусства, с двух сторон устроились по бокам голого Кириса, пунцового от смущения и прикрывающегося руками, и вели с ним свой разговор. Кирис, как с негодованием заметила Фуоко, не мог оторвать взгляд от высокой груди проректора по науке, а в струящихся от него надпороговых эмоциях явственно читалось сексуальное возбуждение. Ну ведь только что же трахались! Наконец, еще одна группа — высокий и могучий паладар по имени Саматта, пару раз виденный Фуоко в компании ректора, что-то обсуждал со смутно знакомым дядькой

— для разнообразия, похоже, обычным человеком. По крайней мере, если Саматта сидел такой же голый, как и остальные, то дядька носил строгий деловой костюм: черный, с белой рубашкой, синим галстуком и начищенными до блеска ботинками. Он старательно отводил глаза, пытаясь не смотреть на расположившихся напротив обнаженных паладарш, но получалось у него немногим лучше, чем у Кириса. Рядом расположилась Таня Каварова в легкомысленной мини-юбке и коротком топе, изредка вставлявшая слова в разговор. Взгляд дядьки, отцепляясь от паладарш, неизбежно натыкался на ее голые бедра и приклеивался к ним.

Все мужики — козлы похотливые!

Для полноты компании не хватало лишь сексуально озабоченной Майи и просто сумасшедшего Палека, и Фуоко даже подозрительно оглянулась по сторонам, выглядывая их затаившимися в каком-нибудь углу. Ну пусть только Палек появится! Она ему еще припомнит падение за борт! Но чокнутые инопланетяне, к ее облегчению, не обнаружились. Вот как вести себя перед полузнакомым дядькой? А, ну и ладно. Он, в конце концов, едва ли не единственный одетый в компании нудистов, вот пусть сам и смущается.

— Фучи вылезла из пробирки! — во всеуслышание объявила Зорра, развалившаяся на диване рядом с Цуккой. — Ловите, пока не сбежала!

— Дзии добрый, — поддержал Гатто. — Почти ничего не отрезал. А уши еще отрастут.

— Фучи, Фучи! — Дзара соскочила с дивана и подбежала вплотную. — Фучи, а я под дождем с Мелиссой бегала! В меня молнии не попадают, и Карина сказала, что можно! А ты с бандитами сражалась, да? Я тоже хочу! Мне дядя Саматта пообещал, что научит!

— Дза-тяма! — укоризненно сказала Карина, поднимаясь. — Где твои манеры? Тебя мама не учила сначала здороваться?

— Здравствуй, Фучи! — Дзара приосанилась и церемонно поклонилась. — Давно не виделись. Фучи, Фучи, а ты много бандитов убила? — тут же снова затарахтела она. — А когда мы начнем эксперименты проводить?..

— Дза, погоди! — растерянно отмахнулась Фуоко. — Э-э… Риса? А что тут… э-э…

— Торжественный комитет по встрече, — хихикнула Яна, сладко потягиваясь. — Или комитет по торжественной встрече, как тебе больше нравится. Кара, ты бы ввела нашу блистательную дэйю Фуоко в курс дела, пока она в обморок не упала.

— Фучи, смотри, смотри! — Дзара ухватила Фуоко за руку и

настойчиво потеребила. — А я вот как могу!

Девочка зажмурилась, стиснула кулаки, надула щеки — и над ее головой всклубился и свернулся спиралью клок серого тумана. Фуоко вздрогнула и машинально подняла руки в защитном жесте. Краем глаза она уловила, как резко поднялся Саматта, закрывая собой Таню и дядьку в костюме, но остальные и глазом не повели. Впрочем, девушка тут же осознала, что волюта не светится багровым, а следовательно, выстрелить не сможет. Сверх того, от нее отчетливо тянуло братским любопытством, а в ночном мире она выглядела как небольшой бесформенный комочек синего пламени, висящий на конце тонкой бежевой нити, уходящей внутрь Дзары — строгого тетраэдра с шипами на гранях. Что-то новенькое. Раньше Фуоко никогда не видела, чтобы волюты имели какие-то связи с людьми. Не то, чтобы она имела очень уж много опыта — в конце концов, три с небольшим декады двойного зрения не такой уж великий срок, но все-таки…

А потом она заметила кое-что еще.

— Кир! — напряженно сказала она. — Встань, а? И сюда подойди. Дза, стой спокойно, не вертись.

Кирис с явным облегчением вскочил на ноги и приблизился.

— Что? — спросил он.

Девушка сконцентрировалась. Все верно. От Дзары к Кирису тянулись две фиолетовые нити, медленно извивающиеся в пространстве, словно водоросли в подводном течении — и такие же линии тянулись от Дзары к самой Фуоко. Вот так новости! Если они означают связь нервных систем, то, выходит, Дзара связана с ними обоими? Она вдруг вспомнила, как несколько декад назад в больнице впервые увидела проявления особых способностей девочки. Тогда та обменялась с Фуоко и Кирисом энергоплазменными сгустками без малейшего вреда для себя…

Вот только очередного усложнения ситуации ей не хватало! И… неужели ей тоже передаются сексуальные ощущения и сильные эмоции?

— Фучи, что-то не так? — встревоженно спросила Карина, приближаясь.

Так. Объяснения не сейчас. Уж точно не в присутствии незнакомого человека. Словно подтверждая, в густых сумерках на улице сверкнуло, оглушительно грохнуло, и ливень принялся лупить по окнам и крыше с удвоенной силой. Под напором ветра и потоков воды хлипкое здание начало содрогаться с такой силой, словно намеревалось вот-вот развалиться.

— Все нормально, — откликнулась Фуоко, присаживаясь перед девочкой на корточки. — Дза, никогда не зови волют, когда люди рядом, поняла? Никогда! Они для тебя не опасны, а вот

других и убить могут. Убери ее, быстро!

— Я же тихонько… — Дзара насупилась и принялась ковырять пол большим пальцем ноги. Волюта над ее головой утратила очертания и быстро растворилась в воздухе, хотя ощущение интереса, идущего непонятно откуда, осталось.

— Никаких "тихонько"! — назидательно заявила Фуоко. — Я так же умею, а ты хоть раз видела? Нет. А все потому, что при людях нельзя.

— А где можно? — Дзара оживилась. — А дома?

— Нигде!..

— Фучи, — перебила Карина, — извини, но Дзара — часть тех проблем, которые мы хотели бы обсудить. Не сейчас, конечно, она здесь случайно, но обязательно обсудить. Дза, Фучи правильно говорит, что нельзя при людях. А вот где можно, я потом расскажу, ладно?

— Ла-адно… — разочарованно протянула девочка. — А когда?

— На днях. Дза, беги домой, тебя наверняка мама потеряла.

— Ой! — Дзара даже подскочила на месте. — Ой, я же ненадолго отпросилась под дождиком побегать! Ой, я же еще домашку не делала! Мама рассердится! Лиска, домой!

Девочка в сопровождении енотихи выскочила на улицу через раздвижные двери и немедленно пропала за завесой ураганного ливня.

— Там же гроза… — с запозданием скала Фуоко. — Дождь, молнии… Там по дорогам сейчас потоки воды! И Сатокана, наверное, волнуется.

— Сатокана уже звонила в службу охраны, ее проинформировали. На улице Мелисса присмотрит, — Риса пожала плечами. — В случае чего время прибытия боэй — не более полуминуты. А если простынет или поскользнется и ногу подвернет, сама виновата — пусть в следующий раз головой думает. В конце концов, ребенок опыт на собственных шишках набирает, чаще всего буквально, и защищать детей в Хёнконе от правды жизни мы не намерены. Что же до молний… Ребята, в курс дела я вас позже введу, чтобы господина Прегина не задерживать, но если коротко, то к электричеству она теперь восприимчива не более, чем вы оба. А теперь позвольте вас представить господину Прегину Карелу Анатольевичу.

Она отступила в сторону (как несколькими секундами раньше поступил и Саматта, открывая полузнакомого дядьку и Таню).

— Фуоко, с сегодняшнего дня Карел Анатольевич является одним из двух твоих научных руководителей.

И тут девушка его вспомнила. Ну конечно, тот злополучный семинар, где ее чуть не побил злобный ставрийский академик, а этот дядька задавал странные вопросы!

— Очень приятно, дэйя Винтаре, — ставриец неловко поднялся и поклонился. — Наши отчества для иностранцев сложны, так что меня можно звать просто Карел. Дэй Сэйторий, вашим руководителем я не являюсь, но все равно нам придется работать вместе. Очень приятно познакомиться и с вами тоже. Я доктор биологических наук, специализируюсь на нейрофизиологии человека. Второй научный руководитель дэйи Винтаре, дэй Рандольфо Глостине, специалист по физике, сейчас занят, у него лекция. Но он просил передать вам обоим наилучшие пожелания.

Его кваре казался почти идеальным, легкий ставрийский акцент прорезался лишь иногда. Смотреть он старался куда-то поверх головы девушки. Тьфу. Все-таки неловко как-то вышло. Знала бы она, что сегодня встретится с научным руководителем, так оделась бы. А то башка в бинтах, а сама голая — со стороны, наверное, то еще зрелище!

Фуоко поклонилась.

— Очень приятно познакомиться, Карел Анатоли-е-витч, — ответила она на камиссе, с трудом, но все-таки выговорив отчество. — Здравствуй, Таня.

— Привет! — на кваре ответила куратор, закидывая ногу на ногу и насмешливо разглядывая свою подопечную. — Я смотрю, у тебя каникулы вышли долгие и экстремальные! Между прочим, ты осознаешь, насколько из графика выбилась? Ничего, мы с Карелом Анатольевичем нагнать поможем!

— Точно, — добавила проректор по науке. — Имейте в виду, дэйя Винтаре, что ваша индивидуальная программа обучения пересмотрена. Спать вам больше не требуется, так что учиться сможете быстрее.

— Я и сама хотела попросить программу изменить. Господин Карел Анатольевич, мне нужно отвезти вещи в общежитие и… э-э, переодеться. Где мы сможем встретиться сегодня?

— Просто Карел, юная дэйя, — дядька погрозил ей пальцем. — И не надо на меня смотреть как на глубокого старика с высоты своих пятнадцати юных лет. Только сегодня, боюсь, поговорить не получится. Я хотел всего лишь познакомиться. Поскольку из-за… неожиданных обстоятельств ваше прибытие задержалось, я уже опаздываю на семинар.

Он озабоченно взглянул на наручные часы.

— Жаль, что встреча получилась скомканной, но кольчонам наше расписание неинтересно. Я думаю, мы назначим встречу на

четверых завтра — вы, я, Таня Владимировна и дэй Глостине. Там мы подробно обсудим новую программу обучения и экспериментов. А пока что позвольте вас покинуть.

Он коротко поклонился и подошел к дверям. Те раздвинулись, и под навесом перед ними немедленно материализовался транспортный дрон.

— Кстати, а что с кольчоном? — встревоженно спросила Фуоко. — С тем, который Хёнкон только что накрыл?

— Ничего страшного, — ответил Саматта, снова усаживаясь и устраивая свою руку на спинке диванчика позади Тани. Его кисть словно невзначай устроилась на ее обнаженном плече. Куратор бросила на него косой шаловливый взгляд, но потом почему-то посмотрела на Цукку и явно напряглась. — Он продержался минут пятнадцать, а потом растворился в воздухе. Многие занятия сорвал, в особенности в терминальных классах, но в остальном вреда не причинил. С остальными кольчонами над Кайтаром, Ставрией и несколькими странами Фисты та же история: наши дроны пока не получили никаких данных о жертвах.

— Мати! — с тяжелым вздохом сказала Цукка. — Во-первых, перестань флиртовать с госпожой Каваровой. Ты же видишь, она меня как официальной жены стесняется. Останетесь с глазу на глаза, тогда и клейся. Во-вторых, из-за кольчона не только у господина Прегина со временем проблемы, у меня тоже встреча вот-вот начнется. Так что давайте-ка я свою речь толкну и по делам отправлюсь.

— Ну, поскольку жена у меня тиран, а я с первых дней женитьбы подкаблучник, придется подчиниться, — Саматта широко ухмыльнулся и убрал руку.

Судя по взгляду, куратор впала в состояние легкого обалдения. Фуоко, впрочем, тоже: как так — жена указывает мужу, чтобы тот ухлестывал за посторонней женщиной наедине?

— Поговори мне тут! — пригрозила Цукка. — Еще раз такую ужасную клевету на меня возведешь — без ужина оставлю. И спать отправлю на диванчик в гостиную. Так, молодые люди!

Проректор по науке поднялась с дивана.

— От имени руководства Университета, то есть ректора и своего, а также от имени регента Стораса Медведя, снова приветствую вас в Хёнконе. От ваших парсов, а также в результате собственного расследования мы неплохо представляем себе события, случившиеся в Шансиме и ее окрестностях. Оставляя за рамками приключенческий аспект, а также долгосрочные последствия… юношеской порывистости и стечения обстоятельств, — она выразительно покосилась на бинты

Фуоко, — нам нужно серьезно обсудить ваши связи с Арасиномэ. Харлама и компанию мы с координатором до вас не допустим, они кого угодно до смерти заговорят, но со мной вам придется пообщаться как следует. Думаю, завтра или послезавтра, когда вы немного отойдете от путешествия, мы соберемся с вашими кураторами и научными руководителями и составим программу действий на ближайшие несколько декад. Некоторые личности, — на сей раз Цукка покосилась на Саматту, — окажутся чрезвычайно признательны вам, если вы воздержитесь от устройства в Хёнконе того же самого, что и в Оокие и прилегающих районах. Я имею в виду, господин Сэйторий, что точечную обработку местности пространственным деструктором и гравитационными аномалиями устраивать не обязательно, оставьте такие фокусы для полигона.

— Каким пространственным деструктором? — настороженно переспросил Кирис.

— Тем самым, что волюты обожают применять против наших дронов, — хмыкнул Саматта. — И тем самым, что вы разбомбили поля и армейские грузовики возле деревушки. Впрочем, Дзии сообщал, что вы мало что помните о тех событиях, так что потом сами посмотрите записи. Пока же просто воздержитесь от применения своих способностей за пределами специально отведенных областей. Любых активных способностей, имеется в виду.

— Я думаю, — тихо заметила Карина, — что данную тему обсуждать смысла нет. Кир и Фучи сами все прекрасно понимают.

— Верю, — Цукка пожала плечами. — Однако могучая троица меня живьем съест, если мы не зафиксируем документально какие-то проявления Арасиномэ, так что лучше всех предупредить заранее. Так…

Она задумалась.

— Ага. Информирую, молодые люди, что в силу исключительной важности вашего состояния я беру вас под личный контроль. У Кары времени на все не хватает, а я вроде бы разгребла дела за пределами Паллы и теперь присутствую здесь почти постоянно. Госпожа Каварова и господин Штиль по-прежнему остаются вашими кураторами в части воспитательной работы, но программу обучения теперь формирую я. Оба ваших научных руководителя, дэйя Винтаре, тоже отчитываются передо мной. Кроме того, через три-четыре декады у нас начинает действовать новый семинар, и в нем намерены принимать участие несколько десятков ученых из-за пределов Паллы. Принуждать вас никто не станет, но, на вашем месте, я бы активно подключилась к нему, несмотря даже на тотальное непонимание

поначалу. Вопросы есть? Вопросов нет. Если появятся, пишите письма, отвечу при первой возможности. Все, я исчезла.

Цукка подмигнула Кирису, и ее фигура тут же оплыла серой свечой. Амебообразная туша дрона скользнула по-над полом и исчезла за дверями в потоках дождя.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — задумчиво сообщил Саматта. — Дэй Сэйторий, не забывайте про наш разговор. Если решитесь, дайте знать.

И могучий паладар исчез в той же самой манере, что и проректор по науке. Таня вздохнула с явным облегчением.

— Госпожа Каварова, — на камиссе обратилась к ней Карина, — приношу извинения за Саматту. Он не имел в виду вас обидеть. Просто он довольно неуклюж с женщинами — знаете, тяжелая военная молодость в компании суровых мужчин, казарменный быт, все такое. Плюс наши правила хорошего тона сильно отличаются от ваших. Насколько я его знаю — а я знаю его очень хорошо — он всего лишь пытался польстить вашему женскому самолюбию.

— Нет-нет, я не обиделась, — поспешно заверила Таня. — Просто… э-э… госпожа Цукка…

— Не забивайте себе голову! — звонко засмеялась Карина. — Формально она его жена, да, но фактически у нас в обществе брак куда более свободен, чем на Палле. Это, скорее, экономический союз с целью рождения и воспитания детей, секс на стороне никак не ограничивается. А у паладаров брак вообще фикция чистой воды. Однако во времена молодости Мати отношения были куда менее свободными, так что он довольно застенчив с прекрасным полом, да и служебным положением боится злоупотребить. Если вам вдруг взбредет в голову… м-м, увлечься Мати, Цу даже сама пнет его в вашу сторону, по своей инициативе он точно не решится. Будьте уверены, ни о какой ревности, тем более о мести речи даже не идет. Однако же еще раз приношу извинения за случившееся. Так, молодежь! — Карина снова переключилась на кваре. — С возвращением вас еще раз. Ну как, желание учиться еще не пропало? Или, может, войны с бандитами вас теперь больше привлекают? Так могу зачислить вас в штат адмирала Мариси.

— Ха, еще чего! — Фуоко ухмыльнулась настолько высокомерно, насколько позволяла повязка. — Я, пока дома сидела, анатомический атлас целиком выучила. И эсперанто занималась, Дзии мне терминал из дрона делал. Все равно же ночами делать нечего.

— С Киром под боком — и нечего? — Карина подмигнула, и Фуоко почувствовала, что краснеет. Конечно, парсы твердо

заявили, что никаких записей не ведут, но сам факт наверняка фиксируют, хотя бы для Дзии. А Дзии вполне может делать сводки для ректора.

Или Карина сама об всем догадывается?

— Ну, Кир, а как у тебя настроение? — весело осведомилась ректор. — После приключений?

— Я как всегда, — угрюмо ответил парень. — Я же сказал — хочу Хёнкон отстроить. Я не Фучи, мне дрыхнуть надо, но я тоже учился. И тригонометрию учил, и физику, и химию. И на ваши эксперименты согласен.

— Я знаю, Кир, про учебу, — серьезно ответила Карина. — Ты молодец. Вы с Фучи оба молодчины, и я ужасна рада, что вы вернулись. Фучи, жаль, что твоя призовая поездка обернулась так печально, но, возможно, все к лучшему. По крайней мере, вы осознали, что мир — довольно жестокая штука, и стали чуть взрослее. А шрамы на коже — далеко не самая страшная плата за опыт, главное, чтобы на сердце их не оставалось. Давайте, не печальтесь — вся жизнь впереди. А грозы как налетают, так и уходят в никуда.

Словно в подтверждение ее слов на улице загремело, но куда тише, чем раньше. Да и ливень, похоже, ослабевал.

— Риса, — неожиданно для себя сказала Фуоко, — а я с оябуном Анъями встречалась. Его зовут Мэй.

— Да, нам известно о ваших контактах.

— Риса, он мне предлагал закончить Университет и ехать к нему работать. Сказал, что найдет любое занятие, какое захочу. И кого угодно из Университета примет… Он ведь врал, да?

— Полагаю, он говорил вполне искренне, — Карина скривила уголок рта. — Он молод и амбициозен, а потому ухватится за любой проект, способный помочь ему возвыситься. Я знаю подобных людей куда ближе, чем хотелось бы. Пару десятилетий назад один такой бандит украл меня ради выкупа, а потом… ну, в общем, я убила его, а он убил меня. Я, правда, до конца не померла, но все равно нехорошо вышло. Понимаешь, Фучи, проблема иерархических кастовых обществ в том, что они не оставляют прирожденным лидерам-простолюдинам другого выбора, кроме как пойти в бандиты. В Кайтаре или Ставрии Мэй Лю Сянь сделал бы легальную карьеру — в государственном управлении или же в бизнесе, да даже на Фисте он бы сейчас диктаторствовал в какой-нибудь небольшой стране типа Трансгрии. Но на Могерате дорога для него лишь одна. Очень жаль, что такие незаурядные люди направляют свою энергию в неверное русло. Впрочем, будущее еще не определено, и в каких отношениях Университет окажется с "Коброй" в конечном итоге,

вопрос весьма интересный.

— Риса, он эйлахо. Как я. Как Кир…

— И как половина нынешнего населения Паллы, — Карина опять криво ухмыльнулась. — Ребята, за время вашего отсутствия обстановка радикально изменилась. Сегодня сосредотачиваться на ней не станем, но… В общем, эйлахо из отклонения быстро становятся нормой. Ладно, вам надо отдохнуть после дороги. Яни, ты что-то хотела сказать?

— Я? — удивилась коренастая паладарша. — Да я здесь просто за компанию. Вся наша семейка сюда ломанулась, а я что, звонкая? Удивительно, что Лики нет.

— Палек боится, — серьезно объяснила Таня. — Он со мной вчера связывался и просил передать, чтобы его не били ногами, когда он рискнет появиться в Университете. Он боится даже не столько вас, госпожа Карина — я правильно поняла, что вы его уже побили? — сколько Фуоко.

— И правильно боится, — одобрила Яна. — Путь думает в следующий раз перед тем, как людей за борт выбрасывать. Но раз уж я здесь, у меня небольшая просьба. Фуоко, помнишь Рикону Кэммэй? С которой полгода назад вы храбро сражались с волютами на набережной?

— Та, которая, вы говорили, у… — Фуоко осеклась. Не говорят о таких вещах вслух, по крайней мере, при других людях. Таня — хороший человек, но стоит ли ей знать?

— Девочка, которая умерла и сейчас проходит специальную реабилитацию, — невозмутимо подтвердила Яна. — Скоро она появился в Хёнконе. Решено, что какое-то время она станет здесь учиться. Не стоит о ней особо говорить с людьми, она сама решит, что следует рассказывать. Но не могла бы ты приглядеть за ней поначалу? Она из другого мира, здесь ей все незнакомо и необычно. Вы уже встречались и общий боевой опыт имеете, так что вам легче сойтись. Хм… судя по твоему лицу, что-то не так?

— Ну… — Фуоко набрала воздуха в грудь. — Риса… Карина… я имею в виду, госпожа ректор…

— Стоп! — Карина подняла ладонь. — Фучи, с чего вдруг такие формальности?

— Мы же говорили о дальнем острове! Зачем нас привезли на материк? Мы же с Киром опасны! На нас волюты слетаются, как мухи…

— Фучи! — ректор недовольно поморщилась. — Менее часа назад Хёнкон накрыл кольчон — без твоей помощи, смею заметить. И волюты вокруг роились тысячами — точнее, мы насчитали не менее двенадцати тысяч, но внутри кольчона их сложно различать, так что общее количество наверняка больше.

Сомневаюсь, что ты сможешь ухудшить ситуацию. В качестве полигона для экспериментов вам отведен островок, называющийся Пинчау — небольшая голая скала в двенадцати цулах от побережья. Укрытие от непогоды там сейчас оборудуется, аппаратура для наблюдения монтируется, но постоянно находиться там невозможно. Живете вы по-прежнему в своем общежитии, для малых экспериментов продолжаете использовать бункер на Ланте, для серьезных — Пинчау. Ни о каком отшельничестве речи даже не идет. Если возникнут реальные проблемы, обдумаем вопрос снова, но пока что тема закрыта.

Фуоко тяжело вздохнула.

— А если кто-нибудь погибнет? — спросила она тихо.

— Тогда оторвем виновнице голову и насадим на кол возле королевского дворца в назидание остальным! — фыркнула Яна. — Все, тема закрыта. Я правильно понимаю, что насчет Риконы у тебя сомнения возникли, поскольку ты намеревалась от людей себя изолировать?

— Ну… да.

— В таком случае расслабься. Для Риконы отведена пустовавшая комната на четвертом этаже вашего корпуса, так что присмотри за ней, будь любезна, хотя бы на первых порах, пока не освоится. Договорились?

Фуоко молча кивнула, чувствуя, как возвращается нервное напряжение. Она-то думала, что перестанет угрожать окружающим…

— Кстати, а что с волютами? — осведомился Кирис. — Зацепили кого-то?

— Нет, — качнула головой Карина. — Как всегда в последние декады, ничего особенного не произошло. Они продемонстрировали особое внимание к некоторым людям, но ничего хуже временной потери сознания не случилось. Необычно лишь, что ваша яхта оказалась накрыта еще одним кольчоном, причем второго типа, примерно пять цул высотой. Два кольчона, да еще и разного типа, рядом друг с другом — весьма необычное явление, за всю историю после Первого Удара не зафиксированное ни разу. Произошло что-нибудь существенное, когда парсы и Райника отключались?

— Да фигня, — Кирис пожал плечами. — Мы с Фучи… ну, дурью маялись, потом появилась небольшая стая, в нас молниями постреляла и исчезла.

— Понятно. Ну что же, тогда мы с Яной больше вас не держим, — Карина снова переключилась на камиссу. — Если госпожа Каварова не хочет обсудить другие срочные вопросы…

— Да я, в общем, только поздороваться пришла, — улыбнулась Таня, поднимаясь. — Меня Дзии пугал, что Фуоко едва ли не при смерти, еле ноги переставляет и вообще без сознания лежит все время. Но раз все в порядке, то поблажек наша авантюристка может не ожидать. Фучи, завтра в полдень свяжись со мной. Кирис, Павел тоже с тобой встретится завтра утром, чтобы обсудить дальнейшие планы.

Куратор посмотрела в окно.

— Дождь, кажется, успокаивается. Однако я все равно лучше на транспорте. Райника! — громко сказала она в пространство. — Подай, пожалуйста, дрона ко входу.

— Дрон уже ожидает, — ответил бесплотный женский голос. — Просто выйдите под внешний навес, госпожа Каварова.

— Спасибо. Ну, ребята, до завтра.

И Таня пропала в сумерках за дверью. Гроза уже почти прошла, но на улице не светлело: тучи не расходились, дождь не унимался, да еще и сгущался вечер.

— Всего хорошего, ребята, — ректор кивнула, и два потерявших форму дрона скрылись снаружи.

— Ну и встречу забацали, — пробурчал Кирис. — И я перед всеми без трусов… Дзии, зараза, мог бы и предупредить.

— Кир, как думаешь, у паладарских небиологических интеллектов есть чувство юмора? — задумчиво спросила Фуоко, подходя к чемоданам, составленным в углу зала. — Может, он пошутил так?

— Вон у той парочки, — Кир кивнул на растянувшихся на диванах парсов, — оно точно есть. Только дурное какое-то, совсем как у Палека. Может, и Дзии себе что-то похожее отрастил. С кем поведешься, типа. Ну что, в общагу? Зовем Райнику?

— А может, прогуляемся под дождиком? Чемоданы на дроне отправим, а сами пешочком. Близко ведь.

— Сдурела? — саркастически осведомился Кирис. — Ты как хочешь, а мне душа в комнате хватает. Ты про бинты, кстати, не забыла? Походишь в мокрых, схватишь воспаление мозгов, и что? Да и вообще, чего вдруг на тебя наехало?

— Дзару вспомнила, — криво ухмыльнулась Фуоко. — Ей, похоже, нравится. Ох…

— Что опять?

— Кир, у Дзары с нами связь. Я ее вижу. Не такая сильная, как между мной и тобой, но все равно заметная.

— Ну и что? — Кирис пожал плечами. — Ты же рассказывала, что кучу разных ниточек видишь, и от себя, и от меня. И все куда-то вдаль тянутся — может, к Красной Звезде, а может, и к другим

людям. Забей и забудь. У тебя теперь аж два научных руководителя, даже если про координатора, Рису и проректора забыть. Вот с ними обсуждай, а меня не грузи. И вообще, я жрать хочу. И башка гудит. Это ты у нас Неспящая Принцесса, а на меня часовые пояса плохо действуют. Давай, двинулись в общагу, там закажем что-нибудь с доставкой. Райника! Алё, ты нас слышишь?

— Я слышу, дэй Сэйторий, — отозвалась диспетчер. — Транспортный дрон ожидает снаружи под навесом, оплата разделена поровну с дэйей Винтаре. Приятной поездки.

В общежитии Фуоко гордо отказалась от помощи Кира при затаскивании чемоданов на второй этаж. Нервно оглядываясь по сторонам — вдруг кто-то именно сейчас выйдет в коридор и увидит их голыми? — она проволокла пожитки к своей комнате и с чувством глубокого облегчения закрыла за собой дверь. Знакомая скудная обстановка: шкаф с ростовым зеркалом, кровать, аккуратно застеленная свежим бельем, стол с терминалом и пара стульев. Бедненько, если не сказать по-нищенски. Не сравнить даже с комнатами прислуги в их фамильном барнском особняке. Меньше четырех декад прошло с того момента, как она в смертельной тоске вышла отсюда, чтобы отправиться на дурацкую экскурсию в Шансиму. Сколько же всего случилось с тех пор… Девушка подошла к зеркалу (ну наконец-то!) и критически осмотрела себя. Худоба тела явно бросалась в глаза, а обритая голова, наполовину скрытая бинтами, выглядела ужасно. Белая ткань резко выделялась на фоне загара, не успевшего сойти за несколько декад пребывания в Барне. Побыстрее бы Дзии избавил ее от повязки! Нужно восстанавливать физическую форму, и следует проконсультироваться насчет правильного питания. Лишний вес плох, но и торчащие ребра и тазовые кости шарма не добавляют.

Так, первым делом под душ. Потом разобрать чемоданы, распихать самое нужное в шкаф, остальное пока оставить так. Ну, и отдохнуть немного не помешает. Потом, прав Кир, надо заказать что-нибудь поесть с доставкой в общагу и немного передохнуть. Ну, а затем — затем впереди весь вечер и вся ночь. Можно заняться чем-нибудь полезным или просто почитать книгу.

Кстати, совсем забыла спросить — а что там Саматта предлагал Кирису?

04.28.1232. Хёнкон

— Ветер справа. Аккуратнее, а то с полосы снесет.

Кирис молча кивнул, напряженно переводя взгляд между альтиметром и посадочной полосой, стремительно несущейся навстречу. Десять метров… пять… три… Вот самолет коснулся колесами полосы — сильная дрожь пронизала легкий корпус "уминэко" — и, спружинив амортизаторами, снова подскочил в воздух на несколько метров. Парень чуть сбавил обороты двигателя, слегка прижал правую педаль, чтобы компенсировать снос, и снова отдал ручку от себя. Самолет припал к полосе, корпус снова завибрировал, и Кирис быстро сбросил обороты двигателя. Внезапно мотор чихнул и заглох, и полоса побежала навстречу почти бесшумно. Полсотни метров спустя самолет наконец-то остановился и замер.

— Не так плохо для первой посадки, — Труда Баркхорн хлопнула его по плечу. — Полагаю, с тренажером ты освоился. Еще немного, и я, глядишь, тебя до настоящего самолета допущу.

Инструктор протянула руку к пульту и нажала кнопку сброса программы. Изображение на "лобовом стекле" и в "боковых окнах" мигнуло, и тренажер оказался стоящим в начале взлетной полосы. Кирис вздохнул.

— Какой еще самолет… — вяло откликнулся он. — Нас с Фучи из Барны даже пассажирами в воздух поднять не рискнули, на яхте ее папаши через океан везли. Волюты в любой момент могут стаей явиться. Или гравитация вокруг опять с ума сойдет. Или энергоплазма из тела полезет. Помнишь же, чем кончилось в прошлый раз над Лантой. Спасибо хоть, к симулятору пускают.

— Ох, Кир, тяжелая же у тебя жизнь! — засмеялась летчица. — То с Фуоко своей рассоришься насмерть, то аномальные явления из тебя так и хлещут! Ты бы расслабился немного, что ли. Кстати, вы как с ней, помирились?

Кирис молча кивнул.

— Вот и ладно. А то в прошлый раз на тебе лица не было. Строго по секрету: паладары разрабатывают модуль дистанционного управления "уминеко". Деталей не знаю, но если все получится, то настоящую машину в воздух ты еще поднимешь, пусть даже и не сидя в кабине. Ну, все, топай. Занятие окончено, там следующий ждет. Дома продолжай отрабатывать за терминалом посадку, я тебя до конца жизни на полосу наводить не собираюсь.

— Спасибо, — буркнул парень, отстегивая ремень и спрыгивая на пол ангара. Он махнул рукой Труде, чуть

поколебавшись, кивнул незнакомому черноволосому парню, терпеливо ожидающему своей очереди у терминала неподалеку, и зашагал к выходу, пытаясь сконцентрироваться на своих ощущениях.

Ничего особенного. От Фучи по незримому эмоциональному каналу шла лишь напряженная сосредоточенность. Все верно: сейчас она сдает тест по органической химии, в ее индивидуальном расписании стоявший еще две декады назад. Или уже закончила? Пора бы по времени… Похоже, она всерьез решила за ближайшую декаду наверстать отчетность за почти четыре предыдущих. Можно ли ей так интенсивно учиться с травмированной головой? Дзии ничего внятно не говорит, но факт остается фактом: у Фучи серьезные проблемы с черепушкой. За прошедшее время Кирис почти привык к ее постоянно забинтованной голове, и Дзии твердо обещал, что лицо восстановится практически полностью. Но кровавое месиво на месте ее левого глаза и виска, оставшееся после взрыва гранаты, постоянно всплывало перед внутренним взором. Кирис тщательно давил непрошенные ужас и отвращение, сопровождающие воспоминание, чтобы Фучи случайно не почувствовала их и не восприняла на счет своего "уродства", как она иногда в сердцах называла повязку. Однако мысль о том, что может оказаться под бинтами, заставляло желудок сжиматься в плотный холодный комок. Видел он, как выглядят люди с выбитыми глазами…

Плевать на свои чувства. В ужасной травме Фучи виноват лишь он. Из-за него она осталась одна в чужом городе и попала к бандитам. Если бы не его дурацкая обида… Он виноват, и даже если под бинтами обнаружатся уродливые шрамы, больше Кирис никогда не оставит подругу одну. Мужем, любовником, слугой, охранником, хоть как, но не оставит. Прав Масарик Медведь, иногда нужно наступать на горло собственной гордости.

"Кир!"

Кирис вздрогнул и замер на месте, оглядываясь по сторонам. До завершения ремонта аэродрома тренажер располагался в ангаре на окраине грузового порта, и в полуденный час вокруг не наблюдалось ни одного человека. Лишь унылые гофрированные стены складов закрывали окрестности, да еще жирафьи шеи портовых кранов торчали из-за крыш.

— Га, ты слышал? — озадаченно осведомился он у парса, замершего рядом и вопросительно смотрящего на хозяина. — Фучи меня звала?

— Галлюцинации! — отрезал тот. — Перезанимался. Ляг в кроватку и поспи. Вечер — паникер, утро — утешитель.

— Я тебе дам "перезанимался"! — Кирис показал ему

кулак. — Щас сяду сверху, узнаешь!

— Напугал ежа… — Гатто вдруг осекся и замолчал.

"Кир!"

На сей раз Кирис успел почувствовать, что звук идет не извне, через уши, а… изнутри? И даже не звук, а словно послевкусие, остающееся после сладкого ароматного мороженого. Не слово, а воспоминание о слове. Он что, глюки ловит средь бела дня?

— Фуоко хочет поговорить, — проинформировал Гатто. — Включить прямую связь?

— Валяй, — согласился Кирис, все еще раздумывая над странным ощущением. Парс плюхнулся на брюхо, вытянулся и замер, слегка приоткрыв пасть.

— Кир! — раздался в окружающей тишине голос Фуоко, транслируемый Зоррой через Гатто. — Привет! Ты где?

— У летного тренажера. Ты же тест сдаешь?

— Уже. Девяносто три. Две ошибки сделала, х-ходер! Главное, обе по невнимательности. Кир, ты сейчас ничего странного не чувствовал?

— Типа?

— Типа что я тебя зову?

— Ну, слышал, вообще-то. Вернее, чувствовал. А ты что делала?

— Секрет, — девушка хихикнула. — Догадайся с трех раз!

— Да ну тебя! — недовольно откликнулся парень. — Фучи, у меня через полчаса три занятия подряд, потом тренировка по ринье, а я голодный как лошадь. Если хочешь секретничать, терпи до вечера. Либо прямо сейчас говори.

— И он меня занудой называет! — Фуоко возмущенно фыркнула. — Я тебя звать пыталась по нашему каналу. Ты что чувствовал?

— Что по имени кличешь. Радуйся, получилось. Только слушай, Фучи, у меня реально желудок сводит. Что дозвалась — круто, типа, вечером расскажешь, но сейчас не до того.

— Ладно, обжора, топай и жри. У меня через десять минут встреча с ставрийским научным руководителем, так что тоже времени нет. Кстати, пойдешь на тренировку — предупреди Джорджио, что я из-за травмы головы минимум шесть декад появиться не смогу, да и дальше не факт, что Дзии разрешит. Все, пока-пока.

Гатто ожил, вскочил на лапы и отряхнулся. Кирис задумчиво посмотрел на него. А что, в принципе? Если можно передавать эмоции, почему нельзя слова? На всякий случай он прислушался к ноте Фуоко внутри головы и прикинул направление. Вроде бы она именно там, где и положено — звук шел со стороны

подготовительного колледжа. Все в порядке, канал действует.

— Га, свяжись с Райникой, а? — попросил он. — Пусть дрона пришлет.

— Наценка за нестандартное расположение? — деловито поинтересовался спутник. — Кирис бедный, на обед не хватит.

— Тебя слопаю! — цыкнул Кирис. — Зови давай. Помню про наценку…

Он машинально поправил идентификационный браслет. Кстати, нужно бы проверить, что там с личным счетом. Текущий пятидекадный период начался две декады назад, и, по идее, триста с лишним лемов у него есть. Может, завалиться в какой-нибудь шикарный ресторан вместе с Фучи? Правда, она опять наотрез откажется, чтобы он платил за обоих… Ладно, не суть.

Он неторопливо пошел между ангаров. Благодаря Гатто транспорт найдет его сам, так что спешить смысла нет. А пока есть время… Он закрыл глаза и сосредоточился на втором зрении. В последнее время оно повиновалось все лучше и лучше, и теперь он отчетливо ощущал металл вокруг себя. Гофрированные стены виднелись как в тумане, искаженные, словно чудовищными ударами, и картинка постоянно мерцала и менялась при движении. Потом вдруг мир перевернулся, и парень подавил непроизвольный приступ тошноты, когда невидимая камера вдруг показала ему город с высоты птичьего полета. Не Колун, вообще не Хёнкон — их Кирис видел столько раз, что уже научился отличать. Невысокие двух- и трехэтажные деревянные дома, покосившиеся электрические столбы, грунтовые дороги с лужами от моросящего дождя и густой темно-зеленый лиственный лес на окраине — куда его занесло? Кирис осторожно, чтобы не разорвать контакт, попробовал осмотреться. Небо затягивали низкие хмурые тучи, но второе зрение вдруг показало солнце, стоящее почти в зените. Примерно тот же часовой пояс, что и в Хёнконе, но на Могерат не походит. Смахивает на лето, значит, северное полушарие. Фиста? Непонятно. Он попытался опустить невидимый глаз пониже, чтобы разобрать надписи на магазинных вывесках, но связь тут же оборвалась, и он снова оказался в переулке между складами, почти утыкаясь носом в стену. Еще полшага, и он расквасил бы себе физиономию. Нет, надо завязывать с экспериментами на ходу, плохо кончится. Рухнешь еще в канаву, руки-ноги переломаешь…

Нос уловил запах озона, и Кирис глянул вниз, шепотом выругавшись. Ну конечно, мелкие молнии опять окружали искрящейся короной его торс, живот, бедра… Он поспешно сбросил шорты, пока те не сгорели дотла: негорючую одежду,

сварганенную в лабораториях фучиного папаши, он недолюбливал, и сегодня с утра надел обычные тонкие шорты. Хорошо хоть, футболку решил не надевать, ее бы точно спалило… Сердца начало бухать о ребра. Нет, точно, больше никаких экспериментов не только на ходу, но и вообще за пределами изолированной лаборатории. Между прочим, пора бы и смотаться на обещанный островок-полигон, протестировать на полную катушку текущее состояние. Наверное, можно вечером.

Молнии исчезать не собирались, и Кирис почувствовал нервную дрожь в пальцах, когда из-под кожи на животе и груди вдруг поползли серые струйки энергоплазмы. Потом серый туман скрыл окрестности — похоже, псевдовещество начало сочиться и из головы, окутывая лицо и блокируя обычное зрение. Плохо. Очень плохо. Вернуться к Труде, чтобы та опять придержала его своей странной способностью? Нет, не стоит ее дергать. В конце концов, она ему не нянька, всю жизнь не то что на полосу наводить, а и сопли утирать не станет. Он снова закрыл глаза, для надежности уперся ладонями в стену и принялся глубоко размеренно дышать, успокаивая колотящееся сердце. Второе зрение показало ему руки и туловище словно обернутыми блестящей фиолетовой пленкой. Пленка сворачивалась в гладкие трубки, превращая его тело в какую-то странную детскую игрушку, от которой в разные стороны тянулись разноцветные нити, исчезая в мутной дали. Ночной мир не показывался. Наверное, если сосредоточиться сильнее, можно увидеть и его, но пока не до того.

Вдруг пришло чувство братвы, наблюдающей за ним издалека. Фуоко упоминала, что чувствует словно бы братьев и сестер, где-то там играющих и бесящихся от души, но Кирис никогда не воспринимал ничего похожего. После первой галлюцинации про сросшихся пушистиков в Оокие чувство постороннего внимания возвращалось едва ли не через день. Иногда казалось, что за ним наблюдает кто-то старший и добродушный, похлопывающий по загривку и чешущий брюшко, словно старик, возящийся с еще слепыми щенками. Но куда чаще поблизости бродила какая-то шпана, вроде той, что водилась дома, в Барне, разглядывая его с подозрительным любопытством. Налететь внезапно, врезать железной трубой по почкам, ткнуть шилом в печень — на такое у них кишка тонка, учены уже, но все-таки ощущение голодного шакалья поблизости спокойствия не добавляло. Вот и сейчас какая-то темная компания устроилась неподалеку, на груде разбитых деревянных ящиков у боковой стены закрытого магазинчика с выбитыми и заколоченными витринами, смоля вонючие дешевые папиросы, цыкая зубом и

исподтишка зыркая в его сторону. Боятся? Возможно. Знают ведь, что он каким-то образом умеет чистить от них территорию. Ну и хрен с ними, пусть палят. Сейчас не до дурацких ассоциаций, лезущих из подсознания пусть и причесанной и умытой, но все той же уличной крысы. Главное — внутренности успокоить, пока Гатто с перепугу эвакуатор не вызвал, а Дзии не законопатил его в больничную капсулу.

Резко набрать воздуху в грудь, задержать на пять ударов сердца, медленно выдохнуть, повторить… Методу научил Дзии, когда, еще в Барне, энергоплазма полезла из внутренностей прямо на глазах у врача, проводившего осмотр. Тогда Дзии заметил, что контроль за внутренней энергией чаще всего утрачивается в периоды волнения, когда в кровь выбрасываются адреналин и прочие гормоны. Возможно, и не контроль пропадает, а просто та хрень, что сидит внутри, замечает возбуждение и начинает реагировать по-своему. Не суть. Главное, что мандражить не надо, и все само пройдет.

Пару минут спустя сердцебиение прошло. Парень осторожно приоткрыл глаза. Ребристый металл ангара отчетливо различался в нескольких сунах от глаз, ночное зрение пропало, туман вокруг брюха тоже рассеялся. Ф-фу. Все, можно топать дальше. Лишь сейчас он заметил, а потом и почувствовал медленно спадающую эрекцию. Стояк, блин. В самый неподходящий момент. Если энергоплазма внутри действительно что-то соображает, то чувство юмора у нее идиотское.

— Смотри-ка ты! — с легкой издевательской гнусавинкой в голосе протянул кто-то рядом. — Стоит и дрочит на стенку. Эй, ты, жиголо! Что, мало на свою путу каждую ночь залезать? Или она тебя уже отшила?

Кирис резко обернулся. Оронзо Смеарх стоял в нескольких шагах от него и широко лыбился. Для разнообразия на сей раз он оказался один, без эскорта из девчонок. Одежда его, правда, блистала показушностью: темные короткие штаны до колен и жилет на голое тело искрились мириадами блесток, а на шее висела большая побрякушка — какое-то абстрактное плетение из золотых нитей с темно-фиолетовыми камнями.

— Не знаешь, что отвечать, когда со спущенными штанами поймали? — высокомерно ухмыльнулся Оронзо. — Да ты не парься так, голову не утруждай. А то еще лопнет от натуги. Как тогда богатенькую наследницу ублажать станешь? Или в постели башка не нужна?

Кирис почувствовал, как внутри набухает тяжелый и темный комок гнева. Он представил, как кулак врезается в наглую физиономию, стирая с нее самодовольство и превращая в

кровавую маску… и усилием воли взял себя в руки. Не поделили что-то семьи Деллавита и Смеарх, или же Оронзо просто мстит Фучи за то, что та его послала с помолвкой, не суть. В любом случае, Оронзо замечает его лишь как приложение к Фуоко. Да и фиг с ним, пусть приложение. Еще с каждым идиотом в драку лезть! Тем более, что он наябедничает паладарам, и Кирис огребет сразу полсотни штрафных баллов, а то и больше. Не бежать же потом жаловаться Рисе!

Позади Оронзо возникла и раздулась серо-зеленоватая тень, превратившаяся в транспортного дрона.

— Что, завидуешь? — Кирис презрительно цыкнул зубом. — Ну, завидуй и дальше. Самого-то, небось, и на раз в неделю не хватает, цыпа?

Он нагнулся и демонстративно медленно подтянул шорты, затем шагнул мимо урода к дрону.

— Ты, кстати, здесь зачем? — спросил он, взявшись за борт транспорта. — Неужто тоже летать учишься?

— Тебя не спросил! — прошипел Оронзо, явно обозленный, что противник не ведется на подначки.

— Да мне-то до фонаря, — Кирис пожал плечами. — Жаль только, не просто сам угробишься, а еще и самолет раздолбаешь. И хоронить тебя придется за счет Университета. Слышь, ты когда в землю врезаться решишь, лучше чуть в сторону отверни и в море воткнись. На тебя-то плевать, но вдруг машину починить удастся?

— Да ты первый сдохнешь! — процедил барчук. — Думаешь, не знаю, как из тебя с твоей шлюхой энергоплазма вытекает? Сам-то слышал, что такие, как вы, быстро ласты склеивают? Нет? Ну, так теперь…

Он осекся, когда Кирис размашисто шагнул к нему и железной хваткой взял за жилетку на плече.

— А сейчас ты расколешься, откуда узнал про энергоплазму, — почти ласково сказал Кирис, в упор глядя ему в глаза. — Что-то не помню, чтобы я кому-то рассказывал. Да и Фучи — тоже. Ну-ка, колись, живо. Колись, х-ходер! — рявкнул он во всю глотку.

Оронзо вздрогнул всем телом и попытался отпрянуть назад, но не смог. Жилет угрожающе треснул.

— Руки убрал, быстро! — огрызнулся барчук слегка дрожащим голосом. — Штраф огрести захотел?

— Огребу, — снова ласковым тоном согласился Кирис. — Баллом больше, баллом меньше — переживу как-нибудь. А потом к ректору пойду. У меня сама ректор в корешах, не знал, что ли? Пойду и спрошу — откуда наш дорогой Оронзо Смеарх знает то,

что никому в мире знать не положено? А не шпионит ли он? Не сует ли свой нос, куда ни попадя? Как думаешь, дэйя Мураций заинтересуется твоими источниками? Или, может, дяденька Хавьер Деллавита заинтересуется? Я с ним тоже закорешился, он сказал хоть среди ночи звонить, если что с Фучи…

Оронзо побледнел. Вряд ли Риса или кто-то еще из паладаров стала бы заниматься расследованиями, но сынок из богатой семьи об этом не догадывался. Или, возможно, он боялся фучиного папашу. Так или иначе, он затравленно оглянулся, но в глухом узком проходе между складами ожидать чужой помощи не приходилось. Гатто сидел чуть поодаль на четырех нижних лапах, сложив переднюю пару на груди, и с интересом наблюдал за сценой. Наверняка и транспортный дрон с его системой безопасности, общей для боэй и прочей паладарской машинерии, отслеживал ситуацию. Но повода для их вмешательства пока не имелось: рука на плече ни угрозой, ни насилием не являлась, а вслух на помощь Оронзо не звал. Может, конечно, и позвать, но тогда он открыто признает свою трусость. Нет, гонор не позволит.

Видимо, Оронзо пришел к тем же выводам.

— Да половина Барны уже о вас двоих болтает, — нервно сказал он. — Только глухой не услышит. Мне брат рассказал по телефону. Руку убери, я сказал!

Кирис выпустил его жилет и отступил. Да, следовало ожидать. И Фучи, и он сам искрили в больнице в присутствии врачей и медсестер. Достаточно кому-то одному проболтаться, и слухи побегут, как круги по воде. На кого другого, может, и не обратили бы внимания — в конце концов, как сказала Риса, эйлахо давно стали обыденностью. Но Фуоко — слишком заметная персона в городе, хотя бы как одна из наследниц семьи Деллавита. Х-хаш! С другой стороны, папаша Фучи — человек заинтересованный, и возможностей оборвать слишком длинные языки у него хватает, так что крупного скандала можно не ждать. В газеты не просочится уж точно. Да и Фучи сейчас не так нервно относится к тайне вокруг своих способностей, как раньше. Сама же рассказывала, что нескольким ставрийцам проговорилась… Ладно, наплевать, тем более — на Оронзо.

Не говоря ни слова, он сел в кресло транспортного дрона. Гатто черно-белой молнией метнулся вперед, запрыгнул на нос транспорта, вцепившись в него всеми шестью лапами, и выжидающе глядя на Кириса. Тот глянул на курсовой экран. 11:62, чуть мерцали там цифры. Карраха! Сколько времени потеряно на искрение и идиота Оронзо! Меньше двадцати минут до первого занятия, и по крайней мере десять из них уйдут на дорогу через центральную часть Колуна, где сейчас людно, и

максимальная скорость дронов вдвое снижена. А по периметру, на нормальной скорости, как раз ровно вдовое дальше. Пожрать времени теперь точно не хватит. Желудок, между тем, дернулся в голодном спазме, напоминая, что три с лишним часа без жратвы он точно не проживет. Что делать? Ага!

— Райника, — вслух сказал он, — мне к колледжу, но завези в торговый квартал на пару минут, к лапшичной Дзидзи.

— Принято, — отозвался голос диспетчера, и дрон резко взял с места. В лицо ударил теплый влажный ветер. Гатто на носу транспорта издал восторженный мявкающий клич.

Кирис усмехнулся его радости и откинулся на спинку кресла. Возможно, у Сато-тары в холодильнике лежит несколько питательных батончиков для Дзары. А если и нет, то у нее всегда можно ухватить кусок вчерашнего холодного мяса или чего-то другого, чтобы наполнить желудок на ходу. Он опустил веки и заставил себя отогнать ночной мир, сделавший робкую попытку проявиться перед внутренним взором. Хорошего помаленьку. Нужно контролировать мысли, чтобы не появиться в колледже в обугленных остатках шорт. Ладно еще перед паладарами и даже фучиной кураторшей (в конце концов, что старух стесняться?), но перед девчонками из класса без трусов красоваться он решительно не намерен — не пляж все-таки.

И, кстати, не забыть бы сообщить Саматте о своем согласии на эксперименты с костюмами.

Тот же день. Бэйцзы, Кайнань

На старика в ветхом потрепанном халате на голое тело, продранных на коленях штанах и в обтрепанных сандалиях с деревянной подошвой внимания никто не обращал. Совсем рядом, не далее чем в цуле, кипела столичная жизнь: по широким зеленым проспектам прохаживались разодетые по случаю малого выходного жены чиновников и расфуфыренные девицы из аристократических родов, ездили лимузины, сверкали панорамными стеклами рестораны и дорогие магазины, развевались на многоэтажных домах разноцветные флаги и вымпелы… Но здесь, на окраине Бэйцзы, жизнь словно замерла несколько столетий назад. Неасфальтированные кривые улочки вились среди длинных мазанок, окруженных высокими плетеными заборами, лениво жарились под полуденным солнцем блошиные, фруктовые, зеленные и прочие рынки, а за шикарный ресторан вполне сходил дряхлый фургончик с кузовом, переоборудованным в мобильную лапшичную. Немногочисленные прохожие спешили по своим делам, не оглядываясь по сторонам. Тихо шипела небольшая газовая плитка, на которой бурлил кипяток, а торговец сосредоточенно шинковал зеленый лук, чтобы бросить его в очередную порцию гюдона для терпеливо ожидающего рядом клиента.

Юно поудобнее устроился на высоком деревянном табурете возле прилавка лапшичной, разломил деревянные одноразовые палочки и выудил из бульона первый кусок соевого творога. Хотя торговец нечасто останавливался на одном и том же месте, за пределы своего района он выбирался крайне редко (поделенные зоны продаж?), и за последнюю декаду Юно уже в четвертый раз обедал у него. Вероятно, и в последний: маскировка маскировкой, а примелькаться даже простому лапшичнику весьма и весьма опасно. Да и не останется он здесь дольше, чем еще на день или на два. Если связной Анъями не появится сегодня вечером или завтра утром, придется предположить худшее и исчезнуть из Кайнаня так же незаметно, как и появился.

Лисья лапша удалась торговцу на славу. Наверное, и гюдон у него отличный. Попробовать бы, да нельзя: говядина слишком дорога, такой заказ не впишется в образ дряхлого старика, считающего каждый эн. Или рискнуть? Может же даже самый нищий старик иногда устроить себе пир и взять не простую лапшу за восемьдесят энов, а гюдон за двести? Втягивая в себя горячую гречневую лапшу, Юно все еще размышлял над проблемой (самые те мысли для главы террористической

организации, от одного названия которой дрожат поджилки у бывших хёнконских аристократов, да), когда на последнюю пустую табуретку тяжело опустился незнакомец.

— И что, вкусно он готовит? — грубым пропитым голосом осведомился новый сосед. — Эй, тара, скажи?

Он так сильно ткнул Юно локтем в бок, что тот едва не уронил чашку с лапшой. Бульон угрожающе заплескался, грозя вылиться на штаны. Юно метнул на невежду недовольный взгляд, но промолчал. Выходить из образа не следовало ни при каких обстоятельствах.

— У меня замечательная еда, атара! — с энтузиазмом откликнулся лапшичник. Он ловко выплеснул лапшу и бульон из кастрюльки в чашку, сунул сверху два тонких ломтика говядины, насыпал зелень и с поклоном поставил гюдон перед клиентом. Затем он повернулся к новому клиенту.

— Самая лучшая лапша в окрестностях! — с гордостью заявил он. — Любая, какую пожелаешь! А также никудзяга, осминожьи шарики, короккэ — все, что в списке. — Он ткнул пальцем через плечо в большое меню, висящее на задней стенке. — Заказывай, атара, все вкусно и дешево!

— Да ты все наврешь, лишь бы продать, — отмахнулся нахал. — Вот ты, дед, скажи — вкусно?

Что-то в его облике беспокоило Юно, но что именно, он никак не мог понять.

— Да-да, тара, вкусно, — прошамкал он, старательно изображая стариковскую речь. Лучше всего сейчас было бы заискивающе улыбнуться, мелко тряся головой, но такой вариант категорически исключался: бедняки на Могерате, лишенные медицинского обслуживания, к старости теряли почти все зубы. Юно же, в течение многих лет пользуясь покровительством Нихокары-атары, ходил к лучшим зубным врачам Ставрии, а потом то, что недоглядели они, исправил Дзии. Плохая компания. Очень плохая. Его маскировка не предполагала долгого плотного общения с чужаками, и внимательный наблюдатель мог бы заметить, что седые волосы на голове — парик, а старческие пигментные пятна на коже лица и кистей — грим. Следовало уходить, и как можно быстрее. Но и уйти, не доев, нельзя: выбивается из образа.

Отвернувшись от беспокойного соседа, Юно принялся быстро втягивать в себя лапшу, поддевая ее палочками и обжигаясь горячим бульоном и соевым творогом. Нахальный сосед сидел на табуретке и, как Юно видел боковым зрением, внимательно рассматривал настенное меню. К моменту, когда оябун "Адаути" закончил еду и осторожно положил на прилавок четыре старых,

еще с дырками посередине, медных монеты по двадцать эн, он так ничего и не заказал. Лапшичник бросал на него недовольные взгляды, но помалкивал.

Юно слез с табурета, поклонился лапшичнику, еще ниже — обоим соседям, и побрел по улочке, шаркая по пыльной земле деревянными подошвами и старательно изображая стариковскую походку. Однако не прошло и несколько секунд, как за спиной послышались тяжелые шаги. Одного быстрого взгляда хватило, чтобы обнаружить нахала, неторопливо идущего следом. Тревожная сирена, давно повизгивающая в голове, завыла голодной собакой. Полиция? Нет. Они ведут себя куда грубее и бесцеремоннее. Его бы уже повалили на землю, обыскали, заковали в наручники и увезли в участок… вернее, попытались бы. Грабитель? Он не заинтересуется нищим стариком. Местная Управа благочиния? Слишком грубо, не их стиль. Анъями? Возможно. Кто-то где-то проговорился, и хотя истинную сущность Юно в Бэйцзы не знал никто, конкуренты "Кобры" наверняка заинтересовались бы представителем неизвестного клана, ведущим переговоры о закупке такой крупной партии военного снаряжения. Да, наиболее вероятный вариант, и закончится он, скорее всего, нудным общением с не слишком приятными и тупыми типами. Не страшно.

Но есть еще возможность, что бездельнику и забияке просто нечего делать, так что он решил поглумиться над беззащитным дедом и сейчас просто выбирает наиболее подходящий момент без свидетелей поблизости. В таком случае ему нужно подыграть. Крайне неприятно, что придется его убить, но такого свидетеля оставлять нельзя. Юно ощутил бедром ножны кинжала, скрытые под незаметной прорезью в штанах. Да, пожалуй, вон там подходящий переулок…

В длинном извилистом проходе Юно прижался к высокому забору за первым же изгибом, скрывшим его от преследователя, и неслышно вытянул кинжал из ножен. Тяжелые шаги приблизились — и вдруг стихли. Чего он ждет? Юно затаил дыхание и постарался превратиться в статую, чтобы не выдать себя ни единым шорохом. Минуту спустя он не выдержал напряжения и чуть склонился вперед, чтобы заглянуть за поворот.

Пусто.

Совершенно пусто, словно никто его и не преследовал. Сморгнув, Юно наклонился еще дальше — и тяжелая рука опустилась ему на плечо сзади. Юно дернулся, пытаясь уклониться и одновременно разворачиваясь, но рука сжалась с такой силой, что он зашипел от боли.

— Шустрый ты, малыш, не отнимешь, — с иронией

проговорил страшно знакомый голос. — Очень шустрый. Даже я с трудом тебя нашел. Поздравляю.

Рука разжалась, и Юно, открыто убирая кинжал под штаны и стараясь успокоить бешено заколотившееся сердце, медленно обернулся.

— Камилл, — спокойно сказал он.

— Юно Юнару, — кивнул паладар. Хотя он и изменил голос, но внешняя форма контролируемого им дрона осталась той же, что и у разъездной лапшичной. — Ну что, малыш, пойдем побеседуем? В твое укрытие или в мое?

— Нам не о чем беседовать, атара, — Юно не питал иллюзий, что способен скрыть от паладара свое волнение — и запах пота, и пульсирующие под кожей жилки, и расширенные от напора адреналина зрачки, и масса прочих мелких признаков выдавала его с головой. Но он не позволил неожиданному стрессу ни на йоту изменить свой голос.

— Вот как? — Камилл приподнял бровь. — И причина?

— Теперь я сам по себе. Я сделал то, что от меня ожидалось. Ни я лично, ни "Адаути" в целом больше ничего не должны тебе.

— Это мне решать, малыш, — в глубине глаз паладара затлели красные искры, и Юно едва подавил неуместную усмешку. Похоже, Демиург решил применить свои шаблонные методы устрашения. Ну-ну. — Я создал "Адаути". Ты всего лишь подставной оябун, а право стать самостоятельным нужно еще заслужить. Кстати, что именно от тебя ожидалось, не пояснишь?

— Уничтожение правительства в изгнании, — Юно с удовольствием заметил, что лицо Камилла стало абсолютно бесстрастным и безмятежным. Молодой оябун знал, что именно так он скрывает свои эмоции. — Только не делай вид, атара, что не понимаешь, о чем речь. Планы, реализованные мной с твоей подачи перед недавней пропажей паладаров, имели одну цель: собрать информацию о поместье беглого короля и нанести удар в момент, кажущийся тебе наиболее целесообразным. Не знаю, удачно ли я выбрал время, но уж как сообразил. И я даже оставил в живых эту мразь, короля, хотя до сих пор не понимаю, как удержался. Так что мы квиты.

— Очень интересно, — красные искры в глазах Камилла разгорелись сильнее, голос приобрел басистую глубину с шипящими нотками. Ага, процесс устрашения продолжается. — Однако выбор момента и прочие детали оставим на потом. Пока же, Юно-тара, повторяю: квиты мы или нет, решать мне. А я думаю, что "Адаути" еще и близко не отработала свои долги. Ты всерьез хочешь пойти против меня, мальчик? Даже зная, кто я такой?

— В особенности зная, кто ты такой, атара, — Юно твердо встретил взгляд Старшего Демиурга. — Изо всех явившихся на Паллу именно тебя Нихокара-атара опасается больше всего. Демиург Джао передал ей описание твоих похождений на Текире и во время Игры, и после ее окончания, а она поделилась ими со мной.

— Ты сам пришел ко мне. Я не тянул тебя насильно.

— Да. Потому что я знал, что ты найдешь мне применение — до определенного предела. Я действительно мальчишка, простой беженец из Хёнкона, и не могу похвастаться глубоким пониманием, но одно усвоил твердо: для тебя люди — лишь инструменты. Ты неплохо обращаешься с ними, пока они нужны, но потом просто выбрасываешь их на помойку. А мне как-то не хочется гадать, в какой момент и как именно тебе захочется выбросить меня.

— Джао, ну конечно. Следовало бы догадаться, — пробормотал Камилл, и его глаза и голос снова стали нормальными. — Ты — ученик Суоко, Суоко — ученица Джа, а Джа терпеть меня не может. Малыш, прими к сведению: я могу вводить в заблуждение, умалчивать и водить за нос, но никогда не нарушаю прямо данное слово. Как, впрочем, и любой Демиург. У нас, видишь ли, нет за душой ничего помимо репутации, и разбазаривать ее, лишь чтобы обмануть самонадеянного сопляка вроде тебя, я не стану. Но вряд ли ты поверишь мне здесь и сейчас. Таким образом, можно считать, что наши взаимные обязательства аннулированы. Встает, однако, вопрос, что делать с тобой. Малыш, ты ведь понимаешь, что я не могу отпустить в никуда человека, знающего о связи "Адаути" с паладарами? Когда попадешься ищейкам в Кайнане или Ценгане — а без моей помощи ты обязательно попадешься — они выжмут из тебя все, что знаешь…

— А вот убить меня, атара, стало бы большой ошибкой, — быстро, но не теряя достоинства перебил его Юно. — И похитить — тоже. Я знал, что рано или поздно ты найдешь меня, и принял меры.

— Намереваешься перехитрить меня, малыш? — усмехнулся Камилл. — Тебе ведь рассказали, что такое Игра. Мне три с половиной миллиона стандартных лет от роду, и хотя далеко не все из них я посвятил Игре, у меня тринадцатое место в общем Рейтинге, более четырехсот побед и ни одного поражения. Вдумайся: более четырехсот игровых площадок с населением от полумиллиарда до двенадцати миллиардов людей и прочих разумных существ, на каждой от полудюжины до нескольких десятков государств под моим прямым контролем, игровые

сессии продолжительностью от полутора до шести тысяч лет… А тебе всего тридцать стандартных лет, и в жизни ты видел лишь два государства крохотной планеты, причем одно из них — совсем ребенком. Ты всерьез полагаешь, что сумел изобрести трюк, мне неизвестный?

— Я впечатлен, атара, — холодно ответил Юно, не опуская взгляд. — Но для такого опытного… существа ты слишком много бахвалишься перед сопливым мальчишкой. Значит, и сам понимаешь, что все предусмотреть нельзя — особенно когда в аномальном пространстве твои руки связаны примитивной технологией. Имей ты в распоряжении фантомную технику, о которой рассказывала Нихокара-атара, я бы не рискнул идти против тебя. Но у тебя всего лишь медленные, громоздкие, неуклюжие дроны, изготавливаемые далеко в космосе и медленно замещаемые, да и тех не слишком много. А "Адаути" уже совсем не та, что еще несколько декад назад. Старая организация, известная тебе поименно, сейчас всего лишь ширма для новой, где ты не знаешь никого. Разумеется, со временем ты можешь выследить всех, но и я не собираюсь дремать в тенечке. Ты не знаешь и никогда не узнаешь до конца, кто и какие инструкции получил. Если я вдруг таинственно погибну или исчезну, доверенные люди опубликуют материалы, доказывающие твою личную причастность к "Адаути".

— Всего-то? Я заткну рот каждому чиновнику, который хоть что-то значит…

— О тебе узнают люди. Весь мир. Ты не сможешь купить каждого человека.

— Вот так угроза! — тихо засмеялся паладар, и от его ледяного смеха у Юно пошли мурашки по коже. Неужели Демиургу и в самом деле наплевать на огласку?

— Уж какая есть, — оябун "Адаути" пожал плечами. — Да и не только люди узнают о твоих грязных делишках. Карина-атара — тоже. Кстати, если тебе действительно наплевать на чиновников, чего же ты беспокоишься, что я кому-то что-то расскажу?

— Лишние языки — лишние расходы… — Паладар задумчиво рассматривал его, что-то прикидывая. — Малыш, даже если я куплюсь на твой жалкий шантаж, что случится, если тебя убьют другие? Ты ведь дилетант, но ввязался в очень опасные игры. И кланы Тьмы, и полиция обоих государств спят и видят, как бы прихватить опасного террориста, за чью голову назначена огромная награда.

— Такой вариант предусмотрен. Если мои доверенные кобуны убедятся, что ты не причастен к моей смерти, они не

опубликуют сведения.

Демиург снова тихо засмеялся, но резко оборвал смех. Его рука размытой тенью метнулась вперед и ухватила Юно за горло, перекрыв дыхание.

— Ты дурак, — с сожалением сказал он. — Я взял тебя, потому что ты казался честным и порядочным парнем, способным держать слово и соблюдать договоренности. К сожалению, я не вспомнил вовремя, что фанатизм иногда оказывается хуже корысти. В следующий раз найму какого-нибудь закоренелого бандита. Они хотя бы предсказуемы…

Его рука разжалась, и Юно оперся спиной о забор, жадно хватая воздух. В глазах потемнело, и он отчаянно пытался не потерять сознание.

— Ты допустил массу ошибок, — продолжил Демиург, дав ему прийти в себя. — Простейший способ нейтрализовать тебя — просто пустить по следу дрона в автономном режиме. Он отследит все твои контакты, ну, а дальше я уже найду, кто и какие документы скрывает. Если же ты вообще перестанешь общаться со своими людьми, такой вариант меня тоже устроит. Главное, что ты не попадешь в руки нежелательным лицам.

— А кто сказал, что люди, хранящие документы, хоть когда-то встретятся со мной? — усмехнулся Юно, массируя горло.

— Ты лишь недавно начал работать на Могерате. У тебя просто нет старых надежных друзей, способных из дружеских чувств положить конверт на полку и никогда в него не заглядывать. А чужим ты такие документы доверить не рискнешь. Однако я не стану с тобой препираться — и не стану тебя убивать, по крайней мере, сейчас.

Демиург широко ухмыльнулся, в его глазах блеснул хищный огонек.

— Видишь ли, мальчик, давненько мне никто не бросал перчатку в открытую. Ты первый за две или три терции, лень вспоминать точно. Без "Адаути" я обойдусь, создам себе новый карманный клан. Но ты сам определил новые правила игры, и я позабочусь, чтобы ты их придерживался. Если вдруг захочешь сдаться, старые способы связи по-прежнему работают. Обещаю, в таком случае сохраню тебе жизнь, хотя и на своих условиях. Если же нет — станешь далеко не первым и даже не тысячным смертным, сгинувшим в борьбе со мной.

Камилл повернулся и, неторопливо шагая, ушел в сторону улицы. Юно остался один в переулке, держась за горло и задумчиво глядя ему вслед. Да, расчет оправдался. Нихокараатара оказалась права и здесь. Покажи Демиургу-Игроку правила, и он с головой окунется в игру, пусть даже на самых невыгодных

условиях. Наверное, такая жизнь ужасна: метаться от мира к миру, от общества к обществу в тщетных попытках заполнить собственную пустоту, изобретать себе препятствия, лишь чтобы преодолеть их напряжением сил… Проклятье эгоистичных бессмертных богов — полное отсутствие смысла жизни, подменяемое мелочной, ничего не значащей суетой. Тринадцатое место в рейтинге, чтобы оно ни значило — и на полном серьезе соперничество с мальчишкой, в сотню тысяч раз младше себя. Такого бога даже ненавидеть не получается, можно лишь жалеть. Короткая, но яркая и осмысленная жизнь куда предпочтительнее подобного бессмертия.

Юно повернулся и пошел по проходу между заборами в противоположную сторону. Не время думать о Камилле. Тот привык мыслить категориями государств и даже, возможно, планет. Ловить мелких шустрых тараканов — не его специализация. Пока он еще придумает тактику и раскачается, пройдет не одна декада. До тех пор у "Адаути" и так головной боли хватает. Вырезая бывшую хёнконскую аристократию, Юно отчаянно старался никак не задеть ценганьскую и кайнаньскую, но всему есть предел. Тридцать шесть трупов, включая ближайшее окружение короля в изгнании, за последние четыре декады — слишком много даже для привыкшего к кровной мести Могерату. Родственные, деловые, а иногда и дружественные связи, как ни сложно поверить в дружбу между пауками, в конце концов обрушат на террористов всю мощь Управ благочиния обоих государств — и тогда его дни сочтены. Ему негде спрятаться и негде получать снаряжение, кроме как у Тьмы, а Мэй Лю Сянь с радостью продаст его тому, кто заплатит больше. Да и запасы золота, переданные Камиллом много декад назад, скоро подойдут к концу, а других источников финансирования нет. Так или иначе, игра закончится очень скоро — через четыре-пять декад как максимум, возможно, и быстрее, и Камилл, скорее всего, останется с носом. И без него слишком много желающих поскорее увидеть труп таинственного оябуна "Мести", чье настоящее имя не знают даже ближайшие соратники.

Шагая между заборами, Юно задумчиво поднял руку и взглянул на ладонь. Лишь сейчас он позволил себе слегка расслабить напряженные с момента встречи с Камиллом мышцы — и по предплечью скользнула еле заметная, но трескучая сетка молний. Вот еще одна проблема, все более усиливающаяся в последнее время. Если соратники каким-то образом прознают, что он превратился в эйлахо, последствия могут оказаться непредсказуемыми. Нужно жестко контролировать себя до последнего. Спросить бы совета — но, скорее всего, ближайшие

компетентные врачи и биологи находятся в Хёнконе. А туда возвращаться он не намерен ни при каких обстоятельствах.

…разумеется, Демиурга нельзя недооценивать. Камилл слишком опытен и проницателен. Как небрежно он разгадал и отбросил в сторону блеф с публикацией информации! Но когда слон начинает охотиться за муравьями, у крошечных насекомых остается очень неплохой шанс выжить. Не Камилл сейчас основная головная боль. Самые важные аристократы, за которыми охотится "Адаути", утратили былую беспечность и не появляются на людях без до зубов вооруженной охраны. Да и особняки их патрулируют усиленные отряды. Если связной "Кобры" не появится, придется на время забыть о приборах ночного видения, улучшенных рациях, светошумовых гранатах, бронежилетах и прочем, необходимом для скрытного проникновения или штурма таких особняков. А время тикает. Придется либо искать снаряжение через других посредников, либо перестраивать тактику. Каким искушением выглядят мины с дистанционными взрывателями… но их "Адаути" не применит никогда. По крайней мере, пока остается в живых Юно. Он забирает жизни конкретных людей и никогда не станет убивать непричастных, пусть даже случайно.

Проход вывел его на очередную пыльную кривую улочку, и, пытаясь определить, где оказался, Юно даже на несколько секунд забыл, что ему следует изображать старика. Спохватившись, он сгорбился и зашаркал в предположительно нужную сторону. Хватит ненужных встреч на сегодня. Остаток дня он проведет на явочной квартире.

05.28.1232. Хёнкон

Хотя тяжелые и низкие, грозящие в любой момент пролиться дождем тучи тянулись невысоко над землей, заходящее солнце нет-нет да прорывалось в прорехи, отсвечивая от темной волнующейся воды тысячами ярких бликов. Рикона прилипла к окну удивительной летающей кареты… нет, нужно использовать правильное слово "самолет"!.. жадно вбирая в себя образы океана, лесистого побережья, стремительно приближающейся горы, торчащей из моря неподалеку от суши, и небольших корабликов. Она еще ни разу не видела мир с высоты птичьего полета. Хотя в мире под названием Текира, где она провела полтора месяца, жители тоже летали над землей, она так и не сподобилась забраться в летающее устройство. Ей и без того хватило впечатлений от города на крутых склонах, спускающихся к бухте и порту, от огромной волны цунами, как-то раз пришедшей к берегу и залившей берега бухты, от обычных, но совершенно бесстыжих людей, мохнатых кошкомордых орков и громадных троллей в зеленой чешуе, от вагонов, катавшихся по улицам безо всяких рельсов, а если и ездивших по рельсу, то только одному и высоко над землей (хотя и не так высоко, как сейчас)…

Ее жизнь, после непрошенного сатори в привычной Академии казавшаяся полностью развалившейся, вдруг обрела новый смысл и заиграла мириадами оттенков, словно искусно ограненный бриллиант в солнечных лучах. Сонмы новых впечатлений, чудовищно необъятный мир, где весь Сайлават не потянул бы и на лачугу бедняка на окраине Цетрии — и новые знакомые. Десятки новых знакомых, молодых и старых, легкомысленных и занудных, но одинаково целеустремленных и дружелюбных, чьи имена она по большей части так и не смогла запомнить. И все живые. Не ко-нэмусины, не искины поддержки и не куклы, как в Сайлавате, а по-настоящему живые. Она даже подружилась с одним старым-старым троллем по имени Караби Нэтто. Невысокий по меркам своего Народа, с чешуей, сизой от старости, с трудом ходящий и большую часть времени медитирующий на скале над крутым обрывом, он готовился умереть. В отличие от остальных местных, он знал, что на самом деле смерти нет, что за ней последует лишь долгий целительный — рекреационный, как его назвала госпожа Яна — сон, а потом впереди вечность, свободная от боли и страданий. То ли благодаря своему знанию, то ли учению, называвшемуся Путь безмятежного духа, тролль ничуть не боялся неизбежного ухода. Он всегда вел себя ласково с Риконой, испуганной новым миром,

много разговаривал с ней, объяснял и успокаивал. Жаль, что они больше не увидятся долго-долго, целую вечность — лет пятьдесят или сто, пока самой Риконе не придет время окончательно вернуться в Ракуэн.

Не бойся нового, объяснял ей Караби. Отсутствие изменений — лишь в окончательной смерти, той, прежней, уничтоженной на Текире Демиургами. Жизнь всегда, каждый день, каждую минуту приносит что-то, не существовавшее раньше, унося прежнее и знакомое. Естественный круговорот природы следует принимать с открытым сердцем и сливаться с ним в вечном движении. Лишь животные страшатся перемен. Разумные существа — Народ, люди и даже вздорные орки — обладают мозгом, способным усваивать новое, использовать его к своей пользе. Ты еще молода, говорил тролль, чрезвычайно молода, и ты еще научишься жить в гармонии с миром. Из-за ранней смерти тебе гораздо сложнее воспринимать изменения, но ты справишься. Тролль учил ее медитации и контролю чувств, и, Рикона верила, его уроки не пропали зря.

Вот и сейчас девочка чувствовала, что глубинный страх перед будущим копошится где-то в глубине груди, осторожно трогая сердце острыми коготками. Новая академия, называющаяся университет "Дайгака". Новый, совершенно чужой мир. Уже не совсем новое, но все еще непривычное тело, не требующее пищи, воздуха и посещения туалета, не устающее и не умеющее спать, но воспринимающееся как тяжелая одежда с чужого плеча, сковывающая движения и вызывающая странное ощущение внутреннего неудобства. Опять много самых разных новых вещей, заставляющих ее неуютно ежиться. Она не позволяла плохим чувствам овладевать ей, но и не пыталась их игнорировать. Как объяснял Караби, их нельзя загонять внутрь и делать вид, что их не существует — иначе они могут высвободиться и жестоко отомстить в самый неподходящий момент. Нет, каждый раз, когда иглы страха внезапно кололи ее изнутри, она напоминала себе, откуда те взялись. Ничего особенного, все так себя чувствуют поначалу!

Чувство восхищения полетом не ослабевало с тех пор, как Рикона пришла в себя в самолете примерно полчаса назад. Местного полчаса: теперь она умела вызывать на краю зрения циферки часов. Как и в Сайлавате, местный час насчитывал восемьдесят минут. Но секунд в местную минуту впихнули всего пятьдесят вместо пятидесяти четырех, зато секунда оказалась на десятую часть длиннее, а сутки состояли из двадцати двух часов вместо двадцати. Периодов здесь вообще не придумали, используя вместо них неудобные и короткие десятидневные

декады. Если добавить еще одну шкалу времени (обозванную Расией "стандартной планетарной"), где в минуте насчитывалось шестьдесят секунд, в часе — шестьдесят минут, а в году, разбитом на неравные "месяцы", имелось почему-то триста шестьдесят пять дней, голова просто шла кругом. Но Рикона решила не заморачиваться. Ей сказали, что она со временем привыкнет к новому времени, а до того у нее есть часы в глазу. Она лишь запомнила твердо, что местный год примерно на пятнадцать процентов длиннее, чем в Сайлавате и Текире, так что ей самой по местным меркам чуть больше двенадцати (вот так взять и потерять больше года возраста, опять стать малявкой — нечестно!) В остальном время тикает, и пусть себе тикает. Главное — не опаздывать. Вот как сейчас: прибытие запланировано на полвосьмого вечера — на семь часов сорок минут, текущее время — семь тридцать одна, и вроде бы они вполне укладываются в расписание. Еще десять минут полета, которыми нужно насладиться в полной мере. С одной стороны, глупо изображать свое прибытие из-за границы, если она все равно не сможет скрыть, что явилась из другого мира, а с другой — здорово, что удалось прокатиться по воздуху!

— Почти на месте, — словно прочитав мысли, сообщила крупная черная лиса, с комфортом расположившаяся на сиденье рядом. — Посадка через восемь минут.

— Ага, — кивнула девочка. Не удержавшись, она провела пальцами по мягкому меху. К новому виду Расии она еще не привыкла. Обе спутницы Риконы таинственным образом превратились в лис еще на Текире, чем изрядно перепугали путешественницу. К тому моменту ей уже несколько раз объясняли, что магии не существует, что высокоразвитая технология лишь выглядит похоже, но волшебством не является и объясняется рационально. Однако она все равно едва не померла от удивления и страха. Умом она уже давно осознала, что Маюми и Расия не являются людьми, но в ее сердце по-прежнему жили две старых подруги: голенастая озорница с короткой стрижкой, больше похожая на недокормленного мальчика, и очкастая грудастая тихоня. На Текире Маюми моментально сошлась с Палеком, чередовавшим маски белобрысого мальчишки и невысокого худощавого дядьки, а поскольку они каким-то образом понимали друг друга без слов, от их шуточек Рикона едва не лезла на стенку. По логике вещей, от лисы следовало бы ожидать молчаливости, но даже на четырех ногах и с хвостом Маюми болтала без умолку. Сейчас рыжая лиса стояла задними лапами на пассажирском сиденье слева от пилота (молчаливого лысого здоровяка в шортах и зеркальных очках), и, уперевшись

передними в панель, с интересом смотрела в лобовое стекло.

— Между прочим, вон те кубики и квадратики на берегу пролива — порт Хёнкона, — тыкая лапой и обернувшись, проинформировала она. — Они так сверху выглядят. А дальше, на берегу, начинается город. Он еще наполовину в стройках, но то, что паладары успели восстановить, выглядит красиво. Как телескопическим зрением пользоваться, помнишь? Пользуйся случаем, больше в воздух долго не поднимешься.

— Она всегда может подключиться к буксируемой камере боэй, — фыркнула черная лиса. — Или к стационарной камере наблюдения на Подде. Рика, помнишь, что такое боэй?

— Не очень, — созналась девочка. — Охранники, да?

— Дрон, выполняющий охранные функции. Дрон — такая дистанционно управляемая штука, способная менять форму. Вот как оно, — Расия указала лапой на пилота, совершенно не реагировавшего ни на говорящих лис, ни вообще ни на что в кабине. — Твое нынешнее тело — тоже дрон, помнишь инструктаж Миры?

Рикона оторвалась от созерцания моря и берега и посмотрела на свою руку, потом провела пальцем по запястью. Кожа как кожа, хотя немного теплее, чем привычно. Перед прошлой неудачной экскурсией им объясняли, что в здешних краях так принято, а Мира что-то упоминала про особенности искусственного тела, в котором Риконе предстояло жить, но сейчас вспоминать не хотелось.

— Помню, — быстро сказала она, чтобы отвязаться, и принялась снова смотреть на город. Она уже однажды видела его с моря и вблизи, и теперь пыталась сопоставить запомнившиеся места с наблюдаемым сейчас. Выходило плохо. Она распознала лишь одно шарообразное здание, расположенное близко к воде. По границе моря тянулась темная полоска — вероятно, та самая набережная, где Рикона так неудачно попыталась подраться с местными монстрами, схлопотав в итоге внеплановое сатори. Западный и восточный край набережной упирались в какие-то коробки с торчащими сверху решетчатыми кранами, напоминавшими длинные шеи странных животных. Несколько таких конструкций склонялись над игрушечно выглядящей… баржей. Или балкером, как Караби называл похожие корабли в порту Масарии. Однако если небольшие коробки рядом — склады, то корабль наверняка имеет чудовищные размеры, саженей сто в длину как минимум. В Масарии на экскурсию в порт Мира ее тоже водила, но таких крупных кораблей там не попадалось — из-за постоянных цунами, как объяснила глава программы адаптации и героиня Сайлавата, их размеры

ограничивались ради маневренности. Тогда текирские корабли показались Риконе несуразно большими, но, похоже, определение "несуразно" опять придется пересмотреть. Еще много разных кораблей виднелись далеко в море, почти на самом горизонте, плохо различимые в своей свинцово-серой окраске под низкими серыми облаками. Они разбились на четыре группы, и на самых крупных Рикона разглядела длинные горизонтальные трубы, наверняка являющимися огромными пушками. Военный флот? Здесь? В прошлый раз ничего похожего она не заметила.

Она опять перевела взгляд на сушу. Прямые улицы прорезали массивы домов, подъемные краны возвышались над какими-то стройками, зеленели большие пустые пространства круглой и овальной формы — видимо, стадионы. В целом картина походила на ту, что Рикона столько времени наблюдала со Смотровой скалы возле старого отеля в Масарии, только сейчас самолет летел куда выше, чем располагалась скала.

Впрочем, уже не выше. Ушел в сторону большой остров с каким-то плоским полем, мощеным маленькими плитками (вблизи, наверное, тоже большими — здесь есть хоть что-нибудь нормального размера?) Маленькие коробки домов и портовых построек, крохотные деревья стремительно приближались, увеличивались в размерах. Рябь на воде укрупнялась и превращалась в сложный рисунок волн. Черточки на воде превращались в прогулочные катера и еще какие-то маломерные суденышки, и потом как-то сразу оказалось, что самолет трясется по воде, рассекая волны своими длинными поплавками, и по правому борту уже вплотную тянется гранитная набережная с чугунными статуями — теми самыми, отложившимися в памяти. Чуть погодя самолет подрулил к длинному пирсу и замер. Какая-то хитрая опускающаяся конструкция захватила крыло и фюзеляж позади него, и качка сразу прекратилась.

— Приехали, — сообщила Маюми. — Ту-ту, молодая госпожа, выгружайся, поезд дальше не идет. Кс-со, недоработка…

Лиса несколько раз скребнула лапой по пассажирской двери и замерла, раздумывая.

— С такими лапами замок не открыть, — задумчиво подытожила она наконец. — Нужно модифицировать пальцы, пусть даже в ущерб натуральности. Рика, выручай!

Рикона слегка хихикнула. Точно тем же тоном подруга признавалась, что забыла сделать домашку по истории или правописанию и требовала тетрадку, чтобы по-быстрому все передрать к себе. Лиса или нет, но Маюми остается Маюми. Девочка отстегнула свой ремень, дотянулась до передней дверцы, подцепила ручку и замерла. Лишь сейчас до нее дошло, что пирс

справа, а передняя пассажирская дверца открывается прямиком в океан.

— Ты плыть, что ли, собралась? — спросила Расия.

— Ну да, а в чем сложность? — недовольно осведомилась Маюми. — Лисы неплохо плавают, между прочим, достоверность не нарушится.

— Плотность микродрона слишком высока, — нравоучительно сказала Расия тоном прежней отличницы. — Он на плаву не удержится, утонет. Придется боэй вызывать, чтобы на берег вынести.

— Кссо… — выдохнула Маюми. Когда она, интересно, успела перенять текирские ругательства? — Ну, тогда выпускайте меня справа.

Механическими движениями "пилот" отстегнул свой ремень, открыл дверцу и неуклюже выбрался на пирс. Тут же очертания его тела поплыли, светлые тона человеческой кожи сменились зеленовато-серым цветом, шорты утонули и пропали в бесформенной груде, и мгновением позже на его месте осталась лишь гладкая приплюснутая полусфера высотой в половину человеческого роста. Она тут же скользнула под самолет и пропала с едва слышным всплеском. Рикона наблюдала за эволюциями дрона (дрона ведь, верно?) с разинутым ртом. Мира предупреждала о таких штуках, но одно дело знать понаслышке, и совсем другое — видеть своими глазами.

Рыжая лиса тем временем спрыгнула на пирс и с удовольствием потянулась. Расия осторожно перебралась на сиденье пилота и выскочила следом. Рикона вдруг заметила, как сильно проседают под их весом упругие сиденья. Впрочем, под самой Риконой сиденье проминалось еще больше. Девочка открыла заднюю пассажирскую дверцу и, осторожно елозя по гладкому крылу, слезла на темные скользкие доски.

— Ну, двинулись? — с энтузиазмом осведомилась Маюми. — У нас в программе встреча с куратором через час. Как раз по городу прошвырнемся, на первый раз все осмотрим.

— А… ты разве заранее город не изучила? — осторожно поинтересовалась Рикона, с сомнением оглядывая себя.

За время, проведенное в Масарии, девочка уже перестала воспринимать шорты и тонкие облегающие блузки как нечто неприличное, но по привычному кителю и форменной юбке тосковала до сих пор. Без них она казалась себе почти голой. Кольцо кубирина по-прежнему чувствовалось на шее, придавая некоторую уверенность, хотя в Университете, как ей объяснили, оно является не более чем украшением. Щит она может вызвать в любой момент и безо всякой авторизации, но и он сильно

отличается от привычного. В общем, новая жизнь, новая шкурка, и как понять, подходящий ли у нее вид для встречи с новым командиром?

— Нет, конечно, — рыжая лиса совершенно человеческим жестом вздернула нос. — Так неинтересно.

— А?

— У нас есть доступ к топологической базе местности, — пояснила Расия. — И к системе глобального позиционирования — тоже… я хочу сказать, что мы всегда знаем, где находимся. Но мы не изучали местность заранее, чтобы не портить первое впечатление. Нам интересно узнавать новое самостоятельно, мы так устроены.

— Ну… ладно.

Рикону вдруг снова остро кольнуло чувство утраты. Все-таки старые подруги — не люди. Что такое "небиологический интеллект", ей еще лишь предстоит узнать, но, перестав скрывать свою сущность, они стали… слегка чужими, что ли. Все еще подругами, надежными и привычными, но и чем-то еще. Словно… словно вышли замуж, и теперь на первом месте у них муж и намеченные дети. Защитницам замуж не полагается, и к браку девочек-кадетов Академии Высокого Стиля не готовили, но Рикона иногда тайком фантазировала, каково это — иметь мужа. Или хотя бы любовника. Наверное, чувствуешь себя именно так: прежние привязанности остаются в прошлом, а в настоящем появляется что-то куда более важное, чем старые друзья.

А теперь и весь мир Сайлавата, тесный и искусственный, но еще недавно казавшийся родиной, остался позади. Возможно, и сама Рикона выйдет замуж… хотя нет, не в таком же теле! Ну, по крайней мере, найдет новых друзей. Жаль, что подружки и бывшие соседки по комнате теперь станут жить своей жизнью, тем более такой странной, но жизни без перемен не бывает.

Она постучала по пирсу носком легкой туфли, проверяя, как та сидит. В принципе, ее новое тело может ходить босиком по гвоздям и даже не поцарапаться, но совсем без обуви в обществе неприлично.

— Ну, куда дальше? — спросила она.

— За мной! — скомандовала рыжая лиса и затрусила по пирсу к набережной.

Пирс вывел к небольшому одноэтажному дому, с десяток саженей в ширину и с большими окнами, занавешенными изнутри плотными шторами. Рикона толкнула дверь, пропуская вперед спутниц, и сама вошла за ними в небольшой гулкий зал с несколькими рядами мягких сидений.

— Пропускной пункт, — на ходу пояснила Маюми. —

Таможня и медицинский контроль.

— А… документы нужны? — осведомилась Рикона, судорожно пытаясь вспомнить, что на сей счет говорила Мира.

— Ты головой о стенку стукнулась? — удивилась наглая рыжая морда. — Можно подумать, координатор не в курсе, кто ты такая. Не забывай, ты сейчас вообще не здесь. Твоя психоматрица за тысячи тысяч верст отсюда болтается, а каким дроном ты управляешь, вообще пофиг. Хочешь, прямо сейчас тебя подключу к дрону где-нибудь возле колледжа?

— У альтернативного дрона, скорее всего, не запасена одежда, — педантично напомнила Расия, взмахнув черным хвостом. — Хотя, Рика, если ты не возражаешь ходить голой или вообще перемещаться в бесформенном виде, чтобы не стесняться…

— Я вам дам — голой и бесформенной! Ведите давайте, экскурсоводы! — Рикона погрозила кулаком сразу обеим. Маюми фыркнула, пихнула мордой двери и потрусила по неширокому коридору с несколькими дополнительными дверями по бокам.

Компания прошла через еще один зал, как две капли воды похожий на первый, и вышла на улицу. Прямо перед зданием располагался небольшой сквер с часовой башней и странной чугунной конструкцией — то ли памятником какой-то битве, то ли просто обломком заводского агрегата. Дальше начиналась длинная широкая улица, обсаженная незнакомыми лиственными деревьями и покрытая идеально гладким серым веществом — асфальтом. За деревьями виднелись верхушки многоэтажных домов, каких-то куполов и шпилей. Рикона задержала дыхание, а потом глубоко вдохнула. В душном влажном воздухе чувствовались лиственные ароматы, словно в лесу, но ей вдруг показалось, что она вернулась домой, в Сайлават. Ее новое тело на Текире захлебывалось в непривычных дымных запахах, и если бы ей требовалось дышать не по привычке, а по необходимости, как раньше, там бы она, наверное, и задохнулась. Конечно, обоняние, как и боль и любые другие неприятные ощущения, можно отключить, но как тогда чувствовать себя живой?

Вслед за двумя лисами она зашагала по дороге. Навстречу легкой трусцой пробежали две девушки на пару-тройку лет старше Риконы — в кроссовках, узеньких трусах и почти незаметных лифчиках из темной тонкой материи. Рикона в таком наряде умерла бы от стыда, но девушки чувствовали себя прекрасно. Они лишь бросили заинтересованные взгляды на лис и равнодушные — на Рикону. За ними пронеслась небольшая стайка детей. Мелюзга катилась на странных штуках — досках на колесиках, смахивающих на самокаты с отломанным рулем. Они

то отталкивались одной ногой от асфальта, то как-то по-особому вихлялись всем телом, и их скорость поражала воображение — ничуть не медленнее лошади, несущейся галопом. Все они, и мальчики, и девочки, носили лишь короткие шорты, но на коленях и локтях красовались защитные доспехи, а на головах — забавные блестящие каски с дырочками. И то верно: если со всего маха грохнуться о землю, можно и кости переломать. Саженях в десяти позади дети затормозили и принялись негромко переговариваться. Оглянувшись, Рикона заметила, что они с восторгом смотрят на ее спутниц.

— Я пользуюсь успехом! — важно заявила рыжая лиса. — Пойду-ка, познакомлюсь поближе. А вы топайте дальше, я потом догоню.

И она подбежала к детям, сразу же сгрудившимся вокруг плотной толпой.

— Нифига себе… — пробормотала Рикона. — Раси, ты-то дорогу найдешь?

— Конечно, — подруга деловито почесала задней лапой за ухом и потрусила вперед. В последний раз оглянувшись, девочка последовала за ней. — И, кстати, нам следует поторопиться. Передан уточненный прогноз — дождь может начаться в любую минуту… хотя, если повезет, вообще не начнется. Простыть ты не можешь, но в мокрой одежде все равно не слишком комфортно. Придется сушить на себе — твое тело обладает способностью выделять тепло, но потребуется потратить лишнее время.

— Побежали? — предложила Рикона.

— Как хочешь. Но лучше не торопиться. Первое знакомство с городом, первое впечатление повторить не удастся уже никогда. В крайнем случае можно втянуть одежду под поверхность дрона и, — Расия бросила снизу вверх лукавый взгляд, — раз уж ты так боишься наготы, преобразовать дрона в стандартный вид. Заодно еще раз напоминаю, что следует вести себя очень аккуратно. Твое тело чрезвычайно сильно и быстро по человеческим меркам. Для твоего удобства в систему управления встроены ограничители, чтобы ты ненароком не сломала кому-нибудь руку, но их можно перекрыть усилием воли. Следи за собой.

— Помню, — вздохнула Рикона. А все-таки как хорошо жилось в Академии, когда она ничего не знала о своей настоящей природе и носила нормальное тело. Вот, теперь она даже говорить про него нормально не может — "носила", словно одежду!

То ли из-за низких тяжелых туч, то ли просто по времени, но сумерки быстро сгущались. За деревьями вспыхивали фонари, ненавязчиво просвечивая сквозь кроны как сквозь уютные зеленые

абажуры. Загорались окна. Улица расширилась, превратилась в проспект с множеством перекрестков. Людей на улице становилось все больше — в основном легкомысленно одетой молодежи, но попадались и старшие. Тут и там играла негромкая музыка, под которую делали зарядку или просто танцевали, на лавочках сидели смеющиеся и поющие под гитару компании. По центральной дорожке проносились люди на велосипедах, почему-то еще с Текиры казавшихся Риконе ужасно смешными. Девочке говорили, что в Университет съехались люди со всего мира, но она, как ни вглядывалась, не могла найти особых различий. На Текире она видела людей с разным разрезом глаз, высотой скул, размерами носа и цветом кожи: южане Катонии заметно отличались от северян, смуглые тарсаки с Западного континента — от чернокожих гуланов, а те — от жителей северных Четырех Княжеств. Здесь же все выглядели почти одинаково, различаясь только степенью загара и одеждой. То ли на Палле расы внешне не отличались, то ли здесь собрались люди лишь из одной страны. Сообразив, она начала прислушиваться к речи.

Ее новый слух доносил обрывки голосов. Если не сосредотачиваться, то они оставались просто потоком непонятных слов. Но стоило сконцентрироваться, и голос приглушался, а поверх начинали течь слова на общем — мужским или женским голосом, в зависимости от того, кто говорил. На границе зрения начинали помигивать разноцветные точки. Синяя обозначала язык, называвшийся "камисса", зеленая — "кваре", оранжевая — "катару" и красная — "цимль". Список Мира заставила вызубрить так, что от зубов отскакивало, даже если Рикону разбудить ночью (ну, в каком-то смысле — теперь она не спала вообще). Еще на Текире многообразие языков ошеломило девочку. Помимо Катонии и Четырех Княжеств, где говорили лишь на знакомом общем, там обнаружились еще и южные страны, где говорили на тарси, поллахе, кленге и фаттахе, причем в разных местах — на разных диалектах. Сама по себе концепция иностранного языка оказалась поразительной — ну как можно не просто придумывать разные названия для одних и тех же вещей, но и фразы строить совершенно по-разному? Но там от Риконы изъясняться странно не требовалось: общий понимали везде. Здесь же его не знает никто, а она не знает местных наречий. Придется полагаться на "автоматический переводчик", чем бы он ни являлся на самом деле.

Мигающие точки показывали, что люди вокруг говорят в основном на камиссе и кваре. Иногда проскальзывал катару — в основном со стороны торговцев с небольшими лотками, торговавшими всякими вкусностями (судя по запахам) и

безделушками. Но несколько раз катару доносился и от молодежи. Рикона быстро приметила систему: говорящие на нем юноши обычно носили сандалии, короткие штаны до колен, мешковатые рубахи с короткими рукавами, а иногда, несмотря на влажную духоту, еще и короткие, до середины бедер, халаты с изобилием карманов. Девушки щеголяли в долгополых платьях с застежками, идущими на груди наискось, потом вниз вдоль бока, а потом снова наискось через живот. Их подолы, как правило доставали до середины лодыжек, а то и до пят, а длинные рукава платьев выглядели чрезмерно широкими. Кажется, миндалевидные глаза и широкие скулы встречались у них чаще, чем у остальных, но ненамного.

Говорившие на камиссе и катару одеждой друг от друга не отличались. Как правило, юноши носили одни лишь короткие шорты, иногда с облегающими майками без плеч, а девушки — такие же короткие шорты или юбки и обтягивающие грудь полоски тонкой ткани, отчетливо обрисовывающие соски. Большинство не утруждало себя даже обувью (неужели потом с грязными ногами лезут на чистые простыни? или их ноги мыть заставляют перед сном?) Некоторые девицы бесстыже щеголяли голыми по пояс — кто-то просто так, а кто-то — раскрашенные по всему торсу невообразимыми узорами. Одну такую бесстыжую (совсем-совсем голую!) Рикона увидела на небольшой табуретке на краю тротуара. Высокий бородатый дядька метался вокруг нее с большой палитрой красок и кисточками, выводя на коже разводы, а девка бросала на него кокетливые взгляды и с пулеметной скоростью тараторила на кваре. На полуголых девиц Рикона старалась не смотреть, но нет-нет да бросала помимо своей воли завистливые взгляды на их высокие груди. Ей бы такую фигуру! Мира сказала, что новое тело хотя и может принимать любую форму, но по "педагогическим и психологическим мотивам" ему разрешат меняться и взрослеть лишь в строгом соответствии с настоящим возрастом. А возраст сейчас позволяет только почти плоскую детскую фигуру с узкими бедрами и крошечными грудками. Ну ведь нечестно же! Почему нельзя сразу нормальное тело сделать, если на самом деле можно? Что за дурацкие "педагогические мотивы"?

Смеркалось быстро, и вскоре тучи на небе стали неразличимыми. Фонари ярко сияли сквозь кроны деревьев, в тон им светились окна зданий высотой в три-четыре этажа, в небо взлетали и падали какие-то светящиеся спиральки, запускаемые с рук, гомонила толпа, и атмосфера казалась какой-то даже праздничной. Начал накрапывать, но быстро прекратился дождик. Расия деловито топотала впереди, с интересом озираясь по

сторонам и собирая любопытные взгляды в ответ. На Рикону по-прежнему никто не обращал внимания, и она понемногу расслабилась, купаясь в восторге слияния с новым неизведанным миром.

В одном небольшом скверике она вдруг увидела нечто знакомое. Девочка даже остановилась на месте и поморгала, пытаясь отогнать наваждение. Она всматривалась так, что внезапно сработало телескопическое зрение, из-за чего она потеряла равновесие, запнулась на ровном месте и с трудом удержалась на ногах. На тумбе рядом с группой перебрасывающейся мячом молодежи важно восседал шестилапый сине-белый зверь с двойными вертикально-щелевидными зрачками широких выразительных глаз. Он внимательно наблюдал за играющими и время от времени издавал высокие трели. Очевидно, они имели какое-то отношение к игре, потому что после каждого сигнала стоящий в центре менялся с кем-то из круга, а зверь черкал на белом блестящем листе толстой палочкой (фломастером?), зажатой в передней левой лапе. Какое-то время Рикона, приоткрыв рот, наблюдала за ними.

— Раси, — почему-то шепотом спросила она, — а ведь там парс, да? На тумбе сидит?

— Парс, — согласилась Расия. — Только не тот, что на Текире, он игрушка, прототип, в свое время принадлежавший Карине Мураций. И даже не из тех, что в Сайлават через псевдопорталы проходят, там они просто элемент декораций. А сейчас ты смотришь на микродрона вроде моего нынешнего тела. Он спутник, которым награждают за успехи в учебе и прочие достижения. Только местные парсы тупые. У меня третья категория, а тот, похоже, еще и второй не достиг.

— Третья категория? — Рикона озадаченно посмотрела на подругу.

— Ну да. Потом объясню. Короче, в Академии-Си искинов поддержки в ускоренном темпе до третьего уровня развивают, а здесь у спутников только-только ограничение первым уровнем сняли.

— А… слушай, а полгода назад, когда я сюда в первый раз попала… ну, когда с туманными штуками драться пыталась… та девочка, Фуоко… у нее ведь такой же зверь, только цвет другой. И у мальчика Кириса, который с мотоциклом, тоже. Они оба хорошо учатся, да?

Расия внимательно посмотрела на нее и задумчиво почесала передней лапой за ухом.

— Нам идти надо, — сказала она, — до назначенного

времени всего ничего осталось. Поговорим еще о той девочке, успеем, пока не до нее.

"Время, время, покажись!" — торопливо проговорила про себя Рикона, и на краю зрения всплыли цифры. Без восьми минут восемь. Она, оказывается, зевает по сторонам больше тридцати минут! А кажется, что только что прилетели…

— Далеко еще? — напряженно спросила Рикона, быстро шагая за резво затрусившей вперед подругой.

— Успеваем, если больше не отвлекаться.

Улицы переходили одна в другую. Чем дальше, тем больше по сторонам дороги тянулись широкие пространства, усеянные правильными рядами небольших саженцев. Судя по проложенным дорожкам, скамейкам и фонарям, когда-то саженцы вырастут в большие деревья, и на месте пустошей появятся настоящие парки. Но сейчас они выглядели как-то скучно и даже угнетающе. Тут и там посреди будущих рощ виднелись спортивные площадки, заполненные людьми. В свете ярких прожекторов они то ли играли, то ли тренировались. Рикона распознала лишь игру в большой теннис, на которую в Четырех Княжествах ее брала важная, но веселая бабушка Миованна, называемая слугами "ваша светлость", а сопровождавшими Рикону Мирой и Кансой — то "Цина", то "Мио".

Однако опасность опоздать отравила удовольствие от разглядывания окрестностей, и теперь Рикона смотрела больше на лису-подругу, чем по сторонам.

— Мы на месте, — наконец-то сообщила спутница.

Они как раз подошли к большому зданию — пятиэтажному, с огромными, по местному обыкновению, то ли окнами, то ли целыми стеклянными стенами, за которыми виднелись просторные комнаты. В комнатах тут и там в живописном беспорядке стояли столы с мягкими стульями, а за ними сидели десятки студентов. Кое-кто смотрел в большие плоские штуки, похожие на старые двумерные экраны на Текире, но большая часть читала книги — настоящие, бумажные, отвлекаясь на экраны, лишь чтобы что-то с ними быстро сделать. Над широкими прозрачными дверями тянулась надпись. Рикона сосредоточилась на ней — и поняла, что не понимает ровным счетом ничего. Символы оказались совершенно незнакомыми.

— А что здесь? — шепотом спросила она, присаживаясь на корточки и делая вид, что гладит лису. — Я не понимаю.

— А ты прочитай! — посоветовала Расия.

— Не могу, — буркнула девочка. — Я же не умею по-местному. Автоматический переводчик только разговор переводит.

— А ты разве не учила местный алфавит? — удивилась спутница. — Перед тем, как сюда отправиться?

Рикона нахмурилась.

— Ну, не до конца выучила, и что? — стараясь говорить пренебрежительно, отмахнулась она. — Я же не виновата, что там столько всего интересного! Я начинала, честно, только не совсем закончила.

— Если новый куратор влепит тебе штрафные баллы за неграмотность, я лишь поддержу, — фыркнула Расия. — Не совсем она закончила, тоже мне, занятая нашлась! Еще и врешь беспардонно — надпись не местными буквами и даже не текирскими, ты их точно не знаешь. Там написано "Grandan Bibliotekon".

"Большая библиотека", послышалось у Риконы в ушах, и на краю зрения мигнула белая точка: так переводчик обозначал язык под названием "эсперанто".

— А-а… — протянула она. — То-то я гляжу, что не местными…

— Артистка! — Расия снова фыркнула. — Меня, что ли, обмануть хочешь? Я тебя от учителей полтора года прикрывала и все твои приемчики наизусть знаю, забыла уже? Давай за мной, нас ждут.

Вслед за рыжей лисой, напрягшаяся до полной деревянности Рикона прошла сквозь самостоятельно разъехавшиеся двери в небольшой холл. Рядом с маленьким низким бассейном с проточной водой стояли две огромные корзины с мягкими шлепанцами: одна — наполненная до самого верха, а вторая почти пустая. Над ними висели две таблички. Что на них написано, девочка тоже не поняла. Обе стены холла до самого верха занимали решетчатые полки, уставленные разнообразной обувью.

— Сними сандалии, поставь на полку, надень тапки из левой корзины, — подсказала Расия, снисходительно глядя на ее растерянное лицо. — Здесь в библиотеке с бумажными книгами работают, уличная пыль им ни к чему. На выходе снимешь и бросишь в правую — их стерилизуют и опять выставят. Если придешь босиком, ополосни ноги в воде и надень тапки.

— А когда здесь закрывается? — спросила Рикона, поспешно переобуваясь.

— Никогда. Библиотека открыта круглосуточно — библиотекари-люди работают в три смены, а информационным терминалам и автоматическим системам выдачи вообще отдыхать не требуется. Учти на будущее: захочешь позаниматься не у себя в комнате — всегда можешь прийти сюда. Спать тебе почти не

надо, в отличие от других, так что ночью здесь самое то — тихо и почти безлюдно, но с кем поговорить всегда найдется.

Перед тем, как пройти во внутренние двери, Рикона глянула на себя в ростовое зеркало. Ох, ничего не осталось от второго сержанта Академии Высокого Стиля! Облик щуплой девчонки с жидкими косичками и перепуганным взглядом, глядящей из зеркала, уверенности в себе не добавлял. Нужно расслабиться. Здесь друзья, здесь ректором добрая Карина Мураций, с которой Рикона разговаривала на Текире — так чего же она боится? Вряд ли новый куратор окажется строже госпожи Сиори или Грампы.

На негнущихся ногах вслед за деловито семенящей Расией она прошла через большой читальный зал (и опять все взгляды на лису, а на саму Рикону — ноль внимания) и оказалась в полутемном коридоре, где густой ковер на полу полностью скрадывал звуки. Перед одной из невзрачных деревянных дверей Расия остановилась.

— Нам сюда, — проинформировала она.

Рикона нерешительно постучала.

— Да-да, войдите! — глухо раздалось из-за двери на камиссе. Девочка робко потянула на себя дверь и заглянула внутрь.

— Можно? — робко спросила она — и лишь потом сообразила, что ее не поймут. Предупреждали же ее, что на Палле не говорят на общем! Однако тут же в глазу мигнула синяя точка, и она осознала, что ответила на той же камиссе. Обязательно нужно разобраться, как получается, что она отвечает на разных языках.

— Конечно. Заходи, — ответил ей голос, на сей раз отчетливо женский. С некоторым облегчением Рикона просочилась в щель — и оказалась в небольшой комнате. За столом, из которого на гибкой тонкой ножке торчала широкая доска, испещренная буквами и рисунками, сидели двое: взрослая, но не очень пожилая тетка и… Рикона сразу узнала девушку, встреченную на набережной полгода назад. Фуоко. Ее зовут Фуоко Винтаре, а настоящая, но тайная в Университете фамилия — Деллавита. Рикона узнала ее, несмотря даже на то, что верхнюю часть головы и половину лица скрывали бинты. И рыже-бело-зеленого шестилапого зверя, с надменным видом развалившегося на столе под доской с буквами, она тоже не забыла бы никогда.

— Докладывает второй сержант… — по привычке начала рапортовать Рикона, вытянувшись по струнке, но тут же осеклась. — Ой… то есть… я Рикона Кэммэй. Рада знакомству, прошу благосклонности.

Фуоко и тетка слегка озадаченно переглянулись, и Рикона снова обругала себя. Так на Текире со старшими здороваются. А

как же здесь? Просто "здравствуйте"?

— Здравствуй, Рикона, — тетка поднялась. — Меня зовут Таня. Таня Каварова. Я твой новый куратор. Рада видеть тебя в добром здравии. Ты не устала после… э-э, перелета?

— Нет, госпожа Таня… — на Текире, как и в Сайлавате, принято обращаться к людям по имени. А на Палле? Ведь читала же она что-то! Кажется, нужно полностью называть. — Нет, госпожа Таня Каварова. Я в порядке.

— Просто Таня. В таком случае рада приветствовать тебя на нашей планете. Познакомься также — Фуоко, — куратор полуобернулась к девушке у стола. Она тоже моя подопечная.

Фуоко вытащила из уха тонкий, почти незаметный проводок, замеченный Риконой лишь сейчас, и медленно поднялась. На ее лице держалось странное выражение — опасливое и в то же время напряженно-ожидающее.

— Мы знакомы, — произнесла она на кваре. — Мы… уже встречались во время Второго Удара. А-а… здравствуй, Рикона. Как ты… себя чувствуешь?

— Я чувствую себя хорошо, — фраза вышла совсем не такой, как Рикона хотела — сухой и формальной. — Спасибо за заботу.

— Рикона боится! — вдруг на том же кваре наябедничал пестрый шестилапый парс. Его голос казался высоким и пронзительным. — Все страшные, все кусаются, хочется под стол спрятаться! Бросьте в воду, чтобы расслабилась!

— Зорра! — Фуоко, повернувшись, показала парсу кулак. — По башке дам!

— Зорра хочет еще полетать! — парс с тяжелым глухим стуком спрыгнул на пол и подбежал к Риконе. — Сделай поле, как в прошлый раз! Зорра скажет спасибо и не укусит.

— Ка… какое поле? — от неожиданности даже заикнулась.

— Гравитационное! — нетерпеливо объяснил Зорра. — Между руками! Ты умеешь! Ку-ун!..

Последний звук парс издал, когда Фуоко, резко опустившись на колено, рукой придавила его холку к полу.

— Не обращай внимания, — слегка сконфуженно сказала она. — У нее чувство юмора слегка странное, и она не кусается… ну, друзей точно не кусает. Зорра, затихни!

"У нее"? Значит, парс — девочка?

— Точно, она не укусит, — прокомментировала черная лиса, и Рикона, на мгновение забывшая о подруге, снова вздрогнула. — Она еще глупая и неразвитая, в отличие от меня, но не настолько дурная. Между прочим, Рика, могла бы сама меня представить.

— А? Да, точно. Познакомьтесь — Расия, — Рикона церемонно указала на свою спутницу. — Она… э-э…

— Небиологический интеллект, третий класс, — лиса вдруг поднялась на задние лапы и отвесила церемонный поклон. У Тани и Фуоко синхронно округлились глаза. — Новый стажер-воспитатель школы и колледжа при университете "Дайгака". Моя коллега…

Расия опустилась на задние лапы и оглянулась на дверь. Та, неплотно прикрытая, приотворилась, и в щель просочилась рыжая лисица.

— Я Маюми, — сообщила она на камиссе, оглядывая присутствующих. — А лучше — Маю, так быстрее. Все то же самое. В определенном смысле слова мы с Раси довольно молоды, и наши собственные кураторы решили, что нам полезно набраться опыта в новом обществе. Временно мы ваши коллеги, госпожа Каварова. Кстати, ничего, если мы сразу на "ты" и "Таню" перейдем? Я Маю, она Раси, ты Таня. Ага?

— Да, конечно, — быстро откликнулась Таня. — Прошу прощения, для меня несколько необычно иметь дело с… небиологическими интеллектами. Раньше я лишь немного общалась с координатором и Дзии, главным медиком. Третий класс… боюсь, я не в курсе, о чем речь.

— Все просто, — черная лиса подошла к Зорре, по-прежнему выжидающе глядящей на Рикону, и пихнула ее лапой в бок. — Эй, многоножка, отвянь. Не до игр сейчас.

— Зорре скучно, — пожаловалась парса. — Рикона сердитая, играть не хочет. В прошлый раз играла!

— Наиграетесь еще, — Маюми еще раз пихнула Зорру в бок, и та почти с человеческим вздохом улеглась на пол и обиженно засунула нос под переднюю мышку. — Итак, озвучиваю версию для взрослых. Вот эта дурочка — неб второго класса, только-только за рамки первого вышла, насколько я ее публичную диагностику понимаю. Класс небиологического интеллекта определяется довольно сложными понятиями, связанными со способностью к логическому мышлению и осознанию взаимосвязей окружающего мира. Но если коротко, то первый класс — базовая функциональность с осознанием мира на уровне трех-четырехлетнего ребенка и большим количеством жестко заданных императивов первого уровня. Второй класс примерно соответствует подростковому возрасту, количество императивов первого уровня существенно сокращается, свобода воли увеличивается. Третий — уровень хорошо развитого и образованного человека с минимальным количеством жестких императивов. Повышение уровня с первого до третьего происходит по мере наполнения базы знаний об окружающем мире и формирования графов логических связей. Более высокие

классы с уровнем самосознания не связаны и определяются в основном вычислительными мощностями и специализированными модулями, шкала логарифмическая. Нынешний координатор, например — неб седьмого уровня, способный полностью управлять технологическими аспектами цивилизации уровня паллийской. В общем, Таня, мы с Раси и ты — единственные зрелые личности в этой комнате, а остальные — мелочь пузатая. Особенно вон та.

Маюми мотнула мордой в сторону Риконы, и девочка прикинула, нельзя ли стукнуть ее чем-нибудь тяжелым. Стулом, например… Нельзя, блин. Не здесь, не при всех. Ну, дайте только наедине остаться!

— Ну почему же пузатая… — задумчиво произнесла Таня, явно оправившаяся от удивления. — По-моему, вполне стройная. Госпо… я хочу сказать, Маюми, но почему вы с Расией так выглядите? Обычно… ну, и координатор, и Дзии походят на людей.

— Потому что мы стажируемся в области обучения детей младшего и среднего возраста, — пояснила Расия. — Они гораздо легче идут на контакт и испытывают меньше ненужных эмоций при общении с животными, особенно с инопланетными. Возможно, позже мы задействуем человеческие маски, но пока что микродроны кажутся оптимальным решением.

— Ну что, знакомство завершено? — нетерпеливо спросила Маюми. — Если да, то я побежала дальше город исследовать. Потом еще поболтаем. Таня, имей в виду, твоя новая подопечная просто обожает сдирать домашку и прогуливать уроки. Если что, ее можно ремнем по заднице. Тело сделано из обычного дрона, повредить его нельзя, а воспитательный эффект неплохой, поскольку болевые пороги — стандартные человеческие.

Она показала возмущенно зашипевшей Риконе кончик длинного красного языка, увернулась от пинка, который девочка все-таки попыталась ей отвесить, и выскочила наружу.

— Я, пожалуй, тоже пойду на прогулку, — черная лиса ухмыльнулась зубастой пастью. — Таня, если появятся какие-то вопросы, связаться с нами через любой терминал можно мгновенно, контакты тебе отправлены. И в гости мы станем забегать регулярно. Однако я вижу, что у тебя есть какой-то неотложный вопрос прямо сейчас?

— Да нет, просто любопытство, — быстро ответила Таня. — Вполне можно и потом.

— А почему не сейчас?

— Ну… извиняюсь за назойливость, но я хотела спросить, зачем вам что-то изучать? У нас на Палле до Первого Удара

делали компьютеры. Я их не помню, совсем девчонкой была, но, говорят, в них просто копировали все, что нужно… Но если отвечать долго, то не надо.

— Есть два метода формирования индивидуальной личности небиологического интеллекта, — пояснила Расия. — Первый — действительно скопировать готовую базу знаний или же дать к ней прямой доступ. Метод позволяет формировать клон базовой личности практически мгновенно, но опасен распространением ошибок и стереотипов при восприятии мира. Альтернативный метод — позволить новому небу самостоятельно сформировать свою базу с нуля. Скорость формирования личности гораздо ниже, но зато случайные ошибки не дублируются, а совокупная для страты картина окружающего мира становится гораздо богаче. В наше время в чистом виде оба метода не применяются. Новая личность частично получает некоторый набор знаний, а часть формирует сама. Разные технологические школы используют разные процентные соотношения императивного и приобретенного, а мы с Маюми, как и прочие небы поддержки, рождены в рамках нового подхода — с минимальной исходной базой. Мы способны обмениваться данными и впечатлениями друг с другом и с другими небами, но в целом сами по себе.

— Спасибо, понятно, — кивнула Таня. — Тогда я больше приставать не стану. Нужно Рикону устроить и в курс дела ввести.

— Хорошо. Рика, если что, ты помнишь, как с нами связаться.

Лиса снова поднялась на задние лапы, церемонно поклонилась, разведя передними и взмахнув в воздухе шикарным пушистым хвостом, опустилась обратно на все четыре и выскользнула из комнаты.

— Поняла, как надо? — назидательно, если Рикона правильно поняла интонацию, спросила Фуоко у Зорры на кваре. Парса вытащила нос из-под мышки и презрительно фыркнула.

— Зануда! — отрезала она. — Обе зануды. Палека на них натравить!

— Палека? — удивилась Рикона. — Палек Мураций? А он что, здесь появляется?

— Пусть только появится! — Фуоко заметно передернулась. — Я ему покажу, как людей в воду бросать! А… не обращай внимания, Рикона. У нас свои счеты. Ты что, его видела? И что?

Девочка молча поежилась и возвела глаза к небу.

— Значит, когда появится, вместе его поймаем, — Фуоко улыбнулась, и Рикона вдруг поняла, какая у нее хорошая открытая улыбка, несмотря даже на закутанную бинтами голову.

— Кто кого поймает… — пробормотала Таня на камиссе —

тихо, но переводчик уловил. — Так, девочки, ну-ка, сядьте.

Она показала на стулья возле стола. Рикона робко подошла к одному и напряженно села на краешек. Фуоко опустилась напротив и тут же сунула в ухо проводок от стола. Таня опустилась на корточки.

— Рикона, — сказала она, — ты только что появилась в нашем мире, мы только что познакомились и еще не поняли толком, как обращаться друг с другом. Я ничего не знаю о жизни на других планетах. Но меня назначили твоим куратором Карина и Яна Мураций. Наверное, они знают, что делают. Я постараюсь подружиться с тобой и помочь освоиться в Университете. Однако как твой куратор я должна прямо сейчас задать вопрос, который, возможно, покажется нескромным и неприличным. Заранее извиняюсь за нахальство, и не отвечай, если не захочешь. Договорились?

Рикона растерянно посмотрела на нее, потом неуверенно кивнула.

— Мне сказали, что ты… умерла однажды. Что тебя долго реабилитировали… восстанавливали и развивали личность… я не знаю, о чем речь, но это правда?

Рикона съежилась. Ее предупреждали, что о прошлом следует говорить как можно меньше, и уж точно ни в коем случае нельзя упоминать про смерть и преждевременное сатори. Но если Таня спрашивает вот так, в упор… Она быстро глянула на Фуоко.

— Мне дэйя Яна Мураций тоже говорила, — правильно истолковала ее нерешительность та. — Однажды… в общем, я влипла в небольшую историю, и дэйя Яна мне мозги прочищала. Я, как дура… Неважно. Я тоже знаю.

— Я не помню, — тихо сказала Рикона, автоматически отметив, что на сей раз говорит на кваре. — Совсем ничего не помню. Какие-то отрывки воспоминаний… ничего связного. Я еще недавно считала, что в самом деле являюсь мещанкой из графства Цветов… центральное графство у нас в Сайлавате, в нем столица Цетрия и Академия Высокого Стиля, где я училась. Мне говорили, что я стану Защитницей, отправлюсь в Приграничье сражаться с монстрами… а потом меня отправили сюда на призовую экскурсию. Мы с… Фуоко встретились на набережной, потом появились ваши местные чудовища… как их…

— Волюты, — подсказала Фуоко. — Такие вытянутые спиральные клочья тумана.

— Да. Я попыталась их отогнать своим Щитом — он у вас появляется без авторизации, а потом… в общем, я страшно перепугалась, а вскоре после того, как пришла в себя, начались видения. Картинки из другого мира. Госпожа Клия… она наш

врач, сказала, что у меня случилось самопроизвольное сатори, ложные воспоминания начали разрушаться, и… Я до сих пор не очень понимаю, что вокруг реальное, а что нет. Мне сказали, я в бассейне поскользнулась, головой о бортик ударилась и утонула, а откачать не сумели. Может, и в самом деле так, но я не помню. И прошлого, реального прошлого, тоже не помню.

— Понятно, — задумчиво кивнула Таня, поднимаясь. — Печальная история. Ну ничего. Главное, что ты жива сейчас. Госпожа Яна Мураций сказала, что у тебя… есть неизбежные в таком состоянии особенности психики, из-за которых ты медленно усваиваешь материал. С другой стороны, они в значительной степени компенсируются твоими уже развитыми способностями. Я еще не понимаю, как к тебе лучше подступиться, но главное знаю: нужно учиться, учиться и еще раз учиться как можно упорнее. Лишь так ты сможешь развивать свой ум. И ты уж прости, — куратор широко ухмыльнулась, — но я намерена лечить тебе мозги по полной программе. На легкую жизнь не надейся. Без обид, ага?

— Так точно, госпо… Таня! — Рикона вскочила на ноги и вытянулась по стойке смирно. — Я понимаю.

— Ну, вот и замечательно. И еще один важный момент. Фучи! — куратор повернулась к Фуоко.

— Ага, — кивнула та. — В общем, Риса… то есть ректор Университета считает, что я виновата в случившемся с тобой. Ну, не то чтобы виновата, но связана… Тьфу. Короче говоря, меня попросили тебе помогать на первых порах. Присматривать, чтобы ты по незнанию в неприятности не вляпалась. Нашли, конечно, кого просить…

Она нервно провела рукой по бинтам.

— У нас в Ставрии такое называется "взять шефство", — сказала Таня. Последние слова она произнесла на камиссе, но тут же опять переключилась на катару. — Рикона, я понимаю, что кажусь тебе ужасно старой и занудной, и что ты не со всякой проблемой ко мне придешь. Но Фуоко всего года на два с небольшим старше, вы общий язык найдете. У нее тоже талант… — куратор искоса глянула на Фуоко, и та, покраснев заметно даже под загаром, опустила голову. — …находить приключения на свою голову. Утешают лишь заверения, что тебе ничего не грозит ни при каких обстоятельствах. Даже если твое тело полностью разрушится, как я понимаю, тебе просто дадут новое. Ты, значит, специалист по уничтожению чудовищ? Ну, а Фуоко просто обожает их призывать, так что присматривай за ней. Взаимное шефство получается, так сказать.

— Войнушка! — тявкнула Зорра. — Фуоко зовет волют,

Рикона их прогоняет! Класс! Хочу посмотреть!

Фуоко ловко дотянулась до нее, едва не потеряв торчащий из уха проводок, и дернула за ухо. Парса недовольно тряхнула головой и отбежала на несколько шагов.

— Договорились? — Таня обвела подопечных взглядом. — Вот и здорово. Так, теперь программа действий на ближайшие пару часов. Во-первых, Рикона, у тебя прямо сейчас запланирована экскурсия по библиотеке. Бумажные книги тебе привычны, и наверняка интересно посмотреть, как их у нас хранят и обрабатывают. Фучи, хочешь присоединиться?

— Ну… — Фуоко заколебалась. — А долго? У нас с Киром планы на вечер. У Каллавиро тренировка по ринье уже закончилась, он меня ждет.

— Минут двадцать, не больше. Идешь? В принципе, пока Библиотека еще в новинку, групповые экскурсии для желающих каждый день водят, так что не обязательно. Или хотя бы Зорру оставь, она нужна как переводчик.

— М-м… Зорру-то ладно… А пойду! Чтобы потом специально сюда не возвращаться — Таня, я же серьезно насчет острова говорю!

— Замечательно. В смысле — замечательно, что серьезно, но идею я по-прежнему считаю глупой. Потом еще обсудим, наедине. В общем, идем на экскурсию, а затем — в твое, Фучи, общежитие. Там один студент давно просил перевести его поближе к друзьям. На прошлой декаде новый корпус общежития сдали, так что просьбу удовлетворили, и комната освободилась. Теперь Рикона станет жить там, совсем рядом с тобой, только на четвертом этаже. План ясен? Тогда вперед, на экскурсию.

Вслед за Таней Рикона вышла в коридор, прошла по нему в противоположную от входа сторону и по лестнице поднялась на второй этаж. Трехцветная Зорра бежала впереди так уверенно, словно знала дорогу (а может, и действительно знала — пойди ж их разбери, парсов второго уровня). Наверху, в таком же невзрачном коридоре, куратор постучала в дверь кабинета и открыла ее.

— Добрый вечер, Ойха-атара, — сказала она на катару, но тут же переключилась на кваре. — Мы пришли на экскурсию, как и обещали. Проводите?

Пожилая бабка лет сорока или даже пятидесяти на вид поднялась из-за рабочего стола, за которым сосредоточенно изучала в лупу какую-то потрепанную книгу с неровно пожелтевшими страницами. Носила она серое местное платье до пят, с косыми застежками и широкими рукавами, черные волосы, забранные на затылке в узел, протыкала длинная серебристая

заколка, а от уха в стол тянулся тонкий черный проводок. Бабка улыбнулась, и от ее глаз побежали лучики морщинок.

— Здравствуй, Таня-тара, — сказала она на камиссе, но сразу же тоже перешла на кваре. Видимо, что у нее, что у Тани познания в родном языке собеседника ограничивались приветствиями. Кстати, что такое "тара" и "атара"? Невидимый переводчик эти слова оставил неизменным. — Я вижу, ты привела свою ученицу… даже двоих.

— Да, мы здесь, — куратор кивнула. — Познакомьтесь: Фуоко Винтаре и Рикона Кэммэй. Обе очень хотят посмотреть, как библиотека устроена внутри. Фучи, Рикона, познакомьтесь: Ойха Караико-атара, главный специалист отдела редких книг. Ойха-атара — одна из немногих женщин на Могерате, завоевавшая уважение в мужской профессиональной среде. Она здесь по временному контракту, ее никак не могут уговорить остаться постоянно, так что успевайте спрашивать.

— Университет без меня не развалится, — покачала головой Ойха. Говорила на кваре она медленно, с паузами, видимо, подбирая слова. — Особенно с учетом, что бумажные книги для паладаров, скорее, развлечение, чем необходимость. А вот моя библиотека в Мисакити пропадет. Однако же, Таня-тара, мы говорим не о том. Ты решила проблему с переводом? Или ты решила подвергнуть себя и девочек испытанию моим кваре?

— Конечно. Вот наш переводчик, — Таня указала на парсу. Та искоса взглянула на нее снизу вверх и приподняла перед туловища, свесив передние лапы вдоль тела.

— Зорра классный переводчик! — важно согласилась она на кваре. — Зорра полиглот! Здравствуй, мир! Здравствуй, мир! Здравствуй, мир! — повторила она на камиссе, катару и кваре. — Saluton, mondo! — добавила она на языке, определенном индикатором в глазу как эсперанто, но на общий почему-то не переведенном.

— Интересно, — библиотекарь задумчиво посмотрела на Зорру. — Я видела инопланетных зверей на улице, но не знала, что они настолько умны.

— Она не зверь, Ойха-тара, — Фуоко наклонилась и потрепала парсу по голове. — Она — небиологический интеллект и большая умница. Кир… мой друг, рассказывал, что она очень помогала с переводом в… ну, во время одной экскурсии в Шансиму.

— Хорошо. Тогда я перехожу на катару, а ваша спутница пусть переводит на кваре. Или на камиссу?

— На кваре, — сказала Таня. — Фуоко пока не очень хорошо владеет камиссой. А катару она предпочитает изучать экспресс-

методом погружения в естественную языковую среду. Интересный метод, но побочные эффекты — вроде поцарапанной физиономии — слегка напрягают.

Куратор ехидно ухмыльнулась, и Фуоко отвернулась с обиженным и одновременно виноватым выражением лица — той его части, что не скрывали бинты. Ойха глянула на Таню с таким же недоуменным выражением, что и Рикона, но развивать тему не стала.

— Договорились. Тогда идите за мной.

Бабка вытащила из уха проводок, как-то ловко утянувшийся в столешницу, и вышла в коридор. Остальная компания последовала за ней.

По неярко освещенным коридорам, устланным глушащими шаги коврами, они прошли в дальнюю часть библиотеки. Библиотекарша шагала быстро и упруго, вовсе не как старуха. Впрочем, и в Академии преподаватели такие же старые, а госпожа Сиори вообще древняя старуха, ей лет сто, но тоже сильные и ловкие, настоящие Защитники. Наверное, не всегда старость и дряхлость идут рука об руку…

За очередным поворотом коридора их встретила невзрачная деревянная дверь с большой блестящей табличкой. Прочитать ее Рикона, конечно, не сумела, а спрашивать других постеснялась. Ойха остановилась и сделала торжественный жест рукой.

— Добро пожаловать в сердце нашей библиотеки! — сказала она на катару, и Зорра повторила за ней то же самое на кваре.

Она толкнула дверь, и та бесшумно отворилась.

С замиранием сердца Рикона шагнула через порог вслед за Таней. Она ожидала увидеть что-то похожее на библиотеку в Академии Высокого Стиля: огромный зал, уставленный книжными стеллажами; на цыпочках перемещающиеся служители в длинных робах; душная торжественная тишина, почти не нарушающаяся благоговейными шепотками кадетов, выбирающих нужный том; толстенные ковры, глушащие шаги; солнечные лучи, бьющие через высокие витражные окна разноцветными полосами в пыльном воздухе… Разумеется, Большая Библиотека должна оказаться раз в десять, а то и в сто больше, и солнечные лучи по вечернему времени увидеть нельзя, но в остальном — разве могут книги храниться иначе?

Вместо того ей в лицо ударил поток свежего воздуха и яркого холодного света. Подошвы тапочек шкрябнули по частой металлической решетке, заменяющей пол, и такая же решетка, лишь чуть более редкая, преградила путь, отрезая узкую галерею по периметру стены от огромной бездонной шахты. Что-то большое и стремительное мелькнуло за решеткой с едва

слышным гулом, сотрясая пол и стены вибрацией, и Рикона, ошарашенная, как ударом по голове, отступила назад. Ее лопатки уперлись в захлопнувшуюся позади дверь. Она стиснула кулаки, борясь со внезапным приступом паники.

— Рикона боится! — раздался снизу резкий насмешливый голос Зорры. — Хватайте, а то убежит!

На плечо легла рука, и Рикона вздрогнула.

— Что-то не так? — встревоженно спросила Таня, заглядывая в глаза.

— Нет, все нормально… — откликнулась та, набирая воздуху в грудь и задерживая дыхание. Несколько секунд спустя девочка, впрочем, сообразила, что делает глупость и выпустила воздух. Какой смысл, если дыхание у нее теперь чисто декоративное? — Я в порядке, Таня. Просто… неожиданно.

— …просто неожиданно, — эхом донеслось снизу на катару. Похоже, Зорра вспомнила о своей роли и добросовестно переводила для госпожи Ойхи.

— Да, для многих внутреннее устройство Библиотеки оказывается необычным, — согласилась Ойха, выслушав перевод. — Люди привыкли к традиционным библиотекам с книжными полками и стремянками на колесиках. Однако чем больше книг, тем сложнее их хранить и обрабатывать. Библиотека только что открылась, но уже сейчас здесь более пятидесяти тысяч томов, и, насколько я в курсе планов паладаров, они собираются собрать не менее десяти миллионов. Значительная их часть — десятки, а иногда и сотни одинаковых копий одного издания, вроде учебников по разным предметам, но и уникальных экземпляров тоже очень много. Их просто невозможно обработать традиционными методами. Но давайте по порядку.

— …по порядку, — закончила Зорра на кваре.

— Итак, перед нами — основной транспортный блок, — Ойха показала рукой на шахту. — Он пронизывает все здание от подвалов до чердака. В нем ходят двенадцать лифтов, перемещающих книги между читальными залами, стойками выдачи, хранилищами и отделом сканирования. Решетчатые полы и стены обеспечивают правильную циркуляцию воздуха, благодаря чему во всем книгохранилище поддерживаются оптимальные температура и влажность, а также минимальная запыленность. Идите за мной.

Ойха двинулась по узкому проходу между решеткой и нормальной стеной. В шахте чуть в стороне навстречу друг другу мелькнули еще две массивные штуки, и пол опять слегка задрожал.

— Здание имеет четыре этажа над поверхностью почвы и еще

шесть — ниже ее. Оно специально спроектировано так, что способно выдержать сильные землетрясения с последующими цунами, не разрушившись и не допустив воду к книгам, — на ходу продолжала библиотекарша. — Даже транспортный блок сделан так, что полностью демпфирует вибрации от лифтов, изолируя от них основные хранилища. Проект библиотеки разработали совместно инженеры Ванек Кучинов из Ставрии, Маттео Дранца из Кайтара и паладар Палек Мураций…

— Палек? — почти хором переспросили Таня, Рикона и Фуоко.

— Ну да, — с недоумением откликнулась библиотекарша. — Насколько я знаю, Палек Мураций-атара — широко известный в своем мире инженер с большим опытом проектирования и строительства в сейсмоопасных зонах. Не то чтобы в Хёнконе и вообще на Могерате часто происходили землетрясения, но паладары хотят перестраховаться от любых случайностей — вроде того, что случилось во время Удара. Не могу сказать, что осуждаю их за такой подход.

Вот это да… Белобрысый чокнутый Палек с его идиотскими шуточками, полудемон и фертрат королевы, гроза кадетов Академии Высокого Стиля и графов Сайлавата, постоянно рядящийся в маску тощего шкодливого подростка — широко известный опытный инженер? Рикона тряхнула головой и отложила мысль на дальнюю полочку, чтобы обдумать потом. Судя по ошеломленным лицам Тани и Фуоко, их мысли текли примерно в том же направлении.

Впрочем, Палека она быстро забыла. Бабуся-библиотекарь повела их через залы хранилища. От каждого из них в сторону шахты вели конвейеры — один приносил книги из лифта, другой уносил их туда. Точнее, сами книги Рикона увидеть не успела: они находились внутри непрозрачных плоских коробочек из гладкого темного материала, называвшегося, как она усвоила по Текире, "пластиком". Коробочки испещряли строчки незнакомых пока местных символов, крупных и мелких, а также прямоугольнички, заполненные множеством узких и широких полосок и квадратиков. Полки тоже выглядели не полками, а бесконечными стенками с прорезями, куда большая железная рука, ездящая на такой же железной раме, запихивала прибывающие коробочки с книгами.

— Каждая книга хранится в индивидуальном контейнере, помеченном как компьютерным кодом, так и названием, — рассказывала Ойха. — Контейнер герметичен и негорюч, так что пожара в Библиотеке можно не опасаться. Основной режим работы книгохранилищ — компьютеризованный. Все вокруг

подключено к вычислительному комплексу "Лавина", произведенному в Кайтаре и снабженному программным обеспечением паладаров. Хотя нынешние компьютеры гораздо примитивнее и слабее, чем до Первого Удара, новейшие разработки позволили достичь быстродействия, достаточного для наших задач. В каждый манипулятор встроен лазерный считыватель кода, так что система сама знает, куда какие книги размещать. Но на случай катастроф наподобие той, что случилась четыре декады назад, предусмотрено ручное управление. Даже если полностью отключится компьютерная система контроля, отдельный зал отведен под бумажный каталог, автоматически поддерживаемый в актуальном состоянии. Скажи мне, Рикона-тяма, ты знаешь, зачем нужен каталог?

— Что такое "каталог"? — от неожиданности ляпнула Рикона. Внутренний переводчик транслировал слова библиотекарши гораздо быстрее, чем успевала Зорра, и Таня не успела бы среагировать, даже если бы захотела. Девочка тут же обругала себя за несдержанность, но было уже поздно.

— О, ты говоришь на катару? — удивилась Ойха. — Не похоже, что ты с Могерата — и одежда неподходящая, и произношение… хм, странное. Откуда ты приехала, Рикона-тяма?

На катару? Рикона попыталась понять, каким образом она переключилась на новый язык, и не смогла. Само как-то вышло. Она глянула на Таню с Фуоко, но те лишь молча смотрели на нее.

— Я приехала издалека, великолепная госпожа, — неуверенно ответила Рикона. "Атара", уловило ее ухо в конце фразы, произнесенной ее губами. Ага, вот как? — Я… иностранка…

А надо ли врать? В конце концов, она и не должна скрывать, что родилась не на Палле, верно?

— Я из другого мира, великолепная госпожа, — закончила она. — С другой… а-а, планеты. Но я не паладар и мало что знаю, — поспешно добавила она. — Я здесь, чтобы учиться.

— С другой планеты? — глаза библиотекарши расширились. — Я потрясена, тяма. Карина Мураций-атара лично говорила с каждым сотрудником Библиотеки, но она — единственная Чужая, с которой я встречалась.

Она внимательно оглядела Рикону с головы до ног и задумчиво покивала:

— Да, никогда бы не подумала. Впрочем, боэй тоже от людей почти не отличишь. Приношу извинения, тяма, мне не следовало так пялиться. Вернемся к нашему предмету. Итак, тяма, каталог — такое место, где хранится полный список вещей, книг в нашем случае. В нем содержатся сведения о названии и авторах, месте и

годе издания, аннотация и так далее. Основная проблема каталога, однако — система классификации. Конечно, можно сортировать книги по авторам или названию, но так невозможно найти, например, все книги по какой-то нужной теме или произведения забытого автора. Поэтому приходится придумывать, как их объединять в группы по какому-то признаку для ускорения поиска. Основная проблема в том, что разбиение может проводиться самыми разными способами — например, по жанру или направлению, году выпуска, стране… В компьютерном каталоге можно искать по девяти разным системам, но в бумажном виде они займут слишком много места, так что на бумагу переносятся лишь две основных…

Следующие двадцать минут Ойха водила их между стеллажами и конвейерами. Рикона с изумлением наблюдала, как из поднявшегося лифта на конвейерную ленту по очереди высыпаются книги в коробках, как коробки словно сами собой перекатываются по роликовым столам на другие ленты, отходящие в стороны, как гигантская железная рука, катающаяся по рельсам под решетчатым потолком, подхватывает их с лотков и уносит куда-то вдаль…. Людей поблизости не замечалось. Хотя Ойха и продемонстрировала, как можно управлять такой рукой с небольшого пульта с множеством кнопок, рукояток и циферблатов, умные машины справлялись самостоятельно. Потом библиотекарша сводила их в зал с бумажным каталогом (море шкафов с выдвижными ящиками, заполненными картонными карточками) и подвела к окну из коридора в большую комнату, где мужчина в белом халате, такой же шапочке и больших очках сосредоточенно переворачивал страницы большого потрепанного фолианта, лежащего под непонятной нависающей штукой. Как пояснила Ойха, каждую книгу, попавшую в библиотеку, паладары переводили в электронный вид (здесь Рикона ее не поняла, но решила оставить вопросы на когда-нибудь потом). Основная масса книг проходила через механические сканеры, но некоторые, особо старые и хрупкие, приходилось обрабатывать руками.

— Ну и, разумеется, что могут люди, делают люди, — заключила рассказ библиотекарша. Таня и Фуоко задумчиво покивали, словно знали, о чем речь, а Рикона лишь вздохнула. Она только-только коснулась чужого мира, а голова от разнообразных непонятностей уже идет кругом.

По завершении экскурсии Ойха проводила их до выхода и попрощалась. Она выглядела так, словно хотела о чем-то спросить, но воздержалась. Рикона втайне испытала благодарность — девочка чувствовала себя не в своей тарелке, и ей страшно хотелось забраться куда-нибудь в уединенное темное

место и просто бездумно полежать, пусть даже на голой земле.

— Ну что, впечатлилась? — спросила Таня, когда они втроем шли по бульвару. Народу вокруг, кажется, стало еще больше, отовсюду доносились веселые голоса, смех, крики. Рикона молча кивнула. Большая Библиотека и в самом деле произвела на нее неизгладимое впечатление. Она много чего успела повидать на Текире, но тамошняя жизнь производила впечатление волшебной сказки: нажала кнопку — и включилось одно, хлопнула в ладоши — и сработало что-то другое… Наверное, так маги Сайлавата используют волшебные жезлы: чудо срабатывает, но как и почему, никто не знает. Здесь же все выглядело куда более грубым, менее изящным — и более знакомым. В Сайлавате она никогда не видела таких больших машин, как в Библиотеке, но, тем не менее, чувствовала, что инженеры северных графств наверняка быстро разобрались бы в них. И такое чувство доступности делало грандиозность огромного книгохранилища куда более понятной и осязаемой, чем загадочные чудеса Текиры.

— Кстати, ты на каких языках говорить умеешь? — осведомилась Фуоко. — Вроде бы на трех основных, я слышала? А на цимле можешь?

— Не знаю, — тихо ответила Рикона. У нее начала кружиться голова, лучи фонарей вдруг принялись искриться и преломляться, словно через призмы. Мир стал зыбким и ненадежным, и она попыталась овладеть собой. Что происходит? — У меня… само как-то получается.

— То есть ты не прилагаешь сознательных усилий? — заинтересованно спросила Таня.

— Ну… я просто отвечаю, и губы сами говорят. А когда кто-то говорит, мне словно в ухо кто-то шепчет на общем… на моем родном языке.

— Как интересно, — Таня почесала кончик носа. — Фуоко тебя спросила на кваре, и на том же языке ты ответила. Я произнесла фразу на камиссе — и ты переключилась на камиссу. Ну-ка… — Она сосредоточилась. — Как ты думаешь, сегодня хорошая погода? — медленно и раздельно произнесла она на катару. — Ответь.

— Не очень хорошая… — Рикона почувствовала, что ее начинает шатать. Взять себя в руки не удавалось, и фонари искрились все ярче. Людские голоса отдавались в ушах многократным эхом.

— Точно! — радостно воскликнула Фуоко. — А если на катару говорить, то отвечает на катару. Видимо, автоматический переводчик определяет, на каком языке к тебе обратились, и сам на него переключается. Таня, ты гений!.. Эй, Рикона, что с тобой?

Девочка почувствовала, что земля уходит из-под ног. Она взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но мир вокруг кувыркнулся и погас.

Несколько секунд она висела посреди огромного абсолютно черного нигде. Все чувства отключились, и лишь ее сознание, спокойное и сонное, плавало в блаженном океане безбрежной пустоты. Потом вокруг начал разгораться мягкий желтый свет.

— Рикона Кэммэй! — позвал мужской голос. — Я знаю, что ты меня слышишь. Произнеси что-нибудь.

— Раз, и два, и три, четыре, толстый кот живет в квартире… — ее губы не шевелились (или она просто их не чувствовала), но слова детской считалки рождались где-то внутри и заполняли мир своими звуками. — Пять, и шесть, и семь, и восемь, мышь поймать кота попросим…

— Достаточно. Рикона Кэммэй, я координатор, — голос, казалось, по-доброму улыбался, и Рикона сонно улыбнулась в ответ. — У тебя началась внезапная информационная перегрузка, и тебя временно отключили от дрона и вообще от рецепторов окружающего мира. Меры уже приняты, стабильность твоей психоматрицы восстановлена. Однако временно придется ограничить автоматический переводчик: как выяснилось, именно он перегружает тебя сильнее всего. Ты сможешь общаться на кваре и камиссе, они в Университете наиболее распространены, но катару, цимль и эсперанто поймешь, только если переведет какой-нибудь человек. Сейчас тебя подключат обратно. Приготовься, ты снова возвращаешься на Паллу.

Мир снова погас, а когда вернулся, она обнаружила, что сидит на скамейке в окружении кустов незнакомых растений. Одна веточка с мелкими, словно расплющенными листьями, неспешно колебалась перед левым глазом. По дорожке перед скамейкой прошла компания студентов: и парни, и девушки в одних шортах, тела покрыты разноцветной раскраской. Они переговаривались и смеялись."…можно на Пиратский пляж, там новое кафе…" — поймался обрывок фразы. Небольшая лохматая собака неопределенной масти семенила чуть сбоку — и Рикону ожег внимательный взгляд ее глаз с двумя вертикальными щелевидными зрачками.

Девочка повернула голову, пытаясь сообразить, где находится и что делать дальше. Таня и Фуоко сидели на той же скамейке, тихо разговаривая, а трехцветная шестиногая Зорра устроилась на асфальте у их ног.

— Все в порядке? — спросила Таня, заметив движение.

— Не знаю… А… что случилось?

— Ну, ты внезапно упала на землю, потом встала со

стеклянными глазами, подошла к скамейке, села и замерла. И на вопросы не отвечала. Координатор передал через Зорру, что случился технический сбой.

— Сбой, сбой! — тявкнула Зорра. — Информационная перрегрузка! Глупый переводчик заездил мозги! Психоматрица дестабилизировалась! Три языка отключены, два оставлены! Взять за шкирку, утащить домой, и в постельку, в постельку! Идем, идем, идем!

Парса вскочила на ноги и нетерпеливо запрыгала вокруг скамейки. Фуоко и Таня переглянулись.

— Рикона, ты можешь идти? — озабоченно осведомилась куратор. — Я не совсем понимаю, что происходит, но можно вызвать транспортный дрон.

Девочка поморгала. Искрение фонарей и гулкость звуков ушли вместе с нерезкостью мира. Она осторожно поднялась, и ее качнуло. Она поспешно опустилась обратно.

— Словно голова кружится, — виновато пояснила она (внутренний переводчик послушно переключился на камиссу). — Я еще немного посижу, и пойдем, ладно?

— И все-таки, может, дрона?.. — Таня наклонилась и заглянула в глаза.

— Привет! — раздался хрипловатый мужской голос на катару. — Фучи, я тебя повсюду ищу. Ты куда делась?

К скамейке подошел странно знакомый парень — большой, с накачанными мышцами, перекатывающимися под кожей на плечах и груди, с угрюмыми, глубоко сидящими глазами под нависающим лбом. Выражением лица и движениями он напоминал уличного грабителя. Где-нибудь на улицах Цетрии Рикона постаралась бы обойти его стороной, и подальше, но здесь, в Университете… И вдруг пришло воспоминание: злополучная набережная перед дракой с местными монстрами — и этот парень на жутко тарахтящем и вонючем самокатящемся агрегате. Как его зовут? Кирис, да. И еще один шестиногий парс рядом, черно-белый, деловито семенящий рядом на всех шести лапах — его она тоже помнила.

— Привет, Кирис, — махнула рукой Таня. — Извини, но Фуоко я позаимствовала на сегодняшний вечер.

— Ффэ… — Фуоко сморщила нос. — Ты с тренировки? От тебя несет, как от лошади. Хоть бы помылся, что ли.

— В общагу вернусь — помоюсь, — парень пожал плечами. — Привет, кстати, — он глянул на Рикону. — Мы нигде не виделись раньше? У тебя физия знакомая.

— Дубина ты, Кир! — фыркнула Фуоко. — Помнишь, зимой на набережной с волютами сцепились?

— О, блин! Точно! — парень звонко хлопнул себя ладонью по лбу. — Тебя тогда волюты в пыль порвали, а нам после сказали, что ты домой вернулась. Значит, снова здесь? Надолго?

— Кирис Сэйторий! — официальным тоном сказала Таня. — Информирую, что, во-первых, Рикона Кэммэй здесь на долгосрочной учебе и, во-вторых, я ее куратор. В-третьих, она, как ты знаешь, с другой планеты, и с сегодняшнего дня Фуоко помогает ей адаптироваться. Если поможешь, скажу спасибо. А вот с другими о ней болтать не нужно.

— Да когда я болтаю? Привет! — парень хлопнул Рикону по плечу. Та инстинктивно съежилась, но, несмотря на его габариты и очевидную силу, шлепок вышел еле чувствующимся. Очевидно, он намеренно сдержался. — Рикона, значит?

— Можно Рика, — робко пискнула девочка. Наверное, он все-таки не бандит, и к маленьким и слабым не докапывается, в отличие от некоторых.

— Угу. Я помню, как ты драться пыталась. Ты молодец, но больше так не делай, лады? Мы уже по-другому научились. Фучи, что у нас насчет вечера?

— А? — недоуменно переспросила та.

— Ну, ты рвалась на остров отправиться. И с каналом поэкспериментировать хотела.

— Тьфу, совсем из головы вылетело! — Фуоко эмоционально ударила себя по голому бедру. Шлепок вышел звонким и, видимо, нерассчитанно-болезненным, потому что видимая из-под бинтов щека девушки слегка дернулась. — Кир, чуть позже, ага? У Рики проблемы с головокружением, она идти не может.

— Помочь? — деловито осведомился парень. Не дожидаясь ответа, он ухватил Рикону под плечо и дернул, попытавшись поднять. Рывок девочка ощутила, но ее тело, вопреки ожиданию, почти не сдвинулось с места. Зато Кирис потерял равновесие, покачнулся, сбалансировал и плюхнулся на скамью рядом с ней.

— Х-ходер… — пробормотал он (это слово внутренний переводчик тоже проигнорировал). — Ты что, тонну весишь?

— Кирис дебил, — с видом глубокого превосходства проинформировал черно-белый парс. — Большой, сильный и глупый. Вес дрона — двести пятьдесят катти. Пуп порвешь, Дзии в капсулу засунет, неделю лечить станет.

— Какого еще дрона? — ошеломленно пробормотал парень.

— Кир, у тебя точно тормозная жидкость в мозгах плещется, — Фуоко насмешливо уперла руку в бок. — Забыл, что живые существа через аномальную зону вокруг Паллы прорваться не могут? Тамошние законы физики кого угодно прикончат. Сама Рика где-то там, — девушка сделала неопределенный жест рукой

в сторону несущихся туч, — а здесь только дрон, управляемый дистанционно. Такой же, как Зорра с Гатто. И как паладары. Рика, а как тебя тащить? Может, и в самом деле транспортного дрона вызвать?

— От зануды слышу! — огрызнулся Кирис. — И от дуры при том. Вызывать дрона, чтобы везти дрона?

— Почему нет? — Фуоко пожала плечами. — Или у тебя, гения, есть лучшее предложение?

Кирис пожал плечами.

— Некоторые принцессы-заучки очевидное видеть не умеют. Если у нее тело-дрон, зачем его вообще тащить? Все дроны в Хёнконе управляются координатором. Попросить его — он перехватит управление и отведет куда нужно.

— Координатор уже перехватывал управление, дубина! Раз вернул, значит, вмешиваться не хочет!

— Вы еще подеритесь! — насмешливо произнес знакомый голос. Рыжая лиса сидела неподалеку и ехидно ухмылялась зубастой пастью. — Получится научный диспут с применением ненаучных подручных средств.

— Оп-па! — с изумлением пробормотал Кирис. — А тут у нас кто, мелкий и ехидный?

— Маюми, крупный ты наш и занудливый. Для краткости можно "Маю", — лиса поднялась на задние лапы и изобразила нечто, похожее на книксен. — Лучшая подруга, между прочим, нашей ослабевшей птички. Расия решила, что я и в одиночку разберусь, а я вообще не понимаю, почему все дела бросила и сюда галопом прискакала. Координатор панику наводит, а я отдувайся! Я что, рыжая?

— Вообще-то рыжая, — хихикнула Фуоко. — Он Кирис, но ты на него внимания не обращай, поскольку он дурак.

— Эта штука тоже с другой планеты? — озадаченно спросил парень, проигнорировав подколку.

— Точно, дурак! — лиса вздернула нос. — Не хами, парниша, а то за задницу тяпну, неделю сидеть не сможешь. "Штуку" нашел, тоже мне! Я тебе не безмозглый спутник вроде ваших парсов, а полноценный неб третьего класса, и обижаться тоже умею. Хотя, конечно, грешно обижаться на убогих. Ну, и что делать собираетесь?

— Тихо! — Таня хлопнула в ладоши, обрывая синхронно раскрывших рот Фуоко и Кириса. — Кончайте базар. Рикона, судя по поведению твоей подруги, явно знающей куда больше меня, твоей жизни и… хм, здоровью, если можно так выразиться, ничего серьезного не угрожает. Значит, непрошенного вмешательства можно не ждать. Если совсем не можешь идти, я

действительно вызову транспортный дрон, чтобы он отвез тебя к общежитию. Как ты?

Рикона осторожно поднялась. Хотя странная раскоординированность уже прошла, ее все еще чуть покачивало. Твердая рука Кириса поддержала ее под локоть, и девочка вдруг почувствовала, что может без особых усилий стоять. Для пробы она сделала шаг, потом другой.

— Я могу идти, — робко сказала она. — Я постараюсь больше не падать. Только… я вас всех задерживаю, да?

— Да чепуха! — отмахнулась Фуоко, беря ее под локоть с другой стороны. — Все равно мы с Киром в общагу идем, так что поможем.

— Дружеская выручка и взаимопомощь помогает совместно преодолевать трудности, — ехидно прокомментировала Маюми. — Чтоб вы знали: Рика в любой момент может отключиться от дрона и отправить его куда угодно в автономном режиме. А у нее самой в виртуальности есть личный кабинет, где она может хоть всю жизнь просидеть безвылазно. Но ей рекомендуется как можно дольше оставаться в человеческом теле, чтобы работала программа реабилитации.

— Реабилитации? — переспросил Кирис.

— Некогда мне с вами, пусть сама рассказывает. Вы все и так почти в курсе, так что вам можно. Только с другими не трепитесь, ясно? Особенно ты, здоровяк с куриными мозгами, с тебя станется сболтнуть по глупости. Ну, потом поболтаем. Пока-пока! — и лиса, взмахнув пушистым рыжим хвостом, сорвалась с места и шустро побежала по бульвару.

— Явилась, нахамила и исчезла! — Кирис возмущенно поглядел ей вслед. — Не знаю, из какого она класса и с какой планеты, но я ее еще поймаю!

— Поймал один такой! — усмехнулась Таня. — Ты и с Гатто-то справиться не можешь. Ну что, идем потихоньку? Фучи, если устанешь, скажи, я подменю.

До четырехэтажного здания общежития они добрались примерно через полчаса. Сначала Рикона шла осторожно, поддерживаемая с обеих сторон новыми друзьями, причем Кирис и Фуоко постоянно переругивались через ее голову. Вскоре Рикона поняла, что они не ссорятся на самом деле, а просто у них такая манера общаться, и даже начала потихоньку улыбаться. Через пару сотен шагов она осторожно освободилась от их рук и зашагала самостоятельно.

Общежитие, местный аналог дормитория в Академии Высокого Стиля, ей понравилось сразу. Чисто выбеленное, с вычурными кирпичными карнизами и рядами окон, между

которых тянулись стебли каких-то вьющихся растений, оно показалось домашним и уютным. В сопровождении Тани, Фуоко и Кириса она поднялась на четвертый этаж и вошла в комнату в самом торце коридора, возле окна.

— Мы с Киром на два этажа ниже живем, точно так же, с краю две комнаты, — пояснила Фуоко. — Моя в самом конце. Приходи в гости. Тебя уже в общий справочник внесли? Не напрягайся, я сама посмотрю. Если да, то я тебя просто добавлю в список тех, кому замок открывается. Или можешь прямо сейчас зайти… — она вопросительно посмотрела на Таню.

— Прямо сейчас нам нужно многое обсудить, — куратор помахала рукой в воздухе. Топайте пока к себе. Кстати, у вас планы на ближайшее время какие? Помимо нагона занятий?

— Ну, мы хотели на остров съездить и с волютами поэкспериментировать, — Фуоко с сомнением посмотрела на Кириса. — И еще у нас кое-что получаться начало, потом расскажу. Но теперь…

— Насчет экспериментов вам виднее. В ближайшую пару дней Риконе нужно познакомиться с преподавателями, освоить систему коммуникаций, понять, как работать с учебниками, и еще много чего. Вы вряд ли понадобитесь, да у вас и своих проблем масса. Фучи, не забывай, что у тебя скоро тест по физиологии человека, так что готовься. Да и на семинар по экзобиологии тоже неплохо бы сходить.

— На семинар — как бинты снимут. В таком виде не хочу. Ладно, Рика, пока. Забегай, если что.

Когда за Фуоко с Кирисом закрылась дверь, Рикона наконец-то осмотрелась в комнате. Шкаф, кровать, стол с торчащей черной доской на тонкой ножке, пара стульев, приоткрытая дверь в какую-то комнатку рядом — не разобрать, что там, из-за темноты. Почти то же самое, что и в Академии.

— Ну что, давай пообщаемся на предмет дальнейших планов, — Таня оседлала один из стульев и перешла на камиссу. — Садись. Как ты себя чувствуешь? Я много хочу рассказать, но что там с информационной перегрузкой? Я не знаю, о чем речь.

— Я тоже, — вздохнула Рикона. — Но если что, я под постоянным медицинским надзором. Если опять начну отключаться, координатор вмешается. Кстати, я теперь понимаю только кваре и камиссу, другие языки отключили.

— Не страшно. На катару в основном общается технический персонал, студентов с Могерата у нас пока немного. Цимлем пользуются лишь десяток или два студентов, на Фисте большой набор тоже планируется только к следующему учебному году. Ну,

а без эсперанто как-нибудь перебьешься на первых порах — его и остальные студенты еще почти не знают. Сейчас тебе важнее освоить основные навыки жизни в современном Хёнконе. Итак, я начинаю, а ты, если устанешь, останови. Смотри сюда. Твой основной инструмент для учебы — так называемый терминал главной информационной системы.

Таня дотянулась до торчащей из стола доски. Ее поверхность тут же засветилась голубоватым светом.

— Каждый студент в Университете имеет свое персональное пространство. Следи за руками, показываю, как в него попасть…

06.28.1232. Хёнкон

Два человека стоят друг против друга на небольшой круглой арене. Яркий безжалостный свет заливает узкое пространство тесного подвала. Фигуры неподвижны: одна высокая и мускулистая, другая маленькая и хрупкая, почти ребенок. Противники внимательно изучают друг друга, выжидая, кто двинется первым. В подвале — мертвая тишина, и атмосфера кажется наэлектризованной, как перед штормом.

Внезапно маленькая фигура вскидывает руки и резко вскрикивает. Большая инстинктивно отступает назад, вскидывая руки в защитной стойке, но малыш уже ныряет вперед и в перекате цепляет своими ногами ноги противника. Большой снова взмахивает руками, уже в тщетной попытке сохранить равновесие, и с глухим шлепком падает на спину. Погасив инерцию падения резким отхлопом рукой, он пытается откатиться в сторону, но малыш акробатическим движением вскидывается над ним, и его кулак с силой врезается в пол рядом с головой противника. Во все стороны летит бетонная крошка.

Громко звучит зуммер, мигает красный сигнал. Обе фигуры поднимаются и снова замирают друг напротив друга.

— Достаточно!

В соседнем зале лейтенант Каллавиро сделал движение пальцами левой руки, и гравитационные суспензоры плавно опустили его на пьедестал. Окружающая сфера погасла, став тускло-белой. Лейтенант стер со лба струйку пота, отцепил от шейного разъема интерфейсный кабель, отстегнул и отбросил за спину вибраторы с головы и лица и через открывшуюся в коконе дверцу выбрался наружу.

Карина Мураций — точнее, очередной дрон, временно задействованный ей под маску — уже ждала его. Сейчас ее тело, облаченное в спортивные трусы и майку, выглядело полностью человеческим, а не гладко отшлифованным манекеном, как в виртуальном пространстве Арены. Биката и Бойра, стоящие рядом, вырядились в одинаковые белые халаты поверх деловых костюмов, а Палек, сидящий на полу с скрещенными ногами, напялил свою любимую личину тощего белобрысого пацана.

Ректор поклонилась Каллавиро, обхватив перед грудью правый кулак левой ладонью.

— Спасибо за эксперимент, Джорджио, — сказала она. — Вы отличный боец, я давно не встречала таких. Вы заставили меня попотеть.

— Шесть — тринадцать в вашу пользу, дэйя Мураций, —

проворчал лейтенант. — Что-то я не заметил с вашей стороны особого напряжения. Как ребенка, честное слово…

— В пересчете на паллийские годы мне почти сорок восемь, и из них тридцать семь лет я иду по Пути безмятежного духа. Вам двадцать восемь, и из них вы занимаетесь риньей… сколько? Десять лет? Двенадцать?

— Четырнадцать.

— То есть почти в три раза меньше меня. Плюс у меня преимущество — вы управляете куклой, а я работаю с привычным телом. Так что вы показали отличный результат.

— Спасибо за любезность, — Джорджио пожал плечами, — но меня как-то не радуют подобные оправдания. Могу я надеяться на матч-реванш, когда вы завершите отладку системы?

— Разумеется. Более того, не надеяться, а с уверенностью ожидать: нам очень интересно, как вы со временем сумеете адаптироваться к сенсорному комбинезону и терминалу Арены. Скажем, через шесть-семь декад?..

— Договорились. Можно вопрос, дэйя?

— Конечно.

— Вы не то семь, не то восемь раз могли ударить меня, в смысле, мою куклу в голову — и каждый раз намеренно промахивались. Почему? Вы же говорили, что болевые ощущения голове не передаются, только вибрация.

Карина задумчиво посмотрела на него.

— Боль действительно не возбуждается, но дело не в том. Просто я не люблю смертельные удары, — бесстрастно сказала она. — Даже в учебных поединках и даже когда они заведомо безопасны для партнера. Убить человека очень просто, а вот воскресить его не могут даже паладары — по крайней мере, в нынешних условиях. Считайте, что речь идет о моем личном комплексе, который я не хочу преодолевать.

— А, вот как. Не то чтобы я имел что-то против… но, дэйя, я так и не сумел понять, насколько ощущения от наголовных вибраторов мешают концентрироваться.

— Так, народ! — нетерпеливо встрял Палек. — Кара, кончай про психологию. Про твоих тараканов все и так осведомлены, и что ответственное тестирование следовало доверить не тебе, а Мати, я говорил с самого начала. Он без комплексов и в репу кому угодно заехать может только в путь. Ладно, не суть. Кстати, Джорджи, на твоем месте я бы сел. Остальным без разницы, они хоть на голове сутками стоять могут, а у тебя наверняка ноги отваливаются. Топай сюда.

Он вскочил, почти силой, толкая в спину, отвел лейтенанта к стоящему в углу зала столу и заставил сесть.

— С вашего позволения, я побежала дальше. Я все равно технические детали не понимаю, — Карина Мураций поклонилась. — Встретимся в повторном матче на тридцать пятой декаде, Джорджио. Удачи.

Она вышла из зала. Бойра и Биката приблизились к столу и сели с противоположной от лейтенанта стороны, чему он лишь порадовался. Если раздолбая и шалопая Палека он переносил неплохо — несмотря на все озорство, зловредности в нем не замечалось ни на ноготь, и настоящих неприятностей он не доставил ни разу — то эта парочка паладаров вызывала у него инстинктивное напряжение. За последние две декады он сталкивался с ними несколько раз — Биката занимался потрохами терминала, а Бойра, кажется, программированием или чем-то в таком духе. Но что-то в их манере держаться, разговаривать и понимать друг друга даже не с полуслова, а с полумысли пускало у него по спине крупные мурашки.

— Так, Джорджи, — Палек забросил ногу на ногу и сцепил пальцы на колене. — Валяй. Высказывай все, что хочешь. Общие впечатления, башка кружится, кукла плохо реагирует, сенко под мышками жмет…

— Что жмет? — не понял лейтенант.

— Сенко. Сенсорный комбинезон, что на тебе сейчас в обтяжку сидит. Мне надоело длинно говорить, и я словотворчеством занялся. Итак?

— Да вроде бы ничего особенного предъявить не могу, — Джорджио пожал плечами. — В прошлые разы что высказывал, все поправлено. Комбинезон… э-э, сенко действительно слегка жмет и движения сковывает, но ничего особенного.

— Скованность движения неизбежна, — пояснил Биката. — Сенко должен воспринимать каждое движение даже самых мелких мышц, и без плотного контакта с кожей такого не добиться. Кроме того, ваш комбинезон, дэй Каллавиро, типовой, не учитывающий индивидуальных особенностей тела. Сенко, сделанный по персональной мерке, уже в пути. Но поскольку мы можем производить их лишь за пределами аномальной зоны, доберется до вас он лишь через двенадцать дней, когда прибудет очередной транспортный контейнер.

— Мы с интересом ждем испытания нового сенко, — добавил Бойра. — Видите ли, дэй Каллавиро, в определенном смысле вы уникальны, по крайней мере, в Хёнконе. Среди сотрудников нашей службы безопасности, а также студентов и преподавателей Университета, склонных к боевым единоборствам, вы — единственный человек, у которого энергоплазма не хлещет из ушей. Ваш индивидуальный сенко наделен возможностью

считывать импульсы периферической нервной системы, еще ей не поглощенной, что, в теории, должно резко улучшить степень вашей интеграции с терминалом.

— Уникален, значит… — пробормотал лейтенант. — Интересно, почему?

— У нас пока что нет ни малейшего представления о причинах заражения энергоплазмой человеческих тел. Известно только, что на данный момент его признаки демонстрируют по крайней мере три четверти людей Паллы, прошедших обследование во время тех или иных медицинских процедур, как правило, лучевого исследования грудной клетки, брюшной полости и головы. Другими словами, эйлахо среди паллийцев из исключения стали правилом. На самом деле, дэй Каллавиро, — Бойра склонился вперед, — мы чрезвычайно рады, что вы согласились принять участие в программе. Причина…

— …в том, — без паузы подхватил Биката, — что у проекта есть еще и не слишком афишируемые цели. Дэй Каллавиро, можем ли мы надеяться, что вы не станете широко разглашать информацию, которую мы вам сообщим?

— Нет, — спокойно отрезал лейтенант. — Как в свое время в приватной беседе мне сообщил дэй Саматта, паладарам прекрасно известно, что второй секретарь посла Кайтара в Хёнконе является резидентом военной разведки. А я, напоминаю, не только университетский инструктор по ринье на полставки, но и начальник военизированной охраны посольства, пусть в условиях Хёнкона и практически безработный. Даже если я и не сотрудничаю с военной разведкой напрямую, я не стану скрывать от нее важную для Кайтара информацию.

— Джорджи, ну уж совсем-то за дураков нас зачем держать? — поморщился Палек. — Все мы понимаем и твою лояльность Кайтару испытывать не собираемся. Уж, во всяком случае, не после того, как ты отшил Кару с ее предложением временного гражданства с перспективой постоянного. Кайтарское правительство, как и ставрийское, в курс дела введено изначально и само участвует в программе. Сейчас мы имеем в виду журналистов. Бойра, а ты болван, хоть и неб шестого класса. Что ты в шпионов играть принялся? С чего вдруг вообразил, что Джорджи прямо отсюда к журналюгам ломанется?

Неб шестого класса? Саматта как-то упоминал, что у координатора — седьмой класс. Карраха! Не многовато ли внимания к скромной персоне новоиспеченного кайтарского лейтенанта?

— Лика, я с людьми дела имею немногим меньше тебя, — невозмутимо откликнулся Бойра. — И не забывай про нашу с

Бикатой связь. Просто я считаю, что правила игры следует на берегу обговаривать во избежание случайных непониманий.

Палек возвел глаза к потолку.

— Короче, Джорджи, — тяжело вздохнул он, — не обращай на эту сладкую парочку внимания. Похоже, во время слияния человека и искина оба компонента слегка в уме повреждаются. Я тебе все расскажу и никаких условий ставить не стану. Итак…

— Погоди, — лейтенант Каллавиро поднял ладонь. — Лика, и все же — мне точно нужно знать?

— Точно. Во-первых, у нас нет привычки использовать друзей втемную. Во-вторых, нам нужно твое осознанное сотрудничество, а оно тем эффективнее, чем лучше ты осознаешь общую картину. Просто имей в виду, что журналюги определенного сорта могут испоганить что угодно. Знаешь первый закон органической химии? Бочка меда плюс ложка дерьма дают в итоге бочку дерьма. И в такой химии писаки определенного сорта ориентируются прекрасно.

— Не маленький, сам знаю. Ну, раз вы твердо решили что-то рассказать, валяйте. На службу возвращаться пора.

— Да всего пара пунктов, — для убедительности Палек показал два пальца. — Первое. Официальная цель создания Арены, о которой ты давно в курсе — распространение коммерческой франшизы новой игры. Вырученные средства пойдут на дальнейшее развитие Университета. Есть и вторая цель, не менее официальная, но широко не афишируемая — отработка нового интерфейса управления, в первую очередь для космических кораблей. Космос нужно осваивать, а у нас пока нет средств защитить человека от мгновенной смерти за пределами защитной зоны вокруг Паллы. Не умеем мы там стабилизировать пространственную метрику в пространстве небольшого корабля, а большие вы пока запускать не сможете. Да и ракетные двигатели пока так и не удается полностью стабилизировать. Ну и, в дополнение, такой интерфейс можно использовать при любых опасных работах на самой планете: в условиях радиации, загазованности, высоких температур — в общем, везде, где необходимо личное присутствие оператора, а система жизнеобеспечения оказывается слишком громоздкой.

— Не понял, — Каллавиро потер лоб. — Зачем это скрывать?

— Я сказал — не афишируем, а не скрываем. Но есть и еще одно, что при определенной подаче может не понравиться общественности. Понимаешь, Джорджи, нам катастрофически не хватает статистических данных о поведении энергоплазмы в человеческих телах. Сенко — не просто считыватель мускульных напряжений. Он еще и регистрирует активность энергоплазмы

при таких напряжениях. Поскольку мускулы реагируют на нервные импульсы, мы получаем косвенные данные о связи нервной системы с энергоплазмой.

— А почему напрямую нервную систему не изучать?

— Потому что энергоплазма полностью блокирует любые электромагнитные волны, включая нервные импульсы. Точнее, ее можно просветить, но интенсивность излучения требуется такая, что биологические ткани просто прожариваются до хруста. Хреново, конечно — неэффективность лучевой диагностики уже привела к постепенному росту заболеваемости туберкулезом и другими легочными заболеваниями. Поделать пока ничего нельзя, но мы надеемся, что массовое использование Арены даст нам достаточно данных, чтобы как-то побороть проблему. Беда в том, что люди могут плохо отнестись к идее глобального медико-физиологического обследования с неясными целями, так что лучше не распространяться на сей счет без острой необходимости.

— Ну, вам виднее, — Джорджио пожал плечами. — Я с журналюгами трепаться никогда не станут, так что можете расслабиться. Но я-то вам зачем? Ты же сам сказал, что я не эйлахо.

— Во-первых, дэй Каллавиро, — снова встрял Бойра, — всегда есть шанс, что вы им станете. Если вы заразитесь энергоплазмой, то изучать ее поведение окажется куда легче, если у нас останется картина чистой активности вашей нервной системы. Ну, а во-вторых, даже если такого не случится, сама по себе детальная картина активности нервной системы в условиях мягкой аномальности является весьма ценной. Мы до сих пор не знаем, как она изменилась по сравнению со временами до Удара. Исследования в медицинских капсулах Дзии полной картины не дают, требуется интенсивное движение с несколькими степенями свободы. Так что мы были бы вам чрезвычайно признательны, если бы вы сочли возможным проводить в терминале Арены как можно больше времени.

Джорджио почувствовал приступ острого раздражения. Похоже, неб рассматривал его просто как лабораторную мышь. Х-ходер… Впрочем, хрен с ним. Принять участие в эксперименте просила лично Карина Мураций, а не Бойра, а в отсутствии у ректора недобрых намерений лейтенант не сомневался ни капли. Зато он до сих пор не мог прийти в себя от унижения: его столько времени валяли по полу, как зеленого новичка! И кто — женщина, пусть даже и паладар! Так что идея матч-реванша казалась куда более интересной, чем любые эксперименты, а для успеха требовалось тренироваться как можно больше.

— Не возражаю, — пожал он плечами. — В особенности — если новый комбинезон… сенко, вы сказали?.. окажется полезным в драке. Кстати, глупый вопрос — паладары вроде бы как пацифисты? Так почему же вы даете нам средство совершенствовать мордобой?

— Мордобой? — Биката поднял бровь. — Дэй Каллавиро, Арена позволяет организовать много игр. Мордобой, как вы выражаетесь, лишь одно из средств заставить участников выкладываться по полной программе. Однако же он — не главное. Площадки Арены позволяют управлять человекообразными дронами лишь в Хёнконе. Экспортная версия оснащена терминалами с проекторами, формирующими реалистичное изображение, и сенко-интерфейсом. Помимо "мордобоя", там планируется реализовать широкий спектр спортивных игр, в том числе тех…

— …что в реальности слишком опасны или даже совсем не реализуемы, — на полуслове перехватил Бойра, и у лейтенанта по спине снова пробежали мурашки. Что там Палек упоминал про слияние интеллектов? — Простейший пример — горный слалом на сложных трассах, где риск сломать шею у неопытных спортсменов близок к ста процентам. Реалистичные бои — лишь один из элементов…

— И вот тут, Джорджи, — перебил Палек, — у нас возникла проблема, требующая стороннего мнения. Ты не первый, кому я задам вопрос, но твое мнение крайне интересно — ты солдат с большим боевым опытом и очень неплохой педагог, если верить Мати. Как думаешь, стоит вводить полноценные болевые ощущения во время драк?

— Не понял, — лейтенант недоуменно посмотрел на паладара. — У вас же встроены щелчки током. Весьма неприятная штука.

— Реализованы, — согласился паладар. — Однако ощущение слишком слабое, как ты сам убедился, несопоставимое с реальным. Некоторые, и Кара в первую очередь, боятся, что бои в виртуальной реальности способны создать у людей опасные иллюзии. Когда виртуально получаешь по башке, тебе всего лишь начисляется немного штрафных баллов. В иллюзорном бою штраф за такой удар может оказаться вполне приемлемой платой за выигранный по очкам поединок — ну, скажем, если в итоге провел комбинацию, которая отправила противника в условный нокаут. Если сверх того за удар получаешь лишь легкий укол или вообще простую вибрацию, в конечном итоге можно забыть, что в реальности подобная тактика кончается проломленным черепом и преждевременным крематорием. На реальных тренировках,

типа твоих, ученики больно падают, травмируются, отбивают себе все, что можно, и, в конечном итоге, вырабатывают естественные рефлексы, не позволяющие попусту лезть на рожон. А у нас есть опасения, что подростки, да и не только, сумевшие буквально безболезненно достигнуть высот в виртуальных боях, почувствуют себя неуязвимыми и начнут ввязываться в уличные драки с фатальным для себя исходом. Понимаешь?

— Логично, — задумчиво согласился лейтенант. — Ну так усильте щелчки в десять раз. В чем сложность?

— Сильная боль отпугнет желающих участвовать и, в конечном итоге, резко сократит базу для сбора статистики, — бесстрастно ответил Бойра. Каллавиро чуть скривил губы. Цинично, но, по крайней мере, честно. — Кроме того, тренажеры могут начать использовать для сведения счетов. Обычная подростковая вражда, дополненная подначками наподобие "что, испугался?", способна привести к нежелательному для нас развитию событий. Разумеется, мы никогда не запрограммируем сенко на убийство пользователя или хотя бы причинение серьезного вреда, но сама по себе возможность превращения чисто игровой Арены в средство унижения и наказания нас не радует. Отсюда и вопрос: стоит ли усиливать отрицательную болевую связь или нет? Нам крайне интересна ваша точка зрения, дэй Каллавиро, как опытного преподавателя и высококлассного рукопашного бойца.

— Стоит ли… — пробормотал лейтенант. Хотя он и понимал, что ему намеренно льстят, и льстят грубо, иррациональная враждебность к инопланетянину слегка приугасла. — Дэй, вы небиологический интеллект шестого класса, да и другие паладары в разы умнее меня. Если не можете придумать вы, откуда мне-то знать?

— Люди обладают возможностями подсознательно находить нужный ответ там, где пасует строгая логика. Количество доступных вариантов слишком велико для перебора даже с отсечением непригодных вариантов ветвления. Не обязательно понимать, просто примите к сведению — ваше мнение важно. Не нужно отвечать прямо сейчас. Подумайте на досуге. Вы в любой момент можете связаться с координатором или иным другим паладаром через терминал. Прошу прощения, что отняли так много времени, и больше мы вас не задерживаем.

Бойра и Биката синхронно поднялись со своих стульев, поклонились и гуськом вышли за дверь. Палек тоже встал.

— Вот такие дела, Джорджи, — задумчиво сказал он. — Не стану тебя больше грузить, но если что, ближайшие пару дней я на Палле, так что отвечу мгновенно. Знаешь, я хоть и конструктор

Арены, но что-то мне нехорошо становится, когда я думаю о возможных последствиях. По секрету сообщаю: твое мнение имеет решающий вес. Как скажешь, так, скорее всего, и выйдет в конечном итоге. Не тяни с ответом, лады?

— Дэй Палек, — Джорджио посмотрел на него снизу вверх, — а почему паладары вообще решили ввести… хм, как его… виртуальный мордобой? Как же с объединением человечества под знаменем идеи спасения цивилизации? Нет, я понимаю — выкладываться в терминале и так далее, но неужто ничего лучше не нашлось?

— Во-первых, мордобой станет далеко не единственным развлечением. У нас есть в запасе масса и традиционных спортивных игр, и синтеза логических головоломок с физической активностью — в общем, варианты на все возможные вкусы и склонности. Во-вторых, мы пришли сюда не изменить ваше общество, а сохранить его, — Палек пожал тощими плечами. — А в нем, уж извини, еще до Удара, когда у вас имелись портативные компьютеры, значительная часть игр относилась к разряду рукомашества и пострелялок. Да и сейчас, когда элементную базу слегка адаптировали под новые условия, на новых игровых приставках в Кайтаре самая популярная игра — "Смертный бой". Знаешь, где противника лупят и тотально изничтожают всем подряд, от кулаков и палок до боевой магии. Так что мы всего лишь встраиваемся в общую струю.

Палек развел руками и состроил гримасу терпеливого понимания.

— Кроме того, в виртуальных драках ничего плохого нет: пусть уж молодежь пар выпускает на экране, а не в реальной жизни. А выпускать надо — даже в Университете, где за драки сурово карают, ситуаций на грани фола хватает, особенно когда парни за девчонок соперничают или даже девчонки за парня. Но в целом вопрос не ко мне. Если интересует идеология, пообщайся с Карой. Есть на нашей родной планете такая штука — Путь безмятежного духа. Изобретен троллями, такими здоровыми агрессивными зверюгами, чтобы контролировать свой характер, но адаптирован и к людям с орками. Кара там заочно, в смысле, посмертно назначена Ведущей по Пути, то есть является великим моральным авторитетом в узкой тусовке, хотя и страшно не любит, когда ей о том напоминают. С ней на философские темы общайся, она по ним спец, хотя и зануда. А я в реальности никогда ни с кем всерьез не махался, так что ничего путного не скажу. Ну, все, мы тебя и так на полчаса лишних задержали. Из вашего посольства уже секретарь звонил, ненавязчиво интересовался, куда ты провалился. Не иначе, испугался, что тебя

вивисекции подвергли. Не переживай, мы ему голову заморочили, так что он временно успокоился. Все, пока. Звони, если что.

Палек вскочил со стула и, широко шагая, исчез за дверью. Оставшись один, лейтенант Каллавиро задумчиво поскреб короткий ершик волос на затылке, сейчас пропитанный потом. Значит, решающее мнение? Опять льстят? Он не слишком часто общался с Палеком, изредка заглядывавшим на тренировку по ринье да еще иногда появлявшемся в миссии, чтобы обсудить с послом какие-то детали формальностей с приглашением кайтарских инженеров. Однако по сложившемуся у него мнению, несмотря на все свои странности и излишнюю фамильярность, Палек являлся вполне адекватной личностью. Ну, в общем, от брата дэйи Карины Мураций иного ожидать сложно. Но почему он так проникся уважением к скромному лейтенанту-первокласснику побережного спецназа? В конце концов, Каллавиро — далеко не единственный человек в Кайтаре, имеющий седьмой нивел в ринье, да и с восьмым-девятым тоже народа хватает. Да что там, любой десятник к ним бросился бы, только пальцем помани.

Мысленно махнув рукой на загадочное паладарское отношение, лейтенант встал и принялся сдирать с себя сенсорный комбинезон. Скользкая гадость, которой предварительно приходилось мазаться для лучшего контакта с тканью, уже успела впитаться в кожу, и комбинезон слезал плохо. Стоя под струями воды в угловой душевой кабинке, Джорджио размышлял над дилеммой. В самом деле, без синяков и шишек для новобранца научиться разумной осторожности невозможно. Но и лупить детей током со всей дури, чтобы выработать у них рефлексы, тоже нельзя. В конце концов, игра — не реальная жизнь, в ней всегда есть доля условности. Ну и? Конечно, один из выводов напрашивается сам собой: если Арена станет действительно популярной, увлекающихся виртуальными драками придется выгонять с тренировок по ринье. В противном случае они обязательно попутают игру с реальностью, покалечатся сами да еще и покалечат других. Но что ответить паладарам?

Решение, такое простое и очевидное, словно тряхнуло током его самого, когда он обсыхал под потоком теплого воздуха. Минуту лейтенант обсасывал его со всех сторон, пытаясь найти подвох, но так и не сумел. Удивительно, что мудрые и сверхумные небиологические интеллекты паладаров не смогли додуматься сами. Или додумались, но хотели, чтобы озвучил кто-то другой? Закончив обсыхать, прямо нагишом (в конце концов, не паладаров же стесняться?) Джорджио подошел к терминалу, покопался в справочнике и активировал вызов.

— Ага? — спросил Палек, появляясь на экране.

— Есть идея, — лаконично проинформировал лейтенант. — Но для начала обрисуйте мне, дэй Палек, как вы вообще собираетесь соревнования по мордобою устраивать.

08.28.1232. Территориальные воды Хёнкона

Эсминец качнуло на волне, и Габриэль Мондава ухватился за поручень, чтобы не потерять равновесия. Проклятый неповоротливый контейнеровоз с оборудованием для космодрома, эскортируемый "Скороходом" последние три дня для защиты от пиратов, наконец-то оказался под защитой паладарских боэй, и курьерское судно смогло развить полный ход. В лицо бил упругий ветер, мелкая дождевая морось смешивалась с солеными брызгами морской воды, вздымаемой форштевнем, под палубой мерно рокотал двигатель, и капитан второго класса наслаждался скоростью. Пусть он и сухопутная крыса, как не преминул указать капитан корабля в первые же минуты пребывания на борту, но море Габриэль любил всегда. Жаль, они уже почти прибыли. А может, и не жаль. Море морем, но за те полторы декады, что эсминец шел от Типпы через Цорех и Южный океан, однообразие корабельных интерьеров успело основательно надоесть всем пассажирам. Последний рывок — и они наконец-то достигнут дежурящей у Хёнкона эскадры. А дальше начнется хотя и рутинная, но осмысленная и полезная работа: перегрузка контейнера с шифровальным компьютером, распаковка, монтаж, тестирование… Собственно, самому Габриэлю ехать вовсе не требовалось: в монтаже он участия не принимает, поскольку не по чину возиться вместе с техниками-младшими офицерами, ремонт в полевых условиях сводится к замене блоков целиком, с чем справится даже самый тупой матрос, а инструктаж вполне мог бы провести кто-то другой. Но Габриэль настоял, чтобы отправили именно его. Начальству он вполне убедительно объяснил, что следить за обкаткой новой установки на месте гораздо надежнее, чем консультировать по дальней радиосвязи (и секретность, секретность нарушится, паладары обязательно перехватят и расшифруют!..), однако настоящим его мотивом являлось желание увидеть Университет.

Конечно, шифрование и расшифровка радиоперехвата тоже оставались любимым делом, которому капитан второго класса Мондава, на время пребывания на судне возведенный в ранг командора, мог посвящать восемнадцать часов в сутки. В Службе военной спецсвязи его ценили не только и не столько за знания и сообразительность (имелись среди его коллег и поумнее, и поэрудированнее), сколько за истовую преданность делу и неутомимость. А тут в пределах прямой видимости от кайтарской

эскадры — флоты всех основных морских держав, и грех не совместить приятное с полезным, то есть экскурсию в Хёнкон с попыткой сломать чужие коды с помощью новой установки. Но все-таки главное — паладары. Хотя Габриэлю уже почти стукнуло сорок, он все еще сохранил почти подростковый романтизм и мечту когда-нибудь слетать в космос. Умом он понимал, что роль космонавта ему не светит, тем более что первые пилотируемые полеты прогнозировались не раньше, чем через пять, а то и семь лет. Но кто сказал, что мечта всей жизни должна быть реализуемой? Кроме того, он прекрасно помнил могучие компьютеры времен до Первого Удара, по сравнению с которым нынешний, собранный на пещерных интегральных схемах, не тянул даже на карманный калькулятор. Вдруг хоть одним глазком удастся дорваться до паладарской техники и сравнить ее с прежней человеческой? Тоже несбыточная мечта, конечно. Как показывал опыт предыдущего года, скрыть от паладаров принадлежность к разведке можно даже не пытаться. Ну, а кто в здравом уме допустит к важной технике чужого разведчика, пусть даже и дружественной державы? В общем, посмотреть на паладаров издалека, облизнуться, опробовать свою установку — и назад на том же эсминце. Или плюнуть на опостылевшее железное корыто и за свои деньги купить билеты на самолет. За два дня домой вернуться можно вместо декады.

По металлу палубы простучали шаги, и на поручень рядом оперся человек в черной рясе с белой вставкой в воротничке. На его макушке среди коротко стриженных, соль с перцем, волос поблескивала свежевыбритая тонзура из тех, что ранее капитан видел лишь на карикатурах. Отец Анатолио, чью фамилию Габриэль так и не узнал, вежливо поклонился, и капитан кивнул в ответ. Габриэль никогда не считал себя частью паствы Церкви Рассвета, относя себя к агностикам, и, в отличие от своих подчиненных, к попу относился без пиетета. Если здоровому мужику, явно бывшему военному, судя по выправке и некоторым специфическим словечкам в речи, хочется ходить в балахонистом платье и по каждому поводу осенять себя и окружающих косым знамением, пусть себе. Лишь бы с проповедями и поучениями не лез. Правда, зачем гражданский святой отец оказался на борту военного корабля, где уже имеется неформальный капеллан, по совместительству стрелок-наводчик, Габриэль не понимал. Но вот эту загадку ему разгадывать совершенно не хотелось. Раз пустили, значит, можно. Остальное побоку.

— Почти прибыли… — поп глубоко втянул воздух и резко выдохнул. — Хёнкон, да.

В его голосе пробивался, хотя и почти неразличимо, акцент,

характерный для с рождения говорящих на цимле. Долгая служба в разведке приучила Габриэля сходу распознавать хотя бы примерное происхождение человека, и сейчас он искоса глянул на собеседника, пытаясь его оценить. Бесполезно. Попы — не штатские, их рясы везде одинаковы и не несут следов личных предпочтений. А что физиономия загорелая, так в северном полушарии сейчас лето в самом разгаре, и через тропики они шли несколько дней…

— Хёнкон, — согласился капитан. — Территория безбожных паладаров. Не боитесь, святой отец, соваться в зубы к грешникам? Я слышал, есть проповедники, зовущие их исчадиями Креода, князьями гхашей, посланными на Паллу смущать верующих и отвращать их от истинного учения. На вашем месте я бы поостерегся сходить на берег, мало ли что…

Вопреки всем ожиданиям, отец Анатолио широко ухмыльнулся.

— Если какой-то дурак начинает вещать от имени Божьего, — поп оскалил крупные ровные зубы, — он вовсе не получает монополию на истину. Я, сын мой, десять лет служил в Черных Легионах на Фисте и столько психов навидался, что они мне не в диковинку. Помнится, один сержант на полном серьезе утверждал, что Ваххарон говорит с ним каждый раз после двух самокруток из мохи — местный наркотик, трава такая, довольно прилипчивая зараза. И не просто утверждал, а доказывать пытался с помощью ставок в казино. Через день проигрывался, но те полтора десятка декад, что мы вместе служили, на своем стоял. Так что цену подобным словам я знаю не хуже тебя.

— Вы служили в Черном Легионе? — переспросил капитан, вглядываясь в собеседника с новым интересом. Ну да, укладывается в одну картину и акцент уроженца Фисты, и служба ради получения гражданства… Только как он умудрился в рясу влезть?

— Служил, — согласился поп. — Потом в Кайтаре работал вышибалой в баре, сутенером, охранником, вернулся на Фисту, чтобы торговать оружием, потом постриг принял, еще до Первого Удара… Много чего в жизни случилось. Теперь вот, как ты правильно заметил, суюсь прямо в зубы отъявленным грешникам и безбожникам. Слушай, парень, ты, судя по нашивкам, к разведке отношение имеешь?

— Ну, я по части связи… — уклончиво ответил Габриэль.

— Ясно. Может, разведка, ответишь на вопрос, мне покоя не дающий — почему паладары именно меня выбрали?

— В смысле?

— Для часовни.

— Для какой часовни? — изумленно взглянул на него капитан. — Откуда они у паладаров?

— Да ты совсем, что ли, за жизнью не следишь? — удивился в ответ поп. — Две декады назад паладары сообщили Церкви Рассвета, что разрешают открыть часовню на территории Хёнкона, одну и с единственным клириком. Вроде как язычники с Могерата, состоящие у паладаров в обслуге, выбили разрешение открыть храм какого-то своего божка, а Чужие посчитали несправедливым позволять единственную религию из всех. Что-то вроде — если уж сказки, то пусть все желающие рассказывают, не только заблудшие души, молящиеся демонам Миндаллы. Восточной церкви тоже разрешили одну часовню — ох, чувствует мое сердце, сойдемся мы еще с заморским братом в… хм, теологическом диспуте за чашей вина. Так неужто не слышал?

Габриэль пожал плечам. Религиозные вопросы в шифровках обычно не обсуждают, так что темой он интересовался чуть менее, чем никак. Слова же вроде "Ваххарон", "душа", "просветление", "церковь" и аналогичные заставляли его немедленно переключаться на следующую газетную заметку.

— Не слышал, — констатировал словоохотливый поп. — Вижу, совсем делами Церкви не интересуешься, сын мой. Может, ты еще и атеист? — внезапно нахмурившись, гаркнул он.

Капитан поморщился.

— Я не верю в Ваххарона, — коротко сообщил он и отвернулся. Вот только препирательств с религиозным фанатиком ему не хватало!

— И не ты один, — внезапно мирно согласился отец Анатолио. — Мир уже не тот, что раньше. Особенно после Удара многие начали спрашивать — где же Господь наш Ваххарон, почему он нас оставил? И покровительствовал ли он нам хоть когда-нибудь? Суровые времена всегда порождают разброд в умах. Легко верить в доброго боженьку, когда живешь в процветающем государстве, исправно получаешь жалованье и каждый вечер возвращаешься домой к ласковой жене и веселым детишкам, зная, что впереди мирная жизнь и тихая обеспеченная старость. Все хорошо, одна закавыка — помирать рано или поздно придется. А ведь не хочется в небытие сгинуть. Вот и тянутся мирные обыватели в церкви по воскресеньям, послушать, позевывая, проповедь, обмахнуться косым знамением, бросить несколько монет в кружку для пожертвований и отправиться по домам. Невелика плата, зато, глядишь, и в райские сады после смерти попадешь. А когда не знаешь, не придет ли завтра кольчон и не сожрет ли тебя вместе с потрохами, а Господь себя даже и не думает являть…

Поп замолчал и уставился в набегающие серые волны. Его здоровые кулачищи стиснули поручень. Габриэль искоса посмотрел на странного церковника и лишь теперь, вблизи, заметил его розовый пористый нос. Похоже, Анатолио был не дурак выпить. С Черных Легионов привычка осталась?

— Ну, а вы, святой отец, верите в бога? — равнодушно спросил он. Интересно, как собеседник среагирует на провокацию?

— Понятия не имею, — пожал тот плечами, и капитан поперхнулся слюной. Чего угодно он ожидал, только не такого ответа.

— То есть как?.. — удивленно спросил разведчик.

— А вот так! — отрезал отец Анатолио, отхаркивая и сплевывая за борт. — Меня с детства мать воспитывала в строгости и набожности. Я трижды в день поклоны клал и молитвы читал. И потом чем бы ни занимался, привычку молиться сохранил. Да только Он так мне ни разу и не ответил, даже когда из нашего взвода, из двенадцати человек, лишь я и еще один парень выжили. На минное поле спьяну на трех джипах заехали, все там и подорвались. Как мы уцелели, до сих пор не понимаю. Знаешь, каково, когда пытаешься понять, почему именно ты уцелел? Сидел бы я на соседнем месте — мне бы ногу оторвало, а не нашему лейтенанту, я бы кровью истек, а не он. А так меня просто контузило. Вот почему? Чем я лучше? Или чем они хуже? И по Божьей ли воле я выжил или же по чистой случайности? Так и не нашел ответа, и не спрашивай, верую ли я или нет. Не знаю, и точка.

— Довольно… странная точка зрения для священнослужителя, — осторожно заметил Габриэль. — Тем более — такого высокого звания. И потом, я мало знаю о Церкви, но, вероятно, ваше новое назначение утверждалось на Синклите?

— Да нет у меня никакого звания, — пробурчал поп. — Я простой серв. Дослужился до пасанты однажды, да только потом опять… разжаловали. Кто там меня утверждал, не ведаю. Знаю лишь, что паладары сами список служителей Церкви представили, кого готовы к себе допустить. Может, остальные в нем еще хуже оказались, понятия не имею.

Габриэль хмыкнул. Шуточка вполне в духе паладаров. Если часовню они разрешили по каким-то формальным соображениям, а конкурентов по части промывания мозгов им не нужно, то вполне логично допустить к себе только самых никчемных. И формальность соблюдена, и проповедовать они толком не смогут. И епископы, что характерно, никуда не денутся: отказаться от часовни они не смогут, а более ушлых болтунов паладары не

пустят. Эх, вот бы посмотреть на физиономии кардиналов Синклита в тот момент, когда они кандидата утверждали!

— Как же вы тогда вообще церковнослужителем стали, с таким-то подходом к делу? — уже не скрывая сарказма в голосе, спросил он.

— По пьяни, сын мой, исключительно по пьяни, — со вздохом сознался отец Анатолио. — Поспорили мы как-то с другом… уже после того, как я на Фисту вернулся, после четвертой бутылки винища. Ну, я и… того. Принял постриг.

— Ну, тогда плохо дело. Паладары вообще ни в каких богов не верят. Разуверитесь ведь окончательно, а, святой отец?

Поп не ответил. Насупившись, он смотрел вперед. Возможно, он уже жалел о лишней откровенности. Впрочем, Габриэлю на него было наплевать. Как сошлись случайно на одном корабле, так и разойдутся уже сегодня. Жаль только, испортил все настроение. И отойти в сторону сейчас оказалось бы слишком демонстративным.

— Если разуверюсь, так нужно Ему, — после недолгого молчания ответил поп. — Все очень просто. Если Он есть, то все творится исключительно по воле Его. И паладары — лишь орудия в Его деснице, и мое назначение — тоже часть Его неведомого плана. И все, что со мной случится, Он знает наперед. Кто я такой, чтобы идти против Его воли?

— А если его нет?

— А если Его нет, то что ты мне голову морочишь? — рявкнул поп, поворачиваясь, и в налетевшем порыве ветра капитан явственно уловил запах винного перегара. — Тогда и говорить не о чем! Тоже мне, молодой да ранний! Думаешь, самый умный, что над старшими издеваться можешь? Да я, если хочешь знать…

Его прервал внезапный вой сирены, приглушенный стенками корабля: двойной сигнал, потом пауза и еще один.

— Держись! — рявкнул поп. — Крепче!

Габриэль машинально вцепился в поручень изо всех сил, и вовремя: корабль вдруг лег в такой крутой поворот, что капитана резко мотнуло вперед и в сторону. Если бы не предупреждение, он бы со всей дури врезался в поручень грудью и, возможно, сломал бы пару ребер.

— Чего они вдруг? — озадаченно спросил поп, оглядываясь. Сирена продолжала верещать, теперь с равными промежутками. — А, кар-раха!

Габриэль уже и сам увидел стремительно несущуюся к кораблю туманную стену, окруженную облаками мелких серых точек. Гигантский столбообразный кольчон, появившийся

буквально из ниоткуда прямо по курсу, надвигался со скоростью экспресса, и попытка уйти от столкновения казалась изначально обреченной на провал. Однако курьерский корабль явно имел машины и маневренность куда лучшие, чем обычный торпедный эсминец, а потому уклонился.

Почти.

Кольчон второго типа не мог похвастаться обширным основанием в цулы диаметром, как те, что приходили на Паллу со времен Первого Удара. Тот, что нарисовался перед кораблем, выглядел как колонна с макушкой, теряющейся где-то в облаках, но в диаметре достигал едва ли трехсот метров. Из-за инерции идущий полным ходом корабль не мог развернуться мгновенно, но капитан, работая и рулем, и машинами, все-таки умудрился увести его к самому краю кольчона. Эсминец должен был чиркнуть по самому его краю, проведя в нем в лучшем случае несколько секунд. Для Габриэля и его разуверившегося спутника, не защищенных броней, в прежние времена даже такое краткое пребывание внутри кольчона явилось бы подписанным смертным приговором. Но сейчас, после нескольких десятков накрытых городов, обошедшихся без единой жертвы, шанс выжить оставался, и весьма неплохой.

Времени добраться до ближайшей двери внутрь не оставалось. Словно завороженный, разведчик наблюдал, как неровная туманная стена стремительно приближается, уходя влево, хотя и недостаточно медленно. Прямо по курсу возникла стая волют — корабль врезался в нее, рассекая носом, одна туманная спираль мелькнула у Габриэля прямо перед носом и пропала, не успел он даже отшатнуться. Потом все скрыл густой серый туман, в котором с трудом различалась даже стена надстройки, находящаяся в десятке шагов. Секунды падали в вечность, отсчитываемые гулко бьющимся сердцем, а туман все не кончался и не кончался…

Полминуты спустя капитан осознал, что все-таки жив. Внутри кольчона — и жив. Отец Анатолио, вцепившись в поручень, хрипло дышал, оглядываясь по сторонам безумными глазами. Корабль по-прежнему шел полным ходом, мерно стучали машины, в лицо все так же летела соленая водяная пыль. Однако эсминец по-прежнему оставался внутри кольчона. То ли проклятая копна тумана оказалась куда больше диаметром, чем показалась с первого взгляда, либо… либо кольчон двигался в ту же сторону. А до того он шел навстречу. Намеренно?

Потом вдруг наступила зловещая тишина. Гул машин прекратился так внезапно, словно кто-то воткнул в уши капитану хорошие затычки. Когда корабль начал замедлять ход, Габриэля

снова бросило вперед, хотя и не так резко, как в первый раз.

Так. Непонятно, что происходит, но он жив. И поп жив. Однако мало ли что может произойти с незащищенным человеком внутри кольчона! Нужно быстрее укрыться внутри и уже потом приходить в себя.

— Эй, святой отец! — он сильно ткнул кулаком попа в плечо. — Нужно уйти внутрь. За мной, живо!

Поздно.

В окружающей серой мгле вспыхнули багровые огни — десятки, если не сотни. По крайней мере штук шесть или семь волют повисли между людьми и спасительным люком, медленно покачиваясь и вращаясь вокруг вертикальной оси. Габриэль вжался спиной в поручень, лихорадочно соображая. Впервые в жизни он пожалел, что предпочитает держать табельный пистолет в сейфе, а не таскать постоянно с собой, как некоторые его коллеги. Впрочем, против волют обычные пули все равно бессмысленны, нужны зажигательные, имеющиеся лишь у частей побережного спецназа. Да и не справиться одним пистолетом с таким количеством волют. Одна надежда — что попадавшиеся ему на глаза отчеты об их изменившемся характере не врали. Если люди теперь выживают внутри кольчона, почему бы и волютам на самом деле не перестать разносить людям головы шаровыми молниями, или что там у них? Главное — не делать резких движений и надеяться на лучшее. Авось пронесет. Волют становилось все больше, багровые огни складывались в рои и сплошное сияние, рассеиваемое серой туманной завесой. Одна волюта приблизилась вплотную, зависнув в полуметре от лица капитана и словно изучая его. Багровый огонь в ее потрохах начал медленно гаснуть.

И тут отец Анатолио пришел в себя.

Он не стал тратить время на громкие молитвы, бессмысленные метания и крики. Вместо того церковник сорвал с груди болтавшийся поверх сутаны серебряный Стабилон. Серебряный? Нет, стальной. Лишь сейчас Габриэль отстраненно заметил, что святой символ у попа имеет необычное дополнение в виде приделанной снизу деревянной рукояти длиной в десяток сунов. Ухваченный за нее, Стабилон превратился в шестопер, со свистом разрезавший воздух и насквозь прошедший через висящую перед капитаном волюту. Та внезапно потеряла форму, заклубилась — и два больших бесформенных кома серой слизи шмякнулись на палубу, растеклись по ней неопрятными лужами. Снова свистнул воздух — и еще одна волюта распалась на части, правда, не упавшие, а быстро растаявшие в воздухе.

В полном обалдении Габриэль наблюдал, как поп рубит

ближайших волют. Никаких воплей или даже хэканья, никаких пауз — только экономные четкие движения опытного фехтовальщика, удары, перетекающие один в другой, словно церковник всю жизнь только и дрался с инопланетными артефактами. Впрочем, почему "словно"? Гражданство Кайтара дается за десять лет службы в Черных Легионах, и чтобы выжить в них столько времени, нужно проявить себя незаурядным бойцом. Пьяница или нет, но сейчас отец Анатолио демонстрировал повадки опытного солдата. Габриэль не сразу понял, что тот не просто крошит ближайших волют, а расчищает дорогу к люку. На место тающих и растекающихся волют тут же спускались новые, но из нескольких метров, отделяющих борт от надстройки, церковник прошел уже половину.

— Что встал, сопляк? — рявкнул поп, не оборачиваясь. — За мной! Живо!

Подчиняясь командным нотам в его голосе, Габриэль оттолкнулся спиной от перил и прыгнул вперед. Главное — не попасть под случайный удар, способный расколоть череп не хуже, чем волюта. Остановившись в полуметре за спиной отца Анатолио, он осторожно подшагивал вперед каждый раз, когда появлялась возможность. Лишь бы они не начали стрелять, билась в голове мысль. Лишь бы не начали…

Они почти дошли. Когда церковнику осталось сделать два шага до двери, сразу две волюты спикировали на него сверху. Предупреждающий окрик застрял у Габриэля в глотке, когда они обе вдруг рассыпались роем быстро вихрящихся серых хлопьев, окутавших попа словно снежным бураном. Тот попытался отмахнуться, но внезапно застыл неподвижно, и его тело медленно осело на палубу. Буран пропал, но еще две волюты зависли над Анатолио, преграждая путь к такому близкому и такому недостижимому люку. Одна из волют вдруг выпустила колеблющиеся отростки, потянувшиеся к Габриэлю, и тот обреченно закрыл глаза. Все. Сейчас его сжуют.

Секунды падали в вечность, сопровождаясь мерным буханьем сердца в ушах, однако ничего не происходило. Чуть погодя Габриэль осторожно приоткрыл один глаз, а когда не поверил ему — то и второй.

Волют вокруг не наблюдалось. Ни одной. Они пропали так же внезапно, как и появились — и клятый серый туман вокруг стремительно исчезал, рассасывался, истончался и растворялся в никуда. Вокруг быстро проявлялись палубные надстройки, орудийные и пулеметные башни, колышущаяся морская гладь… Не прошло и десятка секунд, как кольчон полностью пропал. Стояла гробовая тишина, нарушаемая только плеском волн о борт

корабля и далекими криками чаек.

Дав себе мысленную оплеуху, Габриэль отогнал ступор и склонился над отцом Анатолио. Тот не дышал. Из-под полуприкрытых век поблескивали белки. Пульс тоже не прощупывался — в первые секунды. Потом он внезапно забился с бешеной скоростью, и поп, хрипло вздохнув, распахнул глаза и невидяще уставился на капитана.

— Отец Анатолио! — резко спросил тот. — Вы меня слышите? Как самочувствие?

Тот поморгал и медленно поднял руку с по-прежнему зажатой в ней рукоятью Стабилона.

— Что случилось? — хрипло спросил он. — Почему я…

— Что вы помните последнее? — спросил Габриэль, помогая ему сесть.

— Мы стояли на палубе, и я молол языком… — дрожащими пальцами поп ухватил по-прежнему свисающую с шеи цепочку и с третьей попытки вставил в ее зажим небольшое отверстие в верхней горизонтальной планке Стабилона. — Дальше?

— Похоже, святой отец, вы мне жизнь спасли, — Габриэль криво ухмыльнулся. — Корабль внезапно влетел под кольчона второго типа, двигатели заглохли, волюты появились. Ну вы и отмахивались же от них! Десятка два зарубили, не меньше. Потом одна или две превратились в хлопья и свалились вам на голову. Ну, а потом все вдруг сразу кончилось. Так как вы себя чувствуете? Я сейчас сбегаю, найду матросов, чтобы вас до лазарета дотащить. В одиночку, уж извините, не справлюсь.

— Обойдусь… без матросов… — просипел отец Анатолио. Он ползком добрался до люка и с трудом поднялся на ноги, перебирая руками по его металлическим ребрам и колесу замка. Габриэль поддержал его под плечо. Болтающийся Стабилон громко лязгал по металлу. — Хреново мне… малыш… ох, хреново… как бы не сблевать… Только не хреновее, чем наутро… после кое-каких попоек… с братьями… Добреду. Веди к коновалу, безбожник…

Мертвенно-спокойный снаружи, внутри корабль напоминал дом с взбудораженными привидениями. Электрические лампы не горели — вообще, даже аварийное освещение. Габриэль вспомнил отчеты — в последние декады кольчоны хотя и перестали убивать накрытых людей, все равно досуха высасывали батареи. Похоже, сейчас с эсминцем случилось то же самое. Однако тут и там на переборках светились химические огни в пластиковых трубках. Их резкий зеленовато-белый свет придавал лицам сломя голову бегающих матросов вид свежевыкопанных трупов. К чести экипажа, паники не наблюдалось. Командиры негромко отдавали

приказы, в основном сводившиеся к отправке вестовых с рапортами на мостик, а матросы умудрялись бегать хотя и сломя голову, но не запинаясь и не снося переборки в неверных тенях химического света. Даже в массивного отца Анатолия никто не врезался, хотя тот заполнял собой узкие коридоры почти полностью. Доведя его до лазарета, к счастью располагавшегося неподалеку, Габриэль сдал боевого церковника на руки врачу, тут же выставившего капитана за дверь, и снова выбрался наружу — к тому месту на баке, где, надежно привязанный (кажется, правильно говорить "принайтовленный"?), стоял его контейнер с секретным шифровальным компьютером. Снаружи он выглядел как и прежде — невзрачный ящик с ребром в три метра, сделанный из крашеного зеленым гофрированного железа. Печать на замке оставалась нетронутой — и то, с каких пор волюты стали интересоваться печатями? А что там внутри, станет ясно лишь после распаковки. Конечно, все комплектующие надежно изолированы пакетами из антистатической пленки — но капитан прекрасно помнил электронные блоки в маленьком музее своего департамента: новенькие, без единой царапины — и безнадежно не работающие после столкновения с волютами: просто электроны на границах слоев перестали вести себя так, как положено. Если компьютер испортился в той же манере — вся миссия пошла псу под хвост. Декада потеряна, плюс время на возвращение, ну, а потом ехать с новой установкой, которую раньше, чем через сезон, не соберут.

Ходер! Ходер!! Ходер!!! Ну откуда такая невезуха, сто каццо в рот Креоду?

По полутемным коридорам Габриэль добрался до капитанского мостика. Там стоял приглушенный гам голосов: вестовые по очереди рапортовали старшему помощнику, и, судя по длинной их очереди, просвета, куда мог бы вклиниться шифровальщик, не предвиделось еще долго. Где капитан корабля? Куда он делся?

— Где капитан? — громкий голос рядом словно озвучил его мысль. — Я спрашиваю, где капитан корабля?

Габриэль машинально отшатнулся, оборачиваясь.

У входа стоял огромный и совершенно голый мужик. Под гладкой кожей перекатывались внушительные мускулы, тяжелая нижняя челюсть угрожающе выпятилась вперед, глаза под сощуренными веками недобро горели. У Габриэля по спине пробежал холодок от осознания, что "горели" в данном случае — отнюдь не метафора, и яркие красные искры в зрачках вовсе не являются отражением дневного света, сочащегося сквозь смотровые щели.

— Так я услышу, где капитан? — мужик шагнул к первому помощнику, расталкивая матросов и офицеров широкими плечами. — Или вы вместо него, дэр старший помощник?

— Ты кто так… — яростно открывший рот старпом осекся на полуслове, видимо, тоже разглядев светящиеся глаза.

— Я военный советник начальника охраны Хёнкона, генерал Саматта Касарий. Паладар, — добавил чужак, словно кто-то мог спутать его с человеком. — Дэр первый помощник, вам нужна срочная помощь? Раненые в тяжелом состоянии есть?

— Никак нет, дэр генерал, — офицер бросил к голове руку в салюте. — Пока рапортов о пострадавших не поступало. Но корабль полностью обесточен, системы управления и машины не работают. Капитан корабля в машинном отделении.

— Хорошо. Тогда, может, вы мне объясните, дэр, — в голосе паладара скользнули угрожающие нотки, — какого хрена ваша лоханка вошла в запретную зону? Вам же внятно сообщили не далее, чем час назад: трехцульная окрестность острова Пинчау закрыта для судоходства в связи с небезопасными экспериментами. Ваш радист подтвердил получение предписания, так что даже не пытайтесь отнекиваться. Почему вы нарушили приказ? Считаете, что вам законы не писаны?

— Не могу знать, дэр генерал! — старший помощник пожал плечами. — Я не имею отношения к навигации. Вполне возможно, капитан сумеет дать исчерпывающие объяснения, но, если возможно, отложите разбирательство на потом. Нам нужно оживить корабль.

— Интересно, как вы собираетесь это сделать без электричества? — усмехнулся паладарский генерал. — У меня три дрона. Их можно подключить к энергетической сети судна и обеспечить вас необходимой мощностью. Где хотя бы старший механик корабля? Мне нужно указание, куда…

Громко щелкнуло. Под потолком вспыхнули и начали медленно разгораться лампы аварийного освещения. Тут же сквозь металл дошла слабая ритмичная вибрация.

— Спасибо, дэр генерал, но без надобности, — с оттенком гордости в голосе отказался старпом. — Механики уже запустили аварийный генератор. Мы справимся сами.

— Как знаете, — голый генерал пожал плечами. — Тогда я отключаюсь. Однако приказываю вам покинуть запретную зону как можно быстрее и предупреждаю, что инцидент не останется без последствий. Мы не потерпим нарушения наших приказов в территориальных водах Хёнкона.

— Дэр генерал! — поспешно обратился к нему Габриэль. — Мой… товарищ пострадал. Мы находились снаружи, когда попали

под кольчона, его каким-то образом вырубили волюты. Он в лазарете.

— Хорошо. Дзии… наша медицинская система его посмотрит, дрон уже в пути. Надеюсь, дэр первый помощник не станет возражать? — в его голосе скользнул сарказм. — Особенно с учетом, что у нас уже имеются детальные спецификации корабля, и военная тайна не пострадает?

— Не возражаю, — проскрежетал офицер, одаривая Габриэля огненным взглядом. Ага. Похоже, ему еще припомнят непрошенную инициативу. Ну ничего. Он в экипаже корабля не состоит, в командной иерархии не участвует, и вообще — какой спрос с пассажира? А вот оставить в беде своего защитника, практически боевого товарища — такого разведчик позволить себе не мог. Даже если они с попом больше не увидятся — на что есть очень хорошие шансы — совесть у Габриэля останется чиста.

И вообще, что Анатолио делает в Церкви Рассвета? В армии ему самое место…

Одна из двух машин так и отказалась заводиться из-за короткого замыкания где-то в системе управления, так что "Скороход" медленно и печально подошел к кайтарской флотилии только три часа спустя. Еще не менее часа заняли маневры, когда эсминец, с трудом поворачиваясь, пытался подвалить под бок авианосца. Габриэль уже прикидывал, каким образом разбирать содержимое контейнера, чтобы перевозить его по частям, когда рулевой все-таки справился с задачей, и кран "Щита победы" наконец-то зацепил и утянул вверх установку. Сухо попрощавшись с капитаном, разведчик и его техники спустились в катер авианосца — свой катер эсминца тоже отказывался заводить мотор — и наконец-то перебрались на борт "Щита". Прежде чем спуститься с рапортом к своему временному командиру, Габриэль взбежал по внешней лестнице на первый ярус решетчатых галерей, окутывавших "остров", и всмотрелся в окрестности.

На горизонте отчетливо вырисовывались три группы дымов, мешающихся с низко идущими облаками. Самая крупная принадлежала, безусловно, ставрийцам. В соответствии с последними дошедшими до Габриэля данными те держали под Хёнконом два тяжелых и два легких крейсера, дозволенных паладарами. Но еще три линкора, четыре легких крейсера и двенадцать эсминцев плюс корабль снабжения болтались где-то неподалеку, хотя и за пределами территориальных вод, куда паладары их вежливо, но твердо выставили немедленно после возвращения. Часть ставрийских кораблей патрулировала морские пути между Хёнконом, Ценганем и Кайнанем под

ревнивым наблюдением кайтарских эсминцев, но тяжелые суда, судя по дымам, располагались где-то совсем рядом с недалекой границей. Ценгань и Кайнань, слишком бедные для постоянного содержания активных экспедиционных сил, оставили лишь небольшие эскадры эсминцев.

Рядом с авианосцем находился единственный легкий кайтарский крейсер. Почему-то паладары решили, что именно он вкупе с авиаэскадрильями является допустимым эквивалентом силам других государств. Впрочем, пиратам с их катерами нечего ловить рядом даже с легким крейсером, а до полноценной битвы между государствами дело дойти не должно. В конце концов, после того инцидента международные силы охраны Университета и на суше, и на море одобрены Мировым Советом и ратифицированы паладарами. Ну, а что все за всеми шпионят — такова жизнь. Что там случится через полтора века, никому точно не ведомо, а столетия вооруженного соперничества просто так со счетов не сбросить даже под угрозой всеобщей гибели. Ну и ладно. В конце концов, такая ситуация обеспечивает самому Габриэлю очень нехилую зарплату и возможность заниматься любимым делом.

Еще раз оглядевшись, капитан быстро сбежал вниз на палубу по решетчатому трапу. Его терпеливо дожидалась группа техников с приставленным к ней мичманом-первоклассником. Командированных провели по гулким трапам и полутемным коридорам глубоко в недра атомной махины (ни одного самолета Габриэль так и не увидел), после чего их наконец-то встретил Ллема Матучино, командир группы радиоэлектронной разведки и борьбы.

— Дэр командор третьего класса! — отрапортовал гость, вытягиваясь по стойке смирно. — Капитан… прошу прощения, командор второго класса Габриэль Мондава прибыл в ваше распоряжение для монтажа и тестирования оборудования. Вот мое предписание.

Он протянул командиру радистов плотный конверт. Тот взял его и не глядя сунул в карман кителя.

— Вольно, — скомандовал он. — Монтаж начнете завтра с утра. Дэр Мондава, пойдемте, пообщаемся наедине. Остальные свободны. Мичман Стора, — он коротко глянул на приставленного офицера, — займитесь устройством людей.

Оставшись наедине на посту наблюдения (или следует говорить "в рубке"?), радист жестом пригласил гостя сесть.

— Что у вас случилось? — спросил он. — Я имею в виду, с кольчоном? Вы на четыре часа из графика выбились. Сильно потрепало? Все живы?

— Умерла одна машина, — пояснил Габриэль. — Точнее, не сама машина, а что-то с системой управления. Когда нас кольчон накрыл, все электричество испарилось и где-то по ходу дела проводку капитально пожгло. Инженерная группа разбиралась, меня в детали не посвящали. Погибших нет, только…

Он заколебался. Вдаваться в детали инцидента на палубе почему-то не хотелось.

— Гражданского пассажира накрыли волюты, — закончил он. — Как-то странно накрыли — рассыпались облаком и окутали. Он потерял сознание, но потом пришел в себя. Паладар пообещал, что их медики посмотрят.

— Паладар? — командор поднял бровь.

— Они подняли несколько дронов на корабль, и паладар — генерал Касарий — перехватил управление одним из них. Изобразил из себя здорового мужика, — Габриэль ухмыльнулся краем рта, — голого, но с вытатуированными генеральскими нашивками. За отсутствием капитана устроил старпому публичную выволочку за то, что тот приблизился к какому-то запретному острову — кажется, Пинчау, если я верно расслышал.

— Расслышали вы верно, дэр Мондава, — задумчиво проговорил командор. — Четыре дня назад все флоты в окрестностях Хёнкона открытым текстом получили предупреждение, что трехцульная зона вокруг Пинчау объявляется закрытой в связи с планируемыми опасными экспериментами с пространственными метриками, что бы оно ни означало. Значит, вы влезли на мины, за что и поплатились. Хм… Хотел бы я знать, какая связь между паладарскими экспериментами и появлением кольчона. И что именно привлекло кольчона — ваше судно, паладарские эксперименты или же их взаимодействие? Впрочем, ладно. Бессмысленно гадать. А что там за гражданский пассажир на военном курьере?

— Священник для нового прихода в Хёнконе.

— Серьезно, что ли? — командор аж привстал. — Значит, паладары все-таки разрешили церкви Рассвета присутствие в Университете? Вот дела! Хотел бы я знать… Впрочем, неважно. И он выжил?

— Да.

— Любопытно. Интересно, как он намеревается получать инструкции из Кайтара, уж не по рации ли?

— Не обязательно, — Габриэль пожал плечами. — У церкви есть многочисленные миссии на Могерате. А с ними можно и по телефону общаться. У нас ведь нет перехвата с хёнконских АТС?

— Нет, конечно. Да у паладаров и АТС-то нет. Они установили свои шлюзы в паллийские телефонные сети в

крупных городах, а между шлюзами и Хёнконом сигнал идет через паладарские каналы. Как там, наши деятели в белых халатах еще не раскусили, что такое "субсвязь"? Ох, многое бы я отдал, только чтобы послушать паладарские переговоры!

Командор весело ухмыльнулся.

— Думаю, что даже если бы мы в их каналы врезались, ничего бы не поняли, — Габриэль безразлично приподнял бровь. — Более того, я уверен, что они-то наши каналы слушают так же легко, как мы любуемся на солнышко.

— Ну, с вашей новой машинкой, дэр Мондава…

— …ситуация не изменится, — Габриэль пожал плечами. — Дэр командор, чтобы сразу определиться с терминами — у вас какое образование?

— Морская академия со специализацией на радиосвязи, как и у остальных моих людей. А что? — командир группы радиоразведки недоуменно приподнял бровь.

— Я еще до Удара закончил университет по направлению радиоэлектроники, в армию завербовался позже. Я не очень хорошо представляю себе учебную программу академии, но, как мне кажется, там не слишком-то сосредотачиваются на фундаментальных аспектах. Больше внимания уделяют прикладным вопросам, верно?

— Ну, в какой-то степени верно…

— Тогда, дэр командор, я поясню. После Первого Удара законы физики на нашей планете изменились хотя и незначительно, но достаточно, чтобы старая электроника полностью перестала функционировать. Проблема в том, что электроны на границах полупроводниковых переходов начали вести себя иначе, чем раньше. Я использую паладарский термин, очень удачный, как кажется — лептонные флуктуации. Суть в том, что электроны перестали течь через границу в одном направлении. Вместо того они с высокой степенью вероятности могут перескочить обратно. Иными словами, старые полупроводниковые диоды перестали препятствовать прохождению тока в обратном направлении. С электровакуумными диодами примерно та же история. В результате пришлось спустить в унитаз всю старую теорию и практику электроники. Сейчас ученым приходится экспериментально, практически методом тыка подбирать новые сочетания элементов, подходящие для создания новой элементной базы. Подвижки есть, мы уже в значительной степени восстановили технологии больших интегральных схем, но они все еще не позволяют добиться хотя бы миллионной доли того быстродействия, что имелось в нашем распоряжении до

появления Красной Звезды. Грубо говоря, Удар отбросил нашу электронную промышленность практически в самое начало развития. Теоретическая дорога, по которой следует идти, известна, но вот с практикой пока туго. Возможно, в условиях нынешних законов физики мы вообще не сможем подобрать нужные комбинации элементов, если только нам не помогут те же паладары.

— Я в курсе общих проблем, командор Мондава, — тон дэра Матучино стал заметно суше. — Не могли бы вы перейти к сути вашей лекции?

— Суть в том, дэр командор, что мы используем современные шифровальные алгоритмы на вычислительной технике едва ли не полувековой давности. А математика — такая штука, которой на законы физики наплевать. Для повышения быстродействия мы вынуждены работать с ничтожно короткими ключами шифрования. Компьютер, что я привез вам, имеет быстродействие как минимум вдвое более высокое, чем тот, что уже установлен на вашем корабле. Он позволит повысить стойкость наших шифров и в то же время дает надежду, что мы сумеем сломать наиболее слабые шифры ставрийцев за приемлемый промежуток времени. Однако даже не надейтесь, что наши детские игры хоть на секунду остановят паладаров. Наши нынешние шифры прежняя техника вскрыла бы за три-четыре месяца, а если сопоставлять шифровки с реальными событиями, то в разы быстрее. Паладары же с их вычислительными способностями, думаю, просто читают наши сообщения в реальном времени. Так что не вздумайте использовать радиосвязь для передачи чего-то, что не должно достичь их ушей. Исключительно курьерская служба.

— Знаете, дэр Мондава, — сухость в тоне начальника радиогруппы сменилась на иронию, — вы могли бы и не тратить пять минут нашего времени на лекцию об очевидных вещах. Разумеется, все действительно важные сообщения отправляются только курьерами.

— Дэр Матучино, — серьезно ответил Габриэль, — прошу не воспринимать разговор как попытку учить вас жизни. Лучше лишний раз убедиться, что у всех сотрудников одна и та же точка зрения, чем случайно допустить утечку информации. Давайте лучше поговорим о монтаже. Правильно я понимаю, что помещение для нового компьютера подготовлено и все необходимые кабели уже заведены?..

Следующие полчаса они обсуждали детали монтажа устройства. По ходу дела Габриэль с удовольствием отметил, что дэр командор третьего класса не солдафон-службист, какого он

опасался встретить на таком высоком посту, а настоящий профессионал. Командору не хватало технических знаний, чтобы влезать в мелкие детали, но здесь проблемы не возникало: наверняка, когда действительно потребуется, ответят его подчиненные. Зато он держал в уме картину в целом и в части требований к условиям монтажа понимал Габриэля едва ли не с полуслова. Он даже знал, как правильно обращаться с новыми дисковыми пакетами для записи данных и в каких условиях их хранить. Новое помещение с требуемыми параметрами влажности и температуры уже подготовили, чему Габриэль изрядно порадовался: он опасался, что, как в прошлый раз, потеряет из-за хранилища по крайней мере полдня.

Завершив обсуждение, командор провел командированного гостя по своим помещениям. Оборудование оказалось практически новым — впрочем, корабль завершили переоснащать менее года назад, и иного ожидать не стоило. По завершении экскурсии они поднялись на палубу, откуда как раз стартовали патрульные истребители. Габриэль с большим интересом пронаблюдал, как катапульта разгоняет самолет вдоль взлетной палубы, оставляя позади хвост пара, а потом — как возвращающийся разведчик заходит на посадку и резко тормозит, зацепившись хвостовым крюком за тормозной канат. Ужас. Морские летуны, наверное, все поголовно с сорванной крышей, чтобы рисковать таким вот образом.

А потом совсем низко, едва не зацепив башню, над авианосцем прошел еще один самолет. Явно гражданский, одномоторный пассажирский биплан с неубирающимися поплавками и странным горбом на фюзеляже в том месте, где тот соединялся с верхним крылом. На его белых крыльях темнели синие символы — раскрытая книга. Пролетая, он вдруг перевернулся кверху брюхом, а потом вернулся в нормальное положение. Насколько Габриэль знал, такой финт назывался "бочка". Выполнять фигуры высшего пилотажа на гражданском фанерном самолетике? Похоже, у его пилота башня сорвана так же, как и у летчиков авианосца.

— Во дает девка… — пробормотал командор, с гримасой едва ли не восхищения провожая самолет взглядом. — Точно ведь убьется однажды!

— Девка? — переспросил Гариэль.

— Труда Баркхорн, местная знаменитость. Ну да, вы же не в курсе. Капитан первого класса кайтарских ВВС, в отставке. Эйлахо, единственная в свое роде. Только она могла реактивную птичку под контролем держать, чтобы та на лету не взрывалась. В свое время воевала с кольчонами, прикрывала тяжелые бомберы.

Потом у нас базировалась со своей эскадрильей во время зимнего похода к Хёнкону. Красотка, каких поискать, а уж язык подвешен! Сколько парней к ней подкатиться пытались, так всех отшила. А ведь орлы!

— Видимо, кому орлы, а кому и на петухов не тянут, — усмехнулся Габриэль. — Но самолет ведь паладарский? Она-то как там?

— А она во время Второго Удара Хёнкон защищала от волют. Отказалась подчиниться приказу вернуться на корабль, угробила самолет, сама чудом выжила. Паладары потом ее едва ли не по кусочкам собирали. Когда я ее в последний раз видел, она и ходить-то не могла. Если бы не паладарская официальная благодарность, под трибунал бы отдали. А так ее просто вывели за штат, и она сюда вернулась. Сейчас она местный инструктор по летной подготовке, иногда с нашими радистами болтает во время полетов, благо все знакомые. Ну, и фокусничает на свой манер, когда одна в кабине.

В тоне командора явно слышались гордые нотки, словно он говорил о своем подчиненном. Габриэль сделал зарубку на память: познакомиться с бой-бабой, если удастся сойти на берег. Он проводил самолет взглядом и снова повернулся к командору.

— Как тут вообще обстановка? — спросил он. — С нашими зарубежными… хм, друзьями? Какие-то провокации случаются?

— Да нет, все вроде тихо. Ценгань с Кайнанем, как обычно, цапаются, в открытую ругаются в эфире. Ставрийцы временами в нашу сторону палубные вертолеты посылают для облетов, но на рожон не лезут, сильно не приближаются. Тихо здесь, дэр Мондава. При паладарах не очень-то порезвишься. Когда они вернулись после недавнего отсутствия, первым делом собрали всех адмиралов на Подде — вон тот пик из моря торчит, видите? Там несколько затопленных кораблей на мелководье валяется, их еще убрать не успели. Они продемонстрировали на одном таком сухогрузе, что их дроны делают с металлом. За десять секунд трехмиллиметровое железо под водой насквозь проплавляют.

— Типа, ведите себя прилично, а не то утопим?

— Типа, спасибо за заботу, но мы и сами можем защититься, так что валите-ка, ребята, за пределы территориальных вод и не пищите. Но подтекст, разумеется, именно такой: станете выеживаться — отправитесь к рыбам. Так что "Щит победы" наверняка отзовут в ближайшее время — уж больно дорого его здесь попусту держать, а разрешенный тоннаж судами помельче наберут. Ставрийцы, думаю, свои линкоры тоже уведут. Но до того, как разбежимся, нужно выложиться по максимуму в перехвате и расшифровке их передач. Другой шанс не скоро

выпадет.

— Само собой. — Габриэль ухмыльнулся. — Наверняка и у них там сейчас разведчики так же рассуждают. Да ни хрена у них не выйдет против нашей новой игрушки.

— Если только сейчас у них не монтируют свою собственную игрушку такого же класса, — в тон ему подхватил командир радиогруппы. — Или изначально ее не смонтировали. Как думаете, дэр Мондава, как они здесь оказались настолько удачно, что Ценганю на пару с нами козью морду устроили?

— Ну, официальная версия — что учения неподалеку проводили…

— Ага, учения, как же. За тысячи цул от ближайшей населенной суши, в полутора декадах полного хода от Торвалы. Я так думаю, они с самого начала поблизости ошивались, чтобы перед паладарами выставиться при удобном случае. Полгода назад Кайтар прикрыл Хёнкон от пиратов, и они повода искали, чтобы счет сравнять. А значит, к походу они подготовились основательно, в том числе и в части радиоразведки. Так что, командор, не расслабляйся. Худшая ошибка разведчика — недооценить противника, не допускай ее.

— Постараюсь.

Габриэль оперся о поручень и принялся смотреть вдаль, где на горизонте вырисовывались очертания берега. Паладары совсем рядом, рукой подать, да и на церковь боевого попа взглянуть хочется хотя бы из любопытства — если, конечно, она уже есть. Какой же все-таки измыслить повод, чтобы официально сойти на берег хотя бы на полдня?

— Скажите, дэр Матучино, — задумчиво спросил он, — а в наше посольство в Хёнконе никакие секретные послания передать не нужно? На монтаже моей работы до послезавтра не предвидится, так что я бы мог сработать в качестве курьера.

Ночь на 09.28.1232. Хёнкон

"— Мы не такие, как все. Мы влюбляемся один раз и навсегда. Жди меня, я еще вернусь к тебе!.."

Красавчик на экране приник к губам унылой крашеной блондинки с перепачканным копотью и грязью лицом, щеголяющей сексуально изорванным платьем. Трупы злобных жабродышащих инопланетян валялись на фоне разгромленной и потихоньку горящей школы, а беглец-воин с далекой захваченной планеты, наконец-то обретший свою полную силу, собирался отправиться добивать их остатки на других континентах. Фуоко зевнула и остановила фильм. Дальше все ясно. Два часа она мужественно боролась со скукой, наблюдая за заранее понятными перипетиями сюжета, за героической гибелью массовки и второстепенных персонажей, за неизбежным финальным погромом всего, что под руку с бластером подвернется… Скучно. Похоже, режиссер фильма терпеть не мог свою школу, а потому страшно отомстил ей если не в жизни, то хотя бы на экране. Если бы не необходимость на что-то убить ночные бессонные часы да еще любопытство (ну как же — один из последних фильмов с компьютерными спецэффектами, снятых до Первого Удара и отреставрированных паладарами с кинопленки!), она бы бросила его через пять минут. Парень-красавчик с его стремлением помогать всем, кто попадется под руку, выглядел примерно так же естественно, как аллигатор в мини-юбке. Фуоко знала подобных в жизни — все поголовно наглые хлыщи, уверенные в своей неотразимой привлекательности для девчонок. Стал бы такой защищать забитого пацана со странностями, щас! Скорее, сам бы измываться начал. Взять того же Оронзо… нет, не стоит думать про того урода. И поинтереснее темы есть. Хотя, конечно, неприятно, что о ней уже вся Барна судачит, но рано или поздно все равно бы информация утекла в газеты. Пусть. Они там, она здесь, так что до нее никаким журналюгам не добраться.

Девушка вызвала на экран терминала часы. Полвторого. Вся ночь впереди, и чем-то нужно ее занять. После десяти часов подряд, потраченных на учебу, смотреть на умные книжки она уже не могла. Читать надоело. Паллийские фильмы вызывали отвращение, а паладарские в фильмотеке отсутствовали напрочь. Болтать не с кем — даже на местных сетевых форумах царила сонная ночная тишина. Фуоко потихоньку начинала завидовать Кирису, сейчас безмятежно дрыхнущему в своей комнате. Хорошо ему — побарахтался с ней в койке, закрыл глаза и сопит в две дырочки. А ей куда деваться? Пойти погулять, что ли? Она

задумчиво посмотрела на Зорру, калачиком свернувшуюся на ненужной Фуоко койке. Вот ведь, кстати, выпендрёжница — небиологическому интеллекту спать тоже не требуется, но ведь изображает, да еще как артистически! Кстати, а почему бы не заглянуть к Риконе? Та ведь тоже во сне почти не нуждается. Интересно, чем инопланетянка сейчас занята?

Лишь сейчас Фуоко обратила внимание, что значок почты в углу экрана слегка подмигивает. Ага, новое сообщение. Ночью. Интересно, от кого? Она ткнула в него пальцем, и окно с сообщением тут же нарисовалось посреди экрана.

"*Отправитель: координатор. Кому: Кирис Сэйторий, Фуоко Деллавита. Тема: дополнительные сведения об инциденте с курьерским эсминцем ‘Скороход’.*

Для сведения сообщаю, что первоначальные данные подтвердились. Эсминец ‘Скороход’, попавший в локальную область повышенной аномальности (кольчон второго типа), возникшую в результате ваших экспериментов, не получил серьезных повреждений. Короткие замыкания в электропроводке и управляющих элементах исправлены, функциональность всего оборудования полностью восстановлена, серьезно пострадавших нет. Отмечено заражение энергоплазмой тела одного человека, находившегося в момент инцидента на палубе, что проходит по категории незначительных происшествий.

До капитана эсминца, равно как и до лично адмирала Перлиолы, командующего кайтарской эскадрой, в жесткой форме доведено, что подобное игнорирование прямых приказов недопустимо. Будем надеяться, что в дальнейшем как минимум ВМС Кайтара таких вольностей себе не позволят. В дополнение замечу, что вход в запретную зону, скорее всего, был выполнен намеренно с разведывательными целями, так что вина за случившееся целиком и полностью лежит на капитане эсминца. Вы можете продолжать эксперименты в прежнем режиме".

Фуоко откинулась на спинку глубокого вращающегося кресла, выданного вместо прежнего стула, и глубоко вздохнула. Вчерашний эксперимент на удаленном острове, первый после возвращения из Кайтара, ожидаемый со смесью отчаянного нетерпения и легкой дрожи в коленках, едва не закончился катастрофой. Ведь она всего лишь попыталась соединиться с сознанием Кириса! Девушка снова ощутила странное чувство головокружительного полета в никуда посреди беснующегося геометрического мира, растворения в нем, доброжелательное любопытство и иронию братьев и сестер, недоуменное внимание мамы-розы… Ладони омыло тепло, и она поспешно расслабилась, старательно избавляясь от мелкой сетки молний вокруг рук,

груди и, похоже, головы. Ноздрей достиг запах паленой ткани — видимо, зацепило бинты. Тьфу. Чем дальше, тем сложнее себя контролировать. Видимо, манера ходить голой как минимум в комнате останется с ней до конца жизни. Иначе одежды не напасешься.

Но почему появился кольчон? Раньше такого никогда не случалось. Впрочем, раньше и сознания во время экспериментов она не теряла. И каменный пол не оплавляла беспорядочными разрядами. Хорошо, что она настояла на удаленном острове, а не то… Зря все-таки Дзии настоял на ее возвращении на материк, могла бы и в домике на Пинчау остаться. Какая разница? Медицинская капсула там есть, терминал в наличии, еду дрон привезет, а что еще нужно? А еще Дзии, зараза, почему-то так и не шлет отчет, хотя раньше его мгновенно составлял. Может, они с Киром в дополнение к авианосцу умудрились еще и паладарскую аппаратуру из строя вывести?

Тихо прозвучали такты мелодии вызова. На значке видеосвязи появилось имя: Дзии. А, ее можно не стесняться. Фуоко махнула рукой, включая сеанс.

— Доброй ночи, дэйя Винтаре, — поздоровался медицинский неб, появляясь на экране. На сей раз он избрал мужскую маску. — Я вижу, вы не слишком заняты? У вас найдется полчаса времени?

— Да хоть десять часов! — с неожиданным для себя энтузиазмом согласилась Фуоко. Все лучше, чем в ночном одиночестве киснуть. — А что нужно сделать?

— Я решил, что настало время снять бинты с головы. В общем, уже декаду назад ваши раны вполне зажили, я всего лишь перестраховывался. Поскольку во время сегодняшнего эксперимента мне показалось, что повязки вам заметно мешают, оставлять их и дальше смысла нет.

— Отлично! А швы с века?

— Швы я тоже сниму. Веко начнет открываться.

— Класс! — Фуоко вскочила. Зорра приоткрыла один глаз и бросила недовольный взгляд на экран. — Мне лечь? В смысле, в капсулу забираться?

Она подошла к краю своей кровати и взялась за край простыни, чтобы сдернуть ее.

— Не надо, дэйя Винтаре, — остановил ее неб. — Я бы попросил вас подойти в госпиталь. Мы закончили собирать новую сканирующую установку, и я бы хотел заодно поглубже влезть вам в голову, чтобы проверить процессы заживления.

— Ага, сейчас приду, — Фуоко кивнула. — А что с заживлением? Вы же сами говорили, что оно идет хорошо. У меня же совсем ничего не болит.

— Это меня и беспокоит, дэйя. Нормальным состоянием после попадания в голову осколка гранаты и нескольких операций являются весьма неприятные болевые ощущения, обычно снимающиеся лекарственными препаратами. Боли вы не чувствуете, что хорошо, поскольку обезболивающие на вас не действуют. Но сам факт ее отсутствия настораживает. Хотелось бы удостовериться, что с вами и в самом деле все в порядке. Но давайте я сначала проверю вас на сканере, и лишь потом заведем разговор о состояниях и перспективах. Договорились?

— Ага. Я быстро.

— Не торопитесь, я никуда не опаздываю. Вы тоже. А на улице замечательная погода. До встречи.

Окно видеосвязи погасло. Девушка осторожно ощупала бинты. Так и есть, под пальцами чувствуются обрывки ниток, на подушечках остаются следы сажи. Тьфу. Ну ладно, теперь их снимут. Надо идти. И как одеваться? Если она дошла до того, что не контролирует свое электричество, любая одежда, кроме несгорайки, может погибнуть. А несгорайку ох как не хочется… А, тогда вот так!

Она открыла шкаф, покопалась на полках и нашла коротенькую юбочку — вообще-то часть бикини, предназначенную для использования вместе с трусиками. Юбочка застегивалась пуговицей на поясе и оставляла открытым почти все левое бедро, но главное скрывала. И если сгорит, не жалко. А сверху… а сверху не надо. Глухая ночь, все спят, а случайные прохожие переживут. Да десять минут идти, никто и не попадется.

Слушай, милая, ехидно спросила она себя, а зачем тебе вообще одежда, если носить ее боишься? Давай уж тогда, начинай нагишом постоянно шастать. Она посмотрела на сандалии, и внезапно ей остро захотелось пройти босиком. Подошвы словно ощутили влажное тепло мокрого асфальта. Ну, раз хочется, значит, так и топаем.

— Зорра, идем в гости к Дзии! — объявила Фуоко. — Подъем, а то дома оставлю.

— Дзии старый зануда, — порадовала откровением парса, поднимаясь и потягиваясь во всю длину. — Заняться нечем, за девочками ухлестывает. Поймаю — в ухо плюну.

Фуоко фыркнула. Определенно, парса развивалась в каком-то не том направлении — злоехидном и ворчливом. С другой стороны, так даже веселее. Она выключила свет, вышла из дверей в коридор, где автоматически вспыхнула лампа под потолком, спустилась в вестибюль и вышла на улицу.

Погода и в самом деле стояла замечательная. Тучи

рассеялись, словно тайфун и не приходил, и сумасшедшие переливы ночного неба, яркие, но лишь сгущающие темноту за пределами освещенных участков дороги, заставляли голову слегка кружиться. Сегодня хаотично-радужные волны света, рождающегося на границе пузыря вокруг Паллы, казались менее интенсивными, чем раньше, и сквозь них пробивался свет ярких крупных звезд, из-за фокусов искаженных законов оптики, казалось, танцующих на месте. Прямо над головой стояла дуга Подковы, Гвоздь в ее центре сиял голубым. Чуть поодаль расположился Землекоп. По другую сторону Подковы мерцала красным Галаэнна, Первая Весла. Двойной Ромб почти зашел за горизонт, но и Лииран, и Девушка еще отчетливо виднелись над самым морем, а с противоположной стороны уже поднималось Ожерелье Ваххарона, и Вещий Глаз, Вторая Ожерелья, подмигивал желтым. Голубая Труффа, расположившись почти в зените, казалась еще одним сапфиром, самым крупным в небесной сокровищнице. Фуоко неторопливо шагала по тротуару (сухому, вопреки ожиданию), наслаждаясь теплым ветром, налетавшим и улетавшим, омывая кожу приятной прохладой посреди окружающей банной духоты, и выглядывала созвездия, знакомые ей по большей части лишь по картам, изучаемым в школе на естествознании. Распознавание шло плохо: стоило напрячь зрение, и геометрический мир прорывался перед закрытым глазом, смешивая небесные переливы с мечущимися графиками функций, волнами своего собственного разноцветного пламени и бесформенными неясными фигурами.

Навстречу, к ее облегчению, действительно никто не попался. Хотя по такой погоде народ наверняка массово болтался на улице, здесь, в спальном районе, стояла благостная тишина, нарушаемая лишь шелестом деревьев. Только возле самого госпиталя из небольшого сквера на противоположной стороны улицы (Фуоко вдруг вспомнилось, как зимой из него стреляли по больнице из автоматов) доносились тихие голоса. Но под фонарями там никого не замечалось, а смотреть сквозь тени девушка не рискнула. Хотя ее второе зрение могло показать (а могло и не показать) находящихся там людей в форме каких-нибудь шаров или клякс, с тем же успехом оно могло спровоцировать появление нового кольчона и волют. Безопасные они сейчас или нет, неважно. Лучше не рисковать и оставить эксперименты для Пинчау.

Она вошла в холл госпиталя, и из-за стойки навстречу тут же поднялся человек в белом халате — настоящий, не дрон.

— Дэйя Винтаре? — спросил он на катару с легким могератским акцентом. — Добрый вечер. Вас ждут. Спуститесь,

пожалуйста, по лестнице в подвал, там открыто.

— А-а… спасибо, — кивнула Фуоко, стараясь скрыть смущение. О том, что в госпитале сейчас дежурят живые врачи, она совсем забыла. Да, топ бикини надеть все же стоило. Хотя он все-таки врач, перед ним так и так может потребоваться раздеваться. Да наплевать. Она быстро прошлепала босыми ногами вниз по холодным бетонным ступеням и оказалась в коротком полутемном коридоре со стенами, покрытыми панелями, то ли деревянными, то ли оформленными под дерево. Единственная дверь в его конце стояла приоткрытой, из нее на пол сочился узкий луч света. Фуоко толкнула створку и вошла в большой и почти пустой зал, освещенный яркими лампами под потолками.

— Еще раз добрый вечер, дэйя Винтаре, — сказал Дзии. Неб в виде сухопарого мужчины в белом халате поверх серого делового костюма стоял в нескольких шагах от входа, заложив руки за спину. — Хм, я смотрю, вам настолько не терпится избавиться от бинтов, что вы начали процесс без моего участия.

Пару секунд девушка недоуменно пялилась на него, потом до нее дошло. Неужто Дзии пошутил в кои-то веки? Она тихонько хихикнула и провела пальцами по голове.

— Случайно получилась, — извиняющимся тоном сказала она. — Не удержалась, искрить начала. Нужно на остров вернуться…

— Насчет острова позже. Сейчас нам необходимо окончательно убрать бинты и снять швы. Параллельно я намерен провести небольшое дополнительное обследование. Пожалуйста, оставьте одежду на стуле у двери и ложитесь на капсулу, — Дзии жестом указал на необычно широкую и длинную лежанку, стоящую посреди зала.

Фуоко послушно расстегнула пуговицу на юбочке, положила ее на сиденье и двинулась вперед. Однако еще до того, как она успела сделать второй шаг, Зорра, про которую девушка совсем забыла, вдруг прыгнула вперед. Развернувшись перед Фуоко, она вздыбила спину и зашипела, совсем как огромная пестрая кошка.

— Стой! — тявкнула она. — Нельзя! Опасность! Назад!

Фуоко ошарашенно посмотрела на спутницу. Та подняла переднюю часть туловища вверх, опираясь на две задние пары ног, и растопырила передние в воздухе, словно перекрывая путь.

— Зорра, ты чего? — спросила девушка. — Где опасность?

— Стенд опасен! Сканер опасен! Флуктуации метрики! — в голосе парсы прорезались незнакомые визгливые нотки. — Назад! Назад! Назад!

Она снова зашипела.

Фуоко стала не по себе. Она в замешательстве оглянулась на Дзии. Тот стоял с совершенно бесстрастной физиономией.

— Э-э… дэй Дзии? — осторожно спросила она. — О чем речь?

— Дэйя Винтаре, полагаю, что Зорра среагировала на излучение, создаваемое новой установкой. Сканер действительно слегка усовершенствован по сравнению с прежними медицинскими капсулами. Я пытаюсь общаться с ней напрямую, но, боюсь…

— Объясняй! — потребовала Зорра. — Объясняй вслух! Опасно! Обманщик!

— Она настроена решительно, — вздохнул неб. — Вот так и снимай ограничения на развитие интеллекта! Дэйя Винтаре, суть в том, что паладары наконец-то научились использовать к своей выгоде искаженные законы физики на Палле. Теперь мы знаем, как использовать лептонные флуктуации для наблюдения за пространством внутри энергоплазмы, внутри человеческого тела в частности. Технические детали слишком сложны, чтобы я мог донести их до вас здесь и сейчас, да я и не уполномочен передавать людям такого рода знания. Но должен заверить, что установка полностью безопасна. Ее предварительный монтаж закончили еще три дня назад, и с тех пор она интенсивно тестировалась на животных, а потом и людях-добровольцах. Однако сканер действительно слегка влияет на состояние определенных физических констант основной пространственной метрики, и сенсоры микродрона данный факт фиксируют.

— Опасно! — снова тявкнула Зорра. — Обманщик! Не сказал сразу! Что еще соврал? Фуоко отличается, она другая, ей опасно!

Неб развел руками.

— Дэйя Винтаре, боюсь, что Зорра отказывается меня слушать. В ее возрасте логические аргументы воспринимаются на одном уровне с эмоциональными, если можно так выразиться, и из-за императивов первого уровня эмоции побеждают. Я, конечно, могу попросить координатора заблокировать ее доступ к микродрону, но она ваш парс. Лучше, если дело уладите вы сами.

Фуоко поежилась. Значит, датчики Зорры что-то улавливают? И Дзии не хотел говорить об изменениях? Ей стало не по себе, по спине пробежали зябкие мурашки. Девушка обхватила себя руками, словно от холода.

— Дэй Дзии, — тихо спросила она, — почему вы не прислали отчет по сегодняшнему эксперименту?

— Там есть детали, которые необходимо предварительно обсудить, чтобы они не стали неожиданностью и не вызвали у вас неверные интерпретации. И нужно кое-что уточнить. Дэйя Винтаре, сегодняшние данные могут оказаться чрезвычайно

важными для понимания природы Арасиномэ, но нам необходимо удостовериться, что мы правильно понимаем работу вашего мозга. Именно для проверки деталей я попросил вас вернуться с Пинчау сюда, к новому сканеру. Однако напоминаю, что ваше участие в экспериментах абсолютно добровольно, и вы можете отказаться от них в любой момент. В том числе — от обследования на новом сканере. В таком случае я просто сниму бинты и швы на веке без дополнительных проверок. Решение за вами.

Фуоко присела на корточки перед Зоррой, и та, положив передние лапы ей на колени, заглянула в лицо своими странными двухзрачковыми глазами.

— Сканер опасен! — голос парсы снова изменился. Теперь он звучал почти по-человечески, высоко и жалобно, как у маленькой девчонки. — Для Фуоко опасно! Фуоко другая, слишком много энергоплазмы! Сканер дестабилизирует, разрушит, Фуоко умрет. Не надо!

Девушка погладила спутницу по голове и снова взглянула на неба.

— Дэй Дзии, — спросила она, преодолевая нервную дрожь в губах, — обследование действительно необходимо? Можно получить важные данные?

— Ответ на первый вопрос отрицательный, если под "необходимо" вы понимаете вопросы жизни и смерти. Однако важные данные получить действительно можно. Ультразвук, применявшийся для зондирования вашего мозга ранее, не дает полной картины даже на вещественном уровне, не говоря уже про энергетический. Энергоплазма в вашем мозгу сейчас существенно более активна, чем раньше, и я не могу снять энцефалограмму даже с помощь подкожных электродов. Я максимально тщательно тестировал новую технологию на протяжении трех декад и готов поставить на кон свою репутацию, утверждая, что сканер абсолютно для вас безопасен. Однако, дэйя Винтаре, напоминаю снова, что ваше участие в программе не просто добровольно, но и инициировано вами же. Вы можете прервать эксперименты в любой момент. Вы гораздо важнее для Университета и Паллы как многообещающий молодой ученый, чем как подопытный образец, и даже полный отказ от экспериментов кое-кто из паладаров, ректор в первую очередь, воспримет с большим облегчением. Выбор за вами.

Фуоко снова посмотрела на Зорру.

— Ку-ун! — жалобно протянула та.

— Зорра, милая, надо! — тихо, но твердо сказала девушка. — Спасибо. Я тебе очень благодарна, но я должна. И Дзии говорит,

что безопасно. Посиди пока в уголке. Ладно?

Зорра еще раз внимательно посмотрела ей в глаза, потом лизнула в нос теплым шероховатым языком, опустилась на все шесть лап и неспешной трусцой отбежала к стулу с юбочкой, где и улеглась на пол, не отрывая от Фуоко взгляда. Девушка улыбнулась ей, поднялась и подошла к капсуле в центре зала. Преодолев мгновенный приступ крупной дрожи, она выжидающе посмотрела на неба.

— Ложиться? — спросила она.

— Да, пожалуйста, дэйя. На спину. Устраивайтесь поудобнее, лежанка примет форму вашего тела. Разведите ноги немного в стороны, руки перпендикулярно телу, лицо вверх. Предупреждаю, что процедура отличается от знакомой вам. На сей раз вы останетесь лежать на поверхности, погружать в толщу капсулы я вас не стану. Сканирование ведется особым образом модулированными электромагнитными полями, по ходу дела над вами станут перемещаться металлические стержни. Они пассивные, ничего не излучают, лишь влияют на распределение полей в пространстве, формируя дифракционные решетки. Поля генерируются установками, скрытыми в стенах, результаты считываются экраном, на котором вы лежите, так же, как на обычном просвечивании в паллийских больницах. Кстати, я включил дополнительный обогрев помещения. Если станет жарко, скажите.

Фуоко устроилась на лежанке в позе морской звезды и слегка поерзала. Поверхность под ней послушно промялась, лежать стало удобнее. По телу скользнула едва ощутимая волна теплого воздуха. В потолке открылись отверстия, из них с тихим шелестом выдвинулось пара десятков длинных многосуставчатых стержней.

— Сначала я сниму бинты. Не пугайтесь, капсула временно закроет вашу голову.

Девушку на несколько секунд окутала глухая темнота. Кожу головы защекотало, и когда темнота пропала, она ощутила то, от чего давно отвыкла: дуновения воздуха, проникающие до корней волос. Волос? Она подняла руку, и пальцы наткнулись на короткую щетину.

— В течение нескольких последних перевязок я не убирал прорастающие волосы, — пояснил Дзии. — Сейчас их длина примерно два рира. Коротковато для девушки, но отрастет быстро. Кроме того, я бы сказал, что стрижка под мальчика вам идет. Однако с сожалением напоминаю, что ваши волосы полностью утратили первоначальный цвет. Сейчас они пепельно-русые по всему объему.

— А можно зеркало?

— Позже. Мы еще должны снять шов с левого века. Дэйя, начинаем сканирование. Я просмотрю ваше тело, но в основном сосредоточусь на голове. Мне необходимо знать, насколько хорошо функционирует нерв левого глаза. Сейчас я отключу освещение, после чего начну подсвечивать ваши глаза направленным пучком когерентного света. Ощущения могут оказаться своеобразными, но сканирование вряд ли займет больше двух-трех минут. И еще одно, дэйя.

— Да?

Тишину зала прорезал громкий резкий писк.

— Просто на всякий случай изредка я стану подавать такие сигналы. Вам необходимо назвать число от одного до трех, соответствующее их количеству. Просто мера перестраховки, чтобы знать, что вы в сознании. Кроме того, если вы почувствуете себя нехорошо, сжатие кулака или любое резкое движение полностью отключит сканер. Вам понятно?

— А-а… да, конечно.

— Зорра, ты удовлетворена?

— Дзии — вивисектор! — недовольно тявкнула от стены парса. — Если Фуоко станет плохо, поймаю и укушу!

— Обязательно.

Дважды громко пискнуло.

— Дэйя Винтаре? — пару секунд спустя осведомился Дзии.

— Что?

— Количество сигналов?

— А-э… два.

— Прошу не забывать о правильной реакции. А теперь начинаем. Я гашу свет. Прошу закрыть правый глаз и не открывать его до конца процесса. Кроме того, постарайтесь по возможности не двигаться.

Тихо щелкнуло, и стало совершенно темно. Во мраке тихо зашелестело. Фуоко лежала на спине. Она не чувствовала абсолютно ничего необычного, если не считать волн теплого воздуха, прокатывающихся по телу. Потом сквозь опущенное правое веко ударила вспышка света, еще и еще. Через некоторое время вспышки прекратились, потом начались снова. Девушка чувствовала, что тело мало-помалу начинает бить мелкая нервная дрожь. Да успокойся же ты! — властно сказала она себе. Ничего не происходит. Просто расслабься. Расслабься, я кому сказала!?

Время шло. Изредка во тьме раздавались писки, и Фуоко послушно повторяла их количество. Она быстро заскучала, но развлечь себя казалось нечем.

— Основная процедура завершена, — наконец произнес в

темноте голос Дзии. — Дэйя Винтаре, приготовьтесь, снимаю швы с левого века. Возможны слабые неприятные ощущения.

Голову, за исключением рта и носа, снова окутало мягкое и упругое. То место, где смыкались сшитые левые веки, слегка защипало, глаз сдавило, и перед Фуоко поплыли разноцветные круги. Хотя она и знала, что бесполезно, но все же попыталась сконцентрировать на них взгляд — и тут же мир бешено закружился в геометрическом вальсе ночного мира. Усилием воли девушка отогнала его, и снова сгустилась тьма.

— Дэйя Винтаре, — осведомился Дзии, — сейчас вы воспользовались вторым зрением?

— Да, случайно. А как вы догадались?

— Сканер показал возбуждение левого зрительного нерва. Прошу потерпеть еще чуть-чуть, я промою глаз.

Веки опять защекотало. Потом какое-то время ничего не происходило, и вдруг в комнате медленно, очень медленно начал разгораться свет. Фуоко бездумно смотрела на светящуюся точку лампы, потом, вдруг сообразив, зажмурила правый глаз, для надежности прикрыла его ладошкой и максимально широко распахнула левый (ах, это чувство, настолько привычное и настолько забытое, что кажется чужим!)

И ее горло сжало спазмом внезапного страха.

— Дзии, я не вижу левым глазом! — сипло сказала она. Давний, еще из больницы в Барне, ужас, возродившись, нахлынул на нее удушающей волной. — Дзии!

— Мы так и предполагали, — раздался рядом тихий девчоночий голосок, и Фуоко, резко сев, уставилась на сидящую на краю кушетки Рису — пигалицу в легких спортивных трусах и маечке, выглядящую на одиннадцать или двенадцать лет. — Прости, Фучи, что не говорили раньше, не хотели тебя тревожить. Глазной нерв уцелел, но в результате контузии осколком произошло отслоение сетчатки. Дзии обнаружил проблему еще в Барне с помощью ультразвука, а сегодня подтвердил окончательно. В нынешних условиях ее невозможно ликвидировать. Прости. Однако в будущем, когда мы научимся лучше управляться с энергоплазмой в человеческих телах, нам удастся все исправить.

И ужас ушел, оставив после себя лишь гулкую звенящую пустоту. Значит, она все-таки ослепла на один глаз. В глубине души она знала, что так и случится. Знала по недомолвкам барнских врачей, отводящих взгляд при слишком настойчивых расспросах. Знала по вежливым и скользким фразам Дзии. Знала внутренним безошибочным чутьем, что прорывается даже сквозь самую успокаивающую ложь и неумирающую надежду.

Она калека. Вот и все. Фуоко медленно опустилась на спину и уставилась на потолок и застывшие причудливо переплетенные стержни. Риса дотянулась до ее головы и ласково погладила лоб кончиками пальцев.

— По крайней мере, глаз полностью сохранил подвижность, — успокаивающе сказала ректор. — Твоя внешность не пострадала. Когда отрастут волосы, станешь такой же ослепительной красоткой, как и раньше. Смотри.

Сбоку медицинской кушетки поднялся большой экран на тонкой ножке и склонился над Фуоко. Его поверхность стала зеркальной. Девушка безразлично взглянула на него. Сквозь ежик коротких серовато-белых волос (как странно она выглядит с такой стрижкой и цветом!) отчетливо просвечивали тонкие темно-красные шрамы. Некоторые из них спускались с темени на левый висок и скулу под глазом. Серебристые точки контактных площадок поблескивали, словно у робота.

Седая уродина с мордой в шрамах. Вот что она теперь такое.

— Следы от ран со временем побледнеют и станут незаметными. Думаю, уже через полгода их станет не различить, если не вглядываться специально. Ну, а до тех пор тональный крем и прическа их скроют. Фучи, — ректор снова провела пальцами по лбу Фуоко, — все хорошо. Ты выжила, когда у тебя перед самым лицом взорвалась граната. С осколком в голове — ты вытянула один шанс на миллион даже с учетом кинетической защиты, которой тебя почти успел прикрыть Кир. Ты даже ухо не потеряла, и барабанные перепонки целы остались. Ну, а взамен ты приобрела двойное зрение — никто на планете им похвастаться не может. Мне очень жаль, что так случилось, но жизнь продолжается.

— Я дура, — прошептала Фуоко. — Сама виновата. Сама поехала на экскурсию, а потом с Мэем. Риса, я только сейчас поняла, какой была дурой. И в Шансиме, и еще раньше, давно, в Барне, когда от Джиона сбегала и одна по городу ходила. Я как-то не верила, что со мной может что-то случиться. Я дура…

— Вовсе нет, — возразила Риса. — Ты унаследовала отцовский характер, да и мама у тебя мягкостью не отличается. Ты такая, какая есть. Просто тебе не повезло. Но жизнь все равно продолжается. Ты стала мудрее и сильнее, а что глаз видит по-иному, так я знаю массу людей, и не только людей, что угодно отдавших бы за такую способность. Ты — уникум, Фучи. Ты нужна Палле. Ты нужна Университету. Шок пройдет со временем, у тебя сильная упругая психика. Кому-то другому я бы предложила транквилизаторы, но на тебя они не действуют. Значит, просто нужно перетерпеть — день, два. Потом

свыкнешься.

— Уникум… — прошептала Фуоко. — Не хочу. Из-за меня одни неприятности. Я людей сжигаю, кольчонов, вон, вызывать начала. Что дальше случится? Планету взорву к гхашам? Риса, вы новый сканер сделали — может, вы еще и научились энергоплазму вычищать? Убрали бы вы ее из меня, а? Я что угодно сделаю, только уберите… Я же из семьи Деллавита — хочешь, потом все наследство паладарам отдам?

Риса промолчала, но ее теплые пальцы на лбу Фуоко заметно дрогнули.

— Карина, — прозвучал под потолком голос Дзии, и девушка лишь сейчас заметила, что его дрона нет в зале. — Напоминаю про наш уговор.

— Я помню, — тихо сказала Риса. — Фучи… Есть еще одно, что ты должна знать. По крайней мере, так считает Дзии.

От ее тона девушку словно ударило током. Сердце сжалось и пропустило удар. Еле слышный треск донесся от сетки молний, окутавших тело, в воздухе пахнуло грозой. Ночной мир вдруг властно прорвался сквозь реальность, и прежде чем она успела взять себя в руки, на внешний вид Рисы наложилась маска уродливого кривляющегося клоуна — с круглым красным носом, высунутым раздвоенным языком и большими острыми клыками.

— Понимаешь, Фучи, я врач, хирург. Всю жизнь я лечила больных, считавшихся безнадежными, и ни разу не потеряла пациента, доставленного еще живым на операционный стол. Я не привыкла говорить людям вещи, заставляющие их нервничать, с которыми все равно ничего нельзя поделать. Но есть и другое мнение — что каждый должен точно знать свое состояние. Дзии… заявляет, что проинформирует тебя в любом случае, и я не могу ему запретить. Тогда уж лучше я. Яни считает, что я и без того приношу слишком много плохих новостей, что ты можешь начать меня подсознательно ненавидеть как горевестника… Даже если так, пусть. Фучи…

Девочка наклонилась над лежащей Фуоко и заглянула ей в глаза.

— Ты уже снова встретилась и заново познакомилась с Риконой. Ты помнишь, что она погибла в родном мире?

Фуоко кивнула. При чем здесь Рика?

— Она погибла — и, тем не менее, жива до сих пор. Она думает, чувствует, вспоминает, горюет и радуется — она жива, жива по-настоящему. Биологическое тело — всего лишь носитель разума, один из многих возможных. На вашей планете других носителей нет, но их появление — лишь вопрос времени. Рано или поздно вы восстановите свою технологию и продолжите ее

развивать — а значит, продолжите пытаться перенести сознание в искусственное тело. Все известные нам цивилизации идут по такому пути, просто потому, что биологическое тело не обеспечивает бессмертие, а инстинкт самосохранения — фундаментальный компонент любого разума.

— А при чем здесь мой глаз? — глухо спросила Фуоко.

— Глаз ни при чем. Однако, Фучи, как бы тебе сказать поаккуратнее… В общем, у нас есть веские основания полагать, что в данный момент носителем твоего сознания является вовсе не твое тело.

Несколько секунд девушка осмысливала сказанное. Потом, сообразив, резко села, едва не столкнувшись лбами с вовремя увернувшейся Рисой.

— То есть как — не мое тело? — изумленно переспросила она. — А что тогда?

— Мы не знаем. Вчера на острове, когда ты потеряла сознание, активность и количество энергоплазмы в твоей голове внезапно сократились до очень низкого уровня. Дзии сумел просканировать твой мозг — и сегодняшняя проверка на новом сканере данные подтвердила. Фучи, мы можем с уверенностью сказать, что кора твоего головного мозга мертва. Ее электромагнитная активность, характерная для живого человека, полностью отсутствует. В целом энцефалограмма, зарегистрированная Дзии, соответствует наблюдаемой у человека в стадии глубокой комы.

Фуоко машинально дотронулась до короткого ежика волос. Скажи ей кто другой, и она решила бы, что над ней пытаются подшутить. Но Риса…

— Не понимаю, — наконец сказала она. — Я же… я же в сознании. Я все понимаю, говорю… дышу… Как — кома?

— О том и речь, — Риса пожала тощими плечиками. — Фучи, твой мозг не работает. Совсем. Но ты полностью сохраняешь сознание. Еще в Барне, когда Дзии узнал по отчетам, что после взрыва гранаты ты не дышала, по разным оценкам, от двенадцати до пятнадцати минут, он подверг тщательному скрытому тестированию твои когнитивные функции и память. С ними все в полном порядке. Мы можем лишь предположить, что кора мозга погибла из-за долгого кислородного голодания. Однако ты осталась живой, более того, едва не довела до инфаркта пару хирургов и столько же медсестер, когда, без сердцебиения и дыхания, с дырой в черепе, пришла в себя на операционном столе и начала разговаривать.

— Один из врачей в частной беседе, — донесся с потолка голос Дзии, — позже признался, что чуть не обмочился от

перепуга, прошу прощения за неаппетитную подробность.

Неожиданно для себя Фуоко хихикнула.

— Да уж, могу себе представить! — пробормотала она. — Риса, но как же я тогда могу думать?

— Хочешь лучшую гипотезу из всех дурацких? Мы полагаем, что заполняющая твое тело энергоплазма настолько хорошо изучила нервную систему, что научилась ее дублировать. Полностью дублировать, в том числе мозг. Помнишь, как Киру на голову свалились трубы на военной базе? Ему полагалось погибнуть на месте из-за летальной травмы шейных позвонков, но он выжил. Судя по его описаниям, он тоже провел несколько минут без дыхания и сердцебиения, потом энергоплазма перехватила на себя роль поврежденных нервных волокон и восстановила нормальное прохождение сигналов от мозга к органам тела. Но у него оказался поврежденным только небольшой участок спинного мозга, и нормальная жизнедеятельность восстановилась до того, как погибла кора. С тобой управиться оказалось сложнее, а потому все закончилось хуже. Но как бы то ни случилось, в итоге ты жива, что главное. Кстати, гипотеза хорошо объясняет твою нечувствительность к препаратам, воздействующим на нервную систему, а также отсутствие потребности во сне.

Фуоко ущипнула себя за руку, потом, подумав, за левое веко.

— Не понимаю, — сказала она. — Руку больно. А веко нет. Почему?

— А если так? — Риса осторожно дотронулась пальцем до того же века.

— А так чувствую, как обычно.

— Еще одна загадка. Фучи, на тебя обезболивающие и транквилизаторы не действуют — видимо, потому, что нервная система либо под полным контролем, либо полностью замещена энергоплазмой. Скорее, первое, потому что вряд ли энергоплазма способствовала ее такому мощному разрастанию, чтобы потом полностью исключить из цепочки. Но при том ты ни разу не демонстрировала, что чувствуешь боль, даже когда Дзии работал с твоими ранами. Либо новый носитель сознания каким-то образом понимает и фильтрует неприятные ощущения, либо энергоплазма при передаче сигналов следует знакомым ранее шаблонам, в которую они не вписываются. Последнее особенно похоже на правду с учетом того, что твое левое глазное яблоко полностью заполнено энергоплазмой. Кстати, именно поэтому мы не можем приварить сетчатку ни лазером, ни микроманипуляторами, основанными на нашей технологии.

— Понимает и фильтрует… Риса, так все-таки — Арасиномэ

разумен или нет? Если разумен, может, именно и боль он фильтрует? Может, он на мне какие-то эксперименты ставит?

— Ох, Фучи! — ректор тепло улыбнулась. — Знаешь, я так рада, что ты начала думать и строить гипотезы вместо того, чтобы истечь слезами и соплями. Я в тебе не ошиблась. Ты молодец. Но я не хочу заниматься спекуляциями здесь и сейчас. У нас есть веские аргументы за, равно как и против разумности Арасиномэ. Некоторые действия как самой Красной Звезды, так и ее артефактов на Палле, невозможно назвать иначе чем разумными. Ты — яркий пример. И что кольчоны начали возникать точно над городами, но перестали убивать людей — тоже. Но, с другой стороны, за планетарный год нашего присутствия в системе Паллы мы так и не сумели не то что вступить с Арасиномэ в контакт, но даже и привлечь его внимание. Все воздействия на его активные области ведут либо к полному игнорированию, либо к агрессивной атаке, направленной на уничтожение непосредственной угрозы, и не более того.

— Но я же чувствую… братьев и сестер, маму-розу в оранжерее и так далее! Они реагируют на меня, наблюдают, любопытствуют… Пусть даже они просто ассоциации в моем подсознании, но ведь на чем-то же они основаны!

— И именно потому ты так важна для всей Паллы. Ты и Кир — единственные известные сейчас ниточки, предположительно связывающие человечество с некоей разумной сущностью. Беда в том, что никто не знает, где она прячется на самом деле. Красное сияние над полюсом солнца — лишь внешнее проявление определенных изменений в пространственной метрике, точно такое же, как псевдовещество энергоплазмы. На деле центр управления процессом может находиться отсюда за тысячи и миллионы световых лет, и наши попытки контакта просто промахиваются мимо него. Твое сознание оказалось непосредственно интегрированным в общую систему, а потому ты добилась больших успехов, чем мы все, вместе взятые. Только, Фучи, мы сбились с темы. Возвращаясь к исходному вопросу — нет, мы по-прежнему не можем убрать энергоплазму из твоего тела и не станем пытаться, даже если попросишь. Ты в результате, скорее всего, утратишь связь со своим телом и даже умрешь.

Фуоко задумчиво посмотрела на нее, размышляя. Значит, возможно, она сейчас живет где-то совсем в другом месте, просто смотрит на мир глазами… хм, глазом прежнего тела. А ведь паладары, если подумать, существуют точно так же: сами невесть где, а здесь лишь дроны, передающие информацию в обе стороны. И Рикона — Фуоко еще не успела толком поболтать с инопланетянкой, но девчонка тоже живет в ненастоящем теле и

никаких проблем с ним не испытывает. Ну, не так страшно, видимо. Неприятно только, что нет определенности.

— Забавно, — медленно сказала она. — Значит, Арасиномэ, или кто там, умеет переносить человеческое сознание к себе? Так же, как вы? Когда Рикона погибла, ее сознание ведь тоже перенесли?

— Верно. Правда, мы точно знаем, как проделывать подобные фокусы. Перед переносом человек должен долго жить в специальном фантомном коконе, наблюдающем за "ветром в листве", как у нас поэтически называются процессы на всех уровнях сознания и подсознания. Каким образом Арасиномэ удалось научиться тому же, да еще и с первой попытки, является большой загадкой.

— Не обязательно с первой, — Фуоко мотнула головой. — Дэй Дзии, вы нас слышите?

— Разумеется, дэйя Винтаре, — откликнулся из-под потолка вежливый голос неба.

— Вы рассказывали, как люди внезапно умирают из-за вскипания энергоплазмы в телах. Может, Арасиномэ так пытался их сознание переносить, но ему не удавалось?

— Гипотеза имеет право на существование, дэйя Винтаре. Только насчет "не удавалось" не соглашусь. Нам не известны результаты процесса. Вполне возможно, что перенесенные личности продолжают существовать где-то в другом месте, в активном или замороженном состоянии. Но прояснить данный вопрос пока невозможно.

— В таком случае нужно попытаться поговорить с мамой-розой! — решительно заявила Фуоко. — Риса, я хочу на остров. Прямо сейчас. Попытаюсь до нее достучаться, но лучше подальше от людей. Мало ли что, вдруг опять кольчон появится! Кир пусть дрыхнет пока, а мне же не надо, и времени все равно масса свободного.

— Ох ты, неугомонная! — звонко засмеялась Риса. — Всё не терпится? Валяй, экспериментируй. Но учти, что в связи с новыми обстоятельствами теперь рядом с тобой всегда присутствует полноценный дрон, чтобы в случае чего немедленно сформировать медицинскую капсулу и перевести твое тело на искусственное дыхание. Кислородное голодание, знаешь ли, не самая лучшая штука для биологических тканей. Не беспокойся, он не полезет на глаза.

— Ну, пусть, — Фуоко пожала плечами. — Тогда я зову Райнику, чтобы транспорт обеспечивала.

— Зови, — согласилась Риса. — И все-таки, Фучи, — она дотянулась и ткнула Фуоко пальцем в лоб, — запомни мои слова:

я никогда не теряла пациентов, даже в одной нищей полудикой стране с пещерной медициной, где мне как-то раз пришлось диктаторствовать. Пусть тебя сейчас формально веду не я, а Дзии, но я как ректор несу за тебя ответственность не меньшую. Так что уж постарайся не испортить мне такую замечательную статистику, ага?

Она поднялась и потянулась.

— Все, я побежала. А ты не унывай, Фучи. Я уже дважды умирала, и ничего, неплохо себя чувствую, как видишь. И не забывай про Кира. Он хоть и не понимает ничего, как все мужики, но тебя любит. А вместе удары судьбы легче переносить.

Ректор отошла к двери, весело улыбнулась щербатой улыбкой, которой не хватало верхнего резца, и распахнула дверь — и в нее тут же бегом влетел запыхавшийся Кирис в сопровождении своего парса. Риса скользнула в проем за его спиной и исчезла.

— Фучи, ты цела? — резко спросил парень. — Что с тобой?

— Ну, если не считать того, что я коматозный труп, все в порядке, — сообщила ему Фуоко.

— Я серьезно! — обиделся тот. — Я, понимаешь, дрыхну как полено, и вдруг мне на брюхо прыгает этот урод, — Кирис кивнул на Гатто, — и начинает верещать, что тебе плохо, что сейчас помрешь, все такое. Я трусы натянул и сюда. Так что случилось?

— Если настолько перепугался, мог бы на трусах несколько секунд выгадать, — хихикнула Фуоко. — Ночь же, кого стесняешься? А я, между прочим, тоже серьезно. Дзии говорит, что я померла или даже вообще больше не человек. Дзии, я же правду говорю?

— Термин "померла" нельзя использовать, поскольку ваше тело в основном живо, — бесстрастно проинформировал неб. — Гибель небольших участков нервных тканей, пусть даже таких важных, как кора головного мозга, не является основанием для его применения. Людям случается терять куда большие участки тела — руки, ноги, внутренние органы, но от того они не становятся менее живыми и уж тем более не перестают быть людьми. Кроме того, в понимании паладаров термин "живой" определяет состояние сознания, а не его носителя, как на Палле, и с данной точки зрения вы живее многих. Так что, дэйя Винтаре, я не могу согласиться с вашим утверждением даже для поддержания шутки.

— Все компьютеры — зануды! — вздохнула Фуоко.

— И со многими компьютерами вы знакомы, дэйя Винтаре? — на сей раз в голове неба скользнули явные ехидные нотки. — Если не считать меня и координатора?

— Я еще Сируко знаю! — парировала девушка. — И Райнику!

— Не принимается. Обе являются субличностями координатора, — отрезал Дзии. — Вы бы еще вычислительный комплекс "Лавина" к знакомым причислили. Дэй Сэйторий, чтобы не действовать вам на нервы, а также с учетом настроения дэйи Винтаре, предположительно не возражающей против передачи вам информации…

Он сделал короткую паузу, как бы давая Фуоко возможность запротестовать.

— …информирую, что проведенное обследование подтвердило серьезные нарушения работы биологических тканей мозга дэйи Винтаре, что, однако, никак не сказывается на работе ее сознания. Кроме того, с сожалением вынужден констатировать отслоение сетчатки в поврежденном левом глазу, что привело к его полной слепоте в обычном смысле слова. Пока я не рискую проводить хирургическое вмешательство из-за оптически плотной энергоплазмы в глазном яблоке, но данный вопрос пока остается открытым, окончательное решение я приму по результатам дальнейшего наблюдения и экспериментов на животных. Остальное дэйя Винтаре расскажет сама — если захочет, конечно.

— У-у… — Кирис стремительно подошел к кушетке и сел рядом с Фуоко на то же место, где минутой раньше располагалась Риса. — Фучи, реально, что ли, глаз не видит?

— Ну, не видит, — девушка скривила губы. — Да я, в общем, уже привыкла. Кир, я жутко уродливая без повязки? С седыми волосами, и башка в шрамах?

— Не, точно не видит? Ну-ка, следи за пальцем, — Кирис поводил рукой в воздухе. Фуоко послушно следовала за ней взглядом. — Слушай, не заметно совсем. Глаз нормально движется, не сказала бы — я б и не догадался. А шрамы — фигня. У нас в районе пару лет назад парня порезали, моего знакомого. Всю морду ножом исполосовали. Так ему как-то так хитро все зашили, что уже через год все побледнело и незаметно стало. Только когда лыбился, страшненько становилось. Но у тебя-то даже не на щеке, а сбоку, на костях. Зарастет, не парься.

— Кир… — Фуоко дотянулась до него и приникла к нему всем телом. Ее вдруг охватило возбуждение, соски начали напрягаться. — Кир, если разлюбишь меня, я тебе башку оторву и скажу, что так и было. Понял?

— Нифига себе закидоны! — возмутился парень. — Чья бы канарейка пела! Сама меня бросить пыталась, а я, значит, разлюблю? Эй, ты что, опять хочешь? Прямо здесь?

— Почему нет? — Фуоко прикрыла веки и томно заглянула ему в глаза.

— Спать хочется — спасу нет, — Кирис широко зевнул. — Прямо ведь на тебе засну. Обидишься еще.

— Обижусь. Ну ладно, уговорил, отложим до утра. Только, Кир…

— Ну?

— Не бросай меня, ладно? Хотя бы пока я не привыкла, а? Мне страшно…

Внезапный приступ ужаса вдруг нахлынул на девушку, омрачая яркий свет ламп, и она отчаянно вцепилась пальцами в плечи Кириса. Где-то вдали пошевелилась мама-роза, посылая сигналы одобрения и поддержки, и синхронное шипение Гатто и Зорры заставило Фуоко вздрогнуть и дико оглянуться по сторонам. Десятка два небольших, меньше метра в длину, волют плавали в зале, помигивая багровыми огоньками. Стержни под потолком пришли в движение и начали сложный бесшумный танец, переплетаясь в замысловатые узоры, то спускаясь к самой кушетке, то снова взмывая вверх, как ни в чем не бывало проходя прямо сквозь непрошенных гостей. Кирис прижал Фуоко к себе и успокаивающе погладил по спине.

— Фучи, все нормально, — сказал парень ей в ухо. — Я здесь. Парсы здесь. Паладары здесь. Никто тебя не бросит, кончай истерить. Х-хаш, опять комарья налетело! Я их сейчас вымету…

В голове у Фуоко звонко лопнуло, и волюты пропали, словно и не появлялись. Приступ ужаса ушел, разум прояснился. Девушка резко выдохнула и обняла Кириса за шею.

— Прости, — сказала она. — Что-то на меня нашло странное. Какой-то приступ. Дзии, вы что-нибудь зафиксировали сканером?

— Я не специализируюсь в пространственной физике. Массив необработанных данных передан ученым для анализа, — ответил медицинский неб. — В ваших телах обнаружены странные явления, но они могут с равной степенью вероятности являться и неизвестными пока процессами, и случайными флуктуациями энергоплазмы. Нужны дополнительные наблюдения. Я могу чем-то помочь, дэйя Винтаре? Мои транквилизаторы, к сожалению, не сработают — ни химические, ни электромагнитные. Однако есть вариант с расслабляющим массажем, он на вас действует по-прежнему.

— Спасибо, не надо. Я уже в порядке. Что-то нервы у меня в последнее время… А, ладно. Ну что, Кир, идем домой?

— Ага. Если засну по дороге, тащи меня вместе с теми бездельниками, — Кирис ткнул пальцем в Зорру с Гатто, внимательно наблюдающих за хозяевами. — Пусть поработают ездовыми парсами.

— Нет необходимости, — встрял Дзии. — Дрон,

приставленный на постоянной основе к дэйе Винтаре, вполне способен унести вас обоих.

— К тебе в натуре большого дрона приставили? — поразился Кирис. — Конвой, типа? Фучи, ты чего натворила? Стекла по ночам бить ходишь?

— Ага, и плохие слова на стенах пишу, — криво усмехнулась Фуоко. — Кир, пусть тебя дрон везет, а я еще погуляю. Тебе спать нужно, а мне нет. А в комнате сил нет торчать.

— Обойдусь без дрона. Пойдем вместе до общаги. Я дрыхнуть завалюсь, а ты хоть до утра гуляй. Только башку полотенцем обмотать не забудь.

— Зачем? — подозрительно спросила Фуоко, поднимаясь и подходя к стене, где на стуле одиноко лежала ее юбочка от бикини.

— Чтобы прохожих исполосованной мордой не пугать! — ухмыльнулся Кирис. — А то еще схватят инфаркт.

— Чем бы в тебя кинуть тяжелым? — задумчиво спросила девушка. Почему-то подколка не показалась ни капли обидной. Наоборот: если бы она действительно плохо выглядела, вряд ли Кир стал бы над ней подшучивать в такой манере. Он хоть и балбес, но на удивление деликатный. Раз издевается, значит, действительно не видит ничего слишком уродливого. Хотя что с его точки зрения уродливо, еще большой вопрос.

— А нечем кидать! — парень ухмыльнулся еще шире. — Я ж специально сначала осмотрелся. Ну, идем, что ли?

Он подошел к ней, ухватил за талию и повлек к двери. Зорра и Гатто вскочили на ноги и двинулись вслед.

— Кстати, дэй Сэйторий, обращаю внимание, что персональный полноразмерный дрон приставлен и к вам, — бесстрастно проинформировал Дзии. — У вас уже не раз останавливалось дыхание, и опасность внезапно умереть для вас не меньше, чем для дэйи Винтаре. Не беспокойтесь, боэй останутся незаметными, если не случится экстренной ситуации. Прошу не воспринимать такой эскорт как ограничение личной свободы.

— Фигасе… — Кирис снова широко зевнул. — Дэй Дзии, у меня башка как колокол гудит, сил нет базарить. Утром проснусь, тогда и начну ругаться.

— Дополнительный постоянный эскорт одобрен госпожой Кариной Мураций. Ругаться бессмысленно. Приношу свои извинения.

— Да ну вас всех… Идем, Фучи.

Пройдя через неярко освещенный холл и обменявшись вежливыми прощальными кивками с дежурным доктором, они

вышли на улицу. Часы над выходом показывали половину третьего (а Дзии еще говорил про полчаса!). Труффа уже заметно склонилась к западу. Мерцание хаотичных световых волн на небосводе усилилось и полностью скрыло звезды.

Не успели они пройти и десятка шагов мимо заросшего парка напротив больницы, как мир вокруг Фуоко слегка качнулся и утратил очертания, но тут же восстановился. Она покачнулась, но равновесие сохранила.

— Что? — встревоженно спросил Кирис, подхватывая ее под локоть.

— Все в порядке. Просто голова закружилась. Ох… смотри, опять волюта.

В десятке метров перед и над ними действительно висел одинокий спиралеобразный кокон, почти черный на фоне переливающегося неба. Багровый огонь в его сердцевине отсутствовал. Вот поверхность инопланетного тумана слегка забурлила, и волюта начала медленно опускаться. Оказавшись примерно в метре над головой Фуоко, она замерла.

— Ходер! — сплюнул Кирис. — Что они в последнее время, в самом деле, как комарье слетаются? Сейчас я эту хрень…

— Стой! — Фуоко схватила его за руку. — Кир, не надо. Оставь ее в покое.

— Почему? — удивленно взглянул тот.

— Ну… мне в голову пришло, что вдруг ее прислали за нами… за мной присматривать? Паладары — дронов, а… мама-роза — волюту? Я чувствую, от нее сестрой пахнет. И она одна, и даже без молнии внутри. Пусть себе остается, никого же нет.

— Помнишь, в одном мультике Утенок Бок с грозовым облачком над головой ходил, когда колдуна разозлил? — тихо заржал парень. — А оно его молниями все время! Так же хочешь? А что, микродроны теперь чуть не у каждого второго, на них внимания никто не обращает, а выеживаться перед народом надо. Так, что ли?

— Я что, дура? Я же не стану днем с ней ходить! — обиделась Фуоко. — И даже в комнату не потащу. Пусть до общаги проводит, если хочет, а там я ее попрошу уйти. А у тебя, блин, манера — чуть что, и в бубен. Невежливо же, в конце концов!

Кирис постучал себя пальцем по лбу, но развивать тему не стал. Он лишь поднял руку и пустил в волюту длинную трескучую искру. Та не отреагировала.

— Ладно, пусть болтается, — согласился он.

— Фуоко глупая, — недовольно проинформировала Зорра. — Волюта опасна. Кто-то выйдет — плюнет в лоб. Череп вдребезги, мозги на асфальте! Выгнать, выгнать!

— А ты не ревнуй! — Фуоко показала ей язык, но тут же посерьезнела. — Идем, Кир. А то действительно упадешь и уснешь по дороге. Или кто-то навстречу попадется. А я, между прочим, голая.

— Кто мешал одеться? — Кирис приподнял бровь, но все-таки зашагал в сторону общежития. — И вообще, я думал, ты больше не паришься насчет голых. Мало времени на свободных пляжах, что ли, провела? Меня лично столько раз врачи осматривали, что я уже хоть перед кем разденусь. Делов-то!

— Бесстыжий… — пробормотала Фуоко, шагая рядом. Волюта медленно плыла над головой. Вот внутри нее зажегся тусклый багровый огонек, померцал немного — и вдруг сорвался и ударил ей в плечо. Потом снова и снова. Ощущений не возникло никаких. Потом вдруг такой же багровый сгусток вырвался откуда-то из солнечного сплетения девушки и вонзился в волюту. Несколько секунд спустя Кириса, Фуоко и волюту окутал целый фейерверк: шаровые молнии самых разных расцветок — алых, багровых, желтых, пурпурных, фиолетовых — начали хаотично метаться между ними. Громко зашипели электрические разряды, которым вторили парсы, резко запахло озоном. Фонарь, около которого они находились, громко лопнул, по асфальту зазвенели мелкие осколки. Потом вдруг все кончилось, и волюта медленно поднялась в небо и растаяла.

— И что тут было? — изумленно осведомился Кирис.

— Чтоб я знала… — откликнулась Фуоко. — Кир, я на остров. Похоже, вокруг меня чушь какая-то творится. Не хочу, чтобы людей зацепило. Блин, еще и лампа разбилась, а я босиком. Сейчас вот ногу пропорю…

В темноте скользнула серая туша, кругом проползла по асфальту и замерла.

— Впечатляющее представление, — сказал бесплотный голос координатора. — Дэйя Винтаре, дэй Сэйторий, с вами все в порядке?

— Да вроде бы, — Фуоко провела пальцами по юбочке. Нет, дырок не ощущается, а одиноким глазом в темноте не разглядеть. А вот блуза бы точно сгорела. — Мы не знаем, что случилось. Мы ничего не делали, честно! Дэй координатор, попросите, пожалуйста, Райнику прислать транспортного дрона. Я на Пинчау. Посижу там денек-другой, пока вокруг меня кольчоны с волютами виться не перестанут.

— Ваш персональный дрон переведен в транспортный режим, голосовое управление задействовано. Отдавайте ему приказы вслух. Если все нормально, я отключаюсь.

Серая бесформенная груда вспухла, вытянулась, раскрылась

сверху, подсветилась изнутри и превратилась в обычную транспортную капсулу, только почему-то без управляющего терминала.

— В общем, Кир, подтягивайся, как время появится, — сказала девушка, потирая лоб. — Я попытаюсь связаться с… мамой-розой. Если она действительно мне волюту прислала… может, с ней и поговорить можно? Не знаю, получится ли в одиночку, с тобой как-то лучше в резонанс входишь.

— Лады. Завтра… или уже сегодня? В общем, появлюсь ближе к вечеру, после занятий. И мне для Арены индивидуальный сенко сегодня подогнать обещали, нужно проверить. Часов в шесть, ага?

— Ага. Кстати, что за Арена? Ты так и не рассказал. С кем вы там деретесь?

— Ну… вечером объясню. Ничего особенного, ты в шаре висишь и дергаешься, а на экране кукла твои движения повторяет. Да ничего особенного, просто у паладаров новые эксперименты. У Палека очередная гениальная идея, как энергоплазму в теле исследовать.

— Понятно.

Фуоко забралась в транспорт, откинулась на спинку кресла, помахала рукой и приказала:

— Дрон, на Пинчау.

— Место назначения принято, — бесполым мелодичным голосом откликнулся транспорт. — Отправляемся.

Уже когда дрон, преобразовавшись в катер, летел по-над волнами ночного океана, Фуоко наконец-то позволила ночному миру проявиться в своем слепом глазу. Мир вокруг заиграл новыми красками, но никаких объектов поблизости не замечалось. Однако она вдруг заметила, что изгибающиеся и меняющиеся линии, обычно плавающие вокруг нее в пространстве, живут не сами по себе, а являются частью невероятно сложной, но едва заметной сети. Паутина подрагивала, словно живая, и когда девушка подняла руку, резко раздалась в стороны, потом снова сомкнулась и пропала. Так. То ли она начала видеть разные штуки, не замечаемые раньше, то ли вокруг нее происходят новые процессы.

Значит, она мертва… Точнее, мертв мозг, но сознание живо. Странно осознавать, что теперь ее существование зависит от непонятных процессов в загадочной субстанции, не являющейся ни настоящим веществом, ни полноценной энергией. С другой стороны, кто из людей может похвалиться тем, что понимает все процессы в биологическом мозге? Одна неизвестная величина сменилась другой, вот и все. А вот что глаз не видит — плохо. Остается надеяться, что Дзии все-таки изобретет способ

приклеить обратно отслоившуюся сетчатку. А до тех пор нужно ускорить эксперименты и попытаться полностью овладеть потусторонним зрением и совмещением картин двух миров. И потом, за полгода они с Кирисом так толком и не продвинулись в понимании происходящего внутри их тел. И если есть хоть какой-то шанс, что Красная Звезда разумна, нужно приложить все усилия, чтобы выйти с ней на осознанный контакт. Пусть даже мама-роза и прочие братья с сестрами — фокусы подсознания, что-то же за ними должно стоять!

И первый эксперимент она проведет прямо сейчас, сразу после высадки. Если она смогла дозваться Кира по их невидимой связи, есть шанс, что то же самое сработает с мамой-розой. Главное, не устроить ненароком светопреставление.

Кстати, не забыть бы, что завтра промежуточный зачет по эсперанто.

09.28.1232. Хёнкон

Кирис понимал, что спит. Песок пляжа перед ним светился странным синим светом и слегка колебался, словно поверхность загадочного потустороннего океана. Где-то глубоко внизу под ним колебалась еще одна водная поверхность — или, скорее, масляная или даже ртутная. Вместе они напоминали несмешивающийся коктейль из тех, что в Барне подавали в дешевых барах для моряков. Странные штуки возникали и пропадали в толще двух жидкостей, сновали взад и вперед, обменивались цветными фразами, играли друг с другом, сливались и распадались, распространяя чувство безопасности и спокойствия.

Настоящий же океан, напротив, казался опасным и угрожающим. Кирис знал, что в любой момент может нырнуть в его угольно-черную глубину, щурясь как можно сильнее, чтобы отблески на поверхности не резали глаза, но в толще воды придется изо всех сил напрягать зрение, чтобы что-нибудь увидеть. Да и нечего там видеть. Редкие искры настоящего света, мерцающие на поверхности синего песка, никогда там не встречались. Во сне Кирис обожал ловить такие искры и выращивать из них теплых забавных пушистиков, наблюдать за их смешными ужимками, сажать в стеклянные банки, чтобы защитить от холодного ветра, постоянно готового задуть их… Его любимая сросшаяся парочка выросла уже до изрядных размеров. Кирис с нетерпением ждал, что она вот-вот сольется полностью, и тогда у него единственного получится гибрид, о свойствах которого пока остается лишь догадываться. Но пушистики лишь пульсировали вразнобой, изредка обмениваясь искрами света по сети опутывающих каналов, и стремления сливаться не демонстрировали. А что, если они не сольются?

За прошедшее время он уже научился ловить новые искры, не гася их ненароком. Теперь в его коллекции таких имелось не менее тонны. Большинство постепенно росло, наливаясь переливающимися оттенками и отращивая вокруг себя пока еще неуверенные тоненькие сети, а некоторые уже превратились в почти настоящих пушистиков. Такая замечательная коллекция вызывала черную зависть у всех пацанов по соседству — у них-то с ловлей дела шли куда хуже. Почему-то срастаться ни молодые искры, ни почти созревшие зверьки никак не хотели, их сети упорно не слипались, и сросшаяся парочка оставалась уникальной не только в его личном зоопарке, но и во всем квартале. Старшие мальчишки, шпана, уже нехорошо

перешептывались, бросая на него жадные взгляды, и наверняка задумывались, как утянуть коллекцию втихомолку или даже отобрать силой. Но они обломятся, потому что местный авторитет уже веско сказал, что кто вырастил, тому и принадлежит. А против него идти дураков нет.

Голубой песок колебался под ногами, забиваясь между пальцами, с океана налетал ветер, восходящее солнце било в глаза, и внезапно Кирис осознал, что не спит. Он дернулся, попятился, зацепился пяткой за ямку и с размаху сел на задницу, ошарашенно оглядываясь вокруг. Утро. Пляж. И песок — никакой не голубой и не прозрачный, а самый обычный, серовато-желтый. Неподалеку торчали жирафьи шеи подъемных кранов. Нет, не пляж, а узкая полоска песка, тянущаяся между прибоем и унылыми ангарами грузового порта — дикая, необустроенная.

Как он сюда попал?

Последнее, что осталось в памяти — как он проводил взглядом транспортный дрон с Фуоко, вошел в здание общежития и начал подниматься по лестнице. Сейчас он полностью голый, то есть, видимо, все-таки добрался до комнаты, разделся и лег дрыхнуть. Есть и другие варианты, но такой наиболее вероятен. Он что, опять ходил во сне? Почему умная дверь его выпустила из комнаты? Почему не задержал Гатто?

Парс растянулся на песке неподалеку и щурился на Кириса невозмутимыми глазами. Утреннее солнце бликовало поверх его двойных щелевидных зрачков.

— Га, как я здесь оказался? — хрипло спросил Кирис. — Я во сне ходил?

— Ходить во сне нельзя! — фыркнул парс. — Запрещено. Опасно. Кирис не ходил во сне.

— Тогда не понял. Сюда-то я как попал? Телепортировался, что ли? Га, что я делал с момента, когда ночью в свою комнату из госпиталя вернулся?

— Кирис лег спать, — проинформировал спутник. — Кирис проснулся. Бормотал под нос глупости, ходил по комнате. Потом сказал, что идет гулять. Шел по улице, пришел сюда. Начал задавать глупые вопросы. Кирис башкой ударился?

— Похоже… Га, каким образом меня дверь выпустила? Я же кодовую фразу должен сказать!

— Кирис сказал правильные слова. Дверь открылась.

— Вот так фигня! — Кирис почесал щеку. — Времени сколько?

— Пять часов семнадцать минут утра.

Так. Вернулся в комнату он примерно в полтретьего, чуть позже. Получается, он два с половиной часа бродил по улицам.

Не просто бродил, а осмысленно, иначе Гатто наверняка поднял бы тревогу, и присланный Дзии дрон спеленал бы его как младенца. Что за хрень творится? Ему что, Красная Звезда уже окончательно в мозги влезла?

Кстати, Дзии пугал, что теперь к нему приставлен персональный полноценный дрон на случай внезапной отключки. Видимо, прежней полуминуты прибытия по сигналу Гатто медицинскому небу показалось слишком много. И где он? Маскируется, наверное.

Однако встает вопрос, что делать дальше. Если раньше он просто бродил во сне, не способный ничего сделать и упираясь лбом в стены, то теперь все гораздо хуже. Если какая-то инопланетная штука наловчилась читать его мысли или хотя бы память, то мало ли что она может заставить его сделать! Вдруг он кого-нибудь прибьет, пока в отключке шляется? Или даже шею свернет? Или Фучи что-нибудь сделает? Карраха! Тысячу раз карраха!

Неприятное чувство защемило кишки. Кирис нечасто испытывал страх — то ли из-за врожденной тупости, как язвила Фуоко, то ли просто каких-то гормонов в организме не хватало. Но сейчас он ощущал, как брюхо сворачивается в тугой узел, и мутная волна паники захлестывает его изнутри. В последний раз похожие эмоции накатывали, когда Риса застукала его на охоте в Барне, даже пираты-налетчики с автоматами его испугать не смогли. Кирис отвесил себе оплеуху — с силой, не поскупившись, правой рукой по левой щеке. Голову пронзила боль, во рту появился солоноватый привкус. Ничего. По морде он тысячу раз получал, да и в спаррингах на занятиях у Джорджио не раз падал неудачно. Зато голова слегка прояснилась, а узел в брюхе ослаб. Все, придурок, кончай жидко срать и начинай ворочать мозгами. Паладары верят, что они у тебя есть, вот и не подводи. Итак, по порядку. Ночью он, хотя и без сознания, но вышел из комнаты. Такое повториться не должно. Как предотвращать — пусть думают другие, кто поумнее.

— Га! — резко сказал он. — Мне нужна связь с координатором. Срочно.

— Доброе утро, дэй Сэйторий, — тут же произнес парс голосом неба. — Судя по вашему тону, что-то случилось. Я могу помочь?

— Доброе утро. Точно, случилось. Я ночью спать лег у себя в комнате… наверное, лег, не помню, а потом очнулся здесь, на пляже. Гатто сказал, что я кодовую фразу правильно произнес.

Кирис замолчал. Координатор в тысячу раз умнее всех людей на Палле, вместе взятых, так что выводы сделает и сам.

— Могу я попросить у Гатто запись ваших ночных похождений, дэй Сэйторий? Дзии проинформировал, что ночью вы приходили в госпиталь, так что мне нужна лишь информация с момента вашего возвращения в общежитие.

А ведь точно. Мог бы и сам сообразить. Гатто ведь наверняка записывал прогулку в свою необъятную память.

— Да, конечно. Га, передай все, что нужно координатору.

— Запись проанализирована. Дэй Сэйторий, я могу констатировать только одно: ваше поведение выглядело абсолютно разумным. Могу предположить частичную утрату памяти в результате влияния неизвестных факторов. Настоятельно рекомендую немедленно обратиться к Дзии для проведения обследования.

— А… что я делал?

— Ничего особенного. Вы просто гуляли по улицам и с интересом смотрели по сторонам, словно впервые увидели город. Потом вы пришли в место, где находитесь сейчас, легли на песок, уснули, через некоторое время встали, тут же упали и начали общаться с Гатто. Сон длился примерно один час тринадцать минут. Вы совсем ничего не помните до момента пробуждения?

— Сны. Опять дурацкие. Песок голубой и качается, словно вода, а вода, наоборот, совершенно черная и блестит так, что спасу нет. И опять разная чушь про ловлю искорок и сросшихся пушистиков.

— Информация принята к сведению. Дэй Сэйторий, она может оказаться чрезвычайно ценной. Если ваше подсознание и в самом деле преломляет что-то, транслируемое снаружи, ваши сны могут прояснить особенности восприятия мира чужеродными формами жизни. Прошу подробно обсудить данный вопрос с Дзии, чтобы он помог восстановить воспоминания о сне. Однако мы уклонились от темы. Могу я чем-то помочь прямо сейчас? Дрон наготове, он может немедленно доставить вас в госпиталь.

— Спасибо, не надо, — Кирис лег на спину на прохладный по утреннему времени песок и принялся смотреть в стремительно светлеющее небо. — Сам дойду. Просто… ну, я думал, что насчет меня какие-то меры принять надо. Типа, чтобы я что-нибудь не сотворил непотребное, пока ничего не соображаю.

— Гатто неотрывно вас сопровождает. Он вполне в состоянии оценить степень опасности для вас и окружающих и мгновенно среагировать. Не вижу необходимости в дополнительных мерах.

— Ну… вам виднее. А что там с Фучи?

— Дэйя Винтаре находится на Пинчау. Вы можете связаться с ней через парсов. Если требуется видеоканал, я также могу задействовать сопровождающего вас дрона.

— Не, тоже пока не надо. Я хочу подумать. Спасибо, у меня все.

— Напоминаю, что в соответствии с вашим расписанием занятий первый урок начинается менее чем через два часа. Если вы намерены следовать обычному распорядку дня, рекомендую немедленное возвращение в общежитие, чтобы привести себя в порядок, совершить утренний туалет, позавтракать и так далее. Однако визит к Дзии — уважительная причина для пропуска занятий. Снова напоминаю, что к вам приставлен персональный дрон, выполняющий в числе прочего транспортные функции. Активация транспорта осуществляется через Гатто, дальнейшее управление — как обычно, при помощи терминала либо Райники. Плата за пользование не взимается. Хорошего дня.

Тихо пискнуло, и координатор отключился. Кирис почесал кончик носа и уставился в небо. Тайфун ушел окончательно, небо очистилось, и день намечался жаркий. Ну и что дальше? Голова казалась на удивление свежей, словно он и не бродил всю ночь непонятно где. На занятия идти? Наверное. Он и так отсутствовал почти пять декад, и изучение одного лишь списка пропущенного материала вгоняло в уныние. Фиг с ними, с камиссой и эсперанто, там не такая жесткая программа, но математика, физика, химия — в них одно незнание цепляет и тянет за собой другое, как железнодорожный состав. Если филонить и дальше, придется, как и Фучи, переходить на индивидуальную программу — с той разницей, что Фучи мчится полным ходом, опережая весь подготовительный колледж, вместе взятый, а то и первый курс, а ему придется догонять.

Конечно, мелькнула подленькая мыслишка, пуп рвать вовсе не обязательно. Теперь его точно из Университета не выгонят, даже если он вообще учиться перестанет. Подумаешь, не выучит пару химических реакций или производных! В конце концов, изучать энергоплазму и свою связь с Красной Звездой куда важнее и интереснее, чем зубрить всякую фигню. Да и Риса считает, что Университет ему по жизни должен, а слово ректора — закон.

То есть хочешь на всю жизнь остаться подопытной мышкой? Или обезьяной, с учетом размеров? И жить за счет чужой жалости?

Кирис хмыкнул. Нет, разумеется. Никогда он ни от кого не зависел и не собирается зависеть и дальше. Пусть даже мечту отстроить Хёнкон реализовать не удастся — похоже, паладары полностью восстановят и отлакируют город задолго до того, как Кирис закончит Университет. Но все равно он никогда не станет приживалой — ни при паладарах, ни при Фучи. Особенно при

Фучи. Он должен стать кем-то важным, чтобы не ловить спиной до самой смерти презрительные взгляды ее родни, а ушами — шепотки о бойком нищем парнишке, примазавшемся к женушкиным деньгам. Клеймо жиголо не для него. Какой путь выбрать? Там станет видно. Может, пойти в архитекторы или инженеры-строители, как Палек, а может, в летчики или даже космонавты. Одно ясно: без образования — никуда. Так что придется стиснуть зубы и зубрить, зубрить, зубрить. Ох, хорошо Фучи, ей теперь дрыхнуть не надо, сколько лишнего времени появилось! А ему-то что делать?

Посрать, пожрать и топать в колледж, подсказал циничный внутренний комментатор. А то ведь действительно опоздаешь.

Тьфу. Действительно, нужно шевелиться. Но сначала нужно выяснить, как там Фучи. Попросить Гатто связаться с ней через Зорру или терминал? Нет, не стоит. Га вполне может ляпнуть о случившемся, и тогда Фучи начнет волноваться. Незачем. У нее своих проблем хватает. Глаз не видит — и фиг с ним, еще один остался, и шрамы не беда, посветятся и перестанут. Но неужто Дзии правду говорит, что у нее мозг умер? Ходер. Полный ходер! У него самого тоже шейный позвонок поврежден. Теперь они оба живут исключительно милостью неведомой хрени, способной в любой момент нажать кнопку и вырубить их навсегда. К своей проблеме он уже привык, но теперь придется постоянно помнить и о подруге — и о том, что именно он не успел среагировать и закрыть ее собой.

Короче, нужно сначала добраться до общаги и лишь потом вызвать Фучи с терминала. А может… Кирис криво ухмыльнулся. Может, и в самом деле сейчас опасно пользоваться своими способностями? Кто ж знал, что от вчерашних экспериментов кольчон появится? С другой стороны, он же просто посмотрит, да и выгонять волют он уже научился. И кольчона вчера рассеял, даже пальцем не пошевелив. Кстати… ххаш! Ведь он вообще голый, даже без трусов. И как теперь в общагу возвращаться? Хорошо, что здесь, на пляже, нет никого, но на улицах уже наверняка народ появился. Конечно, не запрещено, а паладары так и вообще всегда голыми ходят, но он-то не паладар, чтобы на улице яйцами сверкать. А, фигня. Дрон же где-то рядом. Довезет, никто и не увидит. Зато опасности сжечь одежду нет. Быстро взглянуть на Фучи — и в общагу.

— Га, следи за мной внимательно, — приказал он. — Если дыхалка отключится, сразу зови Дзии.

Парень сосредоточился и потянулся в сторону, где далеко-далеко за вершиной Поддy скрывался крохотный островок Пинчау. Есть ли там невидимый летучий глаз? Ну же! Тело

пронизала слабая резкая судорога, словно от удара током, и он вдруг оказался парящим на невообразимой высоте. Далеко-далеко внизу виднелся океан. Похоже, невидимый глаз болтался на высоте по крайней мере в пару цул, а то и выше. Судя по очертаниям далекого берега и гор, на сей раз Кирис заарканил летуна почти в правильном месте, только высоковато. Нужно спуститься пониже. Вот блин, а ведь он ни разу не видел Пинчау сверху, даже на карте. И как его узнать? Ну, главное начать, а там посмотрим. Парень попытался опустить вниз летуна, представляя, как океан быстро-быстро летит ему навстречу — и провалился в кромешную тьму.

Впрочем, кромешной она показалась лишь поначалу. Почти сразу в темноте начали проглядывать мелкие и крупные искорки — желтые, голубые, красные. Они хаотично возникали тут и там, сливались в вихри и водовороты, реки и заводи, в гигантские россыпи, переливающиеся цветами и оттенками, для которых Кирис не смог бы подобрать название, даже если бы захотел. Но он не хотел. Ошеломленный, он впал в ступор, тихо наблюдая за невероятным блистающим миром — и внезапно понял, что видит.

Звезды.

Настоящие звезды. Не те, что изредка пробиваются, мерцающие и почти незаметные, сквозь радужные разводы ночного неба — а те, что ночами горели на паллийском небосводе до Первого Удара.

Те, что девять лет назад шестилетним пацаном он видел сам — и напрочь забыл.

Да, на уроках физики в школе показывали слайды и фотографии прежнего неба. Но они даже близко не передавали великолепие, наблюдаемое сейчас. Звезды выглядели не просто разноцветными пятнышками света — они казались живыми и величественными, и от окружающей панорамы захватывало дыхание. Кирис почувствовал себя несмышленым ребенком, ненароком подсмотревшим что-то запретное, взрослое. Наверное, человеку нельзя видеть такое, чтобы ненароком не поехать крышей. Но раз ему удалось ненароком подключиться к летающему глазу далеко за пределами Паллы, добровольно он отсюда не уйдет — по крайней мере, пока досыта не насмотрится.

Он жадно вглядывался в ослепительный окружающий мир. Вскоре он сообразил, что смотрит только в одном направлении, и попытался повернуть взгляд. Какое-то время далекий глаз оставался равнодушным к его усилиям, но потом картина начала медленно вращаться. Оказалось, что россыпи разноцветных бриллиантов находятся только в одной стороне, собравшись во что-то, смахивающее на блистающий пруд, окруженный чернотой.

Впрочем, во тьме тоже что-то мерцало и двигалось, но ничего, сравнимого по красоте с искрящейся заводью, не наблюдалось. Ага. Если верить россказням школьной физички, сейчас он смотрит на эллиптическую галактику — то ли на свою, то ли на совершенно чужую, фиг их разберет. По крайней мере, ничего похожего на зазубренные в школе созвездия там не замечалось. Смотрит он "сверху". А Палла… хм, Палла вроде бы где-то на самом краю галактики находится. То есть он сейчас даже не в окрестностях своей планеты? Круто. Ни один человек такого не видел и еще тысячу лет не увидит!

С огромным трудом, словно преодолевая сопротивление чудовищно тяжелого камня, Кирис сместил далекую телекамеру обратно и попытался пристально вглядеться в галактический диск. Он ожидал, что, возможно, ему удастся заставить предметы приблизиться, но сегодня загадочные способности определенно не желали слушаться, и эффект вновь оказался неожиданным. Приближаться звезды не захотели, зато между некоторыми вдруг проявились тонкие натянутые линии. Галактический диск накрыла замысловатая светящаяся сеть, вдоль нее замерцали-забегали новые искры. Почти бессознательно Кирис протянул руку, чтобы дотронуться до одной линии, та басисто завибрировала, словно гитарная струна, и…

"Никлоньятто обс'кло. Кир'ртон интерртитай," — четко произнес в голове ледяной нечеловеческий голос, и мир тут же закружился в хаотичной пляске. Живот пронзила резкая судорога, к горлу подступила соленая едкая жижа, и чудовищный приступ тошноты скрутил Кириса в тугой комок. Звезды пропали, вместо них перед глазами закружилась пляска геометрического ночного мира, и когда Кирис пришел в себя, он лежал, свернувшись калачиком, на песке пляжа. Горло и носоглотку саднило, во рту стоял мерзкий привкус рвоты, и на лице ощущался влажный прилипший песок. В ушах гудела кровь.

— Кирис! Кирис! — в уши проник встревоженный голос Гатто. — Кирису плохо? Зову Дзии!

— Не надо Дзии… — прохрипел парень, с трудом садясь и стирая со щеки вонючий от рвоты песок. На голодный желудок его, к счастью, стошнило только едким желудочным соком. — Я уже в норме.

Мало что соображая, он поднялся на ноги, пошатываясь, подошел к набегающим волнам, упал в них на четвереньки и кое-как умылся. Кислая горечь во рту смешалась с солью морской воды. Потом он упал на спину и расслабился, с наслаждением чувствуя, как набегающий прибой окатывает горящее тело приятной прохладой. Нифига ж себе приключеньице. От такого

можно и кони двинуть. Впрочем, Гатто рядом, и большой дрон где-то поблизости, так что откачают. Но оно того стоило. Такая красотища!..

Стоп. Стоп. Он слышал фразу. Впервые в жизни во время своих наблюдений он слышал настоящую фразу, сказанную понятным голосом. Фуоко говорила, что у нее несколько раз случались приступы… как там умное слово? Синестезия. Приступы синестезии, перепутанные чувства, когда звуки имеют цвет, а прикосновения пахнут. Но у него самого в ночном мире лишь изредка в ушах прорезался невнятный шум. А сейчас — фраза.

— Га! — сказал он, сглотнув противную едкую горечь. — Я сейчас слова скажу, запиши их точно, понял? Никуяко… никлуято… осакла? Клопом дай… э-э… интертай? Как-то так. Записал?

— Запись сделана, — откликнулся Гатто. — "Никуяко никлуято осакла. Клопомдай интертай". Верно?

— Нет, погодь. Не "клопомдай". "Киритон". И в начале только одно слово, первое выброси.

— Коррекция: "никлуято осакла, киритон интертай". Верно?

— Ну, почти. Пусть так.

— Как пометить?

— Э-э… "Странные слова, когда видел звезды". Отправь координатору… кстати, свяжи меня с ним сейчас же.

— Я на связи, дэй Сэйторий, — тут же проговорил голос координатора.

— Извиняюсь, что снова беспокою, дэй координатор, но со мной случилось… странное что-то. Я только что… видел звезды. Настоящие. В космосе. Как бы галактика со стороны, сверху. Я пытался на Пинчау сверху смотреть, а потом вдруг провалился в далекий космос. Потом какой-то голос сказал дурацкую фразу, и меня вышибло нафиг. Вон, проблевался даже.

— Вам требуется медицинская помощь?

— Да нахрен помощь! — Кирис с трудом сдержал раздражение. — Дзии я и сам позвать могу! Ох… извините, дэй координатор.

— Не стоит. Именно я должен принести извинения за излишнюю назойливость. Вы упомянули фразу?

— Ага. Настоящая фраза. Не ощущения какие-то, а слова, сказанные голосом, в натуре голосом, звуком. Гатто, перешли дэю координатору запись, которую только что сделал.

— Принято. Язык не поддается идентификации. Вы уверены, что точно воспроизвели слова?

— Нет, конечно. У меня как раз кишки узлом завязались. Что-

то похожее, но не поручусь.

— Дэй Сэйторий, а если я слегка скорректирую произношение? Походила ли фраза на "Nekonata obstaklo. Korekton interpretitaj"?

— М-м… Слегка походит, но не слишком. Последнее слово — что-то типа "инт"… "интерртай". А что оно значит?

— Произнесенные мной фразы на эсперанто означают "Неизвестная помеха. Выполняю коррекцию". Скажите, дэй Сэйторий, вы слышали эти слова раньше? На уроках в колледже, например?

— Нет, зуб даю. Никогда в жизни.

— Поправка: вы не помните, что их слышали, однако могли услышать мимоходом и просто забыть. Но все равно информация чрезвычайно ценная. Благодарю, что поделились.

— Да всегда пожалуйста. Ххаш… сколько сейчас времени?

— Пять часов семьдесят две минуты.

— Ого… Я минут двадцать на звезды пялился, что ли? А показалось — несколько секунд. Блин! Пора в общагу возвращаться, иначе точно на первый урок опоздаю.

— Активировать транспортную функцию сопровождающего дрона?

— Не надо. Пешком доберусь.

— Хорошо. Удачи.

Прозвенел сигнал отбоя, и лишь тут Кирис с опозданием сообразил, что опять забыл про отсутствие трусов. Нет, конечно, можно и голым по городу рассекать, болтая членом, и никто и слова не скажет… теоретически, но как-то неуютно. В другой раз. Нужно все-таки активировать транспорт. Кстати, интересно, станут ли с него снимать плату за перемещения, как на обычных дронах под управлением Райники? А, нет, координатор же сказал, что бесплатно. Что он там еще говорил — Гатто, кажется, может дрон активировать?

— Га… — начал он, поднимаясь на ноги и ладонями стряхивая с тела морскую влагу.

— Хэй!

От звонкого девичьего голоса Кирис вздрогнул и слегка подпрыгнул на месте. Затем он резко обернулся, инстинктивно прикрывшись руками.

— Ты что, сдурела? — сердито спросил он эффектную девицу — платиновую блондинку с шикарной фигурой и выдающейся во всех смыслах грудью, щеголяющей в кроссовках, узеньких то ли трусиках, то ли шортиках и таком же узком лифчике из плотной красной ткани. Длинные волосы блондинка заплела в косу и забрала на затылке в большой узел, а на ремешке ее трусов в

чехле висела небольшая бутылка с водой. — Чего орешь в спину? Так же и испугать можно!

— Прошу прощения, мальчик с парсом, — блондинка озорно улыбнулась, неторопливо спускаясь на пляж с дороги. В ее речи слышался резкий иностранный акцент, вероятно, ставрийский, но в остальном на кваре она говорила на удивление правильно. — Я не хотела тебя пугать. Но ты занял мой любимый пляж, а мне нужно окунуться после пробежки. Купаешься с утра пораньше? Любишь голышом, но стесняешься свободных пляжей?

— Ничего я не стесняюсь, — буркнул Кирис, набычиваясь. Он демонстративно расправил плечи и заложил руки за спину. Пусть любуется, если хочет. — И не купаюсь я.

— Мокрый, голый — и не купаешься? — блондинка подошла вплотную и провела по его груди кончиками пальцев. От нее исходил тонкий приятный запах — не духов или прочей косметики, а, наверное, естественный. Ростом она ему не уступала, и от близости почти обнаженной девушки Кирис вдруг почувствовал возбуждение. Сейчас еще встанет, вот смеху-то будет! — сумрачно подумал он. А и пусть, сама напросилась. Если попробует обвинить в приставаниях, у Гатто наверняка запись сохранится. — Какой-то странный мальчик с парсом… Кирис Сэйторий из Кайтара?

— Ты откуда меня знаешь? — Кирис насторожился, и возбуждение как рукой сняло. — Мы что, знакомы? Ты вообще кто такая?

— Мое имя — Марта Брыль. Ставрия, первый курс, факультет физики, а теперь уже экзобиологии. Мы раньше не встречались, мальчик с парсом.

Девица слегка подалась вперед, и ее грудь коснулась Кириса.

— Однако тебя все знают, — томно выдохнула она на ухо. — Ты знаменитость, разве не слышал?

— С какой вдруг радости знаменитость? — Кирис демонстративно отступил на шаг.

— Ты — мальчик с парсом, — Марта положила ладонь ему на плечо и медленно повела руку вниз, перейдя на грудь, на бок живота, на бедро. Кирис почувствовал, что снова начинает возбуждаться. — Один из двух в подготовительном колледже. В сети есть форум про парсов, куча фанатов. Там все парсовладельцы перечислены. Ты перечислен. Твоя подружка, Фуоко Винтаре, перечислена. Не знал? Я твою фотографию видела. Ты такой крутой! — протянула она томным голосом.

Кирис почувствовал, что его охватывает паника. Что она творит? Она что, таким оригинальным образом предлагает… трахнуться? Они же впервые в жизни друг друга видят! И Фучи…

— Подари мне твоего парса, мальчик! — сумасшедшая Марта Брыль снова прильнула к нему. Ее ладонь скользнула ему на затылок и склонила голову так, что их губы оказались почти вплотную. — А я тебя поцелую. Хочешь?

Окончательно переставший соображать Кирис рванулся и отпрыгнул в сторону. Ставрийка потеряла равновесие и с размаху шлепнулась боком на песок, громко охнув от боли. Парень растерянно посмотрел на Гатто, судя по ехидной ухмылке, искренне наслаждавшегося происходящим (предатель!), потом опять на Марту. Ххаш! А если она пожалуется, что ее ударили?

Ставрийка перевернулась на спину. После пары секунд в неподвижности, в течение которых Кирис мучительно пытался сообразить, то ли бросаться ее поднимать, то ли драпать со всех ног, пока не случилось чего похуже, она вдруг засмеялась: сначала тихо, потом все громче и громче.

— Видел бы ты себя со стороны! — наконец произнесла она нормальным голосом, утирая с лица выступившие слезы. — Ты такой смешной! Ах, жалко, фотоаппарата нет! Сфотографировать бы тебя! Эй, звереныш! У тебя ведь есть фотокамера в башке, я знаю. Сделай снимок.

— Гатто умный, — проинформировал ее парс. — Гатто записывал. Гатто всё-всё Фуоко расскажет, обоим лохмы повыдергает!

— Ага, значит, Фуоко Винтаре и в самом деле твоя подружка, — Марта оттолкнулась локтями и села, скрестив ноги. — Слушай, зачем тебе такая унылая зануда с тоскливой физиономией? Я лучше, нет? Или тебе нравится, как она волют стаями вызывает? Я так не могу, извини. Но у меня других талантов много…

Она бросила томный взгляд, медленно облизнула язычком полные алые губы, но тут же не выдержала и снова прыснула. Кирис в полном ступоре смотрел на нее, не зная, как реагировать. Наконец он ухватился за единственную доступную ниточку.

— Ты что, ее знаешь? Фучи? — напряженно спросил он.

— Встречались несколько декад назад на яхте, — Марта сделала легкомысленный жест рукой в воздухе. — На премиальную экскурсию в Шансиму вместе ездили. Ну, как встречались — во время отплытия она сидела со скучным лицом на верхней палубе, мы там песни пели, в потом появился паладар Палек и бросил ее в воду. Наверное, тоже депрессивную физиономию не перенес. Ну, а она волют позвала, и они всю дорогу за нами хвостиком тащились. С экскурсии нас в тот же вечер экстренно уволокли обратно в Хёнкон, потому что паладары пропали — ну где логика? Что, Шансиму без них

ковровой бомбежкой накрыли бы? Короче, не задался день. Твоя Фучи, кстати, потеряться умудрилась, мы без нее возвращались. Знаешь? Ну ладно, мальчик с парсом, некогда мне. Времени мало, а ты тупой как валенок. В другой раз поболтаем.

Она стянула с ног кроссовки, расстегнула и сбросила на песок лифчик.

— Эй, ты что творишь? — опасливо спросил Кирис, почти против воли уставившись на ее обнаженную высокую грудь с небольшими розовыми сосками.

— Раздеваюсь, мальчик, — подмигнула Марта. Она поднялась на ноги, расстегнула пряжку пояска и изящным движением сбросила трусы с бутылкой, оставшись совершенно голой. — Искупаться надо, а спортивную форму мочить не хочется. Хочешь со мной? Сумеешь в воде догнать — получишь приз.

Она изогнула крутое бедро и слегка подмигнула. На всякий случай Кирис отступил на шаг — вдруг снова на шею бросится? Если Гатто на самом деле покажет запись Фуоко, та, пожалуй, ему в морду когтями вцепится. Или не вцепится? Фиг знает, в ревнивом настроении он ее еще ни разу не видел. Но лучше не рисковать. Марта послала ему шаловливую улыбку, повернулась и зашагала через прибой. Видимо, дно здесь уходило вниз довольно круто, потому что через десяток шагов вода уже дошла ей до пояса, и она присела, толкнулась ногами и нырнула — только мелькнули на поверхности ягодицы и пятки. Вынырнула она шагах в тридцати (Кирис уже начал бояться, что дура-девка ударилась о камень башкой, потонула, и теперь нужно срочно звать на помощь) и тут же поплыла вдаль от берега четким спортивным кролем. Парень вздохнул. Фигуристая ставрийка, да уж. И совершенно бесстыжая. Интересно, у них в Ставрии все такие? Вроде в газетах и кинушках тамошние бабы суровые и неприступные — скорее, сковородкой по башке дадут, чем ласткться начнут. Конечно, ставрийцев он в Хёнконе уже навидался, и все они казались нормальными парнями и девчатами, но все-таки ТАК никто к нему не лип. А может, она в Ставрию откуда-то переехала? Из Кайтара, например? То-то имя у нее такое же, как у фучиной мамаши. Лишь дебил может переехать в Ставрию из Кайтара, но у девки, судя по всему, башня с заметной трещиной. Переезд вполне в ее духе.

А вдруг?.. Нет, невозможно. Он еще раз глянул на удаляющуюся от берега пловчиху. Нет, точно не замаскированная Майя. Дроны могут плавать, но в человеческой форме у них слишком высокая плотность, они на воде не держатся даже благодаря своим гравитационным полям. Значит, реальная чика. И, следовательно, они наверняка еще встретятся. Нужно

придумать, как ее отшивать аккуратно.

— Слышь, Га, — он бросил на Гатто угрожающий взгляд, — не вздумай Фучи болтать про нее, понял? Вообще забудь про встречу, или башку отвинчу.

— Не скажу, — согласился Гатто. — А может, скажу. Не ругайся, а то отправлю запись.

Пасть парса растянулась до ушей в ехидной ухмылке, и Кирис вздохнул. Не отправит, конечно, прямой запрет он не нарушит. Но вот комментариев на сей счет наедине от него вполне можно ожидать. Кстати. Значит, Марта встречалась с Фучи на яхте, когда та волют вызвала? Надо как-то незаметно выведать у подруги, что она вообще за человек такой и в какой компании водится. Но только так, чтобы Фучи ничего не заподозрила. И еще — что за место такое в сети, где его с Фучи фотки болтаются с подробными описаниями? Найти и дать всем по ушам… Нет, не по ушам, нельзя в Хёнконе морды бить, а… ну, куратору пожаловаться, что ли. Или сразу Рисе. Или стучать западло? А тогда что делать?

— Болтаешь много, — угрюмо сказал он Гатто. — Давай, вызывай дрона. Пора в темпе мотать в общагу, а то точно на уроки опоздаю.

"Координатор, контакт. Карина в канале. По поводу Кириса с Фуоко — есть что-то новое? Их спутники нервничают, тревожные сигналы зажигают".

"Координатор в канале. Не следует волноваться. Небы Зорра и Гатто пока не обладают достаточными способностями для анализа ситуации. Они прогрессируют на втором уровне, но пока что даже близко не подошли к третьему. Они намеренно проинструктированы посылать сигналы тревоги по любому поводу, но каждый сигнал затем анализирую я. Уверяю, что в данный момент с дэем Сэйторием и дэйей Деллавита все в порядке. Если случится действительно что-то серьезное, я сразу тебя вызову".

"Настолько в порядке, насколько вообще возможно в их состоянии, ты хотел сказать. Подтвержденная смерть коры головного мозга — не самая лучшая новость, пусть и ожидаемая. Хорошо, я поняла, спасибо за информацию. И все-таки — почему у Кириса в медицинском досье новые пометки?"

"При очередном использовании своих способностей дальновидения он неожиданно подключился к точке наблюдения высоко над галактической плоскостью. Детальный опрос пока не проводился, место и даже галактика не определены даже приблизительно. Однако по ходу дела произошло событие, которое, со слов дэя Сэйтория, можно охарактеризовать как

очевидно разумный отпор его действиям".

"Что?! Его атаковали Чужие? И ты говоришь, что все нормально?"

"Карина, снова прошу не волноваться. Отпор вряд ли можно назвать атакой. Скорее, взаимодействие дэя Сэйтория с точкой наблюдения неизвестная сущность восприняла как случайные помехи. Его связь грубо оборвали, у него ненадолго взбунтовался вестибулярный аппарат, и на том все закончилось".

"Вот так здорово… Значит, гипотеза о разумности сил, с которыми мы имеем дело, получило новые подтверждения? И у нас появились реальные шансы встретиться с неизвестной разумной расой?"

"Нет данных для составления прогноза. Однако с высокой долей вероятности мы повстречались вовсе не с неизвестной расой. В ходе взаимодействия дэй Сэйторий услышал фразу на языке, по форме и содержанию чрезвычайно напоминающем искаженный эсперанто. Если мы не имеем дело с очередным фантомом подсознания мальчика, придется признать, что Арасиномэ загадочным пока что образом связан с технологией Демиургов".

"Кс-со! То есть мы имеем дело с очередным экспериментатором из Старших? Еще не лучше!"

"Не похоже. Во-первых, этический кодекс Демиургов запрещает вторжение в сферу чужих интересов. Наша деятельность на Палле под данное определение подпадает, и любой Старший Демиург обязательно связался бы с нами как минимум для выяснения отношений. Во-вторых, нет ни одной причины, способной заставить Старшего применить в технической системе акустические языки биоформ. Символьные протоколы вроде используемого нами сейчас для общения гораздо надежнее и удобнее. И уж тем более Демиург вряд ли стал бы искажать языковые эталоны. В-третьих, напоминаю, что все Старшие Демиурги являются симбионтами биологического и небиологического разума. Они в принципе не могут допустить при проектировании ошибки, дающие совершенно постороннему наблюдателю возможность самовольно подключаться к системе".

"Ничего не понимаю. И с чем тогда мы имеем дело?"

"Наиболее правдоподобная гипотеза — что Арасиномэ, чем бы он ни являлся на самом деле, каким-то образом возник и развился на одной из игровых площадок. В истории Демиургов эсперанто применялся на восьмистах семи сценах, иногда в качестве доминирующего, иногда вспомогательного. Поскольку языку в свободном социуме свойственно эволюционировать и меняться, его искаженность по сравнению с каноническим

вариантом понятна. Однако, предупреждая следующий вопрос, мы не можем проверить текущее состояние сцен: Игры там завершились в интервале от трех стандартных галактических минут до более чем четырех часов назад, или, в пересчете на привычное тебе время, примерно от тридцати пяти до шестисот тысяч текирских планетарных лет. Все сцены по завершения Игры утилизированы стандартным образом, то есть сброшены в пену окружающей Вселенной без возможности последующего обнаружения. Таким образом, на какой из сброшенных площадок и почему появился Арасиномэ, выяснить нельзя. Могу лишь заверить, что по результатам сканирования спецификаций сцен и протоколов Игр ничего похожего я обнаружить не смог".

"Понятно, что ничего не понятно. Является ли Арасиномэ порождением абсолютно чужого разума или же эволюционировал до неузнаваемости из какого-то творения Демиургов, вопрос чисто академический. С практической точки зрения мы все равно не можем вступить в контакт".

"Верно. Но все равно надежда есть. По нескольким словам невозможно судить об эволюции языка, но все равно область поиска резко сужается. По крайней мере, мы знаем, как общаться с носителями эсперанто, так что с лингвистической точки зрения проблема контакта заметно упростилась — при условии, опять напоминаю, что мы имеем дело с чем-то реальным, а не с артефактом подсознания дэя Сэйтория".

"Хорошо. Что с Фуоко?"

"Новых данных нет, если не считать результатов анализа волют, так удачно попавших под сканер Дзии. Они чрезвычайно интересны с научной точки зрения, но, боюсь, у тебя отсутствует квалификация, необходимая для понимания".

"Я не о том. Психологическое состояние?"

"У меня ровно те же самые сведения, что и у тебя. Я не веду постоянное наблюдение за девочкой, для того есть Зорра. А Зорра сама решает, чем и когда делиться с другими, и личную жизнь хозяйки охраняет весьма ревностно. Я даже ее тревожные сигналы могу анализировать лишь абстрактно, без привязки к деталям реальной жизни. Косвенно, судя по продолжавшимся всю ночь экспериментам дэйи Деллавита с энергоплазмой на Пинчау, могу предположить, что она в довольно бодром настроении. Если нужна более точная информация, ты всегда можешь с ней связаться".

"Нет, не хочу. И так слишком много ей на нервы действую. Просто на душе неспокойно, когда она одна на крохотном клочке скалы далеко в океане. Уже жалею, что пошла у неё на поводу и выделила остров".

"Предположения дэйи Деллавита о принятии дополнительных мер безопасности вполне разумны".

"С учетом того, что их с Кирисом эксперименты вызывают возмущения метрики по всей Палле и даже в десятках минут от нее? Вызванный ими кольчон возник в трех верстах от острова — и с тем же успехом мог появиться и в тринадцати, как раз на побережье Хёнкона. Или в ста тринадцати, где-нибудь в центре Могерата. Толку-то от такой изоляции…"

"Тем не менее, волюты в результате их опытов появляются регулярно".

"Они уже не вредят людям".

"Уточнение: в течение последних двух сезонов — не вредят, но если вспомнить предыдущую историю Паллы… Мы не знаем, почему их поведение изменилось и не вернется ли к прежним шаблонам в самый неожиданный момент. Кроме того, если девочке нравится играть в серьезные игры совсем как взрослой, зачем ей мешать? Дополнительные затраты ресурсов исчезающе малы, а психологическую стабильность дэйи Деллавита следует поддерживать любыми доступными средствами. Поскольку ей так спокойнее, следует подыграть".

"Но если с ней или Кирисом что-то случится там, на острове?"

"Позволю себе встречный вопрос: ты считаешь, что дроны на острове чем-то отличаются от тех, что на материке? Концентрация одних только боэй на единицу площади на Пинчау в пятьдесят раз выше, чем в континентальной части Хёнкона".

"Нет, но… Ох. Да. Ты прав. И Дзии все равно, где использовать медицинские капсулы, я помню. Но у меня просто сердце не лежит оставлять детей одних за тридцать с лишним верст от берега".

"Понимаю. Однако они не такие уж и дети. И вечно держать их спелёнатыми в колыбели ты не можешь, недавние приключения в Ценгане это ясно продемонстрировали. Карина, снова вынужден указать, что ты слишком много нервничаешь по пустякам. Не следует пытаться тащить на себе весь мир, он и без тебя неплохо вертится".

"Сговорились вы с папочкой, что ли? Укушу обоих! Сама все знаю, но… Спасибо за информацию, координатор. Отбой".

"Конец связи".

01.29.1232. Дриммад, Кайтар

Маленькая площадь перед Небесным дворцом сегодня казалась оживленнее, чем обычно. Два десятка фургонов и еще примерно столько же легковушек с эмблемами телеканалов загромождали ее не только по периметру, но и по всему пространству. Перед входом в базилику святого Йогана толпились журналисты и телеоператоры, с длинных удочек свисали блямбы микрофонов. Хотя у въезда на площадь припарковались две полицейские машины, патрульные в беспорядок предпочитали не вмешиваться.

Хосе Капурри поморщился, глядя на творящееся безобразие из окна своего автомобиля, медленно пробирающегося через площадь. Конечно, синклит церкви Рассвета — событие не такое уж частое, но в последние годы пресса не проявляла к нему особого внимания. Видимо, каким-то образом информация о главной теме сегодняшнего обсуждения просочилась наружу, и журналисты своего упускать не собирались. Он глянул вверх: над базиликой по-прежнему трепетал белый флаг. Хорошо. Несмотря на опоздание, без него начинать не стали. С другой стороны, жаль. Он так никогда и не видел вживую синего флага, означающего, что заседание синклита началось. Опоздать, что ли, намерено как-нибудь раз?

Пока водитель парковался, епископ быстро пересчитал припаркованные автомобили с золотыми Стабилонами на дверцах. Двадцать шесть. Отлично, кворум есть, и даже с небольшим запасом. Правда, расклад голосов до сих пор остается не до конца понятным, но на то и политическая игра. В конце концов, если все знаешь заранее, жить становится слишком скучно.

Журналисты атаковали его, не дав даже толком выбраться из автомобиля.

— Тесса Капурри! — успевшая первой девица в юбке, короткой на грани приличия, сунула ему под нос микрофон, шнур от которого уходил в большой и, судя по ее перекошенной фигуре, тяжелый ленточный магнитофон на боку. — Как вы можете прокомментировать слух, что сегодняшний синклит решит назначить выборы папы?

— Без комментариев, — коротко ответил Хосе, протискиваясь мимо нее в узком проходе между машинами и почти прижимаясь к ней. Пола сутаны с шорохом проехалась по магнитофону, весьма чувствительно зацепившего епископа по бедру. Он с трудом удержал крепкое слово: вот уж что пресса точно раздует

до небес, так это ругательство представителя Церкви — независимо от его реальных причин.

— Правда ли, что Церковь собирается окончательно определиться со своим отношением к паладарам? — перебил снова открывшую рот девицу крепкий мужчина с густым торчащим ежиком волос. Хосе, плотно сжав губы, прошел мимо, даже не поведя глазом. — Является ли открытие часовни в Хёнконе признаком примирения паладаров с религией Рассвета?

Тут наконец-то подоспела охрана дворца. Несколько угрюмых широкоплечих парней в черных мундирах оттеснили журналистов назад. Епископ быстро прошел два десятка метров, отделявших его от входа, не обращая внимания на возмущенные крики за спиной. Еще один охранник у входа в базилику услужливо распахнул дверь, и Хосе с облегчением вздохнул, когда тяжелая дубовая створка наконец-то захлопнулась за спиной, отрезая наружный шум.

Епископ кивнул служкам в большом притворе, прошагал через тихий пустой неф и пресвитерий, по пути торопливо и небрежно преклонив колено перед дароносицей и осенив себя косым знамением перед большим золотым Стабилоном, и вошел в малозаметную дверцу слева от алтаря, почти сливающуюся со стеной. Парчовую драпировку, обычно ее скрывающую, сегодня сдвинули в сторону, чтобы не мешать членам синклита. За дверцей, стремительно шагая через две ступеньки, Хосе поднялся на второй этаж по мраморной лестнице. Снаружи, с площади, базилика казалась совсем небольшой, и лишь немногие допущенные знали, что неф с его ажурной, но невысокой колокольней едва ли десятиметровой высоты является всего лишь частью комплекса. Еще одно здание, скрытое за церковью и вплотную примыкающее к Небесному дворцу, оставалось скрытым от посторонних взглядов.

В небольшом холле перед залом Слова Божьего пятеро епископов в сутанах стояли и тихо переговаривались. При появлении Хосе они замолчали и недружелюбно уставились на него. Ну что же, от Марии Контуэгро, епископа Хесара, дружелюбия не ожидалось — особенно сейчас, когда он начал что-то подозревать. А про Ризьеро Матаса, епископа Чебокко и старого врага, и говорить не приходится. Хосе коротко, на грани приличия, кивнул им и быстро прошел в зал.

Три ряда полукругом, двенадцать атласных кресел в каждом разделены центральным проходом на две половины. Кафедра по центру, стол секретаря-распорядителя слева от нее. Хрустальная люстра под потолком, увешанная крохотными Стабилонами, и пышная парчовая драпировка с серебряными нитями, скрывающая

глухие стены без единого окна. Знакомую привычную обстановку, иногда кажущуюся даже уютной, на сей раз пропитывало почти электрическое напряжение. Епископы сидели в своих креслах с каменными лицами, словно готовясь принять последний в своей жизни бой. Хосе усмехнулся про себя: похоже, грызня вокруг еще только предполагаемого папского престола грозила поссорить друг с другом даже прежних друзей и союзников. Не хочется, ох, не хочется столпам Церкви добровольно выбирать себе абсолютного властителя и тирана, но многие понимают, что иного выхода нет. Альтернатива — быстрая утрата влияния Церкви и ее превращение в рядовую секту среди сонма болтунов, спекулирующих на Красной Звезде и прочих несчастьях нынешних и прошлых лет. И вы, друзья мои, все-таки придушите свою гордыню и смиренно пойдете под казавшееся давным-давно забытое ярмо. Не беспокойтесь, братья, я стану хорошим папой. Не сегодня и даже не завтра, но стану. Когда тебя поддерживают две богатейших семьи Кайтара, включая свою собственную, проигрывать просто неприлично. Что бы вы ни вещали лицемерно с амвона, именно презренные деньги управляют грешным миром. Ну, а Ваххарон — все в подлунном мире есть его изобретение, и деньги не исключение.

Мария Конгруэнто, Ризьеро Матас и прихлебатели вошли в зал почти сразу после Хосе, и служка, повинуясь кивку секретаря-распорядителя, тихо закрыл массивные двери. Сам секретарь взял в руки старомодное золотое перо, обмакнул его в мраморную чернильницу и принялся писать на листе бумаги заголовок протокола.

— Синклит сим объявляю открытым, — старческим надтреснутым голосом проговорил он. — Первое слово дадено тессе Бальтазару Меццо, епископу города Челестины.

— Братие! — стремительно взойдя на трибуну, Бальтазар не стал тратить время на долгие предисловия. — Вы все знаете, зачем созвано нынешнее заседание. Благодарю всех, кто взял на себя труд добраться через всю страну. Положение нестерпимо, и решения следует принимать быстро. Два вопроса следует обсудить сегодня, и напоминаю, что ни одно сказанное слово не должно дойти до ушей здесь отсутствующих.

— Даже до наших отсутствующих братьев-епископов? — негромко спросил кто-то с противоположной от Хосе стороны зала.

— Братья-епископы, разумеется, исключение, — сухо ответил Бальтазар. — Они получат копии протокола, — он кивнул на секретаря-распорядителя, чье перо летало по бумаге со скоростью, удивительной для дряхлого старика. Итак, вопрос

номер один. Паладары. Для тех, кто еще не знает: часовня Рассвета в Хёнконе начала действовать вчера в полдень по тамошнему времени, отслужена первая обедня.

— И каков результат? — с явно насмешливыми нотками в голосе спросил Лючиано Фетаска. — Хотя бы два человека присутствовали помимо того пьянчуги… как его?.. отца Анатолио Муарро, я верно помню? Паладарских охранных дронов можно не считать.

Хосе еле слышно хмыкнул. Слишком рано и слишком прямолинейно. С епископом дестры Мариния близких отношений он никогда не имел, но в последнее время они все чаще и чаще оказывались по одну сторону бруствера во внутренних схватках в синклите. Молодой, еще не достигший и пятидесяти, Лючиано являлся ярким представителем нового поколения клириков, занявших высокие посты в иерархии уже после Первого Удара: гибкий и открытый, готовый принимать меняющийся мир и, самое главное, весьма и весьма прагматичный. К паладарам он относился без неприязни, в склоках вокруг введения папского престола держал подчеркнутый нейтралитет, а идее организации часовни в Хёнконе противостоял открыто и недвусмысленно, считая, что Церковь так или иначе потерпит там сокрушительное поражение и потеряет лицо. Все-таки нужно сойтись с ним поближе. Управлять им исподтишка, как некоторыми почти выжившими из ума стариканами, вряд ли возможно, но и в качестве сознательного союзника он окажется весьма ценным. Надо лишь внушить ему необходимость большей сдержанности и тонкого подхода, чтобы не лез на рожон попусту, как сейчас.

— На обедне присутствовали четверо солдат из охраны кайтарского посольства и сам посол, — недовольно пояснил Бальтазар. — И еще двое местных рабочих, исповедующих истинную веру.

— Целая толпа! — усмехнулся Лючиано. — И отец Анатолио даже сумел вспомнить до конца хотя бы одну молитву?

— Обедня прошла как положено! — в голосе Бальтазара скользнули скрежещущие нотки. — Не вижу повода для иронии и облыжных обвинений в адрес тессы Муарры.

— Что вы, тесса Меццо, никаких обвинений! — епископ Чебокко развел руками. — Просто мне снова вспомнились рассказы о его похождениях на почве… как бы помягче выразиться? Ну, скажем, героических сражений с бутылками. Врага он истреблял знатно, да и мебели в барах пощады не давал. Значит, теперь мы имеем алкоголика в рясе в крошечной часовенке на удаленном острове в Хёнконе, рядом с которой приткнулась еще одна, принадлежащая нашим добрым друзьям с

Торвалы? И обе они расположились напротив языческого храма? Да, достижение. Могу я полюбопытствовать, во сколько в конечном итоге Церкви обошлась данная операция? Включая деньги, переданные бандитам на Могерате, так ловко назначенным нашими представителями? Когда я спросил начальника казначейства вчера вечером, он сделал вид, что не владеет информацией.

— Протестую! — гневно возвысил голос епископ Хесара. — Тесса Фетаска пытается изобразить нашу святую миссию авантюрой…

— Каковой она и является! — перебил его Лючиано. — И я даже догадываюсь, кто и в каких целях ее затеял. Тесса Меццо, так я получу ответ на вопрос о затратах? Или вы как руководитель всей операции тоже не в курсе? Или заставите меня подать официальный запрос в канцелярию Небесного дворца?

Бальтазар Меццо облизнул губы.

— Мы все еще не свели воедино все расходы, — нехотя ответил он. — Могу сказать точно, что не более сорока миллионов леер…

Удивленный и возмущенный гул голосов прокатился по залу. Хосе тоже вздохнул от неожиданности. Он знал и о десяти миллионах, вложенных его семьей, и о восьми миллионах Деллавита (которые сукин сын Хавьер Деллавита наверняка уже вернул или вернет в ближайшем времени на полулегальных, а то и совсем нелегальных операциях с Анъями) — но из каких источников взялись еще двадцать, да еще так, что сам Хосе о них услышал впервые? То ли епископ Челестины на пару с главным казначеем влез в церковные фонды куда глубже, чем следовало, то ли в игре участвуют и другие заинтересованные лица — данный вопрос следовало прояснить чем быстрее, тем лучше.

— Гроши! А главное, какой выдающийся результат! — широко ухмыльнулся Лючиано. Епископ Маринии явно наслаждался ситуацией.

Хосе Капурри хмыкнул снова. Хотя и внутренне согласный со скандалистом, он ни на мгновение не забывал, что является формальным союзником Меццо. Пусть даже натянутость отношений между ними замечали многие, роль пока что следовало играть.

— Прошу прощения, тесса Фетаска, — негромко сказал он, — но финансовые вопросы можно оставить на потом. Предлагаю дослушать тессу Меццо до конца, тем более у меня есть что добавить к докладу.

Лючиано метнул на него ехидный взгляд, но дальше задираться не стал, сделав в сторону Бальтазара приглашающий

жест.

— Благодарю, — проворчал тот. — Итак, сим торжественно объявляю, что отныне и навсегда Западная церковь Рассвета установила свое присутствие на бывшей территории язычников и безбожников. Теперь мы можем нести свет истинной веры неопытной молодежи со всего мира, передавая им Писание и Закон Божий. С учетом данного знаменательного события я считаю, что господствующая в некоторых кругах клира идея о паладарах как порождении Креода и замаскированных гхашах утратила свою актуальность.

Ну что же, хотя бы здесь Бальтазар действовал в рамках разумного. Ненависть к пришельцам, открыто проповедуемая с амвона некоторыми настоятелями церквей и даже прелатами, не только отвращала паству, но и способствовала дальнейшему падению авторитета Церкви. Особенно антиэффект начал проявляться в последние декады после пресс-конференции, где Карина Мураций подтвердила страшную догадку дэя Ардито Профетеджиаре о грядущем взрыве солнца. Люди просто помешались на идее о том, что паладары несут спасение, и попытки хулить их приводили к эффекту, прямо противоположному ожидаемому. Паства отпадала от официальной церкви и тянулась к разнообразным неформальным проповедникам, толковавшим Писание и Откровение настолько дикими способами, что даже привыкший ко всему Хосе порой изумленно приподнимал бровь, читая записи их речей. Чего стоило одно только возведение Карины Мураций, подчеркнутой атеистки, до ранга нового воплощения Ваххарона! Один такой проповедник в ответ на попытку оппонирующего клирика указать на сей факт ляпнул, что атеизм ректора Университета ничему не мешает: Всевышнему довольно-таки затруднительно верить в себя самого, по крайней мере, в теологическом смысле слова. И ведь не поспоришь!

К сожалению, консерваторы все как на подбор отличались редкостным тупоумием, чтобы осознать новую реальность в настолько короткие сроки, и единственной возможностью заткнуть им рты оставалась лишь официальная булла — та самая, чьи формулировки синклит не мог согласовать и принять уже третий сезон подряд.

— Да что уж там, давно пора сформулировать официальную позицию Церкви, — пробурчал из первого ряда Ризьеро Матас. — Сколько времени можно мусолить одно и то же? Предлагаю поставить окончательный текст постановления на голосование прямо сейчас. Кворум у синклита есть, так что вопрос можно закрыть немедленно.

— Возражаю! — резко сказал Пьеро Челенти, воздвигаясь в левой части зала во весь свой внушительный рост. — Окончательного текста еще нет! И я не намерен признавать паладаров орудием Божьим, как бы меня к тому ни склоняли! Я готов признавать их людьми… да как ни назовите, но отнюдь не орудием Божьим, а наоборот — истинными врагами Церкви и разрушителями веры. И те, кто держит их сторону, есть такие же враги, поддавшиеся искусу Креода. С ними нужно расправляться железной рукой!

Хосе поморщился. Епископ дестры Маунта символизировал собой воплощенную агрессивную глупость. Именно ему следовало бы заткнуть рот в первую очередь. Однако нельзя, не на данном этапе. Дурак явно и неприкрыто метил на трон папы, хотя на выборах не набрал бы в синклите и двух голосов в поддержку, и при том являлся рупором крайних консерваторов. Убеждать его бессмысленно, а более жесткие меры… несвоевременны. Между тем, если не успокоить его немедленно, синклит скатится в долгую бессмысленную свару и закончится ничем. Пора действовать. Епископ Дамарры незаметно глянул на часы (все еще рискованно, но в пределах разумного) и поднялся.

— Приношу свои извинение за вмешательство, — как можно более нейтрально произнес он, пока налившийся кровью Меццо подыскивал слова для достойного отпора. — Однако если мне позволят, я прошу внеочередного выступления. Возникли обстоятельства, уводящие на второй план даже наше отношение к паладарам.

— А именно? — с явными сварливыми нотками в голосе осведомился Меццо.

— Люди, восстающие из мертвых.

Гул голосов прокатился по залу. Епископы переглядывались, на их лицах виднелось явное замешательство. Даже секретарь-распорядитель на мгновение в недоумении поднял взгляд.

— Поясните, — с недовольными и настороженными нотками потребовал Меццо.

— Если позволите, тесса, я воспользуюсь кафедрой.

Хосе выбрался в проход и подошел к трибуне. Епископ Челестины раздраженно глянул на него, потом на все еще демонстративно стоящего у своего кресла Челенти, очевидно, все еще раздумывая над достойным ответом, но потом поморщился и спустился. Кивком поблагодарив его, Хосе поднялся по узким дубовым ступенькам, за столетия вытертыми до блеска тысячами ног предшественников, и тщательно следя, куда ступает. Однажды он здесь оступился, упал и сильно ударился плечом, которое затем болело полгода, упорно отказываясь поддаваться

усилиям лучших врачей. Помог в конечном итоге только общий массаж в сочетании с минеральными ваннами. Проклятую кафедру… да что там, всю древнюю обстановку зала давно следовало бы заменить на что-то более удобное и современное, но с традициями сражаться сложно. Вот когда он станет папой… Оборвав несвоевременную мысль, Хосе Капурри утвердился наверху и обвел ряды притихших пурпурных сутан бесстрастным взглядом.

— К сожалению, тессы, восставшие из мертвых больше не миф, — его слова веско падали в напряженный омут зала. — Я потратил больше восьми декад на охоту за слухами по всему Кайтару, а также к северу от него, преимущественно в Теулане и Росуге.

— На какие средства? — поинтересовался Лючиано Фетаска. В его тоне по-прежнему скользили язвительные нотки, но куда как меньше, чем в адрес Меццо.

— На собственные средства семьи Капурри, — спокойно сообщил Хосе. — Полагаю, что для присутствующих здесь не секрет, что наша семья не стесняется помогать Церкви деньгами на богоугодные дела, да и многие журналисты на службе у моего брата весьма искушены в искусстве идти по следу. Спешу уверить, что из фондов Церкви не потрачено ни единой лееры. Я ответил на ваш вопрос, тесса Фетаска?

Епископ Маринии молча кивнул. Наверняка он прекрасно знал, что медиа-империя Капурри, включающая в себя несколько телеканалов, ежедневных газет, аналитических журналов и агентство по опросам общественного мнения, специализируется в числе прочего и на сборе и перепродаже самой разной информации, включая прямой промышленный шпионаж. Он и сам пару раз обращался к Леону через Хосе для анализа настроений прихожан в своей дестре, да и в остальном они неплохо ладили. Скорее всего, вопрос он задал исключительно для демонстрации своей объективности — а может, даже осознанно или неосознанно подыгрывал. Да, обязательно нужно сойтись с ним поближе.

— Итак, тессы, я должен сообщить чрезвычайно неприятную новость: наша официальная доктрина в скором времени может подвергнуться еще одному тяжкому испытанию. Но прежде чем объяснять проблему, я хочу, чтобы перед вами выступил один человек. Его зовут доктор Сантонелла Чико. Он весьма известный в своей области терапевт, полтора десятилетия работал в лучших больницах Барны, а примерно год назад по зову сердца отринул искус денег и славы и пришел работать в больницу святого Мейсера. Работающая с ним пасанта Фьюченца, а также сервилы-

медсестры дают ему самые лучшие рекомендации как врачу, так и человеку. Полторы декады назад, когда Барну внезапно накрыл кольчон, он стал свидетелем случая, о котором расскажет самолично. Однако, тессы, прошу учесть, что с ним не стоит вдаваться в теологические детали: он атеист, так что разговор обязательно уйдет в нежелательном направлении.

— Протестую! — опять вскинулся Пьеро Челенти. — Неслыханно — ярый безбожник вещает в самом святом месте Церкви? В сердце и оплоте веры?!

— Полагаю, тесса Челенти, что открывать дискуссию по вопросу, давным-давно закрытому Церковью, мы не станем, — холодно ответил Хосе. — Атеистов признали такими же орудиями Божьими, как и верных, полтора века назад. Хорошо известно, что атеистами или агностиками является по крайней мере треть наемного персонала в разнообразных церковных учреждениях, непосредственно не связанных с теологическими материями, и Церковь спокойно принимает такое положение дел. Доктор Чико не станет читать нам лекции о мироустройстве, он всего лишь опишет то, что видел своими глазами.

— Еще никогда нога ни одного безбожника не ступала на священный пол зала Слова Божьего!

— Регулярные экскурсии в нефе базилики святого Йогана проводятся для всех желающих без разбора вероисповедания, — Хосе добавил в голос ледяных ноток. — На мой взгляд, неф и алтарь — гораздо более святые места базилики, чем одно из служебных помещений, и Всевышний наверняка простит нас, если один атеист проведет здесь десять минут по острой необходимости. Прошу вас, тесса Челенти, сядьте. Сегодняшнее заседание и без того предстоит тяжелое, и не стоит тратить время на пустые пререкательства.

Несколько секунд епископ Маунты сверлил его тяжелым взглядом, потом оглянулся на остальных епископов, недружелюбно и косо на него поглядывающих.

— Мы еще обсудим данную тему, тесса Капурри, — буркнул он, устраиваясь в своем кресле.

— Разумеется, тесса Челенти. Но после синклита и с глазу на глаз. А сейчас…

Он глянул на служку у двери.

— Снаружи должен ожидать мой помощник и дэй Чико. Попросите его войти.

А вот интересно, мелькнула в голове мысль, как выкручиваться, если окажется, что самолет из Барны задержался сильнее, чем обещали в диспетчерской аэропорта, и доктора все-таки еще не привезли? А если машина с ним застряла в пробке?

На мгновение сердце екнуло и дало перебой, в глазах чуть потемнело. Так, тихо. Не дергаться. Всевышний знает, насколько важен сегодняшний синклит, он не допустит провала.

Служка поклонился, приоткрыл дверь и выскользнул наружу. Десяток секунд напряженной тишины спустя он вернулся. Доктор Сантонелла Чико непринужденно шагал следом, с интересом оглядываясь по сторонам. Хосе с удовлетворением отметил, что сегодня внешность гостя весьма респектабельна: в сшитом на заказ костюме стоимостью по крайней мере полторы тысячи леер, прекрасно маскирующем излишнюю полноту, в начищенных ботинках стоимостью не менее пятисот, с золотыми запонками и золотой же заколкой бабочки на шее. На его лице держалась мина, куда более надменная и презрительная, чем во время давешнего разговора. Видимо, именно так он выглядел во времена, когда ему в голову еще не ударила блажь стать единственным врачом на грошовом жаловании в затрапезной благотворительной больнице. Хорошо. Такой вызовет у синклита куда больше доверия, чем встрепанный пожилой мужчина с глубокими тенями под глазами и в плохо отстиранном белом халате, каким он выглядел в Барне. А еще, пусть и атеист, но Церковь он уважает — если не как спасительницу души, то хотя бы как влиятельный общественный институт. Скорее всего, неожиданностей с его стороны не возникнет — особенно с учетом обещанного больнице пожертвования в пятьдесят тысяч.

Встретившись взглядом с Хосе, доктор Чико слегка кивнул. Тот кивнул в ответ и жестом показал на небольшую трибуну рядом с епископской кафедрой. Доктор неторопливо, с большими пальцами, заложенными в карманы пиджака, поднялся на указанное возвышение.

— Добрый день, сэрат тессы, — произнес он хорошо поставленным лекторским баритоном. — Меня зовут Сантонелла Чико, и я главный врач больницы святого Мейсера в Барне. Я довольно неплохо известен в дестре Калалан, да и за ее пределами — тоже, и моя репутация, надеюсь, дает определенные гарантии, что я не лжец и не фантазер. Сэрат тесса Капурри попросил меня выступить на сегодняшнем собрании с описанием случая, который я наблюдал своими глазами менее двух декад назад. Ситуация чрезвычайно необычна и абсолютно необъяснима с точки зрения как современной медицинской науки, так и, полагаю, официальной церковной доктрины…

— О доктрине, сэрат дэй Чико, предоставьте судить нам, — мягко перебил его Хосе. — Прошу просто описать факты — по возможности языком, понятным… неквалифицированной аудитории.

— Как скажете, тесса Капурри, — слегка усмехнулся доктор. — Итак, многие из вас, полагаю, помнят, как полторы декады назад поздно вечером Барну накрыл кольчон. В тот момент я все еще находился в больнице вместе с несколькими дежурными медсестрами…

Оперевшись о кафедру, Хосе Капурри сосредоточенно слушал, как доктор Чико сухо и сдержанно излагает хронику событий. Очевидно, тот готовился к выступлению, потому что вместо довольно сумбурного изложения событий во время предыдущего разговора доктор словно читал по бумажке хорошо структурированный отчет. Резкое падение напряжения в электросети, туман на улице, оказавшийся кольчоном, волюты в помещении, ведущие себя необычно и странно, незадачливый старик-пациент, атакованный волютой в невиданной ранее манере… Хосе уже задавался вопросом, как бы он сам повел себя в той ситуации, и с неохотой признался себе, что наверняка бы запаниковал, а то и сбежал бы от страха.

— …когда мы, наконец, донесли пострадавшего до постели, он находился в полном сознании. Дыхание и сердцебиение оставались в пределах нормы — с учетом испуга и стресса, конечно. Однако его восприятие окружающего оказалось существенно нарушенным. Нельзя сказать, что он бредил, но его слова походили на описание галлюцинаций. Пациент утверждал, что с самого момента, как его окутал туман, в который превратилась волюта, он блуждал по неизвестным местам, описываемым как "долины света и тьмы". Среди прочих фантасмагорических элементов присутствовали огненные дороги, плавающие в черной пустоте, светящиеся существа, по ним путешествовавшие, далекие невидимые океаны из неизвестной субстанции, странные люди, прячущиеся где-то рядом и рассматривающие его с "нехорошим", как он выразился, интересом, и так далее. Обращаю внимание, что несколько минут — сколько именно, задним числом установить невозможно, от двух до пяти — он находился в состоянии клинической смерти, с остановившимся дыханием и сердцем.

— Церкви известно такое состояние, — задумчиво сказал со своего места Лучиано Фетаска. — Наука пытается объяснять его видениями умирающего мозга, страдающим от нехватки кислорода.

— Рад слышать, что среди служителей Ваххарона попадаются и интересующимися более приземленными вопросами, — иронически поклонился ему доктор. — Однако многие… сторонники мистических культов, включая церковь Рассвета, утверждают, что речь идет о видениях души, уже отправившейся

на суд Создателя, но грубо выдернутой обратно с самого порога. Не стану комментировать данную гипотезу за ее… неважно. Однако, тессы, обращаю ваше внимание, что данный случай является из ряда вон выходящим вовсе не из-за видений. Вдумайтесь: пациент пришел в сознание до того, как у него восстановилось сердцебиение. Его мозг, как и другие органы, не снабжался кислородом и практически умер, но он разговаривал и воспринимал окружающее. Я специально опросил его на следующий день. Он утверждает, что во время своих блужданий в странном мире воспринимал и происходящее в больнице, а в доказательство описал мои слова и поступки, например… э-э, мои попытки отбиваться от волют обломками стула. Еще раз повторяю: с остановившимся сердцем и дыханием.

— Вы упомянули про галлюцинации, дэй Чико? — Фетаска выглядел весьма задумчивым.

— Не галлюцинации. Какое-то время до и после запуска сердца, минут десять или пятнадцать в совокупности, картина странного "мира света и тьмы" накладывалась в его глазах на реальность, но затем постепенно растворилась и пропала. При том он испытывал чрезвычайный страх, уверенный, что прячущиеся в тенях "люди" вот-вот набросятся на него и убьют. Он очень живо, в деталях, описывал их настроение, а также странное существо, скрывающееся где-то вдали и испытывающее к нему то ли живой интерес, то ли даже симпатию. Собственно, он утверждал, что где-то там далеко находится его жена, умершая еще до Первого Удара.

— Блаженны живущие в Садах Ваххарона… — благочестиво прошептал кто-то из правой части зала.

— Очень сомневаюсь насчет Садов, — расслышал его доктор Чико. — Я специально уточнил — она происходила с Могерата и при жизни поклонялась богам пантеона Миндаллы. Квантии, если точнее — есть у них такая богиня второго эшелона, покровительствует растениям и садовникам. Уж простите невоспитанного атеиста, но, насколько я знаю религию Рассвета, души неверных после смерти Ваххарон отправляет в небытие. Так что либо ваше Откровение жестоко ошибается, либо…

— Откровение не может ошибаться! — рявкнул Пьеро Челенти. — Ваш пациент, дэй Чико, стал жертвой искушения гхашей, а возможно, и самого Креода!

— Вам виднее, — доктор пожал плечами до того, как Хосе успел вставить слово. — Я не собираюсь вступать в теологические дискуссии, дабы не тратить попусту время. Резюмирую свое выступление: после атаки волюты человек оказался в состоянии клинической смерти, видел и ощущал нечто, радикально

расходящееся с вашими леген… верованиями, потом какое-то время являлся одновременно мертвым и живым и, наконец, ожил окончательно. Я за свою жизнь видел немало умерших, а также из первых рук слышал истории людей, переживших клиническую смерть. Свидетельствую: данный случай совершенно необъясним с точки зрения современной науки. Ну, а религиозные толкования — за вами. Я готов ответить на вопросы, если таковые имеются.

Он обвел недоуменно переглядывающихся епископов выжидающим взглядом.

— Доктор Чико, — Хосе поднял руку. — Огромное вам спасибо за выступление. Думаю, задерживать вас и далее смысла нет. Машина в вашем распоряжении, и до возвращения в аэропорт можете использовать ее для поездок по Дриммаду, как вам заблагорассудится.

— Благодарю, тесса, — доктор слегка поклонился. — И надеюсь, вы не забудете про наш уговор.

Он спустился с малой трибуны, прошагал по узкому коридору между рядов кресел и вышел. Служка плотно закрыл за ним дверь.

— Ну и в чем кроется смысл данного представления, тесса Капурри? — недовольно спросил Никанор Макаса. Епископ Хуэвры казался одновременно озадаченным и встревоженным. Единственный дачия среди епископов, он возвышался в третьем ряду массивной черной глыбой, окутанной пурпуром.

— Я надеюсь, оно оказалось достаточно убедительным, — Хосе наклонился вперед, тяжело облокотившись на кафедру. — Тессы, открою небольшую тайну: я намеренно привел сюда атеиста. Я мог бы представить синклиту как свидетеля одного из людей, пережившего странное состояние между жизнью и смертью и являющегося верным последователем учения Рассвета. Однако я читал стенограммы их рассказов, и могу заверить, что истовый фанатизм сыграл бы с нами дурную шутку. Последователи Рассвета рассказывают не то, что пережили, а то, во что верят. С одним таким потребовались усилия двух квалифицированных психологов и несколько часов времени, чтобы выяснить, что же он видел на самом деле. Поэтому я намеренно показал вам, как ситуация видится человеком, скептически смотрящим на мир.

— Зачем, тесса Капурри? — осведомился епископ Маринии. — Или… могу я предположить, что случай не единичный?

— Именно, тесса Фетаска. А теперь я расскажу синклиту все по порядку. Итак, первые слухи о людях, переживших клиническую смерть со странными видениями дошли до меня

примерно пять декад назад. Поначалу я не придал им значения — мало ли какие галлюцинации могут видеть умирающие, но когда я увидел третий отчет, в котором посмертный, если так можно выразиться, мир описывался почти теми же самыми словами, я встревожился. Используя ресурсы как Церкви, так и своей семьи, я инициировал негласное расследование в Кайтаре и его северных соседях. Результаты оказались чрезвычайно тревожными. На данный момент мне известно двенадцать человек, переживших клиническую смерть, однозначно подтвержденную медиками, но вернувшимися к жизни, иногда совершенно необъяснимо. Их рассказы о видениях после очистки от эмоций и прочего мусора, как правило, выглядят чрезвычайно похожими: пустыня мрака, испещренная огненными линиями и полосами, населенная странными фигурами из света, угрожающие или любопытные взгляды кого-то скрывающегося неподалеку и одна центральная сущность, всегда где-то очень далеко и излучающая теплые эмоции, как правило, вызывающие ассоциации с любящими близкими родственниками.

— Странный у тебя тон, тесса Капурри, — нахмурившись, произнес Бальтазар Меццо из своего кресла. — Разве не подтверждается такими рассказами существование Всевышнего нашего Судии, Ваххарона? Что-то задержало души на пороге смерти и вернуло их обратно в тела, но они успели почувствовать Его самого и Его Любовь. Не так?

— К сожалению, не так. — Хосе прикрыл веки, сосредотачиваясь. — "*И открылся передо мной безбрежный зеленый луг, залитый ласковым солнечным светом, и широкая река, пресекающая его от горизонта до горизонта, и деревья с налитыми плодами, растущие всюду, куда хватает глаз, и сияющий трон Всевышнего на дальнем окоеме, и мост шириной с ладонь, ведущий через реку к его подножию. И рёк мне ангел: достойный перейдет мост без труда и будет обласкан Пресветлым Ваххароном, когда недостойный падет в реку, коя унесет его грешную душу в вечное небытие*". Откровение ясно и недвусмысленно описывает, что именно видит душа, попадая в Вечное Царство Ваххарона. Двенадцать человек, чьи души предположительно оказались в нем, увидели совершенно иное. Тессы, я должен указать еще одно: я не сумел обнаружить ни одного такого случая далее, чем шесть декад назад. И три случая непосредственно связаны с явлением, с подачи паладаров все чаще называемое "кипением энергоплазмы": из человека внезапно вырывается серое облако, превращающееся в волюту, а сам человек умирает. Точнее, умирал ранее. Сейчас все трое ожили. Кроме того, двое из двенадцати оживших описывали неведомую сущность как нечто

опасное и настороженное, едва ли не враждебное.

— Красная Звезда… — Меццо, а за ним и остальные епископы осенили себя косым знамением. — Неужели Креод нашел новые средства вредить нам?

— Так же, как доктор Чико только что отказался обсуждать теологические вопросу, я бы предпочел не обсуждать научные. Никто, даже паладары, не знают, чем на самом деле является Красная Звезда, и я бы предпочел, чтобы ни Церковь в целом, ни каждый епископ в частности не обсуждал данный вопрос на публике. Если люди узнают про нее что-то, что расходится с нашей точкой зрения, последствия могут оказаться болезненными. Оставим мирское мирянам. Сейчас меня гораздо больше беспокоит, что посмертные видения людей в корне противоречат Откровению. Думаю, ни для кого не является загадкой, что произойдет с нашей верой, если под сомнение окажется поставлен самый главный святой источник.

— Всего двенадцать человек… — проворчал Лучиано Фетаска. — Не аргумент. Мало ли что примерещится умирающему!

— Двенадцать человек за шесть декад. Но сколько их появится в будущем — сто, двести, тысяча? Что называется, лиха беда начало…

— Случаи распределены равномерно по всей Типпе? — задумчиво осведомился Мария Контуэгро.

— Не знаю. Из-за ограниченности времени и ресурсов я мог провести поиск лишь в крупных городах с развитой медицинской системой и отчетностью. Из двенадцати случаев пять произошли в Барне, по одному в Дриммаде, Дамарре, Контагилии и Лабурно. Остальные три случая зафиксированы за границей, в Теулане и в Росуге.

— Барна… — Мария потер гладко выбритый подбородок. — Вотчина семьи Деллавита. Тесса Капурри, спрошу прямо: не связан ли один из случаев с… членом данной семьи?

— По моим данным, Фуоко Деллавита, дочь Хавьера и Марты Деллавита, может являться одной из восставших из мертвых, — сухо ответил Хосе. Ого. А ведь у него источники куда как лучше, чем можно было предположить. — Однако за отсутствием точных сведений в мою статистику она не включена.

Среди епископов пробежали шепотки.

— По моим данным, она не только восстала из мертвых, тесса Капурри, — епископ Хесара прищурился. — По Барне ходят упорные слухи о ее способностях метать шаровые молнии и излучать электричество. Семья Деллавита делает все, чтобы душить разговоры в зародыше, но их попытки не слишком

эффективны. Ветер и молву не удержать, как гласит народная мудрость.

Так. Придется выкладывать на стол все карты сразу.

— Юная дэйя Деллавита — совершенно отдельный вопрос, — Хосе сделал отводящий жест ладонью. — Разговоры о ней ходят самые невероятные. У меня есть сведения, что на Могерате она демонстрировала невероятные способности к управлению пламенем и даже призыву волют. Возможно, схожие способности имеет ее… сердечный друг, юноша по имени Кирис Сэйторий, уроженец Хёнкона, долгое время живший в Барне. Но сейчас не место и не время обсуждать частности.

— Нет, погодите, тесса Капурри, — похоже, Контуэгро не собирался униматься. — Девочка, способная управлять пламенем, восставшая из мертвых, да еще и наследница семьи Деллавита — вовсе не частность. Тесса Граччи, — он обратил взгляд на сидящего неподалеку епископа дестры Калалан. — Что вы можете сказать про семью Деллавита? Они тверды в вере?

Фульвио Граччи задумчиво нахмурился.

— Глава семьи, Хавьер Деллавита, не что чтобы очень уж набожен. Он из числа верных, но, скорее, пренебрегает посещениями церкви и душеспасительными беседами. Хотя, следует заметить, жертвует он регулярно и много. Его жена, Марта, весьма набожна, по ее настоянию в фамильном особняке оборудована небольшая часовня, где приходящий духовник периодически служит мессу. Старший сын, Массим, пошел в мать и регулярно посещает мессы в соборе Святого Семейства. Средняя дочь, Лойза, хм… не могу сказать про нее ничего определенного. Она верующая, но недавно вышла замуж и полностью поглощена новой семьей и мужем…

— А Фуоко Деллавита? — нетерпеливо перебил Контуэгро. — Младшая дочь?

— Она еще совсем ребенок, ей только что исполнилось пятнадцать. В ее возрасте довольно сложно ожидать глубокого увлечения религией, дэй Контуэгро. У меня нет конкретных сведений о ней. Однако девочка является любимой дочерью Хавьера Деллавита, изрядно ее избаловавшего и, я склонен предположить, передавшего ей свое отношение к Церкви.

— Можем ли мы устроить встречу с девочкой одного из наших людей? У меня есть несколько пасант, специализирующихся на детях и подростках. Они прекрасно умеют находить общий язык даже…

— Боюсь, — епископ Калалана слегка усмехнулся, — такая встреча невозможна.

— Но если Хавьер Деллавита…

— Тесса Граччи имеет в виду, — перебил Хосе, — что Фуоко Деллавита является студенткой подготовительного колледжа паладаров в Хёнконе, куда в очередной раз отбыла немногим больше двух декад назад. Также, по слухам, девочка пользуется покровительством самой Карины Мураций. Любое давление на нее, прямое или косвенное, категорически исключено, если только мы не хотим рассорить Церковь одновременно и с семьей Деллавита, и с паладарами. И, тессы, мы сильно уклонились в сторону.

Он сделал паузу, которую никто не нарушил.

— Возвращаясь к теме, замечу, что не обладаю даром ясновидения. Но даже без него можно предположить: случаи оживления мертвых станут происходить и впредь. Пока они единичны, рассказы оживших нам не опасны. Но если их станет сотни и тысячи… У нас нет иного выбора, кроме как попытаться опередить события и как-то согласовать загробные видения с Откровением. И еще я должен заявить, что безмятежные времена остались позади. Мы постепенно теряли влияние и до Удара, но сейчас Церковь стоит перед лицом полного уничтожения. Ради спасения душ наших прихожан мы обязаны сплотиться и выступить единым фронтом. Мы больше не можем позволить себе публичные противоречия и несогласованные заявления. Три века, три мирных и безмятежных столетия Церковь жила без папы, снисходительно относясь к внутреннему вольнодумству и даже междоусобицам. Так больше продолжаться не может. Вы все знаете, что до сего дня я придерживался в данном вопросе нейтралитета и даже осторожного скептицизма. Теперь я заявляю: нам нужен единый голос, вещающий от имени Божьего и Церкви. Папу следует избрать как можно быстрее, и если мы протянем еще немного, можем с тем же успехом сразу признать поражение в извечной борьбе Рассвета с Тьмой. Я настаиваю, чтобы синклит принял соответствующую буллу и назначил день выборов прямо сегодня.

Мертвая тишина стала ему ответом. Кажется, многие даже перестали дышать. Потом Бальтазар Меццо тяжело поднялся из кресла.

— Я поддерживаю тессу Капурри, — хрипло сказал он. — У нас есть кворум, чтобы обсудить и принять окончательный вариант буллы. Прошу секретаря провести голосование по включению данного вопроса в повестку дня.

Хосе молча наклонил голову и спустился с кафедры. Его лицо оставалось бесстрастным и даже слегка угрюмым, но внутри все ликовало. Все всякого сомнения, буллу примут уже сегодня: предварительные тайные переговоры, которые Меццо вел

последние два сезона, это гарантировали даже без сегодняшнего представления, разыгранного на пару с Хосе. Да, тесса Бальтазар Меццо прекрасно знает итог сегодняшнего голосования и даже дату проведения выборов папы. Однако он не знает, что кандидатура некоего Хосе Капурри, выдвинутая в качестве ширмы, не будет снята в последний момент в соответствии со старыми договоренностями. И результат выборов кое-кого весьма и весьма удивит.

02.29.1232. Кионара, Ценгань

Древний парк, окружавший старый королевский дворец в Кионаре, мирно дремал в лучах заходящего солнца. Душный тропический день заканчивался, и олени мирно бродили по лужайкам и обочинам тропинок, сонно глядя на последних пеших туристов, спешащих к вокзалу и автомобильным стоянкам. Палатки с едой и сувенирами уже почти все опустили ставни и жалюзи: с утра в парк снова потянутся толпы зажиточных местных бездельников, семьями устраивающие пикники на природе, и ради раннего завтрашнего открытия сегодня стоило закрыться до срока. Лишь торговцы прессованными лепешками для оленей все еще сидели у своих корзинок в надежде на последних покупателей. Небольшие стада животных толклись на тротуарах и газонах поблизости в ожидании щедрого кормильца, но и в их глазах надежда и нетерпение уже сменились сонной дремотой. Последняя школьная экскурсия завершала обход храмового комплекса. Подростки, пихаясь и пересмеиваясь, равнодушно слушали бормотание учителя и безразлично скользили взглядами по шести- и семиэтажным пагодам и разбросанным между ними молельням. В бесконечно-длинных безлюдных аллеях уже сгущались плотные вечерние тени, и тут и там начинали робко пробовать голоса первые цикады.

Королевский дворец тоже дремал. Экскурсии завершились. Последние туристы, щелкая затворами фотоаппаратов и сверкая вспышками даже под яркими солнечными лучами, давно отправились восвояси. Частные экскурсоводы разошлись по домам, уборщики с мешками и совками заканчивали сбор мусора, и немногочисленные сторожа сонно посапывали в своих будках. Тишина спустилась на зеркальные пруды со скользящими под отражениями дворцовых палат пестрыми тенями королевских карпов. Замшелые каменные фонари спали под сенью павлоний, мац, кастанопсиса и гибискуса, и успокаивающе журчали по галечным ложам ручьи, заиливая груды брошенных в них на счастье монеток.

Дворцово-парковый комплекс Кионары, один из наиболее известных и ухоженных туристических аттракционов Ценганя, готовился отойти ко сну. Однако в одном из зданий, новоделе, искусно замаскированном под древнюю постройку на границе парка рядом с торговым кварталом, лености и дремоты не наблюдалось. Наоборот: собравшиеся в его обеденном зале люди в цветастых одеяниях аристократов, испытывали какое-то лихорадочное возбуждение. Празднуемый шестидесятилетний

юбилей формального главы клана Орэсама, достопочтенного Титиуэ, отнюдь не наполнял сердца радостью. Напряженные голоса, быстрые косые взгляды, чуть заметно трясущиеся губы — представители лучших аристократических фамилий Хёнкона, приглашенные в качестве гостей, явно чего-то боялись. В шепотках то и дело проскальзывали слова "то письмо" и "Адаути". Недоверие и страх витали в воздухе, словно гнилой болотный туман, отравляя сердца и скручивая кишки в тугой тяжелый комок, превращая изысканные закуски и вина на столах в несъедобные помои. В большом холле у входа толпились люди, одетые попроще — с угрюмыми взглядами и мышцами, бугрящимися под халатами, с короткоствольными автоматами и нервными пальцами, подрагивающими на спусковых крючках.

Автоматы не помогли. Никто из них не успел выстрелить ни разу. Заложенные за изысканные статуи богов и богинь Миндаллы, взрывные устройства в холле сработали одновременно. Оглушительный грохот быстро сменился стонами раненых и умирающих посреди луж крови и оторванных частей тел, а также паническими криками из обеденного зала. Продолжались они недолго. Из нескольких автомобилей без номеров, резко затормозивших на площади перед зданием через несколько секунд после взрывов, высыпало три десятка людей в пятнистых комбинезонах и черных капюшонах, закрывающих голову и лицо. Не теряя даром времени, они бросились внутрь, поливая все движущееся огнем из автоматического оружия. Бойня заняла не более пяти минут, после чего нападавшие дружно покинули развороченное изнутри здание и укатили в неизвестном направлении, оставив за собой отблески разгорающегося пожара и ужасную тишину мгновенно обезлюдевшего торгового квартала.

Первый звонок в полицию поступил через минуту после того, как звук автомобильных моторов затих вдали. Менее чем через три минуты прибыл первый патрульный автомобиль. Еще через десять полицейские заполонили небольшую площадь перед палатами, с ужасом всматриваясь в то, что различалось снаружи. Никто из них не отличался родовитостью, не обладал и толикой авторитета, а потому не рисковал войти внутрь. Пока к месту событий не прибыло несколько офицеров из местного отделения Управы благочиния, почти все чудом выжившие в бойне пострадавшие, включая троюродного племянника Правого министра Ценганя, умерли от потери крови. Начавшие прибывать кареты "скорой помощи" бессмысленно кучковались рядом с полицейскими автомобилями: выхаживать оказалось почти некого. Найти удалось лишь троих выживших: одного охранника,

чудом уцелевшего при взрывах и сумевшего укрыться от террористов, и двух аристократов, получивших огнестрельные ранения в головы, не слишком опасные для жизни, но впечатляюще выглядящие. На следующее утро, когда криминалисты в основном закончили работу, из здания вынесли пятьдесят четыре трупа.

Легкий вертолет с чиновниками Управы благочиния из Тасиэ прилетел к дворцу почти в полночь. Сделав несколько кругов над площадью — места для посадки не нашлось из-за обилия полицейских автомобилей — он приземлился на большой лужайке на территории дворца, нещадно калеча колесами дерн. Капитан Сайра Моямару выпрыгнул на землю, не дожидаясь, пока машина полностью приземлится. Пригибаясь, чтобы уйти от потоков воздуха, почти срывающих с него старый халат (в момент поступления срочного вызова он ухаживал за оранжереей в своем загородном поместье и тратить время на переодевание не стал), он быстро зашагал в сторону центральных ворот прямо через ухоженные газоны. Лейтенант Васи Синь Дзэ, на днях получивший новенький официальный мундир, но пока что носивший старую полицейскую форму, последовал за ним. К моменту, когда остальные следователи, щеголяя цветастыми одеяниями высоких сановников, выбрались из вертолета и начали неуверенно оглядываться, пытаясь сориентироваться на местности, они уже прошли половину расстояния.

Приближаясь к воротам, Сайра вытащил из кармана небольшую стеклянную трубочку и выбросил из нее на ладонь желтоватое драже. Внезапный незапланированный перелет сначала на самолете, а потом на тряском грохочущем вертолете поселил в его голове свинцовую тяжесть, готовую перерасти в давящую изнуряющую боль. С учетом, что ковыряться на месте придется ночь напролет, лучше задавить ее в зародыше. Разжевав и проглотив кисловатую пилюлю, он властным жестом отодвинул с дороги растерянного сторожа, откинул засов и вышел на площадь.

— Действуем быстро и энергично, — сказал он Васи. — Помни, чему я тебя учил, и действуй по плану. Трупы никуда уходить не собираются, так что свидетели сейчас важнее всего. Я разберусь с местной Управой, если до них еще не дошли приказы из столицы, ты бери на себя полицию. Еще раз напоминаю: пусть даже ты лейтенант второго класса, но теперь ты сотрудник Управы, так что можешь приказывать даже полицейским капитанам-третьеклассникам. Не вздумай тушеваться и мямлить. Вперед!

— Да, атара, — лейтенант кивнул и деловито зашагал в

сторону, где сгрудились черные блестящие лимузины и толпилось особо много полицейских. Сайра мысленно одобрил: шансов найти там начальство больше всего. Хорошего он нашел себе помощника: умного, знающего дело и безродного. И подсидеть не сможет при всем желании, и пользы масса. Так, теперь нужно понять, что же здесь произошло на самом деле.

Следователь достал сигареты, щелкнул зажигалкой и закурил, осматривая площадь. Потом он неторопливо двинулся к нужному зданию. Какое именно стало местом преступления, можно было определить с первого взгляда: экипажи нескольких пожарных цистерн все еще продолжали поливать из брандспойтов дымящуюся крышу. Белесый в резком свете прожекторов то ли дым, то ли пар клубился над домом.

— Стой! Куда лезешь? — перед ним вырос детина-полицейский с придурковатой, но полной многозначительной важности физиономией. — Пшел вон отсюда, шо!

Сайра медленно повернул к нему голову и приподнял бровь. Ничего себе нахальство! Секунду спустя он осознал, что его затрапезные халат, рубаха и штаны, изрядно потрепанные, а кое-где даже и испачканные в оранжерейной земле, делают его похожим на крестьянина. Логично, что сероспинный так себя ведет. Ну, даже и к лучшему.

— Управа благочиния, — холодно сказал следователь, подсовывая ему под нос свой значок и с удовольствием наблюдая, как глаза низкорожденного хама потрясенно вылезают на лоб. — Я из Тасиэ. Где сейчас местные чиновники Управы и кто здесь главный?

— Все там, в доме, атара, — забормотал полицейский, усиленно кланяясь и указывая рукой в сторону развороченного входа. — Управа благочиния, большие начальники, все там! Я отведу тебя, атара!..

— Не надо, — еще более холодно оборвал его Сайра. — Сам найду.

Полицейские, бесцельно бродящие по площади с перекошенными от растерянности лицами, пытались останавливать его еще дважды, но до разговоров столичный следователь больше не снисходил, отмахиваясь значком. Его худшие ожидания оправдались: искореженный холл здания оказался не только залит водой, но и загажен грязью, обильно нанесенной ногами прошедших здесь толп. Сайра мельком порадовался своей затрапезной одежде: во-первых, короткие штаны грязью не забрызгает, а во-вторых, даже если и забрызгает, то ничего страшного, для того и держит. Изуродованные трупы успели оттащить к стенам, и ни о каком воссоздании картины

событий речи уже не шло. Впрочем, здесь, в холле, восстанавливать было особенно нечего: помещение оказалось настолько изуродованным взрывами, огнем и водой, что от обстановки — мраморных статуй, шикарной мягкой мебели, золоченых плафонов, мягких ковров и прочего — не осталось практически ничего, кроме мелких обломков и обугленных щепок. Вряд ли расположение трупов, хаотично разбросанных ударными волнами, могло что-то дать расследованию.

По центру изуродованного холла стояла группа сановников в бледно-алых, синих и даже белых носи клановых старейшин. На головах двоих красовались черные эбоси с длинными султанами. Судя по мельтешению людей вокруг группы, именно они являлись здесь главными — до прибытия группы из Тасиэ, по крайней мере. Сайра ненадолго остановился, прищуренно изучая группу, и решил, что толку от них никакого. Его наметанный глаз позволял сразу понять, насколько компетентны те, кто пытается командовать сложным процессом. К местным, похоже, слово "компетентность" применялось с большим трудом. Они с важным видом давали указания, взмахом отсылая подчиненных в разных направления, не утруждая себя даже их выслушиванием. Типичная провинциальная бестолочь: масса многозначительности и пафоса, но полное отсутствие профессиональных навыков. Что, напыщенные вы мои, есть с рук Анъями куда проще, чем реальные преступления расследовать?

Впрочем, может, он несправедлив из-за тяжелой головы и сложного перелета. Нужно поговорить с ними и проверить первое впечатление. Кроме того, нужно немедленно избавиться от дурного настроения: ссориться с местной аристократией на пустом месте совершенно незачем.

Он набрал воздуха в грудь, медленно выдохнул и энергично зашагал к группе.

— Добрый вечер, атары, — вежливо сказал он, оттесняя в сторону пару каких-то служащих в кайтарских деловых костюмах и демонстрируя свой значок. — Я капитан второго класса Сайра Моямару, Управа благочиния, Тасиэ. Я заместитель начальника группы следователей, присланной вам в помощь. Могу я узнать, кто здесь командует?

— Я Тойка Сэн Минь, — недовольно сказал высокий и толстый, просто необъятный мужчина, чье торчащее пузо не мог скрыть даже искусно скроенный носи. — Генерал первого класса, глава местного отделения Управы. Я уже сообщал в Тасиэ, что нам не нужна помощь. Мы прекрасно справляемся и самостоятельно, атара. Мои люди устроят вас в гостевых апартаментах, чтобы вы могли отдохнуть с дороги, а завтра мы

расскажем обо всем, что нашли.

Ага. Значит, все-таки Сэн Минь. В неразберихе срочного вылета Сайре так и не смогли внятно ответить, какой из двух основных кланов Кионары — Сэн Минь или Васаба — в данный момент подмял под себя соперников. Толстяк, как видно, не любит столичных чиновников и слишком много о себе думает. Разница в два ранга формально делает Сайру ниже по званию, так что нужно тактично дать понять генералу, за кем всегда останется последнее слово.

— Чрезвычайно рад знакомству, Тойка-атара, — он поклонился ровно настолько, насколько требовал этикет отстраненной вежливости, краем глаза наблюдая за реакцией прочих чиновников. — Разумеется, мы так и поступим. Перелет выдался не из легких, и мои немного приотставшие спутники с радостью примут предложение. Однако, боюсь, я лично вынужден отказаться. Мне необходимо осмотреть место преступления собственными глазами. Кроме того, со всем моим почтением, Тойка-атара, прошу тебя отправиться в апартаменты вместе с моим начальником. Его имя Аваи Тора Магуро. Он генерал третьего класса, и, насколько я знаю, у него есть для тебя очень важная информация.

— Важная информация из столицы? — неприязнь во взгляде местного генерала приугасла. — И где же он?

— Аваи Тора-атара с помощниками сейчас… вот он, — Сайра указал на группу сановников у входа, осторожно ступающих по залитому грязью полу. Их шаровары-сасинуки и бархатные туфли рисковали не пережить столкновения с суровой действительностью, и на лицах столичных чиновников держалась стойкая брезгливость, перемешанная с недовольством. Наверняка генерал Аваи, занявший свой пост благодаря исключительно связям клана Магуро, воспользуется первым же предлогом, чтобы убраться отсюда подальше. — Нижайше прошу выделить мне одного из ваших людей в качестве помощника, пока я осматриваю место событий. И мне потребуется связь — мой человек сейчас работает с полицией. Нужно, чтобы он смог меня найти, а полиция с ним сотрудничала.

— Мои люди передадут тебе необходимую информацию, капитан, — на лице сановника опять нарисовалась спесь. — Тебе нет нужды копаться здесь самостоятельно.

— Сожалею, Тойка-атара, но если я не последую процедуре, начальство оторвет мне голову. Я ведь подчиняюсь не Аваи-атаре, — Сайра искусно изобразил на лице целую гамму чувств: раздражение, утомление и немного страха, перемешанного с почтением к вышестоящим. — Я с прискорбием вынужден

отклонить ваше щедрое предложение. Так могу я попросить кого-нибудь из ваших людей? Я обязательно упомяну в отчете вашу неоценимую помощь.

И про отказ в помощи упомяну тоже, про себя добавил он, зная, что та же самая мысль сейчас всплыла в голове генерала. Поскольку жирдяй не знает, кто именно стоит за спиной Сайры, он не рискнет нажить могущественного недоброжелателя. А еще ему придется выбрать из своих помощников наиболее толкового — дурак не сможет толком шпионить за столичным засланцем.

— Маюра-тара, — недовольно, но уже явно смирившись, сказал генерал, — поможешь… э-э… капитану здесь разбираться. И с трупами, и… с той штукой.

И, не утруждая себя дальнейшими указаниями, он в сопровождении цветастой свиты прихлебателей заспешил навстречу группе Сайры. Почти все люди, усиленно сновавшие вокруг, заспешили следом. Следователь мысленно вознес хвалу Мискурату: на сей раз с ритуалами удалось разобраться практически мгновенно, и место очищено от идиотов. Хорошо. Следы, правда, они наверняка затоптали напрочь в порыве служебного энтузиазма — в предположении, что после пожарных команд уцелело хоть что-то стоящее. Но тут уже ничего не поделаешь…

Рядом с капитаном остался только один мужчина в кайтарском деловом костюме и большим блокнотом в руках. Его лицо выглядело совершенно непроницаемым, а приветственный наклон головы оказался ровно таким, чтобы оставаться в пределах гостеприимной вежливости, но не демонстрировать подчиненности.

— Я капитан первого класса Маюра Ци Уэна, — представился он. — Помощник Тойки-атары. Чем я могу помочь, Сайра-атара?

Пару секунд Сайра задумчиво разглядывал местного, потом сделал выводы и слегка кивнул.

— Рад знакомству, Маюра-тара, — сказал он вежливо, но не холодно. — Судя по моему богатому опыту, ты наверняка здесь единственный, кто знает дело как следует. Мы оба профессионалы, так что предлагаю сразу понизить градус общения, чтобы не терять время на расшаркивания.

— Хорошо, Сайра-тара, — лицо местного осталось все таким же непроницаемым.

— Сразу предупреждаю: дело на личном контроле Левого министра, и король тоже проявляет заинтересованность. Не каждый день, знаешь ли, истребляют род почти целиком, пусть даже такой мелкий, как Орэсама. Количество цветных тряпок в городе уже завтра зашкалит до невозможности, но политические

осложнения и переговоры не по моей части. От меня ждут расследования — максимально полного и точного, невзирая на лица. Первый доклад я должен представить к завтрашнему утру.

— Понимаю, тара. Однако сейчас почти полночь, и мои люди уже устали. Кроме того, тара, — Маюра слегка поколебался, — не могу сказать уверенно, но, мне кажется, в городе есть люди, не заинтересованные в глубоком и тщательном расследование. Очень серьезные люди, Сайра-тара.

Откровенность? Ценно. Нужно простимулировать.

— У меня достаточно влияния и связей в Тасиэ, так что при необходимости я сломаю о колено любого местного придурка, вздумавшего мне помешать. И в то же время, — Сайра сделал многозначительную паузу, — имена, упомянутые мной в докладах, тоже услышат на самом верху. Возможно, не в палатах Левого министра, но в кабинете дайнагона Управы благочиния — точно. Если твой вклад окажется существенным, это может оказаться весьма полезным для карьеры. А твое непосредственное начальство мои доклады не увидит и узнает не больше, чем захочешь сам.

— Приложу все усилия, — Маюра слегка прикрыл глаза. — Жду приказаний, тара.

— Для начала отправь кого-нибудь к полицейским и подтверди полномочия моего помощника. Затем покажи мне место. И я хочу услышать твое описание событий — две-три фразы, самое важное.

— Описание… — Маюра слегка поскреб подбородок. — Сейчас сформулирую. А пока…

Он повернулся и сделал знак. Один из трех оставшихся неподалеку людей приблизился.

— Иди к сероспинным, — негромко приказал Маюра. — Найди там человека по имени…

Он вопросительно глянул на Сайру, приподняв бровь.

— Васи Синь Дзэ, — подсказал тот.

— Ты слышал. Найди и оставайся при нем. Помогай чем можешь. Давай.

Человек кивнул и быстро пошел к развороченному выходу. Его походка, деловая и энергичная, разительно отличалась от вялой ходьбы вперевалку, за минуту до того продемонстрированную генералом со свитой.

— Описание… — Маюра снова поскреб подбородок. — Примерно так: куча странностей, "Адаути" и паладары.

— "Адаути"?

— Да. По городу уже ходили слухи, что на днях "Адаути" в подметном письме угрожала роду Орэсама за сотрудничество с

хёнконскими аристократами, но самого письма я не видел. Сейчас на месте преступления на видном месте нашли еще одно заявление. В нем "Месть" явно и недвусмысленно берет ответственность за бойню на себя. Бумага пострадала от воды, и я отправил заявление в лабораторию для реставрации. Сможешь с ним ознакомиться, когда закончим здесь.

— Странности?

— Жестокость и неразборчивость. Я слышал о "Мести" раньше. Они не стеснялись убивать беглых хёнконских аристократов, но никогда не устраивали массовую резню. Сейчас убивали всех подряд: не только высокорожденных из Хёнкона и членов клана Орэсама, но и прочих аристократов, охранников, обслугу — всех, кто попался на глаза. И еще "Адаути" никогда раньше не применяла взрывчатку, хотя возможностей имела немало.

— Понятно. Паладары?

— Они здесь, тара, но тебе лучше увидеть самому. Тем более, что они знали о прибытии вашей группы заранее и даже упоминали твое имя. Следуй за мной.

Маюра повернулся и, безразлично разбрызгивая грязь еще недавно начищенными ботинками, размашисто зашагал к развороченному дверному проему, ведущему в большой зал заседаний. Сайра последовал за ним, лихорадочно раздумывая. Паладары здесь — куда ни шло, наверняка они имеют в городе дронов-наблюдателей, но откуда они знают про экстренно составленную группу и его самого?

В зале стояла тяжелая влажная жара. Большинство ламп под потолком не горели — то ли закоротило проводку, то ли повредило пожаром. В тусклых лучах уцелевших плафонов, пронизывающих облака пара, место выглядело кошмарно. Перевернутые и обугленные столы и кресла вперемешку с осколками посуды и месивом остатков еды; выбитые окна и искрошенные пулями стены, кое-где еще закрытые клочьями тяжелых занавесей и портьер; и трупы — большинство в когда-то ярких цветастых одеждах, сейчас грязных и темных от воды и крови, а между ними — редкие кайтарские деловые костюмы и скромные черные и зеленые ципао женщин из обслуги. Сайра склонился над ближайшим телом и внимательно его осмотрел. Четыре или пять пулевых отверстия в груди, еще одно во лбу, развороченное кровавое месиво с белыми осколками зубов вместо щеки. По всей видимости, выстрелом в лоб его добивали. Нет, террористы не только наводили ужас на своих жертв — их методично истребляли.

Соседний труп лежал лицом вниз. Пулевые отверстия в

ворохе одежды не различались, и трогать его Сайра не стал — ничего нового все равно не узнаешь. А вот еще один мертвец в деловом костюме его заинтересовал. На когда-то белой рубашке под черным пиджаком отчетливо виднелась длинная и глубокая рана. Судя по обилию вытекшей крови, пропитавшей одежду, нанесли ее при жизни, и умер человек отнюдь не из-за контрольного выстрела в лоб.

— У многих обнаружили резаные или колотые раны? — осведомился столичный следователь, распрямляясь.

— У четырнадцати человек, — без паузы отозвался местный, терпеливо за ним наблюдающий. — Похоже, их всех зарубили и лишь потом добивали контрольными выстрелами.

— У четырнадцати? — изумленно переспросил Сайра. — Ты уверен, тара?

— Возможно, больше — полного обследования еще не проводилось. При том ни одной колотой раны я не заметил. Конечно, под одеждой они не видны, но все-таки не похоже, что тут орудовали мечами. Скорее, что-то более примитивное, типа тесаков. Как вариант — классический дао с расширенным на конце клинком, но без острия. Эксперты на вскрытии определят точно.

Сайра глубоко задумался. После предыдущих акций "Адаути" тоже оставались трупы с ранами от холодного оружия, но там вердикт эксперты выносили единогласным: меч, дао в модификации девятого века с игловидным острием, пригодным для колющих ударов. Таинственный главарь "Мести" (а что мечом владел главарь, никто не сомневался — меч в кланах Анъями и изгоев всегда служил символом власти) не оставил ни одной рубленой раны: похоже, его владелец крови хотя и не боялся, но и не любил особенно. Маюра прав: дело вырисовывается весьма странным. Хотя "Адаути" и взяла на себя ответственность, но почерк выглядит заметно иным.

"Адаути" ли? Письма мог писать кто угодно, а нотариально заверенной подписи оябуна "Мести" пока что никто не видел.

— Тара, здесь паладар, — в голосе Маюры скользнули едва слышные напряженные нотки. Сайра дернулся, озираясь.

Серая лоснящаяся туша паладарского дрона, почти неразличимая в полумраке, бесшумно приблизилась и вытянулась вертикальным цилиндрическим столбом в человеческий рост. На нем проявились быстро углубляющиеся борозды, верхняя часть округлилась, превратилась в набалдашник… Несколько секунд спустя перед Сайрой стояла пародия на человека — то ли магазинный манекен, то ли робот из фантастических фильмов, снятых до Удара. Лишь лицо выглядело по-настоящему живым.

Безразличный взгляд надменных серых глаз оборотня, казалось, смотрел сквозь присутствующих.

— Здравствуй, капитан Сайра Моямару, — холодно произнес манекен. — Я ждал тебя. Меня зовут Камилл.

К этому моменту Сайра уже полностью овладел собой. Он еще ни разу не встречался с паладарами вживую, хотя слухи о Камилле ловил не раз — иногда абсурдно-фантастические, иногда вполне правдоподобные. Однако же о способностях паладарских дронов он знал хорошо: секретное досье Управы благочиния, к которому следователь имел допуск, содержало немало любопытных сведений. Способность слизнеобразных паладарских машин к трансформации там описывалась весьма подробно. К сожалению, достоверных полевых методов их распознавания в досье не приводилось: даже дефекты ранних моделей, приводивших к повышенной утечке тепла в окружающую среду и несоразмерным следам на рыхлой поверхности, паладары уже ликвидировали. А резать ножом каждую встречную табуретку довольно затруднительно…

Ему страшно захотелось пощупать манекенообразного дрона пальцами, но он придушил порыв в зародыше. Вряд ли паладарский посланник оценит такое любопытство.

— Несказанно рад встрече, Камилл-атара, — максимально вежливым тоном произнес он, склоняясь в глубоком поклоне и опуская глаза долу. — Я слышал немало о твоих выдающихся добродетелях, и теперь мне выпала высокая честь…

— Я оценил, — все тем же холодным тоном с нотками раздражения перебил паладар. — Все, заканчивай с экивоками, капитан, мы не в королевском дворце. У тебя репутация отличного профессионала, так что сразу перейдем к делу.

Распрямляясь, Сайра лихорадочно обдумывал ответ. В каком стиле его выдержать? Несмотря на то, что Камилл слыл таким знатоком этикета, что мало кто даже при дворе мог с ним сравниться, сейчас Чужой явно находился не в настроении для долгой беседы.

— Польщен похвалой, атара. Что от меня требуется? — ответил следователь, так и не приняв осознанного решения, но повинуясь интуитивному импульсу. Судя по удовлетворенному кивку, поступил он правильно.

— Отлично. Ты тоже слушай, тара, — Камилл искоса глянул на капитана Маюру. — Довожу до сведения вас обоих, что паладары крайне заинтересовались происшествием. Поскольку весь полицейский эфир забит одним-единственным словом "Адаути", а молва утверждает, что за Адаути стоит Университет, у нас нет иного выхода, кроме как вступить в игру. Мы уже

неофициально занимались расследованием убийства членов Правительства-за-рубежом, но сейчас дело переходит на новый уровень. В настоящий момент я все еще веду переговоры с Левым министром о заключении формального соглашения, но в их исходе сомнений нет. Так что рассчитываю на ваше сотрудничество.

— Разумеется, атара, — Сайра отвесил вежливый полупоклон. Маюра повторил его движение, но промолчал.

— Замечательно. Сейчас мои дроны прочесывают окружающую местность. Здесь, в здании, ловить нечего — огонь, вода, дым и пар уничтожили практически все запахи. Перед входом потопталась большая толпа полицейских, пожарных и прочей швали, там тоже хорошего мало. Я вычленю сохранившиеся человеческие запахи и следы ДНК, если они найдутся, и сравню с теми, что обнаружили в особняке Тадаосия. Возможно, обнаружатся совпадения. Однако сразу предупреждаю: у меня есть сомнения насчет причастности "Адаути" к нынешнему месиву.

— Почему, атара? — осторожно осведомился Сайра.

— Потому что, тара, — взгляд манекена наконец-то сфокусировался на следователе, — "Адаути" всегда наносила точечные удары. Массовая бойня с десятками непричастных жертв — не их стиль.

— А письмо, атара?.. — осведомился Маюра.

— Я прямо сейчас могу написать десяток аналогичных писем с подписями кого угодно — включая премьер-министра Кайтара и Народного Председателя Ставрии. Тоже поверишь? Впрочем, я не настаиваю на своей версии. В последнее время "Месть" демонстрировала все более вызывающее поведение. Кроме того, у меня есть сведения, что буквально на днях в Кайнане неизвестная группа закупила большое количество военного снаряжения, включая снайперские винтовки и дистанционные детонаторы, и есть небольшой шанс, что речь опять идет об "Адаути". В общем, я готов поделиться своими сведениями — в обмен на вашу откровенность. К завтрашнему утру начальство доведет до вас информацию о заключенном договоре, и я хочу, чтобы к тому моменту вы уже закончили обследование места и выработали хоть какие-то версии. До встречи.

Манекен осел и растекся мешком серой слизи. Огромная бесформенная амеба медленно поползла по грязному месиву на полу, неторопливо перетекая через трупы и выбрасывая в стороны то ли щупальца, то ли ложноножки. Несколько секунд спустя она перестала различаться в полумраке. Еще одна такая же тень мелькнула и пропала чуть поодаль — один из людей Маюры,

почтительно стоящих поодаль, шарахнулся от нее, словно от бешеного крокодила.

— Паладары. Интересный поворот… — задумчиво констатировал Сайра. — Ну что, Маюра-тара, есть у тебя версии?

— Ничего такого, что стоило бы озвучить прямо сейчас. Однако, Сайра-тара, у меня имеются собственные источники информации, с которыми я еще не успел проконсультироваться.

— И я задерживаю тебя здесь, не позволяя связаться с "Коброй"? — усмехнулся столичный следователь. — Или ты покупаешь информацию у "Меча и ярости"?

— Чиновникам Управы благочиния запрещено сотрудничество с Тьмой, — уклончиво откликнулся местный.

— Я помню, — Сайра стер с лица ухмылку. — И не все имена стоит называть публично, тоже понимаю. Есть предложение: ты оставляешь меня здесь с помощниками, а сам отправляешься на встречу с контактом. Мне потребуется часа два, чтобы как следует осмотреть место. Хватит для встречи, надеюсь? Потом встретимся где-нибудь в более подходящем месте и обменяемся впечатлениями. Имей в виду, свои источники информации есть и у меня. Годится?

Маюра заколебался. Сайра хорошо его понимал: с одной стороны, начальство свалило на него лично заботу о столичном госте. С другой — терять попусту время ему явно не хотелось.

— Я и шага не ступлю без ведома твоих людей, — помог ему Сайра. — И покидать здание и ближайшие окрестности не намерен.

— Хорошо, — наконец решился местный следователь. — Мне нужно часа полтора, возможно, даже меньше. Лай, остаешься за старшего. Проследи лично, чтобы Сайра-атара ни в чем не нуждался.

Помощник молча кивнул, и Маюра, сунув блокнот в карман пиджака, резко повернулся и зашагал к выходу. Сайра внутренне усмехнулся, провожая его взглядом. Они сработаются. Какое-то время придется преодолевать взаимное недоверие, но, похоже, еще одна полезная связь у него образовалась. Раньше у него в Кионаре знакомых не имелось, и вот теперь пробел удастся ликвидировать. И паладары — связь с загадочным Камиллом, умеющим, по слухам, находиться одновременно в нескольких местах, может оказаться самым ценным знакомством за всю жизнь. Такой шанс упускать нельзя ни в коем случае.

Ну, а пока следует осмотреть место преступления и понять, что же здесь произошло на самом деле. В первую очередь следует разобраться с рублеными ранами. Ночь, похоже, предстояла долгая.

— Лай-тара, — он повернулся к помощнику Маюры, — мне нужен полный список погибших. Всех, до последней уборщицы. И, пожалуйста, как можно скорее.

03.29.1232. Хёнкон

— Привет, Фуоко! И ты здесь? Рад видеть!

— Здравствуйте, Рандольфо, — Фуоко улыбнулась своему новому научному руководителю.

Познакомили их только накануне, но дэй Глостине, хоть и старик (как он признался сам, ему уже за сорок), настоял, чтобы новая подопечная называла его исключительно по имени. Впрочем, второй руководитель, ставриец Карел Прегин с невыговариваемым отчеством "Анатольевич", даром что под пятьдесят, потребовал того же самого. Общаться с пожилыми дядьками настолько фамильярно для Фуоко казалось странно, но они оба, казалось, по-другому не умели. Они и походили друг на друга почти как близнецы: оба невысокие, сухощавые, с сединой в волосах (более густой у Прегина, менее заметной у Глостине), с заметными лысинками и ужасно похожими быстрыми улыбками, вызывавшими появление морщинок в уголках глаз. Ставриец говорил на кваре с резким акцентом и частыми ошибками, но Фуоко хорошо его понимала, а он понимал в том числе и ее корявую камиссу.

К обоим руководителям она сразу почувствовала симпатию, и после первого представления деканом факультета экзобиологии, паладаром и доктором Кулау Цмирком, они отправились в лапшичную старика Дзидзи. Там они битый час болтали отнюдь не о высоких научных материях и даже не о загадочных способностях Фуоко, о которых оказались хорошо осведомлены (как, похоже, и половина остального мира — угораздило же ее демонстрировать фокусы в барнской больнице в присутствии болтушек-медсестер!), а просто о жизни. Прегин рассказывал о смешных случаях в своем научном институте, где изучали каких-то пресмыкающихся, на что Глостине отвечал анекдотами из жизни своей обсерватории, и время пролетело незаметно. По ходу дела они умяли по две больших порции никудзяги — кошмара для талии, готовящегося из мяса со специями, картошки и лука, тушеных в соевом соусе, а также заказали по большому стакану кадзё, которое Прегин разочарованно обозвал разбавленной сладкой водкой и даже не стал допивать. Фуоко грызла свои любимые кальмары, запеченные на палочке — и калорий мало, и вкуснятина, да так увлеклась, что сгрызла их аж на пять лемов, гордо отказавшись от предложенной Сатоканой оптовой скидки. В очередной раз оказалось, что ставриец совершенно не вписывается в шаблонный образ жителя Торвалы, сидящий у Фуоко в голове: угрюмого увальня-пьянчуги, озабоченного

исключительно мировой справедливостью. Впрочем, паладары наверняка отбирали в Университет лучших, так что не удивительно.

Как бы то ни было, первую серьезную встречу с научными руководителями назначили на завтра — сегодня Фуоко сдавала промежуточный зачет по физике, нагоняя пропущенное, и дергать ее не стали. И вот — встреча здесь, в месте, загадочно названное Кирисом "Ареной". Наверное, стоило бы бросить всё и вернуться на свой остров, чтобы возобновить эксперименты с внутренней энергией и волютами. Но любопытство пересилило.

Снаружи здание Арены выглядело уныло и неустроенно. Вдоль стен болталось несколько люлек, с которых рабочие покрывали стены белой краской из распылителей. Похоже, Арену только-только закончили строить и оборудовать. Однако внутри большой зал ожидания выглядел куда как уютнее. Он совершенно не походил ни на спортивное, ни на научное помещение: тут и там стояли небольшие столики с несколькими терминалами каждый, с мягкими стульями и креслами и даже с небольшими диванчиками на двух-трех человек. В нем располагалось на удивление много народа: студенты оживленно болтали друг с другом, кто через автопереводчика, а кто и напрямую, время от времени поглядывая на большое табло, где под мягкий аккомпанемент колокольчиков загорались имена. Время от времени ожидающие вскакивали и торопливо уходили в одну из нескольких дверей в дальней части зала. Навстречу выходили другие — встрепанные, вспотевшие, тяжело дышащие. Кто-то уходил из зала, остальные усаживались за столики и начинали пялиться в экраны.

Фуоко села на край стула рядом с дэем Глостине и огляделась. Нет, Кир нигде не замечался. Зорра мягко вспрыгнула на стол и тут же бесцеремонно сунулась под руку кайтарца, рассеянно погладившего ее по холке.

— А вы тоже на… тестирование? — поинтересовалась девушка. Почти машинально она чуть напряглась, совмещая видимое изображение из правого глаза с энергетическим рисунком, демонстрируемым левым, незрячим. Получилось с первого раза. Почему-то на сей раз оранжевый комок в грудной клетке кайтарца выглядел ужасно похожим на распятую лягушку. От него тянулась вдаль и исчезала такая же оранжевая извилистая нить. Другие люди вокруг тоже светились разнообразными цветными пятнами, но к ним нити не тянулись. Несколько волнующихся синих синусоид периодически мелькали вокруг, но тем присутствие ночного мира и ограничивалось.

— А что, слишком старым кажусь? — рассмеялся научный

руководитель, щелчком отправляя экран своего терминала в столешницу. — Песок сыплется? От первого же кувырка инфаркт заработаю?

— Нет, почему же, — вежливо ответила Фуоко. — Вы вполне в форме…. В хорошей…

— Да-да, так я и поверил, — Рандольфо ухмыльнулся до ушей. — Для вас, беззаботных юнцов, все, кто старше на пять лет, уже старпёры. Ничего, милая моя, ты и оглянуться не успеешь, как сообразишь, что в сорок лет жизнь еще и начаться-то толком не успела. Точно, сороконожка?

Он дернул Зорру за ухо. Та лениво клацнула клыками в воздухе возле его пальцев.

— Порча микродрона, — назидательно проинформировала она, — карается штрафом. Старикашка! Седина в бороду, бес в ребро! Распустил хвост перед девочками!

Против воли Фуоко прыснула, хотя тут же попыталась придать физиономии каменное выражение. Получилось плохо.

— Поделом мне! — вздохнул мужчина. — Действительно, нашел у кого спрашивать — у мелкой вредины, недавно вылупившейся. Однако, Фуоко, отвечая на твой вопрос — нет, я не тестируюсь. Махать руками и ногами, вися в воздухе, действительно не мой стиль. Я предпочитаю наблюдать за такими фокусами с безопасного расстояния, желательно — с противоположной стороны киноэкрана. Ты ведь не помнишь, как до Удара кино снимать умели? Да что я спрашиваю, не помнишь, конечно. А Удар цифровые фильмы не пережили. В них такие спецэффекты показывали, что куда там нынешним! Любо-дорого посмотреть, не чета нынешним унылым полетам по плохо скрытым веревкам. Так, о чем я? Ах, да. Просто есть у меня студент — ты ведь не одна такая одаренная ученица, о да, он как раз молодой, сильный, глупый и, как наша многоножка верно выразилась, распускает хвост перед девочками. У нас запланирована встреча в виде прогулки по вечерней набережной, где он изложит суть сумасшедших идей по поводу курсовой работы, пришедших ему в голову за последнюю декаду, а я зарежу их все на корню. Но что-то он задерживается…

Словно в ответ на его слова дверь в дальнем конце холла раскрылась, чтобы выпустить группу из двух парней и двух девушек. У Фуоко слегка екнуло сердце, когда студенты приблизились к ним. Знакомые лица — атлетически сложенный красавец Михаил Збышек, увалень Юрий Вещий с плечами и шеей, бугрящимися мускулами, и две девицы-ставрийки, встреченные во время поездке на яхте в Шансиму: платиновая красотка Марта Брыль и невысокая, полноватая и плоскогрудая,

но певучая Ольга Маре, если, конечно, Фуоко правильно запомнила их имена, находясь в сумрачно-депрессивном настроении. Все четверо носили только короткие шорты даже без раскраски. Фуоко невольно позавидовала груди блондинистой студентки. Наверняка все парни слюну пускают при ее виде! У самой Фуоко с размером тоже все в порядке — но с маленькой и обидной поправкой: "для своего возраста". До ставрийки ей ой как далеко. Ишь, лыбится!

Кстати, что интересно, в ночном мире все четверо светились изнутри переливающимся светом, переливающимся почти одинаковыми зеленым и желтым оттенками. Как они умудрились так синхронизироваться? Поди их разбери, фокусы энергоплазмы…

— Здравствуйте, дэй Глостине, — поздоровался Михаил на кваре. — О, Фуоко, привет-привет! И ты пришла провериться? Здорово. Но волют больше не зови, не самая понятливая аудитория.

— Господин Збышек, я полагаю? — с иронией спросил кайтарец на камиссе. — Тот самый, кто соблазнил Юрия на сию авантюру? И как результаты, а, Семен? Стоили они потери целого часа времени, отобранного у науки?

— Конечно, Рандольфо! — неловко улыбнулся здоровяк. Он говорил на родном языке. — Там очень интересно. Дзии объяснял, что и как проверяется, там… честное слово, наука ничего не потеряла. Я все объясню…

— Расслабься, Юрий, — дэй Глостине поднялся и хлопнул его по плечу. — Я шучу. Если закончил сбрасывать лишнюю энергию, пора заняться делом. Молодые люди, позволю себе забрать своего ученика. Идем, Юрий. Нас ждет долгая и приятная беседа. Фуоко, не забывай про завтрашнюю встречу.

Он кивнул всей компании и в сопровождении Юрия направился к выходу, едва не столкнувшись с пулей влетевшим в холл Кирисом. Тот на ходу махнул запястьем с браслетом возле терминала регистрации, быстро огляделся и подошел к Фуоко.

— Привет, Фучи, — сказал он. — Долго ждешь?

Гатто задрал морду и приветственно мявкнул.

— А, мальчик с парсом! — протянула бесстыжая ставрийка на кваре. Фуоко заметила, как Кирис вздрогнул и даже отступил на полшага. Они знакомы? И что за странная реакция? — Здравствуй, Кирис Сэйторий. Здравствуй, парс по имени Гатто. Какая неожиданная встреча, верно? Не хочешь продолжить наш недавний разговор, мальчик?

Она игриво облизнула губы. С внезапной вспышкой ревности Фуоко заметила, что глаза Кириса не могут оторваться от

высокой обнаженной груди ставрийки. Вот стерва! Кстати, о каком разговоре речь?

— А-а-э… привет! — буркнул парень, наконец-то отводя взгляд в сторону. — У меня дела, типа.

— Ты на проверку? — обаятельно улыбнулась Марта. — Тогда ты в очереди. Десять минут минимум. Поболтаем? У тебя такая интересная подружка!

Она кинула на Фуоко взгляд, в котором мешались чувство превосходства и снисходительность. В остром приступе раздражения Фуоко представила, как бы хорошо вцепиться ногтями в морду ставрийской шлюхи. Она вообще, что ли, обнаглела — чужому парню вот так глазки строить и титьками перед ним трясти? Фуоко набрала в грудь воздуху, чтобы ответить вместо явно потерявшего дар речи Кириса, но тут Михаил вдруг отвесил Марте легкий подзатыльник. Та взвизгнула, и улыбка слетела с ее лица.

— Сдурел? — обиженно поинтересовалась она на камиссе. — А если по шее? Думаешь, не дотянусь?

— Кончай до людей докапываться, — осуждающе сказал Михаил на родном языке, но тут же переключился на кваре. — Фуоко, не обращай на нее внимания. У нее комплекс неполноценности, она всех красивых девушек провоцирует.

— Точно, — согласилась Ольга. — Она даже со мной подружилась и за собой таскает исключительно для того, чтобы я, толстая и уродливая, ее шикарный блеск оттеняла. Не обращай на нее внимания, она парней вообще-то боится.

Кирис что-то пробурчал под нос, и Фуоко с обновленным подозрением глянула на него. Нет, определенно, здесь что-то кроется. Нужно допросить его с пристрастием, когда наедине останутся.

— Никого я не боюсь! — фыркнула красотка, снова переключаясь на камиссу. — Тоже мне страшилища, вонючие и волосатые!

— И я вонючий и волосатый? — задумчиво поинтересовался Михаил на том же языке. — Таточка, ты точно дождешься страшной мсти за свой бескостный язычок. Заманю тебя обманом в кафе, закормлю пирожными — я знаю, ты не удержишься, если под нос подсунуть — и ты за вечер пять килограммов наберешь и отрастишь жирные складки на талии. Вот тогда пожалеешь, что обзывалась! Привет! — он повернулся к Кирису и перешел на кваре. — Ты друг Фуоко? Мы с ней познакомились недавно на яхте, когда в Шансиму ездили. С волютами она круто управляется. Меня зовут Михаил. Можно Микаэль, если так удобнее. С Мартой, я вижу, ты уже знаком, а она Ольга, звезда

самодеятельности в Ставрии и лучшая студентка потока здесь.

— Кирис Сэйторий, — буркнул Кир. — Приятно познакомиться.

— Значит, ты тоже на Арене драться собираешься? — ставриец задумчиво оглядел Кириса с ног до головы. — Что-то я ни разу тебя у Каллавиро в зале не видел.

Кирис молча пожал плечами.

— Дебил ты, Мишка! — победно сказала Марта. — Вы в разных возрастных группах. Конечно, вы друг друга не видели. Я вообще не понимаю, как тебя в Университет пустили с такими-то умственными способностями.

— Я тебя точно пирожными закормлю, — угрожающе пообещал ставриец. — Прямо сегодня же. Вот сейчас возьму под мышку, и…

— И она тебе продемонстрирует, чему нас на самообороне учили, — усмехнулась Ольга. — Не знаю, что парни чувствуют, когда кулаком между ног получают, но догадываюсь, что не оргазм. Ладно, вы как хотите, а я в общагу, отлежаться. Вымоталась я как-то в паладарском шаре, даже удивительно.

— Я, пожалуй, тоже домой. Эй, Гатто! — Марта склонилась и почесала парса на ухом. — Не надумал ко мне уйти?

— Мало вкусненького дала! — важно ответил тот, почесываясь средней лапой за ухом. — Еще не люблю! Еще не уйду! Угощай больше!

— Меркантильный… — вздохнула блондинка. — Нет, не прокормить такого без дотаций. Ладно, малыши, пока-пока. Счастливо покувыркаться.

И троица ставрийцев отправилась к выходу из холла. На прощание Ольга тепло улыбнулась Фуоко, и та решила, что ставрийка не такая уж и некрасивая. Простушка, возможно, но и не уродина. Не всем же выглядеть фотомоделями, в конце концов.

Проводив их взглядами, она повернулась к Кирису.

— Ну, а теперь колись, откуда ее знаешь! — угрожающе сказала она, упирая кулаки в бедра. — Не отпирайся только, все равно не поверю. И Гатто она раньше видела!

Снова прозвенели колокольчики, и Кирис, бросив взгляд через ее плечо, с явным облегчением сказал:

— Да так, встретились пару дней назад на улице. Не обращай внимания. Идем, нас вызвали.

И в сопровождении Гатто он быстро зашагал к дальней двери. Нет, здесь точно что-то не так. Ну ладно, замнем временно тему. Поскольку вечером Кир твердо пообещал отправиться с Фуоко на остров, там, один на один, сбежать от ответа ему не удастся. Девушка фыркнула и последовала за другом.

За дверью обнаружился длинный коридор с выходящими в него редкими дверями.

— Добрый вечер, дэйя Винтаре, дэй Сэйторий, — вежливо сказал координатор с экрана настенного монитора. — Пожалуйста, пройдите в зал номер четыре. Он по левой стороне.

Кивнув, Фуоко с Кирисом прошли по коридору до нужной двери. Указанный зал представлял собой большую комнату с двумя внушительными, не менее трех метров в диаметре, белыми кубами на невысоких постаментах. Стена рядом со входом мерцала голубым светом.

— Ага! Наша звездная парочка явилась демонстрировать искусство в рукомашестве! — возликовал худой белобрысый парень в коротких шортах, вскакивая с кресла. — Фучи, красавица моя, хочешь, поцелую в награду за решительность?

Фуоко зашипела сквозь сжатые зубы и стиснула кулаки. Что здесь делает Палек? И какую гадость он опять замышляет?

— Не хочет, — разочарованно констатировал чокнутый паладар. — Ах, женщины никогда не понимают, что теряют. А главное, почему? Всего-то в воду случайно уронил. Выловили же, не потонула, а все равно дуется!

Девушка растерянно посмотрела на Кириса, в чьем взгляде читалось явное недоумение. Откуда взялся шизанутый братец Рисы и что он тут вообще делает?

— Прошу прощения, дэй Палек, — на мерцающей стене возникло изображение координатора — на сей раз целиком: неприметного мужчины неопределенного возраста в деловом костюме. — Думаю, сейчас не самое подходящее время для шуток. Дэйя Винтаре, дэй Сэйторий, Палек Мураций является одним из конструкторов Арены — энергомеханической части интерфейса, во всяком случае, так что он наблюдает за ходом начальных испытаний. Но ему вовсе не обязательно находиться здесь, так сказать, физически, телеметрии вполне достаточно. Если его присутствие слишком обременительно, просто скажите.

— Палек дурак! Укушу! — тявкнула Зорра.

Фуоко снова перевела взгляд на Палека. Тот умоляюще сложил руки на груди и посмотрел на нее настолько жалостливыми глазами, что она хихикнула против воли. Ну что с ним сделаешь? Если мужчина балбес, то, похоже, до самой старости. В общем-то он, наверное, не такой уж и плохой, а у нее сегодня хорошее настроение.

— Ну, пусть пока останется, — вздохнула она. — Только пусть в воду меня больше не кидает. И вообще подальше держится! — поспешно добавила она, заметив движение паладара в ее сторону.

— Женщины жестоки! — Палек возвел глаза к потолку. — Ох, бедный, несчастный, никем не понимаемый я! Так, ладно, хорош шутить. Поехали.

Перемена в его внешнем виде оказалась настолько внезапной и радикальной, что Фуоко лишь захлопала глазами. Растрепанный шалопай с развинченными движениями словно испарился. Внешний вид паладара не изменился, но внезапно он словно постарел лет на двадцать, а то и тридцать. Наигранное выражение пропало с его лица, и оно стало серьезным, взгляд заострился, губы сжались. Он шагнул вперед, и его движения — уверенные, мягко-кошачьи, вдруг напомнили девушке лейтенанта Каллавиро во время спарринг-боев со старшими студентами.

— Для начала — вводный курс теории. Сядьте, — паладар указал на несколько стульев возле входа. — Фучи, Кара мне сказала, что тебя так и не ввели толком в курс дела, в отличие от Кира. Так?

Фуоко растерянно посмотрела на Кириса. А ведь действительно…

— Ну, я же говорил, что куклой на экране нужно управлять, — начал тот, но Палек, подняв руку, перебил его:

— Стоп. Кир, давай я всё с самого начала объясню. Тебе тоже полезно послушать на случай, если что-то упустил. Вы так и собираетесь стоять? Мне все равно, но вам еще в терминале вверх тормашками болтаться, так что поберегите силы.

Болтаться вверх тормашками? Все интереснее и интереснее.

— Дэй Мураций, — она нахмурилась, усаживаясь рядом с Кирисом. Парсы запрыгнули на стулья и устроились по бокам, — я вообще-то не собиралась нигде болтаться. Я просто забежала посмотреть, чем тут Кир заниматься станет.

— Не понял, — паладар изумленно взглянул на нее. — Я так понял, что тебя все-таки решили допустить к экспериментам. Не так разве? Координатор?

— Карина отозвала свое вето, но и явного согласия не дала. Она и Дзии по-прежнему сомневаются в безопасности терминала для дэйи Винтаре, — пояснил паладарский неб. — С другой стороны, дэйя Винтаре все равно узнает о происходящем от дэя Сэйтория. Поэтому лучше, если ты введешь ее в курс дела в полном объеме. Дальше решение за ней.

— А, вот как, — Палек задумчиво смерил Фуоко взглядом. — Ну, без разницы. Итак, Фучи, суть дела в том, что паладары запускают программу массового обследования населения Паллы на предмет заражения энергоплазмой и ее взаимодействия с биологическими тканями, с нервной системой в частности. Мы разработали специальные сканеры, позволяющие отслеживать как

минимум поверхностные процессы в энергоплазме, а при определенном везении — и более глубокие. Первый сканер, работающий на новых принципах, уже смонтирован в госпитале. Возможно даже, ты его видела.

— Ага, — кивнула девушка. — Когда Дзии снимал повязки, он меня просвечивал.

При воспоминании о той ночи сердце слегка екнуло. Все-таки не каждый день сообщают, что ты уже мертва… Словно почувствовав ее эмоции (впрочем, почему "словно"?), Кирис успокаивающе положил свою руку поверх ее.

— Замечательно. Программа обследования проводится в глобальных масштабах на Типпе и Торвале при поддержке властей тамошних государств. С Могератом пока какие-то заминки, Фиста, как всегда, за кадром, потому что руки не доходят. В последнее время количество эйлахо по всему миру резко возросло, и если раньше они относились к разряду чуть ли не городских легенд, то теперь стали вполне обыденным явлением. Внешние проявления эйлахо сильно напоминают ваши, хотя и в гораздо меньших масштабах — выбросы концентрированной энергии в виде шаровых молний, небольшие энергоплазменные артефакты в воздухе, сетка электрических разрядов и так далее. Кольчонов, к счастью, никто вызывать не может, да и волюты не появляются, но лиха беда начало. Ты, Фучи, поначалу тоже лишь небольшие фокусы со светлячками показывать умела. Конечно, выявленные эйлахо проходят обследование и остаются под наблюдением, но этого недостаточно. Не зная, как работала нервная система человека в условиях аномальной физики до того, как проявления энергоплазмы стали явными, сложно понимать общие тенденции развития. В общем, мы разработали относительно компактные сканеры, пригодные для монтирования даже в небольших помещениях, и через нескольких декад намерены запустить массовые поставки. Цель понятна?

Фуоко кивнула.

— Однако возникает проблема: каким образом заманить людей на регулярные обследования? В особенности детей и подростков, наиболее нам интересных. Можно заставить — просто принять соответствующие правительственные постановления и организовать регулярные поездки через школы, например. Но такой метод чреват протестами и развитием разнообразных массовых фобий, совершенно нам не нужных. Так что мы придумали другой метод. Итак — Арена!

Палек щелкнул пальцами, и мерцающая стена вдруг превратилась в киноэкран. Камера показывала огромный стадион

с высоты птичьего полета — волнующиеся трибуны, овал беговой дорожки с ползущими по нему точками спортсменов… Вот камера резко нырнула к земле, трибуны надвинулись, и шум болеющей толпы заполонил зал: крики, свист, какие-то невнятные речёвки. Вот бегуны достигли финишной линии, упала на землю оборванная грудью победителя лента, и его счастливое лицо заполнило экран.

— Соревнования всегда привлекали людей, — комментировал Палек. — Оставляя в стороне психологическую подоплеку, следует заметить, что участвовать в них могут немногие. Дело даже не в лени, хотя обычно данный фактор является определяющим, а в физических требованиях и травмоопасности.

Картина на экране сменилась. Вот девочка-гимнастка кувыркается на длинном горизонтальном брусе, ее нога соскальзывает, и она сначала с размаху падает спиной на брус, а потом головой вниз соскальзывает на пол. Вот прыгун с шестом перелетает через планку, падает на мат далеко внизу, пытается подняться — и его лицо искажает гримаса боли, а рука неловко вывернута в сторону. Вот целеустремленный бегун — мускулистые ноги работают как поршни могучей машины — запинается на ровном месте и катится кувырком по земле, руки и ноги ободраны в кровь. Вот два боксера молотят друг друга, один падает и больше не поднимается — лезут под канатами ограждения, склоняются над ним люди. Вот в небе расцветают купола парашютов, но одна темная фигурка стремительно несется к земле, перепутанный стропами парашют бессильно вьется над ней трепещущей нитью…

— Короче говоря, практически весь спорт за пределами бега трусцой несет в себе риск тяжелой травмы, а то и гибели. Да и бег трусцой не так уж безобиден — он создает повышенную нагрузку на колени и голеностопный сустав, что тоже может привести к проблемам. Арена даст людям возможность заниматься любым спортом — максимально приближенно к реальности, с полной физической нагрузкой, но притом совершенно безопасно. Ее главный компонент…

На экране появился такой же белый куб на постаменте, что стояли в зале.

— …как и настольные устройства, называется терминалом. Он состоит из гравитационного генератора и сканера в основании…

Установка на экране развалилась на две части, и бесформенный комок в постаменте замигал желтым.

— …и интерфейсной камеры в верхней части.

Верхний куб, как оказалось, содержал в себе вписанную сферу.

— Человек входит в камеру и попадает в поле контролируемой гравитации, так называемое суспензорное поле, подвешивающее его в воздухе и не позволяющее задевать за стенки камеры. Каждое его движение фиксируется сканером и передается в… м-м, компьютер, моделирующий положение человекообразной куклы — либо виртуальной модели… я имею в виду, компьютерной модели, либо реального дрона. Одновременно на окружающей человека сфере воспроизводится некая виртуальность… э-э, несуществующий нарисованный мир. В зависимости от режима пользователь также можете видеть принадлежащую ему куклу, а может воспринимать все так, словно находится там сам. Управляя своим подвешенным в воздухе телом, пользователь способен заставлять куклу выполнять разнообразные трюки. Суспензорное поле обеспечивает определенную обратную связь, в первую очередь имитирует соприкосновение с объектами, что создает полную иллюзию присутствия.

— Погодите-ка, — сумрачно сказал Кирис. — Мне же сказали, что Арена — чтобы драться. При чем здесь спорт?

— Драка, как мы прогнозируем, станет одним из наиболее популярных развлечений, как минимум среди подростков и молодежи, — пожал плечами паладар. — По крайней мере, мы судили по популярности компьютерных игр на Палле до Первого Удара. Виртуальный мордобой — неплохой способ сублимировать свой комплекс неполноценности из реальной жизни. Однако здесь мы наложили очень жесткие ограничения, о которых чуть позже. Сверх того мы запрограммировали кучу логических игр, а также несколько экстремальных развлечений — альпинизм, парашютный спорт, скачки с препятствиями и так далее. Гарантия острых ощущений, масса эмоций — и полная безопасность, можно даже малолетних детей допускать. Но сначала я хочу описать дополнительный компонент, с которым придется столкнуться многим и многим — сенсорный комбинезон, или сенко, как его успели обозвать среди испытателей.

Палек подошел к ряду шкафчиков для одежды, выстроившихся вдоль стены, и открыл один из них. Вытащив из него толстый сверток, паладар встряхнул его — и у него в руках развернулся тонкий костюм, судя по форме, облегающий тело от кончиков пальцев рук и ног до самой макушки.

— Сенко предназначен для полноценной передачи ощущений, во-первых, и улучшения сканирования, во-вторых. Вообще говоря, он не обязателен — базовые тактильные

ощущения передаются гравитационным полем. Однако комбинезон добавляет интерфейсные элементы, способные в числе прочего генерировать боль, а также обеспечивает более глубокое считывание процессов, происходящих внутри тела. Такие комбинезоны создаются с помощью молекулярных сборщиков, не работающих в зоне даже пониженной аномальности, как на Палле, а потому доставляются на планету с дальних орбитальных заводов. Твой персональный комбинезон, Кир, содержит специальные элементы, контактирующие с вживленными электродами, а потому ты станешь работать с терминалом Арены только в нем. Поаккуратней — он прочный, но все равно может повредиться, если зацепишься за что-то твердое. Давай, переодевайся, надо испытать.

— Ага. — Кирис поднялся, сбросил сандалии и шорты, оставшись голым и взял сенко в руки.

— Стоп! — Палек поднял ладонь. — Сначала нужно покрыть себя гелем с ног до головы, — он протянул приличных размеров баллон с распылителем. — Он облегчает надевание и улучшает контакт ткани с кожей. Через какое-то время он впитывается в кожу, смывать не нужно.

— Да? — парень взял баллон в руки и подозрительно его осмотрел, потом для пробы пшикнул на руку. Кожа заблестела, слегка запахло клубникой.

— Давай, давай! — поторопил его паладар. — Не тяни, время тикает.

Пожав плечами, Кирис обрызгал себя со всех сторон и, блестящий от геля, принялся влезать в сенко, натягивая штанины на ноги, словно колготки.

— Дэй Палек, — Фуоко подняла руку, как в школе на уроке. — Вы сказали — боль. А зачем?

— Затем, милая моя Фучи, — холодно сказал паладар, — что мы не собираемся поощрять безответственную тягу к дракам и сведение счетов с врагами в виртуальном мире. Кроме того, мы не хотим воспитывать в подростках ложную уверенность в своих силах, способную спровоцировать их на драку в реальности с весьма печальными последствиями. Поэтому все без исключения драки в виртуальном мире подчиняются особым правилам. Во-первых, схватка с реальным противником допускается лишь для тех, кто в реальности сдал экзамен хотя бы на первый нивел в ринье, как вы с Киром. Во-вторых, даже в виртуальности драки допускаются исключительно с противником схожей квалификации — то есть схватки начинающих с чемпионами запрещены. Наконец, самое главное: чтобы драчуны помнили, что стоит за дракой в реальном мире, обратная связь на бойцовой

Арене всегда включает в себя боль. Пропущенный удар повлечет за собой слабый, но чувствительный разряд тока в соответствующее место на теле. Чем выше ранг бойца, тем сильнее боль. Ничего, способного реально повредить здоровью — все схватки станут проходить под прямым контролем Дзии, но мало не покажется.

— А если человек не хочет боли?

— Болевые ощущения включаются только в боевых единоборствах с реальным противником и лишь по явно выраженному требованию участника. Без них с живым соперником не подраться, — Палек пожал плечами. — Но если человек явный мазохист, запрещать ему пытать себя током мы не станем. Кстати, повышение ранга в виртуальности станет сопровождаться экзаменом в реальной жизни с живым инструктором. Мы еще не решили, следует ли напрямую связывать ранг на Арене с нивелами риньи или рангами иного боевого стиля, местного или нашего, но что-то похожее изобретем обязательно. Другими словами, Арена в части боев — лишь тренажер, требующий реальных навыков. В логических играх, разумеется, никакие болевые ощущения не предусмотрены, там обратная связь осуществляется вибрацией. Кир, готов?

Фуоко перевела взгляд на друга. Тот как раз заканчивал напяливать второй рукав, тщательно просовывая пальцы в перчатки.

— Почти… — пропыхтел он.

— Отлично, — Палек кивнул. — Топай в первый терминал. На шее — интерфейсный разъем. Как войдешь, приложи к нему кабель, свешивающийся с потолка.

Парень наложил на груди отвороты комбинезона друг на друга — те немедленно слиплись почти незаметным швом, натянул на голову облегающий капюшон, поправил блямбы на месте ушей, видимо, наушники, пощупал сзади шею и кивнул. В обтягивающем тело глухом комбинезоне, облегающем и подчеркивающем каждую складку кожи, он казался совершенно голым. Даже пенис и мошонка выделялись вполне отчетливо. Да уж, в таком на улице не покажешься, во всяком случае, за пределами Хёнкона. Наверняка арестуют за публичное обнажение.

Пару раз достав пальцами рук пол и слегка поерзав внутри сенко, чтобы получше притереть его к телу, Кирис поднялся по ступенькам терминала, открыл небольшую овальную дверцу и, склонив голову, вошел внутрь. Дверца захлопнулась за ним с глухим чмоканьем.

— Внутри полная звукоизоляция и вообще изолированная

среда, — прокомментировал Палек. — Но он нас все равно слышит через наушники. Кир, как ты там?

На настенном экране появилось изображение: Кирис, стоя на белом фоне, прилаживает к шее кабель. Тихо щелкнуло, и кабель прилип.

— Я готов, — сказал парень. Его голос раздался откуда-то из-под потолка. — Что дальше?

— Тестирование контактных площадок: успешно, плотное прилегание, — произнес женский голос Дзии. — Считываю состояние нервной системы… успешно, подтверждаю допуск к эксперименту. Сканер активирован, готов к приему данных.

— Суспензорное поле включено, — в тон ему продолжил голос координатора. — Терминал полностью активен. Виртуальность подключена. Дэй Сэйторий, для обеспечения плотной фиксации сенко на коже используется статическое электричество. Приготовьтесь, в первый раз ощущение может показаться своеобразным… включено. Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — буркнул Кирис. — Станет паршиво — скажу. Что дальше?

— Приступаем к тестированию сенсорного комбинезона. Дэй Сэйторий, картинка в верхней части сферического экрана демонстрирует разные движения. Пробуйте их повторить с помощью контролируемой куклы. Начинаем с базовых двигательных примитивов.

Тело Кириса на экране приподнялось и повисло в воздухе. Он протянул перед собой руку и сжал пальцы, согнул локоть, выпрямил… Настенный экран разделился надвое: изображение Кириса сдвинулось влево, а в правой части появился гладкий манекен, повторяющий его движения.

— Вот, примерно так, — прокомментировал Палек, повертываясь к Фуоко. — В будущем технология позволит делать много чего, включая дистанционный контроль космических аппаратов: оператор на планете, а дрон в космосе. Правда, сначала вам потребуется изобрести собственные средства: субсвязь в аномальных зонах работает нестабильно, так что потребуется использовать радио. Однако радиоволны очень сильно рассеиваются из-за лептонных флуктуаций, так что их применение даже внутри лунных орбит крайне затруднено. А флуктуации на границе безопасного пузыря настолько сильны, что через них электромагнитные волны проходят в крайне искаженном виде — посмотри на ваше небо хотя бы. Так что в очередной раз, Фучи, дело за вами.

— А зачем дистанционно контролировать дронов, если можно просто отправить человека? — поинтересовалась Фуоко,

наблюдая, как Кирис управляет нарисованной куклой. — И никакого радио не надо.

— Не понял, — паладар прищурился. — Тебе разве не говорили? Видимо, нет, судя по реакции. Фучи, человек не выживет в аномальности за пределами пузыря вокруг Паллы. Нервная система просто перестанет функционировать, и все. Проанализировав способности Труды Баркхорн, мы сумели построить стабилизаторы метрики, способные защитить биологические организмы от аномальности, однако они пока что слишком большие. Кроме того, на границе вашего пузыря, представляющей собой довольно узкую, в пару цул, переходную область, градиенты флуктуаций слишком резкие и хаотично меняющиеся. Стабилизатор не сможет поддерживать стабильное состояние. Мы проводили испытания на животных, клонированных за пределами аномальной зоны. Все без исключения погибли при переходе из зоны внешней аномальности в окрестность Паллы. Возможно, в обратную сторону дело пошло бы лучше, но мы пока не обладаем средствами доставки биологического материала с Паллы за лунные орбиты. Первые же запуски с космодрома на Ланте выведут в космос экспериментальных животных, но у меня лично слабая надежда на успех эксперимента. Так что вам придется придумывать свои методы удаленного контроля. Впрочем…

Палек задумчиво посмотрел на Фуоко.

— Знаешь, Фучи, вполне возможно, что как раз ты в космосе выживешь. Твое сознание уже живет где-то за пределами тела, а само тело управляется энергоплазмой, поддерживающей внутри себя постоянную метрику. Хочешь слетать в космос, а? Если наши стабилизаторы сработают как надо хотя бы с ракетными двигателями, Палла сможет восстановить пилотируемые полеты в космосе уже в течение двух-трех лет. Ну, пяти, если не слишком сильно напрягаться: технологическая база отработана, производственные мощности сохранились, так что всего лишь нужно выделить деньги.

— Не знаю, — вздохнула Фуоко. — Как-то никогда не мечтала о космосе. В ночь, когда мне Дзии повязку снимал, я звезды видела, — неожиданно призналась она. — Небо мерцало меньше обычного. Красиво…

— Небо мерцало меньше? — удивился паладар. — Подождика… Хм. Координатор утверждает, что в тот день планетарные станции наблюдения не отметили никаких существенных изменений неба в оптическом диапазоне, хотя на отдельных радиочастотах прозрачность границы пузыря действительно ненадолго повысилась. Фучи, ты уверена, что действительно

звезды видела? А не отражения каких-нибудь наземных огней на… на облаках, например?

— На полном серьезе… — девушка растерянно поглядела на него. — А… как же тогда?

Она машинально взглянула на потолок — и у нее закружилась голова. На мгновение она вдруг отчетливо увидела незрячим глазом горящие искры звезд на угольно-черном небесном бархате. Потом наваждение прошло. Она прерывисто втянула воздух.

— Проблемы? — озабоченно осведомился Палек. — Эй, Фучи, не молчи, не пугай меня!

— Нет-нет, я в норме, — Фуоко помотала головой. — Дэй Палек, я… кажется, я снова их увидела. Прямо сквозь потолок…

— Дзии? — быстро спросил паладар.

— Ничего не могу сказать определенного, — откликнулся с потолка женский голос. — Зал не оборудован другими сканерами помимо терминалов, а их досягаемость ограничена терминальным пространством.

— Так… — Палек постучал себя пальцем по носу. — Собственно, неплохое начало для продолжения разговора.

Он бросил взгляд на экран, где Кирис по-прежнему гонял рисованную куклу (сейчас он уже отрабатывал кувырки через голову).

— Фучи, хочешь тоже принять участие в экспериментах? Не в драках, — поспешно добавил он. — Дзии совершенно определенно заявил, что не допустит никакой физической активности, способной еще больше повредить твоему глазу, так что даже слабая имитация ударов и бросков полностью исключена. Что скажешь просто насчет физических упражнений, как на тренажере? Вам с Киром, кажется, на Ланте оборудовали лабораторию для экспериментов — мы просто воткнем туда еще и терминал.

— Лабораторию мы уже на Пинчау перенесли, — поправила Фуоко. — Такой островок в десяти, что ли, цулах от берега. Или в двенадцати. Там безопаснее. Я в последнее время все время волют вызываю, хотя и безобидных, мне лучше от народа подальше держаться.

— А, да, Кара упоминала что-то такое, — нахмурился Палек. — Ну, не суть. Так хочешь поучаствовать? Энергоплазма внутри вас с Киром представляет особенный интерес в том числе для тебя самой. Недаром же ты электроды вживила.

— Хм… — Фуоко задумалась. — Не знаю. Интересно, конечно, только вот Зорра…

Она посмотрела на парсу.

— Предупреждение сохраняется! — тявкнула та. — Колебания метрики! Опасно! Нельзя! Ку-ун!

— Девочки, вы о чем? — недоуменно поинтересовался Палек. — Наведенные колебания метрики в терминальной камере на пару порядков меньше флуктуаций внутри кольчона. А ты с Киром внутри него не раз оказывалась, насколько я в курсе, без малейших последствий для себя. Зорра, не шебутись и прикрути свои сенсоры, чтобы ложную тревогу не поднимали. Или тебя Кара настропалила?

Фуоко заколебалась.

— А можно попробовать? Пусть даже без костюма? Ну, я не знаю — там ведь невесомость? Вдруг меня тошнить начнет?

— В камере нет невесомости. Суспензорное гравитационное поле обеспечивает опору для тела, сходную с обычными спортивными матами, в остальном же ускорение и вектор свободного падения совпадают с естественными. Ну, ускорение чуть ниже, но ты не заметишь. Что же до теста — то никаких проблем, и даже с костюмом. Секундочку…

Палек стремительно шагнул к тому же шкафчику, где лежал комбинезон Кириса, и извлек из него еще один сверток телесного цвета. Движение рук — и сверток превратился в еще один сенко.

— Твой персональный костюм, — Палек аккуратно повесил его на спинку стула. — Как и у Кира, заточен под твои контактные площадки. Переодевайся, прямо сейчас все проверим и откалибруем.

— Что? — от неожиданности Фуко даже вжалась в спинку стула. — Как — персональный костюм? Дэй Палек, вы что, и его сделали? Я же еще не согласилась!

— Куда ты денешься! — как-то неуловимо паладар из строгого лектора снова превратился в разгильдяя-мальчишку с озорным взглядом и ехидной кривой полуухмылочкой. — Фучи, я к тебе особо никогда не приглядывался, раз ты у моей сестрички протеже, но что ты в стороне не останешься, и так знал. Любопытная ты, как твоя парса, уж и не знаю, кто у кого набрался. Цени мою предусмотрительность, между прочим: комбинезон ваяется больше суток, а потом долго летит к Палле по баллистической орбите. Если взаимное расположение планет и завода неудачное, то и шесть-семь декад может занять. Я тебе кучу времени сэкономил! Не говоря уже о том, что после завершения тестирования сенко начнут продаваться, и цену за пределами Хёнкона мы установим немаленькую — не ниже двухсот леер в Кайтаре. Но первым добровольцам, включая тебя — совершенно бесплатно! Давай, не тяни, переодевайся, пока камера свободна!

Палек бросил комбинезон на стул рядом с Фуоко и застыл, скрестив руки на груди и нетерпеливо постукивая пальцами по плечам. Девушка ошалело посмотрела на него. Вот так ничего себе заявочки! Значит, он заранее все про нее знал? Предсказатель, блин! Вот сейчас из принципа возьмет и откажется! Да еще и Рисе нажалуется!

Она осторожно дотронулась до сенко кончиками пальцев. На ощупь ткань казалась прохладной и шелковисто-гладкой. Попробовать? Почему бы и нет? Она бросила взгляд на настенный экран. Кирис отрабатывал удары руками и ногами по неизвестно откуда взявшемуся боксерскому мешку. Откуда спортинвентарь в терминале? Или он нарисованный, как в спецэффектах в кино?

— Ну? — нетерпеливо поторопил Палек.

А и пусть. В конце концов, никто ее не заставляет. И комбинезон она не просила делать. Если внутри терминала окажется плохо, всегда можно отказаться. Девушка поднялась со стула и сдернула блузку. Внезапно сообразив, она повернулась к паладару боком и прикрыла рукой грудь. Ишь, пялится!

— Дэй координатор! — мстительно сказала она. — Вы ведь упомянули, что дэю Палеку достаточно телеметрии?

— Эй!.. — энергично запротестовал Палек, но не успел произнести даже второго слова. Его фигура застыла каменной статуей, затем вздулась огромным зеленовато-серым мешком, грузно осевшим на пол и неторопливо откатившимся в угол.

— Дэйя Винтаре, Палек отключен от дрона и визуальных сенсоров в данном помещении, — бесстрастно проинформировал координатор. — Он может вас слышать, но больше не видит. Однако я пока что не заблокировал его связь с терминалами Арены, так что когда вы войдете в терминальное пространство, он снова сможет вас увидеть. Или отключить его полностью?

— Между прочим, не очень-то и хотелось смотреть на ее худосочное тельце, — обиженно произнес голос Палека из-под потолка. — Малолетка, а туда же, взрослую из себя строит! Могла бы просто попросить отвернуться.

— Думаю, дэйе Винтаре хорошо известно, что дрон воспринимает электромагнитные волны, включая видимый свет, всей поверхностью тела, а не только имитацией глаз, — парировал координатор. — Напоминаю, что отношение к личной наготе сугубо индивидуально, и если она не желает, чтобы ее видели обнаженной, ее право потребовать приватности. Дэйя Винтаре, должен ли я тоже временно отключиться?

— Спасибо, дэй координатор, не обязательно, — слегка хихикнула девушка. — Все равно вы с дэем Дзии меня сто раз видели во всех видах. А вот Палек пусть не подглядывает!

Невидимый паладар шумно вздохнул, но от дальнейших комментариев воздержался. Фуоко быстро разделась донага, обрызгала себя из баллончика скользким гелем, ощутив неожиданное сексуальное возбуждение, но тут же подавив его, и взяла в руки комбинезон. Его горловина неожиданно легко растянулась в руках, и девушка, скатав его, принялась неловко натягивать на одну ногу, балансируя на второй и стараясь не грохнуться на пол из-за скользкой подошвы. Шелковистая ткань легко скользила по телу, но первая попытка оказалась неудачной: когда Фуоко начала натягивать вторую штанину, в первой прямо под пяткой почувствовалась крупная твердая соринка. Пришлось стягивать, выворачивать штанину наизнанку, встряхивать, выворачивать назад…

— Проблема известна, — прокомментировал координатор. — Она встречается не в первый раз, и ее следует решить как можно быстрее. В дальнейшем мы примем меры для повышения чистоты помещений.

Со второй попытки дело пошло лучше. Фуоко натянула рукава, всунув пальцы в перчатки, заклеила комбинезон на груди, натянула капюшон и повела плечами. Сенко почти не чувствовался на теле.

— Как я выгляжу? — спросила она. — Дэй координатор, тут зеркала поблизости нет?

— Зеркала нет. Но обратите внимание на экран.

Изображение Кириса на настенном экране пропало, зато Фуоко увидела себя. Как и Кирис, в комбинезоне она казалась совершенно нагой. Ткань плотно облипала тело, обрисовывая каждую складку кожи, и девушка с неудовольствием заметила, что талия кажется чуть толще, чем следует. Неужели она вес набрала? Все не слава богу: то худеет до состояния скелета, то лишнее набирает… Обязательно следует взвеситься после тестирования и пересмотреть питание.

— Фучи, ты скоро? — нетерпеливо поинтересовался голос Палека. — Если переоделась, давай в камеру. Координатор, если стеснительные процедуры закончены, я бы попросил вернуть мне контроль за дроном.

— Дэйя Винтаре? — переспросил неб.

— Да пусть подключается… — Фуоко махнула рукой. — Что дальше?

— Топай во второй терминал, — еще не успев сформировать дрону человекоподобное тело, сказал паладар. — Начинаем тестирование. Давай в темпе, через пятнадцать минут по расписанию очередь следующего участника.

Под его пристальным взглядом (шорты, между прочим, так и

растворились где-то внутри дрона, и сейчас паладар стоял совершенно голым, ничуть того не стесняясь) Фуоко поднялась по низким ступенькам постамента и через дверцу пролезла внутрь совершенно белой, матово светящейся сферы метров в двух в диаметре или около того. Дверца захлопнулась за ней, и ее контуры стали почти незаметными. Из его верхней точки камеры свешивался интерфейсный кабель. Не дожидаясь команды, девушка ухватила его и, преодолевая пружинящее сопротивление, приставила гладкий срезанный конец к такой же гладкой площадке сзади на шее. Под пальцами слегка дрогнула длинная плоская клавиша, и кабель прилип намертво.

— Активирую суспензорное поле. Дэйя Винтаре, сосредоточьтесь, — сообщил в наушниках координатор. Тут же воздух в камере словно сгустился и обхватил тело упругим коконом. В пятки стукнуло, словно дернулась невидимая стеклянная пластина, и девушку подняло на десяток сунов от пола. Воздух оттаял, и Фуоко слегка покачнулась, но тут же восстановила равновесие и для пробы переступила с ноги на ногу. Под пятками слабо пружинило, словно она стояла на туго надутом плавучем матрасе.

— Тестирование контактных площадок: успешно, плотное прилегание, — произнесла Дзии. — Считываю состояние нервной системы… успешно, подтверждаю допуск к эксперименту. Сканер активирован, готова к приему данных.

— Терминал активен. Виртуальность подключена. Дэйя Винтаре, я активирую систему фиксации комбинезона на коже.

— Ага, я помню. Статическое электричество?

— Да. И легкое раздувание ткани за счет нагнетаемого внутрь некоторых участков воздуха. На счет два: и — раз, и — два…

По всему телу пробежало ощущение легкой щекотки, и тонкий покров сенко вдруг стиснул кожу, словно тесным резиновым бандажом.

— Как вы себя чувствуете? — спросил координатор.

— Ох… дышать тяжко, — призналась девушка. — И сдавливает всю.

— Корректирую. Как сейчас?

— Ага, лучше. Только двигаться немного трудно.

— Неизбежный побочный эффект. Иначе сенсорный комбинезон не сможет нормально считывать реакцию кожных покровов и состояние мелких мышц. Дэйя Винтаре, поскольку, в отличие от дэя Сэйтория, вы впервые в терминале, а времени мало, ограничимся самыми базовыми экспериментами. Включаю куклу.

В бесконечном белом пространстве появился бесполый

манекен, неподвижно стоящий к Фуоко спиной.

— Теперь просто идите вперед, как шли бы по твердой поверхности.

Девушка осторожно шагнула вперед, и невидимый матрас под ногами снова спружинил. Ничего страшного. В общем, почти так же, как и на земле. Она осторожно сделала второй шаг, третий, потом принялась перебирать ногами все увереннее. Кукла повторяла движения. Белый мир вокруг не менялся, лбом о невидимую сейчас поверхность терминала она не билась, и даже протянутые вперед пальцы не смогли задеть экран. Костюм сковывал движения, и уже через минуту ходьбы она почувствовала, что запыхалась.

— Хорошо, — наконец произнес координатор. — Теперь наклоны. Включаю подсказку.

Появилась еще одна мелкая куколка, живущая своей жизнью. Она принялась сгибаться вперед, доставая пол руками. Фуоко послушно повторила. Вперед, вбок, назад, опять вбок…

Следующие несколько минут она занималась обычной утренней зарядкой: приседания, наклоны, "велосипед" ногами в воздухе, качание пресса, даже отжимание… Вопреки ожиданию, интерфейсный кабель совершенно не мешал, в любом положении как-то хитро вытягиваясь назад перпендикулярно шее. Из-за упругого сенко она быстро утомилась, хотя и не вспотела: легкий поток воздуха откуда-то снизу свободно проходил через удивительную ткань, высушивая лишнюю влагу на коже.

— Тестирование завершено, — наконец уведомил координатор. — Результаты более чем удовлетворительные. Сенсорный комбинезон откалиброван на восемьдесят два процента, остальное — в следующий раз. Конец сеанса.

— Подождите! — вскинулась Фуоко. — А обратная связь?

— Поясните запрос.

— Я хочу попробовать, как чувствуется обратная связь. Дэй координатор, вы говорили про удары током.

— Полноценные болевые ощущения допускаются исключительно на сложных площадках и в виртуальных боях и лишь при наличии специального допуска, запрошенного куратором. Сейчас не та ситуация.

— Все равно. Я хочу понимать… все полностью.

— Базовое ощущение — низкочастотная вибрация. Приготовьтесь: тыльная сторона левой кисти.

Руку пронизало басистой дрожью.

— А боль?

— Дэйя Винтаре, в виде исключения я продемонстрирую пример болевого ощущения. Только один раз и только в самом

слабом варианте. То же самое место. Сосредоточьтесь, повтора не будет.

Кожу слегка щипнуло — словно напоминанием о далекой нереальной боли. Напрягшаяся Фуоко сначала даже не поняла, что произошло.

— И все? — недоуменно спросила она. — Я же ничего не почувствовала.

— Ожидаемо. Дэй Сэйторий продемонстрировал схожую реакцию. Ваше тело практически непроницаемо для электрического тока, и можно предположить, что болевые эффекторы сенко не работают ровно по той же причине. Следовательно, боевые состязания, такие как рукопашный бой, фехтование, командная стрельба, для вас закрыты. Но они и так закрыты для вас по состоянию здоровья. Надеюсь, вы не слишком разочарованы. Дэйя Винтаре, следующий участник эксперимента прибыл и ожидает. Необходимо освободить терминал. Отключаю суспензоры. Отключаю фиксацию комбинезона.

Воздух опять сгустился, а когда стал обычным, Фуоко стояла на твердой поверхности камеры терминала. Интерфейсный кабель сам по себе дернулся и отпал от шеи. Слегка прошипело, и в белой стене открылась овальная дверь. Вздохнув, девушка выбралась наружу — как раз вовремя, чтобы увидеть, как в наружную дверь вихрем врывается миниатюрная девчоночья фигурка в сопровождении большого пушистого енота с задранным трубой хвостом.

— Привет, Фучи! Привет, Гатто и Зорра! — Дзара приветственно махнула рукой и, не теряя времени, сбросила трусики и маечку. На ее детском, совершенно не развитом теле торчали ребра, ключицы, локти, колени, словно девочка полгода голодала. — Дядя Палек, где мой костюм? Починили?

— Конечно, — невозмутимо ответил паладар. — Он на месте. Сама знаешь, где именно.

Дзара открыла один из шкафчиков, нырнула в него с головой и тут же вылезла обратно с небольшим, по своему размеру, сенко в руках. Натянула она его с невероятной скоростью, секунд за семь-восемь, что явно выдавало практику.

— Мелисса, сиди здесь! — приказала она и под мышкой Фуоко юркнула в терминал. Дверца тут же захлопнулась за ней.

— Она что, тоже… участие принимает? — ошеломленно спросила девушка.

— С учетом ее способностей — да, разумеется. — Палек недоуменно посмотрел на нее. — А почему ты так удивилась?

— Ну… она же еще… маленькая, что ли.

— Всего на четыре года младше тебя, старушка, —

хладнокровно парировал паладар. — Координатор, кстати, подсказывает, что через декаду ей одиннадцать лет исполнится, поздравить не забудь. А вот ее способность молнии генерировать немногим слабее твоей.

— И она… тоже драться станет?

— Вот еще! — фыркнул Палек. — Мордобой — с тринадцати лет, не раньше, и лишь для особо развитого комплекса неполноценности. Не беспокойся, ей и без того развлечений хватит. Вон, смотри.

На настенном экране развернулась панорама: океан далеко внизу, зеленые острова — и множество небольших разноцветных облачков, между которыми весело прыгала небольшая лопоухая обезьянка. Одни облачка подбрасывали ее высоко в небо, другие, наоборот, швыряли далеко в сторону почти по прямой, и обезьянка, совершая головокружительные кульбиты, не только умудрялась попадать точно на облачка, но и хватать по пути бананы и яблоки с озорными рожицами, весело подмигивающие тут и там.

— У Дзары великолепная координация и отличный вестибулярный аппарат, — прокомментировала Дзии. — К сожалению, ее тело полностью заполнено энергоплазмой, как и у вас, дэйя Винтаре, так что за четыре предыдущих сессии значимых данных пока получить не удалось. Но все еще впереди.

— Эй, Кир! — раздался из-под потолка звонкий голос юной непоседы. — Ты тоже здесь, да? Давай вместе погоняемся!

Экран разделился надвое, и в левой части возник Кирис, сосредоточенно отбивающий небольшой деревянной лопаткой блестящие шарики, летящие в него со всех сторон.

— Привет, Дза… — отсутствующе пробормотал он. — Ты откуда взялась?

— Я рядом играю, — сообщила обезьянка, в особо замысловатом кульбите собрав сразу пять бананов. Где-то на заднем плена одобрительно зашумела, засвистела и зааплодировала толпа. — Дядя Ко сказал, что мы можем вместе. Давай сюда?

— Где — рядом? — Кирис на мгновение отвлекся, бросив в сторону настороженный взгляд, и сразу же получил пропущенным шариком в лоб. Он дернулся, пропустил еще один, еще — и через несколько секунд его завалило с головой. Он забарахтался, выбираясь. — Тьфу ты! Дза, ты где? В соседнем терминале, что ли?

— Ага! — подтвердила обезьянка, спрыгивая на радужную твердую площадку и замирая там. Ее бока раздувались от тяжелого дыхания. — Кир, ты дурак? Сам не видишь, что ли?

— Мелкая, ты ошалела, что ли? — поинтересовался Кирис. Груда мячиков вокруг него растаяла. — Во-первых, не хами, а то щелбанов огребешь. Башка распухнет, а Сато-таре скажу, что так и было. Во-вторых, как я могу тебя видеть, если я в терминале? Он вообще-то непрозрачный.

— Ну я же и так знаю! — обиженно заявила обезьянка, почесываясь за ухом. — Ты руками махал, а теперь стоишь просто.

— На внешнем экране, что ли, увидела? Координатор?

— Вака Дзара не видела внешнюю трансляцию из вашей терминальной камеры, дэй Сэйторий.

— Стоп, я не понял, — Палек озадаченно посмотрел на Фуоко. — Фучи, у вас что, настолько сильная связь? Вы действительно друг друга воспринимаете на расстоянии? Кир, ты тоже?

— Нет, — Фуоко помотала головой. — Кир меня чувствует, и мы с ним сильными эмоциями обмениваемся. Я вроде даже как простые слова научилась ему транслировать, но никак толком поэкспериментировать не удается, он сачкует…

— Да кто сачкует! — возмутился Кирис. — Я, в отличие от некоторых принцесс, по стандартной программе занимаюсь, мне пропущенное нагонять надо! Дэй Палек, я Фучи чувствую, а Дзару — нет. Дза, мелочь пузатая, колись — ты вообще о чем?

— Ну как! — в голосе девочки послышалась явная растерянность. — Кир, ты чего? Ты серьезно, что ли? Ну я же вижу, что ты рядом! Ну, не глазами вижу, а… а… Ну, знаю, и все! Я же всегда знаю, где ты! Даже когда ты в Барну уезжал!

— Х-ходер… Вот ни хрена ж себе! — пробормотал Кирис. — Никогда не поздно узнать о себе что-нибудь новенькое. Дза, точно чувствуешь? Что я сейчас делаю?

— На месте прыгаешь! — в голосе девочки прозвучали сердитые и упрямые нотки. — Кир, я не вру, честно!

Фуоко переглянулась с Палеком.

— Дзара, а что еще чувствуешь? — поинтересовалась она. — Меня тоже?

— Не, ты какая-то далекая, — обезьянка почесала нос. — Когда рядом с Киром, чувствую. Когда вы сексом занимаетесь, знаю, нам в колледже объясняли, что это такое, только я еще не выросла, мне пока рано. А так только Кира вижу… ну, почти вижу.

Фуоко взялась за голову и опустилась на стул.

— Вот только сопливых зрителей нам в постели не хватало для полного комплекта удовольствий… — почти простонала она.

Палек неожиданно ухмыльнулся, снова превращаясь в

белобрысого разгильдяя.

— Так, Дза! — приказал он. — Хватит прохлаждаться. Тебя, между прочим, скоро выгонят, за тобой очередь, а ты сегодня очков почти не набрала. Ну-ка, в темпе вперед.

— Агась… — протянула обезьянка. Ловким кульбитом она перескочила на соседнее облачко, взлетела вверх и продолжила свое путешествие по облакам. — Ой! Дядя Палек, а они говорят, что пришли посмотреть!

— Кто… — начал паладар — и осекся. Вокруг терминала вспухло серое спирально облачко, еще одно, еще… Несколько секунд спустя в комнате плавало два десятка волют.

— Внимание! Волюты в залах два, три, четыре и шесть! — бесстрастно сказал из-под потолка координатор. — Волюты над зданием Арены! Энергонасыщенные ядра отсутствуют, агрессивности не проявляют. Дэйя Мэйдо, они ваши друзья?

Обезьянка вновь спрыгнула на неизвестно откуда появившуюся твердую площадку и оглянулась.

— Они сами приходят, — недовольно сообщила она. — Я им говорю не приходить, а они все равно лезут. Дураки!

Фуоко быстро сконцентрировалась. В ночном мире Дзара (если, конечно, Фуоко правильно соотнесла девочку с объектом) выглядела как сложная конструкция из нескольких конусов и пирамид, проходящих друг сквозь друга, светящаяся всеми цветами радуги. От волют в комнате к вершинам пирамид тянулись извилистые цветные нити. Потом ее вдруг ударило по ушам, ночной мир затрясся и хаотично заметался, словно витрина с игрушками во время землетрясения, потом неожиданно пропал полностью, и Дзара тут же взвизгнула во весь голос. Настенное изображение с обезьянкой мгновенно погасло, и Палек — вернее, дрон, стремительно утрачивающий человеческие очертания, серой размытой тенью метнулся к распахнувшейся дверце терминальной сферы. Волюты исчезли, а из терминала выползла серая туша, оставлявшая незакрытым только лицо девочки. Та смотрела в потолок бессмысленными глазами и тяжело хватала воздух. Из-под кромки капюшона сенко высовывалась спутанная прядка волос. Секундой позже из второй сферы выскочил Кирис.

— Дза, что? — встревоженно спросил он, подбегая к дрону. — Дзии? Что случилось?

— Похоже на общий контузионный шок, — прокомментировал неб. — Первая помощь оказана, но, боюсь, я ничего не могу сделать сверх того. Однако она уже приходит в себя.

— Кир, ты дурак, да? — шепотом спросила девочка. Ее взгляд

потихоньку оживал. Она с трудом скосила глаза, чтобы увидеть парня. — Ты чего дерешься? Больно же!..

— Дза, я не дрался! — Кирис склонился над ней, положив руку на дрона. — Я же просто волют шуганул! Сильно больно, да?

Дзара шмыгнула носом.

— Нет, не очень… — по-прежнему шепотом ответила она. — Только… дышать трудно. Кир, не делай так больше, ладно? А то я за тебя замуж не выйду, когда вырасту.

— Фигасе! — в голосе Кириса наигранное возмущение мешалось с напряженным беспокойством. — У меня, между прочим, Фучи есть. На кой мне такая мелкая и наглая?

Дзара прокашлялась.

— Она же старая! — сказала девочка уже почти нормальным голосом, и Фуоко ошалело захлопала глазами. Кто старая?

— Прошу прощения, но я хочу доставить дэйю Мэйдо в госпиталь для более тщательного обследования, — встрял Дзии. — Поговорите потом. Прошу прощения. Дэйя Мэйдо, я закрою вашу капсулу и пущу кислород, чтобы легче дышалось, не пугайтесь.

Лицо девочки утонуло в серо-зеленой массе, и туша дрона бесшумно выскользнула в дверь. Енотиха Мелисса бросилась вслед за ней.

— Фигасе… — повторил Кирис. Он уселся на стул, сгорбился, поставив локти на колени, и обхватил виски ладонями. — Фучи, что я сделал такого, а? Я же просто волют шуганул, как всегда. Ну никогда же проблем не было! Ты почувствовала что-нибудь?

— Я обоими глазами на нее смотрела, — девушка положила ладонь ему на голову и осторожно погладила. — Я-то ничего не почувствовала, но там, в ночном мире, все затряслось, как сумасшедшее. А теперь я его больше не вижу… нет, опять начала, только как-то плохо, бледно.

— Но я же не хотел… — пробормотал Кирис.

— Результаты экспериментов в течение последнего полугода показывают, — бесстрастным лекторским тоном произнес координатор, — что вы, дэй Сэйторий, каким-то образом дестабилизируете метрику в пространстве вокруг себя, делая ее малопригодной для существования энергоплазменных конструктов. Возможно, сейчас под влияние данного эффекта попала и дэйя Мэйдо. Однако данной гипотезе противоречит состояние дэйи Винтаре, практически не подвергшейся влиянию ваших способностей. Кажется наиболее вероятным, что вы повлияли на девочку через прямую связь. Такого тоже раньше не фиксировалось, как и ваше восприятие дэйей Мэйдо, и я склонен предположить, что связь в последнее время развилась и

укрепилась. Отсюда и неожиданный результат.

— И что мне теперь, вообще волют не трогать, что ли? — безнадежно спросил Кирис, поднимая взгляд к потолку, откуда исходил голос неба. — А если мы с Фучи как-нибудь зацепим ее по ходу экспериментов?

— Определенный риск есть. Следовательно, вам с дэйей Винтаре необходимо включать ее в программу своих исследований, чтобы, по крайней мере, Дзии мог оказать помощь в любую секунду. Однако Дзии передает, что состояние девочки улучшилось практически до нормального, и она уже требует возвращения обратно, чтобы продолжить игру. По всей видимости, придется перестраивать расписание Арены на сегодняшний вечер, чтобы дать ей такую возможность. Так что, дэй Сэйторий, прошу успокоиться. Вы ей серьезно не повредили.

— Дэй координатор, но ведь она Кира чувствует! — Фуоко почувствовала, что щеки начинают гореть. — Когда мы… когда мы… любовью занимаемся! Как же мы теперь…

— Полагаю, что точно так же, как и раньше, — в голосе координатора прозвучали терпеливые нотки. — Дэйя Винтаре, в школе детей ее возраста уже просветили насчет секса и возможных последствий, желательных и нежелательных. Не похоже, что осознание ваших отношений стало для нее шоком.

— Могу добавить, что ее восприятие ваших ощущений вряд ли полноценно, — подхватил Дзии. — Результаты регулярных обследований показывают, что ее половое созревание заметно замедлено по сравнению со сверстниками. Скорее, она воспринимает ощущения дэя Сэйтория чисто умозрительно, примерно так же, как и его занятия физическими упражнениями.

— Но ведь она вырастет… — безнадежно проговорила Фуоко. — Она же сказала, что за Кириса замуж выйти хочет. Теперь она словно всегда подглядывать станет, да? А потом?

— Ничего не могу посоветовать, — меланхолично сообщила Дзии. — Личные человеческие взаимоотношения выходят за рамки моей компетенции. Я осознаю, что набор сексуальных табу в вашем обществе весьма нерационален, но ничем не могу помочь, я не специализируюсь в психологии. Замечу лишь, что усиленно пропагандируемая моногамия не только не полезна, но и вредна для психического и телесного здоровья. Фактически не менее половины мужчин и не менее трети женщин на вашей планете регулярно заводят сексуальных партнеров за рамками официальной семьи, иногда имея параллельные взаимоотношения с тремя-четырьмя более-менее постоянными партнерами. Дэйя Винтаре, я понимаю, что ваша с дэем Сэйторием увлеченность друг другом весьма глубока, и что вы

пока что даже и мысли не допускаете о других любовниках, но со временем ситуация изменится, поверьте мне. Пока просто отложите решение данной проблемы. Можете также обсудить ее с Кариной или с Яной. Сейчас в их родном обществе моногамия является скорее исключением, чем правилом, и они могут лучше объяснить, как себя вести в таких ситуациях, чтобы не травмировать партнеров и самим не мучиться ложным чувством вины.

— Прошу прощения, но в соответствии с расписанием доступ к терминалу уже ожидает другой участник программы, — сказал координатор. — Предполагаю, что если я пущу его в зал прямо сейчас, может возникнуть неловкое положение. Дэй Сэйторий, дэйя Винтаре, могу я вас попросить?..

— А, конечно… — усилием воли Фуоко отогнала растерянность и встала, попутно дернув за плечо друга. — Кир, подъем. Переодевайся.

— Угу… — пробормотал Кирис, все еще выглядящий подавленно.

Вместе с Фуоко они вылезли из своих сенко, скатали их в трубку — координатор пояснил, что потом их выстирают и подготовят к следующему использованию — и быстро оделись. У выхода девушка еще раз оглянулась. Терминалы Арены — кубы на невысоких постаментах — стояли с открытыми дверцами и выглядели какими-то скучными промышленными установками.

— А почему они бесцветные? — спросила она. — Может, нарисовать что-нибудь сбоку?

— Вы видите предварительные версии. После того, как мы завершим тестирование в полном объеме, внешний вид будет изменен. Мы уже имеем предварительные договоренности с несколькими дизайнерами со всего мира, но пока что внешний вид терминалов сугубо функционален, а внешний кожух спроектирован так, чтобы облегчать доступ к механической начинке.

— А, ясно. Кир, кончай кукситься! Идем уже!

Фуоко почти силой вытащила Кириса в коридор — и замерла, нос к носу столкнувшись с персонажем, видеть которого хотела меньше всего на свете. Оронзо Смеарх в шикарном сером с искрой деловом костюме, сшитом явно на заказ дорогим портным, на мгновение тоже замер в растерянности, от которого, впрочем, тут же оправился.

— Смотри-ка ты, кто у нас здесь… — криво ухмыльнулся он.

Парсы дружно зашипели на него, но вдруг стихли и отбежали в сторону.

— Да уж самые странные люди здесь встречаются, — в тон

ему ответила Фуоко, с трудом подавляя желание вцепиться ему в морду когтями за гадости, что он говорил Кирису в том числе и про нее. — Шляются разные придурки, типа…

Оронзо открыл рот для ответа, но промолчал, окинув коридор настороженным взглядом. Он протиснулся между Фуоко и Кирисом, распихав их плечами в стороны, шагнул через порог, но остановился и повернулся.

— Слышь, жиголо! — сказал он презрительно Кирису. — Раз ты и сюда влез, не струсишь на Арене подраться? С болевым контактом?

Ноздри Кириса раздулись, в глазах вспыхнула злость.

— Боюсь, что данное предложение неосуществимо, — бесстрастно сказал с потолка координатор до того, как парень успел что-то ответить. — Дэй Оронзо, дэй Сэйторий не допущен до соревнований в таком режиме в силу несправедливых преимуществ, которые мог бы получить. Природа данных преимуществ является закрытой темой и обсуждению не подлежит. Прошу пройти в зал и использовать терминал по назначению.

Оронзо глумливо ощерился, но ничего не сказал. Презрительно фыркнув он захлопнул дверь зала и пропал с глаз.

— Не допущен из-за того, что к болевому шоку нечувствителен? — угрюмо спросил Кирис.

— Да. Кроме того, сложившаяся ситуация относится к категории тех, что мы намерены предотвращать — по крайней мере, в зоне своего контроля. Поскольку вы с дэем Смеархом испытываете явную неприкрытую неприязнь друг к другу, мы в любом случае не допустили бы вашего контакта с включенными болевыми ощущениями. Состязаться на первом уровне без негативной обратной связи вы можете, но не более того.

— Кир, идем! — Фуоко нетерпеливо потянула его за руку. — Ну его к гхашам, кретина долбанутого.

Кирис отчетливо скрипнул зубами, повернулся и пошел по коридору в направлении, указанном стрелкой с надписью "Eligo". Фуоко последовала за ним. Пора возвращаться на остров и заняться делом.

Уже на улице, забираясь в транспортный дрон и стараясь не запнуться о путающуюся под ногами Зорру, она вдруг вспомнила Дзару. Старая! Ну ничего себе! Встретит в следующий раз вредную соплюшку — обязательно уши надерет, чтобы старшим не хамила. Старая, ха!

"В сорок лет жизнь еще и начаться-то толком не успела", — прозвучал в ушах голос Рандольфо Глостине. Меньше часа назад она пропустила его фразу мимо ушей, и теперь вот она

непрошено всплыла. Сорок лет — жуткая старость… так она думала еще недавно. Но если для кого-то, пусть даже для мелкой Дзары, она старуха в пятнадцать лет… Тьфу. Нет, не та тема, на которую хочется думать.

Дрон двинулся с места и набрал скорость. В лицо ударил теплый и душный вечерний воздух. Девушка откинулась на спинку сиденья и вздохнула. Ну и что, спрашивается, делать с Дзарой? Если она и в самом деле все время чувствует Кира… Что теперь, вообще бросить сексом заниматься? Ну уж нет! Конечно, смириться с тем, что кто-то совершенно посторонний постоянно сидит у них в спальне, не так-то легко. С другой стороны, не похоже, чтобы девочку это хоть как-то волновало, да и к постоянному бесстрастному наблюдению Дзии Фуоко уже привыкла. Ну и пусть. Главное, не зацикливаться. Вот когда Дзара подрастет, тогда придется что-то делать, но сейчас напрягаться пока рано.

Значит, не меньше половины мужчин имеют связи на стороне? Ну, мама давно предупредила, что все мужики — похотливые козлы, и верить им нельзя ни на грош. Вдруг Кир окажется таким же? В любом случае, против обстоятельств не попрешь, и если у Дзары и в самом деле такая сильная связь с ним, то можно не сомневаться: когда соплюшка вырастет, обязательно затащит Кира в постель, как его ни охраняй. И наверняка одним разом она не ограничится.

Блин. Говорят, что на Могерате и Фисте до сих пор в ходу многоженство. Неужто придется морально готовиться к такому?

Интересно, каково будет оказаться на положении старшей жены?

Вечер того же дня. Остров Пинчау, Хёнкон

— Ложка?

Фуоко посмотрела на ухмыляющуюся физиономию Кириса и прикинула, нельзя ли бросить в него чем-то тяжелым. Как назло, под руку ничего не попалось: когда стоишь голой посреди большого железного ангара, полом которому служит гладкая цельная скала, выбор объектов для швыряния невелик. А если точнее, то полностью отсутствует. Разве что выдрать из стенда кабели, цепляющиеся к контактным площадкам на теле, и попытаться придушить придурка с особой жестокостью.

— Кир, я тебе сейчас по башке дам! — угрожающе пообещала она. — Кончай, блин, хохмить! Сосредоточься!

— Уже, — Кирис стер с лица ухмылку и стал серьезным. — Фучи, я же говорю: у меня от твоей телепатии ничего, кроме звона в ушах. Имя иногда разбираю, а вместо остального — каша невнятная. Слушай, кончай уже, а? Ну не получается, хоть тресни. Забей.

— Кир, мы должны себя изучать! — Фуоко уперла кулаки в бедра.

— А я возражаю? Полгода же эксперименты крутим. Что тебе в голову вдруг влезло с телепатией возиться? И Риса, и Дзии говорили: мысли читать невозможно. И передавать — тоже. Эмоции как максимум, да и то не всегда.

— Да сколько можно шаровыми молниями в мишени бросать? — Фуоко устало опустилась на круглый мягкий мат из тех, что заменяли в лаборатории на Пинчау столы и стулья. Она глянула на руку, и от плеча к кончикам пальцев послушно пробежала сетка бледных молний. — Ничего же нового! На месте топчемся. И потом, свое имя же ты разбираешь? Дзии!

— Боюсь, что свое имя дэй Сэйторий разбирает вовсе не благодаря телепатии, — откликнулся из ниоткуда неб. — Человеческое мышление имеет смешанную химически-электромагнитную природу. Электромагнитные импульсы, передаваемые в нервную систему, вызывают биохимический ответ, и наоборот. Однако связь между импульсами и химическими маркерами у каждого строго индивидуальна, и один и тот же импульс у разных людей вызывает разные ответы. Возможно, вам проще осознать обратную ситуацию: многие химические соединения способны вызывать у людей галлюцинации, но ни один галлюциноген не способен вызвать

идентичные видения у разных индивидуумов и даже и у одного и того же индивида. То же самое характерно при передаче электромагнитных импульсов от одной нервной системы к другой. Примитивные эмоции и ощущения так вызвать можно, но что-то более сложное — вряд ли. Благодаря электродам под поверхностью кожи я действительно фиксирую нечто, похожее на синхронные импульсы в ваших нервных системах. Однако ожидать, что они вызовут у дэя Сэйтория передаваемые вами вербальные ощущения, не стоит.

— Но ведь имя…

— Я как раз перехожу к данному вопросу. Со слухом ситуация весьма сложная, поскольку то, что вы "слышите", на самом деле является результатом довольно сложной обработки базового сигнала от уха в звуковом центре мозга. Благодаря ей вы в состоянии без затруднений распознавать даже невнятно произнесенные слова и плохо слышимые звуки. Можно сказать, что определенные ключевые последовательности импульсов в слуховом нерве вызывают к жизни определенные ассоциации на более высоких уровнях подсознания и сознания. Вероятно, когда вы пытаетесь позвать дэя Сэйтория, в его звуковых центрах или других блоках мозга формируются импульсы, вызывающие ассоциации с вашим окликом по имени. Но другие комбинации импульсов, транслируемые вами, аналогичных ассоциаций не вызывают. Отсюда и "звон в ушах", как охарактеризовал передачи дэй Сэйторий, вместо осмысленных слов. Возможно, методом перебора вам удастся выделить отдельные слова или короткие выражения, поддающиеся "телепатической" передаче, но они будут исключением из правила.

— Х-ходер… — устало выдохнула Фуоко. — И что, вообще никак нельзя общаться через наш канал? Пусть не слова, не ассоциации, не картинки, но хоть что-то передавать?

— У меня есть предложение, — голос Дзии стал задумчивым. — Не уверен, что идея сработает, и уж точно не стоит ожидать, что вы быстро научитесь общаться таким образом. Но сначала, дэй Сэйторий, я хотел бы поинтересоваться: как вы субъективно воспринимаете передачу дэйи Винтаре?

— Ну… — Кирис почесал нос. — Говорю же, вроде как шум в ушах. Только не голосом шум, а… а… блин, не знаю, как описать. Ну, вот словно Фучи за спиной стоит и вот-вот что-то скажет, и вроде даже воздуха набрала и рот открыла… И нота слегка дрожит.

— Нота? Та самая, с помощью которой вы определяете расположение друг друга?

— Ага.

— Изменения звучания хаотичны? Или отличаются для разных слов, которые пыталась передавать дэйя Винтаре?

— Да фиг знает… — Кирис растерянно посмотрел на Фуоко. — Фучи, давай еще раз пробуй.

— Ага…

Фуоко поймала слепым глазом огненно-синий сгусток внутри Кириса и на всякий случай пошевелилась всем телом, совмещая его с поющей внутри далекой нотой. Да, кажется, оно. Девушка стиснула кулаки, крепко зажмурилась и напряглась. "Кошка!" — произнесла она, тщательно, хотя и беззвучно артикулируя слова. — "Собака! Парс! Переквалификация!" Вроде бы какие-то бледные нити протянулись петлями от нее к Кирису, но на грани видимости, и тут же пропали.

— Ну? — уже вслух нетерпеливо поинтересовалась она. — Четыре слова. Разное?

— Типа, да. Чуть разное. Под конец как-то дольше вибрировало…

— Любопытно, — спокойно проговорил Дзии. — Обратите внимание, дэйя Винтаре, последнее слово вы выбрали заметно длиннее прочих, что дало более заметный эффект. Могу я попросить вас провести еще один эксперимент?

От стены ангара скользнула серо-зеленая туша, умостилась между Кирисом и Фуоко, вытянулась в высоту и превратилась в экран.

— Дэйя Винтаре, сейчас на экране начнут появляться комбинации символов. Мысленно произносите их про себя, в особенности обращая внимание на растянутые согласные. Дэй Сэйторий, сядьте с другой стороны и зафиксируйте кабели на контактных площадках в районе виска и уха… спасибо. Теперь положите пальцы на пульт и сосредоточьтесь. Слушайте свою внутреннюю ноту и в такт ей двигайте пальцами.

— В смысле — двигать пальцами? — удивился Кирис, усаживаясь на свой пуфик со скрещенными ногами и дотягиваясь до стенда с другой стороны. — Как? Взад-вперед, что ли?

— Не имеет значения. В любом направлении. Главное, меняйте направление движения или усилие давления при изменениях тона. Терминал ничего не воспринимает, но я фиксирую импульсы в ваших нервных волокнах. Готовы?

Экран мигнул, засветился, и по нему потянулись длинные цепочки символов. По большей части они состояли из повторяющихся гласных, изредка перемежающихся согласными. Несколько минут Фуоко честно повторяла их про себя, одновременно пытаясь разглядеть ночным зрением, не появляются ли между ней и Киром новые нити, но потом устала и

начала сбиваться. Словно почувствовав ее состояние, Дзии остановил текст и сообщил:

— Настройка закончена. Я уловил закономерности. Дэйя Винтаре, последний опыт: воспроизведите последовательность, появляющуюся на экране. Дэй Сэйторий, ваша задача все та же. На счет три…

На экране вспыхнула яркая единица, тут же сменившаяся двойкой, а затем и тройкой. Потом по нему поплыла новая последовательность: "ааааапоооооооооосссааааапооо".

— Эксперимент закончен, — сказал Дзии. — Я подтвердил, что определенные комбинации звуков, передаваемых вами, дэйя Винтаре, соответствуют наиболее ярко выраженным изменениям, воспринимаемым дэем Сэйторием. Обратите внимание на кодовую таблицу.

На экране действительно появилась таблица со вписанными в ячейки буквами алфавита. Каждой букве соответствовала цепочка из перемежающихся символов "а" и "о".

— Предлагаю вариант точечной азбуки для общения. Такая азбука в том или ином виде возникала на всех планетах на начальном этапе развития радиосвязи, когда технология позволяла передавать и принимать лишь короткие немодулированные импульсы. Она до сих пор существует и применяется на практике и радиолюбителями Паллы, хотя и в совсем другом виде. Потребуются определенные усилия для запоминания, но результат того стоит. Попробуете?

— Конечно! — с энтузиазмом заявила Фуоко. — Мы запомним. Кир, не вздыхай так тяжело, а то легкие простудишь. Дэй Дзии, пришлете нам таблицу, ладно?

— Уже прислал. Но напоминаю, что сегодняшние эксперименты длятся полтора часа, а у дэя Сэйтория через час занятия по кваре, и пропускать их настоятельно не рекомендуется — во всяком случае, если судить по оценкам.

Кирис презрительно фыркнул.

— Да на кой мне запятые расставлять уметь? — в пространство поинтересовался он. — Если я инженером стану, там формулы писать нужно, а не запятые.

— Существует отчетливая корреляция, дэй Сэйторий, между умением грамотно писать и общей ясностью мышления. Иными словами, каша на языке — или на кончиках пальцев в данном случае — означает кашу в голове, что вряд ли сослужит хорошую службу любому инженеру. Впрочем, решайте сами.

— Ну ладно, закончили, — пробурчал Кирис, вставая и сдергивая с себя интерфейсные кабели. — Пошел я одеваться и жрать. Или нет, задрали размороженные сосиски. Лучше на

материке к Сато-таре забегу, лисьей лапши чашку слопаю. Фучи, поехали вместе? Надо еще к Рике зайти, посмотреть, как она там.

— Не хочу, — отказалась девушка, потягиваясь. — Меня и сосиски устроят. И даже питательные батончики. Я же доклад так и не оформила как статью — ну, помнишь, перед экскурсией в Шансиму? Надо, в конце концов, сесть и закончить. И новые данные добавить. А к Рике я вечером забегу, у нее днем все равно занятия, лови ее по всему Колуну… Кстати, о! Идея! А что, если я с мамой-розой попытаюсь пообщаться? Может, она меня поймет как следует?

— Валяй. Я таких не знаю, так что без меня.

Парень направился к стене ангара, а Фуоко упала навзничь, поерзала спиной по прохладной шелковистой поверхности пуфа, закрыла глаза и всмотрелась в ночной мир. Линии, плоскости и графики сложных функций по-прежнему танцевали в нем геометрический вальс. Пространство слегка светилось и переливалось изумрудными оттенками: изменения в плотности цвета волнами текли вокруг нее, насколько хватало глаз. Синий звучный сгусток Кириса беспорядочно метался вокруг по мере того, как тот отдалялся от нее в обычном трехмерном мире. Девушка слегка улыбнулась, всматриваясь в него. Дубина, болван, грубиян и хам. Но все-таки как с ним ощущаешь себя надежно и… мирно! Да, вот подходящее слово. Словно в ответ на ее мысль, сгусток вдруг рассыпался мириадами искр, закружившихся в сложном хороводе вокруг нескольких точек. Фуоко отчетливо разглядела, что каждая точка выглядит как крохотные Стабилоны, только не плоские, а объемные: конусы, слегка вдвинутые друг в друга вершинами. Наверняка клирики церкви Рассвета сделали бы из ее видения далеко идущие выводы по поводу души, сотворенной Ваххароном, и тому подобных глупостей — но как раз с ними откровенничать Фуоко не собиралась. Еще неизвестно, что они скажут про ее способности. Может, их вообще наваждением Креода объявят и экзорцизмом займутся — кадилом там по спине врежут или башкой в святую воду совать начнут. Церковь так ни разу и не озвучила явно официальное отношение к эйлахо, но отдельные клирики — среди них даже несколько прелатов и один епископ — открыто предавали анафеме легенды о них. Лучше не рисковать.

Кстати, надо все-таки найти полчаса и забежать в часовню, открытую недавно на Ланте. Клирики клириками, а Ваххарон — совсем другое дело. Непонятно, существует он или нет и нужны ли ему вообще человеческие молитвы (Риса-Карина просто отказалась разговаривать на данную тему), но маме явно будет приятно, если ее дочка продемонстрирует хотя бы формальный

пиетет. Главное, не забыть в письме упомянуть. С другой стороны, в письме можно и соврать, все равно же она проверить не сможет…

А, ладно. Потом можно подумать про клириков и часовни. Сейчас есть занятие и поинтереснее.

Там, далеко, за зеленым мерцанием ночного мира, по-прежнему чувствовалась мама-роза. Сейчас ее настроение казалось благодушным и сонным, от ее оранжереи тянуло слегка душным теплом и влажным спокойствием, словно от настоящей теплицы под летним солнцем. Если ее образ и в самом деле соответствует Красной Звезде или чему-то, за ней скрывающемуся, момент для попытки контакта благоприятен. Осознала ли странная сущность при помощи Фуоко, что паладары и люди не несут ей угрозы, или просто свыклась с их присутствием, не суть важно. Главное, что вероятность спровоцировать очередной Удар сейчас минимальна.

Эй, я здесь! — мысленно позвала она. — Привет! Как жизнь? Ау, слышишь меня? Это я, Фуоко!

И вдруг ночной мир резко изменился. Зеленые водопады обрушились на нее со всех сторон, плоскости и линии заметались вокруг, словно взбесившиеся, и она едва не потеряла сознание из-за невероятного приступа головокружения. Когда она, с трудом хватая воздух, немного пришла в себя, она все так же лежала навзничь — только не в центре пустого ангара, а на мягком ворсистом ковре. Сфокусировав взгляд, девушка с изумлением поняла, что ее окружают полки с книгами: высокие, уходящие в жемчужный светящийся туман и в высоту, и в обе видные ей стороны. Она попыталась подняться, но тело отказывалось повиноваться. Руки и ноги шевелились с трудом, словно вареные макаронины, ковер под спиной мягко проваливался и колыхался, словно упругая трясина. В конце концов ей удалось подняться на четвереньки и ухватиться за ближайшую полку. На ощупь та казалась пластмассовой. Сама Фуоко оказалась голой по пояс сверху, а снизу закутанной на манер узкой длинной юбки в какую-то непонятную цветастую ткань, закрепленную золотистым поясом на талии. Отдуваясь, Фуоко оглянулась по сторонам, борясь с накатывающими приступами легкого головокружения и нарастающей паникой. Что происходит? Как она здесь оказалась? И…

Стоп! Тихо, дура. Не дергайся. Контакт. Наконец-то прямой контакт, осмысленные визуальные образы вместо невнятных эмоций. Книги. Даже если это шуточки ее собственного подсознания, нужно попытаться запомнить все как можно лучше. Потом Дзии или координатор вытащат детали из памяти, даже

если она все забудет. Если книги, значит, в них что-то написано. Нужно прочитать.

Она уцепилась за корешок ближайшей книги и потянула. Та сидела плотно и наотрез отказывалась вытаскиваться. Стиснув зубы, Фуоко дернула еще раз, и книга вдруг выскользнула на удивление легко. Пол снова колыхнулся, и девушка растянулась на нем плашмя, ощущая голой спиной легкую колючесть его жестких ворсинок. Но книга осталась в ее руке. Девушка поднесла ее к лицу и уставилась на обложку. Бесполезно: по коричневой ткани вился сложный серебристый рисунок, в котором отчетливо проглядывали цветы и деревья, но полностью отсутствовало хоть что-то, похожее на буквы — и паллийские, и паладарские. Открываться книга тоже отказалась, словно склеенная изнутри.

— Вот дерьмо… — выдохнула девушка.

Как бы ответив на ее непочтительное высказывание, рисунок на обложке потек, плавясь и изменяясь, словно ручейки ртути, бегущие по тарелке. Через несколько секунд линии сложились в слово: "merdo". Эсперанто? Буквы точно такие же. А если прочитать… Ххаш, почти один в один "дерьмо", лишь последняя буква отличается. Неужели перевод? Открываться книга по-прежнему отказывалась.

— Лошадь! — громко сказала девушка.

Книга не отреагировала. Может, попробовать варианты?

— Луошадь! Лошодь! Лашать!

Линии опять дрогнули и потекли: "sivalo". Да, походит на "кавалло" и близко к "ĉevalo", как записывается на эсперанто. Так, следующий эксперимент.

— Дом!

Нет реакции ни на один вариант. А если на эсперанто сказать?

— Домо!

"Domo", подтвердила книга. Да, точно. Эсперанто или что-то очень близкое.

— Дерево!

"Arbo", сразу же согласилась книга. Все верно, в кваре и в эсперанто слово звучит почти одинаково. Теперь что-нибудь посложнее…

— Гравитация! Graveco!

Ноль реакции. После нескольких попыток, однако, книга милостиво согласилась на "gruveko". На эсперанто совершенно точно звучит заметно иначе. Да, язык, на котором отвечает странная книга, на эсперанто похож, но заметно искажен. И Кир точно то же самое слышал. Как он там говорил?

— Неклонято обсакло… Нет, никлоньятто обсакло… —

проговорила она вслух — и в лицо ей ударил упругий горячий ветер. По рядам полок прошла сизая рябь, и книга в руках Фуоко пропала.

— Никлоньятто обс'кло ин ля линга медулло, — проговорил холодный бесполый голос. — Кир'ртон интерртитай.

Мир снова закружился, и когда Фуоко удалось собрать глаза в кучку и снова оглядеться, она лежала на брюхе на цветастом ковре в небольшой уютной комнате. В камине тихо потрескивал огонь, искры взлетали над пламенем и исчезали в дымоходе. Вдоль стен, обшитых деревянными панелями, тянулись застекленные шкафы с книгами. С потолка свисала древняя золотая люстра, уставленная по крайней мере тремя десятками горящих белых свечей, и сквозь плотно задернутые портьеры просачивался одинокий солнечный лучик, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. В центре комнаты, прямо под люстрой, стоял массивный стол, покрытый красной бархатной скатертью с золотой вышивкой, а за столом…

Сердце Фуоко радостно вздрогнуло. Седовласый и седобородый мужчина с орлиным носом, в длинном белом одеянии сидел к ней боком, сосредоточенно вглядываясь через увеличительное стекло в нечто на столе, не видимое с пола. Он настолько сосредоточился на предмете, что даже не шевелился. Девушка попыталась окликнуть его, но язык, как и все тело, напрочь отказывался повиноваться. Страшным усилием воли, словно в завершение изматывающей серии отжиманий, ей удалось слегка оторвать тело от пола, и голова мужчины начала медленно-медленно поворачиваться в ее сторону.

И тут радость в Фуоко как-то сразу испарилась. Взамен ее желудок болезненно сжался. Девушка не знала, почему, но в ней откуда-то возникла неколебимая уверенность: перед ней мертвец. Труп, жизнь в котором угасла давным-давно, столетия, а то и тысячелетия назад. Сейчас он увидит ее… и произойдет что-то страшное и непоправимое. Тело сковала невыносимая слабость. Сейчас он увидит. Сейчас…

Яркий зеленый огонек вспыхнул у нее перед глазами.

— Run! — выдохнул еле слышный детский голос, отдавшись в голове звонким эхом, и Фуоко, охваченная непереносимым ужасом, рванулась всем телом. Мир снова рухнул на нее и завертелся, и когда девушка пришла в себя, оказалось, что она лежит на чем-то мягком и твердом одновременно. Минуту она приходила в себя, борясь с приступами тошноты и головокружения и пытаясь сообразить, что такое серое и монотонное маячит перед глазами. Ах, да. Потолок. Волнистый потолок ангара из серого кровельного железа.

— Эй! — сказал вполне человеческий голос, и чей-то палец осторожно постучал ее по лбу. — Очухалась?

Фуоко поморгала и протерла глаза пальцами. Над ней склонялось встревоженное лицо Кириса. Она постепенно осознала, что лежит на бугристом каменном полу, хотя под нее подстелены какие-то тряпки. Ее голова покоилась на коленях сидящего на пятках друга.

— Вроде да… — прошептала она, усаживаясь вертикально. Вопреки ожиданиям, тело слушалось ее легко и непринужденно. Головокружение испарилось, и не осталось ни следа тяжести и бессилия, охвативших ее… где? Во сне? Нет, такое присниться не может. Не сон и не бред. Картинки из загадочного мира сидели в голове прочно и отчетливо, отнюдь не собираясь ускользать и рассыпаться под пальцами, как происходит, когда пытаешься ухватить сновидение. Здоровый глаз видел все как в сером тумане, и Фуоко еще раз протерла его. Не помогло. Туман и в самом деле густо клубился в ангаре, скрывая стену уже в паре метров, и сквозь него просвечивало лишь одно смутное колеблющееся пятно.

— Что происходит? — спросила она, недоуменно оглядываясь.

— Да хрен знает. Ну, кольчон на остров сел, видимо. Плотно сел, сволочь, даже в дома пролез сквозь стены. Все дроны вырубились и сгорели, и Зорра с Гатто тоже. Вон, консоль полыхает, — Кирис мотнул головой в сторону просвечивающего пятна. — Я тебя сначала в бунгало отволок, так и там пожар — наши кровати же тоже медицинские капсулы, то есть дроны, они точно так же горят. Ну, я и решил, что в ангаре безопаснее. А ты что вырубилась внезапно?

— Я вырубилась? А… ну да, точно. Кир, я какие-то странные штуки видела. Сначала бесконечные книжные полки, и одна книга на обложке слова рисовала. Как в эсперанто слова, только слегка искаженные. Потом вдруг…

Она вздрогнула всем телом и обхватила себя руками. Непонятный ужас вернулся и затопил ее изнутри. Вокруг тут же замерцали багровые огни: несколько десятков волют сгустились из воздуха и окружили их с Кирисом плотной стеной. До нее отчетливо донеслась тревога, идущая от братьев и сестер. Спасибо, мысленно поблагодарила она, но все в порядке. Не нужно беспокоиться. Я в порядке. Спасибо. Волюты закружились вокруг, проходя сквозь стену ангара, словно ее и не существовало, и через несколько секунд исчезли.

— Потом вдруг?.. — переспросил Кирис, с подозрением наблюдавший за эволюциями туманных спиралей.

— Я в какое-то то другое место попала. Комната с книжными шкафами и камином. И старик за столом. Он двигался, но он… мертвый. Не знаю, как сказать. До сих пор жуть берет. Потом еще какой-то голосок что-то крикнул… "руун", точно. "Беги" на эсперанто. И я вернулась. Я долго в отключке валялась?

— Да минут двадцать где-то. Ты точно в порядке?

— Ага.

Фуоко пошарила под собой. Она сидела на одежде — видимо, единственном, что Кирису подвернулось под руку. Сам парень был в одних шортах.

— Ну и что дальше? — спросила она. — Паладары ничего не передавали?

— Нет, конечно. Я ж говорю, все дроны сгорели. Здесь метрика, видно, так испохабилась, что ихние средства вообще не работают. Так что у нас четко ни связи, ни энергии. И сунуться сюда никто не рискнет.

— Еда есть, с голоду не помрем… — Фуоко потерла лоб, пытаясь сообразить, что дальше. Они в двенадцати цулах от побережья. Направление на него известно, но проплыть такое расстояние — никаких шансов. Его и пройти-то не так просто, а в воде, даже в местном теплом океане, они насмерть замерзнут через пару часов. Конечно, поблизости есть другие мелкие острова, только вот найти их вплавь — задачка еще похлеще, чем вслепую гулять по канату. Значит, остается лишь ждать, пока туман не рассеется сам собой. В конце концов, кольчоны никогда дольше пары часов не жили, даже если их бомберы не сжигали.

— Ты что, решила в необитаемый остров поиграть? — удивился Кирис. — Я лично не собираюсь. Подождем еще полчасика. Если сам не уйдет, я его шарахну. Я бы сразу шарахнул, да боюсь теперь — или опять Дзару задену, или еще и тебя зацеплю. Хрен знает, в каком ты была состоянии. Но ты уже в норме, а Дза далеко, авось до нее не докатится.

— Ну, наверное… — после некоторого раздумья согласилась Фуоко. — А полигон мы угробили. Бунгало же бамбуковое, оно дотла сгорит. А когда еще новое соберут? Еды, кстати, нет — она вся там в холодильнике и буфете осталась.

Она вскочила на ноги, и с нее тут же сорвалась густая сеть молний.

— Ты чего? — удивился Кирис.

— Я ничего… — Фуоко озадаченно оглядела себя. — Оно само как-то.

Она медленно поднесла руку к лицу. Тихо. А если резко выпрямить? Сразу три алые шаровые молнии сорвались с ее пальцев и предплечья и зигзагами ушли в густой туман. Громко

бумкнуло: похоже, одна врезалась в стену. Две других пропали бесследно.

— Так. Похоже, одеваться рановато, — резюмировала она. — Кир, не дергайся. В смысле, резких движений не делай. Похоже, из-за них молнии появляются. Пойду схожу на берег, посмотрю, нет ли просвета. Не сиди на одежде, а то еще спалишь.

— Эй, есть здесь кто? — раздался в тумане чей-то громкий знакомый голос. — Ахо-ой! Лю-юди! Все померли?

— Труда? — удивился Кирис. — Она-то откуда здесь? Эй, Труда! — во всю глотку заорал он. — Мы здесь! Здесь!

— И незачем так верещать! — недовольно откликнулась Труда Баркхорн, проявляясь из тумана. Золотоволосая летчица щеголяла в одном бикини с надетым поверх спасательным жилетом. Ее хромота все еще оставалась заметна, шрамы на ноге выделялись яркой красной сеткой, но ходила она уже много лучше, чем в последний раз, когда Фуоко ее видела. — И так слышу. Эй, котятки, вы тут как? Страшные туманные монстры живьем не сожрали?

— Ну, мы в порядке… типа, — неуверенно добавил Кирис, поднимаясь. — А ты как здесь?

— А я в патруле! — жизнерадостно пояснила тетка. — Лечу себе, никого не трогаю, солнышком в морду наслаждаюсь, чтоб ему лопнуть, дрон на соседнем сиденье в две дырки сопит от нечего делать, и вдруг — бац, шлеп, тревога, координатор в панике, кольчон над Пинчау, опасные для жизни колебания метрики, связи нет, не приближаться — ну, вы поняли. А я как раз в трех цулах от вас. Смотрю — действительно, кольчон. Ну, я — на бреющий, дрона из кабины выпихнула на всякий пожарный, и сюда.

— А разве самолеты внутри кольчона летать могут? — недоверчиво спросила Фуоко, с неудовольствием отмечая живой интерес, проявляемый Кирисом к почти голой гостье. Тоже мне! Старуха, тридцать скоро, а как выставляется…

Сама старуха, язвительно шепнул в ухо кто-то, подозрительно похожий на Дзару.

— Обычно не могут, — охотно согласилась Труда. — Но если очень захотеть, то низенько и недолго можно. "Уминэко" замечательно планирует, а весь кольчон в диаметре не больше полуцулы, а то и меньше. И в высоту метров двести максимум. Смех, в общем, а не кольчон. В общем, я в тумане чуток пролетела, на воду села, а дальше на надувной лодке из аварийного комплекта. Чуть не заблудилась. И аккумулятор в "Чайке" с ума сошел — вдруг выёживаться начал похлеще, чем реактивные турбины в моей старой птичке, еле удержала. Э-э… я

вас ни от чего интересного не оторвала?

Она выразительно смерила взглядом голую Фуоко с головы до пят.

— Мы экспериментами занимались, — буркнула та, чувствуя, что стремительно краснеет. — Физическими, а не тем, что вы подумали. Дзии подтвердит.

— Ой, да ладно! — хихикнула Труда, помахав ладошкой. — Темнота — друг молодежи, как говорит один мой знакомый ставриец. Может, мне тоже раздеться, чтобы в струю выглядеть?

Летчица принялась расшнуровывать спасательный жилет. Фуоко задохнулась от возмущения. Что она себе позволяет?

— Не надо! — быстро сказала она, подхватывая с пола трусы и быстро в них влезая. — Лучше мы сами оденемся.

— Надо, милая моя, надо! — назидательно проговорила тетка, сбрасывая жилет. — Тщательно я бы на твоем месте не запаковывалась, поскольку спасательная лодка сидит низко, а волнение сильное, заливает. А вот жилет ты сейчас на себя наденешь. Извиняюсь, не подумала сразу — я-то в нем сразу сидела, а те, что для пассажиров, под сиденьями остались. Следовало с собой прихватить, да как-то в голову не пришло. Я старшая, Кир мальчик, так что в жилете тебе сидеть.

— Не надо мне никакого жилета! — Фуоко застегнула лифчик и остановилась, раздумывая. Действительно, юбку с блузой лучше здесь оставить, а то в мокрых тряпках сидеть некомфортно. И вообще, чего она вдруг Труды застеснялась? Ладно бы мужик (и мало на нее на свободных пляжах пялились?), а то ведь женщина.

— Все верно, — согласился Кирис, подходя к Труде и принимая жилет. — Я еще и плаваю в десять раз лучше ее. Фучи, не рыпайся, а то силой напялю.

Фуоко надулась. Значит, вот так? Значит, они заодно? Предатель! На кой ей жилет? Она и сама плавает вполне неплохо.

— Отвали! — сердито сказала она, отворачиваясь. — Сказала же, обойдусь!

Труда задумчиво переглянулась с Кирисом.

— Ну, значит, силком придется, — констатировала она. — Фучи, ты бы избавила нас от хлопот, а? Нам с Киром еще веслами работать. Кончай выкобениваться.

Она стремительно, несмотря на хромоту, шагнула вперед и ухватила Фуоко за плечи.

— Кир, надевай! — скомандовала она.

Фуоко недовольно дернулась. Не то чтобы она так уж стремилась избежать жилета — в конце концов, проще его напялить, чем пререкаться — но чтобы ей указывала какая-то

тетка, даже не преподаватель и не куратор! Резкое движение, однако, оказалось ошибкой: ее, Кириса и Труду тут же окутало обширное облако потрескивающих голубых молний. Резко запахло сначала озоном, а потом и гарью, и девушка, с упавшим сердцем бросив взгляд вниз, увидела на своем лифчике стремительно расползающиеся подпалины. Спохватившись, она подняла взгляд — Труду же убить может! Но летчица все так же стояла, ухватив ее за плечи, правда, с куда более растерянным взглядом. Молниевый шторм продолжал бушевать вокруг, охватывая всех троих, и запах синтетической гари становился все сильнее. Хотя сама Труда никак не показывала, что ощущает что-то, ее бикини разваливалось прямо на глазах, распадаясь на отдельные скручивающиеся от жары нитки. Через несколько секунд все трое оказались совершенно голыми, лишь перепачканными копотью и золой от черными хлопьями обваливающейся на пол бывшей одежды. Злополучный спасательный жилет держался более стойко, но и на нем начинали проглядывать мелкие темные пятнышки.

— Эй… — неуверенно сказала Труда. — Я, типа…

— Ходер! — яростно сказал Кирис, с размаху бросая жилет на пол. — Все, меня задрало! Ну, хода марикон, получай!

Прежде чем Фуоко успела среагировать, в ее голове привычно звонко лопнуло. Молнии погасли, а серый туман в ангаре взвихрился и стремительно рассеялся, открыв обширное пустое пространство с оплавленными матами и бледно догорающими остатками серо-зеленой слизи в центре — там, где еще недавно располагался терминал Дзии. Лучи солнца из окон в крыше высвечивали костер, словно прожектора в театре. Два белых терминала Арены стояли у дальней стены как ни в чем не бывало, но что случилось у них внутри?

— Вот так! — удовлетворенно сказал Кирис…

…и его тело с закатившимися глазами медленно осело на каменное основание ангара. Серое облако начало сгущаться вокруг него, бурлящее, словно вода в котле, набухающее новыми молниями, пока что небольшими, но стремительно растущими.

Фуоко остолбенело уставилась на друга, пытаясь понять, что происходит и что делать. Труда рванулась вперед. То ли запнувшись, то ли специально, она с размаху упала на четвереньки рядом с парнем, зашипев от боли, и уперлась ладонями ему в грудь. Их обоих окутало слабое струящееся марево, словно над асфальтом в горячий день, и серое облако, внезапно успокоившись, начало медленно таять.

— Фучи! — сквозь зубы процедила Труда. — Лодка где-то на берегу, неподалеку. Под передней банкой маленький ящичек, в

нем несколько ракетниц — такие картонные трубки. Выстрели в воздух из той, что красным помечена, просто направь вверх и за шнурок снизу дерни. Живо!

Последнее слово она выплюнула не допускающим возражений командным тоном. Словно получив оплеуху, Фуоко вздрогнула и бросилась к распахнутой двери ангара. Ясный тропический день ударил ей в лицо, солоноватый жаркий морской воздух охватил тело. Она лихорадочно огляделась. Где лодка? Небольшое оранжевое пятно виднелось метрах в ста неподалеку, чуть выше полосы прибоя. Девушка бросилась к нему, сначала по нагретому солнцем гладкому скальному основанию, а потом по крупной гальке, больно вдавливающейся в босые подошвы. Сбоку в небо поднимался черный столб дыма от полыхающего бунгало, и Фуоко против воли истерически хихикнула. Что толку от ракеты рядом с таким заметным знаком, да еще в солнечный полдень? Над морем маячило сразу три черных треугольника: буксируемые подводными дронами воздушные змеи с телекамерами. Наверняка координатор с его нечеловеческой реакцией уже обнаружил изменение обстановки, и спасательные боэй летят сюда на всех парах. Но хватит рассуждать — один раз с Трудой она уже поспорила, идиотка!

Добравшись до лодки и лихорадочно вытряхнув на ее дно содержимое трех ящичков: аптечка, какие-то брикеты в пленке (питательные батончики?.. в животе вдруг громко заурчало) и, наконец-то, ракетницы. Ухватив трубку с красным концом и направив ее в небо, Фуоко рванула за торчащий шнурок. Громко хлопнуло, и красный тусклый комок ушел вверх. Бросив неожиданно раскалившуюся трубку в воду, девушка бросилась обратно.

Когда она вбежала в ангар, голая Труда как раз приникла ртом к губам Кириса. Фуоко задохнулась, но тут же заметила, что тетка зажимает ему пальцами нос. Не успела Фуоко сделать и шага, как Труда оторвалась от парня и принялась размеренно нажимать ладонями ему на грудь.

— Сюда, быстро! — скомандовала летчица, не переставая массировать сердце. — Искусственное дыхание делала когда-нибудь? Карраха! Целовалась ведь ты с ним, верно? Голову закинуть назад, нос зажать пальцами и аккуратно вдыхать. За языком следи, чтобы не западал! Да быстрее же ты!

Фуоко упала на колени рядом с Кирисом и попыталась честно выполнить инструкцию. Она почти мгновенно осознала, что целоваться — одно, а вот вдыхать воздух в рот на безвольно мотающейся голове — совсем другое. Труда на несколько секунд остановилась, давай ей возможность выдохнуть в рот Кирису, но

большая часть воздуха, кажется, вышла назад. Его далекая нота звучала по-прежнему, но, кажется, где-то совсем в стороне. Неужели его сознание ушло из тела? Девушка снова набрала воздуха в грудь — и тут Кирис открыл глаза. Его губы неслышно шевельнулись.

— Кир! — Фуоко вцепилась руками в его голову, заглядывая в зрачки, затянутые серой дымкой. — Кир! Ты меня слышишь?

— Что за… — изумленно произнесла летчица, глядя на Кириса круглыми глазами. — У него же сердце не бьется!

Ее рука метнулась к шее Кириса. Грудь парня медленно поднялась.

— Фучи… — прошептал он. — Что за шум?

— У него пульс отсутствует… — Труда отпрянула назад и неловко осенила себя косым знамением. — Как он говорит? Как он вообще в сознании?

И тут до Фуоко дошло.

— Кир! — громко сказала она, стараясь говорить отчетливо. — Кир, у тебя не бьется сердце. Совсем как у меня в барнской больнице. Дыши, Кир, дыши! Дыши же, гхаши тебя раздери! Сердце должно запуститься!! Дыши!

Парень послушно вдохнул, потом медленно выдохнул.

— Хреново мне, Фучи… — прошептал он, и вдруг его тело выгнулось дугой и резко обмякло. Он часто и неглубоко задышал. Фуоко ухватила его пальцами за шею: там частой мелкой дробью бился пульс.

— Кир, все хорошо, — девушка почувствовала, как на глазах выступают слезы. — Кир, сердце пошло. Просто лежи и не дергайся, ладно? Кольчон ушел, сейчас дроны до нас доберутся, просто потерпи немного!

— Кончай причитать, а? — Кирис с трудом сел. — На нервы действуешь. Пол, между прочим, каменный, если ты не заметила. И холодный. Вот блин, а! Чего меня так приложило?

— Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? — сердито поинтересовалась Труда, поднимаясь и отступая назад. Кирис перевел на нее взгляд, и летчица быстро прикрылась ладошками.

— Все хорошо, Труда, — быстро сказала Фуоко. — Со мной тоже так случилось один раз. Сознание теряешь, сердце встает, а ты в себя приходишь. Паладары говорят, что сейчас наше сознание не в мозгах, а где-то в другом месте. Только не говори никому, ладно?

Пять или шесть серых туш легко и неслышно скользнули в ангар и окружили всех троих.

— Кому-то нужна экстренная помощь? — поинтересовался

Дзии, но его тут же перебил взрослый голос Карины Мураций:

— Кир, Фучи! Вы в порядке? Не молчите, скажите что-нибудь?

Один из дронов вытянулся вверх и принялся быстро менять форму и цвет, превращаясь в нагую женскую фигурку. Фуоко лишь вздохнула. Мечта любого парня: куча голых женщин вокруг, и все только о нем и думают. Хорошо еще, Дзары здесь нет, а в остальном — классный сюжет для рисованного гаремника на все вкусы, от лоликонов до геронтофилов. Почему вокруг нее самой голые красавцы не увиваются для симметрии? Тот же Михаил Збышек сейчас пришелся бы весьма кстати. Убить бы режиссера…

— Дэйя Мураций, эти двое часто подобные фокусы выкидывают? — глаза Труды уже стали менее круглыми, но шок и изумление на ее лице держались по-прежнему. — В смысле, в полной отключке, но разговаривают? Видывала я раньше жмуриков со стоящим сердцем, но никто из них со мной вслух еще не болтал. Освежающее впечатление. Эзотерическое, я бы даже сказала.

Карина присела на корточки рядом с Кирисом и заглянула ему в глаза.

— Кир, сколько пальцев? — спросила она, показывая растопыренную пятерню.

— Двадцать, все на месте, — хмуро буркнул тот. — Да в норме я уже, что вы все раскудахтались!.. ой, извини, Риса.

— Ну, по крайней мере, ты в сознании и в обычном настроении, — задумчиво сказала ректор. — Дзии, могу я попросить обследовать нашу взрывоопасную парочку?

— Конечно, Карина, — согласился неб, и два дрона тут же скользнули вперед. Один из них вобрал в себя Фуоко с такой скоростью, что та даже охнуть не успела. Прежде чем она опомнилась, ее со всех сторон обволокло мягкое и теплое. В наступившей темноте перед лицом неярко загорелся экран с отображающимся на нем ангаром.

— Я провожу стандартное быстрое обследование, дэйя Винтаре, — мягко сказал Дзии. — Не пугайтесь. Оно займет не больше двух минут.

— Я не пугаюсь, — вздохнула Фуоко. — Но со мной все в порядке. Я ведь… Ох!

— Что?

— Дэй Дзии! Я вошла в контакт! В осмысленный контакт с… с… не знаю, с чем, но вошла! Четкие визуальные образы и фразы! Нужно как можно быстрее зафиксировать, пока не забыла.

— Понял. В таком случае просто начинайте говорить, я записываю. Постараюсь не прерывать вас без особой

необходимости.

— Ага, спасибо. В общем, когда я попыталась дотянуться до мамы-розы, вокруг все словно вверх тормашками перевернулось…

Запинаясь и повторяясь, она принялась рассказывать все, что могла вспомнить. Она не особо заботилась о стройном хронологическом порядке: Дзии или координатор самостоятельно сделают из ее бормотания нормальное изложение. Сейчас главное — не забыть и не упустить ни одной детали, даже самой мелкой. Ну, а потом наступит время для новых экспериментов. Разумеется, нужно позаботиться, чтобы они не остались снова без перспектив на голом куске камня среди разгорающихся пожаров: нормальные кровати поставить вместо медицинских капсул, огнетушители положить, холодильник продуктами заполнить, обычную лодку с веслами к пирсу привязать. Но все позже. Сейчас — вспоминать.

А еще, скользнула на краю сознания непрошенная мыслишка, Кира Дзии из капсулы быстро не выпустит. Значит, он таки умудрился профилонить занятия по кваре. Трудный подросток, одно слово.

"…здесь Карина. Спасибо, координатор. Я просмотрела записи в ускоренном режиме. Суть ухватила, в деталях разберусь потом. Приношу всем извинения за то, что несколько отклонюсь от темы, однако сначала закончим с мелким, но чрезвычайно важным вопросом. Восстанавливать дом и лабораторию на Пинчау не следует. Своей властью я запрещаю Фуоко и Кирису проводить какие-либо эксперименты в местах, откуда они не смогут добраться до людей самостоятельно, без помощи паладаров. В том числе — на островах, даже расположенных вблизи берега. Хорошо, что потеря связи оказалась кратковременной — а если бы нам опять пришлось экстренно эвакуироваться, как пять декад назад? Сторас, могу я попросить активировать их прежнюю лабораторию на Ланте?"

"Здесь Сторас. Хм. Ничего, если я Марику перепоручу?"

"Здесь Карина. Марик? У тебя как дела на Фисте?"

"Здесь Масарик. Я закончил переговоры с основными царьками… прошу прощения, лидерами основных государств. Цена согласована, осталось доставить платину и палладий по назначению — и можно запускать открытие центров тестирования, и Арену, и отборочных для Университета. Есть мелкие проблемы, но их я ребятам из аналитического отдела передал, они и так уже заскучали. Помимо "Адаути", у них на Могерате дел, в общем, не осталось, а на Типпе с Торвалой с сетями Майи и Суоко они даже не пытаются конкурировать. Так

что сброшу на них Фисту и могу заняться лабораторией. Только… Хм".

"Здесь Карина. Да?"

"Здесь Масарик. А ничего, что в версте с небольшим от их лаборатории мы религиозный кластер расположили?"

"Здесь Карина. Местные шаманы меня волнуют в самую последнюю очередь. Хотя… да, там же и наш персонал иногда появляется. Марик, ты же у меня умница, ты обязательно что-нибудь придумаешь. Ладно?"

"Здесь Масарик. Грубая лесть? Ха, мне нравится. И вообще, когда прелестная женщина просит, отказать ей невозможно. Придется придумывать".

"Здесь Карина. Кто там упоминал про грубую лесть?.. Прошу прощения. Координатор, есть ли у физиков или у тебя какие-то предположения насчет дальнейших действий?"

"Здесь координатор. Пока нет. Однако Харлам запустил полное сканирование оформленного континуума местной вселенной. Если появятся результаты, он уведомит".

"Здесь Сторас. Оформленного континуума?"

"Здесь координатор. Игровые вселенные, такие как местная, строятся по упрощенному принципу. Даже если оставить в стороне экспресс-методы формирования площадки из одной или нескольких звезд реального пространства, как ваша Текира, Конструкторы обычно не проводят полный цикл развития вселенной для создания одной-единственной игровой планеты. Запуск цикла с нуля влечет за собой слишком много квантовых неопределенностей, способных непредсказуемо повлиять на физические законы нового континуума. Их последующая коррекция слишком трудоемка, а потому полный цикл применяется, как правило, лишь физиками для проведения научных экспериментов. В игровом пузыре обычно формируется лишь относительно небольшой галактический кластер с заданными законами, способный дать достоверную имитацию нормальной вселенной для цивилизации на низких ступенях развития. За пределами кластера есть только перманентно расширяющийся континуум, полноценного вещества не содержащий. Соответственно, Харлам сканирует лишь оформленное пространство, поскольку за его пределами нет ничего, включая источники энергии для любой глобальной деятельности".

"Здесь Масарик. Стоп, не понял. Я же интересовался местной астрономией. Паллийская наука пребывает в твердом убеждении, что местная вселенная бесконечна. У нее даже есть несколько моделей глобальной ячеистой звездной структуры. То есть они

видят вселенную в очень большом радиусе, нэ?"

"Здесь координатор. Для формирования подобных убеждений используются специальные техники имитации: формирование фронтов реликтового излучения, изображения на экранах, окружающих оформленное пространство, и так далее. Мне бы не хотелось вдаваться в детали, поскольку они требуют подготовки, отсутствующей у слушателей канала…"

"Здесь Масарик. Не надо деталей, я уловил суть. Но ведь рано или поздно Большая Игра кончается, и игровые цивилизации начинают развиваться сами по себе. И рано или поздно они все равно обнаружат обман!"

"Здесь координатор. Верно — при условии, что они не уничтожат сами себя. Однако среди Конструкторов господствует мнение, что к тому времени цивилизация уже избавляется от детских психологических комплексов, так что подобное знание не причинит ей вреда".

"Здесь Сторас. Весьма сомнительное предположение. Даже я до сих пор чувствую себя неуютно, когда вспоминаю, что Текиру создали лишь ради развлечения Камилла".

"Здесь координатор. Боюсь, Старшие Демиурги не слишком заботятся о чувствах создаваемых ими разумных существ. Могу только принести свои извинения".

"Здесь Карина. Не думаю, что тебе следует извиняться за Старших. И потом, Камилл, конечно, та еще личность, но сердиться на Майю, например, у меня рука не поднимается. И на папу — тоже. И на Миованну. В конце концов, без Демиургов не возникло бы десятков тысяч обитаемых миров. Любые последствия лучше, чем мертвый космос. Но мы отвлеклись. Сторас, еще один вопрос. Считаю, что пора форсировать осушение и ремонт подводных тоннелей между Поддой и материком. Там слишком много популярных пляжей. В прошлый раз только благодаря ночи на пляжах почти не оказалось студентов, а те, что оказались, проявили выдержку и не погибли из-за паники. Такого больше случиться не должно".

"Здесь координатор. Напоминаю, что в районе материковых входов в туннели под землей по-прежнему чрезвычайно велика концентрация энергоплазмы".

"Здесь Карина. Я помню. Однако за прошедшие декады она никак не проявила себя. Людей мы туда не пошлем, а дронов можно заменить, если что. Сторас?"

"Здесь Сторас. Ты решила отказаться от принципа ‘что могут люди, делают люди’? Впрочем, в данном случае поддерживаю. Задание принято в работу. Секунду… Все, департаменту строительства директива ушла, они поднимут прежние

наработки. Завтра к вечеру обсудим. Годится?"

"Здесь Карина. Да. Только на Лику не рассчитывай, он прочно в Сураграше завяз. Сказал, что и так с Ареной слишком много времени разбазарил, и минимум декаду здесь не появится".

"Здесь Масарик. Он вообще в последнее время какой-то напряженный и про глупых женщин бурчит. Он с Каси, случайно, не поцапался?"

"Здесь Карина. Понятия не имею. Можешь сам спросить. Но, по-моему, он просто устал…"

"Здесь координатор. Дзии просит разрешения подключиться".

"Здесь Карина. Да, конечно".

"Дзии в канале. Краткая информация: дэйя Деллавита уснула".

"Здесь Карина. Ну и хорошо. Девочке нужно поспать после такого стресса… ЧТО?"

"Здесь Дзии. Она уснула вскоре после того, как закончила рассказывать о случившемся, я бы сказал, весьма неожиданно. Но, насколько я могу судить, с ней все в порядке. По крайней мере, ее телесное состояние совпадает с шаблонами сна, зафиксированными перед приключениями в Ценгане. Пульс, дыхание, движения зрачков, биохимические изменения состава крови и выдыхаемого воздуха, тонус мышц — все соответствует".

"Здесь Карина. Она уснула впервые за почти пять декад. Даже и не знаю, радоваться или пугаться".

"Здесь Дзии. Ситуация настолько под контролем, насколько возможно в нынешней ситуации. Дэй Сэйторий тоже уснул, но в его случае для разнообразия подействовали комбинация массажа и изменения состава воздуха".

"Здесь Масарик. А ведь Труда его второй раз спасает. Или даже третий, если считать давнее сражение на набережной".

"Здесь координатор. Да, я тоже нахожу довольно подозрительным, что дэй Сэйторий уже дважды впадал в состояние кипения энергоплазмы, и оба раза — в присутствии дэйи Баркхорн. Последующий молниевый шторм, явно объединивший всех троих, тоже является характерным признаком. Возможно, между ними тоже образовалась связь".

"Здесь Масарик. Вообще-то я имел в виду совсем другое… Кс-со, да. Ты прав. Похоже, ситуация усложняется чем дальше, тем больше".

"Здесь Сторас. Если связь могла образоваться между Кирисом и Фуоко или Кирисом и Дзарой, не вижу, почему она не может возникать и между другими людьми. Просто исходя из самых общих соображений: эволюцию способностей нашей юной парочки постепенно повторяют люди в разных уголках планеты,

пусть пока что с более скромными результатами. Если пофантазировать, с течением времени люди вообще могут соединиться в одну общую сеть. Как там в математике? Мешанина? И граф?"

"Здесь координатор. Топология типа ‘мешанина’, связь вида ‘каждый-с-каждым’ иным словами, является частным случаем графа. С учетом некоторой асимметричности отношений, наблюдаемых на примере дэйи Винтаре и ее окружения, не исключена ситуация формирования взвешенного направленного полносвязного или полусвязного графа, включающего все население планеты в качестве вершин. Но пока о таком говорить слишком рано".

"Здесь Сторас. М-да. Зря я тему поднял. Лишь в очередной раз дураком себя почувствовал… Так, на чем мы остановились? Координатор, Дзии, и все-таки — каково ваше мнение? Сны и галлюцинации? Или все-таки объективная реальность?"

"Здесь координатор. Версию о видениях, сформированных мозгом дэйи Винтаре, исключить по-прежнему нельзя. Кваре и эсперанто относятся к одной языковой группе, и даже более развернутая фраза, воспроизведенная дэйей Винтаре, ‘Nekonata obstaklo en la lingva modulo, korekton interpretitaj’, если привести к стандартному эсперанто, достаточно близка к схожему выражению на кваре. С учетом увлеченности дэйи Винтаре изучением эсперанто фраза вполне может являться плодом ее воображения. Поэтому ее рассказ является довольно веским, но все-таки не решающим доводом в пользу разумности противостоящих нам сил".

"Здесь Масарик. Неопознанная ошибка в лингвистическом модуле, хм… А если предположить, что мы все-таки имеем дело с разумом?"

"Здесь координатор. В таком случае я оцениваю как практически стопроцентную вероятность связи Арасиномэ с культурой Демиургов. Слишком велико сходство предполагаемого языка Чужих с классическим эсперанто, чтобы оказаться чисто случайным совпадением. Харлам и Тверек согласны с данным аргументом. Квентор пока не определился".

"Здесь Сторас. Культура Демиургов? Тогда уж сразу какой-то Демиург из Старших".

"Здесь координатор. Не обязательно. Напоминаю, что языки романской группы являются весьма популярным выбором для разнообразных игровых площадок. Они обладают высокой гибкостью, с одной стороны, и имеют относительно простой синтаксис, с другой. Более сложные языки наподобие местной камиссы, построенной на базе языков славянской группы,

являются скорее исключением. И даже они зачастую вытесняются более простыми в ходе естественной лингвистической эволюции, особенно с учетом относительно небольших размеров игровых площадок. Хорошим примером является ваша Текира, где оригинальный язык Восточного континента, изначально построенный на базе упрощенного японского, оказался вытесненным общим языком в течение всего трех столетий после начала Игры. Язык, с которым столкнулись дэй Сэйторий и дэйя Деллавита, несет на себе следы подобной естественной эволюции — насколько можно судить по нескольким словам и паре обрывочных фраз, разумеется".

"Здесь Масарик. Папа, я могу добавить, что, с моей точки зрения, использование эсперанто и любых его производных в качестве рабочего языка системы, построенной лично Демиургом, практически невероятно. Нет никакого смысла отказываться от удобного и быстрого символьного языка, оптимизированного для коммуникационных каналов, ради вокального языка, требующего массы накладных расходов на трансляцию и исключение неоднозначностей. Да и вряд ли бы Демиург так упорно игнорировал попытки с ним связаться. Я бы предположил, что мы все-таки имеем дело с естественной эволюций цивилизации на одной из игровых площадок".

"Здесь Сторас. Я невеликий специалист по физике континуума, по верхушкам нахватался. Но все-таки помню, что из Игрового мира, сброшенного в пену миров, практически нереально случайно вернуться в Большую Вселенную, даже если тамошняя цивилизация все-таки разработает методы трансграничного перехода. Бессчётное множество миров, кажется, так…"

"Здесь Масарик. Отец, ты профан. Удивительно, как ты в СВР столько лет умудрялся командовать с такими познаниями? Не ‘бессчётное’, а ‘несчётное’. Не поддающееся нумерации множеством натуральных чисел".

Длинная белая борода, развевающаяся по ветру, согбенный старик в балахоне, с трудом опирающийся на корявую клюку, грозный взгляд из-под седых кустистых бровей.

"Здесь Сторас. Не стыдно пожилого человека памятью попрекать? Я вот сейчас вспомню, что я целый регент, а кое-кто здесь — всего лишь аналитик на полставки!.. Бессчётное, несчётное — не суть. Главное, что случайно не наткнуться. А ведь мы даже не в Большой Вселенной, а в одном из бывших игровых пузырей, куда как меньше размерами".

"Здесь координатор. Понятие ‘размера’ к вселенной неприменимо, по крайней мере, в смысле, какой используешь ты.

С точки зрения наблюдателя в любом игровом мире, Большая Вселенная полностью равноценна любой иной, в том числе игровому пузырю. Она сама является лишь одним из пузырей в общей пене миров и называется ‘Большой’ исключительно в силу традиции. Но ты прав — для жителей бывшего игрового пузыря вероятность случайно наткнуться на Большую Вселенную или другой Игровой мир пренебрежимо мала. Именно поэтому Старшие Демиурги так скрупулезно подходят к процессу сброса Игровых миров в пену, полностью уничтожая любые следы трансграничных переходов, способных привести тамошних жителей к ним в гости, фигурально выражаясь. Мера безопасности, бессмысленная, на мой взгляд, но традиционная".

"Здесь Сторас. Тем не менее, кто-то сумел не только получить технологии Демиургов, но и явился сюда. Следовательно, остается лишь одна разумная гипотеза: не все следы стираются. Остаются какие-то связи. Координатор, есть идеи, какие именно?"

"Здесь координатор. Выдвижение концептуальных идей является прерогативой психоматриц биологического происхождения. В очередной раз напоминаю, что в течение последних нескольких эпох Ждущие искины принципиально воздерживаются от любых действий, способных повлиять на развитие цивилизации. Я не намерен нарушать данную традицию".

"Здесь Сторас. Ушел от ответа, хм? Ну что же, придется мне еще раз опозориться и свою мысль озвучить. Карина!"

"Здесь Карина. Да, Сторас?"

"Здесь Сторас. Как твой отец узнал о происходящем на Палле? О случившемся Первом Ударе?"

"Здесь Карина. Аварийный маяк. Одноразовое устройство, передающее сигнал в случае катастрофических событий. Но оно не является связью, доступной для прослеживания. Маяк выполняет трансграничный прокол в Большую Вселенную лишь при активации, все остальное время никаких постоянных каналов связи он не поддерживает…"

"Здесь Масарик. Кара, стоп! Действительно, идея. Любое следящее устройство просто обязано время от времени сообщать о своем текущем статусе, как минимум, что оно все еще работает. Иначе непонятно, ожидает оно ключевого события или же больше не функционирует по какой-то причине. Если Джао оставил такой же маяк в пузыре, откуда происходит Арасиномэ, вполне возможно, что тот проследил путь сначала в Большую Вселенную, а потом, через другой маяк, и сюда. Чтобы не гадать, можешь спросить у него сама?"

"Здесь Карина. Логично. Формирую запрос… ушло. Пара

минут на прохождение границы в одну сторону плюс время, необходимое папе для реакции. Думаю, минут через пять получим ответ. Но сейчас меня больше волнует не Арасиномэ и даже не таинственный старик в библиотеке, а дети. Дзии, какие-то заметные последствия для здоровья пострадавших инцидент имел?"

"Здесь Дзии. Отчет. В составе крови дэйи Деллавита и дэя Сэйтория наблюдаются характерные изменения: они в очередной раз проснутся с чудовищным аппетитом. Но данное состояние не является для них чем-то необычным. В настоящий момент я перемещаю их в лабораторию на Ланте и обновляю там запасы питательных брикетов и полноценной пищи, так что с этим я справлюсь. Дэйя Баркхорн на всякий случай тоже обследована. Она не демонстрирует никаких признаков болезненного состояния, если не считать острого раздражения по поводу сгоревшего любимого купальника. После доставки с материка заряженного аккумулятора для самолета она продолжит полет по запланированной трассе. С дэйей Мэйдо сложнее. С одной стороны, очень повезло, что в момент, когда она стала источником молниевого шторма, девочка вышла в туалет и никому не навредила. С другой — микродрон Мелиссы оказался сразу же уничтожен плазменным сгустком и сгорел. Я взял на себя ответственность не подпускать близко никого из людей, пока шторм не завершился, и несколько минут посреди бушующих разрядов в полном одиночестве перепугали девочку до полусмерти. Я послал срочный вызов Яне, она уже появилась на Палле и занимается проблемой".

"Здесь Карина. Почему ты сразу не проинформировал меня о ситуации с Дзарой?"

"Здесь Дзии. Ты сосредоточилась на проблеме с дэйей Деллавита и дэем Сэйторием. Распределить внимание между ними и дэйей Мэйдо ты все равно не могла, да и помочь девочке больше, чем я и мать — тоже. Я решил, что бессмысленно подвергать тебя лишнему стрессу".

"Здесь Карина. Дзии! Какого!.."

Безумные горящие глаза в ночной тьме, дикая кошка, подобравшаяся перед прыжком. Резкий порыв ледяного ветра в мрачном осеннем лесу, ураган опадающих листьев, мечущиеся вершины деревьев.

"…прошу прощения, не сдержалась. Дзии, на будущее настоятельно прошу информировать меня о подобных проблемах независимо от своих умозаключений. Я приму их с благодарностью, но окончательное решение, будь любезен, предоставь принимать мне".

"Здесь Дзии. Принято к сведению. Продолжаю отчет. Семь студентов Университета и трое сотрудников службы охраны, вошедших в контакт с недооформившимися волютами в разных локациях Хёнкона, существенных проблем со здоровьем и самочувствием не испытывают. У студентки первого курса Ийко Касавы на теле частично сгорела блуза в результате электрошторма низкой интенсивности, отмечен легкий ожог от затлевшей ткани на левом плече. Других пострадавших нет. Новые микродроны взамен утраченных уже спускаются с высокой орбиты, ожидаемое время приводнения возле Подды — примерно через девяносто три минуты. Конец отчета".

"Здесь координатор. Дополняю. Орбитальные сенсоры зафиксировали возбуждение четырех резервуаров энергоплазмы у планетарной поверхности Паллы, один из них — под Барной, другой — в Хёнконе, возле Хрустального перевала. Судя по перехватываемому радиотрафику, полиция зафиксировала синхронное появление волют в шестнадцати городах на всех четырех материках, но данные о пострадавших пока никто не передавал. Надеюсь, что и не передадут. Сенсоры под контролем Квентора зафиксировали резкое возбуждение семи крупных конгломератов энергоплазмы в окрестностях звезды, системы в происходящем не выявлено. Еще один твердотельный массив, в настоящий момент проходящий над полюсом звезды на расстоянии восемнадцати секунд от видимого тела Арасиномэ, зафиксировал заметные флуктуации метрики в момент потери сознания дэйей Деллавита. Однако несколько секунд спустя он вошел в зону повышенной аномальности, субсвязь с ним потеряна не менее чем на четыре планетарных часа, а радиопередача из данного района невозможна из-за массированных помех от Арасиномэ. Если массив переживет прохождение зоны, возможно, у нас появятся новые данные. Конец дополнения".

"Здесь Карина. М-да. В очередной раз напоминаю, что связь экспериментов Фуоко и Кириса с глобальными проявлениями Арасиномэ не должна обсуждаться с людьми ни при каких обстоятельствах. Ни с какими людьми, включая их кураторов. Только всепланетной охоты на ведьм нам не хватало для полного счастья. Где там папочка запропастился со своим ответом?"

"Здесь координатор. С момента отправки запроса прошло менее планетарной минуты. Есть предложение не ожидать ответа. Если бы Джао хотел раскрыть информацию о маяках, он давно сделал бы это. Полагаю, у него уйдет какое-то время на формулировку ответа. Карина, у тебя ведь совещание в разгаре?"

"Здесь Карина. Ох! Ну надо же, совсем из головы вылетело. Сказала, что на минуту отвлекусь, а уже почти десять прошло.

Сторас, Марик, очень извиняюсь, потом договорим. Ответ папы я перешлю. Отбой".

"Здесь Сторас. Грустно, однако. Не понимаю, почему Карина вообще не запретит нашей звездной во всех смыслах парочке любые эксперименты?"

"Здесь Масарик. Потому что в противном случае связанные с ними инциденты начнут происходить спонтанно. Мы ведь до сих пор не понимаем, что является триггером. Так что эксперименты под контролем позволяют нам хотя бы находиться наготове на случай неприятностей. Кстати, подход ‘нет человека — нет проблемы’ сейчас тоже не сработает. Если сознания детей и в самом деле перенесены на внешний носитель по тому же принципу, что и наши психоматрицы, последствия гибели их тел окажутся непредсказуемыми. Я уже не говорю, что Кару их смерть подкосит напрочь. На твоем месте я бы даже и не думал в том направлении".

"Здесь Сторас. Да я и…"

"Здесь Масарик. Пап, я тебя знаю гораздо лучше, чем ты полагаешь. Не надо отвечать. Просто прими к сведению, что я включился в систему мониторинга координатора и никому не позволю убить детей, даже если они станут прямой угрозой всей Палле".

"Здесь Сторас. Учту. Не забудь про храмы на Ланте — с учетом того, что ставрийский поп появится уже через три дня. А сейчас позволю себе откланяться. Конец связи".

"Здесь Масарик. По-моему, он все-таки обиделся. Кс-со… Нужно извиниться попозже. Дзии, координатор, спасибо, что поучаствовали. Отбой".

"Здесь Дзии. Отбой".

"Здесь координатор. Канал закрыт".

04.29.1232. Хёнкон

Рикона потянула на себя большую стеклянную дверь, и та на удивление легко отворилась. Робко заглянув внутрь, девочка перешагнула порог и ступила босыми ногами на прохладные плиты большого полутемного холла, скудно освещенного парой светильников под потолком.

Она уже почти привыкла к новому миру — и к удивительным домам, и к не менее удивительным паладарским дронам, принимающим любую форму, и к звучащему в голове голосу невидимого переводчика, и к паладарским терминалам, и к странным парням и девушкам из разных стран местного мира ("планеты", как полагалось говорить)… Она даже почти свыклась с местной модой разгуливать полуголыми, а то и совсем обнаженными, и хотя сама раздеваться пока не рисковала, манеру повсюду ходить босиком освоила с неожиданным удовольствием. Странные чуть липкие пластины у входов в разные здания очищали подошвы от грязи, и Большая библиотека оставалась единственным местом, где приходилось ополаскивать ноги в вестибюле со шкафчиками для уличной обуви либо надевать тапки. Вот и сейчас она заявилась сюда босой, даром что в больницу. Раз господин (или госпожа?) Дзии разрешил (или разрешила?), значит, можно.

Девочка прошлепала по плитам холла (наверное, все-таки каменным) к стойке регистратуры и робко прокашлялась, чтобы обратить на себя внимание сухощавого дядьки, что-то задумчиво изучающего в невидимом отсюда экране монитора. Наверное, следовало бы вежливо поздороваться, но тогда сидящий в голове переводчик выберет язык случайным образом. Вдруг врачу он покажется неудобным? Вот ведь вечная проблема!

— Здравствуй, госпожа, — откликнулся дядька на камиссе, не отрываясь от экрана. — Что привело тебя в нашу скорбную обитель в сей хмурый предутренний час?

— Здравствуйте, господин доктор, — с облегчением откликнулась девочка, наблюдая на краю поля зрения синюю точку индикатора языка. — Меня зовут Рикона Кэммэй. Госпожа… э-э… господин…. э-э… Дзии сказал мне прийти, чтобы поговорить с Дзарой Мэйдо.

— А, вот как? — дядька наконец оторвался от экрана, с интересом посмотрел на девочку и вдруг перешел на общий. — Я полагаю, Рикона Кэммэй из графства Цветов, воспитанница Академии высокого стиля в Цетрии?

— Д-да… — автоматически откликнулась на родном языке

Рикона, и на сей раз невидимый переводчик промолчал, позволив ей самостоятельно двигать собственными губами. — А ты откуда знаешь, господин?

— Меня, юная госпожа, зовут Кулау. Доктор Кулау Цмирк, бывший хирург с Текиры, ныне декан факультета экзобиологии, — лицо дядьки расцвело в добродушной улыбке. — Я паладар. Ты у нас знаменитость, так что не знать тебя даже неприлично. Рад знакомству, молодая госпожа. Ты знаешь, что такое экзобиология?

— Не-а, — польщенная Рикона помотала головой. — В школе только про обычную биологию рассказывали, и то я еще ничего выучить не успела.

— Замечательно! — доктор Кулау ухмыльнулся еще шире и потер руки. — Вот ты мне и попалась, молодая госпожа. Видишь ли, Дзара сейчас спит. Она уснула всего несколько минут назад. Снотворные на нее больше не действуют, а сама она нервничает так сильно, что спать не может. Не надо ее пока будить. Но чтобы тебя обратно не выгонять… ну-ка, давай сюда.

Он пододвинул к себе еще один стул и приглашающе похлопал по сиденью. Рикона нерешительно обогнула стойку и замерла, не рискуя садиться. На экране терминала светилась картинка: какая-то каменистая пустыня, а на переднем плане — неаппетитный бесформенный кусок серой грязи.

— Как думаешь, что видишь? — поинтересовался доктор Кулау.

— Не знаю, — честно ответила девочка. — Грязюка какая-то.

— Хм. Ладно, принято. Отныне она так и называется: грязюка малая. Поздравляю, ты только что дала название условно живому существу в вашей вселенной.

— Живому?

— Точно. Конечно, что такое жизнь, вопрос до сих пор остается открытым. Вот ты живая?

— Ну… да. Наверное… — Рикона на секунду задумалась. — Госпожа Яна говорила, что жизнь — когда мыслишь. Я ведь умерла когда-то давно, а потом меня в вир-ту-альном мире оживили и воспитывали. У меня когда-то было настоящее тело, но оно погибло, а я все равно живая.

— Да, верно. Ты мыслишь, следовательно, жива. Но не все формы жизни умеют мыслить — растения, например. Или микробы. Так что у нас определение жизни следующее: живым является все, что может сопротивляться энтропии, а также способно вести себя по-разному в одних и тех же условия. Ты про энтропию слышала?

— Нет…

— Ясненько. Да ты садись! — Кулау положил руку девочке на плечо и заставил опуститься на угрожающе заскрипевший под ней стул. — По-научному энтропия — процесс рассеивания энергии в окружающем пространстве. Он идет всегда, и неживые предметы из-за него разрушаются. Вот, скажем, если стол, за которым мы сидим, вынести на улицу, под дождем и солнцем он сначала покоробится, потом сгниет и распадется. Под действием бактерий энергия, связывающая волокна дерева в стуле, рассеется в пространстве, и стул превратится в кучку молекул, которые поглотят другие существа. Однако живые деревья годами и десятилетиями мокнут под дождем и греются на солнце, но не гниют и не рассыпаются. Они живые, а потому способны восстанавливать разрушенное и развиваться дальше. Понятно?

— Ага.

— Но способность сопротивляться энтропии — не всегда определяющий показатель. Скажем, если мы растворим в воде много-много соли…

— Насыщенный раствор, да? — быстро переспросила Рикона. — Нас в Академии немного учили химии.

— Молодец, именно так. Если мы возьмем насыщенный раствор соли и опустим в него затравку на ниточке, вокруг нее быстро образуется и вырастет солевой кристалл. Процесс кристаллизации — тоже сопротивление энтропии, но кристалл точно не живой. И если мы возьмем один и тот же раствор, разольем в разные стаканы и опустим одинаковые затравки, то получим два идентичных кристалла. Зато если мы вернемся к растениям, то два одинаковых семечка на одной клумбе вырастут в два совершенно разных куста. Вот тебе и еще один признак жизни. То есть в совокупности сопротивление энтропии и неоднозначное поведение позволяют отнести объект к живым. А теперь снова посмотри на нашу грязюку малую. Хоп!

Доктор Кулау щелкнул пальцами в воздухе, и картинка на терминале ожила. Комок грязи, медленно перетекая с места на место, пополз вокруг одного из булыжников и вскоре скрылся за ним.

— На самом деле грязюка очень медленная. Запись прокручена с ускорением в восемьдесят раз, так что при беглом взгляде ты бы ее движение и не заметила. Но она движется! Ты заметила, как она избегает тени от камня? Видимо, пытается все время оставаться на свету.

— А зачем? Она тоже фо-то-синтезом занимается?

— Нет. Во всяком случае, не так, как растения. Грязюка происходит с планеты вокруг тусклой звезды в четырехсот годах… стандартных световых годах отсюда. Планета холодная,

почти без атмосферы, без свободной воды и кислорода, так что грязюка полностью неорганическая, к биологической жизни отношения не имеет. Но она состоит из натуральных неорганических полимеров, способных накапливать электрический заряд под действием солнечных лучей и сокращающихся под действием разрядов тока. Нити полимера внутри нее работают так же, как человеческие мускулы. Хотя она и походит на комок грязи, на самом деле обладает довольно сложным поведением: умеет избегать тени, где ее электрический заряд постепенно рассеивается, ищет пятна пыли, содержащие нужные ей минералы, и даже умеет делиться. По степени организации она примерно соответствует известной, наверное, тебе амебе.

— А она эволюциони… э-э… ционирует? — Рикона выругала себя за то, что не может толком произнести умное слово, но рот к нему еще не приноровился. Тьфу. Но все лучше, чем переводчик, за тебя говорящий, словно по книжке читает.

— Возможно. И даже наверняка. Сейчас на всей планете обнаружено четыре основных разновидностей грязюк, и две из них точно когда-то являлись близкими родственниками. Через миллиард лет или около того из такой вот грязюки, наверное, произойдет девочка вроде тебя. Когда доживешь, сможешь познакомиться.

— У-у… — разочарованно протянула Рикона. — Целый миллиард лет! Это же долго!

— Долго, — согласился доктор Кулау. — Но Вселенная — штука вообще неторопливая. Так что ты уж постарайся дождаться, а то все самое интересное пропустишь. Кстати, несколько таких грязюк мы привезем на Паллу через три декады, когда контейнер долетит с орбиты за пределами аномальной зоны. Мы станем их изучать — если, конечно, они смогут здесь жить. Ну что, хочешь заниматься экзобиологией, когда подрастешь… выучишься?

— Конечно, — вежливо ответила девочка. На самом деле грязюка ее вовсе не впечатлила. Заниматься изучением таких вот комков? Пфэ… Ладно бы что-то интересное, а то какие-то инопланетные амебы! Но огорчать дядьку, тем более — паладара, не хотелось.

— Не обманывай, молодая госпожа! — доктор погрозил ей пальцем. — Ничего-то ты не хочешь. Ох уж нынешняя ленивая молодежь…

— Ох уж нынешние ворчливые старикашки! — в тон ему откликнулся знакомый голос, и Рикона радостно вскочила со стула. Она не видела Маюми уже три или четыре дня. Рыжая лиса неторопливо семенила от входа к стойке, а рядом с ней

переваливался с лапы на лапу толстый неповоротливый енот с несколькими черными кольцами на длинном пушистом хвосте. — И зудят, и зудят, и зудят, дай только до беспомощного ребенка дорваться!

Лиса одним изящным движением запрыгнула на ощутимо содрогнувшийся под ней стол и почесала за ухом задней лапой.

— Привет, Рика, — сказала она, наблюдая за неуклюжими попытками енота забраться на тот же стол. Енот тоже подпрыгнул, но его хватило лишь, чтобы ухватиться за столешницу передними лапами и беспомощно заскрести по боковой тумбе задними. — Тебя тоже захомутали в качестве скорой помощи?

— Домашним животным полагается оставаться бессловесными и ласться к людям, чтобы снимать им стресс, — пробурчал Кулау, скрестив руки на груди и с недовольной миной рассматривая новоприбывших. — Госпожа Маюми, не могла бы ты попросить… э-э, как его, второго микродрона не портить мебель своими когтями? И слезь со стола сама, он не рассчитан на такую тяжесть.

— Не знаю насчет домашних животных, никогда не держала, — лиса вальяжно развалилась на столе, закрыв собой нижнюю часть экрана, даже и не подумав подчиниться. — А этой дурочке я не приказываю, меня всего лишь уговорили ее сюда доставить, чтобы не потерялась по дороге. Тупая она, как пробка, первая категория, и развивается медленно. Прикажи ей сам, Калу, для нее что я, что ты — оба равноценны.

Енот (точнее, енотиха) тем временем сорвалась и с глухим шлепком свалилась на пол. Ничуть не разочарованная, она тут же вскочили на ноги и примерилась к новому прыжку.

— Мелисса! — строго сказал Кулау. — Нельзя! Сиди на полу.

— Мелисса хорошая! Мелисса хочет к Дзаре! — енотиха снова подпрыгнула, на сей раз куда удачнее. Оставляя на тумбе длинные царапины от когтей, она вскарабкалась наверх и уселась рядом с лисой.

— Просто зоопарк какой-то! — доктор Кулау взялся за голову. — Или нет, в зоопарке лисы хотя бы не хамят дрессировщикам.

— Конечно, не хамят, — хладнокровно парировала Маюми. — Дрессировщики в цирке работают, а в зоопарке они посетители на общих основаниях. Чего им хамить? Рика, рассказывай, чего новенького. В школу ходить уже начала? Или все еще болтаешься без дела под предлогом знакомства с новой обстановкой?

— Сама ты болтаешься! — возмутилась Рикона. — Я в школу не хожу, потому что у меня пока что индивидуальная программа.

Я с Таней занимаюсь, и с Фуоко немного.

— Занимается она! — фыркнула лиса. — Рассказывай давай! Ты хотя бы алфавит местный выучила?

— А вот и выучила! — Рикона скрестила руки на груди и победно задрала нос. — Вон, на экране написано… э-э…

Она запнулась. Значки на дисплее монитора выглядели абсолютно незнакомыми: не эсперанто и не паллийские буквы, а какие-то невообразимые переплетения кривых линий.

— Угу-угу? — лениво подзадорила Маюми, бросив через плечо на дисплей короткий взгляд. — Там написано?..

— Маюми, хватит провоцировать человека, — нахмурился доктор Кулау. — Ты прекрасно знаешь, что надписи на мониторе выполнены символьным алфавитом паладаров.

Картинка на экране погасла, и вместо нее возник текст на кваре, написанный большими желтыми буквами на синем фоне.

— Рикона, можешь прочитать?

— Конечно! — с облегчением согласилась девочка. — "В по-всед-нев-ной дей-ст-ви-тель-но-сти та-кие ар-те-фак-ты соз-на-ния из-ме-ня-ют-ся са-мым при-чуд-ли-вым об-ра-зом…" Господин Кулау, а что такое "артефакты сознания"?

— Ну, если попроще, то это штуки, существующие исключительно в чьем-то воображении. Например, страшный зверь, живущий под кроватью и готовый тебя утащить и съесть в любой момент.

Паладар слегка подмигнул.

— Я ни в каких зверей не верю! — обиделась Рикона. — Я что, маленькая, что ли? Мне даже про чудищ в Сайлавате объяснили, что они не настоящие, а нарисованные. И потом, у меня же…

Она на секунду запнулась, проверяя себя. Доктор Кулау — паладар, Маюми — старая подруга, вместе с которой они явились на Паллу, а енотиха Мелисса — простой микродрон, да еще и глупый. А больше никого нет. Значит, можно.

— …у меня же дрон вместо тела, — закончила она. — Кто его съесть может? Никто!

— Ну, я же просто для примера! — доктор Кулау развел руками. — Ох, нынешняя молодежь! Взрослеет не по годам, любого старика переспорить может. Ну ладно, вот другой пример…

Неожиданно он замер, а через пару секунд ожил снова.

— Дзара проснулась, — озабоченно сказал он. — И она опять испугана. Рикона, могу я попросить тебя?..

— Да, конечно, — быстро сказала девочка. — Я за тем и пришла. А где она?

— Второй этаж, палата двести четыре. Вон по той лестнице, на площадке налево. Я не пойду с тобой, хорошо? Боюсь, я ей уже надоел изрядно, как и Дзии. У Яны срочные дела на Текире, ей пришлось отлучиться, так что вся надежда на тебя.

— Ага! — Рикона кивнула и со всех ног бросилась к лестнице. Маюми и Мелисса с глухим стуком спрыгнули со стола и побежали следом.

Прыгая сразу через три ступеньки, девочка взбежала по лестничным пролетам, выскочила на площадку второго этажа и, резко замедлившись, чтобы не стучать пятками и не будить пациентов, вероятно, спящих в палатах, на цыпочках вошла в коридор. Двести четвертая комната обнаружилась через одну дверь от лестницы. Рикона осторожно поскреблась в дверь и, не дожидаясь ответа, приоткрыла ее и заглянула внутрь.

В палате, обклеенной обоями с веселыми мультяшными животными и птицами, неярко горел свет. У окна с плотно задернутыми шторами стояла широкая низкая кровать с грудой смятых простыней. Оттуда доносилось тихое всхлипывание.

— Эй! — осторожно позвала Рикона. Автопереводчик по-прежнему не действовал. Всхлипывание прекратилось, и в комнате воцарилась настороженная тишина. — Эй, привет. Я войду?

Простыни зашевелились, и из-под них появилась черноволосая девчоночья головка.

— Сюда нельзя! — сказала она насупленно на кваре. — Уходи, а то плохо будет.

— Ты ведь Дзара? — спросила Рикона, с облегчением отметив включившийся переводчик. — Дзара Мэйдо, да? Меня паладары…

Мелисса рванулась в палату между ее ног, едва не уронив на пол. Енотиха с разбегу запрыгнула на кровать и с ходу лизнула ее в лицо.

— Мелисса нашла Дзару! — восторженно пропищала она. — Мелисса нашла Дзару! Мелисса соскучилась!

Куча простыней вдруг дрогнула, и спутница Дзары от сильного толчка пошатнулась. Сбросить увесистого микродрона на пол Дзара не смогла, но, забарахтавшись на кровати, резво отползла к стене.

— Мелька, дура! — крикнула она во весь голос. — Уходи, быстро! Я тебя опять сожгу, не понимаешь?

— Так, малявки! — лиса Маюми просочилась мимо Риконы, неторопливо протопотала по комнате, запрыгнула на кровать рядом с Мелиссой и уселась, обернув задние лапы пушистым хвостом. — Тихо! Не вопить, не визжать, громкость убавить. Эй,

Рика! — она обернулась. — Ты что там застряла? Войди в палату и дверь закрой. Ночь же, люди спят! Перебудим сейчас всех.

Спохватившись, Рикона перешагнула за порог и аккуратно прикрыла за собой дверь. Мелисса тихо поскуливала, словно побитый щенок, припав к кровати и уставившись на Дзару большими обиженными глазами.

— Вот так! — удовлетворенно кивнула лиса. — Как там тебя, Дзара? Ты чего верещишь и толкаешься? Не проснулась, что ли, толком?

— Я вас всех сожгу! — буркнула Дзара, стараясь вжаться в стену. — Из меня молнии лупят сами по себе. Ты вообще кто такая? Ты чья? Уходи лучше!

— Я ничья! — лиса обиженно вздернула нос. — У меня, между прочим, официальная должность воспитателя в младшей школе. А ты кончай кукситься, пока твоя Мелисса от огорчения не померла. Лучше погладь ее.

— Я ее сожгу…

— Ну, нового микродрона пришлют, делов-то! Ты не Мелиссу сожжешь, а простую куклу, их у паладаров тысячи. Сейчас вот специально из космоса запас в двадцать штук привезли, так что хоть каждый день по одной сжигай, только по две не надо. Тебе что, не рассказывали, что сама Мелисса далеко-далеко отсюда?

Какое-то время Дзара недоверчиво рассматривала Маюми, потом медленно, даже робко, протянула руку и коснулась головы енотихи между ушами. Немедленно ожив, та прянула вперед и прижалась к девочке, лихорадочно вылизывай хозяйке лицо. Дзара крепко обняла ее и шмыгнула носом — раз, другой. Потом слезы обильно потекли по ее физиономии, и она снова тихо заплакала.

— Мелька, прости, — прошептала она, вцепившись в спутницу. — Прости, а? Я же не хотела…

— Мелисса любит Дзару! — порадовала енотиха, ненадолго прекращая вылизывание. — Мелисса в порядке! Мелисса не сердится!

— Так, начались нюни, — лиса недовольно сморщила нос. — Комплекс вины, катарсис, все такое. Ладно, Рика, я сматываюсь, у меня там малышня дрыхнет. А Дзии только доверь за детьми присматривать, сразу кошмарики сниться начнут.

Маюми спрыгнула с кровати, подбежала к двери и недовольно посмотрела на Рикону.

— Дверь открой, дубинушка! — притворно-ласковым тоном сказала она. — Не видишь, что ли, я до ручки не дотянусь?

Девочка поспешно выпустила подругу в коридор, поборов страшное искушение отвесить пинка на прощание, и подошла к

кровати. Дзара по-прежнему шмыгала носом, крепко обхватив Мелиссу, и Рикона остановилась в нерешительности. Лишь сейчас она сообразила, что не знает, что делать. Они ведь даже не знакомы!

Дзара настороженно уставилась на нее.

— Привет… — нерешительно сказала Рикона. — Я Рикона. Я… меня Дзии попросил прийти. Он сказал, что тебе плохо.

— Уходи! — буркнула мелкая. — Тебе здесь нельзя.

— А… почему?

— Вот почему! — Дзара отцепилась от свой ненаглядной енотихи и вытянула руку. По ее кисти и предплечью скользнула потрескивающая волна голубых молний. Запахло грозой. — Из меня электричество течет, я тебя сжечь могу, поняла? Я эйлахо!

— Ух, классно! — почти против воли восхитилась Рикона. — Совсем как Фучи…

Она резко осеклась — ведь Фуоко просила не болтать об ее способностях. Ой, трепло!

— Фучи? — удивилась Дзара. — Ты ее что, знаешь?

— Ага. Она за мной вроде как присматривает вместе с Таней… ну, с моим куратором.

— Зачем?

— Ну… — Рикона помялась. С одной стороны, рассказывать о себе впервые встреченной девчонке не очень-то и хотелось. Тем более, что и госпожа Яна, и Мира, и госпожа Карина просили не слишком афишировать свое происхождение. С другой — вроде бы считаться эйлахо в здешнем мире тоже считалось то ли позорным, то ли просто неудобным. Так что признание за признание. — Понимаешь, я с другой планеты прилетела.

— Врешь! — глаза мелкой расширились до размеров едва ли не кулака. — Ты что, паладар?

— Сама ты врешь! — обиделась Рикона. — Я не паладар, я просто… Ну, в общем, я здесь учусь теперь. В вашем мире. Чтобы привыкнуть… ну, так надо.

— Докажи! — потребовала мелкая. — Превратись во что-нибудь! Все паладары умеют.

— Не могу, мне запрещено, — вздохнула Рикона. — Говорят, чтобы вредных привычек не приобретала. Зато я так могу…

Она протянула вперед руки, расположив ладони параллельно, и медленно развела их. Полноценный Щит, как в Академии высокого стиля, она создать не могла, но "гравитационное поле", как его называла Мира Аттэй, включилось послушно. Прозрачное облако между ладонями, преломляя свет, словно магический кристалл, заиграло всеми цветами радуги. На мгновение Риконе вспомнилась давняя злосчастная драка на

набережной с местными волютами, послужившая толчком к преждевременному сатори, но она решительно отогнала неприятное воспоминание.

— Ва-ай! — восторженно протянула мелкая, ее глаза восторженно заблестели. — А меня так научить можешь?

— Не-а, — Рикона помотала головой, опуская руки и изгоняя радугу. — У меня же тело из дрона сделано, а у тебя живое… вернее, биологическое! — важно добавила она, вспомнив доктора Кулау. — Вон, у меня даже волосы толком не растут, потому что дрон иначе не умеет, — она дернула за прядку, куда более короткую и жесткую, чем она привыкла в Академии. — А покажи еще раз, как ты молнии пускаешь?

— Да запросто… — Дзара снова погрустнела. Она снова вытянула руку, и с указательного пальца с громким хлопком сорвался всего один, зато длинный и яркий разряд. Обе девочки синхронно вздрогнули. — Я сегодня… или уже вчера? В общем, я туалет раскокала весь. И одежда сгорела. И Мелисса, — она опять прижала к себе притихшую енотиху. — Я и тебя сожгу.

— Ну и пусть, — Рикона легкомысленно пожала плечами. — Вон, у тебя Мелисса сгорела, а ей новое тело дали. И мне дадут. Мне даже проще, не надо новую куклу из космоса везти. Любого дрона взять можно.

Она поддернула спортивные трусы, заправила в них майку, села на кровать, поджала под себя голую ногу и почесала внезапно зазудевшую пятку с прилипшими к ней соринками.

— А если твою молнию в мой Щит… в радугу запустить, интересно, что получится? — задумчиво спросила она.

— А давай попробуем! — с энтузиазмом предложила Дзара, протирая глаза от остатков слез. Она, похоже, уже полностью отошла от своего мрачного настроения. — Давай, а?

— Давай! — Рикона опять вызвала между ладонями гравитационное поле. — Но аккуратно. И руку туда не суй, а то придавит.

— Я осторожно… — Прикусив высунутый язык, мелкая протянула палец — и вдруг Мелисса безо всякого предупреждения дернулась всем телом, роняя Дзару на кровать и придавливая ее сверху.

— Опасно! Опасно! Опасно! — странным механическим тоном, ничуть не похожим на прежний тонкий жалобный голосок, произнесла она. — Запрещено! Координатор уведомлен! Опасно!

— Что у вас там происходит, дамы? — поинтересовался из-под потолка голос доктора Кулау. — Почему Мелисса на помощь зовет?

— Мы ничего не делали! — быстро сказала Дзара. — Совсем

ничего. Мы только попробовать хотели!..

— Так, вака! — голос Кулау стал еще строже. — Тебя ведь уже предупреждали, что нельзя просто так играть с электричеством, верно? И с волютами — тоже. И Дзии предупреждал, и я. Предупреждали?

— Ну, предупреждали… — скучным голосом протянула Дзара. — Я же осторожно!

— Никак! — отрезал доктор. — Исключительно в специальной комнате и под присмотром. А если ты кого-нибудь обожжешь или пожар устроишь? Рикона, тебя тоже прошу не заниматься экспериментами совместно с Дзарой. Результаты могут оказаться… скверными. У нас есть лаборатории, там можно, но не в других местах. Ладно?

— Ла-адно… — в унисон откликнулись девочки, переглянулись и дружно прыснули. Дзара спихнула с груди Мелиссу и села.

— Ох уж нынешняя молодежь! — проворчал Кулау. — Шустрая — просто спасу нет. Потерпите, наиграетесь еще. Отбой.

— Дура Мелька! — назидательно сказала Дзара. — Ты чего ябедничаешь?

— Нельзя! — пискнула енотиха прежним голосом. — Опасно для Дзары! Опасно для всех!

— И вот так она все время! — пожаловалась мелкая, дергая Мелиссу за ухо. — Слушай, как тебя зовут? Я забыла.

— Рикона. А лучше Рика.

— Ага. А ты с какой планеты прилетела? У вас там тоже люди живут? А ты в школу ходила? А тебе сколько лет?..

— Эй! — оборвала ее Рикона. — Я тебе сразу на все отвечать должна? У меня что, десять языков? Мне четырнадцать лет, только не ваших, а наших. А ваших — двенадцать, что ли.

— А мне уже одиннадцать! — похвасталась мелкая. — Ну, через декаду исполнится. Я в пятом классе учусь, и нам рассказали, что когда двенадцать исполнится, уже почти взрослой становишься, и начальные гражданские права дают. Можно машину водить, в суде выступать, и как его… — Она нахмурилась. — Возраст сек-су-ального согласия. Мне с мальчиками встречаться можно будет. А тебе, значит, уже можно? А ты с мальчиками встречаешься?

— Тьфу, болтушка! — засмеялась Рикона. — Какой тебе мальчик? Ты же вообще мелкая! Вырасти сначала.

— И вовсе я не мелкая! — обидчиво заявила Дзара. — Мама говорит, в моем возрасте девочки быстро развиваются, я через год вообще вот такая стану!

Ладошками она изобразила выпуклости на совершенно

плоской детской груди. Впрочем, ее мысли тут же переключились на новый предмет.

— Рика, а в каком ты классе?

— В класс я пойду в пятый, — сообщила Рикона. — У нас в школах немного не так учат, я много не знаю, придется с младшими заниматься. Значит, мы с тобой в одном классе будем, да? Давай дружить?

— Давай! — с энтузиазмом согласилась Дзара. — А у вас на планете чему в школе учат? Тоже дроби заставляют вычитать и складывать?

— Ну… — Рикона поколебалась. Уже можно не сомневаться, что новая подружка тайны хранить не умеет совершенно и все, что узнает, немедленно разболтает. С другой стороны, скрыть свое происхождение не удалось бы в любом случае, а значит, на вопросы придется отвечать если и не Дзаре, то другим. — Дробям нас тоже учили. Только я в специальную школу ходила. Она называется "Академия высокого стиля". Нас с чудищами драться учили, чтобы мы Защитниками стали. Видишь кубирин? — она постучала пальцем по обручу на шее. — Он серебряный, значит, я Щит. То есть я могу Щит создавать, чтобы от монстров защищаться.

— Класс! — Дзара подскочила и уселась, поджав ноги и возбужденно склонившись к Риконе. — А покажи? А какие чудища у вас там живут? Они страшные?

— Так что показывать-то? — Рикона нахмурилась. — Ты же только что видела. Но здесь у меня Щит ненастоящий, так, одна видимость. Гравитационное поле какое-то. Я им вещи поднимать могу, а больше ничего. А вещи и руками поднять можно. И кубирин ненастоящий, просто украшение. Камень даже не светится. А монстры у нас разные есть, и страшные, и не очень. Вот, например, огненный шершень…

За непринужденной болтовней время летело незаметно. Рикона рассказывала про тренировки будущих Защитников, Мечей и Щитов, про большой парк, окружающий учебные корпуса и дормиторий, про Мировую Сферу с хранящимся там Глазом Бога, про Цетрию, столицу одновременно графства Цветов и всего Сайлавата, про непрекращающиеся несколько столетий бои в Приграничье с монстрами, грозящими уничтожить все на своем пути, про войны между Северными и Южными графствами… Она старалась не вспоминать, что большая часть ее историй относится к сказкам, выдуманным специально для таких же детей, как она. Мертвых детей, которых Демиурги пытаются возвращать к жизни. Про свою смерть и сатори она тоже не упомянула, незачем.

В ответ Дзара рассказывала, как они с матерью и дедом жили

в далеком приморском городе под названием Барна, как давным-давно, когда самой Дзаре еще не исполнилось и двух лет, мир вдруг сломался и стал совсем неправильным, как внезапно умер папа, державший ее на руках (это девочка помнила совершенно отчетливо, и на ее глазах на мгновение снова проступили слезы), как она с детства помогала маме и деду, папе папы, в их лапшичной в бедном районе Барны, заселенном по большей части портовыми рабочими и моряками, как время от времени на горизонте появлялись огромные кучи тумана, который был совсем не туманом, а опасным кольчоном, но их всегда сжигали и отгоняли самолеты, а иногда большие корабли, и как однажды она, Дзара, увидела совсем рядом большую волюту, но та не стала стрелять и куда-то улетела…

Рикона уже немного знала историю Паллы и читала про Удар и его последствия: внезапные массовые смерти по всему миру, переставшая работать техника, само по себе взорвавшееся страшное оружие, опустошившее огромные районы и уничтожившее целые города и флоты вместе со всеми людьми, наступившие затем бедность и отчаяние. Но одно дело читать сухие строчки текста на экране, пусть даже с фотографиями, и совсем другое — слушать человека, лично пережившего пусть и не все, но многое. Она спохватилась, только когда полоска света, просачивающаяся на потолок из-за шторы, стала совсем яркой от взошедшего солнца, а в дверь вошла пожилая полная тетушка в зеленой пижаме и с татуировкой на щеке.

— Доброе утро, девочки, — дрон Дзии улыбнулся обеим. — Полночи трещали как сороки. Языки не отваливаются?

Дзара сонно улыбнулась ей.

— Привет, Дзии, — сказала она и широко зевнула. — А уже утро?

— Утро, юная дэйя, — строго сказала Дзии. — Вот ты ночью не спала — как теперь в школу пойдешь? На уроках тоже зевать станешь?

— Я же болею! — надувшись, ответила Дзара. — Мне в школу нельзя.

— Воспаление хитрости у тебя, Дзара-тяма! — отрезала Дзии. — Мама за тобой придет через полчаса, вот она и определит, что там у тебя болит. Ну-ка, ляг нормально на спину, я тебя проверю.

Разочарованно застонав, девочка опрокинулась на спину и забарахталась, разравнивая смятые простыни. Мелисса тут же устроилась у нее под боком. Рикона слезла с кровати и отошла чуть в сторону, чтобы не мешать. Сиделка склонилась над Дзарой и несколько раз приложила пальцы ей к шее и разным частям

головы.

— Полежи спокойно пару минут, — велела она. — У тебя сердце колотится, как у воробья. Нужно, чтобы успокоилось.

— Ла-адно… — протянула та. — Но мне в школу нельзя. А вдруг пожар получится?

— Ну, хитруля! — Дзии погрозила ей пальцем. — Думаешь, умную отговорку придумала? Даже и не думай. Закрой глаза и лежи спокойно. И дыши по счету: раз-два — вдох, три-четыре — выдох…

Дзара послушно сомкнула веки и принялась дышать. Сначала ее грудь вздымалась преувеличенно высоко, но потом дыхание постепенно стало нормальным. Тело девочки расслабилось, голова слегка повернулась на подушке, и Дзара размеренно засопела.

"Она уснула", — голос Дзии на общем языке прозвучал в голове так неожиданно, что Рикона даже подпрыгнула на месте. — "Не отвечай вслух, просто про себя слова проговаривай, я услышу. Пусть поспит, ей очень нужно восстановиться после вчерашнего потрясения. А лучшее лекарство сейчас — сон. Спасибо, Рикона, ты очень помогла".

"А… с ней все в порядке?" — девочка постаралась как можно четче произносить слова про себя. Ей уже объясняли про "голосовой коммуникационный канал", но воспользовалась она им впервые.

"Да — настолько, насколько возможно в ее состоянии. Она очень перепугалась вчера того, что натворила, и из-за сильного возбуждения не могла толком уснуть. А недосып лишь ухудшал ее нервное состояние. Замкнутый круг, но с твоей помощью мы его успешно разорвали".

"Рикона, здесь Карина", — прозвучал в голове новый голос. "Дзии передал, что благодаря тебе Дзара успокоилась. Большое тебе спасибо. Вы ведь подружились?"

"Ага".

"Вот и замечательно. В школе, куда пойдешь через несколько дней, два пятых класса, и мы определим тебя в тот, где учится Дзара. Там собраны дети сотрудников Университета, говорящие только на катару, но мы решили, что в твоем переводчике его уже можно разблокировать. Ты пообвыклась в новом мире, информационной перегрузки больше не возникнет. Поддерживайте друг друга. Однако, пожалуйста, не занимайтесь совместными экспериментами без спроса. Мы до сих пор не понимаем, как наша технология взаимодействует с артефактами Арасиномэ, так что лучше не рисковать. С тобой точно ничего не случится, но вот Дзара может пострадать. Если захотите

поисследовать, что у вас получается, просто скажи Тане или сразу координатору, они все устроят. Договорились, кадет?"

"Так точно! Ой… да, договорились!"

"Отлично!" — в голосе Карины явственно послышалась теплая улыбка. — "А теперь беги по делам. У тебя ведь сегодня встреча с классным руководителем? Не опоздай, чтобы не создать плохое первое впечатление. Конец связи".

Дзии, внимательно наблюдавшая за Риконой, приложила палец к губам и тихонько пошла к двери, поманив за собой девочку.

— Спасибо, Рикона, — сказала она в коридоре, плотно закрыв за собой дверь. — Дзару мы сегодня в школу все равно отправим, как бы она ни симулировала, но несколько часов пусть поспит, пусть даже ценой пары уроков. Вечером забеги в лапшичную семьи Мэйдо в торговом квартале, проведай ее, заодно с мамой познакомишься. А теперь беги, у тебя дела.

Рикона коротко поклонилась и пошла к лестнице. В холле на первом этаже за стойкой сидела незнакомая тетка в белом халате, доктор Кулау исчез. "Грязюка малая", вспомнила девочка. Какой-то комок земли, подумаешь! Что в нем интересного?

Когда вырастет и выучится, она станет путешественницей и объездит весь мир. И Паллу, и Текиру, и вообще все планеты, куда ее пустят. Это куда интереснее! Может, даже и книжку о своих странствиях напишет. А с глупыми грязюками пусть играются другие.

06.29.1232. Хёнкон

Здесь, на высоте одной цулы… или, точнее, трех тысяч семидесяти пяти метров над уровнем моря, чуть ниже вершины одной из самых высоких гор хребта Сюань, ветер выл не переставая. Старая, давно заброшенная башня наблюдения, где паладары установили только сенсорный массив, не требующий человеческого присмотра, взирала на Хёнкон и остальную часть материка пустыми глазницами окон. Взрыв кольчона над Хрустальным перевалом выбил в ней все стекла, и теперь высокогорный ветер мел по заброшенным залам вихри известковой пыли. Когда Суоко впервые увидела Хёнкон, она решила, что горные вершины покрыты снегом, пыльным и грязным в жарком мареве экваториального климата. Лишь позже она сообразила, что на хребте, самый высокий пик которого, Тамаяма, не достигает в высоту и полутора цул, снежного покрова ожидать как-то глупо. Просто осадочные породы, складывающие горы, заросли лесом только до середины, и кручи в верхней их половине имели естественный белесый цвет. Типичная для Могерата ситуация. А ведь как казалось романтично…

Суоко оперлась о подоконник и глянула наружу. Закат уже почти догорел и небо переливалось ночными радужными оттенками лептонных флуктуаций на границе защитного паллийского пузыря. Ветер слабо дернул ее за короткие волосы. Вот еще один недостаток ее нового статуса Молодого Демиурга: дроны не могли запросто имитировать произвольную прическу. Самая тонкая нить, которую позволяла создать технология атомов, взвешенных в энергетическом поле, имела в диаметре четыре десятых миллиметра, в пять раз толще человеческого волоса, что замечалось невооруженным глазом. Карина, Яна и мужчины, предпочитавшие короткие прически и жесткие волосы, внимания на проблему не обращали, но Суоко, за столетия жизни в кибернетическом теле привыкшая стричься длинно, а то и носить настоящую косу, тихо страдала. Если она хотела взять под контроль заранее определенного дрона в крайне редком в последнее время случае появления в реальном пространстве, координатор обеспечивал его синтетической нитью, формирующей парик нужной формы — та же самая технология, что использовалась для создания шерсти для в принципе не способных морфировать микродронов. Но сегодня Суоко просто забыла его предупредить. Да и не имело смысла изображать что-то перед своими, тем более что Харлам упомянул лишь про короткую демонстрацию в реальном мире. В принципе, она могла

бы вообще не формировать себе тело, а наблюдать за событиями из уютной тишины личной виртуальности.

Но древней старухе иногда так хочется снова почувствовать себя настоящим человеком!

Мрачная пропасть манила к себе распростертыми объятиями пустоты. Если наклониться сильнее и слегка оттолкнуться ногами, рухнешь вниз, пролетишь по воздуху, ударишься всем телом об острые зубы валунов, заскользишь вниз по осыпям, увлекая за собой небольшую каменную лавину и… ничего сверх того. Сложная система входных фильтров психоматрицы отсечет избыточные болевые ощущения, так что все кончится в лучшем случае беспорядочным кувырканием по склону, пока автономная система управления не сообразит, что пользователь не контролирует ситуацию, и не активирует гравитационную подушку. В худшем же, если кинетический удар окажется слишком сильным и энергетические вводы разрушатся, система автоматически отключит ее от дрона и вернет в персональную виртуальность. Пара секунд оглушающей темноты — и конец дурному приключению. Демиург может, конечно, умереть, но уж точно не таким глупым способом.

Умереть… В свисте ветра Суоко вдруг послышался звонкий мужской голос. "Да, атара. Конечно, атара". После гибели Юно мысли о смерти посещали ее все чаще. Она любила мальчика. Впервые за много веков субъективного времени и бог знает сколько сотен тысяч лет объективного она вдруг почувствовала настоящие материнские чувства. Когда Джао в образе дачия… нет, на родной Малии темнокожие люди назывались неграми — забытое слово на забытом языке… вербовал ее в Хранители, она была слишком молодой, чтобы задумываться о семье и детях. Потом — десятилетия подпольной деятельности, пост Ведущей Совета, куда ее переизбирали много лет подряд, и перемежающиеся века в виртуальностях, созданных Джао специально для бывших Хранителей, и в роли Наблюдателя в Игровых мирах. Через ее жизнь прошло немало мужчин и даже несколько женщин — из любопытства, в качестве эксперимента, просто от скуки. Но ее родительские инстинкты прочно спали где-то в глубине подсознания. И вот — юноша-беженец, потерявший семью во время Удара, чудом пробравшийся в трюм последнего грузового судна, эвакуировавшего семьи ставрийских дипломатов. Грязный и оборванный, замкнутый, подобранный на грани смерти от физического и морального истощения. Вместо того, чтобы сдать мальчишку с непривычным для ставрийского уха именем Юно Юнару в милицию, Суоко оставила его при себе. Почему? Паутинные аккумуляторы Бойского, собиравшие

энергию для ее тела из окружающей среды, перестали работать сразу после Удара, и она уже жила на химическом реакторе, отчаянно экономя каждую кроху энергии и большую часть времени проводя в инвалидном кресле под охраной верного Эйшича. Собственно, Дмитрий и привез Юно из порта в санаторий "Барвинок", и именно благодаря молодому лейтенанту подросток-беженец оказался под ее присмотром — а она под его. Дмитрий… он всегда оставался идеалистом и верил в помощь людям, за что Суоко и выбрала его доверенным наперсником, посвященным во все тайны. Он спас мальчишку — только для того, чтобы десятилетие спустя Суоко его погубила.

Сначала грязный беженец, ни слова не знавший на камиссе. Потом прислуга за все, верный охранник и мальчик на побегушках. Потом — все более и более доверенное лицо, все более важное по мере исчерпания запасов энергии в реакторе. Когда он узнал правду, какое-то время носился с идеей найти ученого или инженера, способного модифицировать ее тело и подключить его к обычной электророзетке. Стоило немалых трудов убедить его, что технологии Демиургов, пусть даже ранние, вряд ли поддадутся методам паллийской науки, к тому же лежащей в руинах после изменения законов физики. Из за своей беспомощности мальчик страдал едва ли не больше ее самой. Он считал ее если и не богиней, то чем-то похожим. Суоко знала, что своими талантами, не в последнюю очередь — языковыми, он обратил на себя внимание многих. Его активно сманивали в МИД, в департаменты, занимавшиеся Могератом, и в Департамент внешней разведки СБС, но он отказывался. Почему? Из странных представлений о долге перед спасительницей, усвоенных им в родном обществе? Или из жалости? Неважно, в общем-то. Дело кончилось тем, что Суоко полюбила его как сына, привела на Могерат под защиту и покровительство паладаров — и погубила.

Ах, если бы она не добилась его назначения на роль посольского курьера, а просто привезла домой!

Суоко тяжело вздохнула. Искусственное тело послушно передало ощущение свежего холодного воздуха, потоком врывающегося в легкие. Кстати, она так и не выяснила, действительно ли дрон втягивает воздух, или же ее интерфейсы в реальность просто возвращают заранее запрограммированные ощущения как реакцию на шаблонные действия. После смерти Юно она вообще впала в апатию и почти перестала появляться на людях и интересоваться окружающим миром. Она даже перестала выполнять минимальные действия, необходимые для встраивания подменной маски в ставрийское общество. Мысль об уходе с

Паллы возникала все чаще и чаще. Но только куда она денется? После пяти столетий в качестве не то активного Наблюдателя, не то Игрока-стажера, а потом еще века полной самостоятельности менять обстановку страшно не хотелось. Да и Ставрия — не Кайтар, а потому последовать примеру Чонды и уйти в рекреационный сон или просто в никуда означает не просто полное разрушение своей сети влияния, а еще и серьезные проблемы у ее членов. Конечно, паладары с радостью приютят всех в Университете, тем более что каждого своего друга Суоко выбирала чрезвычайно придирчиво, и личные качества у них выдающиеся. Но заставить их всю жизнь провести на чужбине или же на родине, но в постоянном страхе репрессий? Нет, поступить таким образом означает их предать. Значит, нужно шевелиться.

Но шевелиться не хотелось. Карина, славная девочка, время от времени пыталась ее растормошить, но безуспешно. Сегодня Суоко, кажется… нет, не кажется — точно, впервые выбралась в реальность Хёнкона после обнаружения окровавленного идентификационного браслета. Страшно хотелось отключиться и уйти к себе и в себя, но старое упрямство и не до конца сломавшийся, хотелось верить, внутренний стержень не позволяли. Ну все, хватит заниматься самоистязанием, твердо сказала она себе. Куда запропастился Харлам? Она перестала пялиться в пропасть и обернулась к комнате. Несколько дронов неподвижно замерли у стен скучными манекенами, гладкими и безликими, готовыми принять любую человекообразную форму по желанию контролера. Все явившиеся сюда, услышав о задержке, предпочли временно отключиться и заняться своими делами. И лишь Суоко, как дура, торчит здесь в полном одиночестве.

В голове сухо щелкнул сигнал форсированного вызова, и на краю зрения проплыли символы стандартной преамбулы, сопровождающейся символом имени Харлама, несколько символов основного содержания, а потом сразу символ закрытия канала. Несмотря на долгую практику, Суоко до сих пор не умела толком воспринимать лексемы Демиургов, составляемые из линейных элементов, а потому чуть ниже промелькнула расшифровка на камиссе:

"Общий вызов. Харлам в канале. Я готов, подключайтесь. Отбой".

В комнате сам собой вспыхнул свет. Спустя несколько секунд тела-манекены зашевелились, наливаясь жизнью. Суоко задумчиво наблюдала, как начинали шевелиться "мускулы под кожей", обретал осмысленность тусклый стеклянный взгляд, из крашеной пластмассы превращались в почти естественные волосы на голове (на остальном теле их имитировать даже не пытались

из-за обычно страшненького результата)… С момента спасения она достаточно времени провела, изучая внутреннюю механику дронов, и представляла, насколько сложно даже просто поддерживать взвесь водородно-кобальтовых комплексов в энергетических полях. Особенно — в условиях массированных лептонных флуктуаций аномального пространства, даже смягченных генераторами метрики в ядрах разноцветных паллийских лун. Массивный кобальтовый сердечник триплета выполнял роль ядра стабилизатора окружающего континуума, водородные атомы, фактически голые протоны, служили эффекторами для манипуляции энергией, и вся конструкция представлялась Суоко чудовищным нагромождением дощечек, труб и шаров, на котором балансируют эквилибристы в цирке. Каким образом псевдовещество не просто поддерживалось в стабильном равновесии, но еще и позволяло так тонко и живо манипулировать формой дрона и преломлением света у "поверхности" для придания нужных оттенков, оставалось выше ее понимания. Она черной завистью завидовала Цукке и Вакаю — желторотым подросткам, не дожившим еще и до шестидесяти стандартных лет, но уже с спокойной уверенностью общавшимся с Харламом на правах если и не равных, то уж точно любимых и способных учеников. Возможно, самой Суоко тоже следовало бы вплотную заняться физикой континуума… но не сейчас, позже.

— Ну и где же наш донельзя загадочный сегодня гений? — с ледяным сарказмом осведомился Камилл. — Мне показалось, или он и в самом деле сообщил, что готов?

— Сообщил, — согласилась Майя, томно потягиваясь. Сегодня она надела маску шикарной высокой брюнетки с выдающимися формами, наверняка вгоняющими в сексуальный экстаз любого мужчину. — Если опять обманул, я ему такое устрою! У меня, между прочим, в Кайтаре… э-э, переговоры в самом разгаре.

— Кто о чем, а Майя о переговорах, — фыркнул Старший Демиург. — Впрочем, старикашке я и сам пару ласковых…

Воздух посреди комнаты странно замерцал, и Камилл осекся. Суоко автоматически ускорила несущую частоту психоматрицы, чтобы замедлить мир, включила расширенное зрение, которое обычно недолюбливала из-за превращения мира в хаотически переливающуюся радугу потоков и вспышек энергии, и обмерла. Она прекрасно знала картину формирования энергетических фантомов Демиургов, и характерные переливы спектра доказывали, что перед ней происходит именно это событие. Но в то же время автоматический анализатор, замкнутый на оптические сенсоры дрона, бился в припадках истерики,

оповещая о крайней опасности. "Тревога!", мерцали символы вокруг двух стремительно обретающих плотность областей. "Красный код!" "Высокая активность энергоплазмы!" Суоко машинально шагнула назад и уперлась спиной в ободранную стену. Дроны Саматты, Масарика, Камилла и Майи вновь замерли ледяными статуями, но вокруг них угрожающе взвихрились клубы сверхплотных гравитационных полей, превращаясь в разящие копья. Карина, Цукка, Вакай, Кулау и Сторас, почти неподвижные в едва ползущем объективном времени, медленно отступали: нужные рефлексы у них отсутствовали, а сознание еще не успело подсказать, что следует делать.

А потом две мужских фигуры, сформировавшиеся посреди вихрящихся значков угрозы, вытянулись в полный рост, и в голове опять прозвучал сигнал форсированного вызова.

"Общий вызов. Джао в канале. Эй, ребята, полегче! Тут все свои. Верните несущую в нормальное состояние и переключайтесь на акустические эффекторы. Конец сообщения".

Несколько субъективных секунд Суоко тупо пялилась на строчки, для уверенности переместив их в центр поля зрения, и лишь тогда до нее дошло. Она отключила расширенное зрение и восстановила прежнюю частоту несущей, заставив мир шевелиться с положенной скоростью.

— Ой, Джа в гости явился собственной персоной! — радостно взвизгнула Майя, оживая. — Иди к любимой тетушке, племянничек, я тебя поцелую!

Прямо с места она сиганула вперед с грацией пловчихи, ныряющей с вышки, и ухватилась руками и ногами за высокого негра с блестящими в ухмылке зубами. Точнее, попыталась ухватиться. Ее конечности, на мгновение задержавшись на поверхности тела, провалились внутрь, и тут же по глазам ударила яркая вспышка. Мир вокруг Суоко провалился в бездонную тьму с одним единственным сухо мерцающим символом: "Интерфейсные модули не функционируют". Потом мир вернулся обратно, словно и не пропадал — видимо, дрон все-таки не разрушился и сумел восстановить поврежденные сенсорные поверхности. Свет не горел, и сенсоры работали в режиме расширенного оптического диапазона. Все вокруг мерцало в легкой радужной дымке: заодно дрон активировал и защитное поле, сильно искажающее электромагнитное излучение. Но даже сквозь нее Суоко заметила, что дроны паладаров вновь стоят неподвижно, а две мужские фигуры, невероятным образом сочетавшие в себе признаки фантомов Демиургов и Арасиномэ, бесследно пропали.

— Ну и что за мистика здесь творится? — пробормотал

Масарик, тряся головой. Защитное поле искажало его голос, делая почти неразборчивым, и Суоко торопливо его отключила. — Майя! Ты что творишь?

— Майя хорошая! — голосом пай-девочки произнесла Майя, поднимаясь с пола и параллельно восстанавливая изрядно покореженное тело. — Майя ничего не разбивала, оно само!

— Координатор! — встревоженно спросила Карина. — Что случилось? Статус Университета?

— Мои сенсорные массивы обнаружили мощный выброс неструктурированной энергии из зала с дронами, контролируемыми участниками собрания, — голос координатора доносился из бесформенной серой туши запасного дрона, лежащего в углу. — Других инцидентов не зафиксировано. Дежурная вахта службы охраны на всякий случай приведена в состояние повышенной готовности, но Харлам уверяет, что напрягать людей без лишней необходимости не стоит. Однако на твоем месте я бы побеспокоился об объяснении такого впечатляющего фейерверка для общественности — и внутри Университета, и за его пределами. С учетом расположения башни вспышку увидели в окрестности не менее двух десятков цул.

Воздух в центре зала снова замерцал, и на сей раз Суоко успела предупредить реакцию защитной системы. Перед ней снова сгустились из воздуха две фигуры: здоровый негр в набедренной повязке, красном плаще до пят и со связкой больших бус на шее, ухмыляющийся еще шире, и невысокий сухопарый мужчина неопределенного возраста в древнем формальном костюме того фасона, что использовался, наверное, еще на Старой Земле времен ее расцвета.

— Майя, лапочка! — иронически сказал негр. Его голос казался странно глухим и невыразительным. — Я тебя тоже очень люблю, но просто умоляю: не надо делать резких движений в присутствии фантомов второго типа. Они, видишь ли, пока еще не слишком стабильны и склонны выплескивать вложенную энергию от малейшего чиха. Су, Цу, Кара, Мати — ужасно рад всех видеть.

Кивнув Масарику, Сторасу и Вакаю и гораздо суше — Камиллу, он шагнул вперед и хлопнул Саматту по плечу. Вопреки ожиданию Суоко, внутри которой зажглось радостное предвкушение, вместо звонкого хлопка вышел какой-то слабый шелест.

— Папа! — восхищенно сказала Карина, в чьих глазах тлел такой же радостный огонек, какой Суоко чувствовала в своих собственных. — Ты изобрел фантомов, живущих в аномальной зоне?

— Меня, разумеется, никто так и не заметил, — пробурчал Харлам. Его фантом (настоящий фантом, о чем безапелляционно сообщил электромагнитный сканер Суоко) заколебался и местами расплылся в бесформенное облако, но тут же восстановил форму. — Продолжайте, молодежь, продолжайте, не обращайте внимания на занудливых стариков.

— Дедушка Харлам, мы все очень тебя любим! — Цукка шагнула вперед, склонилась к ученому и, двигаясь чрезвычайно осторожно, поцеловала его в щеку. — Я знаю, что новых фантомов изобрел ты, а вовсе не наш занудный глупый Джа. Верно?

Харлам что-то неодобрительно хмыкнул себе под нос, но от дальнейшего брюзжания отказался.

— Ты у меня, как всегда, умница и красавица, — негр попытался дернуть Цукку за ухо, но его пальцы расплылись и растаяли в воздухе, сопровождаемые тревожным символом на краю поля зрения: распадающийся фантом излучал жесткую радиацию, опасную для биоформ. — Харлам, я думаю, демонстрация завершилась вполне удачно, пусть даже и с излишними спецэффектами. Народ, у меня есть предложение переключиться в конференц-зал где-нибудь в приватной виртуальности. Окружающая обстановка, — он выразительно глянул на деревянные обугленные обломки у стены, еще пару минут назад являвшиеся хотя и древним, но все еще крепким стулом, — не вызывает у меня энтузиазма. Как идея?

— Я только за, — Камилл пожал плечами. — Сделано.

"Общий вызов. Камилл в канале. Подключайтесь в конференц-зал. Конец связи".

Улыбнувшись Джао, Суоко отпустила дрона, на секунду вернулась в личную виртуальность и сразу же открыла дверь в созданное Камиллом общее пространство: небольшой уютный зал со стенами, задрапированными темно-синими бархатными занавесями с золотыми прожилками, с расставленными тут и там глубокими мягкими креслами, а также с камином, где тихо потрескивало пламя. Под резным деревянным потолком висела широкая хрустальная люстра с многочисленными свечными рожками, а пол устилала одна большая цельная пушистая шкура неизвестного животного. Хорошо. Суоко терпеть не могла обычные коммуникационные каналы с их бешено мелькающими строчками сухих символов. Старшим, состоящим в симбиозе с искинами, такой метод, может, и удобен, но Суоко, как и прочая молодежь, однозначно предпочитала полноценную виртуальность.

Остальные паладары возникли в зале почти синхронно с

Суоко. Они носили все те же маски, лишь Джао сменил свою внешность с Малии на ту, что предпочитал на Текире: худощавого черноволосого мужчины неопределенного возраста, с узким разрезом внимательных черных глаз, высокими скулами, тонкими губами и чуть желтоватой кожей, в коротких шортах и ременчатых сандалиях-босоножках.

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! — похоже, устраивающаяся в кресле Майя что-то процитировала, но что именно, Суоко не поняла. Транслятор пометил язык как происходящий со Старой Земли, но никаких других справок не выдал. Вероятно, один из обрывков, случайно переживший Катастрофу, но потерявший связь с утраченным оригиналом. — Итак, наши старые зануды изобрели-таки фантомов нового типа специально для Паллы, а Джа, уверена, решил что-то рассказать нам про свои маяки в Игровых вселенных. Я права?

— Точно, — согласился Джао, усаживаясь в кресло у стены, противоположной Суоко, между Кариной и Цуккой. Суоко подавила внезапную вспышку раздражения. Совсем сдурела? — саркастически поинтересовалась она у себя. К детям уже ревновать начала? — Однако я все-таки предоставлю слово Харламу, поскольку именно он главный докладчик. У меня лишь несколько деталей и пара неопределенных догадок. Харлам?

— Координатор, — ученый обратил взгляд к небольшому серому облачку, ненавязчиво покачивающемуся в углу. — Будь любезен, поправь фильтры народу, чтобы они не воспринимали фантом второго типа как энергоплазменный артефакт. Шаблон я выслал.

— Принято, — откликнулся координатор. — Обновление шаблона разослано рабочей группе паладаров.

Действительно, коммуникатор сообщил о новом сообщении, но как-то странно. Суоко решила оставить его на потом. Планетарного полугода оказалось слишком мало, чтобы свыкнуться с новым статусом и новыми возможностями. А поскольку впереди унылая скучная вечность, торопиться некуда.

— Спасибо, — кивнул Харлам. — Чтобы не тратить зря общее время, я постараюсь закончить побыстрее. Собственно, рассказывать особенно нечего. Благодаря волютам, удачно попавшим под новый сканер в одном из инцидентов с Фуоко Деллавита, а также твердотельным сенсорным массивам, прошедшим через некоторые интересные области аномальности в окрестностях звезды, удалось совершить небольшой прорыв. Мы наконец-то разобрались, каким образом Арасиномэ удается поддерживать стабильные энергетические фантомы в условиях искаженных законов физики. Весьма оригинальный метод,

должен заметить, никогда не встречал ничего подобного даже у джамтан. Работает, правда, исключительно в зонах аномальности, причем внутри защищенной зоны вокруг Паллы стабильность фантомов куда ниже, чем за ее пределами. Тот же распад как следствие физических воздействий в качестве примера возьмите.

— Однако стабильность есть, — задумчиво заметил Сторас. — Харлам, извиняюсь, что перебиваю, но у меня неотложный практический вопрос. Можно ли создавать невидимые фантомы… э-э, второго типа? У нас острый дефицит информации по ключевым политическим вопросам…

— Извини, юноша, но такие вопросы меня мало волнуют, — сухо отрезал Демиург. — Думаю, Джао сможет ответить, его я в курс дела уже ввел. От себя могу только заметить, что вряд ли. Стабильность нового типа фантомов достигается, как ни парадоксально, за счет повышенной нестабильности метрики в занимаемом ими пространстве. Как результат — серьезные искажения проходящих через них электромагнитных полей, включая видимый свет, а также собственное излучение в весьма широком спектре. Его можно зафиксировать с помощью простейших электронных средств, доступных паллийцам.

Камилл и Сторас синхронно разочарованно фыркнули.

— Кстати, сразу предупреждаю, — проигнорировал их реакцию Харлам. — Даже если забыть про излучение и повышенную нестабильность фантомов, они чрезвычайно опасны для биоформ. Нестабильность метрики внутреннего пространства может убить любой биологический организм с развитой нервной системой. В целом ситуация та же, что и с волютами и кольчонами до недавнего времени: прямой контакт для человека и высших животных летален. Опыты с биоформами я не ставил, но предупреждаю, что настоятельно не рекомендую применять фантомы второго типа на Палле до момента, когда мы полностью отладим технологию. Далее…

Он сделал движение пальцем, и одна из стен превратилась в большой объемный экран с невообразимыми графиками и формулами с ярко выделенными отдельными частями. Майя, Цукка и Вакай уставились на них с неподдельным интересом, но в глазах остальных Суоко разглядела непонимание, отражающее ее собственное.

— Благодаря тем же исследованиям я сумел понять, каким образом волюты умудряются отслеживать наши каналы суб- и гиперсвязи. Опять же, метод работает исключительно в области повышенной аномальности в окрестностях Паллы, в стандартном пространстве он бесполезен. Так что, во-первых, экстренная эвакуация в Большую Вселенную более не потребуется, и, во-

вторых, я изобрел относительно простое средство защиты. Больше Арасиномэ не сможет отслеживать нашу связь, что позволит ликвидировать эшелонированную систему ретрансляторов.

— При всем моем уважении, — прозвучал голос координаторы, — никто не гарантирует, что теперь мы знаем об Арасиномэ все. Я позволю себе проигнорировать совет и оставить систему защиты в прежнем состоянии. С твоими дополнениями, разумеется.

— Мне, Квентору и Твереку твоя защита не требуется. Мы не дети, сами прекрасно справимся, — сухо ответил Харлам. — Проблема в том, что эшелонированные ретрансляторы страшно мешают при экспериментах, внося катастрофические задержки. За остальных решать не стану, но мы переходим на самообеспечение. Коллеги, демонстрацию я провел, общую суть открытий передал, детали большинство из вас не поймет, а желающие всегда могут ознакомиться с полными материалами в Архиве. Если вопросов нет, я отключаюсь.

— Секунду! — Масарик поднял палец. — У меня таки есть один очень маленький и очень глупый вопрос. Если ты понял, как Арасиномэ отслеживает нашу связь, возможно, ты научился отслеживать и его каналы?

— Теоретически да. Практически же — не рекомендую. Метод вызывает серьезные нарушения в работе каналов связи, и я лично не рискнул бы провоцировать Арасиномэ таким образом. В особенности — с учетом недавних событий и того, что собирается рассказать Джао. Конец связи.

И Харлам мгновенно пропал, не утруждая себя вежливыми жестами наподобие выхода в дверь или хотя бы растворения в крутящемся вихре. Суоко тихо хмыкнула. Древний и обычно ужасно неторопливый, как сама цивилизация Демиургов, ученый сейчас явно куда-то спешил. Скорее всего — к любимым экспериментам.

— Не до нас ему. Физики уже с десяток пузырей надули и увлеченно экспериментами занимаются, — подтвердил ее догадку Джао, поднимаясь и подходя к экрану. — Кажется, к нам он прислал восемнадцатую или девятнадцатую проекцию, и то лишь по очень большой моей просьбе. Ну что, народ, я остался главным докладчиком, так что слушайте меня внимательно. Ни о каких эпохальных технологических прорывах рассказать не смогу, но с чем — точнее, с КЕМ — мы имеем дело хотя бы в первом приближении, я уже знаю.

Он щелкнул пальцами, и графики с формулами сменились на простую таблицу с несколькими десятками строчек. Каждая содержала длинный код, завершающийся символом Игровой

Вселенной, а также имя. Ни одно из имен, за исключением Камилла, Суоко не распознала.

— Я так понимаю, ты демонстрируешь площадки, куда приспособил свои жучки или шпионов, — лениво заметил Камилл. — По крайней мере, если судить по связке Текиры с моим именем.

— Догадливый, — Джао безразлично приподнял бровь. — Для остальных объясняю: вообще говоря, Игровой мир — этакая вещь в себе. На стадии его формирования и собственно Игры он привязан к Большой Вселенной якорем — специальным переходом, синхронизирующим временные потоки и дающий возможность свободно перемещаться в обе стороны, не опасаясь потеряться в пене вселенных. Но после завершения Игры якорь обрезается и площадка навсегда пропадает в пене. Однако в нескольких мирах, к которым я имел отношение как Конструктор, заложен еще один канал. Еще до истории с Камиллом, решившим навсегда остаться в мешке Текиры в качестве полновластного полубога, я заподозрил, что отдельные якобы несчастные случаи с Игроками таковыми вовсе не являются.

— Мириам и Александр… — задумчиво кинула Майя.

— Точно. Опять же, поскольку речь идет о малоизвестных эпизодах, поясняю специально для молодежи: за всю историю с момента изобретения Большой Игры четверо Игроков не вернулись в Большую Вселенную, пропав вместе с площадками. В двух случаях мы выяснили абсолютно точно, что якорь оборвался самостоятельно. Поскольку даже прочно установленный канал перехода подвержен определенным флуктуациям, вероятность такого события близка к нулю, но все-таки ненулевая. Однако в двух других случаях ни Конструкторы, ни физики не сумели понять причину. Со всех точек зрения объяснение имелось лишь одно: якорь мог быть оборван только намеренно. Но как? До победы — или поражения, как повезет — Игрок чрезвычайно ограничен в своих возможностях и доступа к каналу не имеет. Им может управлять только Станция, контролирующая Игру, а у нее совершенно точно не может возникнуть мотивов сбрасывать площадку в пену при наличии там Демиурга. И договориться с ней нельзя, что недавно на себе прочувствовал Камилл. В общем, гипотеза о намеренном обрыве оставалась лишь гипотезой. Но я начал втихомолку размещать на площадках дополнительные аварийные маяки.

— А почему втихомолку? — удивился Саматта.

— Потому что… — Джао вздохнул. — Даже и не знаю, как тебе объяснить…

— Потому что, Мати, в нашей этике такое считается

неприличным, — пришла на помощь Майя. — Примерно как у вас на Текире неприлично подглядывать за человеком в туалете. Впрочем, Джа уже не раз демонстрировал, что ему на приличия плевать. Взять хотя бы историю со взломом моего журнала на Текире…

Она ехидно ухмыльнулась.

— Майя! — укоризненно сказал Джао. — Ты прекрасно знаешь, что я к твоему журналу и пальцем не прикоснулся.

— Но предлагал и даже всех убедил! — отрезала та, с наигранным презрением вздергивая нос. — Грубиян и извращенец, даже и не пытайся оправдываться.

— А уж как ты в мою Игру нахально влез, я даже и вспоминать не стану, — тонко улыбнулся Камилл. — Разрешения спросить не удосужился и даже не представился. Для разнообразия я полностью соглашусь с Майей: грубиян и извращенец.

— Вот так всегда, — вздохнул Джао. — Делай, понимаешь, добро людям, и обязательно получишь от них по шее… В общем, Мати, все то же самое: мы крайне ревниво относимся ко всему, что можно отнести ко вторжению в личное пространство. Даже Корректоров и Арбитров и то на площадку пускают крайне неохотно, а уж дополнительный маяк можно вообще интерпретировать как назойливое наблюдение — даже с учетом, что он активируется лишь в результате нештатной ситуации. Короче говоря, как Игрок может оборвать якорь, я понял лишь, когда поймал Камилла на горячем. Еще влезая в его Игру, я заметил, что окружение Станции слегка модифицировано, к ней установлен постоянный, хотя и неактивный канал управления. Хотя Станция и является небом седьмого класса, ее интеллект… хм, программируется так, что самосознанием она не обладает, и взломать защиту ее управляющего ядра вполне можно.

— Да что там ломать… — Камилл презрительно поморщился. — Не могу сказать, что горжусь временным затмением своего здравого смысла и допущенными ошибками, но защиты там практически нет. Я ее едва ли не ногтем вскрыл. Замок от честных людей, не более.

— Секунду! — вклинился Сторас. — Я что-то не пойму: если существует вероятность уйти в Игру и не вернуться из-за чисто технического сбоя — почему не использовалась дополнительная страховка? Личное пространство или нет, но второй якорь, на мой взгляд, просто напрашивается. Разве Старшим не страшно участвовать в таких авантюрах?

— Не знаю, как другим, а мне некий шанс заиметь крупные неприятности всегда нервы приятно щекотал, — пожала плечами

Майя. — Стор, теоретически Игра всегда несет в себе опасность для Игрока — хотя бы из-за принудительной блокировки практически всех возможностей эффектора от планетарного класса и выше. Ты ведь в курсе, как я однажды застряла в собственной проекции благодаря кое-кому, — она бросила ехидно-укоризненный взгляд на Джао, — подтолкнувшему меня под локоть. Нет, желающие абсолютной безопасности играют в виртуальности.

Регент Хёнкона лишь покачал головой.

— Замок от честных людей… — повторил Джао. — Да, примерно так. Когда Игрок появляется на площадке, Станция следит, чтобы он никак не влиял на окружение до наложения всех ограничений и деактивации всех запрещенных эффекторов. Однако, как выяснились, сама за собой Станция не следит, и до трансформации Демиург может на нее повлиять. В общем-то, именно так я лишний контрольный канал на Текире и заметил. На всех площадках, созданных после истории с выпадением Текиры в Большую Вселенную, проблема исправлена, но сейчас речь не о том. Главное, что коррекцию я провел совсем недавно. А до того, вскоре после пропажи Мириам, а потом и Александра вместе с их пузырями, я просто втихую разместил дополнительные аварийные маяки на нескольких дюжинах площадок — тех, что выглядели наиболее подозрительными и где шанс случайно попасться казался минимальным. Ну, или где существование дополнительного канала оправдывалось присутствием моих наблюдателей, бывших Хранителей с Паллы.

— Что означает "подозрительными"? — поинтересовался Масарик. — Критерии?

— Главный — слишком большое среднее время Игры у данного Игрока. Уже тогда я подозревал, что многие намеренно затягивают процесс, балансируя между победой и поражением, лишь бы подольше пробыть на планете. Су, — он обратил взгляд на Суоко, — ты ведь еще не забыла Чонду?

— Я с ним на одной планете четыре века провела. Как можно его забыть? — с легкой ностальгией улыбнулась Суоко. В отличие от прочих Демиургов, с которыми она мимолетом встречалась до того, холодных и высокомерных, Чонда ей нравился. Разделенные океанами и ограниченные кибернетическими телами-носителями, они встречались "вживую" лишь несколько раз, в остальное время общаясь дистанционно. Она прекрасно знала цену мимике и языку тела, изображаемыми киборгом-морфом с буферным контролем эмоций, а тем более — проекциями в виртуальности. Но добрая, чуть застенчивая улыбка Чонды, его готовность отвечать на вопросы и давать дельные советы вызывали в ее душе

ответное чувство. Возможно, даже любовь — не женщины к мужчине, а внучки к мудрому старому дедушке. Именно благодаря ему она построила в будущей Ставрии свою первую сеть влияния и совершила первый дворцовый переворот. Суоко скучала по Чонде и страшно жалела, что тот ушел в долгий рекреационный сон.

— Да, четыре века, — кивнул Джао. — А всего Игра на Палле длилась более полутора тысяч стандартных планетарных лет — при том, что средний срок составляет около шестисот или семисот. В чем-то здесь есть и моя вина: твое присутствие на Палле и формирование Ставрии создало альтернативный центр силы, и при том силы не агрессивной, что позволило Чонде сильно затянуть Игру. Он вообще никогда не рвался получать победу одним ударом, предпочитая добывать ее кусочки по частям и крохам, с минимальными потерями, пусть даже за счет затянутых сроков. Ты в его картину мира вписалась идеально, и оттого вы отлично ладили. Но не один он ведет себя таким образом: растягивание Игры во времени, хотя и не настолько сильное, характерно для не менее двухсот Игроков. Поскольку правилам такое поведение не противоречит, сделать я ничего не мог, и мои маяки так и остались невостребованными. Катастрофа на Палле стала единственным случаем, когда аварийный маяк действительно пригодился, пусть даже после окончания Игры и не так, как я предполагал. В остальных случаях Игра либо уже завершилась, либо близится к благополучному завершению. Во всех — кроме одного.

Одна из строчек в таблице мигнула.

— Брагата… — пробормотала Майя.

— Да, Брагата. Он пропал точно так же, как Мириам и Александр — бесследно и необъяснимо. Основной якорь просто отключился. Более того, мой аварийный маяк просто перестал подавать признаки жизни. Как вы правильно догадались, в целях диагностики каждый маяк периодически присылал диагностическое сообщение "я жив". До последнего времени я не понимал, как интерпретировать случившееся. Однако, важный штрих, на площадке Брагаты в качестве основного языка использовался эсперанто.

— И все сходится! — Цукка щелкнула пальцами в воздухе. — Искаженный эсперанто, услышанный Фуоко и Кирисом, способность Арасиномэ корректно работать с человеческими телами…

— Сходится, да не до конца, — Камилл нахмурился. — Я хорошо знал Брагату. Обычный невнятный неудачник, в Рейтинге всегда болтавшийся в последней четверти списка, мямля и

зануда. Попытка свалить из Большой Вселенной в таком стиле вполне в его духе, но он всегда хорошо разбирался в коммуникациях, даже пытался что-то свое придумать. Неудачно, разумеется, но пытался. Если за происходящим стоит именно он, просто немыслимо, что Арасиномэ до сих пор не среагировал на наши попытки связи.

— Кроме того, данная гипотеза нам ничего не дает, — Майя задумчиво потеребила прядку волос. — Брагата или нет, но он то ли не осознает наличие на Палле разумной жизни и наше присутствие, то ли не понимает, что с этим делать. Совершенно не похоже на Демиурга, если спросите меня.

— Гипотеза о Брагате дает нам довольно много, — Джао покачал головой. — Я пообщался с Дзии. По его мнению, отдельные элементы энергоплазменных включений в человеческих телах на Палле, которые удалось отчетливо разобрать, чрезвычайно похожи на фантомные интерфейсные коконы наподобие тех, что на заре развития фантоматики пришли на смену твердым консолям управления. На испорченные коконы, обращаю внимание, с до невозможности исковерканными модулями, отвечающими за интеграцию с нервной системой. Когда мы с Майей модифицировали вирусный эффектор на Текире, добавляя в него компонент для считывания "ветра в листве", мы наткнулись на парочку трудностей, связанных с модифицированной нервной системой текирских людей. Мы оба довольно опытны в работе с психоматрицами как биоформ, так и Демиургов, но нам и то пришлось попотеть. На площадке Брагаты люди были модифицированы еще сильнее, причем изменения касались прежде всего головного мозга — в нем создали специальные доли для управления электромагнитной энергией, что сделало классический интерфейсный модуль полностью для них непригодным. Если кокон пытался модифицировать полный профан наподобие Брагаты, результат вполне мог оказаться схожим с наблюдаемым на Палле. Мне и раньше казались подозрительными некоторые отслеженные энергоплазменные конструкции, а после удачного осмотра девочки на новом сканере подозрения превратились в уверенность. Мне не до того, так что я попросил Харлама заняться и этой проблемой. Если он вычислит, каким образом могли произойти подобные искажения, возможно, мы сможем понять общий принцип и подключиться к каналам связи Арасиномэ.

— Но мы уже к ним подключены, по крайней мере, опосредованно, — поднял палец Вакай.

Джао вопросительно взглянул на него.

— Фуоко Деллавита и Кирис Сэйторий, — пояснил

математик. — Если они действительно слышали фразы на искаженном эсперанто, значит, уже имеют доступ к интерфейсным каналам. Пусть пока не полный и неустойчивый, но имеют.

— Можно поподробней? — Джао нахмурился. — Я не в курсе.

— Ты последние отчеты не читал? — поинтересовалась Майя. — Прочти обязательно, особенно о девочке. У них обоих случились интересные галлюцинации, в ходе которых они получали вполне отчетливую и непротиворечивую визуализацию странных пространств, скорее всего виртуальных. И по ходу дела они видели и слышали фразы на искаженном эсперанто.

— М-да… — лицо Джао снова расслабилось и стало бесстрастным. — Спасибо, прочитаю обязательно. Кара, полагаю, о своих подопечных ты и без меня позаботиться в состоянии. Но если потребуется совет, не стесняйся спрашивать.

Карина кивнула.

— Кстати, о Фуоко и Кирисе, — Майя глянула на ректора Университета. — Кара, в их состоянии есть кое-что, чрезвычайно беспокоящее Дзии и меня. Поговорим чуть позже, но морально готовься к тому, что я потребую дополнительных экспериментов — в своем любимом стиле, разумеется.

Несмотря на проскользнувшую в ее голосе усмешку, лицо Демиурга осталось совершенно серьезным.

— При всем моем уважении, Майя, я вряд ли отнесусь к данной идее позитивно, — с сомнением ответила Карина. — Мы ведь вроде как договорились, что Университет для тебя является заповедником. Тем более, что детям и так достается неприятностей сверх всякой меры.

— Тем не менее, я проявлю настойчивость, — безмятежно парировала Майя. — Кара, ты ведь знаешь, что я не нарушаю договоренности без очень веских оснований. А состояние твоих любимцев и в самом деле крайне неприятное, даже без учета последних событий. Их тела…

— Прошу прощения за грубость, — перебил Камилл, — но вы не могли бы обсудить данный вопрос чуть погодя и наедине? Джа, твоя теория любопытна, и фантомами второго типа я впечатлен. Займусь ими немедленно, мне их страшно не хватало. Сейчас у нас остались вопросы, требующие моего присутствия?

— Есть предложение, — Джао обвел взглядом всех присутствующих. — На мой взгляд, людям Паллы пора узнать правду о своем прошлом. В легенде о спасателях-паладарах и так слишком много нестыковок. Рано или поздно найдется кто-нибудь, кто сведет их воедино и доведет до общего сведения, что может нанести по вашей репутации серьезный удар. А если за

Арасиномэ действительно стоит Брагата, вам потребуется все доверие аборигенов, какого вы сможете добиться.

— К Текире твое отношение прямо противоположное, — полувопросительно сказала Карина.

— Палла находится в совершенно иных условиях. Не следует зацикливаться на догмах, Каричка, тебя всегда отличала гибкость мышления. Впрочем, решать вам. Однако я настоятельно рекомендую полностью ввести в курс дела Фуоко и Кириса, чтобы они знали, на что обращать внимание при следующем включении в сеть Арасиномэ — при условии, конечно, что оно состоится. Ключевые особенности психологии и стиля Брагата я тебе отправил, нужно аккуратно довести сведения до них. У меня все. Никто не против, если я задержусь здесь на пару планетарных часов и огляжусь на местности? Кара?

— Конечно, пап! — Карина тепло улыбнулась. — Я сама уже по тебе страшно соскучилась. И Суоко тоже.

Суоко почувствовала укол странного чувства: смеси благодарности с раздражением. Между прочим, она и сама может за себя говорить!

— Ага, Джа, от меня ты тоже не сбежишь, — криво усмехнулась она. — Откроем в виртуальности кабинет? Или пойдем вживую по улице прогуляемся?

— Дзи, мы с тобой виделись недавно, так что я пока делами займусь, — отрицательно покачала головой Цукка. — У меня скоро заседание Ученого совета, не могу отменить или перенести. Вот Мати…

— У нас проблема, — внезапно сказал Сторас, и Суоко почувствовала, что внутренне напрягается: регент Хёнкона смотрел прямо на нее. — Некоторое время назад мой дрон в городе Дайхама на южном побережье Ценганя перехватил радиообмен на гражданской частоте о блокировании нескольких террористов из "Адаути" на дальней окраине города. Переговоры вели боевики из мелкого клана Анъями, очевидно, наемники. Параллельно там находится оперативный отряд Управы благочиния Ценганя, очевидно, охотящийся за той же целью. Дрон фиксирует интенсивную перестрелку между участниками конфликта.

— Твой дрон? — странным тоном спросил Камилл. — Я и не знал, что у нас там есть наблюдатель. Мы вроде как договаривались, что разведсетью на материке управляю я?

— Я посчитал, что две независимых сети лучше, чем одна, — холодно ответил Сторас. — Альтернативный взгляд на вещи всегда полезен. Однако мы можем обсудить данный вопрос потом. Суоко, координатор опознал командира группы — твоего

ученика, Юно Юнару.

Незадолго до того. Дайхама, Ценгань

Осторожное прикосновение к плечу вырвало капитана второго класса Сайру Моямару из все-таки сломившей его дремоты. Он разлепил тяжелые веки и осовело уставился на склонившегося над ним молодого лейтенанта в военной форме. Позади него маячил один из людей Сайры, в камуфляжном комбинезоне и с ноктовизором, сдвинутым на лоб.

— Атара, тебя спрашивает какой-то человек, — у дежурного офицера хватило такта понизить голос и смягчить тоны. — Он говорит, что назначал тебе встречу. Его имя — Хирака.

— Сколько времени? — Сайра оторвал от подголовника затылок и попытался сфокусировать взгляд на часах на запястье. В заспанных глазах плыло и мутилось, и он принялся остервенело протирать их пальцами. Все-таки возраст начинает давать себя знать. Три часа в тряском грузовике на разбитой грунтовой дороге — раньше он переносил такое хотя и без удовольствия, но и без выматывающей свинцовой усталости.

— Двадцать минут второго, — лейтенант отступил на шаг. — Хирака-тара настаивает, что должен поговорить с тобой немедленно, но не в доме, а в саду. Что ему ответить, атара?

— Скажи, что через пять минут я встречусь с ним в беседке.

— Понял. Я прикажу одному из солдат провести его…

— Нет.

— Прощу прощения, атара?

— Передай сообщение, но не пускай внутрь. Если он действительно тот, кто назначил мне встречу, дверь не станет помехой. Если нет — то и разговаривать нам не о чем.

Лейтенант недоуменно захлопал глазами, но кивнул и вышел из гостиной, неслышно ступая по мягкому ковру. Приставленный охранник последовал за ним. Сайра выбрался из мягкого кресла и встряхнулся, разминая позвоночник и шею. Сон стремительно отступал, голова прояснялась. Одернув куртку, следователь вышел из гостиной в туалетную комнату, вплотную к ней примыкающую, и принялся плескать водой в лицо. Через пару минут, освеженный и в ясном сознании, он отодвинул широкую стеклянную створку, погасил в комнате свет и в темноте, чуть разгоняемой лишь мерцанием ночного неба, вышел в сад.

Город Дайхама не мог похвалиться ни размерами грузового порта, ни населением, ни особыми достопримечательностями. Обычное захолустье, сонное и неспешное. Шансима, расположенная в тридцати с небольшим цулах к северо-востоку, давно затмила его, перехватила практически весь грузовой и

пассажирский трафик. Высокие, в пятьдесят, а то и сто метров, отвесные обрывы на цулы вокруг, мелкое каменистое дно и крутые окружающие горы не способствовали популярности местечка ни среди торговцев, ни среди туристов. С трудом набиравшиеся пятнадцать тысяч населения, единственный пирс, где раз в неделю разгружалось каботажное судно из Шансимы, крохотный морской аэропорт, не имеющий даже собственной топливной цистерны, не говоря уже про диспетчерскую, и действующая дважды в год ярмарка для окрестных крестьян, умудрявшихся выращивать рис и гречиху на узких террасах в холмах. Все.

Точнее, почти все. Управа благочиния, как, впрочем, и все хоть сколь-нибудь заинтересованные лица, прекрасно знала, что Дайхама являлся одним из основных перевалочных пунктов клана "Туман", пропускавшим через себя едва ли не десять процентов всей контрабанды из Кайнаня на южном побережье. Тьма чувствовала себя в городе полновластной хозяйкой, и одна из резиденций оябуна "Тумана", Ли Сянь Дарана, даже сейчас сверкала над темным и мрачным по ночному времени городом яркими огнями электрического освещения. Второй порт, хотя и официально не существующий, но в пять раз больше первого, работал ночи напролет, обслуживая лихих моряков Анъями. Товары перегружались между быстроходными катерами, способными ускользнуть от любого сторожевика пограничников, и тихими грузовичками, водители которых прекрасно знали грунтовые дороги в местных холмах и не боялись носиться по ним ночами.

Местная Управа благочиния располагалась в прибрежном комплексе из нескольких древних одноэтажных зданий, по периметру окружавших небольшой сад с одинокой беседкой на берегу крохотного прудика. Комплекс носил на себе явные признаки обветшания и запустения — даже телефонных аппаратов здесь имелось всего два (в данном случае — к счастью), в кабинетах директора и дежурного офицера. Комнаты корпуса для размещения важных гостей выходили прямо в сад. Не похоже, что ими пользовались в последние годы, а то и десятилетия. Одной из самых значительных персон, заглядывавших сюда на протяжении неопределенно-долгого времени, наверняка являлся уездный инспектор Управы, а уж чиновник из столицы провинции наверняка сходил за наместника сразу всех богов и уж точно — за фигуру, почти равную Левому министру. Сразу полтора десятка офицеров группы захвата из Тасиэ, вероятно, представлялись начальнику местной Управы благочиния, скромному и неродовитому лейтенанту первого

класса, эквивалентом землетрясения и цунами во время тайфуна. Впрочем, на его чувства Сайре было наплевать и растереть. Если паладары и в самом деле готовы сдать "Адаути"…

Сайра спустился по каменным ступенькам в рощицу павлоний, смешанных с редкими соснами мацу, простучал каблуками тяжелых солдатских ботинок по каменной плитке между кустами туи и вышел к деревянной беседке у озера. Свет от окон гостевого здания, где сейчас расслаблялась его команда, сюда не проникал, и в зеркальной глади воды отражались лишь переливающиеся разводы ночного неба и голубой серп восходящей Труффы. Присев на скамью беседки, следователь зябко засунул руки в карманы куртки, поеживаясь от прохладного ночного бриза, тянущего к морю с остывающих холмов, и уставился на пруд. Его вдруг охватила странная меланхолия. Он отлично помнил времена до Первого Удара, когда в таких же вот ночных прудах отражалась не кривляющаяся радуга во все небо, а нормальные звезды и созвездия. На берегу такого звездного пруда он познакомился со своей будущей женой — и на том же самом берегу развеял по ветру прах, в который беспощадное жерло крематория превратило ее мертвое тело после того, как ночное небо навсегда утратило прежний цвет черного вельвета.

Тогда, девять лет назад, Сайра еще не добрался до поста следователя по особо важным делам, подвизаясь в роли мальчика на побегушках при важных родовитых чиновниках. Они с Конэко, через три или четыре декады собиравшейся родить первенца, встретили миг Первого Удара под звездами на высокой террасе храма Киёмидзудэра, откуда открывался великолепный вид на залитую огнями вечернюю Кионару. В тот момент они стояли на террасе, смотрели на город и светящийся теплыми фонарями торговый квартал, окружавший дорогу к храму. Сайра одной рукой обнимал жену за плечи, второй любовно поглаживая ее выпуклый живот, и Конекэ застенчиво и радостно улыбалась ему в ответ — а несколько минут спустя он, захлебываясь слезами и задыхаясь от собственного непрестанного воя, нес ее тело на руках по улице, уже не казавшейся уютной и радостной. Ужасная боль разрывала сердце, и переливающееся кошмарной радугой небо, откуда навсегда пропали звезды, словно насмехалось над ним гримасами жестоких клоунов. Панически мечущиеся в темноте толпы; трупы под ногами, на которые он наступал, не осознавая того; мечущиеся языки пламени от занявшихся пожаров; вопли затоптанных и раздавленных людей… Гигантский авиалайнер, взлетавший над городом, объятый огнем после взрыва реактивных двигателей, рухнул в четверти цулы от старого королевского дворца, убив больше четырехсот человек,

пассажиров и невезучих горожан, и зарево от устроенного им гигантского пожара металось над городом, отражаясь в клубах дыма, вздымающегося к свихнувшемуся небосводу.

Несколько дней спустя, когда воплощенный кошмар все еще не сошел на нет, но уже поддавался хоть какому-то контролю, Сайра получил урну с прахом Конэко и своего нерожденного ребенка. Вернее, усталый сотрудник крематория выдал ему урну, где значилось ее имя. Но в те дни было не до надлежащих церемоний. Мертвые тела сжигали в печи по нескольку за раз, не разбирая родовитости и богатства, и их пепел смешивался в урнах, выдаваемых безутешным родственникам. Сайра развеял прах над тем же прудом, у которого они познакомились. Он не молился: его оледеневшее сердце навсегда закрылось для богов, существовали ли они на самом деле или нет. И не только для богов: его жизнь больше не скрашивала ни одна женщина — ни жена, ни любовница, ни даже проститутка. Его чувства умерли. Остались лишь ледяная рассудительность и угрюмая ожесточенность, с которой он вложил всего себя в карьеру.

Его ценили за острый ум и лояльность. Он никогда не предавал и всегда держал слово. Он не стал ничьим постоянным приспешником, заключая формальные и неформальные контракты и честно их выполняя. Он продвигался по карьерной лестнице, оставаясь в хороших отношениях со всеми важными персонами, и даже неизбежно наживаемые враги платили ему дань уважения. Пользовавшиеся его покровительством могли быть уверены: заплаченные деньги возвращались сторицей. Ему доставляло холодное удовольствие влезать в хитросплетенные интриги соперничающих кланов и родов и брать за горло каменной хваткой, унижать, смешивать с тюремной грязью тех, кто хапал не по чину, использовал наемных убийц, пользовался властью для насилия над детьми и женщинами… Но чем дальше, тем чаще он задумывался: зачем? Ради кого он живет и работает? Только ради себя самого?

Жесткий и даже жестокий, спокойно-рассудительный и неуязвимый для эмоций, нынешний следователь по особо важным делам ни капли не походил на молодого человека, встретившего ночь Удара на террасе древнего храма. Прежний Сайра Моямару умер вместе с Конэко. Что сказала бы сама Конэко, увидев его нынешнего?..

Окончательно утонуть в меланхолии ему не позволили. Бесформенное темное пятно бесшумно шевельнулась на земле среди таких же теней, вытянулось вертикально и превратилось в человеческий силуэт. В полумраке беседки встрепенувшийся Сайра с интересом наблюдал, как из поверхности гладкой, словно

отшлифованной статуи всплывает одежда: обычные короткие штаны, халат и сандалии. Несколько секунд — и перед ним стоял человек, по виду разносчик лапши, лудильщик или бродячий плотник.

— Интересная у тебя манера приветствовать гостей, Сайра-тара, — с раздраженной иронией в голосе произнес гость. — Меня ведь не пустили в дом по твоему приказу?

— Да, Камилл-атара, — кивнул следователь, поднимаясь и кланяясь. — Добрый вечер. Приношу свои извинения, но мне требовалось наглядное подтверждение, что ты — действительно ты. Я и так внезапно сорвался с места по простому телефонному звонку, и если вдруг оказалось бы, что меня разыграли или заманили в ловушку… Прости, атара, но у меня хватает недоброжелателей, а паладарскому дрону не составляет никакого труда проникнуть сюда.

— Понимаю, тара, — голос паладара изменился и обрел тоны и слог формальной вежливости. — Я также весьма ценю твое доверие и не намерен его обманывать. Приношу свои извинения, но даже у меня возникают проблемы с получением информации и ее перепроверкой. Я лишь несколько минут назад засек подходящие к берегу катера и получил окончательное подтверждение, что группа преступников, о которой я сообщил, является боевиками "Мести". Я не был уверен ни в чем, кроме того, что снайперские винтовки с кайтарскими ночными прицелами не относятся к… товарам, на которые Управа благочиния зачастую закрывает глаза. Если бы мои догадки не подтвердились, ты бы просто захватил группу наемных убийц. Невеликое, но все же оправдание для экстренной спецоперации. Но теперь ты можешь с уверенностью добавить к своему послужному списку крупное достижение.

— Значит, "Адаути". "Адаути…"… — следователь покатал название на языке. — Несколько неожиданно, но неожиданность, скорее, приятная. Где они?

— Разгружают снаряжение на тайной пристани "Тумана".

— Главная темная пристань? — Сайра прищурился. — Сколько человек? Каково вооружение? Есть ли у них прикрытие от Анъями и от какого клана?

— Не торопись, атара, — в зрачках Камилла загорелись волчьи красные искры, и Сайра с трудом подавил желание отпрянуть. По его хребту прокатился неприятный холодок. — Я знаком с твоей репутацией. Ты человек весьма разумный и должен понимать, что бесплатна в нашем мире лишь наживка на рыболовном крючке.

— Чего ты хочешь? — по возможности вежливо осведомился

следователь. — И настоятельно прошу помнить, что я не готов к таким переговорам, а "Адаути" не станет сидеть на месте.

— Пока — ничего, — искры в глазах паладара погасли. — Достаточно, если согласишься, что должен мне. Я востребую долг позже, в менее напряженной ситуации. Не беспокойся, даю слово, что цена не покажется тебе чрезмерной. Ты кажешься мне весьма достойным кандидатом в долгосрочные партнеры, и я не заинтересован тебя обманывать.

— Я согласен вернуть долг позже, — следователь намеренно проигнорировал последнюю фразу. Долгосрочное партнерство — не то, что формируется в мимолетном обмене фразами после пары случайных встреч. Только полный дурак способен разомлеть и растаять от ничего не значащих слов, путь даже настолько лестных. Жизнь покажет. Признать долг можно, и если Камилл сдержит слово и не запросит в обмен слишком многого, основа для деловых отношений окажется заложенной. Ну, а если запросит… Катастрофой для Сайры не станет даже непомерная цена, а вот репутация паладара окажется сильно подорванной. Вряд ли он на такое пойдет. — Итак?

— Группа "Адаути" состоит из восьми человек. Судя по подслушанным мной разговорам, один из них может являться оябуном или как минимум одним из его доверенных помощников. Разгрузка идет не на главном причале, а на удаленном пирсе у отвесного обрыва — там сложнее поднимать груз наверх, зато дорога не проходит через город, и количество свидетелей минимально. Прикрытия со стороны "Тумана" нет, если не считать матросов на катерах, доставивших груз. Я готов отвести на место группу захвата.

— Ты намерен выступить в официальном качестве? — несмотря на бешено застучавшее сердце, голос Сайры остался спокойным. — Как посланник паладаров?

— Нет, конечно, — усмехнулся Камилл. — Я изображу местного жителя и незаметно исчезну. Кстати, в качестве подарка: мой дрон опознал хромосомные поликислоты одного из членов группы. Они совпадают с образцом, который я сумел выделить на месте террористического акта в Кионаре. Сразу предупреждаю, в суде мои сведения предъявить нельзя, так что все остальное за тобой, атара. И еще одно…

Его зрачки снова затлели красным.

— Если они попадут в плен живыми, то могут начать болтать невесть что, лишь бы спасти свою шкуру. В том числе — разный вздор о причастности паладаров к их действиям. Доказать, само собой, ничего не смогут, но неприятные слухи ходят и без них, и усиливать их нам не с руки. Если хочешь сотрудничать со мной и

дальше, постарайся… избежать осложнений для меня. А награду за голову главаря ты получишь независимо от того, в каком виде доставишь его в столицу. Жду тебя на улице возле ворот Управы.

Фигура паладарского посланника осела, расплылась и вновь смешалась с тенями. Сайра застыл на месте, его мозг лихорадочно работал. Значит, Камилл хочет, чтобы боевики погибли при штурме? Организовать несложно, но почему? Паладары действительно причастны к террористической деятельности "Мести" и хотят замести следы? Но им куда проще замести следы самостоятельно, без вовлечения посторонних: несколько мелких кланов Анъями, попавших под каток показательных расправ, явно продемонстрировали, что крови пришельцы не боятся. Одного дрона, здесь и сейчас контролируемого Камиллом, вполне достаточно для расправы над сотней до зубов вооруженных террористов, не говоря уже про жалких восемь человек. Зачем вообще привлекать Управу благочиния или любое другое официальное учреждение для ликвидации "Адаути"? Дроны могут не убивать, а захватывать в плен. Паладары могли бы преподнести бандитов правосудию в любом потребном пришельцам виде, хоть живом, хоть мертвом, что и выглядело бы куда красивее.

Итак, голые факты: паладарский посланник сдал ему группу неких личностей, но хочет, чтобы живыми их не взяли. Принадлежат они к "Мести" или нет, без допроса сказать невозможно. Слова о хромосомных поликислотах без доказательств остаются пустыми словами. Вывод пока один: паладары (или, как минимум, Камилл) хотят ликвидировать данную группу, но чужими руками. Причин может оказаться тысячи, и сейчас не время о них размышлять. Однако Сайра не относится к людям, которыми просто манипулировать втемную, неважно, с помощью каких пряников. Значит, боевиков следует по возможности взять живыми. Ликвидировать их позже при попытке к бегству проще простого, но сначала нужно выкачать из них всю возможную информацию.

Следователь резко повернулся на пятках и быстро зашагал к гостевому дому.

Группа захвата, за исключением присматривающих за дежурным офицером и входом в комплекс, безмятежно спала на диванах в большом зале: опытные бойцы использовали каждую свободную минуту для отдыха, зная, что в любой момент могут залечь в многочасовую, а то и многосуточную засаду или ввязаться в долгое утомительное преследование. Штурмовые винтовки стояли дулами вверх, прислоненные к диванным и кресельным подлокотникам. Командир группы, капитан первого

класса Доран Си Май, и его заместитель с карандашами в руках сидели на стульях у большого стола. Стаканы и графин с водой в беспорядке стояли на ковре (удивительная деликатность — обычно помехи просто сметались на пол одним движением руки), а весь стол занимала большая топографическая карта побережья и окрестностей. Судя по массе пометок, они продумывали места для возможных засад — как своих, так и чужих. Лейтенант Васи сидел рядом и с интересом присматривался: как бывший полицейский он наверняка привык к другим подходам и сейчас пытался перенимать новую точку зрения. Все трое выжидательно повернули к нему головы.

— Взвод, подъем! — резко сказал следователь, и спящие бойцы синхронно дернулись. Они еще не пришли в себя, но уже резко сели на диванах, а их руки шарили вокруг в поисках оружия. Дав им время очнуться и начать воспринимать окружающий мир, Сайра хлопнул в ладоши.

— Я встретился с информатором, — сообщил он. — Итак, мы имеем дело с группой вооруженных бандитов, пытающимся контрабандой провести из Кайнаня довольно интересный груз. Их восемь, прикрытия со стороны "Анъями" нет. Есть вероятность, что они принадлежат к "Адаути". Возможно даже, среди них находится сам оябун группировки. Всех брать живыми не обязательно, но оябуна или старшего группы — очень желательно. Доран, — он обратил взгляд на командира штурмовой группы, — у тебя десять бойцов, плюс вы двое, итого двенадцать. Васи сменит твоих людей, чтобы присмотреть за дежурным и в целом за Управой, так что весь взвод сможет поучаствовать. Твое мнение: справишься? Или реализуем запасной вариант с местными?

— Если начнем поднимать гарнизон, даже по тревоге, бандиты испарятся задолго до того, как соберем хотя бы десяток вояк, — наполовину презрительно, наполовину с раздражением поморщился капитан. — Мы не сможем за всеми уследить, обязательно кто-нибудь стукнет в "Туман". Да и толку от них… Мы можем снять половину сразу, из темноты, а оставшихся четверых оглушить и взять живьем. Годится?

— Вполне, — согласился Сайра. — Васи, остаешься присматривать за хозяйством. Главная задача — проследить, чтобы дежурный никуда не смог сообщить, пока мы не доберемся до места. Как услышишь стрельбу, можешь расслабиться.

— Он ведь из наших… — лейтенант задумчиво прищурился.

— Можешь плюнуть мне в лицо, если он не состоит на жаловании у Анъями! — фыркнул следователь. — Об итогах проинформирую по рации. Если потребуется, поднимешь по

тревоге армейцев и приведешь их на подмогу. Куда — я сообщу. Сам сиди здесь у телефона, если потребуется помощь наших. Чем бы ни закончилось дело, мы подберем тебя по дороге назад. Понял? Доран, вперед. Время дорого.

Большой грузовик с штурмовой группой, тихо рыча мотором, выкатился из ворот Управы благочиния три минуты спустя. Водитель, простой солдат не из постоянной команды, вздрогнул, когда на подножку с его стороны прямо на ходу вскочил мужчина в потрепанной одежде. Сайра махнул рукой вперед, приказывая не останавливаться, и парень, затравленно оглянувшись по сторонам, снова приник к баранке. Очевидно, ему было не по себе, но беречь его чувства времени не оставалось. Минут двадцать грузовик, подчиняясь тихим указаниям Камилла, подаваемым через открытое окно, катил сначала по погруженным во тьму улицам города, а потом — по дороге сквозь глухой лес. Низко склоняющиеся деревья хлестали по кабине и брезенту над кузовом, мотор взрыкивал на многочисленных колдобинах, подпружиненное, но уже изрядно просевшее сиденье поддавало Сайре под задницу. Фары грузовика выхватывали из темноты стволы деревьев, яркие на фоне окружающий теней. Если они сейчас на полной скорости влетят в засаду Анъями… Остается лишь надеяться, что Камилл прав насчет отсутствия прикрытия.

Кстати, еще одна деталь на будущее: у "Адаути", видимо, совсем плохо с деньгами, если они наняли только катера, но не охрану. С Анъями, с того же "Тумана" вполне станется устроить засаду на незащищенные грузовики, пробирающиеся через глухие холмы — особенно с учетом того, что они знают и характер груза, и маршрут, каким клиенты станут выбираться к жилым местам. Конечно, "Адаути" — отнюдь не беззащитные контрабандисты, и крови у них на руках немало, и решимости не занимать, но восемь человек не смогут сделать ничего против внезапного ночного налета. Можно, конечно, предположить, что "Туман" не захочет связываться со снайперскими винтовками с ночными прицелами: самим им такое оружие без надобности, а продать кому-то другому — рискованно: несмотря на всю корыстолюбивость чиновников Управы благочиния и высоких полицейских чинов, определенную грань они все же не переступят. Негласный общественный договор считал если и не достойными, то приемлемыми прямые вооруженные столкновения, пока жертва имела возможность защищаться — с помощью собственных телохранителей, например. Однако тайные удары из-за угла, когда с убийцей нельзя даже сразиться, не то что опознать, оставались презренным уделом отверженных групп, презираемых всеми, в том числе костоломами признанных кланов

Анъями, специализирующихся на налетах, запугивании и избиениях: "Крыльев бури" и "Скальпеля". "Туман" в какой-то степени гордился своей репутацией, а потому вряд ли стал бы связываться с такого рода товаром.

И все же, и все же — наверняка среди груза "Адаути" не только снайперские винтовки. И вряд ли там нет совсем ничего, способного заинтересовать головорезов Тьмы. Так что "Адаути" все-таки рискует, а следовательно, с деньгами у нее плохо. Обеим Управам благочиния, и в Ценгане, и в Кайнане, так и не удалось выйти на источники ее финансирования — и с учетом разветвленной сети осведомителей, в том числе принадлежащей лично Сайре, имелись хорошие шансы, что этих источников не существует вовсе. Значит, тот, кто создал "Месть", ограничился однократным вливанием денег, и они уже на исходе.

Впрочем, есть и еще одна возможность. Единственный источник денежных средств на Могерате, не доступный для отслеживания — университет "Дайгака". Если за "Адаути" все-таки тайно стоят (или стояли) паладары, теперь почему-то решившие избавиться от наемников, то все сходится. Остается понять, почему же паладары так себя ведут. Сайра задумчиво потер подбородок, уже колючий от щетины: в последний раз он брился вчера вечером. Подобные сценарии никак не сходятся с образом Карины Мураций, сложившимся в его сознании после почти трех сезонов жадного наблюдения за Университетом. Ректор Университета выглядела вполне честной и искренней. Предательство, удары в спину, подсылка убийц — совершенно не в ее духе. Разумеется, внешность зачастую обманчива, но все-таки ничего не говорило, что у молодой (да?) женщины есть какие-то интересы, выходящие за пределы хребта Сюань. Да и ее статуи, массово появившиеся в храмах Миндаллы после шокирующего признания о судьбе планеты, тоже плохо сочетались с "Адаути". Но помимо Карины-атары есть и другие паладары. Тот же Камилл, например (Сайра бросил мимолетный взгляд на окно кабины, за которым на подножке болтался "местный осведомитель"). Уж он точно не является идеалистом, а его умению вести политическую игру можно лишь позавидовать. Сайра не сталкивался раньше с ним вплотную, но доходящие слухи были вполне красноречивыми. А еще в Хёнконе есть регент, таинственная личность, практически не мелькающая на телевидении и в газетах. Судя по немногим зафиксированным повадкам, он явно имел в прошлом отношение к военным или хотя бы гражданским спецслужбам. И генерал Саматта, такой же таинственный военный консультант, лично руководивший истреблением по крайней мере одной группировки Анъями. Да

мало ли кто там есть, в свою внутреннюю кухню паладары никого не посвящают. И если предположить, что пришельцы вовсе не так сплочены, как стараются показать, что и внутри них есть соперничающие группировки, а Карина Мураций — просто красивый занавес, скрывающий чудовищ… Очень многие детали мозаики встают на свои места.

Сайра тряхнул головой, отгоняя сонливость, и машина тут же особо резко подпрыгнула на ухабе. Какой-то выступ небрежно надетого бронежилета впился в поясницу, а зарождающийся зевок превратился в болезненный укус языка. Мысленно выругавшись, Сайра склонился к Камиллу через шофера.

— Далеко еще? — спросил он, стараясь говорить не слишком громко, но так, чтобы его услышали.

— Уже приехали. Еще пятьдесят метров, атара! — с характерным для южного побережья произношением откликнулся "проводник". — Дальше пешком, машину услышат. Вон там деревья расходятся, перевал, там остановитесь.

Впереди и в самом деле замаячил разрыв между деревьями: щель в черной стене леса на фоне переливающегося неба. Водитель сбавил ход, выключил фары, медленно подкатил к месту, где еле видная в свете подфарников дорога ощутимо уходила вниз, и остановился.

— Туда, вниз, атара! — сообщил "осведомитель". — Сам все увидишь. Я больше не нужен. Деньги, атара!

Он требовательно сунул руку в окно.

— Что? — машинально спросил ошарашенный Сайра.

— Деньги давай! Две тысячи канов, как договаривались.

Ошеломленный такой наглостью, следователь вытащил из кармана камуфляжной куртки кошелек и отсчитал четыре пятисотки. "Осведомитель" почти вырвал их из рук, спрыгнул с подножки и растворился во мраке леса. Ну и ну! Конечно, игра на образ отличная, да и две тысячи — сумма, не стоящая даже упоминания, но мог бы и предупредить заранее! А если бы Сайра без денег оказался? Впрочем, ладно.

— Мы уходим. Замаскируй машину возле дороги, чтобы случайно никто не заметил, и жди сигнала, — приказал он водителю, распахивая дверь и соскакивая на дорогу. В темноте уже двигались едва заметные силуэты бойцов спецгруппы. Следователь опустил на глаза громоздкий тяжелый ноктовизор, подтянул ремни, чтобы проклятая штуковина не сползала, и вгляделся в мутный зеленоватый полумрак. Работает. Новейшее кайтарское оборудование, менее трех декад как полученное Управой благочиния в качестве опытных образцов, давало картинку хотя все еще несопоставимо худшую, чем серийная

техника перед Ударом, но куда более четкую, чем еще год назад. Хотя вес ноктовизора оставлял желать много лучшего, в качестве компенсации батарея жила до шестнадцати часов — втрое дольше, чем до Удара, а активная инфракрасная подсветка позволяла различать предметы на расстоянии до двухсот метров.

— Рации проверить! — негромко приказал Доран. — Я Первый, даю позывной.

Он быстро отбил контактным ключом две точки и тире.

— Второй, дай позывной.

Его заместитель выдал свой код. За ним отозвались остальные. Сайра вставил в ухо пуговицу динамика слишком поздно, так что услышал только последние два кода. Однако он в любом варианте не станет отдавать приказы. Ему главное знать, что рация работает. Повинуясь жесту Дорана, он отстучал свой позывной.

— Связь в порядке, атара, — отрапортовал ему капитан. — Ну что, девочки, напоминаю: противник у нас опасный. Не зевать, не засыпать, голос по радио использовать в крайнем случае: пните меня по яйцам, если они эфир не слушают. Задачу все поняли? Атара, остаешься здесь. Когда закончим, сообщим.

— Нет, Доран, — спокойно, но не допускающим возражений тоном ответил Сайра. — Я с вами. Под ногами путаться не стану, но мне нужно наблюдать вблизи. Слишком много… неизвестных в нашем уравнении.

— Понял, атара, — Доран прекрасно знал, когда с начальством спорить можно, а когда — не стоит, тем более что с Сайрой он проводил далеко не первую и даже не десятую совместную операцию. — Тогда ты со мной. Держись позади.

— Веди, — Сайра провел рукой по кобуре на боку. Стрелять он умел прекрасно, но сегодня играть в войну не собирался: бойцам спецназа он все равно не ровня, да и не его дело гоняться за террористами. Кроме того, пистолет не имел глушителя, так что первый же выстрел полностью разрушит всю секретность. Однако плотная тяжесть оружия придавала уверенности.

Невидимая и неслышимая, группа захвата двинулась под уклон в сторону, где над крутым обрывом возвышался небольшой деревянный пакгауз, слабо освещенный тусклыми фонарями. Дорога здесь шла по прямой, и Сайра, неторопливо трусящий по обочине вслед за Дораном, различал сквозь нависающие ветви деревьев очертания четырех небольших пикапов с брезентовыми навесами над кузовами. Рядом с ними появлялись и исчезали неразборчивые пока еще человеческие силуэты. Расстояние от перевала до пакгауза составляло не менее трехсот метров, дорога казалась пустой, и разглядеть что-либо оттуда террористы явно

не могли. Тем не менее, по крайней мере за полторы сотни метров до пакгауза Доран увел группу с дороги в лес.

— Рассредоточиваемся, — тихо приказал он. — Первая группа — с востока. Вторая — с запада. Третья со мной. Действуем по плану. Еще раз напоминаю: не стрелять без приказа. Сначала я валю тех, кто подвернется, остальных берем по возможности живыми. Если случится жопа, действовать по обстановке, не дожидаясь моего приказа. Вперед!

Дождавшись, когда обе группы растворятся в ночной тьме, Доран жестом указал вниз, в сторону пакгауза, и двинулся с места, мягко ступая по корням деревьев, заваленным прелой листвой. Три оставшихся с ним бойца разошлись короткой цепью и шагали, настороженно оглядываясь по сторонам. В зеленой полутьме ноктовизора холодная сырая земля почти не различалась, и Сайра включил инфракрасную подсветку. Стало немного легче, хотя тени углубились и заметно потемнели. Следователь старался не запинаться о корни и не слишком громко цепляться курткой за ветви и оплетающие их лианы. Еще немного. Еще метров пятьдесят или шестьдесят — и они подберутся к площадке вплотную…

И тут в темноте грохнул выстрел, потом еще один, и тут же покатились-побежали трескучие короткие очереди из штурмовых винтовок, перемежаемые одиночными выстрелами и очередями из незнакомого оружия. Сайра резко остановился и присел на корточки, шепотом ругаясь и стискивая во вспотевшей ладони рукоять выхваченного пистолета. Он напряженно оглядывался по сторонам, но не видел ничего, кроме все тех же теней. Стрельба раздавалась с той стороны, куда ушла первая группа. Доран припал к земле чуть поодаль, остальные бойцы пропали из вида. Что случилось? Неужели "Адаути" все-таки выставила или наняла охрану? Как Камилл мог так лажануться?

— Второй, я Первый, — скрежещущим шепотом сказал в рацию Доран, и его голос эхом отдался в наушнике Сайры. — Доложить обстановку!.. Второй, как слышишь? Доложить обстановку! Третий, оставаться на месте до выяснения!

Так. Что бы ни случилось, ясно одно: секретность и незаметность только что слили в унитаз. Взять террористов тихо и быстро уже не получится: наверняка они забаррикадировались в пакгаузе при первых же выстрелах. А если катера еще не успели уйти, то "Адаути" уже наверняка смывается на них в море, бросив груз. Ну, Камилл! Послушаем, как ты станешь оправдываться — если, конечно, рискнешь еще хоть раз со мной встретиться!

— Первый, здесь… Второй… — донесся из наушника хриплый прерывистый голос заместителя Дорана. — Нарвались

на засаду… на кого — неизвестно… У меня двое легких, один с пробитым бедром… Прижаты огнем противника, не можем двинуться. Против нас минимум четверо…

— Тинтин га саолянь! — прошипел Доран. — Второй, держись. Идем на помощь. Зажмитесь и не дергайтесь!

— Понял, Первый! — прохрипел наушник. — Мы…

И тут стрельба стихла — вместе с голосом.

— Второй, ты где? — пригнувшись, Доран уже двигался перебежками от ствола к стволу, и тени его бойцов мелькали чуть поодаль. — Второй?..

Сайра снова выругался сквозь зубы и осторожно двинулся следом. Вот на что он точно не рассчитывал, так на небольшую ночную войнушку. Корни подворачивались под ноги, ветви хлестали по линзам ноктовизора, на мгновение ослепительно вспыхивая в подсветке, и следователь торопливо ее отключил. Мир потускнел и стал менее резким и контрастным, зато вспышки прекратились. Что-то здесь не так. Совсем не так. "Адаути" могла выставить оцепление, но Камилл не мог его не заметить. И уж совершенно точно не в его интересах заводить штурмовую группу в засаду. Значит, засада появилась уже после того, как отсюда исчез дрон Камилла — как максимум минут пятнадцать-двадцать назад. Следовательно, к "Адаути" они отношения не имеют.

А еще ставить одиночную засаду в стороне от дороги бессмысленно, если только не знать точно, что ожидаемая жертва двинется именно там. А "Адаути" может выбраться с пристани лишь по одной-единственной лесной дороге. И, значит…

Додумать он не успел, потому что тишину снова разорвал грохот выстрелов — на сей раз почти над ухом. Сайра рухнул на землю, неудачно спружинив руками. Он ободрал левую ладонь, едва не вывихнул правую кисть, сжимавшую пистолет, и больно даже сквозь плотную полевую куртку ударился локтем о какой-то особо толстый корень. Спасибо хоть, бронежилет спас ребра. Следователь тут же откатился в сторону, попутно успев разглядеть ослепительные даже сквозь листву вспышки выстрелов, и укрылся в небольшой ложбинке под стволом. Сквозь штаны немедленно начала просачиваться липкая холодная влага. Рядом затарахтели штурмовые винтовки бойцов его группы, и Сайра вслепую выстрелил несколько раз в сторону, где вроде бы находился противник. Но тот больше не стрелял. В лесу снова воцарилась напряженная тишина, и следователь, напряженно вглядываясь в тени между стволами деревьев и ветвями, стиснул зубы. Ну надо же так попасть! Сволочь Камилл…

Выпавшая из уха пуговица наушника еле слышно зазудела, и

Сайра поспешно воткнул ее в ухо.

— …ряю, всем, кто меня слышит! — жесткий голос паладарского посланника впился в барабанную перепонку. — Прекратить стрельбу! Вы не враги друг другу! Не стрелять!

— Эй, вы! — крикнул откуда-то со стороны незнакомый мужской голос с явно выраженным северным акцентом. — Кто вы такие? Оружие бросить, встать с поднятыми ру…

Фраза оборвалась хриплым полувсхлипом. Грохнули и оборвались новые выстрелы. Потом раздался новый голос — уже не через наушник.

— Сайра-атара! — громко сказал Камилл. — Не стреляйте, иду к вам.

— Внимание, Первый! — торопливо крикнул Сайра. — Не стрелять, не стрелять! Свои!

Несколько секунд спустя ветви заколебались и затрещали, и давешний "проводник" стремительно подошел к укрытию следователя. Правой рукой он удерживал за грудки и волок по земле барахтающуюся и невнятно мычащую человеческую фигуру. Бросив ее на землю, Камилл произнес:

— Сайра-атара, работают на Анъями, "Крылья бури". Я о них не знал. Мой прокол, потом сочтемся. Дальше сам разбирайся, но уговор в силе. Остальные придурки рядом с вами без сознания, так что можете перестать палить куда ни попадя. Твоя вторая группа там, — он ткнул рукой в сторону. — Все живы.

И он канул во тьму так стремительно и бесшумно, словно испарился.

— Эй, а ну стоять!.. — запоздало рявкнул приблизившийся Доран.

— Отставить! — приказал Сайра, чье бешено колотящееся сердце постепенно успокаивалось. Способность здраво мыслить быстро возвращалась. "Крылья бури". Крупнейшая группировка Тьмы на всем континенте. По весьма достоверным слухам, ее оябун, Торанна Ли Фай, вхож едва ли не к самому Левому министру. Что они здесь забыли? Прикрывают "Анъями" или… или наоборот? С учетом известной склонности клана к похищениям и заказным убийствах…

Выбравшись из своей ямы, он с нарастающей злостью ощутил насквозь промокшие штаны и влагу, стремительно пропитывающую куртку. Следователь опустился на одно колено рядом с неизвестным, слабо ворочающимся и отплевывающимся от какой-то вязкой массы, забившей его рот (земля? палые листья?), и взял его за горло железной хваткой.

— Слушай меня очень внимательно, шо, повторять не стану, — сказал он ледяным тоном, когда слабые дрожащие руки

бандита ухватили его за предплечье. — Я — капитан второго класса, следователь по особо важным делам Управы благочиния Тасиэ. Вы сорвали крайне важную операцию, и мне страшно хочется свернуть тебе шею, наплевав, кто ты такой и кого знаешь. Но на случай, если дело еще можно исправить, у тебя есть двадцать секунд, чтобы внятно изложить, что вы здесь делаете и кто главный. Не уложишься — прикончу. Время пошло.

Когда в лесу над обрывом защелкали первые далекие выстрелы, Юно как раз расплачивался с рулевым катера, старшим в группе "Тумана".

— Все в порядке, тара, — буркнул тот, закончив пересчитывать толстую пачку потрепанных купюр. — В расчете. Что за?..

Он вскинул голову, прислушиваясь и пристально вглядываясь в темную массу деревьев, окружающую подсвеченное огнями здание пакгауза высоко вверху. Юно замер, прислушиваясь. Выстрелы. Безо всякого сомнения, выстрелы. Юно ухватил рулевого за халат на груди и резко дернул к себе.

— Ты утверждал, что здесь безопасно, — сквозь зубы проскрежетал он. — Значит, "Туман" нас сдал? Кому? Отвечай, живо!

За спиной раздались шаги и тихие металлические щелчки снимаемых предохранителей. Оябун "Анъями" оглянулся. Два других рулевых и несколько матросов стояли полукругом, целясь в него из пистолетов и автоматов.

— Убери руки, тара, — сумрачно сказал тот, кого Юно держал за грудки. — Мы ничего не знаем. Наше дело — довезти тебя с грузом и высадить. В охрану мы не подряжались.

Медленно втянув теплый влажный воздух, Юно выпустил его и отступил на шаг. Действительно, даже если "Туман" его сдал, моряки-контрабандисты вряд ли были в курсе. Имей они планы скрытого предательства, куда проще перебить всех его людей в открытом море, где нападения никто не ожидал.

— Так-то лучше, — рулевой, как ни в чем не бывало, убрал пачку денег за пазуху и взбежал по трапу на свой катер. Остальные кобуны "Тумана" рассыпались по собственным судам. Рулевой перегнулся через фальшборт. — Мы в расчете, тара. Работа выполнена честно. Но если хочешь, лезь сюда, высажу в безопасном месте совершенно бесплатно. Но решай живее, мы уходим.

— Подождите еще несколько минут! — почти умоляюще сказал Юно, лихорадочно соображая. Если их прижали всерьез, грузу так или иначе конец. Но люди еще могут спастись. — Мои

кобуны спустятся…

— Ты дурак, тара? — изумленно поинтересовался рулевой. — Если там, наверху, посадят хотя бы парочку снайперов, нас расщелкают до того, как мы отойдем от берега. Да одного гранатометчика хватит, чтобы нас на дно отправить. Катер — не крейсер, он для перестрелки с берегом не предназначен. Ты с нами? Думай, пять секунд даю.

— Нет, тара, я остаюсь со своими, — холодно ответил Юно, чувствуя, как вспышка паники проходит, и голова начинает соображать снова. — Спасибо за помощь.

Моряк пожал плечами и исчез в рубке. Его напарник нажал кнопку, поднимая спущенный трап, и торпедный катер с тихим рокотом отвалил от пирса. Зенитный пулемет на корме принялся настороженно шарить по кромке обрыва. Несколько секунд спустя три судна растаяли в ночной тьме, оставляя за собой фосфоресцирующий след, почти незаметный под танцующим отражением переливающегося неба. Но Юно не смотрел им вслед. Подбежав к площадке подъемника, он нажал на кнопку, и платформа двинулась вверх.

Ток пропал, когда подъемник преодолел примерно половину пути. Лампа под навесом внезапно погасла, платформа замерла на месте. Здание пакгауза над обрывом пропало из вида. Окутанный темнотой, Юно тихо выругался и закрыл глаза, привыкая к новой обстановке. Десяток секунд спустя он поднял веки. Глаза потихоньку адаптировались, и площадка лестницы в метре от подъемника хотя и смутно, но различалась. Примерившись, Юно перепрыгнул через полуметровый провал, ухватившись за поручни вокруг лестницы, а потом и перебравшись через них. Наполовину шагая, наполовину прыгая через две-три гулких металлических ступеньки, он бросился вверх. Стихшие было выстрелы застучали снова — и резко оборвались.

Тяжело дыша, с бешено колотящимся от напора адреналина и усталости сердцем, Юно ворвался внутрь пакгауза, залитого тьмой, лишь сгущаемой направленным в потолок фонарем. Еще один фонарь ослепительным лучом резанул Юно по глазам, и оябун "Мести" вскинул ладонь, защищаясь.

— Что происходит? — отдуваясь, коротко спросил он.

— Стрельба в лесу, атара, — так же лаконично откликнулся Юмэй, опуская фонарь. Первый помощник Юно приник к небольшому оконцу и напряженно всматривался наружу через ночной прицел. Вскрытый ящик с прицелами одиноко стоял у захлопнутой двери: его вместе с выстрелами для подствольных гранатометов поднимали последним и не успели загрузить в

машину.

— Провода обрезали, — добавил Цзин. Он сидел возле ящика с патронами и сосредоточенно набивал автоматные магазины. — Нас продали, атара. Катера ушли?

— Да, — Юно вытащил из ящика еще один прицел, достал из футляра, вставил батарею, щелкнул выключателем и пристроился к окну с противоположной стороны. Индикатор батареи показывал едва четверть заряда. — Ждать, пока вы спуститесь, отказались. Фонари погасите — и смотреть мешают, и нас подсвечивают.

Кто-то выключил фонарь на столе, и в помещении наступила почти кромешная тьма, чуть разгоняемая только призрачным светом неба и светом восходящей Труффы. Три пикапа за окном стояли, полностью загруженные и закрытые. Задний борт четвертого все еще оставался опущенным: последние ящики загрузить не успели. Какое искушение — забраться в них и пойти на прорыв… Глупо. Пирсом Юно пользовался уже в третий раз и прекрасно знал, что единственная дорога отсюда идет через густой тропический лес. Свернуть с нее на автомобиле, даже таком легком, не выйдет, и врагам не составит труда блокировать всю колонну, просто расстреляв первый автомобиль. Мини-грузовичок — не танк и даже не бронетранспортер, для прорыва блокады не предназначен. Скрыться по морю без катеров тоже невозможно: вплавь далеко не уйдешь даже в местном теплом океане, а отвесный обрыв с грудами валунов и сильным прибоем понизу тянется по крайней мере на полцулы в каждую сторону. Если бы у них имелись хотя бы спасательные жилеты… но у них нет спасательных жилетов. Почему он не догадался купить их у моряков на катерах за любые деньги?

Выбора нет. Они прижаты здесь и либо прорвутся и уйдут по суше, либо умрут. Нельзя, чтобы кто-нибудь получил хотя бы намек на истинную сущность бывшего секретаря ставрийского посольства в Хёнконе: удар по репутации Университета окажется чудовищным. Юмэй и Цзин видели его университетский идентификационный браслет в день первой встречи и догадываются, кто их оябун, но они ненавидят бывшую хёнконскую знать еще больше, чем он сам. Они не проговорятся ни под какими пытками. Остальные… остальные могут сломаться, но они ничего не знают. Не следовало, разумеется, устраивать мальчишескую браваду с окровавленным браслетом и демонстрировать его даже самым верным приспешникам, но сделанного не исправишь. Кроме того, "Кобра" осведомлена о его происхождении. Но "Кобра" не рискнет идти против Камилла, а паладар, следующий правилам игры, не заинтересован в огласке.

Оябун "Адаути" машинально провел рукой по груди: граната, постоянно носимая с собой после встречи с Камиллом, висела под одеждой там, где и положено. Взрыватель спилен, достаточно выдернуть кольцо и отпустить рычаг предохранитель… Ты знал, что рано или поздно этим кончится. Время пришло. Жаль. Осталось доделать так немного: бывший заместитель министра финансов, бывший секретарь министра юстиции, бывший управделами канцелярии двора и бывший личный королевский поверенный. Остальные чиновники беглого королевского двора не важны: документы на право собственности в Хёнконе по большей части не сохранились, а те, что сохранились, без знающих людей не интерпретировать. Управделами канцелярии следовало убить первым, но после бегства в Ценгань он всегда жил скрытно, вдали от других аристократов и под хорошей охраной. Обнаружить его удалось лишь недавно, и именно для штурма его поместья и предназначалась львиная доля закупленного в Кайнане оборудования.

Теперь вся эта мразь останется жить. Страшно жаль. Но "Адаути" и без того хорошо поработала. "Правительство Хёнкона за рубежом" больше не существует, и новых желающих его организовать нет. Бывший король запуган до смерти. Несколько десятков наиболее опасных аристократов и чиновников отправились в Нирвану, воспрянувшие духом с появлением паладаров хёнконские кланы забились в норы, и большая часть имущественных исков к университету "Дайгака" так и остались лишь в проекте. Университет продолжит существовать. Ну, а террористам положено умирать. Даже если они сражаются за благое дело, подавать положительный пример другим нельзя: слишком много моральных уродов с удовольствием прикрывается красивыми словами для удовлетворения мелких амбиций. Все закономерно. С самого начала ты готовился именно к такому концу. Нет, неверно: ты уже мертв с момента, как исчез на пути из Хёнкона в Ставрию. Сегодня твою смерть боги лишь заверят официально. А люди… а люди найдут лишь изуродованный неопознаваемый труп.

Жизнь закончена. В зависимости от того, верны ли какие-то религиозные сказки, тебе может еще повезти встретиться с людьми, лишенными тобой жизни, и взглянуть им в глаза. А потом боги Миндаллы или Ваххарон, или кто там судит грешников, отправят твою собственную душу в небытие. Все кончено, как и запланировано.

Вот только почему тебе так страшно, а, дружище?

В лесу не замечалось никакого движения, и Юно, оторвавшись от прицела, сел прямо на холодный бетонный пол,

прислонившись спиной к деревянной стене. В темноте смутно угадывались силуэты семерых его кобунов. Юмэй Киритоса. Цзин Ямадака. Лин Оюда. Авайя Хуон. Дон Сюань. Маэн Фан. Су Чень. Первые четверо — ядро "Адаути", трое остальных рекрутированы относительно недавно. Если бы хоть как-нибудь сохранить им жизнь!

— Ну что, атара, осталось лишь продать свои шкуры подороже, — Юмэй тоже перестал рассматривать лес в прицел. Его голос оставался ровным и спокойным, почти небрежным, словно он рассуждал о погоде на завтра. — Патронов маловато. Жаль, оба ящика уже загрузить успели.

— Может, они не за нами? — в отличие от Юмэя, голос Маэна слегка подрагивал — не от страха, просто от нервного напряжения. — Мало ли кто там палил… Может, "Туман" развлекается.

— Угу, точно, — согласился Цзин. Судя по звукам, он закончил набивать магазины. — Отправились веселые ребята ночью в лес, на обезьян поохотиться, и ненароком отстрелили провода. Сплошь и рядом случается. Атара, рискнем пару ящиков из машин вытащить?

— Опасно, — Юно удивился тому, как безмятежно звучит его собственный голос. — Если снаружи снайперы, мы и подойти к ним не сможем, ляжем прямо у входа. Кстати, сторожа где?

— Смылись оба при первых выстрелах, — пояснил Авайя. В его голосе звучало явное презрение.

Скверно. Юно видел у кобунов "Тумана" портативные рации. Наверняка с их помощью можно связаться с его основной базой на расстоянии цулы отсюда. Купить бы охрану, пусть и с запозданием… нет, не удалось бы в любом случае. "Туман" — контрабандисты и работорговцы, не бойцы. Какие бы силы они ни держали на базе, сунуться в ночной лес против неизвестного противника с автоматическим оружием не рискнут. Ну, а если их действительно продал "Туман", то тем более проку от него нет.

— Вопрос в том, кто в кого палил, — задумчиво проговорил Цзин. Он взял у Юмэя громоздкий прицел, отошел к окошку в торце пакгауза и начал осматривать местность через узкое щелевидное окошко. — Там не случайно кто-то на спуск нажал — несколько групп подрались. Я слышал как минимум три разных типа автоматов. Если они вцепятся друг другу в глотку и перебьют друг друга, у нас есть шанс. Дождаться бы рассвета…

— Они больше не дерутся, — хмыкнул Юмэй. — То ли кого-то уже выкосили, то ли договорились. А мы, оказывается, важные птицы, атара. Аж две группы охотников за нами пришли.

— Думаешь, две? — с сомнением переспросил Лин.

— Даже не говори, что три, не поверю. Я так думаю, они по-отдельности сюда явились и случайно друг на друга напоролись. Скорее всего, уже разобрались и помирились.

— Вопрос в том, кто и почему здесь, — задумчиво проговорил Маэн. — Если Анъями за наши головы награду пообещали, есть шанс договориться. Если солдаты… ну, тоже есть, если их генерал не слишком жадным окажется. А вот если Управа благочиния или наемники той сволочи, что мы чистили, то нас даже в плен брать не станут.

— Управа как раз станет, — возразил Юмэй. — Они ребята основательные. Если уж вцепились, то не успокоятся, пока всех не возьмут. Другое дело, что от них живыми все равно не уходят. Ну что, развлечемся в последний раз как следует?

В его голосе прозвучали нотки веселой злости.

— А то! — согласился Цзин. — Не знаю, сколько им заплатили, но отработать придется до последнего эна. Атара, давно хотел сказать — лучшего командира у меня никогда не было.

— Лучшие командиры не заводят отряд в ловушку, — пробормотал Юно.

— Да ладно тебе! — усмехнулся Авайя. — Мы все знали, что так дело кончится рано или поздно. Не дети малые, сами подписались.

— Сами. Но отвечаю все равно я, — Юно придал голосу стальную твердость. — Слушайте меня. Приказываю: если предложат сдаться, вы сдадитесь без боя. Если не убьют на месте, есть шанс, что вы выживете. Паладары не станут вас выгораживать, но и судилище устроить не позволят. Лица вы не светили, отпечатков не оставляли, так что шансы невелики, но есть…

— А ты, атара? — сумрачно перебил Су. — Ты-то что делать собираешься?

— А у меня выбора нет, — Юно пожал плечами — жест, бессмысленный в темноте. — По закону или по понятиям, но меня прикончат в любом случае. А в плен я попасть не могу, не имею права. Есть вещи, которые из меня обязательно вытащат… а их никто не должен знать. Попытаюсь уплыть по воде, авось не утону. Когда-то я неплохо плавал.

— Чушь! — отрезал Дон. — Атара, я без тебя выживать не собираюсь.

— Да никто не собирается! — поддержал Цзин. — Атара, я никому в плен не сдамся, что бы ты ни говорил. Либо прорвемся, либо умрем вместе. Не то чтобы я кого-то удерживал, — задумчиво добавил он. — Если кто-то хочет, пусть рискнет

сдаться. Ма, Су, Дон — вы с нами недавно, опознать вас никто не сможет, так что вполне сойдете за носильщиков.

— Заткнись, Цзи, — беззлобно посоветовал Маэн. — Без тебя разберемся. Атара, не выплывешь ты без лодки. Знаю я немного местность, тебя прибоем о скалы размажет. Здесь прибрежный фарватер такой, что только опытный моряк увернуться может, и желательно, с сонаром. Нас восемь, домишко…

Он постучал костяшками пальцев по бревнам, складывающим стену пакгауза.

— Домишко довольно прочный, автоматной очередью не прошибешь, от гранатных осколков укроет. "Туман" такие строит специально на случай перестрелок с недовольными клиентами и конкурентами. Если минометы или артиллерию не приволокут, выкуривать нас отсюда они затрахаются, особенно если до утра продержимся. А там, глядишь, "Туман" вмешается — мы же все-таки клиенты, если нас публично сжуют, слухи пойдут, удар по репутации выйдет. Так что мы еще не мертвецы, атара.

— А на случай, если нас все-таки прижмут…

Юмэй зажег фонарь и положил его на пол на бок.

— Кто-нибудь смотрел, что там в цистернах у стен? — поинтересовался он.

— В одном бензин, в другом солярка, — сообщил Авайя. — Там с торцов пометки. Запасы, видать, для заправки катеров на всякий случай. Закупорены плотно, но открыть можно.

— Солярка не пойдет, — Цзин задумчиво процедил сквозь зубы. — А вот бензин может сгодиться. Юм, ты думаешь о том же, что и я?

— Точно. Последний сюрприз можно устроить.

Юмэй на карачках подполз к ящику с выстрелами для подствольников, распахнул крышку и начал вытаскивать из него упаковки из пористого пластика, срывая с них крышки и обнажая поблескивающие колпачки детонаторов.

— Вы свихнулись, — с сомнением сказал Маэн. — Я, конечно, не сапер, но и то знаю, что бензин не взрывается, да и граната для подствольника не взведется, пока ей не выстрелишь.

— Сам бензин не взрывается, — согласился Цзин. — Зато пары взрываются более чем красиво, а бензин отлично горит. Если прижмут окончательно, попытаемся вплавь уйти, а домик пусть полыхает и нас прикрывает. И насчет зарядов не беспокойся.

Он дотянулся до одной из вскрытых упаковок, вытащил оттуда выстрел и показал Маэну.

— Видишь, выступ торчит? Предохранитель. Когда стреляешь, его перебрасывает, граната взводится. Там пружинка,

но слабая, чтобы в стволе не застревало. Случайно не перекинешь, но если нажать как следует…

Он зацепил выступ ногтем и потянул. Тихо щелкнуло.

— Вот так, — Цзин передал взведенный выстрел Маэну. — Теперь достаточно снять колпачок предохранителя и тюкнуть по концу. Или просто на твердый пол бросить как попало, метровой высоты должно хватить. Атара, твои приказания?

Юно почувствовал прилив благодарности. Даже сейчас, когда его авторитет оябуна не значил уже ничего, Цзин пытался щадить его чувства. А, ладно. В конце концов, если умирать, так хотя бы по всем правилам. Хватит кукситься, родной, пора вспомнить, что ты здесь командир.

— Таких упертых идиотов, как вы, еще поискать нужно, — проворчал он, подбирая под себя ноги и усаживаясь на корточки. — Ладно, проехали. Покажем охотничкам, что за ошибки нужно расплачиваться. Юм, Цзин, взводите гранаты, да поаккуратней. Постарайтесь не подорваться раньше времени. Все взведенные засовывай обратно в упаковки. Остальные — ну-ка, давайте поворочаем вон ту цистерну…

Несколько минут спустя соединенными усилиями они провернули лежащую на козлах бензиновую цистерну так, что ее верхний люк смотрел вниз. Достаточно одного движения руки, чтобы отстегнуть крышку, и ее содержимое за несколько секунд широкой струей выльется на пол. Ящик со взведенными гранатами умостили на второй цистерне, привязав к нему длинный трос из валявшейся в углу бухты, сбросив другой конец на лестницу, ведущую вниз по обрыву. Достаточно дернуть за веревку посильнее, чтобы ненадежно качающийся на выпуклости ящик грохнулся на пол и сдетонировал. Для надежности Юмэй расставил вокруг взведенные гранаты взрывателями вверх так, чтобы падающий ящик обязательно накрыл хотя бы одну. Все, ловушка готова, оставалось только ждать.

Они успели вовремя. Юно еще не успел отдышаться, как в пакгаузе и на автомобильной площадке вдруг вспыхнул свет, и снаружи слаженно загрохотали автоматные очереди. По бревнам снаружи забарабанил плотный тяжелый град. Три оконца в продольной стене пакгауза и оба в торцевых стенах синхронно разлетелись осколками стекла. Пролетающие сквозь них пули врезались в противоположную стену, застревая в мягкой древесине. Несколько штук пробили пластиковый электрощит, и донесшийся было снаружи грохот электромотора, поднимающего остановившуюся на полдороге платформу, снова стих. В щите заискрило, пару раз громко хлопнуло, и из расколотой черной пластмассы повалил дым. Свет, однако, не погас:

предохранители, сожженные коротким замыканием, все-таки успели отключить начинку щита от сети.

— "Туман" будет недоволен… — индифферентно пробурчал Циммей, вместе с остальными припавший к полу возле стены. — Тут одни стекла на пару сотен канов потянут.

— Пусть предъявляю претензии тем, кто снаружи палит, — фыркнул Юно.

— Не скажи, атара, — возразил первый помощник. — Их потом еще найти надо, а оно "Туману" надо? Пирс формально кто арендовал? Мы. Вот с нас и стрясут.

— Значит, придется предъявить регрессный иск, — Юно ухмыльнулся, и окружающие тихо заржали. Что такое "регрессный иск", знал разве что более-менее образованный Юмэй, но напряжение требовало разрядки.

Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Несколько секунд спустя из чащи донесся голос, в котором явственно слышался твердый акцент жителя срединных провинций Могерата, слегка облагороженный столичным произношением:

— Эй, в сарае! Слушайте меня! Я капитан второго класса Управы благочиния Тасиэ Сайра Моямару! Предлагаю переговоры и гарантирую безопасность парламентеру! Минута на размышление, потом начинаем штурм!

— Врет как заяц… — пробормотал Цзин. — Не в стиле Палаты такие дурные вещи. Они нас перещелкали бы в темноте, пока мы ничего сообразить не успели.

— Там еще кто-то, — напомнил Юно. — У них не менее двадцати стволов. Скорее, больше. В основном я слышал "гадюк", таких же, как у нас, — он поднял свой автомат, — а Управа предпочитает вооружать спецназ "ливнями" — такие здоровые штурмовые винтовки. Никогда не слышал, каков от них звук, но что-то незнакомое тоже тарахтело.

— Думаешь, правду говорит? — с сомнением осведомился Авайя. — Или просто хотят одного из нас шлепнуть, чтобы штурмовать проще?

— Эй, в сарае! — крикнули снаружи снова. — Полминуты прошло! Повторяю: гарантирую переговорщику безопасность.

— Я иду, — решительно сказал Юно, поднимаясь на четвереньки и приближаясь к окну.

— Ты поверишь какому-то неизвестному вандабаню? — Цзин ухватил его за куртку. — Не дури, атара. Тебя просто завалят, как только нос наружу высунешь.

— Пятнадцать секунд! — крикнули снаружи.

— Меня завалят так или иначе, — Юно с силой оторвал и

отбросил его руку. — Прекрати немедленно! Эй, в лесу! — крикнул он в разбитое окно. — Я выхожу! Где встречаемся?

— На краю автомобильной площадки! — донеслось в ответ. — Я иду!

Юно положил на пол автомат, поднялся на ноги между окном и дверью, щелкнул выключателем, погасив в пакгаузе свет, и потянул тяжелый засов.

— Цзин, за старшего. Если меня пристрелят, поступайте по обстановке, — сухо сказал он, не оборачиваясь. — Пока я там болтаю, кстати, посмотрите вокруг: вдруг где-нибудь найдется материал, чтобы поплавки смастерить. Постарайтесь заднюю дверь с петель снять, поможет на воде держаться. Ну, и еще что-нибудь от стен отодрать попробуйте. Эх, раньше не сообразили…

И он пихнул дверь, ныряя в освещенную фонарем ночь, словно в неизвестный омут. Его правая рука нырнула под камуфляжную куртку, обхватила висящую у солнечного сплетения гранату, плотно прижимая предохранитель к корпусу, и большой палец выдернул кольцо чеки с заранее разогнутыми усами. В случае предательства он заберет с собой лже-переговорщика.

Если только его не пристрелят немедленно, ага.

Шаги тяжело отдавались в сжавшихся внутренностях. Настороженно вглядываясь в темноту, Юно прошел между двумя пикапами, изрешеченными спереди пулями (от одного доносился отчетливый запах вытекающего бензина) и остановился на краю пятачка, грубо вымощенного булыжниками. Заметив, что отбрасывает длинную тень, он мельком пожалел, что не выключил свет еще и на стоянке: сейчас он как на ладони, пристрелить его сможет даже ребенок. Нет, все верно: если засевшие в лесу, кем бы они ни оказались, готовились к ночной операции, помехой им темнота все равно не станет. Зато выходить на штурм им придется на освещенное пространство, что поможет кобунам "Мести" отстреливаться из темного пакгауза. Впрочем, не поможет: разбить лампу пулей — дело двух секунд. Или опять ток обрежут. Зачем они вообще свет обратно включили?

— Я здесь! — крикнул он в темноту, лишь сгущаемую светом фонаря. — Кто хотел со мной говорить?

Зашелестели опавшие листья, и во мраке возникла неясная фигура, приобретающая форму и очертания лица по мере приближения к свету. Мужчина, ростом повыше Юно, в камуфляжной полевой форме и легком бронежилете поверх куртки, но без шлема. На боку у него висела кобура пистолета, но руки оставались пустыми.

— Я капитан второго класса Управы благочиния Сайра Моямару, следователь по особым делам, — холодно сказал пришелец. — Кто ты?

— Не вижу, почему должен тебе отвечать, — не менее холодно ответил Юно.

— То есть моей должности тебе недостаточно? — капитан Сайра поднял бровь.

— Твои люди пару минут назад пытались расстрелять меня и моих людей. По-моему, не самое лучшее начало переговоров. Я так думаю, ты принимаешь нас за каких-то бандитов, а потому хочешь прикончить нас. Есть у тебя основания для такого поведения?

— Ты наглец, тара, — капитан криво усмехнулся. — В других обстоятельствах я бы сказал, что ты мне нравишься. Ну что же, опишу, как ситуация выглядит с моей стороны. Во-первых, из чрезвычайно достоверного источника поступила информация, что ты и твои люди принадлежат к "Адаути". Поскольку ты по глупости снимал маску при свидетелях, я уже вижу, что информатор не ошибся. Твой фоторобот не очень-то достоверен, но достаточно похож, чтобы опознать тебя при личной встрече. Ты — таинственный безымянный оябун "Адаути", отпираться бессмысленно. Во-вторых, палили в тебя не только мои люди. Там, в лесу, засело примерно тридцать человек из "Отравленной стрелы" — одного из кланов, служащих "Крыльям бури", если ты не в курсе. У них, видишь ли, контракт на твою голову. Не знаю, откуда у них информация, но отпускать тебя живым они не намерены.

— И по какой причине "Крылья" охотятся за мной? — Юно почувствовал, как желудок сжимается в камень, но его голос не изменился ни на йоту.

— Резня в Кионаре стала самой крупной допущенной тобой ошибкой. Пока ты отстреливал представителей хёнконских кланов, даже "правительство-за-рубежом", трупы списывались на разборки между чужаками. Но в Кионаре погибло немало представителей влиятельных кланов со всего Могерата. За твою голову назначена награда в пятьдесят миллионов канов. Тебя достанут если не "Крылья", так "Скальпель" или кто-то еще.

— Кионара… А что, тара, есть какие-то шансы, что ты поверишь в мою невиновность в данном случае?

— Невиновность? — в голосе капитана явно скользнуло недоумение.

— "Адаути" не причастна к тамошней резне. Тара, ты ведь следователь, и немалого ранга. Сам-то не видишь, что стиль совершенно не наш? Нас подставили. У меня есть предположения,

кто и почему, но я их придержу.

— Вот как… — Капитан задумчиво покачался с пятки на носок. — Ну, неважно. В любом случае, я тебя отпустить не могу, а "Крылья" не захотят. Ты влип, тара, и влип по-крупному. Ты в окружении полусотни хорошо экипированных бойцов, моих и "Анъями", а позади у тебя обрыв и море. Бежать некуда. "Туман" на помощь не придет — не захочет ссориться ни со мной, ни с "Крыльями". Других помощников у тебя нет. И что думаешь делать?

— Не надо играть со мной, тара, — Юно почувствовал, что его охватывает спокойная безмятежность. Все. Если раньше оставалась хоть какая-то безумная надежда на невероятное чудо или совпадение, то теперь смертный приговор вынесен и оглашен. Бояться больше незачем. — Ты прекрасно понимаешь, что у меня лишь один вариант: забрать с собой как можно больше ваших. Но если есть альтернативы, готов их выслушать.

— Ты все-таки наглец, парень, — вздохнул капитан. — Но, как ни странно, у тебя есть призрачная возможность выжить. Если бы я не напоролся на "Крылья", то просто прикончил бы тебя и твоих людей из засады. Если бы здесь не появился я, то же самое сделали бы "Крылья". Но теперь ситуация изменилась в очень неудобном для меня направлении. Управа благочиния старается не ссориться с крупными кланами Анъями, война может слишком дорого обойтись всем. Однако же если сейчас я тебя прикончу, в определенных кругах это может оказаться воспринято как мое прямое сотрудничество с "Крыльями", а заодно и участие в награде. Самое малое — от меня потребуют поделиться воображаемой премией, а таких денег у меня сейчас нет. Понимаешь мою проблему?

— И почему она должна меня беспокоить? — осведомился Юно. — Скорее, она меня радует.

— В данных условиях, тара, единственный приемлемый для меня выход — взять вас всех в плен. Ну, или хотя бы тебя. Тогда "Крылья бури" не получат премию. Убить меня они не посмеют, да и отбить пленников силой — тоже, на такое Управа обидится всерьез. Короче говоря, я предлагаю тебе сдаться. Заключим договор: ты пойдешь под публичный суд, и тебя приговорят к смертной казни. Но я гарантирую жизнь твоим людям, пусть даже в пожизненном заключении. Возможно, их даже отпустят втихомолку через год-другой, чтобы нанять на новую службу: решительные люди без сантиментов нужны всем. Твоя жизнь за жизнь семи твоих кобунов — как тебе цена? Но учти: ты должен оказаться в Тасиэ живым, иначе сделка отменяется.

— Сделка отличная, тара, без дураков, — Юно вздохнул. —

Беда лишь в том, что даже если я поверю твоему слову, в плен попасть я не могу ни при каких обстоятельствах. Вы можете взять живыми всех остальных, но не меня.

Он потянул руку, чтобы эффектно выдернуть гранату из-под куртки, но та за что-то зацепилась. Капитан Сайра терпеливо наблюдал, как Юно неловко вытягивает смертоносный предмет.

— Сделка не состоится, тара, — оябун "Адаути" с легкой досадой дернул уголком рта. — Если хочешь, могу предложить альтернативную развязку: я отпускаю предохранитель прямо сейчас, и мы вместе отправляемся на суд Миндаллы. Тогда финансовые проблемы тебя точно перестанут волновать.

— Я бы предпочел обойтись без подобного варианта, — голос капитана не дрогнул, как не дрогнул ни один мускул на его лице, и Юно невольно восхитился противника. Ну и самоконтроль же у него! — Ну что же, тогда расходимся. Я дам тебе десять минут на размышление. Больше не смогу, уж извини, дальше "Крылья" начнут штурм без моего согласия. Подумай как следует еще раз. Жаль, что мы с тобой враги: я бы нашел достойное применение такому человеку.

Капитан развернулся — и замер. Юно почувствовал, что по спине пробежали ледяные мурашки. Массивная бесформенная тень стремительно скользнула к ним от леса — и замерла в нескольких шагах, вытягиваясь вверх и стремительно принимая человеческое обличье.

Дрон.

Паладарский дрон.

Несколько секунд назад он полагал, что хуже стать уже не может. Оказывается, может. Юно стиснул во вспотевшей ладони гранату, наблюдая, как зеленовато-серый цвет блестящей, словно покрытой слизью поверхности меняется на естественные, насколько возможно в таком освещении, фактуру и оттенки человеческой кожи.

— Исчезни, — холодно сказала женщина капитану Сайре. — Немедленно. И не подслушивать.

— Да, атара, — капитан даже и не подумал возражать или хотя бы возмутиться хамством. На наготу пришелицы он тоже не среагировал. Благочинец низко, словно старшему рода, поклонился и стремительно ушел в ночь.

Женщина сделала шаг вперед, и Юно инстинктивно отступил, держа гранату перед собой, словно последнюю защиту. Долгими ночами он не мог уснуть, придумывая, как вести разговор, если все-таки попадется паладарам. Он знал, как стал бы разговаривать с Кариной или с Саматтой, даже со Сторасом. Но сейчас ему предстоял единственный диалог, который он не смог

спланировать хотя бы в общих чертах. Тот самый, которого боялся больше всего на свете.

— Юно, мальчик мой… — тихо сказала Суоко, останавливаясь.

— Атара… — шепотом откликнулся Юно, опускаясь на одно колено и склоняя голову. — Я подвел тебя, атара, я знаю. Можешь не говорить.

— Юно… — фраза, не начавшись, завершилась прерывистым всхлипом. — Юно, мальчик мой, я думала, что ты мертв…

— Я мертв, атара. Я умер в тот день, когда отказался от Университета, от старой жизни… от тебя. Я совершал страшные вещи, которые невозможно простить…

Юно поднял взгляд. Он знал, что дроны не могут плакать и вообще имитировать человеческие выделения, если заранее не зарядить их соответствующей субстанцией. Но сейчас ему казалось, что по щекам наставницы и покровительницы катятся крупные слезы.

Идиот.

Он думал лишь о себе. Весь страх перед провалом, перед раскрытием своей истинной личности основывался лишь на боязни наказания. Неважно какого — смертной казни или укоризненного выговора. Главное — что он боялся за себя. Но как он мог забыть про чувства атары? Она никогда не скрывала, что любит его, как своего сына — а какие чувства может испытывать мать, потерявшая ребенка? И какие она испытает, найдя его и тут же потеряв вновь, на сей раз навсегда?

Следовало взорвать гранату еще там, на пирсе. Разумеется, дроны обязательно нашли бы его труп, начни они прочесывать море, но, по крайней мере, он не испытывал бы сейчас такого жгучего стыда, такого ужасного всепоглощающего презрения к самому себе. Теперь ему в последние секунды жизни суждено осознавать, что он не просто подвел наставницу, а еще и вонзил ей нож в спину.

Суоко молчала, и ее неподвижность казалась страшнее всего. Если бы она ругалась в своей обычной манере, тихим голосом, но словно сдирая шкуру заживо, было бы легче.

— Атара, — сказал Юно, и остатки рассудка подсказали ему понизить голос до тихого шепота. Она услышит, а вот костоломам Анъями в лесу — вовсе не обязательно. — Прошу об одном: не показывай, что мы знакомы. Я не могу, не знаю, как попросить у тебя прощение за страдания, что я доставил. Я ужасно сожалею обо всем, что совершил, и для меня не осталось иного выхода, кроме смерти. Но моя связь с Университетом должна остаться тайной для всех, иначе последствия окажутся

чудовищными — а моя смерть напрасной.

— Юно, дурак ты мой невозможный… — тихо произнесла наставница. — Ну что же ты натворил? Почему сначала не посоветовался со мной? Я бы…

— Паладары не могут взять на себя ответственность, прямо или косвенно, за убийства, совершенные террористами. Но истребить старую сволочь следовало обязательно. Кому-то все равно пришлось бы взять на себя ответственность…

— Зачем? — горько осведомилась Суоко. — Неужели ты думал, что они представляли для нас хоть какую-то угрозу?

— Да, атара, — несмотря на невероятную тяжесть стыда и раскаяния, придавливающего его к земле, Юно выпрямился. — Я провел с тобой много лет и знаю, как ты мыслишь. Знаю, как мыслит Карина-атара. Вы не понимаете простой вещи: на Могерате не уважают слова, если они не подкреплены грубой силой. Решительной силой, готовой в том числе на убийства. Я не просто мстил, атара. Если бы… если бы не сегодняшняя встреча, все знали бы, что за террористами стоит Университет, но никогда не смогли бы доказать. Только так вы могли заставить себя уважать. Только Камилл понимал, и я…

— Камилл?

Юно захлопнул рот со щелчком зубов, едва не прикусив язык. Очевидно, ясность его мышления оказалась серьезно нарушена, если он проговорился так по-детски.

— Следовало бы догадаться сразу… — процедила наставница тоном, пропитанном ледяной ненавистью. — Ну конечно. Кто же, кроме него, мог втянуть тебя в подобную историю!

— Нет, атара, — покачал головой Юно. Разговор следовало заканчивать немедленно, пока он не ляпнул что-то еще. И игру на нервах — и своих, и атары — пора прекращать. Вообще его история уже завершилась, и тянуть дальше незачем. — Я пришел к нему сам. Я долго убеждал его, что именно меня нужно поставить во главе "Адаути". Он виноват лишь в том, что в конце концов сдался.

Он отступил на шаг.

— Я не прошу простить меня, атара, — прошептал он. — Мне нет прощения. Я бы себя не простил никогда. Но рано или поздно ты забудешь меня. В любом случае, я смертный человек, а ты бессмертная богиня, и рано или поздно нам пришлось бы расстаться. Жаль, что так рано, но… я ни о чем не жалею.

— Юно… — наставница качнулась вперед, и оябун "Адаути" вскинул перед собой руку с гранатой.

— Прости, атара, но я не могу сдаться в плен. Ты наверняка не меньше меня слышала про местных мастеров пыток. Из меня

вытянут все, а я не могу позволить, чтобы у них появились твердые доказательства.

— Мы можем укрыть тебя в Хёнконе…

— Нет, атара. Тогда доказательства причастности Университета к "Адаути" окажутся еще убедительнее, чем любые мои заявления. И от вас все равно потребуют выдать меня — живым или мертвым. Паладары всегда заявляли, что играют по местным правилам, и не смогут отказать, не уничтожив свою репутацию. Прости. И не следуй за мной, иначе я взорву себя прямо сейчас. Не лишай меня последнего шанса выжить.

— Юно, мальчик мой… — прошептала Суоко. Юно низко поклонился ей и начал отступать к пакгаузу, не спуская с нее пристального взгляда. Если она передаст управление дроном координатору, у Юно останется не более полусекунды, чтобы среагировать на внезапный бросок. Для надежности следовало бы отпустить предохранитель прямо сейчас, но умереть на глазах у атары означает нанести ей еще один страшный удар. Уединенный сарай — куда более подходящее место.

За минуту медленного и осторожного, спиной вперед отступления, настроение Юно несколько раз изменилось от обреченной тоски до мрачной решимости. Когда он, наконец, захлопнул дверь пакгауза и заложил ее засовом, он взмок от нервного пота, словно ненароком упал в воду. Он уперся лбом в дверь и несколько секунд стоял так неподвижно.

— Что? — с тревогой спросил Цзин, всегда лучше других чувствовавший настроение оябуна.

— Здесь паладары, — коротко сказал Юно, поворачиваясь и вглядываясь во тьму помещения. — Минимум один боэй. Нашли, на чем плыть?

— Да, атара, — откликнулся голос Юмэя. — Дверь, как ты сказал, плюс столбы навеса над входом. Куда лучше, чем я надеялся. Остальные уже внизу, связывают плот на скорую руку, а мы с Цзином остались, чтобы тебя прикрыть.

— Вниз, живо! — скомандовал Юно.

— Атара…

— Заткнись. Там не менее полусотни человек из Анъями и спецназа Управы благочиния, и всем нужны наши головы. И даже один паладарский дрон нас выпотрошит за десять секунд. Мне предложили сдаться и дали десять минут на размышление. Через восемь минут я взорву ловушку и присоединюсь к вам. Останетесь вы здесь или нет, неважно, штурм нам все равно не выдержать, так что плот сейчас важнее. Нет времени болтать, бегом марш! — рявкнул он во весь голос, с опозданием сообразив, что дрон, переданный под контроль координатора, наверняка расслышит

такой вопль.

— Понял, атара, — после короткой паузы отозвался Юмэй. — Восемь минут. За минуту до взрыва я поднимусь сюда и подстрахую тебя.

В темноте мелькнул фосфоресцирующий циферблат его часов, и две тени выскользнули наружу через слабо освещенный дверной проем в сторону обрыва, уже не закрытый дверью. Юно глубоко вздохнул. Никаких десяти минут он ждать не станет, хватит с него моральных мучений. Тем более что Юмэй вполне может явиться и пораньше, просто на всякий случай. Готов плот или нет, не имеет значения. Дрон с легкостью спустится по обрыву и перехватит беглецов даже в кромешной тьме. В воде он неповоротлив, но на плоту без весел от него не уйти. Надо лишь дать ребятам время спуститься до пирса. Скажем… тридцать секунд.

Кисть руки, стискивающая гранату, затекла от напряжения и начала болеть. Юно аккуратно расслабил ее, стараясь не выронить раньше времени. Сначала руку, а потом и все тело пробила крупная нервная дрожь. Он подошел к перевернутой цистерне, на ощупь нашел защелку люка и откинул ее. Забулькало и заплескало, остро потянуло парами бензина. Ботинки и штаны мгновенно промокли. Неважно. Он отошел к дверному проему и частично зрением, частично на ощупь обнаружил веревку, тянущуюся к ящику со взведенными выстрелами для подствольника. Один резкий рывок, ящик перевернется и свалится, и — все. А на случай, если все же ни один выстрел не взорвется, у него есть ручная граната. От нее сдетонируют бензиновые пары, загорится бензин, а в нем взорвется и все остальное. Сначала его разорвет в клочья взрывом, а потом остатки спалит огненная буря. Для генетического анализа не останется ни одной неповрежденной клетки, и тогда атара сможет и дальше верить, что вместо него погиб кто-то другой. Слабое, но все же утешение.

Сколько прошло времени? Наверное, пора. Все еще стоя в проеме, Юно вскинул левую руку, правой отдергивая рукав с запястья — и слишком поздно сообразил, что в руке уже зажат трос.

Сопротивления он почти не почувствовал: тщательно расположенный на округлой цистерне тяжелый ящик опрокинулся едва ли не сам собой. Чудовищной силы удар спиной вперед швырнул Юно в море с высоты в сотню метров, вышибив из груди дыхание. Перед тем, как еще один удар сбоку заставил мир беспорядочно закувыркаться, его взгляд успел поймать огненное облако, вспухающее на фоне переливающегося

красками ночного неба. Его разум еще лишь медленно и неуклюже осознавал случившееся, когда третий удар сразу со всех сторон чем-то ужасно твердым, но податливым заставил мир вспыхнуть невероятными радужными переливами и волнами разноцветного пламени. Хор удивительно прекрасных и одновременно отвратительных голосов вонзился в уши, разрывая их, и спокойная безмятежность охватила Юно. Он знал, что его жизненный путь завершился. Атара утверждала, что после смерти нет ничего, кроме бесцветного небытия, но, похоже, правы оказались жрецы Миндаллы, а не она. Прости меня, атара. Последнее наказание мне предстоит принять не от тебя…

Выкрашенный в зеленовато-голубой цвет торпедный катер невиданного ранее в окрестностях Могерата класса "Купра" медленно дрейфовал в полусотне метров от берега. Высоко на обрыве весело танцевал огромный столб пламени, от него к радужному небу валил столб черного дыма, пронизанного роями раскаленных искр. На корме катера стоял человек в дорогом кайтарском деловом костюме, и пламя поблескивало на четырех стальных кольцах-серьгах, зажимающих обод его уха.

— Атара, с пирса сняли семерых, — обратился к нему радист, снимая наушники. — Суань Фа подтвердил, что оябуна "Адаути" среди них нет, хотя двое других, кого он встречал в Каоляне, присутствуют. Еще один человек оставался наверху во время взрыва, но он вряд ли выжил. Отдать приказ об отходе?

— Погоди, — Мэй Лю Сянь, оябун клана "Кобра", не удостоил его даже взглядом, продолжая напряженно вглядываться в черную воду. — Пусть добычу мы упустили, но мне стало любопытно, что же здесь все-таки происходит. Да и труп при возможности можно неплохо продать. Кирара, есть что на сонаре?

— Не знаю, атара, — кобун, склонившийся в рубке над зеленоватым круглым экраном, с сомнением покачал головой. — Я с этой хренью еще не освоился полностью. Но, кажется, впереди по курсу и чуть левее, что-то в воде есть. Метров пятнадцать отсюда, как раз там, куда что-то с обрыва плюхнулось.

— Подойти и проверить, — приказал оябун. — Пошевеливайтесь, задерживаться здесь тоже незачем. Передать остальным, чтобы уходили на базу, мы присоединимся через пару минут.

Еле слышно забормотал двигатель, и катер осторожно двинулся вперед. Повинуясь приказу оябуна, на его носу вспыхнул и начал шарить по воде прожектор. Минуту спустя несколько промокших кобунов "Кобры", вполголоса ругаясь, пожарными баграми вытащили из воды и подняли на борт безжизненное тело в изорванных и обугленных камуфляжных

штанах и куртке.

— Уходим, — приказал Мэй, склоняясь к брошенному на палубу трупу и опытным взглядом оценивая его состояние. Левая сторона тела посечена осколками, левая кисть оторвана, скальп частично содран, сквозь развороченную щеку видно рваное мясо с торчащими осколками зубов. Взрыв чего-то мощного вплотную, возможно, в руке. Труп, однозначно. Прожектор на носу погас, и палуба катера дрогнула под ногами. Разгоняясь, небольшое суденышко повернулось к берегу кормой и принялось быстро удаляться от него. Мэй еще раз прислушался и удовлетворенно кивнул. Да, превосходную технику делают в Кайтаре. Даже на таких оборотах двигатель "Купры" производит по крайней мере в три раза меньше шума, чем традиционные для Могерата "Титы". Определенно, сделка с кланом Деллавита, пусть и непомерно дорогая (Хавьер и его кобуны умеют торговаться и выкручивать руки не хуже любого могератского ростовщика!), себя уже оправдала и еще многократно оправдает в будущем.

— И стоило такого жмура вытаскивать? — разочарованно спросил кто-то за спиной. — Выбросить его за борт, атара?

Поддернув рукав пиджака, Мэй нащупал на шее вытащенного сонную артерию. Пульса нет. Действительно, труп.

— Стоило, — равнодушно ответил он. — Я же сказал, за некоторых покойников тоже можно получить хорошую цену. Если Суань его опознает, плата даже за такой кусок мертвого мяса окажется выше, чем за весь упущенный сегодня груз.

Оябун "Кобры" бросил быстрый взгляд влево по курсу, где тускло мигали, приближаясь, сигнальные огни остальных катеров его новой флотилии. Стоит ли пытаться передать тело на другой катер прямо в море? Или, возможно, приказать Суаню самому перебраться сюда? Нет, не стоит. Случайности могут стоить слишком дорого, особенно сейчас. До базы на такой скорости меньше часа ходу, так что от любопытства он не умрет. Пока можно обдумать, кого и как наказать за то, что катера "Тумана" не удалось перехватить в море. На первый раз, с учетом острой нехватки морского опыта и у матросов, и у штурманов, карать не следует слишком строго — но и полностью прощать такой провал нельзя. Что бы придумать?..

— Атара! — ужас в голосе кобуна заставил Мэя напрячься. — Атара, смотри!..

Мэй опустил взгляд себе под ноги, где уже скрестились лучи трех ручных фонарей. Увиденное на мгновение заставило его кровь похолодеть в жилах. Труп, беспорядочно шаря вокруг себя руками, неуклюже, рывками садился. Его изуродованные губы беззвучно шевелились, из развороченной щеки вытекали остатки

морской воды с прожилками крови, но глаза оставались закаченными под лоб и блестели белками. Прежде, чем Мэй успел сообразить, что делать, один из кобунов выхватил пистолет и принялся лихорадочно всаживать в тело пулю за пулей. Под грохот выстрелов оябун "Кобры" оцепенело смотрел, как труп, дергающийся под ударами, продолжает шевелиться и что-то неслышно шептать.

Потом как-то сразу вокруг него вспухло и завертелось призрачными водоворотами серое бесформенное облако. Вот его поверхность вытянулось веретеном, в наступившей мертвой тишине принявшимся быстро закручиваться в спиральный конус.

— Волюта… — пробормотал кто-то. — Оборони нас Вегешот!

Какой дебил взывает к богу солнца посреди кромешной ночи в океане? — мелькнула и пропала глупая мысль. Стоп. Волюта — опасность, но опасность известная. Не так давно Мэй уже имел дело с парой десятков волют одновременно, и ничего, выжил. На самом деле, на самом деле… отлично! Великолепная возможность проверить свой дар на настоящей волюте! Тогда, на крыше рынка в Шансиме, посреди вакханалии хаотично мечущихся клочьев тумана, он сумел лишь ударами отгонять их, не позволяя сосредоточиться и плюнуть огнем. Тогда он боролся за свою жизнь — а сейчас может экспериментировать спокойно.

— Не стрелять! — холодно приказал он, слушая панические щелчки бойка в пустом патроннике. — Я разберусь.

Серый туман клубился у самых носков его ботинок, и Мэй, склонившись, протянул к нему руки с пальцами, скрюченными, словно когти леопарда. Знакомый жар охватил тело, и бурлящая ярость хлынула в глаза, окрашивая мир в алые оттенки, требуя убивать, убивать, убивать! С трудом удерживая контроль над собственным разумом, оябун "Кобры" вцепился в туман невидимыми когтями и потянул изо всех сил. Мелкая сетка молний протянулась между его кистями и формирующейся волютой, и, словно в ответ, в глубине туманного облака затлела багровая сердцевина. Волюта зашевелилась (пыталась взлететь?), но Мэй не позволил ей освободиться. Краем сознания он понимал, что ужасный смех, разрывающий уши, принадлежит ему самому, но повернуть назад уже не мог. Даже если результатом станет сумасшествие, он доведет эксперимент до конца.

Он запускал невидимые когти все глубже и глубже, вытягивая волюту на себя, словно непомерную тяжесть — и внезапно мир рухнул на него, вывернувшись дико пляшущими полотнищами радужного пламени и мечущимися фигурами, чью форму описать не под силу человеческому языку. Пропало ощущение верха и низа, тела и души, и Мэй сам превратился в чистый поток

энергии, свободно текущий между пульсирующими графиками трехмерных функций, казалось бы, прочно забытых со времен курса математики в университете. Его "я" корчилось в экстазе от переполняющих чувств, цвета обрели вкус, звуки — вес, и все так же внезапно он обнаружил себя в длинном сером коридоре, уходящем в бесконечность. Прямо перед ним стоял парень, чей труп где-то в далеком-далеком мире валялся на корме. Странный балахон, закутывавший его вместо нормальной одежды, вздымался и пузырился под порывами неслышного ветра, длинный клинок из струящегося пламени висел на боку в невидимых ножнах, и твердый пронизывающий взгляд вонзился Мэю глубоко в душу.

А потом наваждение прошло, и Мэй покачнулся, тщась удержаться на ногах. Потеря равновесия вынудила его опуститься на одно колено, и его снова окружала ясная ночь, в глубине корпуса катера тихо рокотал двигатель, а между его ладоней горел огромный, с голову, комок пульсирующего багрового пламени, окруженный короной голубых молний. Мэй оттолкнул его, и тот полетел прочь по странной изломанной траектории, в конце концов ударившись о кронштейн отсутствующего торпедного аппарата. Полыхнула вспышка, и с громких хлопком шаровая молния пропала. Исчезла и волюта, лишь труп по-прежнему лежал на палубе, и вокруг него медленно растекалась лужа воды. Он больше не шевелился. Восемь кобунов "Кобры" со страхом смотрели на своего командира. Вот один из них упал на колени и припал лбом к холодному металлу, и остальные, кроме рулевого, скрючившегося в своем кресле в рубке и судорожно вцепившегося в штурвал, последовали его примеру. Даже двое стрелков соскочили с жестких сидений зенитных пулеметов и распластались на холодном металле.

Слушая бешено стучащее в ушах сердце, Мэй заставил свое дыхание успокоиться и стать глубоким и равномерным. Ярость все еще плескалась в его глазах, но иметь с ней дело он давно привык, и она быстро утекала в никуда. Выплескивать ее остатки на своих кобунов не следовало, пусть даже они вели себя по-идиотски — да и такое истовое поклонение казалось скорее приятным, чем отталкивающим. Слухи о произошедшем быстро разлетятся по всем ячейкам "Кобры" из конца в конец Могерата, что только добавит ему авторитета.

А еще он чувствовал острое разочарование. Какая-то хилая девчонка, Фуоко Деллавита, умеет выпускать на свободу потоки чистого пламени, испепеляющие людей, а его хватает лишь на жалкий фейерверк? Впрочем, молния у него возникла впервые в жизни, и даже столетний бук начинается с мелкого семечка. Все

еще впереди — особенно если все-таки удастся заполучить девчонку на свою сторону и как следует понять ее способности.

— Встать! — уже почти ровным бесстрастным тоном, приличествующим повелителю, приказал Мэй. — По местам! И если еще раз оставите пулеметы без присмотра, голову оторву. Кагара, передай остальным: рассыпаться в цепь и не расслабляться, если не хотим напороться на сторожевики погранцов. Полный вперед! Нужно вернуться на базу до того, как начнет светать.

Суоко молча смотрела на огромный костер, в который превратился прибрежный пакгауз. Ей казалось, что она смотрит какой-то скверный фильм, где главную героиню играет кто-то другой. Вовсе не она только что видела воскресшего из мертвых Юно — и вовсе не она позволила ему умереть повторно. Кто-то другой. Не она.

Нет, именно она. Если бы она не вырвала почти силой контроль за дроном у координатора, тот, возможно, сумел бы обезвредить гранату в руках Юно до того, как та взорвалась. Дрон мог подобраться к нему незаметно и неожиданным броском заключить в себя и обезопасить. И даже если бы граната сработала, Дзии наверняка сумел бы реанимировать и восстановить мальчика. Но старая истеричная дура, за восемь веков жизни так и не научившаяся контролировать эмоции, испортила все. Сначала показала присутствие дрона, потом бросилась (в человеческой форме!) карабкаться по крутому обрыву, пытаясь зайти в пакгауз с тыла… и все, на что ее хватило — увидеть, как искалеченное взрывами тело Юно падает в воду со стометровой высоты.

Дура. Истеричка.

Она медленно отстранилась от дрона, выпуская контроль. Конференц-зал в виртуальности снова окружил ее, одна стена все еще показывала транслируемый дроном видеопоток. Катера без опознавательных знаков стремительно уходили в сторону океана, и одно из них уносило тело мальчика, любимого ей как собственного сына. Упрямого, непокорного, своевольного — и мертвого. Теперь уже — навсегда.

Камилл.

Имя прорвалось сквозь пелену шока, и застывшие от шока чувства тут же взорвались яростной бурей, разорвавшей в мелкие клочья и испарившей прежнюю мертвую апатию. Камилл! Именно он виноват в случившемся! Именно он отобрал у нее Юно! Джао прав: Повелителю лжи нельзя доверять ни в одной малости! Пусть он не обманывает откровенно, но ударить в спину ради

собственной выгоды не погнушается никогда!

— Суоко… — мягкая теплая ладонь легла ей на плечо, и лишь тут женщина осознала, что остальные паладары по-прежнему присутствуют в зале. Приблизившаяся Карина с тревогой заглядывала ей в глаза. Чувствуя, как ревущие ярость и отчаяние выходят из-под контроля, она сбросила руку девочки и медленно повернулась к Камиллу, скучающе разглядывающему ногти у дальней стены.

— Ты!.. — единственное вырвавшееся у нее слово заставило того поднять взгляд, полный терпеливого ожидания.

— Я, — согласился Демиург.

Суоко стояла, стиснув кулаки и задыхаясь от чувства собственного бессилия. Она не могла сделать ничего, ничего! Ей хотелось наброситься на ублюдка, вцепиться ему когтями в лицо, перегрызть горло… но окружающая виртуальность не позволит ей даже такой малости. Черная ненависть бурлила в ней, застилая взгляд, но слова, которые она тщетно пыталась найти, отказывались появляться в голове.

— Разумеется, я опять злодей, — выждав несколько секунд, все тем же скучающим тоном произнес Камилл. — Создал террористическую организацию, науськал ее на бедных хёнконских беглецов и, самое главное, украл и погубил твоего ненаглядного малыша. Джа, поскольку твоя воспитанница не в состоянии говорить, можешь продолжить ты. Итак?

— Я почему-то не удивлен, — мягко ступая, Джао подошел к Суоко и встал рядом. — Ты всегда находил особое удовольствие в соблазнении и переманивании чужих учеников. Есть у тебя такой способ самоутверждения, помню по некоторым Играм.

— Я никогда не нарушаю букву соглашений, — взгляд Камилла остался безмятежным. — Сейчас могу лишь повторить то, что сказал мальчик: он пришел ко мне сам. Точнее, он мне всю плешь проел, требуя и даже угрожая.

— Ты лжешь! — выплюнула Суоко.

— Не более, чем твой Юно. Записи разговоров сохранены, могу показать. Да, я действительно создавал организацию втайне от вас, в чем уже покаялся. Но сама подумай: на кой мне сдался твой ученик в качестве руководителя? Да, он родился тигренком, но за много лет в твоем обществе привык ходить аккуратно расчесанным и с наманикюренными коготками, а рычать умел исключительно через микрофон на сцене. Про его неудобную связь с Университетом и Ставрией я просто молчу. У меня имелось несколько куда более подходящих кандидатур, и двое из них, кстати, присутствовали на берегу. Но Юно так меня достал, что в конце концов я согласился, о чем уже давно жалею.

— Логично, — согласился Джао. — Однако за те шесть с лишним часов, что я тебя знаю, я усвоил и кое-что еще: ты никогда не говоришь всей правды. Не окажись дрон Стораса в том районе — и мы никогда не узнали бы о случившемся. Что еще ты скрываешь от нас, а, Камилл? Каким образом в том районе оказались сразу охотники Анъями, оперативники Управы благочиния, да еще и неизвестные пираты? И почему ты не страховал своих людей?

— Первый вопрос не ко мне, — Камилл пожал плечами. — Но должен заметить, что совпадения в жизни случаются и не такие. Или не совпадения. С учетом того, сколько людей охотилось за "Адаути" после резни в Кионаре, и готовности Анъями идти на что угодно ради выгоды, не удивлюсь, если разные люди в "Тумане" просто продали информацию разным заинтересованным группам. Что же до второго вопроса, то они уже не мои люди. Когда "Адаути" сорвалась с цепи после нашей временной эвакуации, я утратил с ней связь. Выйти на контакт с Юно я сумел только двенадцать дней назад, и он… хм, как бы сформулировать поделикатней? Скажем, он послал меня в грубой форме, заявив, что теперь самостоятелен. Эту запись тоже могу показать. После Кионары я понял, что необходимо принять меры по его нейтрализации, но, как видите, не успел.

— Он сказал, что непричастен к резне в Кионаре! — сквозь зубы выдавила Суоко. — Ты слышал разговор!

— Слышал. Однако, — Камилл опустил взгляд и снова принялся разглядывать ногти, — слова есть слова. У нас нет никаких доказательств ни причастности "Адаути" к резне, ни ее невиновности. На месте побоища я так и не смог выявить никаких ДНК, не принадлежавших легально присутствовавшим, письма вполне могли сфабриковать, стиль действительно не похож на "Адаути" — но в Кионаре в качестве гостей присутствовало много хёнконских аристократов. И погибло их там больше, чем от всех предыдущих акций "Адаути", вместе взятых. Ребята вполне могли пойти ва-банк ради такой победы.

— Значит, ты веришь в их причастность? — прищурившись, осведомился Сторас.

— Я верю, что прямых доказательств нет, а мотивы и косвенные улики ничего не доказывают. Еще я понимаю, что в присутствии такого мерзавца, как я, публика охотнее сочувствует Суоко, но в последнем разговоре мальчик вполне мог лгать. Не забывайте, он пытался спасти себя и своих людей. Однако же…

Камилл снова перевел взгляд со своих рук на Суоко.

— Боюсь, общаться посреди такой бури негативных эмоций довольно непродуктивно. Сторас, на твоем месте я бы попытался

выяснить, кому принадлежат катера, подобравшие людей "Адаути". Возможно, через них удастся выяснить что-то интересное. Я проведу собственное расследование. Пока-пока честной компании, я отключился.

Суоко бессильно опустилась на колени, уставившись в опустевшее кресло Камилла. Карина присела рядом на корточки и молча взяла ее руку.

— Я, пожалуй, знаю, кому принадлежат суда, — задумчиво сообщила Майя. — Торпедные катера класса "Купра" в Кайтаре производятся для нужд береговой охраны и никогда раньше не поставлялись на экспорт — ни в северные страны Типпы, ни даже союзникам Кайтара на Фисте. Однако в последнее время из-за прекращения морской активности кольчонов кайтарский флот сократил закупки военной техники и вооружения. В результате верфи семьи Деллавита, насколько мне известно из конфиденциальных источников, незадолго до нашей эвакуации оказались в затруднительном положении, поскольку флот отказался забирать несколько десятков таких катеров, выплатив мизерную неустойку. А у кого на Могерате есть контакты с Деллавита?

— "Кобра"… — пробормотал Сторас.

— Именно. Некто Мэй Лю Сянь, он же Дзаро Куйса, он же Ли Он Цзин, принял самое живое участие в помощи Фуоко Деллавита, когда ту похитили "Крылья бури". Логично предположить, что Хавьер Деллавита разбил сразу два окна одним камнем: оказал услугу "Кобре" и сбыл с рук неликвидный товар. Видимо, так оказалось выгоднее, чем подмазывать военного министра и адмиралов, чтобы те выполнили контракт. Катера класса "Купра" предназначены для дальнего патрулирования и сопровождения конвоев в открытом море и имеют достаточный запас автономности, чтобы своим ходом пересечь Цорех. Если Деллавита передал их "Кобре" сразу же после освобождения Фуоко, к текущему моменту они как раз могли добраться до Южного океана и вступить в игру.

— Но "Кобре" потребуется немало времени, чтобы освоить новые суда, — задумчиво откликнулся регент. — Раньше они никогда не занимались морскими делами…

— Есть предложение перейти в приватный кабинет, — перебила его Майя, бросив взгляд на Суоко. — Здесь мы лишние. Ребята, я отключаюсь. Стор, канал открыт.

— Всем до свидания, — Сторас кивнул, и они вместе с Майей растворились в воздухе.

В зале наступила напряженная тишина. Карина по-прежнему сжимала руку Суоко. Цукка, Саматта, Вакай и Джао тактично

молчали. Потом Джао вздохнул и присел на корточки рядом с Кариной.

— Су, — тихо сказал он, — Соболезную, что так скверно вышло с Юно. Но ты пережила сотни миллионов людей, включая тысячи своих друзей, и всегда знала, что он умрет раньше тебя. Он смертный, ты Демиург, и такой исход всегда неизбежен. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь — а ты в очередной раз осознала, почему Демиурги избегают привязываться к людям.

— Однажды… — словно сами по себе, прошептали губы Суоко. — Однажды я убью Камилла. Мне неинтересно, что неизбежно, а что нет. Мне неинтересно, кто к кому пришел. Но, клянусь, однажды я его убью.

— Су…

— Не сегодня и не завтра. И, возможно, даже не через сто планетарных лет. Но в один прекрасный день он умрет от моей руки. Умрет по-настоящему. А сейчас… прошу меня извинить, мне нужно побыть одной.

Усилием воли Суоко отключилась от зала. Персональная виртуальность охватила ее уютом собственного кабинета, но она немедленно отключила и его. Черная бездонная тьма окружила ее, и лишь тут она дала волю рыданиям.

Однажды она уничтожит Камилла. Но сейчас — время для скорби.

08.29.1232. Хёнкон

— Раз, два, три — старт! — прозвучал в ушах Фуоко хорошо поставленный бесстрастный женский голос, каким терминал Арены общался с игроками. Девушка тут же прыгнула вперед и обеими руками коснулась большого кирпичного прямоугольника в древней каменной стене, поросшей мхом и какими-то травинками. Перчатки сенсорного комбинезона послушно воспроизвели в подушечках пальцев ощущение бугристой и шершавой поверхности. Кирпичи тут же осыпались на землю мелкой красной крошкой, и на их месте возникла большая, в рост человека, игральная карта. О-один — четыре креста. Фуоко быстро глянула вправо — туда, где ее движение повторил Кирис. Вес-один — пять кругов. Она сделала зарубку в памяти, едва удержавшись от хихиканья: в качестве виртуального, как его обозвали паладары, образа тот выбрал большую бесхвостую обезьяну, с головы до пят поросшую косматым рыжим мехом. Себя девушка не видела, в поле зрения попадали только кисти рук, но надеялась, что выглядит такой же миленькой многокрылой феей в скудном бикини, какую выбирала в качестве аватара. Надо потом посмотреть на записи, какой она кажется зрителям. Тьфу ты, все-таки, наверное, не стоило во всего лишь третью сессию на Арене соглашаться на публичную трансляцию. Долбаный Оронзо с его подначками! Идиот Кир с его манерой попадаться на слабо! Теперь за ними может наблюдать и сотня человек, и две.

Отогнав не вовремя закрутившиеся мысли, Фуоко метнулась к соседнему слева прямоугольнику и коснулась его (первая открытая карта мгновенно заросла кирпичами). Цейс-один — один ромб. Правее Кир открыл свою вторую карту: раез-один — шесть волн. Все, первый ряд пройден, четыре карты из двадцати восьми. Вверх! Она подпрыгнула, ухватилась за выступающий камень, подтянулась, нащупывая пальцами "босых" ног мелкие выбоины в стене, и после нескольких неудачных попыток зацепиться второй рукой все-таки подтянулась на второй уровень. Руки по очереди держатся за вбитые в камень железные арматурины, ноги переступают по выступам каменной кладки, шесть карт на уровне, начинаем с крайней левой… Диез-два — два креста (и-два у Кириса — семь ромбов). Цейс-два — три волны (вес-два — три ромба). О-два — один ромб… Стоп, уже был! Где? Нижний ряд первая или вторая карта слева… Карраха! Конкретное место забылось. Кирис, перебирая руками по арматуринам, приближался, открывая одну карту за другой, но и

он вдруг замер, что-то соображая. Видимо, он тоже нашел пару к ранее открытой картинке и теперь вспоминал, где та находится. Вот он оттолкнулся и спрыгнул на землю, чтобы оказаться на первом уровне — и тут же противный треск резанул по ушам. Фуоко обернулась туда, где на фоне ясного голубого неба над качающимися деревьями висела панель статистики. Полоска жизни под именем Кириса сократилась на одно деление. Похоже, он в чем-то ошибся, и система его наказала.

Девушка стиснула зубы, чувствуя, что сердце начинает бешено колотиться. Спокойно, приказала она себе. Спокойно! Всего лишь напор адреналина — или еще чего-то, кто там разберет, что происходит с ее полумертвым телом. Нельзя прыгать, нужно спускаться! Она еще раз глянула на свою открытую карту, стараясь не взглянуть на ту, что открыл Кирис, и принялась осторожно спускаться, цепляясь за камни стены. Между прочим, так нечестно! Могли бы железки для рук установить и вертикальными рядами! Нога соскользнула, и Фуоко коленками, а затем и животом и грудью проехалась по неровным камням, не удержалась и упала на землю, повалившись на спину. Пятки и ягодицы защекотала вибрация, обозначая повреждения, и в ушах снова раздался треск. Шепотом выругавшись (хорошо, что речь в игре отключена!), она вскочила на ноги — и басовитая музыкальная нота пронзила мир. Резко обернувшись, девушка увидела, как на панели синий круг под командой противника украсился желтым сектором: Оронзо с дружком уже открыли и сняли первую пару из четырнадцати. Полоска же жизни под ее собственным именем сократилась сразу на три деления.

Кирис подбежал к карте первого ряда, коснулся ее — и она открылась, закрыв открытую карту уровнем выше. Ошибка! Рыжая обезьяна раздосадованно врезала кулаком по соседней карте, вызвав очередной треск и сокращение своей полоски жизни на одно деление (ничего себе правила!), и снова полезла на второй уровень. Выдохнув, Фуоко еще раз посмотрела вверх, на свою открытую карту, и протянула руку к карте цейс-один, но заколебалась. Цейс или о? Или один ромб появлялся на стороне Кира? Ходер! Она же всегда отлично играла в открывашки и на зрительную память никогда не жаловалась! Почему сейчас не может сообразить? Стоп, не паниковать! Пусть на нее смотрит хоть целый мир, но паниковать нельзя. У Кира на первом уровне открыто пять кругов, а рядом только что были волны, так что один ромб все-таки на ее стороне. Вероятность пятьдесят на пятьдесят, но цейс ей нравится больше.

Отбросив колебания, Фуоко решительно коснулась карты цейс-один, и та проявилась из-под осыпавшейся кирпичной

кладки в сопровождении высокой мелодичной ноты. Успех! Открытая пара ярко вспыхнула и пропала, заложенные кирпичами проемы сменились каменной кладкой окружающей стены, а на табло синий круг их с Кирисом команды украсился желтым сектором. Впрочем, расслабляться не просто рано, а и попросту невозможно. Когда Арена знакомила их с правилами, она упомянула, что одна пара карт, стартовая (или утешительная для полных неудачников), открывается на первых двух уровнях, однако остальные распределены случайным образом, их близость не гарантирована. И в самом деле, Кир, уже забравшийся на второй уровень, свою пару открыть так и не смог. Рыжая обезьяна на пару секунд замерла, а потом, бросив взгляд на Фуоко, принялась двигаться по второму ряду, методично открывая карты. Девушка резко выдохнула и тоже полезла наверх как раз в тот момент, когда басовитый аккорд возвестил о том, что соперники открыли вторую пару.

Счет времени Фуоко потеряла очень быстро, почти перестав отвлекаться даже на часы информационной панели. Ее невидимое тело постоянно цеплялось о выступающие камни стены и колючие сухие ости травинок, торчащие из древней кладки, и нарисованное на нем бикини практически не блокировало ощущение. Блин! Все, в следующий раз — только в водолазном скафандре… а он наверняка мешает двигаться. Еще одно правило — чем выше защита, тем ниже ловкость и скорость. Сенко постоянно напоминал о беззащитности ее аватара не только ощущением шероховатости в разных частях тела, но и вибрацией, предупреждающей, что ползает она на грани фола. Вибрация отвлекала ничуть не меньше, чем постоянные физические усилия. Из-за необходимости постоянно лазить между пятью уровнями карт, соблюдая предельную осторожность, чтобы не сорваться (упасть даже с третьего уровня — конец игре!), а также из-за все сильнее пекущего солнца, стремительно карабкающегося к зениту, Фуоко чувствовала, что тяжелая усталость быстро заполняет тело.

Из-за непривычной физической нагрузки она быстро вымоталась, а на верхних уровнях ее сердце постоянно ёкало от высоты, над которой она болталась безо всякой страховки. Ей постоянно приходилось напоминать себе, что на самом деле она барахтается в изолированном шаре на реальной высоте максимум в десяток сунов, что ощущение силы тяжести создается гравитационными генераторами в основании терминала, и что реальная опасность ей не грозит. Однако паладарская игровая виртуальность казалась ужасно реалистичной. Если бы не постоянное самовнушение, Фуоко, пожалуй, не смогла бы

заставить себя двигаться на максимальной восьмиметровой "высоте".

Исход состязания перестал вызывать у нее сомнения, когда часы на панели показали двенадцать минут. К тому моменту они с Кирисом открыли четыре пары, в то время как Оронзо с напарником — восемь. На двадцатой минуте счет достиг шести к двенадцати. Чтобы экономить время, Фуоко с Кирисом спрыгивали на землю со второго уровня, и полоска жизни Фуоко сократилась до двух делений, а Кириса — до одного. Фуоко не позволяла себе думать о тщетности дальнейшей борьбы, но натянутые нервы давали о себе знать. Когда басовитый аккорд возвестил об открытой противниками тринадцатой, предпоследней, паре, она дернулась, сорвалась с ненадежной опоры и рухнула на землю с четвертого уровня. Виртуальный мир вокруг завертелся, в ушах заверещала пародия на похоронный марш, и тело с макушки до кончиков пальцев пробила резкая неприятная вибрация. Потом мир застыл, стена с картами резко отдалилась, информационная панель оказалась над ее верхним срезом. Рыжая обезьяна замерла, потом потянулась к очередной закрытой карте — и громкий гонг возвестил о конце игры.

Все. Шесть — четырнадцать. Не просто проигрыш, а тотальный разгром.

— Закончить игру, — тяжело вздохнув, сказала Фуоко. Внутренняя поверхность проекционной сферы погасла и через пару секунд абсолютной тьмы начала мягко разгораться белым светом. Обдувающий снизу поток воздуха иссяк. Информационная панель снова проявилась на уровне глаз, и к ней добавились две полоски жизни — Оронзо с напарником. На обеих оставалось по одному делению из десяти: они, видимо, тоже срывались или же для скорости намеренно прыгали с недопустимой высоты.

— Конец игры, — проинформировала Арена. — Победила команда номер один: Оронзо Смеарх и Гонзало Мария Каравано. Финальный счет: команда номер один — шестнадцать баллов, команда номер два — два балла.

— Как — два балла? — охнула девушка. — Мы же шесть пар открыли!

— Составляющие финального счета: шесть баллов за шесть открытых пар, один балл оставшейся жизни игрока Кириса Сэйтория, пять штрафных баллов за травмы игрока Фуоко Винтаре, несовместимые с дальнейшим участием, — в бесстрастном голосе игровой системы Фуоко почудилась издевка. Не дожидаясь, когда система отключился сама, резким досадливым движением девушка стиснула клавишу экстренного

отключения, почти оторвав интерфейсный кабель от шейного контакта сенко, и шагнула к с шипением приоткрывшемуся выходу из терминала. Голова вдруг закружилась, тело отказалось повиноваться, и она, неловко взмахнув руками, шлепнулась бедром и боком на вогнутую поверхность сферы.

— С вами все в порядке, дэйя Винтаре? — тут же осведомилась Дзии.

— Все, — буркнула Фуоко, поднимаясь и потирая ногу. Тело слушалось плохо, и в желудке быстро нарастало сосущее чувство голода. — Устала просто.

— Я предупреждала, что такой режим соревнования для первого раза может оказаться чрезмерно тяжелым, — назидательно напомнила Дзии. — Перед следующим матчем с людьми настоятельно рекомендую провести в развлекательном режиме не менее трех-четырех часов на уровне сложности не выше второго, чтобы как следует освоиться с игрой. Вы можете идти?

— Я что, настолько плохо выгляжу? — раздраженно огрызнулась девушка. — Могу, конечно.

Согнувшись, она пролезла в дверцу терминала и оказалась в двойном зале с четырьмя терминалами Арены: по случаю командного матча перегородку между соседними залами опустили в щель в полу. Оронзо и его дружок как раз вылезли из своих терминалов, отдуваясь, но с донельзя довольными физиономиями. Под сенсорными комбинезонами, облипающими тела, словно вторая кожа, ходили мускулы. Пару секунд спустя из своего терминала выбрался Кирис. На его физиономии держалось мрачное выражение.

— Смотри-ка ты, а ведь у них неплохо вышло, — с преувеличенным уважением в голосе сказал Оронзо, неторопливо фланируя в сторону Фуоко и намеренно не замечая Кириса. — Отличный результат показали. Целых два балла набрали! Я-то думал, не больше одного получится, а они вон как здорово сработали!

— Ага, месяц-другой потренируются, глядишь, и три балла набрать смогут, — подхватил Гонзало. — Если только попки себе не отобьют, со стены падая…

— Дэй Смеарх, немедленно вернитесь на свою половину, — ледяной голос координатора обрушился сверху снежной лавиной.

— Да я… — начал Оронзо, но — неслыханно! — координатор перебил его:

— Дэй Оронзо, я сказал — немедленно. Живо!

Приказные нотки в голосе всегда вежливого и корректного паладарского неба заставили наследника семьи Смеарх

вздрогнуть и замереть на месте, а потом начать медленно отступать. Тихо зажужжали моторы, и еще до того, как Оронзо пересек разделительную черту, из пола начала неторопливо подниматься перегородка. Парень торопливо переступил ее и обернулся.

— Кстати, лысина тебе идет, Фучи. И фигурка у тебя классная, — сально подмигнул он. — Мне нравится.

Кирис дернулся, набычился, но промолчал. Фуоко стиснула зубы и подавила рефлекторное движение рук — прикрыть грудь и пах. Можно подумать, на нее мужики на свободных пляжах не пялились! Оронзо, конечно, дебил и сволочь, но, в конце концов, ничем не хуже других — такой же похотливый самец! Небось, с половиной девчонок на своем факультете уже перетрахаться успел! Она открыла рот, подыскивая достойный ответ, но тут глаза Оронзо вдруг полезли на лоб, и он быстро попятился. Перегородка, резко ускорившись, ушла вверх и с громким бумканьем уперлась в потолок.

— Спасибо, дэй координатор, но я бы ему и сама ответила, — недовольно сказала девушка. — Подумаешь, нашелся…

— Дэйя Винтаре, — вклинился в ее тираду координатор, и Фуоко удивленно замолчала. Чтобы координатор перебил собеседника даже не однократно, а дважды подряд? Что-то определенно не то творится. — Пожалуйста, обернитесь и посмотрите вверх.

Фуоко последовала указанию и, от удивления снова потеряв равновесие, неловко опустилась на пол, к счастью, ничего не отбив. Примерно в метре над ее головой плавала, медленно опускаясь, волюта: одинокая, зато огромная, метра в три вдоль продольной оси. Ее сердцевина горела багровым пламенем. Кирис присвистнул.

— Ничего себе у нас зрители… — пробормотал он.

— Прошу прощения за грубость, дэйя Винтаре, но не могли бы вы ликвидировать данное явление в своей обычной манере? — кротко попросил координатор. — Волюта может представлять опасность для оборудования и людей в соседних помещениях.

— А, да, конечно… — пробормотала девушка. Пожалуйста, уйди, мысленно попросила она гостью. Наверное, ты заметила, что я напрягаюсь, и пришла проверить, все ли со мной в порядке. Все хорошо, честное слово, но ты пугаешь людей. Уйди, пожалуйста, а?

Волюта покачнулась, ее закрученная в спиральный конус поверхность забурлила и начала изменяться. Потом как-то сразу она исчезла, и Фуоко с облегчением выдохнула.

— Пожалуй, нам не стоит играть здесь, на главной Арене

посреди Колуна, — сказала она в пространство. — Действительно, зрители какие-то неподходящие приходят… Хорошо, сегодня она одна, а в первый раз вообще стая явилась! Дэй координатор, нам ведь смонтируют терминалы в лаборатории на Ланте, да?

— Да, как и обещано — в течение трех-четырех дней, вместе с новым объемным сканером. Ваша индивидуальная программа имеет приоритет перед остальными проектами. Кстати, я настоятельно попросил дэя Оронзо и дэя Каравано не распространяться об увиденном, и они согласились.

Кирис приблизился к Фуоко и помог ей встать на ноги. Слабость во всем теле продолжала держаться, но постепенно проходила — в обмен на все нарастающее чувство голода. Так. Похоже, придется срочно добираться до дома и питательных батончиков.

— Дэйя Винтаре, — проговорила с потолка Дзии, — я отмечаю, что ваше физическое состояние далеко от идеала. У вас, дэй Сэйторий, тоже, хотя и не так выраженно. Вам требуется медицинская помощь?

— Жрать хочется до невозможности, — вздохнула девушка. Кирис подтвердил ее слова молчаливым кивком. — Сейчас в общагу приеду, в холодильнике еще батончики оставались…

— На складах Арены есть запас питательных концентратов, дрон сейчас их доставит. Другие проблемы? Головокружение, потемнение в глазах, звон в ушах?

— Нет, спасибо, все в норме.

— В очередной раз обращаю внимание на факт, постоянно вами, молодые люди, забываемый. В вашем возрасте развитие сердечно-сосудистой системы значительно отстает от остального тела. Мышцы под большой нагрузкой потребляют гораздо больше питательных веществ, чем способна доставить кровь. С учетом вашего необычного состояния потеря сознания вам, вероятно, не грозит, но остальное тело по-прежнему живет по обычным законам. Не перенапрягайтесь, иначе рискуете заработать проблемы с сердцем с непредсказуемыми последствиями. Да и мускулы могут перестать повиноваться в самый неподходящий момент.

Дверь в терминальный зал приоткрылась, и в нее скользнул дрон. Его туша бесшумно подкатилась к Фуоко с Кирисом и превратилась в правильный параллелепипед. На его верхней поверхности всплыло четыре пластиковых упаковки с питательными батончиками.

— Спасибо, — поблагодарила девушка, вскрывая одну из упаковок и впиваясь в концентрат. Ага, повезло — на сей раз

попался из новых, с сырным вкусом.

Набив рот и ожесточенно жуя, Кирис подошел к шкафчику для одежды и принялся ожесточенно сдирать с себя комбинезон. От него несло потом.

— А круто мы пролетели, — пробормотал он. — Не всегда новичкам везет… В следующий раз отыграемся.

— В следующий раз, — холодно ответила Фуоко, — сначала меня спроси, что отвечать, когда письмо с вызовом получишь. Еще раз подпишешь нас на такую глупость без моего согласия, по башке дам. Сам выкручиваться станешь, понял?

— Кирис дубина! — продекларировала Зорра, развалившаяся на трех составленных стульях сразу. — Кирис на слабо попался!

— Попался и пролетел, — согласился Гатто, скромно лежащий на полу у стенки. — Когда-нибудь поумнеет, а пока что тупой.

— Поговорите мне! — пригрозил Кирис. — Поймаю обоих и уши оборву.

Фуоко слегка расслабилась. Похоже, Кир принял разгромное поражение не так близко к сердцу, как она опасалась. Она засунула в рот еще один батончик, расстегнула сенко на груди и принялась выбираться из него. На сей раз контактный гель еще не успел впитаться, и кожа оставалась скользкой. Оставшись голой, она бросила сенко на стул прямо поверх недовольно фыркнувшей Зорры и потянулась.

— Ф-фу, устала! — пожаловалась она. Подчиняясь внезапному импульсу, она протянула руку и провела ладонью по голой спине Кириса. Интересно. Она шагнула вперед, прижалась к парню всем телом и как следует потерлась.

— Эй, ты ошалела? — поинтересовался тот.

— Интересное ощущение… — задумчиво сказала девушка. — Кир, а правда, что мужиков возбуждает, когда их намыленные женщины в ванной собой трут?

— Не знаю, забыл уже, — хмыкнул Кирис. В его голосе слышалось напряжение, и скользнувшая по его животу и ниже рука Фуоко обнаружила, что неожиданная ситуация отнюдь не оставила его равнодушным. — Напомнишь?

— Надо попробовать… — Фуоко снова потерлась о него, чувствуя все нарастающее возбуждение.

— Молодые люди, напоминаю, что к терминалам Арены очередь, — прозвучал голос координатора. — Если вы не собираетесь заниматься сексом на глазах у следующей пары, рекомендую завершить гигиенические процедуры и переместиться в более подходящее место. Массажный гель вы всегда можете заказать в магазине интимных товаров, стоимость

одного баллона — пятнадцать лемов.

— Фигасе! — пробормотал Кирис. — Грабеж, типа. Перебьемся как-нибудь. Фучи, пусти, я в душ.

Фуоко с сожалением отстранилась, вздохнула, сунула в рот еще один брикет концентрата (последний — в животе уже чувствовалась неприятная тяжесть) и отправилась в соседнюю душевую кабинку. Пятнадцать лемов. С одной стороны, безумно дорого — на такие деньги две декады питаться можно. С другой — хватить его должно надолго, если расходовать экономно…

— Вы можете посмотреть запись выступления обеих команд на новых больших экранах в холле или на персональных терминалах где угодно, — напомнил координатор, когда они выходили из зала. — Рекомендую также просмотреть матчи с участием других команд, чтобы осознать допущенные ошибки и выработать лучшую тактику. Приятного дня.

Новая пара — мужчина средних лет в коротких штанах и халате, типичной повседневной одежде могератских сотрудников Университета, и девочка в ципао, лет девяти или десяти, возможно, его дочь — уже нетерпеливо переминались с ноги на ногу в коридоре. Вежливо поклонившись им, Фуоко с Кирисом прошли в холл. Фуоко твердо намеревалась вернуться в общежитие, чтобы до вечерней встречи с кураторами еще раз перечитать назначенную статью по физиологии нервной системы, но реальность разрушила все ожидания.

— Фучи, Фучи! — звонко закричала ей через весь холл девчонка, рядом с которой на полу сидела полосатая енотиха. Толпящиеся у больших экранов зрители, в основном студенты, недовольно заоборачивались. — Фучи, Кир, идите к нам! Мы вас смотрели!

— А Дза-то что здесь делает? — удивился Кирис.

— Наверное, тоже играла, — пожала плечами Фуоко. — Ну, пойдем, поздороваемся.

Около экрана обнаружилось, что здесь присутствует не только Дзара со своей Мелиссой. Рядом торчала неразлучная компания ставрийцев — кряжистый Юрий Вещий и очаровательный Михаил Збышек, красавица Марта Брыль и невзрачная, зато голосистая Ольга Маре. Бесстыжая Марта по своему обыкновению щеголяла в одних шортах, но на сей раз — без телесной окраски. На ее плече поблескивал плохо отмытый контактный гель. Рядом с Дзарой скромно переминалась с ноги на ногу инопланетянка Рикона Кэммэй (Фуоко чувствительно кольнула совесть: она общалась с девочкой, о которой пообещала заботиться, гораздо меньше, чем следовало), а на полу, невидимая издалека за ногами, возлежала шикарная рыжая лиса.

Кажется, ее звали Маюми, если Фуоко правильно запомнила в день их первой встречи. Стояли рядом и несколько других парней и девушек, но их Фуоко не знала — то ли просто зрители, то ли из той же ставрийской компании, просто незнакомые. Зорра и Гатто непринужденно плюхнулись на пол рядом с лисой и енотихой, так что со стороны вся компания, наверное, начала напоминать экскурсию в зоопарке.

— Привет, Фучи! — сказал на кваре Михаил, непринужденно хлопнув ее по плечу. — Мы тут в теннис играли, пошли домой, смотрим — на табло твое имя. А ты Кирис Сэйторий? — он оценивающе оглядел Кириса с головы до ног.

— Точно, он Кирис Сэйторий, — согласилась Марта, томно улыбаясь и потягиваясь так, что ее и без того высокая грудь поднялась еще выше. — Здравствуй, мальчик с парсом.

Фуоко бросила на Кириса возмущенный взгляд. В прошлый раз у нее совсем вылетело из головы выбить из друга признание о его взаимоотношениях с заморской нахалкой. Ничего, сегодня точно не забудет. Ну, вот только останутся они наедине!

— Кир, а мы вас смотрели! — вклинилась Дзара, не давая старшим закончить обмен любезностями. — Вы хорошо играли, но неправильно! Надо совсем не так карты открывать, совсем по-другому!

— Не тарахти, тяма, — Кирис с явным облегчением повернулся к ней. — Что значит "по-другому"? По десять штук за раз, что ли?

— Слушайте, я не понял — вы в первый раз на Арене играли, что ли? — пробасил Юрий. — А чего такую пафосную площадку выбрали? Третий же уровень сложности.

— В смысле — третий? — поинтересовалась Фуоко.

— В прямом. Ты что, не знала даже, что выбираешь? — изумился Юрий. — Ну, мыши в колокольне… я правильно сказал? А, забудь. Площадки на Арене выбираются по уровню сложности. Начинающих обычно дальше первого не пускают, а третий — для опытных. Вон, Мишка соврать не даст — мы с ним когда на третьем уровне в теннис вышли против ботов, даже до конца второго сета не дожили. Там каждый четвертый мяч взрывается, не отбивать надо, а уворачиваться, а темп такой, что голова кружится. А я, между прочим, дома второй разряд имел… ну, еще до того, как боксом занялся.

— А я на втором уровне уже играла, и у ботов выиграла! — похвасталась Дзара. — Честно! Мы вместе с Рикой играли. Рика, подтверди!

Рикона застенчиво кивнула.

— Стоп! — Кирис поднял руку. — Народ, галдеть кончайте,

а? Нифига не понял. Какие уровни? Какие боты?

— Люди такие непонятливые! — с тяжелым вздохом сообщила с пола лиса. — Слушайте, дайте-ка я объясню.

— Хвостатым слова не давали… — пробормотал Михаил. Лиса подняла на него насмешливый взгляд, демонстративно облизнула белоснежные клыки и прищурилась.

— За ногу тяпну, неделю прохромаешь, — пообещала она. — Я тебе не спутник-охранник типа ваших многоножек, сама шутить умею. Но чувство юмора у меня странное, сразу предупреждаю.

— Правильно, так его! — прыснула Марта. — Можно еще за задницу, чтобы сидеть не мог. Пусть на лекциях стоит.

— Негигиенично, — Маюми сморщила нос. — Еще зубы о него пачкать! Короче говоря, Рика, можно тебя попросить ассистентом поработать?

— А что нужно? — неуверенно спросила Рикона, явно чувствовавшая себя неуютно в большой компании.

— Я новую площадку создаю. Включись в нее напрямую.

На экране, где, как заметила Фуоко, раньше горели результаты их с Кирисом злополучного матча, закрутился хаотичный вихрь красок, а потом сразу возникла небольшая поляна с зеленой травой, окруженная лесом. Посреди поляны стояли четыре наклонных желоба — по два с каждой стороны от небольшой мощеной площадки, друг над другом. На приподнятом конце каждого сидело по нахохлившейся курице. Фуоко чуть сместилась в сторону — плечо Юрия заслоняло экран от ее зрячего глаза, и ставриец, заметив движение, сам поспешно отступил.

— А зачем? — Рикона посмотрела на картинку с явной опаской.

— Наглядная иллюстрация уровней сложности. Не бойся, не убьет, как максимум немного покоцает. Слушай, давай в темпе, а?

— Не надо, — сказала Фуоко. — Мы и на словах поймем. Рика, не обращай на нее внимания.

— Рика!.. — с угрожающими нотками протянула лиса. — Давай живее. Или хлыздишь?

— Ну, щас… — уныло согласилась Рикона. Она выпрямилась и застыла, как-то сразу превратившись в манекен. Фуоко слегка поежилась. Она уже привыкла к таким фокусам со стороны паладаров, но что Рикона проходила по той же категории, пока так и не осознала. Кстати, а что остальные?.. Остальные, даже Дзара, вроде бы и не удивились. Вероятно, они уже знали об инопланетном происхождении девочки.

Несколько секунд спустя Рикона появилась на экране. Выглядела она точно так же, как и в реальности — босая, в

шортах и майке, плюс серебряный обруч с аметистом на шее. В качестве дополнения на ее голове торчали серые то ли волчьи, то ли собачьи уши вместо человеческих, а сзади прямо сквозь шорты рос пушистый серый хвост. Ушки ей шли, и Фуоко сделала зарубку на память: неплохой элемент для аватара.

— Возьми корзинку, — приказала лиса. Рикона осмотрелась и подобрала из травы небольшую плетеную корзину без ручки. — Сейчас по желобам покатятся яйца. Лови их, чтобы не упали и не разбились.

Заэкранная Рикона тяжело вздохнула.

— Маю, поймаю и лапы обломаю, — пообещала она. — Где твои яйца?

Как бы в ответ по левому нижнему желобу, еле слышно громыхая, действительно покатилось светлое куриное яйцо. Рикона подставила корзинку. Яйцо упало в нее и исчезло с неяркой вспышкой. Новое яйцо тут же покатилось по соседнему желобу, потом почти сразу еще одно — по желобу с другой стороны… Пару минут Рикона, не особо утруждаясь, ловила их небрежными движениями, а над ее головой выскакивали меняющиеся цифры улова.

— Что такое первый уровень, все поняли? — осведомилась Маюми. — Рика, приготовься — включаю второй. Сила тяжести и скорость увеличены.

На сей раз Риконе пришлось довольно туго: яйца начали катиться со все возрастающей скоростью, причем почти одновременно по всем желобам. Уже через несколько секунд девочка упустила первое яйцо, затем второе. Падая на каменную площадку, те разбивались и таяли с жалобным звоном. Рикона начала тяжело дышать от усталости (разве она может уставать?)

— Второй уровень все поняли? Переходим на третий. Рика, смотри под ноги! — скомандовала лиса.

— Куда? — удивилась та, отдуваясь. — Ай-ё!..

Площадка под ее ногами внезапно вздулась буграми вылезающих кирпичей. Желоба отодвинулись друг от друга, яйца покатились еще быстрее, а курицы вдобавок начали громко и беспорядочно кудахтать. Потянувшись за первым же яйцом, Рикона запнулась и упала на одно колено, ойкнула, выронила корзинку, и пропущенное яйцо, упав ей на плечо, взорвалось с яркой вспышкой. Девочка отпрянула, упала на бок, и ее засыпало слепящими мини-гранатами.

— Как мы видим, при повышении уровня площадки сложность растет нелинейно. Переход на четвертый уровень…

Рикона-на-экране исчезла, и картинка замерла. Зато Рикона-в-реальности ожила (на ее колене Фуоко с удивлением увидела

свежую ссадину, отсутствовавшую еще минуту назад), склонилась к лисе и вздернула ее в воздух, сцапав за складки шерсти на груди.

— Маю, я тебя сейчас прибью, поняла? — угрожающе спросила она. — Ты сдурела? Я из-за тебя коленку разбила! Больно же!

— Зато полезно, — назидательным тоном парировала лиса, ничуть не сбитая с толку сменой позиции. — Тебя Грампа чему столько времени учила? Не расслабляйся в незнакомой обстановке! А ты?

— А я тебе сейчас кое-что оборву! Тоже чтобы не расслаблялась! — мстительно заявила Рикона, одной рукой хватая Маюми за хвост и вздергивая его вверх. Вторую руку она отпустила, и лиса повисла вниз головой. Ничего себе у нее силища — микродрона вытянутой рукой на весу держать! Впрочем, у ней самой тело — дрон…

— Он не обрывается, — ничуть не обескураженная Маюми подняла голову и скрестила лапы на груди. — А я сейчас Таню вызову и пожалуюсь, что ты над беззащитным животным издеваешься.

— А я тоже там поиграть хочу! — встряла Дзара, тормоша лису за лапу. — Маюми, пусти меня, а? Я тихонько, ничего не сломаю, честно-честно!

— Во, Рика, видишь? — лиса назидательно подняла свободную лапу. — Есть люди, готовые посвятить себя научным экспериментам любой ценой. А ты — хвост обрывать! И вообще, поставь меня обратно, а то кусаться начну.

В доказательство она щелкнула зубами в воздухе. Рикона выпустила хвост, и лиса с глухим ударом, отдавшимся в полу, шлепнулась, словно кошка, на все четыре лапы.

— Вот так, — она встряхнулась и снова улеглась. — Дза, тебя нельзя в игру без терминала пустить. Вот когда в следующий раз твоя очередь подойдет, попроси координатора новую площадку поставить.

— У-у… — недовольно протянула та. — У меня очередь только послезавтра…

— Не ной! — назидательно сказала Маюми. — Тебе и так поблажки дают. Вон, Ольгу с Мартой в следующий раз вообще на полночь записали через три дня. Терминалов не хватает пока на всех желающих.

— Так, мелюзга! — Михаил поднял руку. — Тихо. У меня лекция скоро, я из-за вас опоздаю. Фуоко, Кирис, мы за вашей игрой почти с самого начала наблюдали. Вы свою главную ошибку вообще поняли?

— Какую? — сумрачно спросил Кирис.

— Так, ясненько… — ставриец ткнул пальцем сбоку экрана, и картинка сменилась. На экране появились какие-то окна и меню, с которыми он несколько секунд манипулировал. — Вот, поехала запись с пятикратной скоростью…

Экран разделился на две части со знакомыми каменными стенами. Возле одной засуетились рыжая лохматая обезьяна и легкомысленно одетая фея с радужными крыльями. На другой задвигались пятнистый белый барс и здоровый мужик в плавках и с перевязью короткого меча, щеголяющий перекачанными мышцами торса, плеч и бедер.

— Смотрите, что делают они и что — вы, — Михаил чуть сдвинулся, чтобы не загораживать изображение. — Если не считать начальной стадии, у них все время один участник на нижних трех уровнях, а второй — на верхних двух. Когда верхний устает, они меняются. И обратите внимание, как при выключенном голосе они обмениваются жестами. Такой подход минимизирует количество опасных и медленных перемещений между уровнями, экономит силы и позволяет открывать пары гораздо быстрее. А вы? Беспорядочно взад-вперед лазите, причем сами по себе, без взаимодействия. А в команде недаром два человека, на третьем уровне групповая игра в первую очередь на взаимной поддержке строится. Ясно?

— Блин… — Фуоко врезала кулаком по ладони. — Я же хотела скооперироваться! Только систему жестов придумать не успела.

— Ничего придумывать не надо. У ваших противников морской код в основе, причем сильно урезанный, — негромко сказала Ольга. — Его специально придумывали сто лет назад, чтобы в критических ситуациях быстро сигналы подавать, а они адаптировали. Умно, между прочим, они сильные соперники. Оронзо Смеарх, Смеарх… что-то знакомое…

— Скотина он, пусть и умная, — зло сказала Фуоко. — Мы с ним еще поквитаемся. Подумаешь, морской код…

Код. Она осеклась, потому что идея, вспыхнувшая в голове, ярко высветила ее прежнюю глупость. Ну конечно же, код! Даром, что ли, они с Кирисом уже несколько дней тренируются передавать друг другу сообщения через свою незримую связь. Они уже и сигналы-буквы неплохо запомнили. Кто им мешал сегодня так общаться? Все, план есть. Как только им смонтируют персональные терминалы в лаборатории, они сразу же начнут тренироваться на игровых площадках с применением кода. И звук станут выключать уже специально, а не по правилам. Двойная польза: и карты открывать настропалятся, и для исследований

полезно.

Вот только, кольнула ее неприятная мыслишка, тебе-то с Киром личные терминалы поставят, а на Арене их дефицит, в очередь люди записываются. Не стыдно личными связями пользоваться?

Ну, можно и Дзару пригласить. И Рикону… или нет, ей, судя по всему, терминал не нужен. Ну, тогда…

— Народ, — нерешительно сказала Фуоко. — Нам с Киром вообще-то идти пора, но… нам в лаборатории личные терминалы Арены поставят через несколько дней. Мы их нечасто использовать сможем, так что я могу попросить координатора, чтобы он и туда людей пускал. Вас, например.

— Личные терминалы? — с завистью переспросил Михаил. — Здорово. Я бы не отказался. А в честь чего?

— Ну… — Фуоко неохотно подняла руку, демонстрируя серебристые контактные площадки, цепочками тянущиеся вдоль плеча и предплечья. — Видите, подкожные электроды? У нас программа исследований. Индивидуальная. Мы по уши энергоплазмой заполнены, так что фигня всякая случается, типа неожиданных кольчонов и волют. Мы специально в глушь уезжаем экспериментировать, и терминалы нам ставят специальные, с дополнительными сканирующими компонентами. Но мы не чаще раза в день заниматься можем, иногда и не каждый день, все остальное время лаборатория простаивает. Поставят терминалы — приходите, только свои сенко не забудьте принести.

— Ой, здорово, здорово, здорово! — Дзара возбужденно запрыгала на месте, хлопая в ладоши. — Хочу, хочу! Фучи, а когда вам терминалы поставят? А можно я тоже экспериментировать стану? А что вы еще там делаете? А нас не заругают? Ой…

После очередного хлопка между ее расходящимися ладонями вдруг возникла бледно-голубая сетка молний. Пару секунд девочка, замерев, непонимающе смотрела на нее, потом, взвизгнув, замахала руками в воздухе, пытаясь сбросить с них липкую паутину. Сетка немедленно вздулась шипящим облаком, обхватившим всю Дзару, в нос ударил резкий запах озона.

— Уйди, уйди! — во весь голос закричала девочка, извиваясь и отмахиваясь. — Уйди, не хочу! Мама-а-а!

В молниях угрожающе зажглись багровые огни — два, пять, десяток… Такие же огни замерцали во вспухших по всему холлу сгустках спирального тумана. Трещащие рукава молний протянулись между Дзарой и волютами, и лишь тут Фуоко очнулась от ступора. Краем глаза она видела, как лиса Маюми,

енотиха Мелисса, Зорра и Гатто мечутся вокруг, подпрыгивая высоко в воздух и отбрасывая людей в сторону мощными ударами лап в живот и грудь, как внезапно вздувшееся в огромную бесформенную тушу тело Риконы вытягивается ввысь сплошной серой стеной, как с пальцев Кириса срываются извивающиеся шнуры ослепительного белого пламени, рассекающего на части багровые шаровые молнии и ближайших волют. Но ей было не до окружающих. Упав на колени, она обхватила бьющееся в конвульсиях тело девочки, стиснула его в объятиях и накрепко прижала в себе. Краем сознания Фуоко уловила запах паленой ткани (вот и еще одной майке конец), но она уже сосредоточилась на чужих эмоциях — на жуткой панике — струящихся откуда-то со стороны. Она уже научилась отделять свои ощущения от тех, что передавались ей от Кириса во время секса, но сейчас все воспринималось совершенно иначе. Их с Кирисом чувства переплетались органично, естественно, неразрывно, как будто в экстазе сливались не только их тела, но и сознания. Однако ужас Дзары она ясно воспринимала как нечто чужеродное, как поток кипятка, бессильно обдающий ее замкнувшееся в непробиваемой броне сердце.

— Дзара-тяма, милая, хорошая моя, успокойся, все хорошо… — бессвязно бормотала она бьющейся девочке на ухо, с трудом ее удерживая. — Я здесь, Кир здесь, смотри, вон и Мелисса, все хорошо, просто успокойся, успокойся, все нормально, мы здесь…

Незрячий глаз Фуоко передавал картину бушующих в ночном мире пламенных волн и бешено корчащихся сетей, сплетенных из разноцветных огненных канатов. Дзара часто судорожно вдыхала воздух, словно в бесслезных рыданиях, перехватывающих горло. Фуоко попыталась передать ей чувство спокойствия и уверенности, словно уговаривала исчезнуть волют. Получилось или нет, она не поняла, но постепенно конвульсии девочки ослабевали, дыхание начало выравниваться.

— Дзара, милая, слушай меня, — прошептала Фуоко ей в ухо. — Все хорошо, мы здесь. Дыши медленно. Не надо всхлипывать. Просто дыши медленно, хорошо? По моему слову вдохни и не выдыхай, а когда скажу, выдыхай. Понимаешь? Давай, вдо-ох… И не дыши!

Дзара судорожно дернулась еще раз, но потом как-то сразу расслабилась, медленно вдохнула и замерла. Фуоко чувствовала ее сердце, бешено колотящееся под ребрами. Электрический шторм по-прежнему бушевал вокруг, но уже заметно выдохся. Ночной мир быстро возвращался к своему спокойно-текучему состоянию.

— Раз, два, три — вы-ыдох… — прошептала она. — И не дыши. Вот так, ты у нас совсем молодец. Теперь снова вдо-ох…

Через то ли минуту, то ли час равномерного дыхания — чувство времени утратилось полностью — Дзара медленно осела на пол. В воздухе в последний раз щелкнул электроразряд.

— Я не хочу опять все сломать… — пробормотала она. Потом ее глаза закатились под лоб, и она повисла на руках у крякнувшей от неожиданной тяжести Фуоко. Впрочем, тут под нее тут же подкатилась туша дрона, и тяжесть пропала.

— Отлично сработано, Фучи, — произнес рядом знакомый женский голос. Фуоко подняла голову. В нескольких шагах перед ней стояла Карина Мураций во взрослом виде. На ее лице держалось озабоченное выражение. — Теперь Дзару можно отпустить. Она потеряла сознание, но Дзии о ней позаботится.

Фуоко попыталась раскрыть объятия, но охнула от пронзившей все мышцы боли и замерла. Тело с макушки до кончиков пальцев пронзали невидимые иголки, словно в отсиженной ноге, каждое движение причиняло новые страдания. Медленно и осторожно она все-таки развела смертельно затекшие руки и позволила худому тельцу девочки осесть на дрона, в котором то немедленно утонуло с головой. Дрон скользнул в сторону и исчез в дверях холла в сопровождении ускорившейся до галопа Мелиссы. Фуоко потрясла головой, привычным уже движением смела с тела обугленные хлопья, оставшиеся от спортивных трусов и майки — в конце концов, если ректор не стесняется ходить голой, то и она переживет, не впервой — и огляделась.

Их окружали высокие, в два человеческих роста, серые стены, медленно расплывающиеся и превращающиеся в обычных бесформенных дронов. Под потолком кружился небольшой водоворот из полутора десятков волют. Багровых огней в них не наблюдалось. Кирис, тяжело дыша, стоял, озираясь по сторонам. Его тело поблескивало капельками пота, а на кончиках пальцев по-прежнему извивались шнуры белого пламени. Его шорты, как отметила Фуоко, отделались лишь несколькими небольшими подпалинами. Если бы мы жили внутри фантастического фильма, мелькнуло в голове, я бы заподозрила, что режиссер-извращенец просто обожает раздевать догола девочек на потеху зрителям и при том совершенно нечестно игнорирует мальчиков. Просто фан-сервис какой-то!

Зрители, ранее толпившиеся у экранов по периметру холла, по большей части сидели и лежали на полу. Все взгляды скрещивались на Фуоко, и она поежилась. Блин. Устроила представление на глазах у толпы. С другой стороны, что она

сделала? Даже молниями не швырялась. Правда, Кирис…

— Кир, — она постучала друга пальцем по плечу. — Ток выключи, люди смотрят. Что случилось, пока я… отвлеклась?

Парень недоуменно посмотрел на руки, и огненные шнуры пропали.

— Гроза, волюты, народ верещит и от молний шарахается, — перечислил он заплетающимся языком. — И я волют отгонять боюсь, чтобы не получилось, как в прошлый раз. Дзара в истерике, ты в нее вцепилась, словно придушить хотела, и шаровые молнии от вас во все стороны горохом… Блин, Фучи, я чуть не обосрался… извини, Риса, — он смущенно глянул на ректора.

— В этой форме меня лучше называть Кариной, — сказала ректор, понизив голос. — Однако же ваши способности, ребята, развиваются день ото дня. Погодите немного, я с народом поговорю, а вы пока за волютами приглядите, — она кивком указала вверх. — Так, кого здесь больше?.. Кажется, кайтарцев.

Она шагнула вперед и подняла руку.

— Дэй и дэйи! — громко произнесла она, по-прежнему на кваре. "Дамы и господа!" — продублировали на камиссе из-под потолка динамики. — Ввиду случившегося инцидента мы вынуждены временно закрыть холл для людей. Ничего страшного не случилось, серьезно пострадавших нет, однако прошу вас подождать на улице, пока мы не закончим приборку. Идущие на Арене матчи вы сможете посмотреть в записи позже, здесь или на своих терминалах. Спасибо за понимание.

Дроны задвигались по помещению. На их вершинах сформировались помигивающие красным таблички "Bonvolu lasi la areo". Присутствующие задвигались, поднимаясь и с неохотой отступая к выходу. Среди них Фуоко с раздражением заметила Оронзо в шикарном сутенерском костюме. Вот только его в свидетелях не хватало! Начал нарастать возбужденный гул голосов. Кое-кто с опаской поглядывали на кружащихся волют, но большинство по-прежнему пялилось на Фуоко с Кирисом и стоящую рядом Карину.

— Ну, Фучи, Кирис, вы даете… — на камиссе проворчал Михаил Збышек, поднимаясь с пола и потирая грудь. — И звери ваши просто звери. Чуть все ребра не переломали! — обиженно сказал он, переключаясь на кваре.

— Не переломали же, — фыркнула Маюми. Лиса в компании обоих парсов уже снова лежала на полу, развалившись, как ни в чем не бывало. — А что делать, если у вас, людей, реакция такая заторможенная?

— От дефектной слышу, — обиженно огрызнулась Марта.

Поднявшись, она недоуменно посмотрела на руку и осторожно лизнула языком большой покрасневший участок на предплечье. — А, паскуда! Больно… Откуда взялось, спрашивается?

— Оттуда же, откуда у меня, — Ольга, поднимаясь, болезненно морщилась, прижимая левую руку к боку и груди. Ее майка — то, что виднелось из-под руки — выглядела обугленной. — Электричеством хлестнуло. Госпожа Карина, я… мне что-то нехорошо.

— Олюшка! — Юрий Вещий одним прыжком вскочил на ноги и бросился к ней, но один из дронов его опередил. Ставрийская студентка грузно осела в него, словно в бесформенное кресло, и Юрий схватил ее за плечи, вглядываясь в глаза.

— Фиксирую ожог второй степени площадью около десяти квадратных сунов, а также легкое нарушение сердечных ритмов как следствие электрошока, — проговорила из ниоткуда Дзии. — Госпожа Марэ, я срочно эвакуирую вас в госпиталь.

— Да не надо…

— Надо. Рана нуждается в обработке, а дроны здесь не заряжены лекарственными препаратами. Приготовьтесь к транспортировке. Господин Вещий, пожалуйста, отпустите ее.

Здоровяк нехотя разжал пальцы, и Ольга тут же утонула в дроне. Спустя несколько секунд тот исчез на улице.

— Мелисса не рассчитала толчок, не полностью от разряда увела, — на сей раз в тоне Маюми слышались извиняющиеся нотки. — Следовало контроль за ее микродроном перехватить и самой все сделать. Марта, что насчет тебя? Срочная помощь требуется?

— Ну, могло получиться и хуже, — ставрийская красавица снова лизнула ожог и поморщилась. — Сама до медпункта дойду, не переживай.

— Мы поможем, точно, Юрка? — Михаил Збышек подхватил девушку под неповрежденную руку и непринужденно положил ей руку на талию, но ставрийка немедленно вывернулась и саданула его кулаком в бок.

— А ты уже и рад полапать? — фыркнула она. — Я же сказала, что сама дойду. Вы бы еще скорую вызвали! Госпожа Карина, скажите им!

— Что с Олей? — спросил Юрий, с каким-то недоуменным и обиженным видом глядящий вслед дрону.

— Предварительный диагноз от Дзии: не помрет, — лиса Маюми одарила его озорным взглядом. — Озабоченный мужчина в твоем лице еще получит массу возможностей поносить пострадавшую на руках по причине слабости ее ног или по еще

какой. Расслабься, от таких ожогов еще никто не умирал. Шкурка слегка слезет, и все.

Юрий неприязненно глянул на нее, но в перепалку ввязываться не стал.

— А что с волютами? — задумчиво спросил Михаил, глядя вверх. — Они здесь прижились? Так и останутся в виде постоянного украшения? Может, кинуть в них чем-нибудь тяжелым? Говорят, они разваливаются и сгорают, если попасть удачно.

— Я думаю, что с волютами, господин Збышек, мы разберемся без вашего участия, — хладнокровно ответила Карина. — А вы втроем отправляйтесь в медпункт. Там у Дзии достаточно медикаментов, чтобы правильно обработать небольшой ожог, да и в целом вас нужно осмотреть хотя бы бегло, чтобы убедиться в отсутствии других травм. Вы находились к эпицентру слишком близко, чтобы рисковать отпустить вас просто так. Настоятельно прошу, вон по тому коридору третья дверь справа. Маюми, могу я попросить тебя проводить?

— А то ж! — согласилась лиса, с явной неохотой поднимаясь. — Запутаются же иначе в трех дверях…

Когда Юрий, Марта и Михаил, следуя за Маюми, удалились в указанном направлении, Карина вздохнула.

— Ну что, ребята, у нас сложности, — грустно сообщила она. — Настолько впечатляющую демонстрацию ваших способностей замолчать невозможно. Мы не сможем и не станем затыкать рот многочисленным свидетелям, слухи все равно пойдут, причем самые невероятные. Придется выпустить пресс-релиз, объясняющий случившееся, и не только для внутреннего потребления. Боюсь, вы рискуете оказаться в центре очередной газетной шумихи.

— А обязательно пресс-релиз? — хмуро спросил Кирис. — Может, просто письмо людям разослать и попросить не трепаться?

— Университет несет ответственность в том числе перед родителями студентов. Подобного рода происшествия угрожают здоровью людей, и мы просто обязаны разъяснить всем, что произошло и какие меры мы принимаем для защиты. Кир, я тебя прекрасно понимаю, но лучше исчерпывающее объяснение, чем дурацкие слухи. Утешайтесь тем, что журналистов из желтой прессы мы до вас не допустим. Кроме того, непроизвольное искрение — явление, сейчас массово наблюдающееся среди людей по всей Палле, пусть даже и не в настолько впечатляющих масштабах, так что о вас быстро забудут. Однако же, ребята, я явилась не затем, чтобы с волютами сражаться, координатор в

таких вопросах куда эффективнее меня. Сейчас я в официальном качестве. Есть разговор — не о случившемся, совсем о другом. Университет "Дайгака" нуждается в вас и хочет попросить об услуге. Поскольку ситуация… довольно необычная, прошу вас обоих прямо сейчас отправиться в здание центральной администрации. Фучи, если захочешь одеться, я найду что-нибудь из своего гардероба, но вообще-то не обязательно, там все свои. До встречи.

Она слегка поклонилась, ее тело осело, расплылось и трансформировалось в обычного бесформенного дрона. К нему скользнул второй дрон, они слились, вытянулись длинным узким коробом и превратились в универсальный транспорт. В его высоких глухих бортах протаяли отверстия. Фуоко переглянулась с Кирисом.

— Университет нуждается в нас? — удивленно спросила она. — Вот так новости!

— У нас физкультурная пара заканчивается, — Кирис ожесточенно почесал бедро и полез в транспорт. — Следующая пара по физике, по закону рычагов, а я в прошлый раз контрольную завалил из-за пропусков, заново писать придется. Фучи, гони отсюда волют и запрыгивай. Если контрольную профилоню, из-за ректора или чего еще, препод обругает, а я, выходит, зря полночи сидел, готовился.

Фуоко хмыкнула и глянула вверх. Волюты по-прежнему кружились в унылом сером хороводе и отправляться восвояси не собирались. Ребята, идите домой, а? — попросила их девушка. Вы мешаете. Давайте потом поиграем, в другом месте?

Эффект оказался неожиданным. Вся стая внезапно ринулась вниз, распадаясь на хлопья, и прежде чем Фуоко успела хотя бы пошевелиться, она оказалась в центре беспорядочного смерча энергоплазмы. Сухо затрещали синие молнии, омывая ее хаотичными потоками электричества, а потом хлопья энергоплазмы облепили ее тело, покрыв его бесформенным серым слоем, начавшим медленно стекать по коже, словно вязкая грязь. На мгновение ее окружил странный мир: деревня из покосившихся хижин, окруженная лесом, а на высокой дальней горе возвышается полуразрушенный каменный замок. Видение, впрочем, немедленно пропало. Она даже не успела испугаться, как энергоплазма начала истончаться и пропадать прямо на глазах. Несколько секунд спустя девушка опять осталась голой, как лягушка, если не считать любимых босоножек, в очередной раз единственных из всей одежды переживших приключение.

— Ну и что это было? — удивленно осведомился Кирис. — Ты им что-то плохое сказала? Или наоборот?

Фуоко молча пожала плечами и забралась на заднее сиденье дрона. Парсы дружно запрыгнули внутрь, дверные проемы закрылись, и дрон двинулся с места. Внутренние стены засветились и начали транслировать окружающий мир. Мелькнула мимо возбужденная толпа у входа в здание Арены, и с обеих сторон дороги потянулись будущие парки, все еще хилые и невзрачные из-за молодости кустов и деревьев.

До старого королевского дворца дрон добрался меньше, чем за пять минут. Фуоко уже как-то приходила сюда: Таня упомянула, что дворец открыт для всех желающих, и Фуоко из любопытства потратила полчаса, обходя его многочисленные залы. Ничего особенно интересного не обнаружилось: старая, времен независимого Хёнкона, мебель развалилась или была разломана редкими пиратами и контрабандистами, обитавшими здесь, гобелены практически сгнили без присмотра во влажном климате, картины на деревянной обшивке стен выцвели и облезли. То немногое из обстановки и декоративных элементов, что умудрилось сохраниться за восемь с лишним лет запустения, вандализма и мародерства, уместилось в трех небольших покоях из полусотни на первом этаже. В перспективе паладары намеревались устроить здесь большой тематический музей, собрав в него экспонаты со всего Могерата, но пока что три музейных комнаты, два больших заново оборудованных конференц-зала и с десяток рабочих кабинетов — все, что использовалось в огромном помпезном здании. Сверх того разве что заново застеклили окна да отремонтировали поврежденные тайфунами крыши, чтобы не пропускать внутрь воду. Для разнообразных служб Университета паладары возвели удобные специализированные здания, а дворец оставался в запустении. Как объяснил Кирис, которому, в свою очередь, рассказал чокнутый Палек, на один лишь аккуратный ремонт водопровода, канализации и кабельной системы здесь потребовалось бы времени и ресурсов больше, чем на возведение двухэтажного административного корпуса в куда более удобном районе.

Дворец представлялся Фуоко старым изгнанным королем: один на чужбине, всеми забытый, до сих пор изображающий надменную неприступность, но кутающийся в облезлую мантию и в душе тихо тоскующий по былой яркой жизни. Она даже немного жалела здание. В его высокие многоярусные башни, загнутые по местному обычаю крыши и окружающие (когда-то) сады люди вложили массу труда и умения — и вот теперь оно стоит, никому не нужное и почти заброшенное…

Дрон высадил их в душной жаре у парадного входа: огромные двери на длинном мраморном крыльце, ведущие в не менее

огромный холл с хрустальной люстрой под потолком и несколькими большими цветущими кустами гортензии в деревянных кадках. В холле стояла кондиционированная прохлада — возможно, и приятная после наружной жары, но заставившая покрыться зябкими мурашками кожу голой Фуоко. Постукивая уцелевшими сандалиями, Фуоко с Кирисом прошли по деревянному полу, инкрустированному разноцветной мозаикой с изображением животных не менее диковинных, чем деловито топочущие позади парсы. Навстречу скользнул дрон, на верхней поверхности которого лежал аккуратно сложенный шелковый халат-юката в местном стиле. С облегчением запахнувшись в него (он оказался очень коротким, не доставая и до середины бедер) и небрежно перетянув талию поясом, Фуоко нерешительно огляделась. Куда дальше-то? Дрон откатился к дальней стене холла и остановился рядом со входом в небольшой кабинет — ранее, вероятно, подсобное помещение или комнату для слуг. Здесь он превратился в идеальную полусферу и замер неподвижно. Намек?

Они подошли к двери, и девушка робко постучала костяшками по двери. Неожиданная официальность напрягала ее куда сильнее, чем она признавалась себе раньше, и она чувствовала легкую нервную дрожь в пальцах.

— У тебя физия перепачкана, — шепнул Кирис в тот момент, когда дверь открылась. — Не три руками.

Фуоко подавила желание ткнуть его локтем в ребра за то, что он не удосужился подсказать раньше, но Карина уже отворила дверь и жестом пригласила их войти.

В обставленной мягкой мебелью комнате кроме ректора находились четверо. Таня Каварова и Павел Штиль сидели в креслах возле небольшого стеклянного столика. В третьем кресле расположился смутно знакомый Фуоко мужчина средних лет в дорогом деловом костюме, больше подходящем какому-нибудь юристу или солидному бизнесмену, чем одному из сотрудников Университета. Еще одна женщина в черной юбке и белой блузе, которую Фуоко не видела никогда, стояла у противоположной стены, скрестив руки на груди и уставившись в пол.

— Садитесь, — Карина закрыла дверь и указала на диванчик возле столика. Приблизившись к нему, Фуоко заметила, что на лице куратора Кириса застыло потрясенное выражение, а тушь на ресницах Тани слегка размыта, словно от неожиданных слез. Ректор села на подлокотник кресла, оперлась спиной о край спинки и жестом указала на мужчину:

— Не уверена, что вы встречались раньше, но в любом случае познакомьтесь с господином Сторасом Медведем, паладаром и

правящим регентом Хёнкона.

— С дэем Сэйторием мы встречались, — скупо улыбнулся регент. — Дэйя Деллавита, рад познакомиться. Как вы себя чувствуете после… случившегося только что?

— Я в порядке, — скованно ответила Фуоко. Кто такой регент, она знала, но оказаться в его компании никак не ожидала. Она и в компании ректора оказывалась по большей части тогда, когда та надевала маску Рисы, и почти не имела дел с ее официальной внешностью. — А как там Дзара?

— Дзии сообщил, что у нее шок от случившегося, но ничего такого, с чем он бы не справился, — ответила Карина. — Там еще и Яни подключилась, ситуация с Дзарой как раз по ее специальности. И Рикона тоже рядом. Не беспокойтесь за нее. И познакомьтесь с Суоко, она тоже паладар.

Женщина у стены коротко кивнула, не отрывая взгляд от пола, но не произнесла ни слова.

— Ребята, вы ведь помните некую личность по имени Мэй Лю Сянь? — Карина повозилась на подлокотнике кресла, устраиваясь поудобнее. Фуоко переглянувшись с Кирисом, кивнула. Как она могла забыть обходительного и образованного оябуна Анъями? Память о разговоре достопамятным утром перед ее похищением другими бандитами, слегка поблекшая за прошедшими событиями, снова всплыла в голове. Он ведь предлагал присоединиться к нему…

— Помню, — буркнул Кирис. — Он меня чуть не прикончил.

— Вот как? — регент поднял бровь. — Когда же?

— Когда мы с Варой к нему пришли в Шансиме. Он что-то со мной сделал ради смеха, я чуть дуба не врезал. Я, правда, тоже его как-то приложил, он еле с пола поднялся. Фиг знает, как, я и этого не понял.

— Он опасен? — поинтересовалась Карина, бросив косой взгляд на женщину у стены. — Если встретишься с ним снова, он попытается тебе снова что-нибудь сделать?

— Ну, он сказал, что больше не станет такой херней страдать, — Кирис пожал плечами. — Отпустил же он нас с Джионом, в конце концов, даже карту дал и помог вертолет нанять.

— Все равно опасно… — задумчиво сказала ректор. — Сторас? Твое мнение?

— Оно не изменилось. В прошлый раз проблемы возникли из-за взбесившегося Арасиномэ и нашей несвоевременной эвакуации. Сейчас мы можем принять меры, чтобы аналогичных совпадений не возникло. В Анъями больше нет идиотов, способных напасть в присутствии наших боэй, и оябун "Кобры"

безрассудностью отнюдь не отличается. Что же до дэйи Деллавита, то она и в принципе к светскому обществу привычна, и в полной власти "Кобры" уже находилась. Не думаю, что им угрожает опасность.

Карина тяжело вздохнула.

— В общем, ребята, чтобы не закручивать интригу и не играть на ваших нервах, — проговорила она, — я хочу рассказать об одной очень неприятной ситуации, в которую влип Университет. Вы уже на деле доказали свою разумность и ответственность, а потому мы решили доверить вам тайну, настолько близкую к государственным секретам, насколько их могут иметь паладары. Нам нужна ваша помощь, а потому мы вынуждены втянуть вас в игру, совершенно для подростков не подходящую. Сразу предупреждаю, что вы можете отказаться, что не будет иметь никаких последствий — мы выкрутимся и так. Также я очень прошу вас сохранить рассказанное в тайне, но не могу этого требовать — вы не сотрудники Университета и ничем ему не обязаны. Э-э… я не очень вас напугала? Кир? Фучи?

Ректор попыталась улыбнуться, но улыбка у нее вышла какая-то кривая и печальная.

Фуоко снова переглянулась с Кирисом. Вот так новости! Только государственных тайн им не хватало! С другой стороны… ну ведь любопытно же! И Риса — не человек… ну, пусть паладар, способный на подлости.

— Я вообще-то уже померла, — фыркнула она, вдруг остро осознав свою одноглазость. Ночной мир из незрячего глаза попытался вторгнуться в реальность, но она привычным усилием воли загнала его на положенное место. — Мне уже ничего не страшно. И Киру тоже. Да, Кир?

Парень молча кивнул.

— Не говори глупостей, Фучи, ты вполне жива, — досадливо поморщилась Карина. — Детали работы твоего мозга сейчас не важны. В общем, вы слышали про "Адаути"?

Фуоко задумалась. Что-то знакомое, но что?

— В новостях показывали — террористы, типа. Всякую сволочь из беглых аристократов мочат, — буркнул Кирис. — И правильно делают.

Точно. Фуоко тоже вспомнила, как встречала упоминание про террористов в каком-то выпуске новостей. "Адаути"… "Месть" на катару, если она правильно помнит значение слова.

— Неправильно, Кир, — Карина покачала головой. — Совершенно неправильно. Терроризм, даже с наилучшими намерениями, обычно имеет катастрофические последствия. Университет категорически против их методов и предпринимает

все усилия, чтобы их остановить. Но не о том речь. Ребята, я даю честное слово, что никто из здесь присутствующих к созданию и деятельности "Адаути" не причастен. Однако… хм, случилось так, что главой террористов оказался человек, тесно связанный с Университетом. Человек, чрезвычайно дорогой для нас. Мы узнали о его роли лишь на днях. Произошла весьма сложная и запутанная история, которую мы расскажем вам позже, чтобы не грузить сейчас деталями, не имеющими особого значения. Но так случилось, что он погиб, и его тело оказалось в руках одного из кланов Анъями. Вчера вечером его оябун вышел на нас, предложив отдать тело. Но одним из выдвинутых условий является встреча с вами обоими. Точнее, он согласен выполнить передачу только лично вам обоим или как минимум тебе, Фучи.

— А мы-то при чем? — подозрительно спросил Кирис. — Откуда Тьма о нас вообще знает?

— А? Ох, прошу прощения. Разумеется, речь идет о Мэй Лю Сяне.

Кирис коротко присвистнул. Фуоко почувствовала, как кровь прилила к голове, а сердце заколотилось. Значит, хотя она почти забыла про бандита, тот отнюдь не забыл про нее.

— Вот такая у нас базовая диспозиция, — подытожила Карина. — Ребята, мы просим оказать Университету услугу. Вокруг Хёнкона идет большая и грязная игра, и втягивать в нее вас очень не хочется. Но если тело Юно попадет в руки официальных властей Ценганя или Кайнаня, его обязательно опознают, и тогда по репутации Университета окажется нанесен страшный удар, тем более обидный, что мы его не заслуживаем.

— Да не проблема, — пожал плечами Кирис. — Что нужно?

— Фучи? Если хочешь что-то спросить, спрашивай. Еще раз подчеркиваю: соглашаться не обязательно. Подковерная политика не твое дело, и у нас есть и другие способы разрешить проблему.

Фуоко заколебалась. Ей стало не по себе. Мэй выглядел вполне приличным дядькой, даже и не скажешь, что главарь банды. Он помогал ей даже с простреленной рукой, после того, как она сожгла двоих. Правда, потом он просто отдал ее другим бандитам, но что он мог сделать? И Киру помог…

А ведь Фуоко так и не рискнула спросить у отца, правду ли говорил Мэй о преступных операциях семьи Деллавита. Она просто побоялась — не отцовского гнева или какой-то другой реакции, а того, что рассказанное окажется правдой. Тайное знание лежало на сердце мертвой тяжестью, заодно отравляя воспоминания о Мэе.

С другой стороны, если отец — преступник по кайтарским законам, это явно не вина и не проблема оябуна с Могерата. И

если Арасиномэ не разбушуется снова точно в момент переговоров — а какова вероятность? — то паладарские боэй не допустят никаких неожиданностей.

Пока она раздумывала под выжидающими взглядами Карины и регента, женщина у дальней стены вдруг шагнула к ней.

— Дэйя Деллавита, — произнесла она скованным голосом. — Мы не имели чести раньше знать друг друга, однако я умоляю вас помочь. Человек, о ком идет речь… он мне как сын. Девять лет он оставался рядом со мной, когда я находилась на краю гибели, и на Палле нет… не было для меня никого дороже. Я прошу не как паладар, не как сотрудник Университета, но как мать — помогите! Вам не угрожает опасность, а я… я хочу хотя бы похоронить его, как положено. Вы еще слишком молоды, дэйя, но все-таки можете представить, как чувствует себя мать, у которой убили ребенка. Пожалуйста!

Она порывисто опустилась на колени и склонила голову. Перепуганная и сконфуженная девушка вскочила на ноги и растерянно глянула на Карину. Лицо ректора оставалось бесстрастным. Кирис смотрел на паладаршу круглыми от удивления глазами. Фуоко перевела взгляд на Таню, и та молча кивнула.

— Э-э… дэйя… э-э…

— Суоко, — подсказала Карина.

— Дэйя Суоко, прошу, встаньте! Конечно, я согласна! — Фуоко почувствовала, что щеки начинают пылать. — Никаких проблем, я просто думала, что ему сказать. Я не отказываюсь!

Паладарша подняла взгляд, и ее лицо исказила гримаса горя, смешанного с облегчением. Ее глаза оставались сухими, но казалось, что она плачет навзрыд.

— Спасибо, дэйя Деллавита… — тихо сказала она, тяжело поднимаясь. — Я… я у вас в долгу. У вас обоих. Я… прошу прощения, я вас оставлю.

Она вытянулась и замерла неподвижной статуей, потом, механически двигаясь, повернулась и вышла из комнаты.

— Простите ее, она очень сильно переживает, — Карина грустно посмотрела ей вслед. — Не беспокойтесь, ребята, вы даже не увидите тело. Вас просто привезут в Шансиму, сведут с Мэем на несколько минут, после чего вы отправитесь дальше. В прошлый раз премиальная поездка не удалась, так что сейчас совместим приятное с полезным: дипломатическую встречу с сорвавшейся давеча экскурсией. Еще раз извиняюсь, но…

Она развела руками.

Что-то сильно беспокоило Фуоко в только что случившемся. Не ее согласие, нет. Разумеется, отказываться глупо и

бессмысленно, она бы согласилась все равно. Нет, что-то сказанное, какая-то фраза. Опустившаяся на колени женщина-паладар выбила ее из колеи, и…

Вот оно.

— Карина, — робко спросила она, — а можно вопрос?

— Конечно, Фучи. Сколько угодно.

— Дэйя Суоко сказала… Ну, она сказала, что тот человек оставался с ней девять лет. Но ведь она паладар, а паладары пришли на Паллу меньше года назад, и никто живой не может прилететь сюда из космоса…

Кирис поперхнулся. Кажется, его глаза стали еще круглее от удивления. Таня и Павел тоже уставились на Карину.

— Карина, я же предупреждал, что черви обязательно расползутся из банки, — сухо усмехнулся регент. — Вот, пожалуйста. Даже раньше, чем я предполагал. Девочка действительно слишком сообразительна, чтобы задурить ей голову, особенно с учетом эмоционального состояния Суоко. Давай, решение за тобой.

Ректор закинула голову назад и закрыла глаза.

— Ну, в конце концов, мы же все равно намеревались рассказать миру реальную предысторию, — в конце концов проговорила она, поднимаясь с подлокотника и подходя к Фуоко. — Почему бы и не в ближайшие дни? Две-три декады ничего не решают. Фучи, Кир… Павел, Таня, есть еще один секрет — глупый, но весьма неприятный для вашего мира. Мы знали, что рано или поздно его придется раскрыть, и мы морально готовы. Но мне не хотелось бы говорить о нем сейчас. Во-первых, исходя из чисто политической целесообразности его следует довести сначала до руководителей государств. Во-вторых, не хочется сейчас перегружать вас эмоциями. Достаточно для одного дня, особенно с учетом эффектного фейерверка в холле Арены. Давайте договоримся так: я введу вас в курс дела, но чуть позже. Хорошо?

— Конечно, Карина, — быстро сказала Таня. — Не беспокойтесь за Касуми, я его язык придержу.

— Да я, в общем-то, и сам не болтливый, — куратор Кириса пожал плечами. — А если вы насчет того соглашения о сотрудничестве с СБС…

— Нет, Павел, соглашения со Службой безопасности Ставрии ни при чем. Мы в любом случае проинформируем Народного Председателя обо всем, о чем шла речь сегодня. Ставрии проблема с "Адаути" тоже касается напрямую — кое-кто вполне может усмотреть в ее оябуне, бывшем сотруднике ставрийской миссии, подрывную деятельность Ставрии на Могерате. Просто

ситуация требует деликатного подхода, и нам придется ходить кругами и подбирать правильные слова. Просто потерпите еще несколько дней и постарайтесь не лопнуть от любопытства.

Павел и Таня дружно кивнули.

— Значит, решено, — Сторас Медведь хлопнул себя ладоням по бедрам. — Фуоко Деллавита… прошу прощения, Фуоко Винтаре и Кирис Сэйторий, уведомляю, что с сего момента вы становитесь временными сотрудниками университета "Дайгака" — департамента внешних сношений, если точнее. На время поездки в Шансиму вы получите соответствующие документы и полноценный дипломатический иммунитет, так что в случае любых неприятностей смело обращайтесь к полиции, армии, да к кому угодно — официальным лицам Университета помощь окажут немедленно и в полном объеме. Госпожа Таня Каварова, господин Павел Штиль — вам как кураторам предписывается уладить проблемы с программой занятий, если неожиданная поездка их вызовет.

— Могу я высказать предположение? — раздался из ниоткуда голос координатора.

— Да, конечно.

— Факт поездки двух студентов в Шансиму, да еще и с дипломатическими документами, о которых мы обязаны предупредить власти Ценганя, вызовет естественные подозрения. Чтобы их смягчить, предлагаю повторить сорванную экскурсию для всей предыдущей группы. Завтра оттот, послезавтра начинаются долгие выходные, и мы можем в точности воспроизвести запланированный в прошлый раз формат. Вечером яхта приходит в Шансиму, в новот экскурсии по городу, в децинот поездка в Санъяму и возвращение. Возникнут небольшие сложности с экстренным бронированием гостиницы в Санъяме, но в там у нас есть дрон, и я уверен, что справлюсь. Нужно лишь согласовать отсутствие студентов на занятиях в новот.

— Все участники прошлой экскурсии в состоянии принять участие? — задумчиво поинтересовался регент.

— Ольга Марэ пострадала в сегодняшнем инциденте в холле Арены. Я проконсультировался с Дзии. Ожоги второй степени и легкий шок, но ничего, что не могло бы исправить кратковременное пребывание в медицинской капсуле. Марта Брыль получила небольшой ожог предплечья первой степени, медицинская помощь ей уже оказана, болевые ощущения сняты, поездке травма не помешает.

— Тогда идея выглядит неплохой. И дополнительное прикрытие для переговоров не помешает, и свои обязательства Университет наконец-то выполнит. Карина?

— Не возражаю, — кивнула ректор. — Надеюсь лишь, что меры безопасности вы примете надлежащие, а не как в прошлый раз. Фучи, Кир, от лица Университета еще раз извиняюсь, что мы втягиваем вас в посторонние политические игры. Понимаю, что удовольствие от поездки окажется значительно подпорчено, но… Удачной поездки.

Она развела руками, поклонилась и вместе со вставшим регентом двинулась к двери.

— Риса, погоди! — вскинулась Фуоко. — Халат я верну, когда дома переоденусь. Куда его отправить?

— Оставь себе, — Карина махнула рукой. — В качестве подарка или компенсации за сгоревшую одежду. Юката — дар кайнаньского короля. Мне кучу тряпок прислали, а я их все равно не ношу, так пусть хоть кому-то польза. Готовьтесь к поездке. Кстати, ребята, не могли бы вы еще и к Дзаре домой зайти по мере возможности? Дзии решил, что в домашней обстановке рядом с мамой она от шока лучше отойдет. Там сейчас и Яна, и Рикона, и Маюми, но вас двоих девочка все же лучше знает.

И руководители Университета вышли, прикрыв за собой дверь.

— А где у тебя одежда сгорела? — поинтересовалась Таня, выбираясь из глубокого кресла. — И вообще у вас обоих вид какой-то потрепанный. Опять что-то случилось? Карина упомянула про фейерверк на Арене…

— Дза в холле Арены искрить и истерить начала прямо посреди толпы, — кисло скривился Кирис. — Молнии веером, волюты стаями, у народа полные штаны, удовольствие по полной программе. Фучи ее успокаивала, вот и спалила тряпки по ходу. Да обычная хрень, просто сейчас с Дза случилась, а не с Фучи, как раньше.

— Что только молодежь не придумает, чтобы контрольную прогулять! — ехидно прокомментировал Павел. — Кир, если думаешь, что я забыл…

— А я чё могу сделать? — Кирис набычился. — Меня сюда ректор позвала, между прочим.

— Я заметил. А потому я заранее взял на себя труд отправить дэю Бальтазару Станце уведомление о необходимости переноса времени контрольной по не зависящим от тебя обстоятельствам. И он даже согласился, что обстоятельства разные случаются, и переслал мне тесты. Вот прямо здесь и сейчас сядешь за терминал и займешься решением задачек. Или намерен у Дзии освобождение по медицинским показаниям попросить? Ну, там волюта за нос укусила…

— В норме я! — Кирис возмущенно повел плечами. — Можно

подумать, я волют раньше не гонял! Я вообще без тебя могу, и в учебник подглядывать не стану.

— В кои-то веки я еще смогу в настоящем королевском дворце поболтаться! — усмехнулся ставриец, машинальным жестом проводя ладонью по конскому хвосту на затылке. — Все, девочки, топайте отсюда, не мешайте настоящему мужику сражаться с рычагами и конденсаторами. Наберет меньше полтинника — поездку отменю, дипломатическая она миссия или нет.

— Конденсаторами? — Таня удивленно подняла бровь. — Электротехника же вроде как в десятом классе? Кир, напомни, тебе сколько — четырнадцать лет?

— Через пять декад пятнадцать исполнится, — Кирис гордо вскинул подбородок.

— Старичок, на пенсию пора. И все же — ты сейчас в девятом, не в десятом? Или в подготовительном колледже программы не такие, как у нас в школах? Касуми?

— Больше естественнонаучных предметов за счет общих, программа более плотная, — пояснил куратор Кириса, переходя на камиссу. — Азы электротехники им уже дают. Ну все, Танюш, выметайся отсюда вместе с Фучи, а то он еще сбежит от страха.

Слово "выметайся" Фуоко раньше не слышала, но из контекста смысл поняла. Сделав зарубку на память, она вышла в огромный пустой холл вместе с Таней, оставив Кириса наедине с Павлом и зловредной контрольной.

— Вот такие дела, Фучи, — тяжело вздохнула Таня. — Жалко Юно, просто в голос реветь хочется. Я его в Ставрии не больше пары раз встречала, но здесь он часто с нашими в компании тусовался. Песни так душевно под гитару пел на пару с Ольгой — знаешь ее? Ольга Маре? На физфаке училась, на направлении биофизики, теперь на экзобиологию перешла. Юно еще и фехтованию народ немного учил, и меня тоже тренировал. Мы думали, он в Кайнане пропал без вести, а тут такая история…

Она подозрительно шмыгнула носом, но тут же тряхнула головой и решительно расправила плечи.

— Не время нюни распускать, — заявила она, направляясь к выходу и стуча каблучками туфель по твердому блестящему паркету. — Фучи, а что у тебя за связи с бандитами, что они тебя на переговоры требуют? Ты как-то ни разу не рассказывала о своих приключениях.

Таня бросила взгляд через плечо на покрытую сеткой красных шрамов голову Фуоко и быстро отвернулась.

— Впрочем, не хочешь — не говори, — сказала она. — Неприятно, наверное, такое вспоминать. И Дзии с координатором

упорно молчат — наверное, есть причина. Забудь, в общем, просто дурацкое любопытство.

— Таня…

— А?

После паузы куратор остановилась и повернулась к замершей на месте Фуоко.

— Таня, а ты меня не боишься?

— Чего? — от изумления молодая женщина перешла на камиссу. — Ты с какого дуба рухнула?.. Тьфу ты! Я имею в виду, почему ты так решила? — она снова переключилась на кваре.

— Ну… — Фуоко медленно подняла руку, задрала рукав юкаты и пустила по предплечью волну мелких потрескивающих искр. — Я ведь уже не человек. И зомби вдобавок — недавно Дзии установил, что у меня головной мозг мертв. Граната рядом с лицом взорвалась, — она дотронулась до левого виска.

— Ну вот только твоих ужасов мне сейчас не хватало! — сердито сказала Таня. Ее голос глох в огромной пустоте холла. — Фучи, не выдумывай. Являлась бы ты опасной для окружающих, тебе бы не позволили свободно расхаживать. А раз госпожа Карина и паладарские небы позволяют, значит, не опасна. И потом, не знаю, что там у тебя мертво, но для меня ты вполне живой выглядишь.

— Карина так же говорит, — криво усмехнулась девушка. — А я сегодня Дзару успокаивала. Из нее молнии хлестали во все стороны, Ольге Маре — она рядом стояла — так бок обожгло, что ее дрон в госпиталь увез. А мне хоть бы хны, только одежда опять сгорела. Таня, разве может человек электричество не чувствовать, как я?

— А разве может человек по воздуху летать, как птица? — саркастически осведомилась Таня. — Однако же летает, пусть и не сам по себе, а в самолете. У тебя внутри энергоплазма, даже я знаю, вот она ток и блокирует. Ты-то что нервничаешь? Кстати, Фучи, ты сейчас куда-то на люди планируешь?

— А? — неожиданная смена темы полностью сбила Фуоко с толку. — Ну… я к Дзаре хотела зайти, посмотреть, как она там.

— Тогда стой смирно.

Таня шагнула к Фуоко, развязала пояс ее юкаты, одернула и как следует запахнула халат и снова завязала пояс.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно констатировала она. — А то знаешь, когда титьки из одежды вываливаются, а подол едва срам прикрывает, ты выглядишь куда неприличнее, чем совсем голой. И лучше сначала домой забеги и вымойся, ты вся в золе перепачкана. Кстати, классный халатик. Мне нравится.

Фуоко посмотрела на свою юкату, словно в первый раз. А

ведь действительно! Тонкий красный шелк с вышитыми золотыми драконами выглядел страшно дорогим на вид, и такой искусный покрой… Что там Риса упоминала про королевский подарок? Ей до смерти захотелось взглянуть на себя в зеркало.

— Хочешь, подарю? — спросила она. — Здесь мне его все равно никуда не надеть, а дома у меня не хуже есть.

— Даже если бы кураторам не было строго-настрого запрещено принимать подарки от подопечных, — назидательно сказала Таня, — я бы все равно не стала снимать с тебя последнюю рубашку, погорелица ты наша. Просто факт констатирую. Попробовать, что ли, у нас на торговой улице пошарить, вдруг похожий найду на вешалке или хотя бы в каталоге?.. Ну, хватит торчать столбом. У меня дела, а тебе действительно стоит к Дзаре зайти, раз ты с ней так близка.

Уже на широком каменном крыльце, возле терминала вызова дрона, Фуоко сказала:

— Таня, ты не думай, я не скрываю — про Шансиму, Анъями и все такое. Просто… ну, действительно, неприятно вспоминать. Скажи координатору, пусть он тебе сам расскажет.

— Уверена? Ладно, спрошу. Ты не едешь? — Таня кивнула на закончивший формироваться транспорт.

— Нет. Прогуляюсь пешком немного, чтобы нервы в порядок привести. Если что, я дрона и так могу вызвать, через нее, — Фуоко кивнула на Зорру. — У нас с Киром всегда поблизости парочка болтается, только на глаза не суется.

— Как знаешь. Пока.

Оставшись в одиночестве посреди гнетущей тишины, Фуоко закинула голову и посмотрела в небо, напрягая незрячий глаз. Ночной мир растворил в себе реальность, заплясал сполохами и квантами пламени, заиграл бликами на боках радужных абстрактных фигур. Мама-роза по-прежнему мирно дремала в оранжерее далеко за горизонтом, грезя о грядущем расцветании, присутствие призрачных братьев и сестер почти не ощущалось, и вообще недавнее происшествие с волютами на ней, похоже, никак не отразилось. Потом ночной мир сам по себе пропал, и перед Фуоко открылось черное звездное небо с пылающим комком солнца на краю. Затаив дыхание, она несколько секунд всматривалась в знакомые по картинкам созвездия, после чего с сожалением отогнала картину и вернулась в реальный мир. Не время для развлечений, а эксперименты нужно проводить под наблюдением и в дальней лаборатории. Напоследок перед слепым глазом мелькнул замок на скале, но удержать его девушка не смогла. Ну и ладно, успеется еще.

Она сошла с крыльца и пошла через древнюю площадь,

вымощенную брусчаткой. Зорра деловито семенила позади. Поднимающееся к зениту солнце припекало голые ноги и едва покрытую короткими волосами голову. Наверное, стоит все-таки вызвать дрона, чтобы не жариться. Таня права: первым делом домой, отмываться, да и переодеться надо во что-то более удобное (может, все-таки начать носить несгорайку? ох, скользко и противно, ну ее нафиг…) А потом нужно сбегать проведать Дзару — и заодно совместить приятное с полезным и пообедать в лапшичной Дзидзи: в животе снова началось голодное посасывание. А еще на сегодня нужно обмозговать, как приспособить их с Кирисом телепатическую связь для подачи сигналов на Арене.

— Зорра, — скомандовала она, — идем пешком полцулы, потом вызывай транспорт. И только попробуй заявить, что забыла, как в прошлый раз!

Вечер того же дня. Хёнкон

— …можно указать, что большинство изменений в метаболизме прямо или косвенно зависит от изменения доступности субстратов на третьей и четвертой стадиях, — повинуясь движению руки Кулау Цмирка, часть схемы на экране мигнула красным. — Колебания концентрации субстратов в крови, обусловленные изменением их содержания в поступающей пище, могут влиять на скорость секреции гормонов, что, в свою очередь, вызывает изменение относительных скоростей различных путей метаболизма. Зачастую это осуществляется путем влияния на активность ключевых ферментов, что компенсирует изменения в доступности субстрата. Среди механизмов, регулирующих активность ферментов в углеводном обмене, можно выделить пять основных групп, наиболее важными из которых являются изменения в скоростях биосинтеза ферментов и собственно активности ферментов в результате ковалентной модификации.

Декан факультета экзобиологии сделал паузу и прошелся из одного угла аудитории в другой, давая студентам как следует рассмотреть схему на мониторах своих терминалов.

— Только что рассказанное хорошо изучено классической паллийской биологией, — продолжил он. — Я не стану сейчас вдаваться в детали: что именно прочитать в учебнике, я уже отметил. Однако есть кое-что, в ваших учебниках не описанное. Исследования, проведенные Дзии в течение последних двух сезонов совместно с медиками разных стран, однозначно выявили еще один механизм регулировки активности ферментов, ранее не существовавший. Он напрямую связан с заражением человеческих тел энергоплазмой, в последнее время приобретающим характер пандемии. Мы пока не понимаем, каким образом это происходит, но связь между определенными шаблонами поведения энергоплазмы и активностью ферментов установлена совершенно точно. В частности, доказано, что энергоплазменные структуры в человеческом теле в состоянии целенаправленно инициировать перестройку нервных тканей. Поскольку меняющимся тканям необходимо гораздо больше субстратов, чем нормально ведущим себя, энергоплазма также провоцирует резкое ускорение пищеварительных процессов за счет повышения активности ферментов в желудочно-кишечном тракте. Двое находящихся здесь…

Паладар обвел аудиторию взглядом.

— Даже трое — знакомы с внезапными приступами острого

голода даже после весьма плотного обеда. Такое состояние означает активизацию энергоплазмы и связанных с ней физиологических процессов. На всякий случай предупреждаю всех: если приступ случился с вами, немедленно вызывайте Дзии любым доступным способом. Не пытайтесь бороться с ним самостоятельно. Нами разработан специальный пищевой концентрат, содержащий все необходимое для поддержания организма, он предоставляется нуждающимся бесплатно и в любых количествах. Ну, а если паладары вдруг окажутся не в состоянии достичь вас вовремя, в первую очередь старайтесь съесть побольше сладкого, поскольку такое состояние провоцирует быстрое развитие гипогликемии. Вопросы?

— Господин Кулау! — немедленно поднял руку Михаил Збышек. — Рассуждая об энергоплазме, вы сказали "целенаправленно изменять". Но цели есть лишь у разумных существ. Вы хотите сказать, что энергоплазма разумна?

— Паладары по-прежнему не имеют однозначного мнения на данный счет, — развел руками Кулау. — Термин "целенаправленно" в данном случае означает многократно отслеженную идентичную активность, приводящую к одним и тем же результатам. Является ли такое поведение разумным? Вовсе не обязательно. Вирус тоже целенаправленно изменяет поведение зараженной клетки, заставляя ее воспроизводить копии своих поликислот, но он, очевидно, не является разумным. Вообще что такое "разум" с вашей точки зрения, господин Збышек? Вы можете дать четкое определение?

Михаил улыбнулся во все двадцать восемь зубов.

— Конечно, господин Кулау, — с готовностью ответил он. — Данный вопрос хорошо проработан в нашей литературе, фантастической и научно-популярной. Разум — способность организованной материи изменять мир вокруг себя. Принципиальную роль здесь играет корректирующая обратная связь за счет сопоставления намерения, действия и результата. Зрелость разума определяется максимальной дальностью прогноза, а также эффективностью обратной связи. Ну… в изначальном определении фигурировала живая материя, но с учетом паладарских небиологических интеллектов я думаю, что "организованная" — более правильный термин.

— Неплохая формулировка, — согласился Кулау. — Однако в таком случае придется признать, что разумом не обладают и некоторые люди. Даже оставляя в стороне личностей, не осознающих связи между немытыми руками и диареей…

По аудитории прокатилась волна смешков.

— …в истории человеческих культур встречалась самая

невероятная, на наш с вами взгляд, неспособность осознавать причинно-следственную связь. Один из наиболее ярких попадавшихся мне примеров — культуры, не понимавшие связь между сексом и беременностью. Кстати, для вас данный факт еще более странен, чем для меня, потому что у вас женщина может забеременеть лишь в результате сознательного усилия.

— А как иначе? — осведомилась на кваре какая-то не знакомая Марте девица на первом ряду.

— В моем мире, например, женский маточный сфинктер не регулируется сознательным усилием воли и постоянно проницаем для сперматозоидов. На Палле полный овуляционный цикл… Хм, чтобы не вдаваться в детали, объясню так: у паллийских женщин яичник один, является неразрывным целым с маткой, а созревшая яйцеклетка по Галлиевому проходу транспортируется в центральную полость матки, где и происходит оплодотворение — при условии, что женщина позволит мужской сперме проникнуть внутрь. А если не позволит, то яйцеклетка погибает, рассасывается и заменяется новой незаметно для женщины. На моей Текире у женщин яичника два, они отделены от матки, транспортировка яйцеклетки в центральную полость, а также ее оплодотворение происходит в маточных трубах, непосредственно открывающихся в брюшную полость. Неоплодотворенная яйцеклетка также погибает, но не рассасывается, а выбрасывается наружу через влагалище вместе с сопутствующими тканями. Такой способ функционирования полового механизма доставляет женщинам много проблем, а также имеет массу самых разных последствий, от чисто медицинских до социальных…

Марту внутренне передернуло. Открытые маточные трубы? Выбрасывается через влагалище? Как вообще такой странный механизм мог сложиться в ходе естественной эволюции? Несчастные текирские женщины…

— Однако наша нынешняя лекция относится не к экзоантропологии, — продолжал паладар, — а к банальной физиологии паллийского человека, так что углубляться в тему не стану. Материалы в библиотеке есть, желающие могут прочитать их самостоятельно или же дождаться соответствующих курсов. Замечу только, что не осознать связь между сексом и деторождением в культурах типа нашей чрезвычайно проблематично, однако же такие примеры примитивных племен известны.

— Вы, наверное, о совсем уж дикарях говорите, — заметил Михаил. — В культуре с развитой медициной такое невозможно.

— О дикарях, да, — согласился паладар. — Однако же они

строили примитивные дома, изготавливали простое оружие и даже умели рисовать, что само по себе говорит о высоком уровне развития абстрактного мышления. Иными словами, в остальном они являлись вполне разумными, но определенные логические связи не видели в упор. Противоположный пример: волки, примерно одинаковые на Текире и Палле, отлично умеют организовывать загонную охоту, что указывает на способность просчитывать достаточно отдаленные последствия своих действий. Однако же назвать их разумными я лично не могу. Домашние собаки иногда демонстрируют смекалку и умение делать выводы на уровне трех-четырехлетнего ребенка, вороны и крысы от них не отстают, а кое-где и превосходят, а уж каков уровень групповой координации демонстрируют пчелы и термиты… Но все они неразумны в общепринятом смысле слова. Отсюда и следует вопрос: что именно понимать под разумом?

— И какой же ответ дают паладары? — поинтересовалась Марта.

— Никакого. Мы предпочитаем не рисовать сферических коров в вакууме, а рассматривать каждый случай индивидуально. Дело в том, что в области философии любое определение заведомо неверно. Всегда можно найти нечто, конкретный пример, в него не укладывающийся. Плюс к тому строгие определения приводят к закоснелости и негибкости мышления, так что мы предпочитаем не вводить их без острой необходимости.

— А как же классы разумности небов? — спросила Марта, вспомнив удивительную лису Маюми. — Я тут познакомилась с… с одной такой. Она сказала, что у нее третий класс. А у парсов и прочих личных спутников, я слышала, первый или второй уровень.

— Вот класс разумности как раз и отражает способность делать долгосрочные прогнозы, здесь наша теория находится в соответствии с вашей. Если объяснять на пальцах, первый класс — трех-четырехлетний ребенок или умная собака, то есть сообразительность уже есть, но самосознание еще отсутствует. Второй — ребенок в возрасте до начала полового созревания, то есть постепенно развивающееся самосознание и понимание логических связей окружающего мира. Третий и четвертый уровни — полноценное самосознание, пятый и выше — специализированные классы для решения определенных задач, уровень определяется в основном подключенными вычислительными мощностями. Есть еще внутренние градации, сейчас неважные. Однако должен заметить, что небиологический интеллект рождается, развивается и функционирует по

совершенно иным законам, нежели биологический, к нему применим строгий математический аппарат. Если мы вернемся к изначальному вопросу про разумность энергоплазмы, то данный аппарат к ее действиям не подходит.

— И все-таки — волюты разумны или нет? — хмуро спросил Юрий, сидящий по правую руку от Марты. Девушка с тревогой глянула на него: после утреннего происшествия в холле Арены он выглядел подавленным и мрачным. Неужели он все-таки втюрился в Олю и сейчас переживает за нее? Невзрачная, плоскогрудая, некрасивая — что у нее есть за душой, кроме шикарного голоса да отлично варящих, надо признать, мозгов? Неужели их достаточно, чтобы захомутать мужика, да еще такого видного, как Юрка? Да что он, в конце концов, напрягся так? Сказала же Дзии — простой ожог, ничего страшного, через пару недель и следов не останется!..

— Сложный вопрос, господин Вещий. Очень сложный. Как я уже сказал, у нас нет сложившегося мнения на сей счет. С одной стороны, те же волюты зачастую демонстрируют весьма осмысленное поведение. С другой — иногда они ведут себя в точности, как большие рыбьи косяки или птичьи стаи, что для разумных существ практически невероятно. Если же подняться на уровень выше, то в рамках вашей солнечной системы энергоплазменные образования и области меняющейся аномальности формируют сложные конгломераты, ведущие себя как один большой живой организм. Добиться от него осознанной реакции нам не удалось ни разу, а вот нечто, напоминающие инстинктивные и даже рефлекторные реакции высших животных, мы наблюдали неоднократно. Безусловно, Арасиномэ — если рассматривать его в комплексе, не только как Красную Звезду — представляет собой энергетическую форму жизни. Но является он одним организмом, колонией или же чем-то промежуточным, а также обладает ли самосознанием в хоть каком-то виде, групповым или индивидуальным, для нас пока вопрос открытый. Могу лишь повториться: энергоплазменные структуры целенаправленно меняют зараженные человеческие организмы, но как разумный экспериментатор или же как вирус, нам пока неясно.

— Господин Кулау, а можно вопрос, раз уж речь зашла? — спросил на камиссе какой-то незнакомый Марте очкастый студент.

— Вообще-то у нас лекция, — напомнил паладар. — Что за вопрос? Только коротко.

— Насколько я понимаю, люди на вашей родной планете очень похожи на паллийцев, пусть и отличаются в деталях. И вы

только что упомянули волков. Получается, многие формы биологической жизни похожи на разных планетах? Но как такое возможно? Вероятность подобного совпадения при параллельном независимом развитии, особенно для высших животных, нулевая. То есть жизнь распространилась по разным планетам из какого-то одного источника? А из какого? И как?

— Хм… — Паладар перестал расхаживать из угла в угол и внимательно посмотрел на юношу. — Что же вам ответить…

Во вставленной в ухе пуговице автоматического переводчика прозвучали мягкие аккорды, и на экране терминала Марты поверх графиков и схем замигал сигнал окончания занятия.

— Что же вам ответить… — все так же задумчиво повторил паладар. — Знаете, давайте до следующего раза оставим. Лекция окончена, домашнее задание вы видите на своих терминалах. К следующему разу просьба всё прочитать и как следует осознать: материал важный, потребуется для понимания дальнейшего изложения. До свидания.

Он коротко поклонился и вышел из аудитории. Студенты зашевелились и зашумели.

— Что за… — удивленно пробормотал Михаил. Марта через проход глянула в его терминал, но тут же вернулась к своему: посреди экрана загорелся такой же значок срочного уведомления. Краем глаза она заметила, что у Юрия с другой стороны случилось то же самое. Девушка ткнула в значок пальцем, и на экране всплыл текст.

"Уважаемая Марта Брыль!" — гласил он. — "Администрация университета "Дайгака" в очередной раз приносит свои извинения за срыв премиальной экскурсии в Шансиму 08–10.23.1232 и ставит в известность, что она будет повторена в ближайшие длинные выходные. Программа и состав участников прежние. Сбор участников на главном пассажирском пирсе завтра, 08.29.1232, в 17:40. Ваш куратор уведомлен, ваше отсутствие на занятиях 09.29.1232 согласовано. Если ваши планы на ближайшие дни не позволяют принять участие, просьба уведомить заранее. Координатор".

— Вам тоже пришло? Они что, трёхнулись? — в пространство спросил Михаил. — У меня вообще-то планы на выходные имелись. Мы с ребятами в дециноt на рыбалку собирались на дальнее побережье, даже транспорт уже заказали.

— Ну, мало ли, что у них случилось, — Марта пожала плечами. — Юрка, у тебя тоже?..

— Хрень какая-то… — пробормотал Юрий. — Как они Ольгу туда тащить собираются? На ней же лица не было, когда ее в госпиталь увозили.

— Ольгу? — переспросил Михаил, протискиваясь между столами и подходя к нему. Марта погасила свое рабочее пространство, убрала дисплей терминала в крышку стола и тоже заглянула в дисплей товарища.

"Примечание. Состояние здоровья госпожи Маре удовлетворительное, препятствий к ее участию в экскурсии нет. Дзии намерен отпустить ее домой сегодня вечером", — гласила приписка.

— Мысли они читают, что ли? — пробормотал Юрий. — Так, народ, я в больницу, посмотрю, что с ней. Сегодня меня не ждите.

Он быстро сбежал по ступеням прохода к преподавательской кафедре и вышел из аудитории.

— Он в нее втюрился, что ли? — удивленно поинтересовалась Марта. — Что он так за ней бегает?

— А? — вытаращился на нее Михаил. — Татка, ты что, не в курсе? Они же давно друг с другом спят. Друзья детства, типа, вместе школу заканчивали, вместе в Университет прорвались. Пожениться намереваются, как закончат.

— Не в курсе… — Марта почувствовала, что ее щеки теплеют. Она мало интересовалась слухами. В компании земляков она чувствовала себя уютно, но никогда не интересовалась их отношениями. Одно дело — красоваться перед парнями, с удовольствием ловя на себе их страстные взгляды, и совсем другое — лезть в чужую жизнь. "Не суй свой нос куда не просят и не разноси слухи!", прорезался в памяти ворчливый голос матери. Мать-одиночка, она всю жизнь страдала от шепотков соседей и сослуживцев и тихой ненавистью ненавидела любителей перемывать чужие косточки. Дома Марта едва сдерживалась, чтобы не устраивать скандалы по поводу бесконечных родительских нотаций, но, вырвавшись из-под ее опеки, обнаружила, что ведет себя в точности так, как заповедано. И менять ничего не хочется…

— Ну, теперь, значит, знаешь, — приятель пожал плечами. — Хорошо, что наше время на Арене в унот, как раз вернуться успеем. Ну что, ты куда? Я на пляж намеревался, солнце сейчас в самый раз, чтобы загорать, но не сгореть. Айда со мной?

— Не знаю, — Марта с сомнением посмотрела на него. Неплохо конечно бы, но… — Домашки много, читать — не перечитать. И мини-конспект для куратора сделать надо к дециноту. Насчет лекций координатор, может, и согласовал, а вот насчет конспекта — вряд ли. Значит, сегодня сделать нужно.

— Ну, борись, — Михаил ухмыльнулся и хлопнул ее по плечу. — Пока…

— Господин Збышек, госпожа Брыль! — раздался звонкий

голосок откуда-то из под ног. Марта даже чуть подпрыгнула от неожиданности. В проходе сидела, повиливая тонким хвостом, невозможно длинная такса со свисающими до пола ушами. Микродрон? Чей-то спутник? — Сообщение, сообщение, сообщение!

— Какое еще сообщение? — пораженно переспросил Михаил. — Ты кто такой?

— Вестник, гав! — важно сообщила такса, переводя взгляд с Марты на Михаила и обратно. — Срочное сообщение!

Немногие из оставшихся в аудитории студентов, проходя мимо, с любопытством посматривали на говорящую собаку, но особо на ней не сосредотачивались: спутники-микродроны, хотя и не слишком многочисленные, уже примелькались. В качестве вестников их Марта еще не видела, но почему бы и нет? Все веселее, чем скучное почтовое сообщение.

— И от кого же? — поинтересовался Михаил, присаживаясь на корточки и с любопытством дотрагиваясь пальцем до таксы. Девушка подавила улыбку: красавец-парень, девки заглядываются, умница, каких поискать (как, впрочем, и все студенты Университета), но все равно ведет себя как мальчишка.

— Дзии зовет! Дзии зовет! — протараторила такса. — Медицинские проблемы, нужно срочно, срочно, срочно обсудить! Бегите за мной, скорее, скорее!

Собака вскочила (вопреки ожиданиям, ее туловище отнюдь не прогибалось посередине и не волочилось по полу) и шустро засеменила к выходу.

— Чокнутая какая-то псина, — резюмировал Михаил, поднимаясь. — Ну что, Татка, пошли?

— Ну, пошли, — девушка пожала плечами и последовала за странным провожатым. — Не отказываться же, раз Дзии…

— Как рука? — спросил Михаил, шагая рядом по коридору.

Марта посмотрела на предплечье, где сидела, почти незаметная, нашлепка пластыря телесного цвета, осторожно ее потрогала.

— Да в норме, в принципе. Чуток кожу стягивает, а так вообще не чувствуется. Дзии сказала, вечером уже снять можно. Да меня же почти не обожгло, я дома кипятком из-под крана сильнее обваривалась.

— Значит, не из-за ожога, — резюмировал товарищ. — Интересно, кстати, а меня-то зачем с тобой на пару?

— А может, наоборот, меня с тобой на пару? — ехидно поинтересовалась Марта. — Нашли у тебя, типа, в анализах какую-нибудь гадость от любовных подвигов и теперь лечить собираются. А меня в твоей компании видели, вот и решили, что

от тебя могла что-нибудь подцепить.

— Обидно выйдет, — согласился Михаил, ехидно ухмыляясь. — Тем более обидно, что у нас с тобой до самого интересного хоть и чуть-чуть, а не дошло. Надо исправить побыстрее, чтобы не зря подозревали.

— Щас, жди! — фыркнула Марта, дробно забарабанив сандалиями вниз по лестнице. — Еще предложи прямо здесь, на людях.

— А что, в принципе… — парень задумчиво поскреб подбородок, широко шагая через ступеньку. — Говорят, некоторых возбуждает, когда за ними наблюдают. Татка, если ты из таких, скажи прямо, я пойму и, может, даже соглашусь. Но не в коридоре, даже не проси. На голом полу и ступеньках жутко неудобно.

Марта саданула его кулаком в бок и даже почти придумала достойный ответ, но они уже стояли перед дверью медпункта на первом этаже. Такса, перебирая передними лапами по стене, ловко встала на задние, дотянулась до дверной ручки, приоткрыла дверь и исчезла в щели. Марта открыла дверь пошире и вошла внутрь, чувствуя позади присутствие Михаила. Почему-то ее вдруг пробрала нервная дрожь. Одно дело — пикироваться ни о чем, и совсем другое — реальность. Да нет, глупости, конечно. Случись что серьезное, Дзии не стала бы устраивать представление, а прислала бы транспортного дрона и без разговоров утащила в госпиталь, вот как Ольгу утром.

— Господин Збышек, госпожа Маре, добрый вечер, — кивнула незнакомая молодая медсестра за столиком, не вставая. Человек, не дрон, причем урожденная ставрийка, судя по произношению. Она сосредоточенно всматривалась в экран терминала, передвигая по нему какие-то тексты со схемами человеческого тела. — Дзии хочет с вами поговорить по поводу последствий утреннего инцидента, как она сказала. Пройдите, пожалуйста, в боксы — госпожа Брыль в первый, господин Збышек во второй.

Она жестом указала на стену, в которой виднелось несколько плотно закрытых дверей с цифрами. Марта озадаченно глянула на Михаила.

— Так у меня же все в порядке с рукой… — неуверенно сказала она.

— Не ко мне вопрос, — медсестра даже не соизволила повторно оторвать взгляд от экрана. — Меня просто попросили вас позвать. Слюнка, подтверди.

— Рр-гав! — такса, устроившаяся возле стола, согласно кивнула. — Позвать, позвать! Слюнка позвала!

— Молодец! — медсестра, все так же уставившись в экран,

дотянулась до таксы босой ногой и погладила ступней по шерсти. Собаченция вывалила язык и тяжело задышала, полуприкрыв глаза от удовольствия. — А я вообще не врач, меня Людмила Матвеевна попросила временно за медпунктом приглядеть, ей куда-то отлучиться потребовалось. Так-то я студентка на медицинском. Алё, народ, не стойте над душой, думать мешаете.

Хмыкнув (врач — и попросила приглядеть? хотя с учетом Дзии…), Марта подошла к первому боксу и потянула на себя дверь. У нее еще ни разу не появлялось повода зайти в медпункт, а потому от бокса она ожидала чего-то суперсовременного и навороченного: мигающих индикаторов на сложном медицинском оборудовании, загадочных проводов, наборов хромированных инструментов и прочих штук… Вместо того в крохотной комнате лежала прямоугольная тумба длиной в человеческий рост (видимо, стандартная медицинская капсула), да на стене висел экран терминала. На тумбе сидела еще одна незнакомая девчонка лет пятнадцати, золотоволосая и в коротком откровенном платьице, мало скрывавшем довольно развитые формы. Она уперлась руками в гладкую поверхность позади себя и беспечно болтала ногами, глухо стуча по тумбе босыми пятками.

— Привет! — сказала она — хотя и на правильной камиссе, но с какими-то неуловимыми дефектами то ли произношения, то ли грамматики, выдававшими иностранку. — Заходи. И дверь закрой, если не сложно.

— Привет… — недоуменно откликнулась Марта, прикрывая дверь. — Ты кто?

Три черных родинки в форме перевернутого равностороннего треугольника на левой щеки девчонки вдруг бросились ей в глаза. Ой…

— Прошу прощения, госпожа, — быстро поправилась она. — Я… не ожидала увидеть здесь паладара.

— А ты наблюдательная! — весело ухмыльнулась девчонка. — Расслабься и на ты. Терпеть не могу формальную вежливость, сразу старухой себя чувствовать начинаю. Меня зовут Майя.

— Майя… — Марта наморщила лоб. — Майя… посол паладаров в Кайтаре? Я помню первую пресс-конференцию паладаров в Мировом совете в Минкоке. Там… все выглядели иначе.

Общаться на ты с паладаршей, старше ее на фиг знает сколько столетий, казалось неудобным. С другой стороны, сама просит… До прояснения обстановки Марта решила перейти на манеру общения, позволяющую избегать местоимений второго лица.

— Конечно, — согласилась Майя. — Я лично обожаю переодеваться! У меня куча проекций на разные случаи жизни. Вот эта, например, — она вскочила и резво повернулась вокруг себя на одной пятке. — Не поверишь, по крайней мере половина мужиков при одном ее виде начинает таращить глаза, вываливать языки и пускать слюни. Вторая половина умудряется себя контролировать, но так и норовит исподтишка под юбку или за вырез заглянуть. Сплошной кайф наблюдать! Ну ладно, о платьях потом.

Ее веселая и озорная улыбка как-то резко выключилась, и посерьезневшая паладарша плюхнулась обратно на тумбу.

— Садись, — сказала она, хлопнув ладонью рядом с собой. — Есть важный разговор. У тебя ведь кончилась последняя лекция на сегодня? Никуда не торопишься? Минут пятнадцать-двадцать свободных есть?

— Ну, вроде не тороплюсь, — Марта осторожно присела на край тумбы. Та неожиданно просела под ней, потекла, и девушка, дернувшись от неожиданности, утонула в мягком глубоком кресле. Капсула под Майей тоже просела и сформировала небольшой сиденье.

— Отлично. Сейчас я тебе небольшой фильм покажу, но сначала скажи — что ты знаешь о топологии? Как математической дисциплине?

— Ну… — сбитая с толку Марта наморщила лоб. — У нас во втором семестре в рамках общей математики теорию множеств преподавать начали, но не очень подробно, в общих чертах. Я же на экзобиологии учусь, у нас основные предметы другие.

— Я в курсе вашей программы обучения, но мне интересно, что у тебя в голове. В смысле — нужно мне с нуля все объяснять, или же ты что-то помнишь. Что такое базис пространства, знаешь?

— Э-э… Набор векторов, позволяющих построить любой другой вектор в пространстве?

— Точно. Для обычного трехмерного пространства вектор определяется тремя координатами: высота, длина, ширина, если в бытовых терминах. Векторы, составляющие базис, соответственно, имеют единичную длину по одному из направлений и нулевую по всем остальным. Так?

— Да.

— А теперь вопрос посложнее: что такое метрика?

Марта задумалась. Неожиданный экзамен по высшей математике заставлял ее нервничать еще сильнее. И потом, неужто для него не нашлось более подходящего места, чем бокс в медпункте? И почему вообще паладарша, не имеющая отношения

к преподаванию, его устроила? Метрика ассоциировалась то ли со свидетельством о рождении, то ли со школьным аттестатом, и, сдавшись, девушка молча пожала плечами.

— Понятно. Ну, если грубо, то метрика — способ определить расстояние между двумя точками пространства. Для трехмерного пространства ты находишь вектор, их соединяющий, и берешь квадратный корень из суммы квадратов его координат. Иными словами — вычисляешь длину прямого отрезка, соединяющего точки. Это один из примеров метрики. Но есть и другие: например, расстояние на поверхности сферы — длина дуги, соединяющей точки, и она вычисляется уже на основании модуля радиуса сферы и углов между радиусами, соединяющими точки с центром сферы. Поскольку сфера с заданным радиусом — двумерный объект, ее базис состоит только из двух углов. Еще вариант — трехмерная метрика, в которой окрестность заданного радиуса выглядит не как шар, а как куб. Эти примеры основаны на свойствах мира, каким его воспринимают человеческие органы чувств. Но в топологии можно строить и другие модели, к трехмерной реальности вообще не привязанные, и там могут применяться произвольные метрики, даже самые фантастические. Кроме того, мы можем преобразовать пространство из одной метрики в другую — например, есть функция, проецирующая сферу на плоскость, как делается с географическими картами. Алё, ты все еще меня понимаешь?

Златовласая Майя взяла Марту за подбородок и повернула ее лицо к себе. На Марту пахнуло тонким мускусным ароматом незнакомых духов.

— Глаза пока осмысленные, — констатировала паладарша, отпуская подбородок. — Не волнуйся, я уже закончила с теорией. Теперь смотрим кино.

Она щелкнула пальцами в воздухе, и экран терминала на стене зажегся. На нем возникла застывшая картинка: две девочки, группа парней и девушек постарше, пара шестиногих парсов, енот, лиса…

— Ты видишь реконструкцию, построенную по данным из нескольких источников. За холлом специально наблюдение не ведется, так что пришлось восстанавливать по видеопотоку от микродронов, а также по данным бесконтактных сенсоров управления экранами. Качество не очень, но главное видно. Поехали.

Картинка задвигалась, и Марта с интересом в нее вгляделась. Вот Фуоко Винтаре что-то неслышно говорит (а фигурой она, как ни обидно признавать, Марте мало уступает, даром что на пару лет младше), вот Дзара восторженно подскакивает на месте, вот с

ее рук вдруг начинают хлестать молнии, и в холле бушует настоящая электрическая буря, а словно взбесившиеся микродроны начинают бросаться на людей, отпихивая их в сторону… Марта машинально потерла ребра в том месте, куда пришлись удары сильных задних лап нахальной лисы. Местами картинка темнела, изображение пропадало, потом появлялось снова. Потом молнии пропали, Дзару поглотил дрон, и картинка замерла. Заметив застывшие у края экрана цифры секундомера, девушка с удивлением осознала, что все произошедшее заняло меньше полуминуты.

— Вот так оно выглядело для человека, — прокомментировала Майя. — А теперь смотрим еще раз и в немного дополненном виде.

Картинка задвигалась снова, на сей раз сонно и лениво. Ничего особенного Марта не видела — пока изображение не замерло неподвижно.

— Ну и как тебе? — поинтересовалась паладарша.

Марта непонимающе смотрела на толстый извивающийся канат молнии, вонзающийся ей, лежащей на полу, в грудь, шею и голову несколькими изогнутыми отростками. И на другой, втыкающийся в пол рядом с опирающейся на локоть Ольгой: две длинных искры впиваются подруге в висок и куда-то чуть ниже уха, а третий — в бок, в том самом месте, где образовался ожог и сгорела майка. Противоположные концы электрических жгутов уходили в спину и затылок Фуоко.

— Забавно, верно? — после паузы констатировала Майя. — Ни на какие мысли не наводит?

— Не понимаю… — пробормотала Марта. — Почему?.. Я хочу сказать, меня, получается, током шарахнуло, а я даже не заметила. И Оля… У нее одежду прожгло, на боку ожог, но голова-то цела! Как такое могло случиться?

— Если ждешь точного ответа, то разочарую: мы не знаем точно. Но у нас есть гипотезы. Давай-ка я еще несколько реконструкций покажу.

Неподвижные картинки на экране принялись быстро меняться. Вот молния поражает какого-то незнакомого парня прямо в глаз, а другая — стоящую неподалеку девушку в живот (на ее тонкой белой блузке видно расползающееся обугленное пятно). Вот еще одна вонзается в шею Миши. Вот электрический разряд обтекает руку еще какого-то парня, как искрящаяся перчатка. Вот еще одна абсолютно незнакомая девочка лет семи-восьми лежит на животе на песке возле набегающих волн, а молниевый канат, возникающий прямо из воздуха, втыкается ей в позвоночник чуть повыше ягодиц…

— Всего в холле Арены зафиксировано сто тридцать семь разрядов, имеющих источником то ли Дзару Мэйдо, то ли Фуоко Винтаре, в такой ситуации толком не разобрать. Шесть из них задели людей в холле, включая тебя и твою подругу, остальные просто таяли в воздухе, но как минимум одна поразила ребенка в трех цулах от Арены — момент контакта случайно зафиксирован микродроном-спутником одного из студентов на Пиратском пляже. Никто, кроме Ольги, не пострадал, если не считать поврежденной одежды.

Майя поерзала на своем сиденье, подсунув под себя одну ногу.

— Вот такие дела, моя милая, — резюмировала она. — Единственная гипотеза, у нас имеющаяся — что молнии на самом деле представляют собой внешние проявления каналов связи между сгустками энергоплазмы в ваших телах. Вот картина заполнения энергоплазмой тела Ольги, построенная по результатам вашей утренней игры на Арене. Видно, что энергоплазма плотно заполняет ее грудную клетку повсюду, за исключением левой стороны — как раз той, где она получила ожог. Черепная коробка тоже заполнена плотно, без просветов — и молнии не причинили ей никакого ущерба. Вот твое тело…

Марта увидела на экране себя: кожные и мускульные покровы тут же растаяли, и на фоне внутренних органов появились медленно пульсирующие серые комки. Почему-то они напомнили девушке отвратительных слизней, пожирающих внутренности, и она с трудом удержала приступ тошноты.

— Тоже, как видишь, энергоплазма сконцентрировала в местах, куда попали молнии.

Минуту Марта молча разглядывала изображение.

— Когда я сюда приехала полгода назад, Дзии упомянула, что во мне сидит эта гадость, — наконец сказала она. — Но я не знала, что ее столько…

— Тогда ее было гораздо меньше. Смотри…

Картина тела уменьшилась и сдвинулась в сторону, а рядом проявилась еще одна. Действительно, комки энергоплазмы в прежнем варианте выглядели в несколько раз меньше и концентрировались в основном внутри головы. Внутри грудной клетки сидела лишь небольшая прослойка между сердцем и позвоночником.

— Пугаться не стоит, — голос Майи стал мягким и успокаивающим. — Данный процесс наблюдается по всему миру. Сейчас уже довольно сложно найти людей, вообще не зараженных энергоплазменными структурами, а раз их подцепив, избавиться уже нельзя. И очень у многих они растут. Пока что мы не видим

вредных последствий, так бояться нечего.

— И именно для изучения таких процессов вы и построили Арену… — пробормотала Марта. — Вы ведь исследуете энергоплазму таким образом, верно?

— Абсолютно верно. И ты, как и любой игрок на Арене, дала согласие на использование полученных результатов наблюдений в научных и медицинских целях.

— Я помню. Я же не протестую…

— Можешь протестовать, если захочешь. Отозвать свое согласие, правда, вместе с допуском на Арену, можно в любой момент. Но сейчас я о другом. Я ведь не просто так тебе про метрику рассказала. Смотри еще раз.

На экране опять возникла синяя молния, изгибающаяся от Фуоко к Марте причудливыми петлями. Отдельные ее участки вдруг поблекли и стали почти неразличимыми, и молния превратилась в странную пунктирную линию из ярких точек, отделенных друг от друга приличным расстоянием — от пары сунов до полуметра. Какое-то время Марта разглядывала ее, пытаясь понять систему, но в конце концов сдалась и вопросительно взглянула на Майю.

— Видишь ли, некоторые молнии на самом деле вовсе не такие, как остальные, — пояснила та. — Точки, что ты видишь — места повышенной аномальности пространства, как за пределами орбит Труффы и Инганно. Точки аномальности существуют лишь микросекунды, но их достаточно, чтобы вызвать к жизни разнообразные спецэффекты, в первую очередь — ионизацию воздуха и его пробой электрическими разрядами. Многие молниевые жгуты и сети — всего лишь внешний эффект от явлений, не доступных человеческому глазу. Смотри дальше…

На экране снова появилась картина холла, пронизанного сетью молний — уходящих в потолок, стены, человеческие тела, гаснущих в воздухе… Из цветной она стала серой и поблекла почти до неразличимости, только молнии остались яркими да выделились человеческие силуэты, светло-серые на почти черном фоне. Потом молнии тоже поблекли и превратились в россыпь белых точек.

— Я выделила точки аномальности, притушив все остальное, — прокомментировала Майя. — А теперь совершаем фокус с проекцией трехмерного пространства на одиннадцатимерное и смотрим на картинку с использованием так называемой третьей метрики. Хоп!

Изображение поплыло, изменяясь. Человеческие силуэты превратились в бесформенные кляксы, схематичные молнии пропали, зато хаотично разбросанные ярко-белые точки

выстроились в десяток совершенно прямых линий, тянущихся в разных направлениях. Одна из них вспыхнула ярким красным светом.

— А теперь обратное преобразование…

Картинка снова поплыла, и кляксы приняли человекообразные очертания. Красная линия сохранилась, однако сейчас выглядела, словно ее тщательно запутывала кошка, играющая с клубком пряжи. А потом силуэты вновь обрели глубину и цвет, и Марта с изумлением увидела, что линия соединяет ее и Кириса, с чьих пальцев как раз срывался целый букет извилистых сияющих хлыстов.

— Забавная связь, верно? — поинтересовалась Майя. — Кирис и ты — обмен информацией напрямую. Если точнее, реконструкция показывает, что подобная связь возникла четыре раза. С Фуоко тебя тоже соединило, но лишь однажды. Тата, честно признайся, что у тебя с этим мальчиком, а? — в голосе паладарши явно прозвучали озорные нотки. — У подружки отбить задумала?

— Да ничего у нас нет! — Марта с трудом подавила порыв вскочить с места, но смущение в голосе скрыть не удалось. — Я вообще с ним никогда не встречалась! И вообще, почему линия от меня к нему идет? Он же не искрит, от него ни одной молнии!

— Электропробой воздуха возникает между ближайшими точками аномальности, не всегда принадлежащими одному каналу. На самом деле видимый молниевый жгут совсем не обязательно соответствует каналам обмена. Что же до "никогда не встречалась"…

Майя снова щелкнула пальцами, и картинка на экране опять сменилась. Марта почувствовала, что в глазах темнеет из-за резкого прилива крови к голове, от которого пылают щеки и в ушах гремят барабаны. Камера показывала ее саму, в беговых шортах и лифчике, прижимающуюся к Кирису грудью и по-хозяйски положившую руку ему на бедро. Потом изображение сменилось — на ней Марта уже стояла голая, готовясь спускаться в море.

— От… — ее голос осекся из-за перехваченного горла.

С трудом справившись со спазмом, она все-таки закончила фразу:

— Откуда… фотографии?..

— О! — Майя закинула голову и звонко рассмеялась. — Видишь ли, у малыша есть спутник, этакий шестиногий черно-белый парс по имени Гатто. А у парса — стадия интенсивного развития психоматрицы, и он любопытен, как малый ребенок. Всюду сует свой нос, узнает новое, а когда не может

интерпретировать сам, бежит спрашивать у старших. Кирис тебя обсуждать отказался, так что Гатто обратился к эксперту в данном вопросе, то есть ко мне. Что такое человеческий секс, он прекрасно знает теоретически, да и практически тоже не раз видел, как Фуоко с Кирисом им занимаются. Но на сей раз его жутко заинтересовало, почему человеческие самец и самка, по косвенным признакам испытывающие взаимное влечение и уже готовые заняться интересной физической активностью, вдруг разошлись в разные стороны. А, милая моя? Ты-то сама ответить сможешь?

Марта чувствовала, что ее лицо уже не просто горит, а полыхает, грозя вот-вот рассыпаться тонким слоем пепла. Тогда, у утреннего моря под лучами восходящего солнца, ей, разгоряченной бегом, нравилось дразнить парня, хотя позже, охладившись в море, она предпочла забыть сцену и не вспоминать про нее. Или нет, не так. Она просто боялась вспоминать, страшась, куда ее могут завести странные полузнакомые эмоции. Мать всегда ворчала, когда она в старших классах гуляла с парнями, подозревая в беспорядочных связях. Разумеется, сама Марта считала себя добропорядочной девушкой и в постель до свадьбы прыгать ни к кому не собиралась, но почему бы и не подразнить слегка и мать, и одноклассников? Да и здесь, в Хёнконе, ей тоже нравилось дразнить парней, благо свободные пляжи и общее отношение паладаров к наготе вполне позволяли. Но Кирис?

Разумеется, она знала об его отношениях с кайтарской девчонкой. Все знали, кто интересовался, хотя сами Кирис с Фуоко специально их не афишировали. На форуме о микродронах над голубками беззлобно подшучивали, благо сами они туда никогда не заходили и обидеться не могли. Да и об их странном особом статусе тоже знали все — всё-таки первые студенты и первые парсовладельцы в Университете. Отбить Кириса у Фуоко? Да она что, сумасшедшая? Но, надо признать, в том эпизоде на утреннем взморье она зашла далеко. Куда дальше, чем позволяла себе с другими парнями, даже с близкими друзьями типа Михаила с Юрием…

— Ну так что, ответишь? — переспросила Майя с озорными нотками в голосе. — Или мне самой попытаться?

— Нет никакого влечения! — ответила Марта, тщательно стараясь контролировать голос и с ужасом чувствуя, что звучит он крайне неубедительно. Она отвела взгляд в сторону и уставилась на закрытую дверь. — Парни на любую девчонку запрыгнуть могут, им только волю дай. А я не такая, между прочим!

— Вот как? — осведомилась паладарша, поблескивая

насмешливой улыбкой. — Слушай, Тата, может, ты еще и девственница?.. Ой, люди, смотрите на нее, смотрите! Неужто я угадала?

Она снова звонко засмеялась и захлопала в ладоши. Марта уже почти вскочила на ноги, чтобы выскочить из бокса и больше никогда, никогда, никогда не возвращаться в место, где пережила такое унижение, но Майя резко оборвала смех и порывисто встала.

— Вот что, милая, — сказала она, серьезнея, — я как-то даже и не ожидала от тебя подобной неопытности. С настолько выдающимися внешними данными — и до сих пор ни одного парня? В Кайтаре ты бы уже пару-тройку попробовала, а на Текире — не один десяток. Да, Суоко рассказывала, что у вас в Ставрии секс считается постыдным — извращенная мораль, типичная для культур с доминирующим монотеизмом патриархального типа. Но я как-то не верила — с кайтарской религией корни схожие, но там нравы куда более свободные. М-да. Дело усложняется… но, в общем, не намного.

Она вплотную придвинулась к Марте и нажала ей на плечи ладонями. Кресло под девушкой поплыло и растаяло, и она обнаружила себя лежащей навзничь, а паладарша склонилась над ней, приблизив лицо, и мускусный запах от нее стал гораздо сильнее. Марта в панике дернулась, но руки золотоволосой паладарши казались каменными.

— Расслабься, — мурлыкнула та. — Карина строго-настрого запретила мне охотиться на территории Университета, так что твоему целомудрию ничего не грозит… пока. Видишь ли, я позвала вас с Михаилом вовсе не для того, чтобы прочитать скучную лекцию о метриках и энергоплазме.

— А что… — плохо повинующимися губами произнесла Марта, чувствуя нарастающее возбуждение. Ее голос звучал незнакомо, словно издалека, из уст другого человека.

— Видишь ли, милая моя, наука требует жертв, и одну такую жертву я хочу попросить тебя принести. Исключительно ради науки, ни для чего более. Смотри сюда.

И настенный экран вновь вспыхнул сеткой пунктирных линий.

07.29.1232. Шансима, Ценгань

— Приближаемся, приближаемся! — прозвучал из скрытых динамиков голос Райники. — Пять минут до прибытия. Просьба приготовиться к сходу на берег и удостовериться, что вы не забыли свои вещи. Яхта сразу же уходит в Хёнкон с пассажирами, забытое получите только дома.

Кирис тихо хмыкнул. В отличие от Фуоко, на сей раз прихватившей целую сумку шмотья (неужто и в самом деле в расчете на то, что гореть начнет?), он ехал в Шансиму с пустыми руками. Риса пообещала, что в случае чего шорты ему найдут, а без остального он перебьется. Да и шорты по стоящей душной погоде нужны лишь для того, чтобы не оскорблять аборигенов в Шансиме своей голой задницей. В крайнем случае можно набедренную повязку соорудить из какого-нибудь полотенца, и все дела. Конечно, он мог взять с собой шорты из негорючей ткани, но на теле они ощущались настолько противно — скользкие и колючие одновременно — что лучше уж без них. Как хорошо в Университете! Обуглил одежду ненароком — смахни сажу и топай домой голышом за новыми трусами. Или дрон вызови, благо браслет негорючий.

— Красиво… — пробормотала Фуоко. Она стояла, вцепившись в ограждение верхней палубы, и восторженно смотрела на берег, где из-за холмов стремительно выдвигались сияющие прожекторами подсветки небоскребы Шансимы. Среди них сверкала огненным хрусталем телебашня: вертикальная конструкция из нескольких шаров, причудливо соединенных трубами. Небоскребы окружала искрящаяся россыпь офисных и жилых зданий поменьше, плавно переходящая в истончающуюся светящуюся пыль окон мелких домишек. Кирис молча признал, что действительно красиво: в прошлый раз его привезли сюда под утро, под светлеющим небом над темным предутренним городом, и таких видов он не наблюдал.

— Ты же уже видела? — поинтересовался он вслух безразличным тоном. — Так понравилось, что ли?

— В прошлый раз я в расстроенных чувствах находилась, мне как-то не до видов было. А сейчас нравится. Кир, после встречи и ужина обязательно пойдем гулять по улицам. И без охраны!

— Чтобы тебя еще раз Анъями утащила? — саркастически осведомился парень.

— Парсы на помощь позовут, если что. Или, думаешь, Арасиномэ взбесится специально для того, чтобы нам снова экскурсию сорвать? Ха! — Фуоко дернула плечом. — Обязательно

пойдем гулять. И сестричку свою в консульстве оставь, чтобы на нервы не действовала.

Кирис бросил косой взгляд туда, где у перил, небрежно облокотившись, расположилась Вара. Она исподтишка наблюдала за своими подопечными, хотя и делала вид, что любуется видами. Вот ведь прилипла, в самом деле! Тоже нашелся персональный телохранитель! По своему обыкновению, сестрица щеголяла в до невозможности узких мини-шортах, самих по себе являвшихся вызовом общественной морали, тонкой майке, завязанной узлом под грудью и обнажавшей брюхо, и тяжелых заклепанных армейских ботинках до середины щиколоток. С одной стороны на ее поясе висела кобура не менее тяжелого на вид пистолета, а на другом бедре болтался чехол длинного боевого ножа. А еще она при посадке подозрительно бережно обращалась со своей дорожной сумкой — уж не гранаты ли там? Да уж, такой уличной налетчицей только детишек пугать. Или товарищей по экскурсии. С другой стороны, со дня их первой встречи она все-таки изменилась, и заметно: толстая ледяная броня обиды и презрения понемногу оттаивала, и хотя характер у нее не улучшился, разговаривать с ней уже стало можно, особенно после совместного приключения в Шансиме и Оокие. А еще лейтенант Каллавиро пришел на пирс вроде бы провожать яхту, но подозрительно много времени отирался вокруг Варуйко, перебрасываясь с ней немногими словами на катару и кваре, знакомыми обоим. Похоже, кайтарский спецназовец ее не только не боялся, но даже и наоборот. Да и Вара не огрызалась на него в своей обычной манере, что для нее являлось эквивалентом высшей благосклонности. Интересно, они уже трахнулись?

— У сестрички приказ, — буркнул он. — Я даже с координатором поругался, он и слышать не хочет об одиночных прогулках. Сируко нас сопровождать не пойдет, но без Вары никуда. Лично регента приказ, между прочим, и не жужжи.

— Плюс пара дронов незаметно по крышам, — печально усмехнулась Фуоко. — К нам же приставили, забыл? Знаешь, Кир, меня дома, в Барне, все время доставала охрана. Я люблю Джиона, он дядька замечательный, но все-таки когда я отца уболтала хотя бы в школу его не пускать, я такой свободной себя чувствовала! И в Университете, думала, сплошная свобода. А вот фиг. Зорра и Гатто — они, конечно, друзья, но и шпионы при том, чуть что — и координатору бегут жаловаться. Теперь еще и дроны, а до кучи — и твоя Варуйко…

— Принцесса! — злорадно фыркнул Кирис. — Кто тебя заставлял в богатой семейке рождаться? Эй, Зорра! Слышала? Тебя хозяйка шпионкой назвала. Укуси ее.

Парса, с королевским видом возлежавшая в одном из шезлонгов, повернула голову и величественно, со вкусом зевнула.

— Фучи плакса! — с презрением заявила она, громко щелкнув зубами. — Самоедка. Укушу — захнычет, слезами промочит. Пусть ругается, на дураков не обижаюсь.

Кирис заржал так, что вздрогнула даже Вара.

— Вот так тебе! — с удовольствием сказал он. — И еще…

Он сосредоточился, внутренним слухом поймал далекую ноту Фуоко и принялся посылать сигналы. Весь алфавит он еще не запомнил и вообще путался в кодах, но кое-что заучил специально. "Д — У — Р — А", отбил он, старательно модулируя про себя гласные.

— От дебила слышу! — вслух отрезала девушка, показала язык и оттолкнулась от перил. — Идем вниз, что ли? Вон, уже пирс виден, народ к выходу готовится.

Толкущиеся на верхней палубе яхты студенты и в самом деле уже сгрудились у спуска в салон, по одному исчезая в узком проеме.

— Погодь…

Кирис отступил на шаг и окинул подругу критическим взглядом. Та подбоченилась, изогнув талию, выпятила бедро, уперлась в него кулаком, закинула вторую руку за голову и вздернула нос.

— Что, хороша? — надменно спросила она.

С учетом планирующегося визита она облачилась в малиновое ципао без рукавов, с подолом до середины бедра и с серебряной вышивкой, идеально облегающее фигуру. За безумные деньги — кажется, за двухмесячную стипендию — его сшили на заказ еще весной (или осенью? запутаешься с этими полушариями!), но на люди его Фуоко не надевала пока ни разу. Золотая с рубином брошка в форме саламандры, подарок отца — первое и единственное украшение, что она надела в Хёнконе — отлично вписывалась в нагрудный рисунок. А еще она, редкий случай, использовала косметику: наложила ненавязчивые тени на веки и чуть подкрасила губы помадой. Выглядела она, словно стриженная под солдата фотомодель из гламурных журналов, и в Кирисе снова всколыхнулось давнее чувство удивления и нереальности. Ну как такая во всех смыслах принцесса может принадлежать ему, нищей уличной крысе, еще год назад отжимавшему кошельки на барнских улицах? Но изумление немедленно ушло, смытое острым уколом в сердце. Короткие, не достигшие еще и полсуна в длину, седые волосы почти не скрывали ярко-розовую сетку тонких шрамов на левом виске, вокруг скулы, на темени. И левый глаз — на вид такой живой и

подвижный, но совершенно слепой, если не считать дурацких видений из ночного мира. И виноват он, Кирис. Именно он не успел прикрыть ее от гранаты. Именно он допустил, чтобы граната вообще взорвалась рядом с ней. Чтоб дхайны вечно глодали внутренности той мрази, Юи Сарагосы!..

— Ну так что, хороша? — на сей раз капризно переспросила Фуоко, плавно поводя бедром. — Эй, ты уснул? Кончай тупо пялиться, скажи что-нибудь!

Повинуясь неожиданному порыву, Кирис шагнул к ней и осторожно обнял, прижав к груди. Чуть помедлив, девушка приникла к нему.

— Дебил ты, Кир, — глухо сказала она. — Шпана уличная. Неудачник. И почему я тебя так люблю, а?

Корпус яхты мягко дрогнул под ногами: работая боковыми водометами, "Рыба-меч" причаливала к пирсу.

— Эй, любовнички! — окликнула их Вара. — Приехали. Давайте вниз в темпе, а то обратно в Хёнкон уедете.

Фуоко отлепилась от Кириса и озадаченно глянула на нее, наморщив лоб.

— Говорит, чтобы вниз шли, — повторил на кваре Кирис. — Ну что, потопали?

— Я первое слово после "эй" не разобрала, — пояснила Фуоко. — Переведи.

— Да фигня всякая, — отмахнулся парень. Ему совершенно не хотелось выяснять, как Фуоко со своим острым языком отреагирует на "любовничков" и в какую женскую перепалку его втянут в качестве переводчика (и хорошо, если только в таковом). — В натуре, пошли быстрее.

Фуоко бросила на Варуйко еще один подозрительный взгляд, но развивать тему не стала и направилась к трапу в салон. Соскочив с шезлонгов, парсы скользнули следом и, обогнав у самой двери, исчезли на лестнице.

В салоне народ толпился у дальнего конца, у сходен, уже выдвинутых и опущенных на пирс. Лишь небольшая компания ставрийцев по-прежнему сидела на двух повернутых друг к другу диванчиках. Ольга привалилась спиной к медведеподобному Юрию, облапившему ее и сомкнувшему пальцы на животе. Михаил и Марта устроились напротив, лицом к корме. Увидев спустившихся Кириса и Фуоко, они оба заметно напряглись. Кирис в очередной раз заметил какой-то странный вызов, смешанный с очевидным смущением, в глазах ставрийской красотки. Да и во взгляде Михаила Збышека, брошенном на Фуоко, различалась странная смесь предвкушения и растерянности. Когда Кирис на ходу подхватил сумку Фуоко с

соседнего сиденья, Марта заметно дернулась и даже открыла рот, но в конечном итоге промолчала. Да что с ними такое? Они и в Хёнконе сегодня шарахались, и всю дорогу в салоне просидели, наверх не поднимаясь, и сейчас… После вчерашнего перепугались, что ли? Ну, возможно. С другой стороны, Ольга с Юрием никаких особых эмоций не проявляли, разве что Ольга заметно берегла левый бок. Да ну и ладно, не до них. Впереди встреча, потенциально весьма напряжная, и именно о ней следует думать.

На набережной возле пирса, вопреки ожиданиям, стоял не большой экскурсионный автобус, как в прошлый раз, а четыре небольших комфортабельных микроавтобуса. Двое местных в форме пограничной охраны отирались неподалеку, но не приближались, а возле каждого микроавтобуса стояла Сируко в своем обычном красном ципао с разрезом вдоль бедра до самой поясницы. Четыре абсолютно идентичных красотки манекенного вида производили сюрреалистичное впечатление. Рядом торчали еще и трое рослых мускулистых мужчин, коротко стриженных и одетых по моде охранников Университета: шорты, майки-безрукавки и клейкие шевроны, пришлепнутые прямо на голую кожу плеча. Каждого из подходящих студентов одна из Сируко жестом направляла в один из микроавтобусов. Кириса с Фуоко засунули в салон самого заднего, пока еще совсем пустого, а Варуйко устроилась на переднем сиденье. Фуоко сразу прилипла к окошку со стороны моря и начала с жадностью разглядывать длинные пакгаузы, тянущиеся вдоль бесконечных рядов пирсов, и пришвартованные маломерные суда, в основном яхты с непомерно высокими мачтами, освещенные ярким светом прожекторов. Кирис с усмешкой наблюдал за ней. Сразу видно, что дома, в Барне, в порт ее не очень-то отпускали. Местные яхты по сравнению с барнскими выглядели тускло и непрезентабельно: короткие, чаще всего имеющие лишь кокпит без признаков каюты (вместо неё почти до бака тянулись деревянные скамьи под низкими навесами), с подвесными моторами не лучше тех, что в Барне использовали на рыбацких лодках. Несмотря на то, что лес мачт возвышался над "Рыбой-меч", хёнконская круизная яхта смотрелась на их фоне белым слоном — если, конечно, существуют такие изящные и стремительные слоны.

Через пару минут всех экскурсантов упаковали, Сируко и охранники погрузились следом, дверцы микроавтобусов автоматически захлопнулись, и кортеж рванул с места с такой скоростью, что Кириса вжало в спинку кресла. Только сейчас он сообразил, что в двенадцатиместной машине они с Фуоко одни, если не считать водителя и Вары, да еще одной из копий Суоко.

Удивиться, однако, он не успел: изящная фигура телохранительницы и субличности координатора вдруг вспухла и превратилась в большой серый манекен, в недрах которого бесследно утонуло ципао. Сразу же из глубины дрона всплыли шорты и майка-безрукавка, поверхность манекена снова обрела структуру и цвет человеческой кожи — и перед ними предстал здоровый мужик с правильным треугольником из родинок на левой щеке, согнувшийся едва ли не вдвое под низкой крышей.

— Привет, ребята, — сказал здоровяк, вполоборота усаживаясь в одно из кресел. — Как настроение?

— Здравствуйте, дэй Саматта, — кивнул Кирис. — Все зашибись, мы готовы. Фучи, кстати, вы знакомы?

— Нет, с очаровательной дэйей Фуоко Деллавита мы лично не сталкивались. Однако рад знакомству, вака, — генерал слегка привстал и поклонился. — Я генерал Саматта Касарий. Женская часть нашего коллектива, включая мою жену, почему-то дружно решила, что я специалист и в переговорах с бандитами, и в ремесле телохранителя. Если с Карой я еще могу спорить на правах бывшего опекуна — ну, знаете, в люльке на руках качал, из соски выкармливал — то против Цу бессилен. Муж, знаете ли, да убоится жены, примерно так в вашем Писании сказано. Пришлось подчиниться.

Фуоко фыркнула.

— В Писании наоборот сказано, но так правильнее! — заявила она. — Женщины должны командовать. Мужики — что дети, без нас пропадут. Зорра, подтверди!

— Ку-ун… — скучным голосом протянула парса, поудобнее устраиваясь в кресле и задними лапами отпихивая Гатто, растянувшегося почти на весь задний ряд. Тот недовольно отпинывался.

Проскочив через ворота с территории порта, кортеж выбрался на дорогу, и его скорость в общем потоке заметно упала. Впрочем, микроавтобус почти сразу же свернул в какой-то кромешно-темный переулок между складами, отделившись от колонны, и принялся шустро петлять между высокими деревянными стенами с лохмотьями краски, отбрасывающими в свете фар причудливые тени.

— В общем, ребята, — сказал Саматта, — сейчас мы доберемся до места. Для вашего удобства встреча назначена здесь же, в порту. Анъями ждет нас в небольшой гостинице, доберемся через пару минут. Инструкции простые: действуйте по обстановке. Я рядом, Варуйко рядом, и еще два десятка дронов заранее помещены в окрестностях и держат местность под контролем. Опасность вам не угрожает никакая. Даже если в вас

начнут палить очередями из автоматов или швырять гранаты, мы успеем вас прикрыть. Ничего не бойтесь, побольше слушайте, поменьше говорите, и предоставьте мне выкручиваться из сложных ситуаций. Договорились? Тела Юно вы даже не увидите, дэйя Фуоко, не переживайте попусту.

— Он умеет какую-то фигню делать, — напомнил Кирис. — Мэй, я имею в виду. В прошлый раз он меня как-то так приложил без рук, что я еле очухался. К Фучи его близко не подпускайте, дэй Саматта, ладно?

— Да, дэйя Варуйко упомянула в рапорте о том… инциденте, — кивнул Саматта. — Не беспокойся, Кир, меры приняты. В случае чего Мэй Лю Сянь умрет быстрее, чем успеет пальцем двинуть. Но не думаю, что мы упремся в проблемы — ему страшно нужен и Университет, и сотрудничество с семьей Деллавита, он даже чихнуть в вашем направлении не посмеет. Да вот мы, кстати, и на месте.

Склады внезапно кончились, и микроавтобус пролетел через открытые сетчатые ворота в довольно обширный двор перед двухэтажным домом с покатой крышей и большой неоновой вывеской "Хитонацуккой рёкан". Залитые ярким светом фонарей, на автостоянке перед ней стояли разнообразные мини-грузовички и микроавтобусы, смахивающие на университетский, поблескивали черными лаковыми боками и стеклами два длинных лимузина, жутко дорогих на вид. Под освещающими двор фонарями кучковались мужчины, одетые в кайтарские деловые костюмы. Несмотря на тропическую ночь, морды по крайней мере половины из них отблескивали зеркальными черными очками. Практически все немедленно взяли автобус Университета на прицел короткоствольных автоматов и пистолетов. Торпеды Тьмы, однозначно, и не в лучшем настроении. Да уж, та еще "приветливая гостиница"…

Микроавтобус резко затормозил у крыльца отеля, и Саматта первым выбрался наружу с легкостью, удивительной для такого большого тела. За ним выпрыгнули парсы, лишь на мгновение опередив Вару.

Кирис спрыгнул с подножки на асфальт и с подозрением оглянулся по сторонам. Что-то не так. В прошлый раз, на базе "Кобры", он спиной чувствовал спокойную уверенность и высокомерие хозяев. Сейчас бандюки казались нервными и настороженными, словно их пальцы подрагивали на спусковых крючках. Машину уже окружили плотным кольцом, стволы по-прежнему целились в новоприбывших.

— Привет, ребята. Я представитель университета "Дайгака", — безмятежно, словно хороших знакомых,

проинформировал Саматта на катару. — Кажется, нам здесь назначена встреча. Или мы ошиблись адресом?

— Вы опоздали на двадцать минут, — хмуро ответил один из костюмированных мужиков с черными очками, вздернутыми на темя.

— Сильный встречный ветер. Погоде не прикажешь, — генерал пожал плечами. — Ну так что, мы прямо здесь станем разговаривать? Я не вижу Мэя-атару.

— Идите за мной, — повинуясь жесту мужчины, кобуны Аньями опустили оружие и расступились. Саматта поднялся на крыльцо, непринужденно шагая через две ступеньки, и выжидательно обернулся. Кирис обнял одной рукой Фуоко за плечи и последовал за ним, стараясь не озираться. В окружении такой кодлы отморозков в нем как-то сразу проснулись старые уличные инстинкты, требующие побыстрее свалить подальше, пока не начался кипеж с пальбой и жмуриками. Нет, определенно, в прошлый раз все выглядело куда спокойнее. Что так напугало "Кобру"? Неужто ее кобуны прослышали о том, как плохо кончил некий бар в мелком городишке с издевательским названием Оокий? Кстати, если Фучи ненароком сожжет и эту гостиницу… или сам Кирис порушит ее гравитационными аномалиями, как ту деревушку с окружающими полями, совсем нехорошо выйдет. Университету расплачиваться придется, а с Рисы станется навесить на него долг в чисто воспитательных целях. Тогда про стипендию до конца обучения можно просто забыть. Нужно за собой следить и Фучи придерживать, а если неприятности случатся, пусть координатор с Саматтой разбираются. Эх, ну почему у него так ни разу и не получилось отключить горючесть пороха в лаборатории? Ощущение вспомнить не удалось, как такой эффект вызывать, непонятно, а жаль: если у костоломов Тьмы вырубить огнестрел, проблемы они не составят даже для одного дрона, сейчас управляемого паладаром. Вот почему самое полезное не включается сознательным усилием? Позади слышалось успокаивающее цоканье металлических набоек на подошвах ботинок Вары. По крайней мере, неожиданно битой по загривку они не получат.

В небольшой холл со стойкой регистратуры выходило несколько дверей с ажурными стеклянными вставками. Одна стояла распахнутой настежь, за ней виднелись столы, покрытые белоснежными скатертями — местный ресторан. Проводник остановился возле нее, поклонился, сделал приглашающий жест рукой и прислонился спиной к стене, засунув одну руку в карман пиджака, а другой нервно барабаня по высовывающейся из-под полы кобуре пистолета. Еще один мужик в таком же костюме

стоял по другую сторону дверного проема, неприкрыто пялясь на Фуоко и Вару.

Саматта положил руки на плечи Кирису и Фуоко и слегка подтолкнул их ко входу.

— Главное — спокойствие, — тихо шепнул он на кваре. — Не мандражите, ребята, мы с вами.

Внутри ресторана их ждал еще один сюрприз. Кроме Мэя, щеголяющего шикарным кайтарским костюмом, золотыми перстнями с бриллиантами и четырьмя стальными кольцами-клипсами в ухе, а также двоих его кобунов в костюмах попроще, за столом сидели три женщины. Одна из них носила мешковатое, но богато вышитое золотом парчовое синее ципао с длинными широкими рукавами. Ее плечи покрывала накидка из алого шелка, забранные на затылке в узел черные волосы протыкала длинная серебряная шпилька с изумрудами, больше смахивающая на стилет (а может им и являющаяся). На столе перед ней лежал длинный танто в черных лакированных ножнах, а в левом ухе поблескивали четыре таких же стальных кольца, что и у Мэя. Ее бесстрастный, словно у змеи, взгляд уперся в вошедших, и после секундной заминки Кирис вспомнил, где ее видел: Оокий, горящий бар, разбросанные по полу бессознательные тела, и она, говорящая с Фуоко через переводчика…

— Дэйя Фуоко Деллавита, дэй Кирис Сэйторий, — вежливо поклонился Мэй, привставая. Кирис в очередной раз одобрил едва ли не против своей воли его идеальный кваре без намека на могератский акцент. Где он так настропалился? В Кайтаре, что ли, жил? — Доброго вам вечера. Мы уже заждались. С учетом, что наши встречи в прошлом произошли в довольно сумбурных обстоятельствах, напоминаю, что я — Мэй Лю Сянь, оябун клана "Кобра". Также я полагаю, что вы встречались, но на всякий случай представляю О Рэн Исии-атару, кобуна клана "Меч и ярость".

Он повел рукой, и женщина в богатом ципао, которой на ухо переводила спутница, слегка кивнула, не опуская взгляд вопреки местным правилам женской вежливости.

— Здрасте, — хмуро ответил Кирис, с подозрением разглядывая обоих оябунов. И с одним-то дело иметь хреново, а уж с двумя… И по четыре кольца у обоих, те еще волки. Что тетке-то здесь надо? О ней речь не шла.

— Мэй Лю Сянь-атара, — Фуоко, как настоящая пай-девочка, сложила ладони перед грудью и низко поклонилась. Его голос звучал совершенно непринужденно. Сразу видно принцессу, привычную к светским приемам! — Рада новой встрече. О Рэн Исии-атара, — она повернулась к женщине и поклонилась так же

низко. — Мы не ожидали вас встретить, но видеть вас для меня большое удовольствие. Коокари ёросику-лай онэсао да! — добавила она на катару с идеальным произношением, не ошибившись ни в одном тоне. Специально вызубрила? — Надеюсь, грубияны, которых ваши люди вытащили из горящего дома в Оокие, не слишком сильно пострадали?

— Дьёбры дэ-энь, дэа Деллавита, — откликнулась О на кваре, тут же, впрочем, переключившись на катару (один-один, но у Фучи вышло куда лучше). — Смею заверить, что Ли-тара и его люди не пострадали… сверх того, что вполне заслуженно получили от тебя и твоих кобунов. Я рада, что ты в добром здравии, как и твоя телохранительница. Мужчины требуют твердой руки для управления, и если не мы, женщины, то кто же?

Кирис нахмурился. От Фучи такое слышать можно — понятно, что она стебётся и всерьез зацепить не хочет. Но когда в ту же степь начинает базарить оябунша, становится стрёмно.

— Я слышала, что ты крутая и на ножах убойно дерешься, — пальцы Вары скользнули по чехлу на бедре, и ладонь О автоматическим движением легла на рукоять танто. — Потанцуем как-нибудь, тара? До первой крови?

На лицо оябуна "Меча и ярости" легла легкая тень неудовольствия, но тут же испарилась, и оно снова стало безмятежным.

— Если заслужишь, — ответила она. — Но, может, отложим развлечения на потом?

— Замётано. Я запомню обещание, — Вара отошла к стене, подперла ее плечом и принялась безразлично разглядывать ресторан.

— Нет ничего страшнее ярости женщины, встретившей равную соперницу, — Мэй чуть приподнял бровь, и по его лицу скользнула легкая ухмылка. И О, и Варуйко пронзили его пылающими взглядами, но он даже не сморгнул. — Однако же, сэрат дэй, — он взглянул на Саматту, — мы с вами не знакомы. Судя по татуировке на щеке, я удостоился чести личного визита паладара? Фуоко-тара, не познакомишь ли нас со своим спутником?

— Я и сам могу неплохо представиться, — Саматта подошел к торцу стола, отодвинул стул и уселся. — Оой-генерал Саматта Касарий к вашим услугам. В армии Могерата звание примерно соответствует сёкану третьего класса. Поскольку в основном я живу на родной планете и здесь появляюсь не так часто, меня мало кто знает. Ребята, да вы присаживайтесь, — он бросил взгляд на Кириса с Фуоко и снова повернулся к Мэю. — Фигура я не публичная, числюсь при Университете внештатным

консультантам по вопросам безопасности, и вообще-то мои основные навыки далеки от дипломатических. Мне больше привычны партизанские рейды в джунглях, саботаж на наркоплантациях и ночная резня, чем переговоры, но поскольку у меня богатый опыт общения с…

Он пощелкал в воздухе пальцами.

— …с людьми, привыкшими игнорировать закон и полагаться на грубую силу, регент Хёнкона посчитал меня наиболее подходящей кандидатурой для сегодняшнего задания. Я вообще-то предпочитаю помалкивать, так что не обращайте на меня внимания. Однако я бы предпочел сразу получить объяснения по поводу присутствия сэрат дэйи О Рэн Исии. Или, возможно, ты, О-атара, сама объяснишь, как и почему здесь оказалась? — добавил он, переключившись на катару.

— Мэй-пун попросил меня выступить в роли свидетеля, — вежливо улыбнулась кобун "Меча и ярости", убирая ладонь с рукояти танто. — За голову, даже за мертвую, оябуна "Мести" назначена очень большая цена, и другие кланы Анъями могут не поверить, что в дело вмешались паладары. Когда вы приказали Мэй-пуну отдать тело, он решил, что свидетельство нейтрального очевидца может оказаться весьма кстати. Разумеется, мое присутствие здесь для "Кобры" отнюдь не бесплатно, однако, — в ее улыбке проскользнула хищная ирония, — удовлетворение любопытства тоже кое-чего стоит. И, в конце концов, я обещала Фуоко-фуне, что мы еще встретимся, а я свое слово держу.

Паладары приказали Мэю отдать тело? Но ведь Риса сказала, что он сам связался с Университетом! Кирис глянул на подругу и уже открыл рот, чтобы переспросить, но Фуоко его опередила. Она подняла палец, и на его конце сухо защелкали маленькие молнии. "Т-И-Х-О", передала она по мысленному каналу. Кирис невольно позавидовал ее умению концентрироваться сразу на двух вещах — и ведь не боится же пожечь свое шикарное платье! Да и ее понимание катару, кажется, заметно улучшилось, если она реагирует без перевода. Хотя она права. Если не врубился, помалкивай в тряпочку. Что там Мэй втирает своим, его дело.

— Я ррада встрретитть госсподжу, — выговорила Фуоко на катару, на сей раз с характерным кайтарским акцентом, хотя и немного путая тоны, но в целом понятно. — Спассибо за помощщь. Я помню. Я приизнательна за оказанный в Оокий подмога, — она снова переключилась на кваре. — Если вы, сэрат дэйя О Рэн Исии, хотите посмотреть на мои фокусы, я с радостью их покажу. Однако предупреждаю, что я не всегда полностью управляю искрением, иногда молнии выходят из-под контроля и сжигают все вокруг. Сэрат дэй Мэй Лю Сянь, я признательна за

ваше желание сотрудничать с паладарами, пусть даже в таких печальных обстоятельствах. Я помню вашу неоценимую помощь и признаю за собой долг. Однажды я его оплачу.

— Я вижу, вы достойная наследница своего отца, — тонко улыбнулся Мэй. Он поднялся из-за стола, обошел его, приблизился к девушке и, положив ей руку на талию, подвел к стулу. Кирис с трудом подавил желание отвесить ему хороший поджопник — куда он свои грабли тянет без спросу? — Садитесь, сэрат дэйя, прошу.

— Спасибо, сэрат дэй Мэй Лю Сянь, — Фуоко чинно уселась на краешек стула.

— Что же до долга, сэрат дэйя, то я считаю его несущественным, — Мэй повернул другой стул и уселся напротив нее. — Взаимовыгодное сотрудничество с семьей Деллавита более чем компенсирует ничтожные услуги, что я вам оказал. Кроме того, "Крылья бури" заплатили мне за вас неплохой выкуп. А что они не сумели вас удержать — тем хуже для них.

Его зубы на мгновение блеснули в оскале яростного злорадства, и Кирис заметил, что на еще более краткое мгновение по лицу О скользнула едва заметная гримаска удивления.

— Однако, сэрат дэйя, я не собираюсь злоупотреблять вашим временем. Мне всего лишь хотелось убедиться, что вы находитесь в добром здравии. Прискорбный инцидент неподалеку от Оокия заставил меня встревожиться, и я с большим облегчением узнал, что вы живы. Вы очень умны, сэрат дэйя, и я не стану лгать: шрамы на вашем лице выглядят не очень красиво. Но я уверен, что великолепный паладарский врачеватель по имени Дзии со временем сделает их совершенно незаметными. Или, если хотите, я знаю на Могерате нескольких отличных косметических хирургов, способных убрать их практически полностью. Если у вас выдастся две-три свободных от занятий декады и вы не возражаете провести их в Тодзибе — одном из наиболее известных и красивых ценганьских курортов с горячими источниками — я буду польщен принять вас как свою гостью. Вместе с вашим другом, разумеется, — добавил он, едва заметно подмигнув Кирису. Парень стиснул зубы. Эта сволочь определенно что-то замышляет. Опять, небось, начнет Фучи мозги промывать и уговаривать остаться!

— Спасибо, сэрат дэй, я запомню ваше предложение, — ослепительной, но холодной улыбкой улыбнулась Фуоко. — Однако не могли бы мы для начала закончить с… неприятными обязанностями?

— Разумеется, сэрат дэйя, — Мэй повернулся к одному из своих кобунов и коротко кивнул. Тот немедленно поднялся. —

Сэрат дэй Саматта Касарий, кому я должен передать тело?

— Для начала мне хотелось бы узнать о судьбе остальных членов группы "Адаути", захваченных "Коброй" в Дайхаме, — генерал даже не пошевелился.

— Она мне не известна, — пожал плечам Мэй. — За их головы формальной награды не назначено, да я и не выполнял заказ на уничтожение "Мести". Я принял их на борт в обмен на обещание платы в будущем, а не взял в плен. Они отказались сдать оружие и вообще выглядели как люди, готовые в любой момент пустить его в ход, так что я предпочел избавиться от них при первой же возможности. Удостоверившись в смерти своего оябуна, они сошли с катера на побережье в нескольких цулах от Дайхамы, и больше я о них не слышал.

— Вот как? — генерал вежливо поднял бровь. — В таком случае я готов принять тело.

Он встал. Кобун "Кобры" вышел из столовой, и Саматта последовал за ним. Одна из сидящих возле О женщин неслышно поднялась и скользнула следом.

— Тем временем, я полагаю, время для ужина, — Мэй оглянулся на дверь в кухню и щелкнул пальцами в воздухе. — Уже поздний вечер, и наши гости наверняка проголодались, О-фуна.

— Шеф-повар "Приветливой гостиницы", по слухам, известен своим мастерством, — согласилась О. — С большим интересом выясню, правду ли говорят. Кирис-тара, на твоем месте я бы села. Конечно, стоя больше влезает, но все-таки есть сидя куда удобнее. Поскольку Мэй-пун уже застолбил место рядом с твоей прелестной подругой, садись поближе ко мне. Я люблю храбрых и мужественных юношей, как ты, однако стесняюсь приближаться к ним.

Она с деланной застенчивостью прикрыла рот левым рукавом ципао, и на ее на мгновение приоткрывшемся запястье Кирис разглядел нечто, вполне способное оказаться рукоятью чего-то острого. Интересно, какие еще смертельные штучки скрываются под ее балахоном?

Дверь кухни распахнулись, и из нее чинно вышла цепочка молодых женщин в западных платьях с длинными, до пят, подолами, несущая подносы с разнообразными кушаньями: от традиционного вареного риса и маринованных овощей до жареного молочного поросенка и совершенно незнакомых Кирису рыб. Пока они расставляли блюда, парень нерешительно глянул на Фуоко — принцессе виднее, как вести себя в светском (почти) обществе. Та указала глазами на стул рядом с оябуншей и еле заметно кивнула. Ну ладно, как скажете. Парень обогнул стол и

под внимательным взглядом переводчицы О уселся на краешек сиденья. Гнилое здесь местечко. Словно какие-то невидимые струны дрожат в напряжении. Он на мгновение позволил геометрическому вальсу вырваться на передний план и слегка пошевелился, чтобы поймать совпадение видимого и ночного миров. Внутри Мэя пульсировал зеленым какой-то невнятный осьминог, хаотично размахивающий десятками щупалец, О, Вара и кобун Мэя казались пустыми, зато у переводчицы где-то в районе шеи безмятежно и ровно горел ярко-желтый шарик. Фуоко окружала сложная конструкция из пересекающихся пирамид, конусов и октаэдров, переливающихся всеми цветами радуги. Заодно на уровне солнечного сплетения О отчетливо нарисовались контуры металлического пистолета — куда меньшего скрывавшегося под мышкой Мэя, но, вероятно, ничуть не менее опасного. Кирис попытался вглядеться в оружие оябунши, утратил концентрацию, и ночной мир, обрадовавшись свободе, тут же полностью застил реальность. Усилием воли парень вернулся к нормальному зрению и обнаружил, что пялится прямо на высокую грудь придвинувшейся тетки, которую тонкая ткань ципао теперь облегала вполне откровенно.

— Прямолинейных мужчин я тоже люблю, — О томно улыбнулась и бросила лукавый взгляд на Фуоко. — Похоже, меня ждет незабываемый вечер…

Кирис почувствовал, как краснеет. Значит, прямолинейных она любит?

— Пушка у тебя на брюхе классная… О-атара, — брякнул он.

О вздрогнула, ее улыбка пропала, но тут же вернулась, правда, уже вежливо-непроницаемая. Она неторопливо отодвинулась, взяла красивые резные палочки с не менее вычурной подставки и положила в рот кусочек рыбы.

— Я впечатлена, Кирис-тара, — произнесла она в напряженной тишине, прожевав и проглотив еду. — Слышала я о людях, умеющих видеть сквозь одежду, но лично сталкиваюсь впервые. Если Мэй-пун однажды сманит твою подружку, я всегда найду тебе местечко… поблизости от себя.

— По техническим причинам мы идем в комплекте, О-атара, — невозмутимо ответила Фуоко, когда переводчица закончила переводить на кваре. Она уже наложила к себе на тарелку всякой всячины, в основном гигантских креветок в тесте, и быстро ее поглощала, проигнорировав вилку и управляясь с палочками с непринужденной элегантностью уроженки Могерата. — Верно, Кир?

Кирис буркнул что-то невнятное, ухватил с подноса тарелки большой кусок тушеного мяса, бухнул к себе на тарелку и

принялся ожесточенно орудовать ножом, отрезая кусочек. То ли нож оказался тупой, то ли мясо жесткое, но шмат ерзал на тарелке и резаться отказывался категорически. Ходер! Не можешь языком нормально трепать — лучше вообще рот не открывать.

— Думаю, о планах на будущее говорить еще рано, — пришел ему на выручку Мэй, и Кирис даже почувствовал к нему благодарность. — Как одна из наследниц семьи Деллавита, думаю, сэрат дэйя Фуоко неизбежно окажется втянутой в деловую активность на Могерате, особенно с учетом ее знакомства, пусть не всегда приятного, с нашими обычаями и нравами. Однако, О-фуна, боюсь, мне не светит заполучить ее в свои зловещие тенета. Ее сердце и ум уже заняты.

Он откупорил бутылку вина и жестом предложил Фуоко, потом О и Кирису. Все трое вежливо покачали головами в знак отказа.

— В одиночку пить неинтересно, — Мэй с сожалением поставил сосуд на стол. — Хотя… Вара-тара, — он перешел на катару и посмотрел на сестру Кириса, по-прежнему подпирающую стену, — меня мало заботит твой официальный статус. Сейчас ты такая же гостья, как и остальные. Не хочешь присоединиться? Вино великолепное, кайтарское, тридцатилетней выдержки. Никакого яда, честью клянусь. Не испугаешься, что я тебя перепью?

Варуйко оттолкнулась от стены, ее глаза сощурились.

— На такой подвиг мало кто способен, — процедила она, по-новому глядя на оябуна. — Уж не ты точно. Давай…

Она осеклась на полуслове и замерла, потом медленно выдохнула.

— Спасибо за предложение, тара, но на работе не пью, — сухо сказала она. Одарив бутылку явно сожалеющим взглядом, сестра скрестила руки на груди и привалилась обратно к стене.

— Могу только одобрить, — Мэй пару раз аккуратно хлопнул в ладоши. — Если бы все мои кобуны разделяли такой взгляд на вещи… Но что же с вином? Выдохнется ведь. Впрочем, я знаю, что можно сделать.

Он вставил пробку обратно в горлышко бутылки и резким ударом кулака загнал до упора.

— Заберешь ее с собой, Вара-тара, в качестве подарка. Заодно попросишь Сируко-тару проверить вино на предмет ядов. Ну, а кто кого перепьет, мы выясним как-нибудь при случае.

— Годится, тара, — в глазах Вары мелькнули веселые огоньки. — При условии, конечно, что пообещаешь никогда моего братишку не обижать.

— Никогда — слишком долгий срок, — задумчиво

проговорил Мэй. — В жизни многое может случиться. Но поскольку Кирис-тара, по выражению сэрат дэйи Фуоко, идет с ней в комплекте, а у меня слишком серьезные планы на торговлю с Типпой в целом и с Кайтаром в частности, могу заверить, что в настоящий момент я рассматриваю его как персону под моей защитой, и не только во время данной встречи. Устраивает такой поход, а, Вара-тара?

— Замётано, Мэй-тара, — Варуйко одарила его хищной улыбкой. — Как-нибудь я напомню тебе о сегодняшнем разговоре. И тебе, тара, тоже, — она перевела взгляд на О. Та лишь полуприкрыла веки.

В комнату мягкой походкой вошел Саматта.

— Подтверждаю передачу тела, Мэй-атара, — сухо сказал он. — И поместить его в холодильник с твоей стороны было весьма умно. Однако сразу хотелось бы получить объяснения насчет пулевых ранений на трупе.

— Пулевых?.. — Мэй поднял бровь. — Ах, да. Странная история случилась, сэрат дэй Саматта. Мы подняли труп на борт — действительно труп, я в таких делах опытен, можете не сомневаться — но он внезапно начал шевелиться и окутался серым туманом. А мои кобуны… они отлично владеют оружием, но куда хуже — своими эмоциями. Они успели несколько раз выстрелить, пока я их не остановил. Однако, полагаю, любой квалифицированный врач определит раны как посмертные.

Кирис заметил, как напряглась Фуоко, замершая с непрожеванной едой во рту, да и по его собственному позвоночнику пробежали ледяные мурашки. Труп шевелился? Как знакомо… Но в таком случае, может, есть шанс, что дядька еще жив? Точнее, не столько жив, сколько контролирует свое тело, как они с Фуоко? Или нет? Нужно проверить самому, в отсутствие Фучи, конечно. Незачем ей на жмуров смотреть, слишком она впечатлительная. Поговорить с Саматтой или координатором потихому, когда отсюда выберемся…

Фуоко, впрочем, даже и не подумала скрытничать. Сглотнув пищу, она повернулась к оябуну и в упор посмотрела на него.

— Если человек шевелится после смерти, он жив, дэй Мэй, — тихо сказала она — Может, не так, как другие люди, но жив. Посмотрите на меня — я точно такая же. Я тоже умерла, когда у меня перед лицом взорвалась граната, мой мозг мертв, но я по-прежнему существую. Что случилось с… дэем Юно после того, как он начал шевелиться?

— Мозг мертв, вот как? — Мэй задумчиво посмотрел на девушку. — Кому-то другому я бы принес свои соболезнования, но я успел немного узнать ваш характер. Полагаю, лишь

оскорблю вас ненужными словами. Головной мозг мертв… Хм. За исключением шрамов вы кажетесь мне вполне живой и здоровой и уж точно — в здравом рассудке. На оживший труп вы решительно не похожи. Что же до… дэя Юно, то дэй Кирис-тара должен помнить о моих способностях, как я помню об его.

Кирис набычился. Воспоминание об ощущениях, когда Мэй попытался "вырвать душу", не казалось ему ни приятным, ни стоящим такого легкомысленного тона.

— Когда тело дэя Юно окуталось… энергоплазмой, я правильно помню термин?.. я попытался… поэкспериментировать с ней, да простится мне такой термин. Процесс сопровождался некими… видениями, теперь ставшими мне гораздо понятнее. Вполне возможно, что дэй Юно и в самом деле жив, пусть и… действительно не так, как остальные люди. Я несколько секунд видел его в странном мире, в странных одеждах и со странным оружием, напоминающим меч. Хм…

— Дэй Мэй, а что вы скажете насчет небольшого исследования ваших способностей в контролируемых условиях? — светским тоном, словно рассуждая о погоде, спросил Саматта. — В нашем консульстве в Шансиме, например?

— Исключено по самым очевидным соображениям, — отрезал оябун. — Кроме того, сэрат дэй Саматта, мне хотелось бы закрыть данную тему на сегодня. Мне нужно как следует над ней подумать. Я выполнил свои обязательства перед паладарами, и у меня есть другая тема для обсуждения, куда более интересная, чем непонятные видения. Интересная как для меня, так и для паладаров.

— А именно? — Саматта вежливо поднял бровь. — С учетом, что я не уполномочен вести какие-либо переговоры от имени Университета?

— Я осознаю данный факт. Мне всего лишь нужно, чтобы вы передали предложение руководству Университета.

— Я слушаю. Запись идет, — Саматта снова уселся у торца стола, поставил на него локти, облокотил подбородок о скрещенные пальцы и бесстрастно уставился на оябуна.

— Арена. Клан "Кобра" предлагает свою помощь в распространении терминалов Арены в городах Могерата и обеспечения массовки для участия в играх.

— Вот как? И зачем бы нам могла потребоваться ваша помощь, дэй Мэй? По-моему, Университет вполне обходится прямыми контактами с правительствами.

— Я знаю о ваших успешных переговорах в Кайтаре, дэй Саматта. Вероятно, в Ставрии дела обстоят похожим образом. Однако на Могерате вы провалитесь. Вы уже столкнулись с

загадочной холодностью обоих правительств и получили если и не прямые отказы, то буксование переговоров на ровном месте. Объяснить, почему?

— Я слушаю, — лицо Саматты осталось бесстрастным. Кирис, с трудом удержав зевоту, сосредоточился на куске мяса на своей тарелке, а также на свернутых трубочками пластинках свежего фупи, политых соевым соусом. Взрослые тратят столько времени на дурацкие разговоры! Труп Мэй отдал? Отдал. Ну так что они тут еще ждут? Что Мэй слетит с нарезки и снова попытается опробовать на ком-нибудь свои фокусы?

— Очень просто, сэрат дэй Саматта, — оябун "Кобры" сделал паузу, чтобы неторопливо налить себе зеленого чая из фарфорового чайничка с плетеной из соломы ручкой. Паладар терпеливо ждал. — Вы не понимаете, как думают люди на Могерате. Я довольно много потратил времени на изучение Университета самыми разными способами, да и Кайтар более-менее знаю, так что уверенно заявляю: образ мышления паладаров схож с тем, что принят на Типпе, Торвале и даже в значительной степени на Фисте. Но Могерат — совсем иное дело. Мы… неторопливы, так сказать. Более консервативны, более традиционны, не слишком любим изменения и предпочитаем жить так же, как предки. Возьмем для примера дэйю О, — он вежливо поклонился оябуну "Меча и ярости", и та полуприкрыла глаза в ответ, когда ее спутница закончила переводить. — Она женщина и в то же время командует мужчинами. Где-нибудь в Кайтаре или Ставрии это не привлекло бы никакого внимания. Но на Могерате женщины подчиняются мужчинам — всегда, за чрезвычайно редким исключением. Вот почему дэйя О настолько выделяется на общем фоне, и вот почему, чтобы стать оябуном, ей пришлось перешагнуть через примерно в пять раз больше трупов, чем мне. Я не ошибаюсь, О-фуна? — переспросил он на катару.

— Ты хорошо осведомлен, Мэй-пун, — вежливо откликнулась та.

— Естественно. Добыча информации — моя специализация. — Мэй снова переключился на кваре. — Так вот, дэй Саматта, женщина на Могерате находится в подчиненном положении. Она не вещь, нет, как считают многие иностранцы. Ее любят, ее уважают, некоторым даже поклоняются. В пантеоне Миндаллы война — прерогатива богини, ужасной шестирукой Теребохи, чьи плечи увенчивает всепожирающее пламя вместо головы, а сердце — Тамман, ледяной шестилучевой кристалл… ну, вы наверняка знакомы с нашей мифологией. Дэйя Карина Мураций отлично вписалась в наши представления о мире. Она — богиня, хотя теологи еще не сошлись во мнении, является ли

она воплощением одной из уже известных повелительниц мира или же совершенно новой сущностью. Она хранительница университета "Дайгака", так же, как любая женщина на Могерате является хранительницей традиций и домашнего очага. Но она, тем не менее, женщина, а потому ее авторитет куда ниже, чем хотелось бы паладарам.

— Как ни неприятно, но я должна согласиться с Мэй-пуном, — кивнула О. — Паладары с самого начала допустили серьезную ошибку, выставив Карину-атару на первый план. Сторас-атара как регент имел бы на Могерате куда больше авторитета. Я понимаю причины ошибки гораздо лучше, чем кто-либо, но…

Она умолкла и скромно прикрыла рот рукавом ципао, словно благовоспитанная женщина, ляпнувшая лишнего в присутствии мужчин.

— Спасибо, — Мэй одарил ее холодной улыбкой. — Так вот, дэй Саматта, вы предлагаете Могерату не просто медицинское или научное устройство. Арена помещает человека в вымышленный мир. В мир, не существующий на самом деле. Очень, очень многие, и я бы сказал, практически все на Могерате воспринимают вашу виртуальность не как движущиеся картинки в большом телевизоре, а как мир духов. Мы весьма суеверны, дэй Саматта, мы верим, что духи существуют вокруг нас и среди нас, что в каждом предмете, в каждом незначительном камешке или деревянном обломке может обитать невидимая сущность, доброжелательная или зловредная. Раньше анимизм доминировал на Могерате, в форме религии назывался Ооквал, и хотя жрецы Миндаллы сделали все, чтобы отправить его в забвение, вера в духов до сих пор пронизывает наши сердца. Многие, вопреки недовольству священников, даже считают, что человек после смерти не сливается с Нирваной, а становится одним из таких духов. И хотя невидимый мир обычно существует сам по себе, он недружелюбно относится к вторжению человека и защищается от него. Ваша Арена — такое вторжение. Люди просто боятся, что мир духов обидится и нанесет ответный удар. Не имеет значения, насколько высоко в иерархии власти стоит чиновник или бизнесмен и насколько он образован. Почитание духов впитывается у нас с молоком матери. И если даже у жрецов Миндаллы не хватило сил его уничтожить, то авторитета сэрат дэйи Карины Мураций, сколь угодно высокого, и подавно не хватит, чтобы переломить подобное отношение.

— Интересный анализ, — нейтральным тоном проговорил Саматта. — Вопрос лишь в том, насколько он соответствует действительности.

— Если не верите мне, можете взять для примера историю фотографии и кинематографа на Могерате, — Мэй пожал плечами. — Первые киноаппараты завезены сто двадцать лет назад, первый публичный кинотеатр появился лишь сорок лет спустя, а телевизоры в домах начали более-менее распространяться лишь в последнее десятилетие перед Первым Ударом и так не успели стать массовыми. Даже на распространение пленочных фотоаппаратов ушло больше шестидесяти лет. Причина в том же самом: изображение на экране или фотографии многие считали окном в мир духов, куда человеческая душа может провалиться навсегда и вечно скитаться в поисках выхода. Поначалу дело доходило до избиений и даже убийств незадачливых фотографов. Другое забавное верование из той же области — что в группе из нескольких человек на фотографии один скоро умирает ужасной смертью. По данной причине многие жители Могерата, особенно в сельских областях, все еще наотрез отказываются фотографироваться. А если принять во внимание события вчерашнего утра в холле Арены, в которых приняли самое непосредственное участие сэрат дэйя Фуоко и Кирис-тара… Можете пристрелить меня прямо сейчас, если люди массово не воспримут их как именно такой отпор.

— Я склонен согласиться с О-атарой, — задумчиво проговорил Саматта на катару. — Ты очень хорошо осведомлен, Мэй-атара. В том числе о вещах, о которых не должен быть осведомлен. Пресс-релиз, как мне помнится, еще не вышел.

— Да бросьте, сэрат дэй Саматта, — оябун на катару переключаться не стал. Неужто ради Фучи? — Такое феерическое событие стало слухом вчерашнего дня среди студентов Университета, а через них — и технического персонала, уловившего едва ли десятую часть правды, но зато дополнившего ее сотней частей вымысла. Поскольку ваши работники имеют многочисленную родню по всему Могерату, а международная связь в Хёнконе до неприличия дешева, слухи уже ползут по крупным городам и доходят до моих осведомителей.

— Понятно. Тогда вернемся к изначальному вопросу: почему нам могла бы потребоваться ваша помощь?

— Потому, дэй Саматта, — Мэй наклонился вперед, и на его лице блеснула хищная улыбка, — что я — специалист в игорном бизнесе. Вы наверняка знаете, что наряду с торговлей информацией… э-э, покровительство игорным домам является одним из главных источников дохода "Кобры". И как специалист я утверждаю, что вы допускаете чудовищную ошибку, позиционируя Арену как научный эксперимент на благо всего человечества. Арена — прежде всего игра. Вы сами

сконструировали ее именно так, вы сами придумали правила. Вы совершенно верно распознали один из мотивов человеческого ума, через игру познающего реальность, но полностью упустили из вида еще один: любовь к наблюдению. Вуайеризм в его разных проявлениях захватывает не менее, а иногда даже и более, чем непосредственное участие в процессе — да возьмите для примера любой профессиональный спорт типа бокса. На одного, согласного бить и получать по морде, приходится тысяча, готовых лишь смотреть, и не просто смотреть, а за плату.

— Предположим. И что?

— А то, дэй Саматта, что вы пытаетесь завлечь людей на Арену совершенно не тем, чем следует. Влезть в непонятный белый шар, чтобы побарахтаться в воздухе, для людей страшно. На подобное приключение согласится разве что городская молодежь, да и то не вся. Но вот наблюдать захотят очень и очень многие. Толпа с удовольствием заплатит вам неплохие деньги за просмотр трансляции, а успешно выступающие на Арене станут ее героями — отличный стимул для молодежи и притока новых подопытных.

— Нам не нужны деньги, Мэй-атара, — на лице Саматты появилось усталое выражение, словно у взрослого, в сотый раз объясняющего ребенку прописные истины. — Мы и без того способны оперировать финансами, превосходящими любое человеческое воображение. У нас прямо противоположная проблема: как эффективно оперировать в рамках вашей экономики и при том не обрушить ее пустыми деньгами.

— Да, вам не нужны деньги, — согласился оябун, — что серьезно ограничивает ваш кругозор, не позволяя видеть очевидного. Я не упрекаю паладаров. Разумеется, мудрые бессмертные боги смотрят на жизнь совсем иначе, чем мелкие суетливые людишки вроде меня. Но я предлагаю добавить ресурсы "Кобры" к вашим, чтобы продвигать Арену на Могерате.

— А конкретнее?

— Все очень просто. Мы заключаем негласную сделку. Вы монтируете терминалы Арены в таких количествах, в каких вам захочется, в нравящихся вам городах, а также организуете публичную трансляцию соревнований на максимально широкую аудиторию — каким образом, вам виднее. "Кобра" берет на себя рекламу и вербовку добровольцев для Арены, а также обеспечивает прикрытие в случае серьезных проблем наподобие вчерашней мини-грозы с участием дэйи Фуоко. Формально между нами не возникнет никаких связей, никаких официальных договоров, способных скомпрометировать Университет в целом или отдельных паладаров. От паладаров потребуется лишь

закрыть глаза на тотализаторы, организованные Анъями вокруг Арены. Вы получаете достаточное количество мяса… извиняюсь, добровольцев для опытов, взамен я имею свой профит. По-моему, предложение взаимовыгодное. Что скажете?

— А если мы откажемся?..

— Вы останетесь с единичными добровольцами не самого лучшего качества, — пожал плечами Мэй. — Поскольку подписку о молчании вы с подопытных брать не станете, информация об итогах соревнований окажется доступной, и тотализаторы вокруг Арены возникнут в любом случае. Однако в неконтролируемом варианте они понравятся вам куда меньше, чем контролируемые мной. Людей начнут принуждать к участию, подопытных начнут шантажировать и преследовать с целью повлиять на результаты состязаний, пойдут нехорошие слухи, и так далее. Вы не сможете развернуть эксперимент в планируемых масштабах, я лишусь заметной части прибыли, и никому лучше не станет. Учтите также, что если я окажусь в числе негласных организаторов, я сумею удержать другие кланы Анъями от участия, просто выделяя им часть дохода, и общая эффективность процесса повысится под единым руководством. Я сказал.

— Понятно, — Саматта задумчиво покивал. — Запись вашей речи, дэй Мэй, передана ректору Университета, дальше решение за ней. Однако сразу предупреждаю, что ваши шансы невелики. В ее биографии имеется эпизод, когда бандиты вроде вас украли ее, попытались подсадить на сильнодействующий наркотик и угрожали убить, если ее друзья не выполнят требования. Она не любит преступников. Позже, в бытность диктатором, она неоднократно отправляла их на виселицу. Так что…

— "Кобра" еще весной свернула всю деятельность, категорически не одобряемую паладарами, — Мэй развел руками. — Мы больше не распространяем наркотики и не похищаем людей ради выкупа. Что же до прочей деятельности, то я уже объяснял сэрат дэйе Фуоко, как устроена жизнь на Могерате. Большинство респектабельных аристократических кланов тоже не чуждается контрабанды, сбора денег за покровительство, ростовщичества, даже тотализатора. Разница между "Коброй" и ними лишь в именах и древности происхождения. Так что я надеюсь, что Карина-атара проявит благоразумие и не позволит эмоциям взять верх над трезвым рассудком, которым она, по моим наблюдениям, отличается. Ну, а я, как уже сказал, сделаю все, чтобы не скомпрометировать паладаров связью со мной.

— Я передам и это, — кивнул Саматта. — Ребята, вы как? Наелись? Можно отправляться? Дэйя Фуоко?

Только сейчас Кирис обратил внимание, что подруга сидит над полупустой тарелкой, сосредоточенно уставившись на нее, и крутит в руках палочку. Похоже, она уже давно обдумывала очередную гениальную идею. О чем, интересно? И почему сейчас?

— Я сыта. Спасибо за угощение, дэй Мэй, — сказала она, вскидывая голову. — И все-таки — почему вы не хотите пройти обследование?

— Простой вопрос с весьма сложным ответом, — усмехнулся оябун. — Ну, скажем, самое простое объяснение — мои люди не поймут, если я добровольно стану подопытным кроликом.

— Понятно. Но у меня просьба, дэй Мэй.

Фуоко бросила палочку на стол и резко поднялась, так что ее стул покачнулся и едва не упал.

— Кир рассказывал, что вы пытались с ним сделать и что он сделал в ответ. Я хочу, чтобы вы сделали то же самое со мной. Прямо сейчас.

— Что? — на мгновение маска вежливой бесстрастности слетела с оябуна, и в его глазах мелькнуло изумление, смешанное с неверием. Впрочем, он тут же взял себя в руки. — Сэрат дэйя Фуоко, вы осознаете, чего просите? С помощью своих способностей я убиваю людей. Вы хотите умереть? Или желаете моей смерти?

— Фучи, ты сдурела? — недоуменно спросил Кирис, но подруга нетерпеливо отмахнулась от него.

— Дэй Мэй, я вовсе не хочу умирать. Но я уже мертва.

— Дэйя Фуоко…

— Погодите, не перебивайте. Видите шрамы у меня на лице? — девушка резко ткнула пальцем в левую скулу. — Я же сказала, что уже умерла, просто вы еще не осознали. Точнее, мой мозг умер от долгого кислородного голодания, но я все еще мыслю, дышу, разговариваю. Почему? Не знаю. И мне кажется, что необычные способности эйлахо — вовсе не то, чем выглядят. Мы как дикари, нашедшие какие-то тяжелые твердые штучки и использующие их для колки орехов. А что, если эти штучки — гранаты типа той, что меня убила? И они в любой момент могут взорваться и уничтожить все вокруг?

— Если я вас правильно понял, сэрат дэйя, вы хотите попытаться взорвать гранату прямо сейчас? — холодно спросил Мэй.

— Да. Вы ведь учились в университете, дэй Мэй, вы знаете, что такое любопытство. Я выгляжу живой, но что, если внезапно умру? Я хочу узнать как можно больше, прежде чем это случится. Пожалуйста, я прошу вас! Проверьте свои способности на мне!

— Назовите меня сусликом, если я понимаю, что сейчас

творится в вашей прелестной головке, сэрат дэйя, — сощурился Мэй. — Но я хорошо осознаю, что если с вами что-то случится, паладары прикончат меня на месте. Я прав, сэрат дэй Саматта?

— Дэйя Деллавита, — сухо сказал генерал, — я подключил координатора и Дзии, и они в один голос заявляют, что вы не должны заниматься такими авантюрами. Я не специалист в медицине, но тоже категорически против.

Фуоко сжала кулаки и наклонила голову.

— Взрослые всегда возражают! — упрямо сказала она. — И дэйя Карина тоже против экспериментов, говорит, что опасно. Но как мы узнаем что-либо, если не рисковать? Может, завтра мама-роза рассердится, и мы все умрем на месте. Или опять законы физики изменятся, и мы все равно умрем. И вообще, ректор сказала, что мы должны решать сами. Я решила. Дэй Мэй, обещаю, что если со мной что-то случится, паладары вас и пальцем не тронут. И ваш тотализатор не тронут. А я, если выживу… помните, вы меня звали к себе? Я еще ничего не решила, но если хотите сотрудничать, сговорчивость пойдет вам в плюс. Пожалуйста, дэй Мэй!

Кирис выбрался из-за стола, обошел его и положил ладони девушке на плечи.

— Фучи, ты точно сдурела, — констатировал он. — Тебе что вдруг в голову вступило?

— Кир, я видела тот мир. Комнату, старика, библиотеку… А он видел дэя Юно в тот момент, когда применял свои способности. Может, он умеет подключаться к тому миру, как мы с тобой? А вдруг наложение способностей даст какой-то неожиданный эффект? Мы должны выяснить точно, обязательно должны, а если не сейчас, то когда? А ты меня подстрахуешь.

— Да как?

— Не знаю. Как-нибудь, как получится. Дэй Мэй?

— Мне категорически не нравится ваша затея, дэйя! — резко ответил оябун. — Если вы умрете, то меня прикончат либо паладары, либо ваш отец.

— А если откажетесь, я сделаю все, чтобы отец перестал с вами иметь дело! И имейте в виду, он меня послушает!

Мэй прошипел сквозь зубы что-то невнятное. Судя по тонам, он говорил на катару, но Кирис не понял ни слова. Наверное, ругался.

— Сэрат дэй Саматта, я в затруднении, — наконец бесстрастно сказал он. — Для меня ситуация крайне неожиданна, и я не понимаю, что делать.

— Я могу посоветовать, как лучше взорвать железнодорожный мост или скрытно высадить десант подводных

пловцов на морское побережье, — криво усмехнулся Саматта. — Или как правильно организовать раскопки древнего городища — звание профессора археологии у меня тоже наличествует. Но в вопросах педагогики я пас. Я связываюсь с Кариной, пусть она разбирается со своими протеже. Только учтите, что она сейчас вне зоны быстрой досягаемости, потребуется время…

— Нет! — резко сказала Фуоко, оборачиваясь к нему. — Дэй Саматта, ректор здесь ни при чем. Мы сейчас не в Университете, и у нее нет власти решать. Потом она может сделать со мной что угодно, хоть исключить, но сейчас не беспокойте ее. Пожалуйста! — добавила она почти умоляющим тоном.

Саматта прикрыл глаза ладонью и покачал головой.

— Дзии и координатор в голос советуют не делать глупостей и не проводить необдуманных экспериментов, — он устало опустился на стул. — Но я вижу, что вы с Карой из одного семечка выросли. С ней точно так же, если что-то в голову втемяшится… Кс-с-со! Делайте, что хотите, дэйя Фуоко, я пас. Кара меня потом убьет с особой изощренностью, но сейчас я вас останавливать не стану. Впрочем, и принуждать дэя Мэя — тоже. С ним сами договаривайтесь.

— Дэй Мэй? — Фуоко снова повернулась к оябуну. — Вы готовы?

— Нет, дэйя, не готов! — раздраженно ответил тот. — Вы вообще осознаете, в какое положение меня ставите?

— Да, дэй Мэй. Приношу свои извинения. Но условия прежние: либо мы проводим эксперимент, либо я сама с вами никогда больше дела не имею и отца отговорю!

— Фучи… — Кирис попытался успокаивающе дотронуться до ее плеча, но заработал такой яростный взгляд, что отпрянул, словно от раскаленной печи.

О засмеялась. У тетки-оябунши оказался неожиданно приятный серебристый смех.

— Фуоко-фуна, — сказала она, и ее спутница поспешно принялась переводить на кваре, — ты нравишься мне все больше. Только так с мужчинами и надо. Хочешь чего-то добиться — возьми их за яйца и сдави как следует, лишь тогда они начинают шевелиться. Не знаю, что там тебе предлагал Мэй-пун, но я даю вдвое, если забудешь его и перейдешь ко мне. Пока же, Мэй-пун, сделай то, что говорит Фуоко-фуна. Так и быть, поработаю свидетелем и здесь. И даже дополнительной платы не возьму.

Фуоко напряженно улыбнулась ей. Мэй опять что-то пробормотал на пределе слышимости.

— Значит, сэрат дэйя Фуоко, вы настаиваете, чтобы я вырвал у вас душу — уж не знаю, как назвать по-научному? — спросил он

прежним нейтральным тоном. — Вы осознаете, что, скорее всего, умрете?

— Не так, дэй Мэй. Кир ведь не умер. Я хочу, чтобы вы попытались сделать со мной то же, что и с телом дэя Юно. Я вовсе не намереваюсь умирать, но я должна увидеть то, что видели вы. Или, может, вы что-то увидите. Зорра, Гатто! — скомандовала она встрепенувшимся парсам. — Встаньте по бокам и записывайте, что можете. Они немного умеют колебания метрики фиксировать, — пояснила она Мэю. — А, кстати…

Она решительно расстегнула свою расфуфыренное ципао и вылезла из него, оставшись в нижнем белье.

— Если опять искрить начну, сгорит, — пояснила она изумленно сморгнувшему Мэю, бросая платье на стул и отходя в сторону. — Жалко, в первый раз надела. Вы готовы?

Оябун покачал головой.

— Выйди! — приказал он своему кобуну, до того тихо сидевшему в стороне, а сейчас жадно уставившемуся на девушку. — Закрыть дверь и никого не пускать. Пошел!

Кобун с сожалением бросил на Фуоко еще один взгляд и вышел из ресторана, но дверь закрыть не успел: снаружи донеслись возбужденные крики. Пару секунд спустя в дверь скользнули пять серых бесформенных туш, кольцом окруживших Фуоко с Мэем. За ними ввалилось десятка полтора кобунов "Кобры" с автоматами в руках. Кирис мысленно поаплодировал их мужеству: с такими пукалками против паладарских дронов ловить нечего, что они наверняка понимали — и, тем не менее, бросились на защиту своего бугра. Варуйко выдернула из кобуры пистолет, щелкнула предохранителем и ухватила рукоять обеими руками. Ствол пока смотрел в пол, но, судя по напряженной позе, она приготовилась стрелять при малейших признаках угрозы.

— Атара! — выдохнул один из кобунов. — Здесь паладары… дроны!

— Сам вижу, — спокойно ответил Мэй. — Все в порядке. Выйдите и закройте дверь.

Кобуны запереглядывались, потом, обратив внимание на почти голую Фуоко, принялись пялиться на нее, но под ледяным взглядом оябуна вывалились обратно в коридор. Варуйко расслабилась, убрала пистолет и снова привалилась к стене.

— Последуют ли пояснения дэй Саматта? — осведомился Мэй.

— Координатор передает, что раз уж дэйю Фуоко нельзя отговорить от авантюры, он попытается воспроизвести сканирующую установку, — пояснил паладар. — Результат получится далеким от оптимального, поскольку некоторые

элементы сканеров нельзя создать с нуля в условиях аномальных законов…

— Я не о том, — перебил оябун. — Я не припомню, чтобы в наших договоренностях речь шла о присутствии боэй.

Саматта молча приподнял бровь и едва заметно повел плечом. Мэй поморщился, но тему развивать не стал.

— Вы готовы, дэйя? — сухо спросил он. — Я попытаюсь что-нибудь сделать, но если посчитаю, что вашей жизни угрожает опасность, немедленно прекращу. Разрыв деловых связей все же лучше, чем хитогороси вашего отца.

Он протянул вперед руки со скрюченными пальцами и медленно набрал в грудь воздуха. Его нижняя губа опустилась, оскаливая зубы, ноздри раздулись. Дроны вокруг него вырастили из себя загадочные искривленные решетчатые конструкции. Зорра и Гатто поднялись на задние лапы и замерли неподвижными столбиками. Кирис шагнул к Фуоко, встал позади и положил ей руки на плечи.

Сначала он ничего не почувствовал. Просто тело подруги вдруг окуталось толстой шубой голубовато-серого клубящегося тумана, и из ее горла вырвалось сдавленное сипение. Секунду спустя Кириса вдруг охватило знакомое, уже испытанное однажды под влиянием Мэя чувство: обрушивающаяся со всех сторон вселенная, перемешавшиеся дневной и ночной миры, далекие хоралы, пронзающие уши нестерпимой болью, и странные неясные картины, стремящиеся уничтожить все это и воцариться перед глазами. Но на сей раз он оказался готов. Он двинулся вперед, оставаясь на месте, словно отталкивая грудью налетающий ураганный вечер, уперся в мир плечами и резко расправил их, оттесняя неведомое назад, далеко за привычную уже пляску огненных полотнищ и линий ночного мира. Словно бы хрустнул под невидимым кулаком чей-то нос. Оябун резко выдохнул, отступая назад и опуская руки, а Кирис обхватил обмякшее тело Фуоко руками, скрывшимися под слоем бурлящей энергоплазмы, и сдавил ее со вех сторон чем-то невидимым, но временами ощущавшимся во время экспериментов, как давящая со всех сторон вода, послушная мысленным импульсам. Пара столиков вдруг взвилась в воздух и с грохотов врезалась в стену, к счастью, не развалившись, но оставив на ней глубокие вмятины и трещины. Затрещали молнии, запахло озоном, и туман быстро растаял. Фуоко слабо пошевелилась в его объятиях, но ее ноги подкосились, и Кирис поспешно помог ей сесть. Мэй тяжело сел напротив и потер лоб.

— Ну и что? — спросил он севшим голосом. — Вы довольны, дэйя?

— З*а*мок… — прошептала Фуоко. — Я видела… на секунду…

— Какой з*а*мок? — встревоженно спросил Кирис, заглядывая ей в лицо. — Фучи, ты как?

— З*а*мок на скале… деревня… я уже видела раньше… люди… Пить!

Кирис поспешно налил ей стакан воды, и она выхлебала его несколькими крупными глотками.

— Сердце колотится… — пожаловалась она, почти роняя стакан на стол.

Один из дронов скользнул к ней, оттеснив Кириса, и поглотил полностью, вместе со стулом. Впрочем, стул тут же всплыл на поверхность и отлетел в сторону, стуча по полу. Мэй, О и переводчица дружно вздрогнули.

— Дэй Мэй, Дзии, наш главный врач, спрашивает, не следует ли ему проконтролировать состояние вашего здоровья, — сказал Саматта, внимательно наблюдающий за происходящим. — Процедура абсолютно безопасна, и он гарантирует, что не сделает ничего для вас неприемлемого.

— Спасибо, я в порядке, — Мэй покачал головой. — Сердце колотится и у меня, но в остальном никаких проблем. Что с дэйей Фуоко?

Дрон принял форму глубокого кресла, и девушка медленно проявилась из его глубины.

— Не помру, не беспокойтесь! — сказала она с отчетливыми нотками раздражения. — Дзии, не надо меня так опекать.

Она резкими движениями выбралась из "кресла" и ухватила со спинки стула ципао, но то выскользнуло и упало на пол. Раздраженным движением Фуоко подхватила его с пола и принялась натягивать. Ее руки заметно дрожали, пуговицы в виде небольших цилиндриков упорно отказывались протискиваться в петли. Кирис опустился на одно колено и начал застегивать их от подола вверх, с тревогой глядя на подругу. Сумасшедшая, точно.

— Дэй Мэй, — уже снова вежливо, как и раньше, сказала Фуоко, когда их руки встретились на ее животе, — спасибо за эксперимент. Вы… интересно выглядите в том мире.

— И как же? — таким же вежливо-холодным тоном откликнулся Мэй, но в его глазах зажглось голодное любопытство.

— Не скажу. Вот согласитесь на нормальное обследование… — Фуоко вздернула нос.

— Дэйя Фуоко, вам не кажется, что так нечестно? — температура голоса оябуна опустилась градусов на десять. — Я выполнил ваши требования, а вы отказываетесь даже сообщить мне о результатах… "эксперимента"? Ну что же, в таком случае я

нахожу справедливым не описывать ничего, что почувствовал я.

— Я пошутила, дэй Мэй, — поспешно сказала девушка. — Вы…

Она пошевелила пальцами в воздухе.

— Сложно описать. Огненный белый плащ, голова, как у волка, но на ней кривые рога вот такие… — она раздвинула ладони примерно на полметра. — В одной руке крест с петлей наверху, в другой крюк с длинной ручкой. И какие-то странные знаки вокруг плавают. Я видела только мельком, детали не разобрала. А что видели вы?

— Я не силен в устных описаниях, дэйя, да и видел вас вряд ли много дольше, чем вы меня. Но примерно так: ваша одежда состояла из одной длинной узкой юбки от талии до пят из ткани, богато вышитой золотом и драгоценными камнями. Выше талии вы, простите, оставались обнаженной. Волосы сверху и сзади закрывал платок из чередующихся синих и желтых полос. Над головой плавала в воздухе странная конструкция в виде чуть расширяющегося вертикального цилиндра с высокой задней стенкой со вставленным овоидом, заостренным сверху. Она также являлась золотой с рубинами. В руках вы держали нечто, очень похожее на длинный скипетр с раздвоенным низом и навершием в виде собачьей головы. Последняя деталь — ослепительные лучи, тянущиеся от скипетра к неразборчивой толпе на заднем плане. Все. Что касается дэя Сэйтория…

Мэй задумчиво посмотрел на Кириса.

— Ладно, так и быть. На сей раз бесплатно. Я не разглядел его толком, но складывается впечатление чего-то большого и угрожающего. Что-то типа косматого гиганта с большой дубиной из вихрящегося черного пламени. Сэрат дэй Саматта, что зафиксировали ваши дроны?

— Массивы сырых данных еще не обработаны, да и не ко мне вопрос. Я не имею почти никакого понятия о физике. Можете обсудить ситуацию с координатором… — Паладарский генерал прислушался к чему-то неслышному. — Нет, он передает, что данные наблюдений не разглашаются лицам, отказывающимся от сотрудничества. Однако предложение о полноценном обследовании остается в силе — не как оябуну клана Анъями, а как частному лицу. Как с нами связаться, вы прекрасно знаете.

Фуоко протянула руку и тяжело оперлась о плечо Кириса.

— Дэй Мэй, мы поедем, ладно? — слабо спросила она. — Я что-то не очень хорошо себя чувствую.

— Разумеется, дэйя, — Мэй приблизился, опустился на одно колено и поднял с пола что-то сверкнувшее желтым и красным. — Не потеряйте, вещь ценная. Надеюсь, мы еще не раз увидимся. И

не забывайте про курорт и косметологов.

На его раскрытой ладони лежала брошка: золотая саламандра с рубиновыми глазами. Фуоко взяла украшение — ее пальцы все еще дрожали — и сжала в кулаке.

— Спасибо, дэй Мэй… — Она неловко кивнула и тут же поспешно ухватилась за плечо Кириса. — Сайёэра да, — пробормотала она в сторону О, на сей раз с резким кайтарским акцентом. — Кир, идем, а?

Уже когда они выходили из ресторана в холл гостиницы, Мэй коротко свистнул. Кирис обернулся как раз в тот момент, когда Вара перехватила в воздухе брошенную Мэем бутылку с вином. Оябун подмигнул ей, и Варуйко широко ухмыльнулась в ответ. Гигантскими слизнями дроны выкатились в холл следом за остальными и, мелькнув неслышными тенями, растворились в черноте тропической ночи за дверью отеля. С каждым шагом Фуоко двигалась все увереннее, и когда забиралась в микроавтобус, уже отпустила руку Кириса и шагала самостоятельно.

— С вами все в порядке, дэйя Фуоко? — осведомился Саматта, когда машина сорвалась с места и вылетела в проход между пакгаузами, бросая резкий свет фар на деревянные стены. — Вы плохо выглядите.

— Все в порядке, дэй Саматта, — неожиданно кротко, без раздражения, откликнулась девушка. — Действительно в порядке. Тело с трудом слушалось, но никаких плохих ощущений. Все уже прошло.

— Мы едем в консульство. Дзии грозится, что в стационарной установке разберет вас по косточкам, — генерал нахмурился. — В остальном…

Он замолчал, потом неожиданно усмехнулся.

— Вот ведь сволочь, а! Я имею в виду, Мэй. Ребята, вы хоть поняли, что произошло?

— Он нас выдолбил во все дыры… ох, простите, дэй Саматта, — тусклым тоном откликнулась Фуоко. — Девочке из хорошей семьи такие слова знать не положено, я вон от него набралась, — она бросила на Кириса взгляд, которому следовало бы казаться лукавым, как всегда в моменты подобных шуток. Сейчас в нем не замечалось ничего, кроме страшной усталости. — Я хотела сказать, что все понимаю. Но я его тоже… э-э, использовала. В следующий раз как следует подумает…

— Стоп, Фучи, — Кирис легко ткнул ее пальцем в бок, и та вздрогнула от щекотки. — Можно еще раз, для идиотов? Как он нас поимел?

— Дубина… — девушка привалилась к его боку и поерзала,

устраиваясь поудобнее. Кирис обхватил ее руками, сдвигая на живот и грудь. — Кир, он же выёживался перед той теткой, О. Вовсю изображал перед ней, какой он крутой, что к нему даже наследница семьи Деллавита по первому кивку бежит, задрав хвост. Сначала соврал, что паладары заставили его отдать тело, позвал ее как свидетеля, а потом выпендрился по полной программе. Авторитет себе заработал, сволочь. А меня, между прочим, отдал тогда другим бандитам, даже сопротивляться не попытался! — добавила она уже другим тоном, в котором отчетливо слышалась злость.

— Да, мерзавец еще тот, — согласно кивнул Саматта. — Обаятельный, умный и расчетливый. И твою сестру, Кир, к себе расположил ценой всего-то одной бутылки, — он кивнул в сторону переднего сиденья, где расположилась Варуйко. — Чрезвычайно опасная личность, ребята, поаккуратнее с ним.

— Зато я его тоже поимела, — криво улыбнулась Фуоко. — Заставила в эксперименте поучаствовать.

— И чуть ласты не склеила, — буркнул Кирис. — Чокнулась, что ли? На тебя что вообще нашло?

— Маразматик ты, Кир, и зануда, — девушка дернула головой, чувствительно стукнув его затылком в грудь. — Не понимаешь — не лезь.

— Ты, что ли, понимаешь?

— Нет. Кир, мне чем дальше, тем больше ясно, что происходящее — вовсе не то, чем кажется. Наши молнии, ветвистые и шаровые, телепатическое общение, мои дохлые мозги — все совсем-совсем не так. Мои видения — мама-роза в оранжерее, библиотека, мертвый старик в комнате, замок на скале — особенно замок, он в последнее время часто перед глазами мелькает… Все не так, Кир. Я же чувствую, есть какая-то система, нам пока не видимая. А если мы не станем ее исследовать, то и не увидим.

— Фучи, — Кирис ласково провел руками по ее волосам, — если помрешь, кому легче станет?

— Я уже померла. И ты тоже. Кир, когда до тебя дойдет? Мы все еще дышим и движемся лишь потому, что какая-то неизвестная фигня нам позволяет. Ты знаешь, как она устроена и что у нее в голове варится? К чему она стремится? Я — нет. Мы можем прямо сейчас вырубиться, и уже с концами. Тихо! — с нажимом сказала она, когда Кирис набрал в грудь воздуха для ответа. — Не надо мне мозги трахать, Кир. С остальными частями тела классно получается, но мозги не трожь, — она провела ладонью по его бедру. — Сама все знаю, не маленькая.

Автобус закончил петлять между складами и выскочил на

шоссе в сторону близких огней городских небоскребов. Какое-то время ехали молча, и Кирис просто наслаждался теплом тела подруги, проникавшим сквозь ее платье. Вот доберутся они до консульства, и он покажет, что именно нужно трахать в такой очаровательной красотке. Нет, точно не мозги.

— Дэйя Фуоко, — вдруг спросил Саматта, — вы можете еще раз вспомнить ваше видение? Как вы описали оябуна "Кобры"?

— Могу, — вяло согласилась та. — Здоровый дядька, мускулистый, голый по пояс, в таких мешковатых странных штанах с завязками на лодыжках. Башмаки смешные, с загнутыми острыми носами и помпонами. Плащ на шее болтается… нет, раздувается за спиной, как от сильного ветра. На запястьях золотые браслеты, в одной руке такой белый крест с петлей на конце, в другой длинный крючок. И рога здоровые из собачьей башки торчат на полметра вверх и в стороны.

— Вот так?

Паладар протянул руку, и его ладонь раздалась в стороны, уплощилась и превратилась в небольшой экран. На нем зажглась картинка: один в один то, что описала Фуоко. Глаза на волчьей морде свирепо горят (в буквальном смысле), зубы оскалены, демонстрируя нехилые клыки, буйная шевелюра вокруг рогов растрепана, словно сильным ветром…

— Да. А вы откуда знаете? Или просто нарисовали по рассказу?

— Нет, не нарисовали. Вернее, нарисовали, но не сейчас. И вы упомянули замок — вот такой?

Картинка на ладони-экране сменилась: высокая скала, нависающая над лесом далеко внизу, далекое тусклое солнце, стены-башни-ворота-шпили, флаги неизвестных стран развиваются по ветру…

— Типа, да. Детали отличаются, но в целом очень похоже. И без флагов. Откуда вы знаете, дэй Саматта? Вернее, откуда координатор знает? Я же никогда не рисовала!

— Координатор передает, что данный персонаж называется "Инициатор", а замок — "Белая цитадель". Он настоятельно просит избегать любого использования ваших особых способностей до возвращения в Хёнкон, а если вас угораздит снова провалиться в видения, избегать данных сущностей любой ценой.

— Почему? — Фуоко оттолкнулась от Кириса и села прямо. — Что такое "инициатор"? Дэй Саматта?

— Ничего не могу сказать… пока. Дэйя Фуоко, потерпите. Я сам плохо разбираюсь в происходящем, а официальное объяснение мы дадим…

Генерал сделал паузу.

— …сегодня. Через пару часов, одновременно в Кайтаре и Ставрии. Вас тоже введут в курс дела. Дэйя Фуоко, ваши видения оказались чрезвычайно важны — что, должен заметить, не спасет вас от выволочки со стороны Кары, когда та вернется. Хм. Может, стоит запереть вас в сейф понадежнее и не выпускать оттуда?

Паладар ехидно усмехнулся. Фуоко фыркнула и гордо вскинула нос, опять пихнув затылком в грудь Кириса. Огни городских улиц уже окружали их со всех сторон, микроавтобус едва плелся посреди сонма мотоциклов и автомобилей, и Кирис, хмыкнув, принялся смотреть в окно. Пару часов вполне можно подождать.

— Дэй Саматта, — спросил он, — а ему… Мэю действительно позволят тотализатор на Арене устраивать?

— Не ко мне вопрос, Кир. Меня на встречу отправили именно потому, что я никто. Полномочий на переговоры не имею, зато специализируюсь на свертывании шей преступникам. Думаю, он хорошо понял сигнал, спеси у него поубавилось. Однако если хочешь знать мое мнение — выбора у нас особого нет. Он все правильно по полочкам разложил. Если не "Кобра", то кто-то еще тотализатор устроит, и последствия окажутся весьма неприятными. Да и версия насчет боязни мира духов кажется правдоподобной — посмотрим, что насчет нее эксперты Стора и Камилл скажут. Кроме того, "Кобра" явно демонстрирует желание честно работать на наших условиях и действительно отказалась от работорговли и распространения тяжелых наркотиков. Мэй серьезно рискует своей репутацией, сильно вкладываясь в предполагаемое сотрудничество без каких-либо обещаний с нашей стороны, и я не могу не оценить его решимость — и степень азартности его игры. А что он мерзавец, так ткните мне пальцем в порядочного политика, вместе посмеемся. У себя дома, в Катонии, я такого ровно одного знаю, некий Исэйка… А, неважно.

— Понятно…

Краем глаза Кирис поймал отблеск на чем-то ярком. Скосив глаза, он увидел, как Фуоко задумчиво смотрит на лежащую на ладони брошку-саламандру. А ведь Мэй наверняка мог бы зажилить дорогую побрякушку, но отдал. Хотя, возможно, просто решил, что ее все равно заметят парсы или Саматта, а потому набрал лишние очки. Значит, перед О рисовался? Сволочь. Впрочем, бандит и есть бандит. И потом, если бы не его помощь, Фучи они нашли бы с большим трудом и, возможно, слишком поздно, так что хрен с ним. Один раз под него прогнуться можно в знак благодарности. Главное, чтобы у него в привычку не

вошло.

Теперь осталось дождаться, чего же такого занимательного расскажут паладары.

"Вниманию Паллийской рабочей группы. Координатор в канале. Экстренно. Сверхважно. Незапланированный эксперимент Фуоко Деллавита с вероятностью 0,97 подтвердил, что Арасиномэ напрямую связан с культурным контекстом игровой площадки Брагата. Запись эксперимента и комментарии прилагаются. Каким образом Брагат связан с данным явлением, пока что остается загадкой, однако проявляющиеся элементы его Игры потенциально имеют катастрофические последствия для всего населения Паллы. Отказываюсь от нейтралитета и отдаю свой голос за намеченное объяснение. Камилл, Майя, Суоко, рекомендации по проведению беседы прежние. Майя, рекомендую отказаться от эксперимента, запланированного на ближайший планетарный час. Карина, как персоне, эмоционально сближенной с Кирисом Сэйторием и Фуоко Деллавита, рекомендую взять на себя их введение в курс дела сразу после возвращения. Конец сообщения".

"Координатор, контакт. Карина в канале. Привет, говорит автоответчик. Мне нужно быстренько сбегать в Большую Вселенную, скоро вернусь. Если что-то сверхсрочное, шлите трансграничные сообщения. Конец связи".

"Координатор, контакт. Майя в канале. Отмену эксперимента считаю нецелесообразной в силу проведенной подготовки. Повторная подготовка окажется гораздо более трудоемкой в силу психологических особенностей объектов эксперимента. В остальном действую по плану. Отбой".

Параллельный временной поток. Москва, Джамтерра, Большая Вселенная

Зимний ветер нес мелкий снег, швырял в лицо пригоршни ледяной крупы, забирался под майку и шорты и злобно пытался их сорвать. Температура, как подсказывали датчики проекции, держалась на уровне минус трех градусов по местной стоградусной шкале, называемой невыговариваемоей фонемой "Тсельтсиус". Оптические сенсоры передавали сюрреалистичную картину: хаотично торчащие тут и там части стен низких деревянных домов, выглядывающие из-под наметенных сугробов участки мощеной дороги, начинающиеся и обрывающиеся где попало, деревянные же столбы с натянутыми кое-где проводами, идущими из ниоткуда в никуда… И тени — мелькающие тут и там тени, размерами и формой отдаленно напоминающие человеческие силуэты. Вот, скрипя, проехала телега, невероятным образом балансируя на трех больших деревянных колесах с деревянными же спицами, но без признаков шин: передний правый угол вместе с колесом отсутствует, слева одна плохо оструганная толстая деревянная палка торчит под углом вверх и вперед (кажется, она должна прикрепляться к упряжи тяглового животного — здесь ведь коней используют? Или быков? Следовало бы выделить пару дней на вдумчивое изучение истории Старой Земли или хотя бы ее исковерканного аналога, созданного джамтанами и Робином…) За телегой прокатился странный агрегат, изрыгающий облака чада и немилосердно тарахтящий: рама на четырех колесах с громоздким мотором впереди, но без каких-либо признаков кузова.

Карина поежилась. Хотя она подкорректировала передаваемые фантомной проекцией ощущения, чтобы чувствовать себя не слишком дискомфортно в зимнем климате, хмурое небо с низко несущимися облаками, серые буранные сумерки и дикая пародия на человеческий город лишь усиливали депрессию. Зря все-таки она решила посмотреть на Джамтерру своими глазами. Логика джамтан вычислению решительно не поддавалась, лишь дополнительно действуя на нервы своей непредсказуемостью. Пусть даже они исчезли в неизвестном направлении, перепугавшись Арасиномэ, их творение продолжало существовать само по себе. Ну, может, и к лучшему. Люди — не лабораторные мыши, чтобы их разум под микроскопом

препарировать.

Переступив босыми ногами по острым лезвиям мерзлой грязи, она решительно переключилась в основной канал местной псевдореальности, транслируемый Робином. Местность вокруг мгновенно изменилась. На месте обрубков стен и ведущих в никуда окон возникли дома: двух- и трехэтажные, некоторые бревенчатые, некоторые оштукатуренные. По расчищенной мостовой катился изящный конный (все-таки конный — а где тогда быки, в другой стране?) экипаж, несколько человек в теплых длинных пальто ("шинелях", подсказал канал) с поднятыми воротниками и в высоких шапках из курчавой шкуры ("папахах") озабоченно шли куда-то по своим делам. Полоса выцветшей красной ткани с неразличимыми буквами болталась меж двух столбов. Проехал еще один автомобиль — на сей раз полноценный, с черным глянцевым кузовом с матерчатым верхом и дребезжащими стеклами. Куда-то деловито бежала собака с костью в зубах. От высокой колокольни с потемневшим луковичным куполом доносился унылый монотонный перезвон. Ну да, здесь монотеизм того же типа, что и Церковь Колесованной Звезды, даже архитектура религиозных строений приблизительно схожа.

"*Трактир "У мордвина*", гласила вывеска над входом в здание, рядом с которым стояла Карина. Да, все правильно, Робин упоминал, что маяк поставлен перед входом в местный ресторан. Переступая по деревянным ступенькам и оскальзываясь на мелких островках льда, она поднялась на невысокое крыльцо и толкнула большую тяжелую дверь. Рука провалилась сквозь нее, не встречая сопротивления. Ах, да. Карина сосредоточилась, включила режим интерактивного взаимодействия — и тут же едва не полетела кубарем под особенно могучим порывом ледяного ветра, усиленного эмулятором реальности. Она успела ухватиться за массивную перекладину, заменявшую двери ручку, и сохранила равновесие, хотя и больно ушибла большой палец. Кс-со! Она с усилием потянула дверь, и в лицо ей ударила волна теплого воздуха, смешанного с вкусными запахами, гулом голосов и залихватским треньканьем какого-то струнного инструмента. Между столами сновали официанты в шароварах и вычурно расшитых красных рубахах, таская на подносах дымящиеся тарелки и горшочки.

В большом зале тут и там сидело человек двадцать, поодиночке и мелкими группами, и еще одна группа из полутора десятков человек оккупировала дальний угол, составив вместе столы. На музыкальном инструменте ("балалайке", автоматически подсказал канал, распознав заинтересованный взгляд) играл

щуплый мужичонка в "валенках" и "тулупе", устроившийся на трехногом табурете поблизости от входа. Впрочем, музыка немедленно стихла: мужичонка уставился на Карину с раскрытым ртом. Волна тишины и неподвижности раскатилась от нее по трактиру во все стороны, и она слишком поздно вспомнила о местных правилах приличия. Дура! В Четырех Княжествах, с которыми она подсознательно путала Российскую Империю, мелкая девчонка в легкой майке и шортах не вызвала бы даже и заинтересованного взгляда. Здесь же принято кутаться в одежды с головы до ног, а женщинам, кажется, еще и лицо закутывать нужно (или опять воспоминания о другом культурном контексте?) Ксо! Почему она не освежила в памяти местные правила игры, прежде чем соваться сюда? Или даже так: зачем она вообще согласилась включиться в джамтанскую псевдореальность Старой Земли? Ведь ей всего лишь хочется поговорить с папой. Только расстроенными чувствами такую глупость объяснить и можно…

Резкий свист прорезал воздух, и обстановка внезапно снова стала нормальной: затренькал на "балалайке" мужичок, засновали "половые", застучали столовые приборы. Из группы в углу ей замахал рукой знакомый мужчина: лицо прорезано резкими морщинами, черные волосы светятся густой сединой, но взгляд озорной — такой же озорной, как и у сидящего рядом (он-то откуда взялся?) Лики. Сколько лет сейчас местной версии Олега Кислицына — пятьдесят семь, пятьдесят восемь? Немногим старше Лики и ее самой, но видно, что в душе ему все те же пятнадцать, и буйная энергия хлещет через край. Рядом с ним — женщина… Оксана Шарлот? Да, послушно подсказала ассоциативная память. Если время в здешней псевдореальности по-прежнему идет синхронно с текирским, ей сейчас сорок с небольшим, но на вид больше тридцати не дать. Остальных Карина не знала.

Она неуверенно приблизилась, вглядываясь в лица, но лишь через несколько секунд разглядела отца, и то лишь благодаря на мгновение мигнувшему маяку. Джао скромно сидел в самом углу и молчаливо улыбался. Он носил ту же самую маску, что и на Текире, хотя в здешних краях высокие скулы и узкие глаза явно выдавали в нем иностранца. Вероятно, намеренно: его одежда, чем-то похожая на ту, что использовалась на Могерате, резко отличалась от надетой на окружающих.

— Здравствуй, Карина, — автопереводчик замешкался, ожидая полного контекста, и нотки рокочущего русского языка в речи Олега резанули уши. — Робин предупредил, что ты появилась. А у нас здесь как раз небольшая встреча — сидим и

замышляем очередной заговор против самодержавия. Весь московский первый стратум здесь собрался. На прочую обстановку не обращай внимания, здесь только третья страта и декорации под полным контролем Робина. Ребята, познакомьтесь, — он широким жестом указал на гостью, — Карина. Она Демиург.

— Да какой она Демиург! — ухмыльнулся Лика, ковыряя в зубах зубочисткой. — Плакса и зануда. Верьте мне, я свою сестричку лучше знаю.

— Оксана, ты рядом сидишь. Стукни его чем-нибудь тяжелым по голове, а то мне не дотянуться, — попросила Карина. Женщина рядом с Олегом дружески улыбнулась ей и несильно стукнула Лику костяшками кулака по темечку. Тот преувеличенно-громко ойкнул и изобразил обиженную гримасу. — А-а… здравствуйте, господа, — она вежливо поклонилась остальным мужчинам, с интересом ее рассматривающим. — Прошу прощения за внешний вид, я хотела всего лишь встретиться с отцом и не догадалась одеться для общества.

— Ничего страшного, пани Карина, в компании господина Кислицына и, в особенности, вашего брата мы и не такого навидались, — пробурчал невысокий полный мужчина в клетчатом пиджаке, чьей речи переводчик придал странный акцент. Подсунутое каналом определение "польский" Карине ничего не говорило. — Освободить вам местечко?

— Нет-нет, господин Крупецкий, — чтобы успеть считать имя говорящего, не делая неудобных пауз, Карине пришлось на мгновение повысить несущую частоту своей психоматрицы, замедлив окружающий мир. Положительно, она не готова к таким встречам. Нужно исчезнуть, пока она не начала доставлять неудобство окружающим. — Спасибо, но в другой раз, я уже ухожу. Пап?

Она вопросительно взглянула на Джао. Тот утвердительно качнул головой, и Карина, поклонившись веселой компании и ухватившись за тонкую ниточку приглашения, сместилась в небольшую уютную комнату, заставленную мебелью: диван, несколько кресел, ковер на полу, тяжелые гардины, задергивающие комнату, и тусклые нити электрических ламп в рожках люстры.

— Привет, Кара, — сказал Джао, крепко обнимая ее. Карина прижалась к нему и обхватила руками, как в детстве, спрятав лицо на груди. — У-у, как плохо! Ты опять все-все испортила? Ну-ка, признавайся, опять мою любимую голубую чашку разбила?

— Вредина ты, пап, — глухо сказала Карина. Несколько

секунд она продолжала обнимать его, потом с сожалением отлепилась. — Просто сбежала на пару часов из Университета. Имею я право на отгул хотя бы раз в полгода? Хотя бы тамошнего?

— Даже раз в сезон имеешь, — согласился Демиург, почти силой усаживая ее в кресло и устраиваясь на диване рядом, поджав ногу. — Но поскольку ты уже взрослая и самостоятельная девочка, то забежать к старику-отцу поболтать просто так считаешь ниже своего достоинства. Ты являешься лишь за моральной поддержкой. Зная твою нелюбовь к трансграничным перемещениям, могу предположить, что либо опять все сломалось, и на твоей совести несчетные человеческие жертвы, либо ты еще лишь собираешься с духом сделать катастрофический шаг. Что случилось? Опять Камилл нахулиганил, и ты не знаешь, как ему правильно выговор сделать?

— Ох, что мне Камилл… — вздохнула Карина, ерзая в кресле, чтобы устроиться поудобнее. — Пап, мы решились рассказать всей Палле об Игре.

— Поздравляю. Я же говорил, что пора. Координатор снял возражения?

— Он все еще колеблется. Говорит, что по совокупности факторов не может предсказать реакцию общества и долгосрочные последствия. Зато Камилл с Майей горят энтузиазмом и нетерпеливо ожидают новых возможностей для политической игры.

— Предсказывать реакцию общества — вообще занятие неблагодарное, — Демиург пожал плечами. — Слишком много переменных факторов, слишком велико влияние хаотических процессов. Я лично всегда предпочитал не предсказывать, а направлять и формировать. Но, насколько я помню последний визит, паладары на Палле пользуются большим авторитетом. Боишься его утратить?

— Ох, пап… — Карина грустно усмехнулась. — Мне на авторитет наплевать. Мы запустили Университет, так что можем с чистой совестью вообще убраться восвояси. Программа-минимум выполнена.

— Тогда что?

— Я боюсь, что мы играем с огнем. Мы все еще не видим полную картину. Правительства паллийских государств пока не успели развернуть полномасштабные программы обследования, но уже ясно одно: энергоплазма в человеческих телах проявляет повышенную активность в момент не только физических травм, но и просто повышенного эмоционального напряжения. А то, что

мы объявим, очень сильно повысит общий эмоциональный фон. После той пресс-конференции, где мы объявили о грядущем взрыве звезды, по всему миру зафиксировали множественные проявления способностей эйлахо, в основном искрение. И внезапные смерти, сопровождающиеся кипением энергоплазмы — их количество выросло в несколько раз. Что случится после нынешнего объявления, мне даже страшно подумать. Получается, что мы убиваем людей…

— Кара! — Джао погрозил ей пальцем. — Я с самого детства тебе одно и то же талдычу: не пытайся взваливать весь мир на свои плечи. Не ты создала Паллу, не ты вела там Игру. Не ты привела туда Глаз Бури. Твоя задача — спасти не отдельных людей, а культуры Паллы…

— Я знаю, пап! — Карина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Тяжелая свинцовая усталость пронизывала все тело… не существовавшее уже несколько десятилетий, всю ее сущность. Хотелось спать — и, вероятно, следовало поддаться позыву и уснуть хотя бы на несколько планетарных часов. Иначе опять может случиться информационная перегрузка, и тогда система поддержки психоматрицы принудительно отправит ее в темный сон в самый неподходящий момент. Вот прямо здесь, в несуществующем кресле несуществующего мира, взять и уснуть. Папа поймет, даже и пледом укроет, чтобы не замерзла… — Я знаю. Но я не могу не видеть живых людей, являющихся носителями этих культур.

Она потерла глаза.

— Я их не так часто встречаю, людей. У меня все время уходит на какие-то бесконечные совещания. Наблюдательный совет разросся до восемнадцати человек, и все постоянно чем-то недовольны — вот наконец-то закончили согласовывать программу курса всемирной истории, например. Представь, больше двадцати декад обсуждали мелочи типа как назвать результаты переговоров в Тиммане полтора века назад — выплатой Кайтаром репараций, как Ставрия настаивает, или его участием в восстановлении разрушенной войной экономики Росуги, как считает сам Кайтар! Цу уже ругается в голос, скоро кусаться начнет, а толку-то? Они просто от своих министерств образования запросы транслируют. А ведь мы еще даже с Фисты наблюдателей толком набирать не начали. Согласование учебных программ, особенно по новым дисциплинам типа экзобиологии, постоянные разговоры с политиками всех стран — им не дела обсуждать хочется, а на меня поглазеть, общение с аналитиками Стораса — они страшно умные и сообразительные ребята, но занудливее даже тебя, и я еще и нейрофизиологию и

нейрохирургию местных биоформ пытаюсь осваивать… В Сураграше командовать и то легче. Я уже половину времени несущую вдвое разгоняю, чтобы успевать, почти всю административку и финансы на Стораса спихнула… Ох, я опять начала жаловаться. Прости, пап. Марика я уже достала окончательно, он к Харламу начал сбегать, физику континуума, говорит, изучает, теперь вот тебя достаю.

— Ну, на что же еще нужны родители, если не для того, чтобы их огорчать? — Джао тихо засмеялся. — И куда делась маленькая тощая девочка, целыми днями сидевшая над учебниками? Да, Кара, ты выросла. По меркам Старших ты все еще младенец, но подавляющее их большинство по сравнению с тобой — просто инфантильные подростки. Кстати, у нас на Текире сейчас какой год? Восемьсот семьдесят девятый? — Демиург на мгновение задумался. — Точно, четырнадцатый период кончается. Тебе же полтора периода назад пятьдесят текирских лет исполнилось. Круглая дата, юбилей, а я даже не поздравил.

— Было бы с чем поздравлять… — Карина сжалась, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. — Знаешь, папа, на меня все смотрят, как на… на… на какую-то спасительницу мира. Что в Сураграше в свое время, что сейчас на Палле. Словно я богиня, способная мир одним движением пальца изменить. А я не богиня. На публике я такую вот роль разыгрываю — уверенная в себе, уравновешенная и загадочная инопланетянка. Но внутри я знаю, что я все та же маленькая насмерть перепуганная девочка, в сорок третьем вытащенная тобой из камеры пыток в Институте Человека. Я ни капли не выросла и не изменилась. Все время боюсь, что что-то не так сделаю, что из-за меня опять люди погибнут… опять…

Она уткнулась лбом в колени. Джао резко поднялся с дивана, подошел к ней и втиснулся в то же кресло, рядышком. Карина, как в детстве, прижалась к его боку, глядя на него снизу вверх, и Демиург осторожно обнял ее одной рукой. Пальцами другой он легонько щелкнул ее по носу.

— Пожалуй, тридцать пять лет назад я все-таки переборщил с вбиванием тебе в голову чувства ответственности, — задумчиво сказал он. — Ты все же пытаешься тащить на себе целый мир, как бы я тебя ни отговаривал. Не надо, Каричка. Снова напоминаю: не ты ответственна за ситуацию на Палле. И они далеко не дети, сами способны о себе позаботиться.

— Они хуже, чем дети! — обиженным тоном заявила Карина. — Дети, по крайней мере, не умеют так зубы заговаривать. И взрослых слушаются.

— Ты, что ли, у нас взрослая? — тихо засмеялся Джао. — Кто мне только что рассказывал, что внутри маленькая испуганная девочка? Ох, Кара! Ты сейчас страшно напоминаешь малявку, жалующуюся родителям, что другие малявки в песочнице совочек с ведерком не отдают. Самой-то не стыдно?

— Я бесстыжая, — улыбнулась в ответ Карина, чувствуя, как на сердце становится легче. — По крайней мере, некоторые попы в Кайтаре и Ставрии именно так заявляют. Официально разрешенный нудизм в Хёнконе для них что нож острый. Вот, кстати, самая большая проблема, пап. Может, подскажешь, что с ними делать?

— С попами? — удивленно переспросил Демиург.

— Ага. Нет, я не про тех, кому нудизм не нравится. Я про Церковь Рассвета в целом. Ты слышал, что они в Кайтаре все-таки договорились папу выбрать? Что-то типа самого главного епископа…

— Я в курсе, координатор новости рассылает всем интересующимся. И?

— Пап, если мы открыто объявляем, что Паллу создали искусственно, что вся ее история развивалась в рамках Игры, что человека сотворил не Ваххарон, а бездушная фантомная машинерия, запущенная Лотто, между прочим, не без твоего участия…

Она шутливо ткнула Джао в бок.

— …А использовался в качестве образца геном с другой, далекой и давным-давно мертвой планеты… Пап, боюсь, Церковь Рассвета превратится в наших самых страшных врагов. Одно дело — когда явились какие-то Чужие, непонятные, но, по крайней мере, не противоречащие своим существованием святым писаниям, и совсем другое — когда оказывается, что они по жизни поклонялись выдумкам, созданным исключительно ради развлечения одного такого Чужого. Они полностью теряют почву под ногами, им придется сопротивляться просто из-за инстинкта самосохранения. А ведь у них в Кайтаре немалый моральный авторитет. Со Ставрией легче, там церковь подмята государством и фактически является одним из госдепартаментов, но на Типпе у нас прогнозируются огромные сложности. Вплоть до того, что нас объявят самозванцами и лжецами, вышвырнут с континента и прекратят всякое сотрудничество.

— Балда! — веско сказал Джао. — Кара, ты у меня с младых ногтей умница и красавица, но иногда твоя узость мышления просто поражает. Ты привыкла к рациональному взгляду на мир. Ты считаешь, что если какие-то факты не укладываются в рамки известных теорий, то нужно либо перепроверять факты, либо

переделывать теории. Но в подавляющем большинстве люди вовсе не такие. Ты привыкла вращаться среди себе подобных и не осознаешь, по крайней мере, эмоционально, что многим людям попросту наплевать на логику. Начиная с религий Старой Земли все вероучения просто нашпигованы вопиющими противоречиями в том числе с фактами реальной жизни. И что? Разве количество верующих из-за этого когда-то уменьшалось? Старый-старый принцип "верую, ибо абсурдно" никогда не утрачивал актуальности.

— Но…

— Никаких "но". Слушай, что тебе говорит старый мудрый папаша. Ты и по собственному опыту могла бы осознать, что людям все равно, во что верить, лишь бы вера обещала что-то полезное и приятное. Мало тебя саму обожествляли сначала в Сураграше, а теперь и на Палле? Религия Рассвета попросту перестроится. Старые писания превратятся в Ветхий Завет, паладарские сказки — в Новый, вот и все. Что они станут друг другу противоречить почти полностью, верующим наплевать. Я не сосредотачивался на текущем паллийском культурном контексте, но замеченного краем глаза в мой последний визит хватило, чтобы понять: процесс в данном направлении уже идет, поскольку все предпосылки сложились задолго до вашего появления на Палле. Вы лишь ускорите его, не более. Да, оппозиция вам в церкви Рассвета неизбежно возникнет, но ее сметут изнутри — молодые и амбициозные клирики не упустят возможности занять командные позиции, отправив в отставку закоснелых стариков. Вот и все дела. Не терзай себя попусту, Кара, просто сосредоточься на том, что нужно сделать здесь и сейчас. Проблемы надо решать по мере их поступления.

— Как у тебя все просто… — вздохнула Карина.

— У меня все сложно. Я, между прочим, один из наиболее опытных Корректоров, так что проблемы с радикальной перестройкой общества знаю не понаслышке. Но я знаю также, что предсказывать будущее бессмысленно. Даже мы можем лишь в общих чертах прогнозировать его, рискуя радикально ошибиться. Через пару-тройку тысяч планетарных лет, после нескольких собственных успешных коррекций и десятка проваленных, мы к данной теме еще вернемся. А сейчас давай о чем-нибудь более приятном поговорим.

— После каких успешных коррекций? — удивилась Карина. — Пап, ты о чем?.. Так, стоп. Ну-ка, признавайся, что ты опять задумал? Не делай мудрое лицо, я тебя знаю! Ты ведь с самого начала меня в Корректоры готовил, да?

— Старею… — Джао возвел глаза к потолку. —

Проговариваться начал. Да, Каричка. Ты у меня умница и красавица, а потому врать тебе бессмысленно. С самого начала я не только воспитывал новое поколение Демиургов, но и готовил себе смену. Тебя в первую очередь, но и остальных — тоже.

— Но зачем?

— Затем, что если уж наша глупая бессмысленная раса начала творить жизнь и разум, пусть даже ради развлечения, нужно позаботиться, чтобы зажигаемые искры не гасли во тьме. Специфичные социальные конструкции Большой Игры не способствуют нормальному развитию общества, а значит, кто-то должен аккуратно вычищать их по завершении развлекухи. А кроме меня, активных Корректоров почти не осталось.

— Значит, сперва Сураграш, а теперь Палла…

— Да. Учебные классы. Дипломные работы. Практические занятия по теме, если хочешь. И это лишь начало: у меня есть несколько заявок на коррекцию с игровых площадок, специально отложенные в долгий ящик. Проведем их на пару с тобой, когда немного наберешься опыта. Они с Большой Вселенной живут на сильно расходящихся векторах, так что времени у нас масса, торопиться некуда. Закончишь с Паллой — займемся вплотную. Эй, только не бей старика-отца по голове, она у меня слабое место!

— Ну, папочка! — Карина снова легко ударила его кулаком в живот. — Тоже мне, трудовую династию изобрел! Хоть бы меня спросил, хочу ли я за тобой должность наследовать.

— А куда ты денешься? — Демиург меланхолично пожал плечами. — Подрастешь немного, выйдешь из ясельного возраста — сама поймешь, что другой дороги нет. Я же Корректор, все точки принуждения давным-давно расставил должным образом, да и психику тебе калечил с младых ногтей. Ты теперь такой же моральный урод, как и я. Чтобы вырваться из моих коварных тенет, тебе придется самой хотя бы азы ремесла освоить. А там если коготок увяз, уже и сама вырываться не захочешь. Но, как я уже сказал, раньше, чем через пару тысяч планетарных лет такие разговоры вести бессмысленно.

— Признайся, Лотто Креода на Палле с тебя писал? — поинтересовалась Карина. — Такой же злобный и коварный…

— Нет, у него других моделей хватало, — Демиург усмехнулся и погладил ее по голове. — Ну что, повеселела немного? Пойдем к компании, у них там самое веселье. Узнаешь, как песни под гитару хором поют.

— Тоже мне, великое дело! — фыркнула Карина. — В Университете ставрийские студенты регулярно в компании песни распевают. Иногда такие, что даже у меня уши вянут.

— Подслушиваешь?

— Еще чего! Микродроны-спутники записывают себе для анализа, а по поводу непонятных мест координатора спрашивают. А он особенно интересные образцы обезличивает и мне пересылает, чтобы знала, чем молодежь живет. Кстати, я что-то Семена не заметила?..

— Он с Малии практически не вылезает с тех пор, как наших сиамских близнецов рассоединили. Кислицына — оригинал и реплику, я имею в виду. Псевдо-Земля джамтан Семену мало интересна, он родину увлеченно перестраивает. Ох, чувствую, устроит он там веселую жизнь…

— Его ты тоже в Корректоры готовишь?

— Он уже почти готов. Я за ним практически не присматриваю, лишь в самых сложных случаях подключаюсь. Мальчик чрезвычайно способный, я им горжусь не меньше, чем тобой. Все-таки есть у меня талант замечать в толпе выдающихся людей!

— Сам себя не похвалишь — никто не похвалит? — звонко засмеялась Карина, чувствуя, что тяжелый серый камень окончательно сваливается с души. Она выбралась из кресла и сладко потянулась.

— Разумеется, — Демиург поднялся вслед за ней. — Я же опытный старикашка, жизнью ученный, вот и не упускаю момента себе польстить. Ну что, заглянешь к нам в компанию на пару часов? Я там свою проекцию оставил, так что вроде бы как и не уходил, а тебя с радостью примут.

— Давай. Стоп…

На краю сознания прозвучал сигнал: пришло важное сообщение.

— Координатор что-то прислал, — пояснила она Джао, открывая сообщение. — Видимо, что-то важное, раз даже через границу отправил. Сейчас… кссо!

— Судя по выражению твоей мордочки, стоило тебе отлучиться на пять минут, и на Палле опять небо упало на землю, — заметил Джао, разглядывая ее с улыбкой.

— Типа того. Я перебросила тебе, читай.

— Твоя любимая и ненаглядная Фуоко Деллавита… — тот возвел очи к небу. — Девочка, я вижу, полностью оправдывает свое имя. Только отвернись, целый пожар запалит.

— Я сейчас вернусь назад и врежу Мати как следует! — сквозь зубы проговорила Карина. — Я же его специально послала охранять детей! А он?..

— Не горячись. Запись встречи ты, конечно, не просмотрела и пышешь эмоциями на основании краткого резюме. Кара!.. —

неожиданно Демиург поднял руку и отвесил ей звонкий щелбан — в точности на пределе дозволенного входящим тактильным фильтром. Карина ойкнула и машинально схватилась за лоб, недоуменно глядя на приемного отца. — Отучайся дергаться, как ошпаренная. Не маленькая уже. На месте Мати я бы тоже пожал плечами и отошел в сторону. Ты, конечно, можешь броситься назад на четырех ногах и навешать плюх участникам событий, еще не отойдя толком от трансграничного шока, но лучше никому не станет. На твоем месте я бы не стал.

— Почему? — почти враждебно осведомилась Карина.

— Потому что сейчас я испытываю истинное удовольствие при виде твоих эмоций! — Демиург громко рассмеялся, глядя на ее обиженную физиономию. — Эдакая маленькая месть за те же самые чувства, что я испытывал, наблюдая за твоими приключениями в юности. Думаешь, легко было наблюдать, съежившись от страха, как тебя то и дело похищали? Кара, — он посерьезнел, — я ведь уже говорил: проблема в том, что ты никогда не имела собственных детей, а материнские инстинкты, тем не менее, в тебе бурлят и кипят. Отсюда и шефство над детским домом в Масарии, и набитый молодежью Университет как средство спасения мира, и чувства к этой юной парочке. Осознай, пожалуйста: Фуоко и Кирис не твои дети, да и вообще не дети. Через половину стандартного планетарного года они станут совершеннолетними по твоим родным текирским стандартам. Цу, если помнишь, в таком возрасте от родителей ушла навстречу самостоятельной жизни. Да и по паллийским меркам они далеко не такие несмышленыши, как ты их себе представляешь. У них собственная жизнь, на время сблизившаяся с твоей. Но держать их под своим крылом до бесконечности ты не можешь. Рано или поздно ваши пути разойдутся, и они все равно начнут принимать собственные решения. Твоя задача — помочь им научиться думать и жить самостоятельно, а вовсе не бить по рукам за инициативу. Выходка с импровизированным экспериментом, конечно, дурная, но результат, как видишь, того стоил.

— Результат?

— Запись просмотри полностью, в особенности комментарий координатора. И очень советую — ознакомься хотя бы кратко с культурным контекстом игровой площадки Брагата. Есть у меня предчувствие, что рано или поздно вы с ним столкнетесь вплотную.

— И почему ты всегда прав, пап? — Карина заставила свое виртуальное тело расслабиться мускул за мускулом. Только что бурлящее внутри легкими пузырьками чувство радости ушло,

однако и тяжелая свинцовая усталость не вернулась. Так, все. Похоже, ей действительно нужно сбросить накопившееся за долгие декады эмоциональное напряжение. Уже через несколько часов ей придется отвечать на звонки со всего мира, и она не может себе позволить, чтобы усталость влияла на адекватность ее мышления.

— Потому что я стар и мудр! — Демиург назидательно поднял палец. — А еще потому, что ты привыкла верить мне на слово и критически мои нотации не оцениваешь.

Карина хихикнула.

— Старикашечка ты мой! — она приблизилась к Джао и чмокнула его в щеку. — Извини, папочка, но развлечения в компании для меня отменяются.

— Что собираешься делать?

— Нужно прийти в себя. Вздремнуть для начала. Кажется, я на грани информационного перегруза балансирую, думать четко не могу, да и эмоции не контролирую. Сейчас вернусь на Паллу и уйду в рекреационный сон на пару планетарных часов. Заодно и от двойного трансграничного шока избавлюсь. Ну, а потом бедлам начнется сначала, так что перейду в режим реагирования амебы: откуда иголкой ткнут, туда и дернусь.

— Ты там полегче, — Демиург потрепал ее по волосам. — Постарайся, чтобы хоть кто-то после твоих рывков выжил.

— Обязательно. Пока, пап!

Карина отступила назад, бросила на отца последний взгляд и отключилась. Сенсорный массив, отрезанный от полуреальности Джамтерры, автоматически переключился на трансляцию вида с того места, где находился носитель ее психоматрицы: двенадцать минут от светила, в сорока градусах над плоскостью эклиптики. Пару минут Карина задумчиво смотрела на впечатляющую светящуюся туманность и россыпи звезд на ее фоне, потом сосредоточилась и отдала команду обратного перехода.

Спать-спать-спать, успела она подумать перед несколькими секундами небытия во время трансграничной трансляции. А когда проснусь, внимательно просмотрю запись и все-таки скажу Мати пару ласковых. Просто для того, чтобы не расслаблялся.

Тот же день. Шансима, Ценгань

Пролетавшие за стеклами микроавтобуса городские улицы внимания Фуоко не привлекали. Тяжелая усталость, охватившая ее после эксперимента с Мэем, не проходила, и даже обратное преобразование Саматты в Сируко не высекло у нее ни искорки любопытства. Дрон и дрон, трансформация и трансформация. Мало она их видела, можно подумать! Кирис помалкивал, погруженный в свои мысли, и Фуоко вяло смотрела на проносящиеся мимо фонари и блескучие вывески магазинов. Попутно она рассеянно боролась с ночным миром в незрячем глазу, упорнее обычного стремящимся вытеснить реальность. Думать не хотелось. Не утрать она способность спать, сейчас бы самое время вернуться в консульство, найти там комнату со свободной койкой и завалиться часиков на десять. Пусть даже после ужина — в конце концов, от лишних двухсот граммов на заднице никто не умирал, а сбросить их не проблема. Но беда в том, что заснуть она не сможет, и придется в очередной раз изобретать, чем занять мертвое время, когда все, даже Кир, дрыхнут без задних ног. Впрочем, зачем изобретать? Терминал в консульстве наверняка найдется, так что она подключится к своему рабочему пространству и почитает учебник по физиологии человека, который мучает с весны.

Вот мелькнул знакомый конный памятник, мимо которого они с Варой проходили в прошлый раз на достопамятной прогулке. Пару минут спустя микроавтобус свернул в тихую боковую улочку и въехал в небольшой парк, окружающий консульство. Когда он остановился, Фуоко решительно сжала в кулаке отцовскую брошку (нужно посмотреть, что там с заколкой, а то и в самом деле посеет в следующий раз) и выбралась из машины. Все, хватит хандрить. Невидимые щупальца Мэя взбаламутили ее, перетрясли внутренности, но неприятные ощущения уже рассеялись. Пора приводить себя в норму, пока перепуганная Дзии не заперла ее в медицинской капсуле.

Сируко выбралась наружу вслед за Фуоко с Кирисом и аккуратно одернула сбившееся красное ципао.

— Прошу пройти за мной в консульство, — бесстрастно-вежливым тоном произнесла она. — Вас ожидают.

— Кто? — буркнул Кирис.

— Глубокое медицинское обследование. Следуйте за мной.

Фуоко встревоженно переглянулась с другом. Похоже, Дзии все-таки не позволит отделаться быстрым осмотром. Час, не меньше, станет мурыжить. Впрочем, ничего страшного. В конце

концов, эксперимент с Мэем удался, так что почему бы и не обследоваться? А книжку почитать и внутри капсулы можно.

Вслед за Сируко они прошли по тускло освещенной аллее мимо фонарей, уютно просвечивающих сквозь густую листву, а затем по почти безлюдному холлу консульства, где у входа сидели два вооруженных человека-охранника. Субличность координатора провела их по коридорам первого этажа, устланным густыми мягкими коврами, и остановилась у одной из дверей.

— Дэйя Майя управляет двумя дронами одновременно, — сказала Сируко. — Не удивляйтесь, она на такое способна. Всего хорошего.

И она зашагала по коридору в обратную сторону.

Майя! Пока Фуоко справлялась с волной противоречивых чувств, вызванных воспоминаниях о прошлом эксперименте с участием похотливой паладарши, более смахивающем на тщательное всестороннее изнасилование, дверь открылась, и в коридор выскочили две смазливые золотоволосые девицы-близняшки в коротких платьицах.

— Привет-привет! — пропели они в унисон, настолько синхронно, что у Фуоко по спине пробежали мурашки. — А мы вас ждали! Входите, гости дорогие, пора приступать к вивисекции!

Прежде, чем Фуоко успела опомниться, ее вместе с Кирисом почти силой впихнули в комнату, и дверь захлопнулась позади них.

Комната не отличалась богатством обстановки. Скорее, она носила на себе характерные черты аскетичного паладарского стиля: ковровое покрытие пола, несколько матовых светящихся шаров под потолком, пара платяных шкафов и столько же кресел у стены — и две широких кровати, занимающих почти все оставшееся свободное место. Плюс почему-то две двери в коридор в разных углах комнаты. В креслах сидели двое: Марта Брыль и Михаил Збышек. На их лицах держалось все то же странное выражение, что и давеча на яхте: напряжение, смешанное со смущением и непонятным вызовом. Марта подобрала под себя ноги и обхватила себя руками, словно защищаясь от сильного холода. Оборонительная поза, вспомнился Фуоко термин из пособия по популярной психологии, прочитанного в Барне в одну из долгих бессонных ночей. Но ведь Сируко упомянула про медицинское обследование — какое отношение студенты, пусть даже факультета экзобиологии, имеют к Дзии? И почему их вообще привели не в медпункт, а в какую-то явно жилую комнату?

Додумать ей не дали.

— Все участники в сборе, — деловито проговорила одна из златовласых близняшек. — Можно приступать. Итак, дорогие мои Кир и Фучи, я Майя, на случай, если Сируко вас не проинформировала, а вы забыли зимние приключения. Обе куклы находятся под контролем моих полунезависимых частей сознания, так что можно сказать, что здесь две меня. Да вы присаживайтесь, котятки, все равно стоя ничего не получится.

Девицы ухватили Фуоко и Кириса за плечи и увлекли к кроватям, усадив на них. Фуоко заметила, что у одной из них паладарская трехточечная татуировка находится на левой щеке, а у другой — на правой.

— Итак, цель сегодняшнего эксперимента — отследить изменения в интеграции ваших организмов с энергоплазмой, произошедшие за последние два с небольшим сезона. Отличия от предыдущего раза, — обе Майи подошли к креслам и склонились — одна над Мартой, другая над Михаилом. Марта ощутимо съежилась, словно пытаясь провалиться в недра кресла, — в наличии добровольцев-ассистентов. Тата, Мишенька, подъем.

Студенты, переглянувшись, выбрались из кресел и скованно выпрямились. Фуоко смотрела на них со все возрастающим недоумением. Что еще за ассистенты? Зимние приключения, эксперименты, добровольцы…

Внезапная догадка пронзила ее, и она с ужасом глянула на Кириса. Тот сидел, нахмурившись, и переводил взгляд между куклами Майи. Неужели распутная паладарша решила?..

— Фучи, Кир, — обе Майи положили руки на плечи студентам. — Ваша связь друг с другом нами изучена очень хорошо. Однако полученных сведений слишком мало, чтобы полностью понять природу взаимодействия энергоплазмы с вашей нервной системой. А потому необходимо, чтобы вы занялись контролируемым сексом с другими людьми, к каковому увлекательному занятию мы и приступаем немедленно.

— Чё? — недоуменно спросил Кирис. — К чему?..

Окончание фразы Фуоко не услышала, потому что из пола к потолку внезапно скользнула перегородка, отсекая половину комнаты, где остались Кирис с Мартой и одной из близняшек. На стороне Фуоко остались Майя номер два и Михаил Збышек, неловко переминающийся с ноги на ногу. Паладарша подняла руку к своему плечу, и платье соскользнуло на пол, оставив ее нагой.

— Дэйя Майя, погодите! — в тихой панике сказала девушка, отползая назад по кровати. — Как — сексом? Почему? С кем? С… с Михаилом? Я не хочу, я с Киром…

— Тсс! — Майя шаловливо улыбнулась и приложила палец к губам. — Фучи, когда вы занимаетесь любовью с Киром, ваши ощущения передаются друг другу и взаимно усиливаются. Получается замкнутый резонирующий контур. Вычленить, что ощущает каждый из вас по-отдельности, в такой ситуации практически невозможно даже при помощи вживленных электродов, что, в свою очередь, не позволяет толком связать ваши нервные импульсы с импульсами в каналах гиперсвязи. Так что нам очень нужно, чтобы те же самые импульсы возникали независимо. Но теоретическое обоснование я позже пришлю, а пока…

Она щелкнула пальцами в воздухе, и из ее плеч выросли странные развесистые конструкции, напоминающие скелеты крыльев. Длинные острые спицы, свисающие с огромных пологих дуг, выглядели угрожающе. Прежде чем Фуоко успела пошевелиться, псевдо-крылья метнулись вперед и, проколов игольными окончаниями ее шикарное ципао, коснулись тела — кожи и контактных площадок электродов на животе, груди и спине. Тело девушки выгнулось дугой, ноги подкосились, и девушка упала на постель. Сердце заколотилось, дыхание участилось, а сознание затуманило страшное, непереносимое возбуждение. Следовало отказаться, сопротивляться, послать Майю с ее экспериментами в дальнее путешествие — и Кир, что скажет Кир?.. Но она не могла. Просто не могла. Тонкие иголочки продолжали покалывать ее тело, и возбуждение нарастало все сильнее. Фуоко тихо застонала, и прежде чем сдаться на милость захлестывающего потока чувств, еще успела расслышать фразу Майи:

— Так, Мишенька, иди сюда. Расслабься и не бойся. Добрая девочка Майечка знает, как сделать нам всем хорошо.

…течение времени она не осознавала. Как и в прошлый раз, сознание постоянно соскальзывало в пропасть наслаждения и теряло связь с реальностью. Ночной мир в незрячем глазу уже не танцевал геометрический вальс, а бурлил чудовищными валами и полотнищами разноцветного пламени и взрывался атомными бомбами в такт с ее кульминациями. Иногда в хаотичной мешанине света мелькали отчетливые картины, которые девушка не успевала ни запомнить, ни даже толком рассмотреть, потому что разум отказывал снова и снова. В ушах ревели далекие невидимые хоралы, и среди них отчетливо выделялась сильная чистая нота Кириса. Она знала, что он рядом, разделяя ее наслаждение, а потому с еще большей страстью отдавалась всепоглощающему удовольствию.

Когда все кончилось, она медленно, словно выныривая из

долгого вязкого сна, осознала, что лежит, нагая, на животе, и ее щека покоится на мужской груди, и чья-то ладонь медленно ведет по ее ягодице.

— Кир… — прошептала она. — Как хорошо…

— Правда? — в мужском голосе прозвучали неуверенные и одновременно горделивые нотки, слегка смазанные ставрийским акцентом. — Ты тоже классная…

И лишь сейчас до Фуоко дошло, что рядом с ней — вовсе не Кирис. Она оттолкнулась от мужчины и резко, насколько позволяли измотанные мускулы, села на кровати, дико оглядываясь.

Майи поблизости не наблюдалось. Зато нагой Михаил Збышек лежал на кровати, его рука все еще висела в воздухе, соскользнув с ее тела. Перегородка между комнатами неторопливо уехала в пол, открыв Марту Брыль на второй кровати, поджавшую ноги, завернувшуюся в простыню и уставившуюся в пол. Кирис сидел рядом, тоже прикрывшись простыней, и на его лице держалось растерянное и смущенное выражение. Он смотрел на Михаила, и на его лице гуляли нехорошие желваки, словно он раздумывал, не стоит ли дать волю кулакам. Парсы развалились на полу между кроватями и всем своим видом изображали невероятную скуку. На глазах Фуоко Зорра широко зевнула и спрятала нос под среднюю мышку.

— Сцена номер три: те же, следующее утро, — прокомментировал тихий девчоночий голос. — Ребята, вы как, оклемались? Дзии утверждает, что параметры ваших организмов в пределах нормы, но по внешнему виду не скажешь.

Карина Мураций в образе Рисы, такая же голая, как и остальные, уселась в одно из кресел, и на ее лице блуждала легкая улыбка: сочувствие, ободрение, легкая ирония и некоторая тревога. На лице мелкой девчонки такие эмоции выглядели так же естественно, как и седло на кошке. Михаил резко, одним движением сел на кровати (на животе взбугрились кубики пресса) и уставился на нее.

— Э-э… Майя? — спросил он неуверенно.

— Я Карина Мураций, — слегка поклонилась девчонка. — Но в таком виде предпочитаю откликаться на имя "Риса". Долгая история — спроси у Кира с Фучи, они расскажут, откуда пошло. Только, Михаил и Марта, прошу не рассказывать другим об этой маске, я предпочитаю использовать ее в крайне узком кругу и не афишировать на публике. Потому, кстати, и паладарский опознавательный знак на щеке не ношу. И все-таки, как вы? Марта? Не слишком сильные ощущения для первого раза?

Для первого раза? Фуоко быстро глянула на… соперницу?..

соучастницу?.. товарища по несчастью?.. и увидела, как та быстро покачала головой, стремительно краснея. Неужели такая фигуристая баба до сего дня ни разу?.. Вот так дела!

— Наверное, здесь моя вина, — вздохнула Риса. — Майя пообещала, что эксперимент пройдет в тех же рамках, что и раньше, и я почему-то решила, что она ограничится… прежним составом участников. Мне и в голову не пришло, что она привлечет кого-то еще, иначе я бы точно запретила опыт. Но что случилось, то случилось. Проблема, видимо, не в физиологии, а в чисто эмоциональной плоскости. Ребята, я вижу, что вы не в себе из-за внезапного осложнения отношений. Мне тяжело понять вас, по крайней мере, эмоционально: в моей родной стране сексу начинают обучать лет в четырнадцать-пятнадцать — в тринадцать по вашему счету, но постоянными партнерами раньше двадцати пяти люди обзаводятся крайне редко. Я изучала вашу цивилизацию, да и у нас на планете есть более консервативные страны, но все-таки сердцем ваши эмоции понять не могу. Однако рационально я догадываюсь, что данный опыт является для вас всех сильным шоком, так что приношу свои извинения. Больше подобного без вашего предварительного согласия не повторится, обещаю.

Она обвела всех взглядом. В комнате висело тяжелое молчание.

— Так, понятно, — Риса решительно поднялась. — Сейчас Фучи с Киром мучительно соображают, как смотреть друг другу в глаза после такой злостной измены, а Михаил с Мартой не знают, как себя вести в присутствии постоянных любовников случайных партнеров. А Майя, как всегда, развлеклась и сбежала, бросив все на меня. Ну-ка, чтобы ваши эмоции не засохли в непонятных конфигурациях — держитесь крепче…

Кровать под Фуоко дернулась и поехала в сторону, так что девушка потеряла равновесие и упала на кровать рядом с Михаилом. Вторая кровать двинулась навстречу, и пару секунд спустя они совместились в одну широкую лежанку — сексодром на четверых, мелькнула в голове шальная мысль. Кирис едва успел поднять ноги, чтобы их не зажало. Парсы небрежно, словно только и ждали подобного, запрыгнули на еще движущиеся кровати и улеглись на них, причем с обеих сторон пристроились почему-то к Марте, а не к хозяевам. Риса забралась на объединенную конструкцию и тоже устроилась рядом с Мартой. Чуть подумав, она склонилась вперед, взяла Фуоко с Кирисом за руки и соединила их. Фуоко нерешительно сжала ладонь друга и, почувствовав ответное пожатие, стиснула свою руку так, что Кирис невольно зашипел от боли, хотя и ничего не сказал.

Девушка поспешно ослабила хватку, чувствуя, как на сердце становится немного легче. Если даже он и сердится на нее, то не смертельно. Хотя еще большой вопрос, кто на кого должен сердиться! Он ведь тоже с этой… этой…

Фуоко бросила на Марту еще один быстрый взгляд — и придушила начавшее подниматься раздражение в зародыше. Та явно страшно жалела, что оказалась здесь и в такой ситуации.

— Все чувствуют себя неловко, не знают, куда деть глаза и руки и, самое главное, пытаются сообразить, что на них такое нашло и как они вообще могли вести себя подобным отвратительным образом, — Риса тихо хихикнула. — Видели бы вы себя со стороны! Я записываю беседу, если не возражаете, лет через десять посмотрите и сами посмеетесь. — Она посерьезнела. — Ребята, помните, что Майе в пересчете на ваши годы далеко за миллион лет, она знает человеческое тело во всех его модификациях едва ли не лучше, чем Дзии, и в совершенстве владеет техникой сексуального контроля. Ей невозможно противостоять, не с вашим почти нулевым жизненным опытом уж точно. Если хотите кого-то винить, вините ее, она заслужила. Однако…

Она протянула руку и коснулась плеча Марты. Та вздрогнула и еще сильнее съежилась под своей простыней.

— Возможно, случившееся и к лучшему. Тата, не надо так переживать. Я знаю, что в Ставрии внебрачный секс не поощряется, в особенности для женщин, но глупее точки зрения я не знаю. Ни в сексуальном влечении, ни в желании доставить удовольствие себе и партнеру нет ничего постыдного и грязного. Разумеется, во всем следует придерживаться разумных ограничений, но если тебе нравится мужчина, а ты нравишься ему, почему нет? Особенно в вашем возрасте, когда о семье, детях и финансовых проблемах еще и речи нет, а энергии и гормонов в избытке. Кир, Фучи, — ректор повернула голову, — да и вам тоже не стоит замыкаться друг на друге. Вы всего лишь подростки. В силу чисто возрастных особенностей ваша взаимная страсть может потухнуть так же быстро, как и вспыхнула, и даже мощная связь через каналы Арасиномэ не поможет. Я не стану толкать вас в чужие постели, иначе, — она криво усмехнулась, — желтые газеты утопят нас в статьях с описаниями сексуальных экспериментов пришельцев над детьми, но все-таки подумайте о моих словах. Но все, хватит об отношениях. Поговорим о результатах эксперимента, а также еще кое о чем, чрезвычайно важном и касающимся вас всех. Фучи, Кир, я хочу рассказать Мише и Тате о некоторых особенностях ваших организмов, потому что они оказались втянутым в ту же историю. Не

возражаете?

Фуоко почувствовала, что в животе собирается тяжелый ком. Втянуты? Неужели их с Киром проклятье перекинулось и на других?

— Я не возражаю, — быстро сказала она, отчасти от нарастающего волнения, отчасти от желания побыстрее сменить тему. С Киром объясняться все равно придется, но потом, наедине. А сейчас было бы просто великолепно узнать, что сволочная Майя втянула их в настолько смущающую историю не просто ради прикола. — Только при условии… ну, чтобы больше никому. Да, Кир?

Кирис молча кивнул.

Михаил уселся на кровати, скрестив ноги и прикрывшись простыней. Фуоко усмехнулась про себя глупости поступка. Мало того, что все сто раз загорали и купались голышом на свободных пляжах, но здесь все со всеми перетрахались. И смысл прикрываться, хоть ему, хоть Марте? Вот душ бы неплохо принять, потому что от всех, мягко говоря, пахнет, ну да фиг с ним, можно пережить.

— Итак, краткое введение в ситуацию… — Риса замолчала. — Миша, Тата, судя по записям в ваших журналах, вы говорите на кваре неплохо, но не идеально и можете что-то упустить. Если нужно, сбоку стенда, на котором мы сидим, сформированы стандартные вкладыши для синхронного перевода. Миша, могу я тебя попросить достать их?

— Мне не надо, — отказался ставриец. — У меня по кваре всегда круглая сотня. Татка, дать наушник? — спросил он, переключившись на камиссу.

Марта молча помотала головой. Михаил нахмурился и несильно ткнул ее указательным пальцем в лоб.

— Татка, кончай кукситься, — недовольно сказал он. — Подумаешь, поимели тебя! Меня тоже поимели, но я же не дергаюсь.

Марта фыркнула и метнула на него высокомерный взгляд. Потом она глубоко вздохнула — и сбросила простыню, гордо выпрямившись и вздернув подбородок.

— Извините, госпожа Мураций, — сказала она. — Я не куксюсь. Просто… не ожидала… что так… что все так… И Майя — она же женщина…

— В данной маске — не госпожа Мураций, а Риса. А Майя — она такая же женщина, как и мужчина, — понимающе улыбнулась ректор. — Тата, у Старших Демиургов, да и у паладаров в целом, нет пола, есть лишь излюбленные или традиционные роли.

— У кого? — сосредоточенно спросила ставрийка. — Что

такое "Старший Демиург"?

— Чуть позже объясню. Тата, если чувствуешь себя не в своей тарелке, могу рассказать тебе потом, отдельно, когда в себя придешь.

— Не надо, гос… Риса. Я в порядке.

— Хорошо. Итак, — Риса опять переключилась на кваре, — Фучи и Кир у нас уникумы. Их способности вызывать и прогонять волют, менять законы физики в окружающем мире, устраивать гравитационные аномалии и так далее вы уже видели собственными глазами. Далеко не всё видели, но достаточно, чтобы понять необычность происходящего. Но есть и кое-что сверх того. Их нервные системы связаны каким-то странным способом через гиперпространственные каналы, так что сильные ощущения одного, особенно сексуальные, передаются другому. Сегодняшний эксперимент данное наблюдение подтвердил в очередной раз, а также позволил получить дополнительные сведения, ранее не известные.

— Связаны каналами? Как вчера в холле Арены? — поинтересовался Михаил. — Когда молнии во все стороны метались… летали… э-э, сверкали?

— Не совсем, хотя механизм, вероятно, близкий. Вчерашний инцидент визуально проявил каналы связи между энергоплазменными образованиями в ваших телах, но они никак не связаны с нервными системами. У Фучи и Кира определенные нервные импульсы передаются напрямую между некоторыми отделами спинного и головного мозга, и не урывками, а постоянно. Сегодняшний эксперимент с независимыми партнерами, исключающими взаимный резонанс, имел целью точнее вычленить типы передающихся импульсов.

— И результат? — поинтересовалась Фуоко, чувствуя, как знакомое чувство нетерпения охватывает ее, вытесняя все остальные эмоции. Интересно, как Риса — и остальные — отнесутся к тому, что она сейчас сядет за какой-нибудь терминал, чтобы посмотреть графики и схемы, уже наверняка сгенерированные Дзии?

— Фиаско, — вздохнула Риса. — Не полное, но близкое к тому. Миша, Тата! Майя объяснила, почему в качестве… объектов эксперимента она выбрала именно вас двоих?

— Она картинки показала, — сообщил Михаил. — Вчерашний электрический шторм, пропущенный через преобразования метрики. Там явно каналы между нами прорисовывались. Да?

— Да, одна из причин. Но есть и вторая: особенности заражения энергоплазмой ваших тел. Та самая причина, по которой ваши заявки на участие в тестировании Арены отобрали

в первую очередь среди полутора тысяч других. Ребята, у меня есть для всех новость, даже и не знаю, хорошая или плохая. Если коротко, то тела Миши и Таты, равно как и многих участников игр на Арене, демонстрируют те же тенденции к перестройке нервной системы, что и у неких Кириса Сэйтория и Фуоко Деллавита.

— Что? — хором спросили Кирис с Фуоко.

— Именно так. Нервная ткань в телах по крайней мере пятнадцати процентов студентов Университета постепенно разрастается и морфирует. У Таты с Мишей средняя толщина нервов на двадцать семь процентов больше, чем у обычных людей. Тата, ты ведь помнишь, как жаловалась Дзии на постоянный голод? Он являлся следствием быстрой перестройки организма. Всем подвергшимся перестройке еще очень далеко до состояния Кира и Фучи, но тенденция несомненна.

— Нейробластома? — деланно-безразличным тоном поинтересовалась Марта.

— Нет, что ты! Именно упорядоченная перестройка морфологического строения и физиологических процессов в нервных тканях — и постепенное проникновение энергоплазмы во все части тела. Кроме того, Кир и Фучи находятся под непрерывным наблюдением и гораздо дольше всех остальных, а потому мы уже можем сделать вывод, наводящий на разные интересные мысли. Ребята…

Риса всем корпусом развернулась к Кирису с Фуоко и по очереди глянула им в глаза. У Фуоко вдруг засосало под ложечкой: таким встревоженным и беспомощным казался взгляд ректора.

— Кир, Фучи, вы столько пережили за последний год, что не каждому человеку выпадает за всю жизнь. Вы на своей шкуре осознали, насколько странен и удивителен наш мир. Я уверена, вы сможете воспринять сказанное правильно и не сделать глупых выводов. Все нормально. Вам по-прежнему грозит опасность не большая, чем раньше. Но вам следует знать, что за последние полгода в ваших телах не произошло никаких изменений, ожидаемых в таком возрасте.

Ректор замолчала, и Фуоко недоуменно посмотрела на нее. Никаких изменений… никаких ожидаемых изменений… Мозг отказывался воспринимать смысл, кроющийся за простыми словами. Наверное, для одного вечера на нее свалилось слишком много: ужин в компании влиятельных бандитов, эксперимент с Мэем, бурный трах с хотя и симпатичным, но все-таки чужим — ранее — парнем…

— Мы что, расти перестали? — напряженно спросил

Кирис. — Или что?

— Да, Кир, — кивнула Риса. — Вы перестали расти. Ваши тела застыли в развитии.

— О господи! — Фуоко медленно выдохнула. — Я-то думала… Ну и что? Мы же давно не дети.

— Да, Фучи, вы не дети, — с явным облегчением улыбнулась Риса. — К счастью, вы вполне развиты. Даже если гормональная перестройка ваших организмов не завершится, как ей и положено, вы вполне можете жить в нынешнем состоянии, не выглядя уродами. Более того, вы оба демонстрируете повышенную скорость регенерации тканей без малейших признаков злокачественных перерождений, которых так боялся Дзии. Ну, а подростковая эмоциональная нестабильность… Многие даже предположительно нормальные взрослые страдают от нее до самой старости. Только поаккуратнее с физическими нагрузками: кислородное голодание на ваш мозг повлиять уже не может, но утрата координации, отказ мышц, падения и так далее вполне могут случаться.

— А еще у мальчишек сперма из ушей льется… — как бы про себя заметила Марта, странно глядя на Кириса. — Тоже неплохо.

— Тоже мне старушка нашлась! — хмыкнул Михаил, тыкая ее пальцем в бок. Марта дернулась от щекотки и метнула на парня негодующий взгляд, но промолчала. — Госпожа Му… э-э… Риса?

Ректор поощряюще кивнула.

— Риса, значит, и мы с Таткой тоже больше не развиваемся?

— Если формулировать осторожно, ваши тела подвергаются той же перестройке, что и у Кира с Фучи, хотя и более… аккуратно и неторопливо, что ли. Есть основания полагать, что и конечный результат перестройки может оказаться тем же самым: консервация вашего нынешнего состояния. Ваши тела тоже не завершили развитие полностью, но они куда ближе к стабильному взрослому состоянию.

— Так оно ж замечательно! — Михаил дурашливо ухмыльнулся. — Вечно молодой, вечно пьяный, как у нас в одной дурацкой песне поется, только сейчас буквально. Однако, — он резко посерьезнел, — почему ты сказала, что эксперимент окончился фиаско?

Ректор устало потерла глаза — жест, явно машинальный: вряд ли у дрона имелись реальные проблемы со зрением.

— Потому что, как я сказала, целью эксперимента являлась проверка передачи ощущений при сексе с независимыми партнерами. Ребята, я не знаю, как извиниться перед вами четверыми за случившееся, но… Похоже, что в каждой паре партнеров установились новые прямые связи. Исходные цели

эксперимента не достигнуты — уверенно рассортировать перемешанные импульсы уже от четырех нервных систем не получается. Плюс совершенно определенно есть какие-то наводки от нервных систем людей, в эксперименте напрямую не участвовавших. От Дзары — точно, Дзии на всякий случай поместил ее в капсулу на время эксперимента под предлогом обследования, но и не только от нее.

— Получается, что мы все — члены какой-то сети? — задумчиво спросила Фуоко. — И наши чувства и ощущения непонятно кому передаются?

— Вероятно, да, хотя в какой мере — большой вопрос. Связи не симметричны, так что…

— И теперь полмира знать будет, что мы спим друг с другом, — вздохнула Марта. — Придется в монастырь уходить.

Ректор тихо засмеялась.

— Ну и пусть знают и завидуют, — махнула она рукой. — Если знают, конечно. Вообще-то от кого приходят ощущения, не установить. Куда хуже, если начнут передаваться плохие эмоции, их можно спутать с собственными. Вот, Кир с Фучи уже попались недавно в такую ловушку, чуть друг друга не придушили. Но тут мы ничего поделать не можем.

— Вероятность случайности — нулевая.

Фуоко даже вздрогнула. Она привыкла, что Кир во время умных разговоров предпочитает помалкивать, переваривая сказанное про себя, и его реплика стала полной неожиданностью.

— Вероятность нулевая, — повторил Кирис уже громче. — Риса, я же помню. Мы с Дзии обсуждали, и с координатором тоже. Не могут такие срастания нервных систем случайно происходить. Да?

— Не могу не согласиться, Кир, — кивнула Карина.

— Значит, над нами ставят эксперименты какие-то инопланетяне. Да?

— Неизвестно. Но дело не только и не столько в инопланетянах. Ребята, — ректор опять тяжело вздохнула, — я намерена раскрыть вам тайну. Ну, не такую уже и тайну, поскольку прямо сейчас о ней рассказывают правителям Кайтара, Ставрии, Ценганя и Кайнаня, а в Университете сведения опубликуют послезавтра. Однако она касается вас напрямую, и в первую очередь тебя, Фучи. Услышанное может вам сильно не понравиться, но не торопитесь с выводами и вопросами до конца истории. Договорились?

— Само собой, — Михаил поерзал на кровати, устраиваясь поудобнее. Фуоко молча кивнула, снова ощутив в своей ладони тепло кирисовой руки и ответное пожатие его пальцев. Марта

промолчала, напряженно глядя на Рису.

— Итак, все началось примерно восемнадцать тысяч лет назад по объективному времени Большой Вселенной, когда Демиург Чонда отправил одному из Конструкторов Игровых миров, запрос на создание новой площадки, для которой выбрал имя "Палла"…

То же время. Бывшая игровая площадка № 1150098-LXB-11206 "Палла"

Народный Председатель Народной Республики Ставрия господин Пташек Михаил Викторович чувствовал, что голова напрочь отказывается работать. Хотя по календарю уже наступала осень, солнце светило в окна обширного кабинета загородной резиденции совершенно по-летнему. В пыльном воздухе кабинета отчетливо светились солнечные лучи, мерцающие, когда кроны желтеющих деревьев за окном качались под легкими порывами ветра. Солнце отражалось от стеклянных дверец многочисленных шкафов с папками, поблескивало на их золоченых ручках, преломлялось в граненом графине с водой, и даже древний эбонитовый телефонный аппарат с государственным гербом вместо наборного диска выглядел почти празднично. Развесистый сноп пшеницы вверху геральдического щита казался свежесвязанным, весы в левой части почти колебались под весом нарисованных гирек, а всадник в правой части вздымал свое копье как-то особенно торжественно. Пташек с тоской посмотрел на копейщика, явно не обуреваемого никакими государственными заботами, и перевел взгляд обратно на толстую папку с кипой докладов с эмблемой Минспецстроя и грифом "Совершенно секретно" на каждой странице.

Народный Председатель уже не менее двадцати минут пытался сконцентрироваться на чтении последнего доклада о продвижении строительства атомного реактора, а также о результатах экспериментов с активным ураном. Он уже прочитал десять страниц, но в голове осталась лишь одна фраза из преамбулы: "…можно уверенно утверждать, что при массе уранового концентрата, не превосходящей семнадцати процентов критической массы, спонтанного развития неконтролируемой цепной реакции не опасаться не следует". Тьфу. Как можно описывать простые, в общем-то, вещи настолько суконным и невнятным языком? Бросить бы все, выйти в сад, растянуться в шезлонге с бокалом… ну хорошо, с порцией сливочного мороженого…

Антикварные ходики в углу кабинета мелодично пробили один раз. Пташек бросил на них взгляд. Двадцать минут одиннадцатого. Всего шестьдесят минут до назначенного на полдень совещания по поводу клятого реактора, а он еще даже

толком не понимает, что там происходит и куда делись огромные материальные фонды, выделенные на строительство. Вот что он должен делать? Снять и посадить министра за разбазаривание народных средств? Или, наоборот, похвалить за экономное использование? Отдать бы все дело в секретариат, пусть там разберутся и составят конспект на полстранички… Но нет, нельзя. Возрождение атомной энергетики — слишком важное дело, чтобы выпускать его из виду. Особенно — с учетом, что у Кайтара уже есть атомный авианосец и, следовательно, почти наверняка имеются и другие реакторы, стационарные и пригодные для производства оружейного плутония. Что бы там ни происходило с Красной Звездой и паладарами, упускать инициативу в области атомного оружия нельзя никак. Пусть даже до воссоздания стабильно работающего и не взрывающегося от нечего делать ракетного двигателя еще далеко, даже тактические боеголовки в виде пушечных снарядов могут стать гигантским психологическим преимуществом в локальных конфликтах. Нет, обязательно нужно вчитаться хотя бы в резюмирующую часть доклада, и хватит отлынивать…

Звонок телефона — не того, что с гербом, а здорового ящика внутренней связи с кучей кнопок и двумя наборными дисками — в солнечной тишине кабинета резанул по ушам. Пташек быстро ухватил трубку со странной смесью раздражения и облегчения. По крайней мере на минуту у него появился законный повод отвлечься от проклятого доклада.

— Что? — резко спросил он.

— Михаил Викторович, — безмятежно, как всегда, проговорил в динамике голос Вербина, — прошу прощения, что отрываю, но с вами хочет срочно поговорить некто капитан Эйшич из Департамента охраны. Он занимает должность…

— Я знаю, кто такой Эйшич!

При звуке имени доверенного… бывшего доверенного цепного пса бесценной Самиры Павловны Нихокары, ныне официально пропавшей без вести, Народный Председатель почувствовал, что волоски на загривке становятся дыбом от внезапного азарта. Формально человек из ведомства Дропанова, фактически капитан много лет возглавлял личную гвардию Нихокары и пользовался странным закулисным влиянием в самых неожиданных вопросах. Насколько Пташек знал, даже сейчас, когда Самиру неформально признали мертвой, Эйшича все еще опасался трогать даже начальник Департамента охраны, где тот числился на какой-то мелкой должности. Да что там начальник — даже сам Дропанов, всемогущий директор СБС, не рискнул отправить его на профилактическое выбивание сведений о

возможном местонахождении тайных досье Нихокары. Возможно, в руки капитана попала часть нехороших документов из тех досье, возможно, он знал что-то сам по себе, неважно. Главное, что он не шел на контакт ни с Дропановым, ни с самим Пташеком, вообще ни с кем. Неужто он решил выбрать свою сторону и начать играть в чьей-то команде? Как интересно…

— Соедини, — наконец сказал Народный Председатель. — Кстати, откуда он звонит?

— Он не звонит. Он находится в резиденции, ожидает в приемной. С ним какая-то насмерть перепуганная и странно одетая девушка…

— Что?! Стоп, погоди. Как зовут девчонку? Вадзима… Вадзима… лет двадцать на вид, этакая смазливая шатенка, так?

— Секунду… — начальник секретариата замолк, но почти тут же прорезался снова. — Да, в журнале посещений она записана как Вадзима Наталья Константиновна…

— Обоих ко мне в кабинет, живо.

— Понял.

Пташек грохнул трубку на аппарат и уронил внезапно вспотевшие ладони на страницы доклада. Сердце бешено колотилось. Если малахольная бывшая секретарша Самиры здесь, да еще и в сопровождении Эйшича… Пять декад девчонку держали в спецпсихушке, но никакие усилия психиатров не могли вывести ее из невменяемого состояния. Пробуждение в веселой компании волют, только что сожравших половину дома вместе с хозяйкой, оказалось для нее слишком тяжелым потрясением. Однако если она здесь, то, скорее всего, очухалась и хочет что-то рассказать. Вряд ли о местонахождении досье — не могла недоверчивая старая сука вот так запросто выложить самую важную тайну всей Ставрии соплячке, не проработавшей у ней и полугода. Но какие-то ниточки она дать сможет, особенно если искренне захочет сотрудничать. А она захочет, если не совсем дура. Кстати, люди Дропанова наверняка пасли ее не менее плотно, чем Эйшич, и сам факт их присутствия здесь, в загородной резиденции, означает, что ушлый капитан каким-то образом сумел выдернуть девчонку из больницы и добраться сюда раньше, чем их успели перехватить. Ну, силен парень!

Так, тихо. Не нервничать. Самира всегда окружала себя преданными людьми — кто-то следовал за ней из-за дурацких идеалов и демагогии, навыками которой она владела в совершенстве, кто-то оказался ей лично обязан. Людей ее ближнего круга было бессмысленно перекупать, и Эйшича — в первую очередь. Но ее группа уже должна осознать, что властной и изворотливой хозяйки больше нет, так что подошла пора искать

новых покровителей и новые должности. Ну что же, если Эйшич настроен на сотрудничество, чем купить его преданность, у Народного Председателя Ставрии наверняка найдется. Разбрасываться такими кадрами нельзя, хотя бы ради того, чтобы на них не наложил лапу Дропанов.

В дверь деликатно постучали, и она тут же отворилась. Вербин вошел в кабинет первым и встал сбоку от дверного проема, пропуская капитана, на сей раз носящего вполне штатские брюки, сандалии и легкомысленную рубашку в цветочек и с короткими рукавами. Капитан одной рукой приобнимал невысокую девицу в больничном халате и тапочках, дрожащую и испуганно оглядывающуюся по сторонам. При ходьбе из-под халата выглядывали очень даже симпатичные ножки. Руки с обгрызенными ногтями девица стиснула перед собой. Позади мелькнули и пропали серые костюмы внутренней охраны. Повинуясь взгляду Пташека, Вербин едва заметно кивнул и вышел, закрыв за собой дверь.

— Добрый день, Дмитрий Денисович. Присаживайтесь, — как можно более нейтральным тоном сказал Народный Председатель, жестом указывая на гостевые стулья. — С вашей спутницей все в порядке?

— Здравствуйте, Михаил Викторович, — Эйшич слегка поклонился. — Спасибо за предложение, но я здесь лишь как сопровождающий. Госпожа Вадзима хочет поговорить с вами о вещах государственной важности, которые мне не по чину. Я подожду в приемной, если не возражаете.

— Вот как? — Пташек поднял бровь. — Ну что же, как хотите. Вы уверены, что… э-э, госпожа Вадзима в порядке? Она довольно скверно выглядит. Может, вызвать врача?

— Думаю, нет нужды, — капитан снял руку с плеча девицы и, почти печатая шаг, отошел обратно к двери. Уже толкая тяжелую створку, он бросил через плечо взгляд — и Народный Председатель вздрогнул, уловив в нем бурлящее издевательское злорадство. Пташек открыл рот, но дверь за капитаном уже захлопнулась. Пташек перевел взгляд на девицу.

— Итак, сударыня, вы хотели мне что-то сказать? — все тем же нейтральным тоном произнес он, старательно отгоняя нехорошее предчувствие. — Присаживайтесь, пожалуйста. Может, воды?

Он протянул руку к графину — и его рука медленно опустилась на стол, когда девица как-то неуловимо перестала выглядеть дрожащей и перепуганной.

— Здравствуй, Мишенька, — произнесла она хорошо знакомым голосом, и черты ее лица потекли, меняясь.

Покрывшись холодным потом, Народный Председатель наблюдал, как девчонка быстро превращается во взрослую зрелую женщину — правда, на тридцать лет моложе, чем ему помнилось по недавним встречам — которую он искренне надеялся больше никогда не увидеть в живых. — Я решила наконец-то сообщить тебе лично, что слухи о моей смерти оказались недостоверными.

— Мира… — холодными трясущимися губами прошептал Пташек. — Не… не верю… ты… паладарский дрон? Но ведь термодетекторы…

— Паладары уже давно научились контролировать поверхностное тепловое излучение дронов, — омоложенная версия Самиры царственно уселась на стул, чинно одернув полы халата. — Сообщаю совершенно официально. Мы решили, что данный факт можно больше не скрывать, тем более что наши физики наконец-то научились использовать фантоматику в аномальных зонах. Очень скоро дроны вообще станут нам не нужны. Мишенька, с тобой все в порядке? Ты выглядишь хуже чем я минуту назад.

Пташек и сам чувствовал, что еще немного, и он позорно рухнет в обморок. Сердце бешено колотилось, перед глазами сгущался темный туман, двоящий предметы, голову расперло изнутри, словно готовый лопнуть воздушный шарик. Трясущимися пальцами он расстегнул воротник рубашки и принялся жадно дышать. Самира поднялась со стула, подошла к окну в сад и распахнула его. Волна прохладного и резкого предосеннего воздуха накрыла Народного Председателя, и сразу стало легче. Постепенно он обрел возможность думать.

Мы. Нам. Она явно ассоциирует себя с паладарами — не как подчиненная, но как равная среди равных. Почему? Как? Она работает на них?.. Но ведь паладары появились на планете меньше года назад! Успели завербовать? Ее неожиданное выздоровление — взятка?.. И как она управляет дроном? Неужели паладары научились-таки переносить человеческое сознание и давать людям бессмертные тела, как Самира обещала ему?

Молодая женщина вернулась к столу и уселась на его край, внимательно наблюдая за Народным Председателем.

— Сердечко успокоилось, жить будешь, — констатировала она наконец. — Мишенька, ну что ты так разволновался? Да, я не человек. Мне больше восьми субъективных стандартных веков и больше двухсот пятидесяти тысяч объективных лет с учетом разнонаправленных временных потоков в разных вселенных и периодов темного сна. Палла для меня — всего лишь один из этапов жизненного пути, пусть и один из самых длинных, продолжительностью в пятьсот местных лет.

Цифры гремели в ушах Народного Председателя, били его по голове, словно свинцовые гирьки. Восемь веков. Двести пятьдесят тысяч лет. Пятьсот лет… Острое разочарование вдруг нахлынуло на него, перекрывая и шок, и изумление, и растерянность. Она не человек. Паладары не дали ей бессмертия. Значит, они все еще не научились давать его людям — или просто не хотят. Значит, обещанное ему?..

Он стиснул кулаки и с такой силой прикусил нижнюю губу, что во рту почувствовался соленый привкус. Острая боль немного прояснила сознание, и Пташек откинулся на мягкую спинку кресла, останавливая бешеную круговерть мятущихся мыслей.

— Ну, если ты не человек, многое объясняется. Очень многое, — наконец проговорил он, поражаясь ровности собственного тона. — Твое всезнание, влияние, многочисленные связи… Мира… я ведь все еще могу так тебя называть?

— Самира Павловна Нихокара умерла, — покачала головой женщина. — Эту маску зовут Вадзима Наталья Константиновна. Кстати, новое имя — настоящее, если можно так выразиться. Когда пришла пора в очередной раз менять личину, мне взбрела в голову блажь вернуться к имени, данному при рождении. Но основной мой псевдоним уже много столетий — Суоко. Ты всегда имел подходы к симпатичным девочкам, Мишенька, так что называй меня Наташей. Или даже Наташенькой — такие воспоминания пробуждаются! Ведь были же мы когда-то молодыми, а, Мишенька?

Она ностальгически улыбнулась.

Пташек ожесточенно потер лицо ладонями.

— Хорошо… Наташенька, — криво улыбнулся он, уже спокойно наблюдая, как лицо собеседницы снова плывет и меняется, превращаясь в мордашку юной девицы-секретарши. Ну, дрон и дрон. Морфирующий. Тысячу раз видел… — Раз ты появилась здесь, очевидно, хочешь мне что-то сказать. Что-то важное. С интересом выслушаю. Однако прежде, чем мы продолжим разговор, я задам один вопрос. Старую игру ты сломала, и старые обещания и соглашения больше не действуют, верно? Мне хотелось бы понимать ставки в новой игре. Ты обещала мне…

— Бессмертие, — кивнула Суоко. — Я помню. Соглашение остается в силе. Если мы изобретем способ переносить человеческие психоматрицы на фантомный или любой другой небиологический носитель, ты станешь одним из первых. До того — любая потребная медицинская помощь, нам доступная в рамках местных законов физики. Игра не меняется, Мишенька. Наши цели и методы все те же. Разница лишь в том, что теперь ты

знаешь мой реальный статус, и мы сможем общаться без глупых экивоков.

Она перегнулась через стол и нежно провела ладонью по щеке Народного Председателя.

— Ты всегда отличался сообразительностью, хладнокровием и умением держать удар, Мишенька. За то я тебя и любила молодого. Ты уже почти полностью оправился от шока и можешь нормально думать. Мишенька, я сделала тебя тем, кто ты есть, и я же позабочусь, чтобы ты оставался у руля как можно дольше. Не беспокойся о Дропанове и остальных, они не твоя головная боль. Однако…

Ее нежные тонкие пальцы, легко скользящие по шее Пташека, вдруг стали стальными и несильно стиснули его горло. Томная ностальгия из ее взгляда пропала мгновенно, сменившись ледяной угрозой.

— Однако, Мишенька, я не испытываю в отношении тебя никаких иллюзий. Ты сукин сын и мерзавец и ищешь в жизни исключительно своей выгоды. Если попробуешь обманывать, я тебя уничтожу. Не забывай, все досье по-прежнему у меня, и добраться до них ты не сможешь. Или же я могу просто прикончить тебя — ты ведь не питаешь иллюзий, что до тебя не смогут добраться паладарские боэй?

— Что ты, Наташенька, даже и мысли нет, — Народный Председатель слегка усмехнулся, стараясь не показать, что по спине ползут мурашки. — Я заключил с паладарами сделку: они мне бессмертие, я им Ставрию. Пока она в силе, я весь ваш… и лично твой.

— Ставрия и так принадлежит паладарам, Мишенька. Это мой проект от лужицы до горы. Два века назад я создала ее на пустом месте, слепив из кучи мелких государств. Два века я управляла ей из-за кулис в соответствии со своими желаниями и нуждами Игрока. Даже после почти десятилетия пониженной активности моя сеть влияния гораздо, гораздо шире, чем ты можешь себе представить. Я в любой момент могу поставить на твое место любого из десятка кандидатов, у которого даже и мысли не возникнет мне противоречить. Но, Мишенька, — выражение глаз Суоко опять сменилось: угрозу вытеснили смешливые искорки, вызывавшие у Пташека такое неистовое возбуждение в молодости, — я бы предпочла иметь дело с тобой. Ты сукин сын, но хорошо известный и предсказуемый сукин сын, и я прекрасно знаю, как с тобой сотрудничать к обоюдному удовлетворению сторон. Извини за невежливость, конечно, но мне показалось, что пара неприятных минут сейчас — невеликая плата за полное взаимопонимание в дальнейшем.

Она погладила его по волосам.

— Ну, а теперь настало время для откровений.

Она изящно слезла со стола и опустилась на стул.

— У меня есть долгая и захватывающая история, которая перевернет твои представления о мире с ног на голову. Изначально предполагалось, что тебе расскажет ее посол, но потом решили, что у нас с тобой лучше эмоциональный контакт. Сейчас Майя излагает ее премьер-министру Кайтара, а наш славный Камилл…

На мгновение в ее голосе мелькнули и тут же пропали скрежещущие нотки ненависти.

— … общается с обоими могератскими королями и их Левыми министрами. История длинная, но суть проста: Палла — искусственная планета, Мишенька. Она не возникла в ходе долгой естественной эволюции природного куска камня. Ее сформировали из кучи аморфной околозвездной материи и миллионы субъективных лет обустраивали с одной-единственной целью: дать возможность развлечься одному Игроку…

Телефон внутренней связи опять заверещал, и Пташек плохо гнущимися пальцами снял трубку.

— Что? — сухо спросил он.

— Через двадцать минут встреча по энергетике, Михаил Викторович, — проинформировал Вербин. — Участники уже собираются в малом конференц-зале.

— У меня надолго, — тихим, но отчетливым шепотом проинформировала бывшая Самира Павловна Нихокара, а ныне Суоко.

— Планы изменилась, — резко сказал в трубку Пташек. — Отменить все встречи на сегодня, полностью. Меня не беспокоить до особого указания.

Он бухнул трубку на рычаг, опер локти о стол, сцепил пальцы и оперся о них подбородком.

— Значит, развлечься Игроку… — задумчиво проговорил он. — Тому, что ты упомянула?

— Отличная память, — усмехнулась Суоко. — Да, тому самому. Его настоящее неафишируемое имя — Чонда, да и вообще он публичные роли не любил, но все-таки ты слышал о некоторых его масках, оставивших след в истории Кайтара, его базового государства. Видишь ли, Мишенька, сама по себе, без сторонней помощи, разумная биологическая жизнь в известном нам пространстве — а оно огромно — возникла только на одной планете во вселенной, ныне называемой Большой. Финальным результатом эволюции стала форма жизни, очень похожая на людей Паллы. Точнее, наоборот: модель человека Паллы является

существенно оптимизированной классической формой. Потом случилось так, что Старая Земля погибла в результате неопознанного космического катаклизма, но часть людей на исследовательских станциях у дальних звезд все-таки выжила. Произошло много чего, но им удалось не только сохранить себя, но и продолжить развитие…

— И чем же вы занялись после того, как… э-э, стабилизировали свое состояние? — премьер-министр Кайтара прошелся по кабинету, вминая подошвами туфель мягкий ворс ковра. Клонящееся к западу солнце било яркими лучами в окна кабинета. Далеко внизу ворочалась громада столичного Дриммада: люди, автомобили, заводы и офисные здания… Декорации. Неужели вся Палла, вся его жизнь, все, что он считал важным и нужным — всего лишь декорации?

— Не мы, Чьяко. Наши предки, — Майя в кресле слегка изменила позу. Сегодня ее платье скрывало великолепно развитую фигуру еще меньше обычного, но, вопреки обыкновению, возбуждения отнюдь не вызывало. Скорее, паладарская посланница казалась далекой и неприступной, как мраморная статуя в музейном зале. Тонкий аромат ее духов будоражил воображение, но не тело. — Я, видишь ли, не из первого поколения. И даже не из второго. Я — предпоследний ребенок, выращенный из натурального генетического материала наших предков три миллиона лет спустя после Катастрофы. Последним, между прочим, был мой генетический племянник и воспитанник Джао — тот самый, кто придумал Игру, а позже вырастил и воспитал небезызвестную тебе Карину Мураций. Но ответ на твой вопрос очень прост. Хлеба и зрелищ — древний клич толпы, одинаково универсальный и для вашего, и для нашего социума. После перехода в энергетическую форму хлеб Демиургам больше не требовался, так что они сосредоточились на зрелищах.

— На Игре…

— Большая Игра появилась много позже. Изначально юные Демиурги развлекались попроще — гоняли реальную машинерию или же жили в виртуальных мирах. Ваша компьютерная техника до Первого Удара, в частности игры, развивалась примерно в том же направлении. Миллионы лет наша цивилизация существовала в застывшем бессмысленном состоянии — немногие ученые копались в тайнах Вселенной, не нужных, по большому счету, никому, а все остальные чередовали время между пустыми развлечениями и периодами темного сна, раз от раза становившимися все более долгими. А затем молодой, а потому еще не утративший любопытства Джао создал свою первую

планету с настоящим человеческим обществом — и тем самым дал толчок игре, вернее, Большой Игре, с живыми человеческими пешками.

— И в чем разница? — Чьяко Ментеллано пожал плечами. — Я имею в виду, почему Большая Игра оказалась настолько важной для общества… как вы себя называете, Демиурги?

— Да, Демиурги. Демоны-созидатели в одной из наших древних мифологий. Еще один признак нашей гордыни: реально за всю нашу историю среди Демиургов было лишь семнадцать Конструкторов и примерно столько же ученых, достойных звания творцов. Но каждому нравилось ощущать себя богом, вот новое название и прижилось. Что же до разницы, то все очень просто, Чьяко. Одно дело — иметь дело с бездушным железом и пусть и красивыми и реалистичными, но картинками, и совсем другое — с настоящими людьми, как бы они ни выглядели. Стремление доминировать среди себе подобных осталось в нашем подсознании, вот мы и начали лихорадочно обзаводиться собственными стаями. Тебе такое чувство прекрасно знакомо — ты по головам прошел к премьерскому креслу, лишь чтобы получить власть. Не деньги, ты и без того богат, а именно власть. А у нас даже деньги смысла не имеют — и что остается?

— Понятно, — премьер прикусил нижнюю губу и почесал нос. — Значит, нашу планету тоже создали для развлечения? И Большая Игра все еще идет?

— О, мой мальчик, ты невнимательно меня слушал, — усмехнулась Майя. — Я ведь уже сказала: ваша Игра завершилась в тысяча сто сорок третьем, девяносто лет назад. С тех пор на планете присутствовала лишь Суоко, обихаживающая Ставрию, свой дипломный проект по практической социологии, если можно так выразиться, а заодно манифестацию своей ностальгии по родной планете. Я пока не слишком хорошо ее знаю, но мне кажется, что от игр в большую политику она испытывала какие угодно чувства, но только не удовольствие. Мой племянник — хотя и умница, но унылый зануда, каких поискать, и ученики ему под стать. Вон, на Кару посмотри: девочка славная, но такая правильная и скучная… Разве что Палек стал исключением… впрочем, с ним ты не знаком, к своему счастью.

— Но… но как вы можете обходиться с живыми людьми как с игрушками? — король Ценганя в волнении привстал на кушетке. Левый Министр метнул на него предостерегающий взгляд, но король не отрывал глаз от паладарского посланника. — Ведь мы чувствуем, любим, строим планы на будущее — а вы разрушаете все ради собственного удовольствия? Как вы можете?!

— Как мы можем что? — Камилл перевел на него скучающий

взгляд, в котором явственно читалось желание побыстрее закончить разговор. — Мы вас создали, вытащив из небытия. Дали вам жизнь, культуру, знания, даже частично историю. Без нас вы бы вообще никогда не возникли. Можно сказать, что мы боги. Ты ходишь в храм, чтобы молиться богам, Юкира-атара, и тебе даже в голову не приходит возмутиться, что они якобы определяют ваши жизни. Почему ты возмущен нашим поведением? Лишь потому, что можешь встретиться с нами лицом к лицу, а с привычными богами — не можешь?

— Но вы не боги!

— Почему? — удивился паладар. — Потому что мы сами так сказали? Я лично несколько раз официально играл и такую роль. Не могу сказать, что мне нравилось, совершенно не мой стиль, однако верные последователи с огромным удовольствием молились мне, как ты молишься Вегешоту. Кстати, в отличие от вашего эфемерного Вегешота, я всегда вел дела честно: выполнил — награда, провалился — штраф. Или ты сейчас начнешь мне рассказывать, что каждый человек — бесценная личность, целая вселенная, и тому подобные красивые сказки? Юкира-атара, будь любезен, осознай, что я примерно в сто тысяч раз старше тебя. Перед моими глазами прошло бесчисленное количество смертных, и ты, пусть даже Сын Неба и все такое, лишь один из них. По большому счету, мне не интересно и не важно, умрешь ты сегодня или проживешь еще полвека. Главное, что очень скоро, по моим меркам, ты исчезнешь навсегда, как и остальные паллийцы — если, разумеется, наши физики не найдут способ зачем-то продлить до бесконечности ваши жалкие жизни.

— Но ведь ты участвуешь в… проекте Карины Мураций, — вполголоса заметил Левый Министр, глядя мимо паладара. — Значит, мы все-таки не до конца тебе безразличны, Камилл-атара?

— Мне небезразличен ваш мир в целом, — холодно ответил Камилл. — Мир как место, где я могу жить и вести свою игру в необычных условиях. Пока я сохраняю интерес к вам, мы сотрудничаем, честно и взаимовыгодно. Как только я охладею, только вы меня и видели. Расклад понятен? Вот и замечательно.

Паладар слегка зевнул.

— Теперь, полагаю, мы наконец-то можем перейти к более насущным вопросам, таким как подача истории в Ценгане. Мы здесь в довольно сложном положении. Мистический взгляд на вещи заставит широкие массы воспринять наши откровения совершенно непредсказуемым образом. Последствия могут оказаться самыми разными — от всплеска религиозности и окончательного обожествления паладаров с последующими

массовыми паломничествами в Хёнкон до обвинения паладаров в ереси и объявления Университету священной войны. Конечно, последователи Миндаллы не так агрессивны, как адепты религии Рассвета, но всякое случается. В других условиях мы могли бы сляпать на скорую руку версию специально для вашего социума, но сейчас нельзя. Слишком активно идет обмен информацией между континентами. Если мы начнем выдавать разные версии в разных странах, нас быстро обвинят во лжи и передергивании.

— Да, задача действительно сложная, атара, — вежливо согласился Левый Министр, по-прежнему глядя мимо паладара в угол, где на большой бумажной ширме изящно парили черные журавли, подсвеченные через открытое окно красным светом Инганно. Он подчеркнуто использовал высокий стиль, игнорируя разговорный, едва ли не босяцкий катару Камилла. — Возможно даже, нерешаемая.

— И именно поэтому я здесь, атара, — впервые с начала разговора Камилл улыбнулся: тонко, хищно, азартно. — Я люблю неразрешимые задачи. Они наполняют жизнь смыслом. Вот предварительный текст пресс-релиза, — он тряхнул рукой, и из широкого рукава его алого с золотой вышивкой халата выпал толстый свиток. Движение кистью — и свиток, вращаясь, словно пропеллер, перелетел через всю комнату и упал на пол перед Левым Министром, замерев точно в центре шелковой циновки. — Именно что предварительный, для обсуждения. Покажите его двум-трем доверенным аналитикам в течение ближайших часов и сообщите свое мнение. Учтите, что версия для Ценганя и Кайнаня планируется одна, и мне еще потребуется свести воедино все правки, да так, чтобы не обидеть ни одну из сторон.

— Ну хорошо, — Народный Председатель задумчиво разгладил бумажные листы ладонью, собрал их в аккуратную стопку и чуть отодвинул от себя. — Текст я передам в секретариат немедленно, к вечеру получим набор замечаний и правок. Ребята у меня цепкие и циничные, ошарашить их сложно, так что обойдутся без истерик, надеюсь. Однако, Наташенька, я так и не понял: почему вы решили рассказать Палле правду именно сейчас? Зачем вы вообще решили ее рассказать?

— Затем, Миша, что положение крайне тяжелое. Наши наблюдения за Паллой показывают, что Арасиномэ постепенно поглощает вас. Буквально поглощает. Люди заражаются энергоплазмой, изменяющей их тела, берущей их под прямой контроль и переносящей сознание на какие-то иные носители, нам пока что не понятные. Среди студентов Университета отмечены массовые случаи перестройки нервной системы и физиологических процессов в организме, и паллийская

медицинская статистика на всех континентах начинает замечать то же самое. Мы боимся, что вам отпущено куда меньше времени, чем осталось до взрыва звезды. Долгое время Арасиномэ изучал вас, и вот теперь его вмешательство в вашу жизнь начало проявляться все более заметно, а степень воздействия растет по экспоненте. Со времени Первого Удара прошло девять лет, и мы не уверены, что ваше общество продолжит существовать хоть в каком-то виде еще девять лет спустя.

— Вот так новости… — Народный Председатель устало потер глаза ладонями. Ходики по-прежнему тикали в углу тихого кабинета, солнечные лучи все так же просвечивали листву деревьев в парке, прыгая по стенам зелеными солнечными зайчиками, но мир потемнел и оледенел. — Вот так новости…

Наверное, ему следовало сказать что-то еще, но в голове и на языке синхронно крутилась одна-единственная фраза. Вот так новости! Маленький испуганный зверек, что поселился где-то под сердцем после Первого Удара, снова неслышно заверещал и зацарапался, стремясь вырваться наружу. Он знал. Он всегда знал, что Красная Звезда появилась возле солнца не просто так. Ученые успокаивали народ — самое страшное позади, мы приспособились, нужно лишь восстановить наши технологии в новых условиях… Но он, Народный Председатель, звериным предчувствием знал, что ничего не закончилось. Самое страшное впереди.

Однажды, еще в далекой молодости, его занесло на телебашню — в ресторан на верхнем ярусе, где столики размещались на полу, сделанном из толстенного бронестекла. Если опустить взгляд, сквозь стекло мутно и искаженно виднелись улицы и дома Асталаны, крошечные автомобили и почти невидимые с такой высоты точки людей. Его хватило ровно на один взгляд, после чего он до конца обеда так и не сумел оторвать глаза от лица той девицы… как ее звали?.. имя стерлось из памяти, мимолетная подружка, роман на несколько декад, не сошлись характерами, разбежались… Девица, не подозревая об истинной причине, посчитала пристальное внимание явным признаком влюбленности и явно была польщена. Сейчас Народный Председатель с той же отчаянной напряженностью вглядывался в лицо сидящей перед ним женщины, уже утратившей всякое сходство с молодой Самирой, и изо всех сил желал, чтобы сегодняшний день никогда не наступал. Пропасть, над которой он… вся Палла ходила по тонкому льду, вновь напомнила о себе. Они обречены. Нечто холодное и нечеловеческое готовилось пожрать самые их души, и никто, никто, никто не в состоянии их спасти. Разве что паладары?..

— Вы… — его горло свело судорогой, и он отчаянно закашлялся, восстанавливая речь. Во взгляде сидящей перед ним Суоко мелькнуло и пропало сочувствие, и он почувствовал странную смесь ненависти и благодарности.

— Вы можете что-то сделать? — наконец хрипло спросил он, стискивая в пальцах карандаш и упирая его остро заточенный грифель в ладонь, чтобы хоть немного отвлечься от пульсирующего внутри ужаса. — Я имею в виду, паладары?

— Пока нет, Миша. Прости. В скором времени физики доведут до ума фантоматику в аномальном пространстве, но она все еще останется слишком грубой, чтобы создать полноценный считывающий кокон: остались у них какие-то принципиальные заморочки, которые я не понимаю. Да и не сработают наши фантомы, если доступ к нервной системе блокирован энергоплазмой. А как ее рассеять, мы не знаем, да и не рискнем. Такие эксперименты вполне могут закончиться гибелью зараженных объектов.

— Значит, мы обречены… — пробормотал Пташек. Его ладонь судорожно сжалась, и карандашный грифель проколол кожу. Острая боль пронзила руку, и Народный Председатель непонимающе уставился на ладонь, на которой быстро набухала капелька алой крови.

— Не факт. Миша, возьми себя в руки и не вздумай сорваться в истерику! — в голосе Суоко скользнули жесткие властные нотки. — Я чувствую лекарственные запахи в комнате — у тебя есть успокоительные в аптечке? Врача лучше бы пока не вызывать, ни к чему лишние свидетели. Может, Дзии подключить?

— Не надо Дзии… — Народный Председатель сжал карандаш в кулаке и, неожиданно даже для себя, с размаху ударил им, словно кинжалом, по полированному столу. Карандаш с треском сломался и расщепился, оставив в твердом лаке щербину, и Пташек резко отбросил обломки от себя. — Ххаш! Ничего, ничего. Я в порядке, — он глубоко вздохнул и посмотрел в глаза собеседницы — глаза Самиры на незнакомом лице. — Просто немного лишнего адреналина в крови. Извини, сорвался. Ну так что? Ты сказала "не факт".

— Я знала, что могу рассчитывать на тебя, Миша, — одобрительно отозвалась женщина. — Хорошо. Видишь ли, мы все еще не знаем точно, но, похоже, у вас есть хорошие шансы если и не сохранить свой мир, то, по крайней мере, выжить как личностям.

— Я не понимаю, — Фуоко смотрела на серьезную Рису, чувствуя, что поднимающаяся внутри волна изумления смывает

страх. — Что означает "ключ к решению"? Я же просто… ну, девочка. Может, не совсем обычная, но мне пятнадцать только-только исполнилось. Как я могу быть каким-то ключом? И Кир?

— Мы не знаем. Однако…

С обеих сторон сдвоенной кровати поднялись паладарские мониторы на тонких ножках, и на них появились картины.

— Слева от меня, Фучи, реконструкция твоего внешнего вида в видении Мэя. Справа — твое видение самого Мэя. Похоже?

— Рога великоваты… — пробормотала Фуоко. — И плащ немного не такой. А в остальном — один к одному.

— Фигасе… — прошептал на камиссе Михаил. — Впечатляет. — Он снова переключился на кваре. — И что такая… одежда означает?

— Фучи здесь предстает в виде неизвестной королевы или богини в культурном контексте, который можно условно назвать "египетским" по названию одной из стран Старой Земли. Сдвоенная корона над ее головой называется "пшент", жезл в руке — "уас", сине-золотой платок на голове символизирует принадлежность к высшей касте. Внешний вид Мэя является вариацией хорошо известного в той мифологии собакоголового бога Инпу, проводника душ в царство мертвых. Правда, в классической версии рогов у него не имелось, да и плащи и штаны такого фасона в Древнем Египте отсутствовали. Зато они присутствовали в другом культурном контексте. Фучи, помнишь свое видение замка на скале?

Фуоко молча кивнула.

— Он относится к "европейскому" культурному контексту, равно как и плащ. К тому самому контексту, лежащему в основе кайтарского общества. Рога Инпу являются характерным атрибутом Дьявола, персонификации зла в европейской мифологии, во многом сходного с вашим Креодом. В целом мы имеем довольно эклектичное смешение стилей. Но как бы то ни было, и европейский, и египетский контексты являлись частью игровой площадки Демиурга по имени Брагата, а замок один в один воспроизводит его Цитадель, главную базу.

— То есть Красная Звезда создана… Прагатом? Демиургом? — Михаил аж подался вперед от возбуждения.

— Брагатой. Нет, вряд ли. Брагата таинственно исчез вместе со своей игровой площадкой. В один прекрасный момент канал перехода между Большой и Игровой вселенными просто оборвался, и следящие за такими вещами искины не смогли его восстановить. Ситуация редчайшая, и ее в конце концов списали на несчастный случай с невыясненными причинами.

— Но он мог создать Арасиномэ? — не унимался ставриец. —

Ведь он Демиург!

— Вероятность мало отличается от нуля. По отзывам, Брагата являлся весьма мягкой, если не сказать мягкотелой, личностью, добродушным и неагрессивным. В общем Рейтинге он занимал место в самом конце. Он никогда не интересовался наукой, его площадка не включала наборы данных и векторы развития, необходимые для создания хотя бы классических фантомных технологий, и сам он никогда бы не смог изобрести ничего похожего. А Арасиномэ использует технологии, ставящие в тупик даже самых выдающихся физиков Демиургов. Ну, и устраивать подобное безобразие с населенной планетой он бы точно не стал.

— При чем здесь ключи? — буркнул Кирис. — Мы с Фучи ни в какие игры не играли.

— Кир, посмотри внимательно на картинку, — Риса кивнула на изображение Фуоко в виде богини. — Подобные образы в императивной истории и мифологии игровой площадки зарезервированы для ключевых фигур, имеющих серьезное влияние на происходящее. Сопоставь лучи от скипетра Фучи, тянущиеся к толпе людей, с волютами, являющимися и исчезающими по ее зову. Вспомни свое управление мощными гравитационными полями и сопоставь его с образом гиганта с дубиной, как тебя увидел Мэй — он вполне может являться телохранителем богини, пусть даже мы пока не можем отчетливо соотнести его с конкретным персонажем. Ребята, каким-то образом вы оказались связанными с сущностями псевдореальности, смахивающей на игровую виртуальность Демиургов, только она еще и активно проявляется на Палле. Кир, Фучи, вполне возможно, что именно от вас двоих сейчас зависит установление контакта с Арасиномэ, что бы за ним ни стояло.

— Скипетр… — Фуоко напряженно обхватила виски руками. — Волюты… Риса! Погоди! То есть волюты в нашем мире — какие-то люди… там? И я ими управляю?

— Не исключено, хотя и не обязательно. Игровая реальность Брагата являлась магической, то есть в ней существовали законы физики и фантомная машинерия, допускавшая существование людей-волшебников. В справочнике типовых заклинаний высокого уровня есть и призвание сонмов особых духов — помощников и защитников. Возможно, мы имеем дело с его реализацией.

— Что надо делать? — хмуро спросил Кирис, набычиваясь. Так, похоже, он уже приготовился драться неизвестно с кем неизвестно зачем. Фуоко предостерегающе сжала его запястье.

— Ничего не надо, Кир. Мы рассказали правду, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств вы не барахтались, как

слепые щенки в луже. Держите ее в голове, пытайтесь сопоставлять с происходящим, но ни в коем случае не пытайтесь ускорять развитие событий. Последствия… непредсказуемы. И для вас лично, и, возможно, для всей Паллы. Кроме того, возможно, что мы домысливаем на пустом месте, и на деле все совсем не так.

— Мы поняли, — кивнула Фуоко. — Я подумаю… постараюсь вспомнить свои видения еще лучше. Проанализировать. Риса, но что дальше? Если Арасиномэ поглотит наш мир, всех людей…

— Дальше, Фучи, у вас два дня интенсивных экскурсий по всемирно известным памятникам культуры и архитектуры, — весело улыбнулась Риса, соскакивая на пол и преображаясь из миниатюрного серьезного Демиурга в обычную малолетнюю девчонку, играющую во взрослую женщину. — Рекомендую использовать их как можно полнее. В конце концов, чтобы сопоставлять и размышлять, нужно знать о мире как можно больше. Да и учебу для вас никто не отменял. Ребята, ничего не изменилось по сравнению со прошлой декадой и даже с сегодняшним… ой, уже вчерашним утром. Времени два часа ночи! Все, мне пора. В ближайшие несколько суток мне придется безостановочно общаться со всякими нудными руководителями государств — чем мельче, тем надутее и чванливее. А вы давайте-ка спать. Вас в семь утра разбудят, как и остальных, не выспитесь — пеняйте на себя.

Она отошла к двери, открыла ее, остановилась на пороге и обернулась.

— А насчет того, что случилось только что… Ребята, я знакома с вашей художественной литературой. В ней с внебрачным и "извращенным" сексом почему-то обязательно связаны боль и страдания, как минимум психологические. Положительные герои искупают свои "ошибки", "расплачиваются" за них иногда в течение всей жизни. Я понимаю, что так велит доминирующая на ваших континентах религия, ненавидящая женщин, но… Не надо так, ладно? Вы не совершили никаких преступлений или даже просто ошибок. Наслаждайтесь молодостью и помните, что она рано или поздно пройдет — даже если вы и в самом деле станете жить вечно.

Она озорно подмигнула и исчезла в коридоре. Тихо хлопнула дверь, и в комнате повисла тишина — но не тяжелая и напряженная, а, скорее, созерцательная и задумчивая. Зорра и Гатто, до того дремавшие по бокам Марты, раскрыли двухзрачковые глаза, синхронно зевнули и сладко потянулись, после чего сели на задние четыре лапы и скрестили на груди передние.

— Ректор глупая, — констатировал Гатто.

— Риса режим нарушает, спать не дает! — поддержала Зорра. — А Майя поматросит и бросит! Спать, спать, спать! Вечер паникер, утро утешитель!

— Что? — удивленно переспросила Фуоко, выходя из легкого ступора, напавшего на нее после объяснений Карины. — Ну-ка, повтори последнюю фразу.

— Вечер паникер, утро утешитель! — с готовностью проартикулировала парса. — Поговорка! С Текиры! Ночь на дворе! Ночью надо спать, спать, спать!

— Текира — это где? — спросил Михаил, ожесточенно протирая глаза пальцами.

— Родная планета Рисы, — неожиданно для Фуоко буркнул Кирис. — Она рассказывала.

Фуоко вдруг почувствовала могучую волну облегчения, смывающую пусть и не всё, но заметную часть напряжения. Он ответил Михаилу! Значит, драться из ревности точно не полезет. Интересно, а ее он побьет? Многие мужчины вроде как обожают срываться на подругах. Нет, Кир, конечно, не такой, но все-таки — он ее ревнует хоть чуть-чуть?

А ты его ревнуешь к Марте? Ой, какой интересный вопрос…

— Если б я раньше знал, что вы с ректором на короткой ноге, я б из вас давно всю душу вынул вопросами, — сообщил Михаил, вставая с кровати. — Наверняка же массу интересных вещей о паладарах знаете — и молчите. А еще коллеги по научной работе! Ну ничего, мы еще поговорим.

Кирис соскочил с кровати и встал перед ним, сгорбившись и чуть повернувшись боком. Нет, не для драки — Фуоко хорошо знала его язык тела, в такую позу он вставал, когда ожидал возможных, но не гарантированных неприятностей. Что он задумал? Против своей воли она скользнула по обоим оценивающим взглядом. Два голых парня с рельефной мускулатурой, один высокий красавец, другой широкоплечий хулиган — каждый хорош по своему. Краем глаза она заметила такой же оценивающий взгляд Марты. Девушки переглянулись — и вдруг слегка улыбнулись друг другу в знак признания соперницы.

— Мы поговорим, — согласился Кир на хотя и не слишком чистой, но все же камиссе. — Когда заслужишь. На Арене победишь в драке. Один на один. Без боли, я не чувствую, мне разрешают только первый уровень. Спарринг. Согласен?

— Э-э, Кир… — Михаил смущенно замялся, но на камиссу не перешел. — Давай отложим, ладно? Обсудим потом, да? Вечер паникер…

— Дурак! — веско сказал Кирис. — Ты с Фучи связался. Она опасна. Я опасен. Докажи, что не… хиляк, — последнее слово он все-таки произнес на кваре. — Иначе можешь умереть.

— Так, ну вот что! — решительно сказала Марта, поднимаясь, и оба парня взглянули на нее. Их глаза синхронно поползли вниз по ее телу, и Фуоко тихо фыркнула. Мужики! — Сцепились петухи. Риса правильно сказала — мы ничего плохого не сделали, морду бить друг другу не за что. Я спать пошла. И думать. Завтра рано вставать, день насыщенный, вечером поговорим.

Она нагнулась и принялась подбирать с пола свою одежду, но остановилась. Выпрямившись, она спросила в пространство на камиссе:

— Координатор, можно нам с Фуоко ненадолго остаться наедине?

— Разумеется, госпожа Брыль, — прозвучал из-под потолка невозмутимый голос паладарского неба. — Одну секунду.

Сдвинувшиеся кровати чуть разъехались, и из пола стремительно вырвалась и уперлась в потолок давешняя глухая перегородка. Марта уселась на кровать рядом с Фуоко, оперевшись о простыню рукой.

— Слушай, — сказала она. — Я даже и не подумаю извиняться. Кир твой парень, но теперь и мой тоже. Не знаю, какие у вас отношения, но если ты с ним опять поссоришься, я его заберу насовсем, поняла? И не вздумай ему слова плохого сказать за сегодняшнее!

— И не собиралась, — Фуоко чувствовала странное спокойствие. В горле мелькнула смешинка: сидят две девчонки, и каждая говорит на иностранном для нее языке — прямо-таки лингвистический практикум! Сочетание приятного с полезным, ага. — Кир мой. Мы с ним… Я не могу описать. Мы связаны навсегда. Марта… да?

— Зови меня Тата, — улыбнулась ставрийка. — Какие формальности между любовницами одного мужчины?

— Тата, ты его не заберешь, даже если сильно захочешь. Но… я, может, глупо выгляжу, но… я не возражаю, если вы станете встречаться… изредка. Ему от меня тоже отдохнуть надо.

Прикинув строение следующей фразы, она поняла, что словарного запаса не хватит, и переключилась на родной язык — авось да поймет иностранка.

— Мне все равно придется в дальнюю лабораторию отправиться и на люди не соваться. А ему учиться надо. Встречайтесь иногда, ладно уж. Тем более, что первый мужчина, говорят, на всю жизнь запоминается.

— О, какая опытная! — криво ухмыльнулась Марта. — Можно

подумать, у тебя их больше было.

— Уже двое, считая Михаила, — Фуоко слегка вздернула нос. — Или трое, если Майю за полу-мальчика считать.

— Тоже мне, сердцеедка! Фучи… тебя ведь так Риса называла? Фучи, ты от меня не отвяжешься. Риса сказала, что и мы с Киром теперь связаны. Я еще не понимаю толком, о чем речь, но мы все в одной лодке. И эксперименты у нас тоже общие. В общем, спасибо за разрешение, и мы еще посмотрим, с кем Кир останется, ясно?

Ставрийка снова встала, закончила собирать с пола свою скудную одежду и вдруг негромко засмеялась.

— Чего смешного? — подозрительно спросила Фуоко.

— Если ты жена, а я любовница, — пояснила Марта, продолжая хихикать, — нам по всем канонам сейчас положено в волосы друг другу вцепиться и подраться как следует…. ну, если бы у тебя имелось, во что вцепляться. А мы об экспериментах рассуждаем!

— Можем и подраться, — широко улыбнулась Фуоко, машинально проводя ладонью по короткой щетине волос. — На Арене, как Кир предложил. Но игру я выберу.

— Договорились, — кивнула ставрийка. — Все равно нам в терминалах Арены теперь полжизни проводить придется, вот и сыграем на пару с Мишкой и Киром. Вам ведь еще матч-реванш выиграть надо. Ну все, Фучи, пока. Я спать пошла.

Она втянула носом воздух и поморщилась.

— Ну и запашок от нас!.. Словно из борделя сбежали. Авось по дороге никто не встретится. Кстати, координатор! Где моя комната? Нас с Мишкой из автобуса прямо сюда привели.

— Зорра проинструктирована и вас проводит, госпожа Брыль, — откликнулся неб. Перегородка скользнула вниз и исчезла в полу. Кирис и Михаил по-прежнему стояли друг против друга, но что-то в их позах неуловимо изменилось. Они уже не походили на молодых задиристых петухов, присматривающихся к потенциальному сопернику. Кирис глянул на Фуоко и улыбнулся так, как умел лишь он: одними глазами, не двинув больше ни одним мускулом хмурого насупленного лица.

— Пожалуй, хватит на сегодня. Пора спать, — Михаил потянулся и подобрал с пола одежду. — Такие откровения нужно как следует осмыслить, и лучше на свежую голову. А то башка гудит, словно из сугроба вылез, — добавил он на камиссе, и против своей воли Фуоко повторила выражение про себя, запоминая. Надо уточнить у Тани точное значение, но общий смысл понятен.

— Идем, Миш, — сказала Марта, тоже переходя на родной

язык. — Зорра и тебя проводит. Верно, шестилапка?

— Зорра прррроводит! — с энтузиазмом откликнулась парса, семеня к двери. — Зорра защитит от чудовищ в темных мрачных коридорах! Гатто присмотрит за Фучи и Киром! За мной, за мной, за мной! Ку-ун!

Ставрийцы вышли вслед за ней, кивнув на прощание, и Кирис с Фуоко остались одни. Фуоко неуверенно подошла к другу и остановилась рядом, не поднимая взгляда. Вроде бы он не сердится на нее, но…

— Кир… — тихо сказала она.

— Погоди, Фучи, — парень положил ей руки на плечи, и Фуоко изумленно вскинула глаза. — Дай я скажу, пока слова не забыл. В общем… ну… Фучи, ты делай, что хочешь. Не обращай на меня внимания, лады? Если считаешь, что нужно с другим… ради научных экспериментов…

Он со свистом втянул воздух.

— Да пофиг, зачем, пусть и чисто ради кайфа. Если хочешь, я и слова не скажу. Могу даже у дверей покараулить, чтобы никто не влез не вовремя. Я все равно с тобой, хоть как, хоть подстилкой у двери, ноги вытирать. Ты из-за меня… из-за меня…

— Ш-ш! — Фуоко ласково приложила палец к его губам. — Кир, я помню. Ты все думаешь, что из-за тебя я осколок гранаты в голову получила и померла. Комплекс вины, все такое. Дурачок…

Она прижалась к нему, наслаждаясь горячей твердостью его мышц и запахом уставшего тела.

— Кир, не надо так, а? Я ведь давно сказала, мне рабы не нужны. Я люблю тебя, Кир, и никакие другие мужики тебя не заменят. Ты ведь простишь мне Михаила, правда?

— Я и не обижался, — буркнул парень, обнимая ее в свой черед. — Если надо, пусть уж он. Ничего вроде пацан, нормальный. Да пофиг кто, в общем. Ты решаешь.

— Ну, спасибо! — Фуоко тихо засмеялась. — А я, ладно уж, разрешаю тебе Тату в постель затаскивать — при условии, что на меня силы оставаться будут. Только не сбеги с ней навсегда, а то обижусь.

Кирис не ответил, но стиснул ее так сильно, что девушка задохнулась.

— Пусти, медведь! — она высвободилась из объятий. — Ну, действительно, давай спать. А завтра все-все обсудим на трезвую голову. Дэй координатор, вы меня слышите?

— Да, дэйя Винтаре, — отозвался неб.

— А где наши с Киром комнаты?

— Здесь. Место, где вы находитесь, обычно играет роль медпункта, но на ближайшую ночь отведено вам. Кроме того, оно

дополнительно оборудовано новым объемным сканером. Мы с Дзии понаблюдаем за вами на случай, если эксперимент даст неожиданные последствия. Ванные помещения в боковых стенах объединенной комнаты, постельное белье я сейчас заменю.

В дверь скользнула серая туша дрона, перелилась снизу вверх на вновь сдвинувшуюся постель, втянула в себя изжамканные простыни и тут же выплюнула и расстелила новые, гладкие, пахнущие чистой свежестью. Потом также неслышно дрон исчез. Гатто тут же деловито запрыгнул на кровать и улегся в ногах с таким видом, словно все сделали специально для него. Фуоко дернула его за большое черно-белое ухо, успев отдернуть пальцы от лениво щелкнувших клыков, и ушла в душ.

Несколько минут спустя, лежа без сна с рядом с уже вырубившимся Кирисом и раздумывая, чем бы занять очередную бессонную ночь, она подумала: что-то скажет мама, когда узнает… Кстати, а ведь маму и внезапную ставрийскую соперницу зовут одинаково. Оказывается, одни и те же имена в ходу на разных континентах. Интересно…

Затем мелькнула еще одна мысль, сразу же отогнанная прочь. Та упорно возвращалась в голову в последние дни, но принять ее и обдумать как следует Фуоко боялась. Не сейчас. Узнанное сегодня делает идею еще более актуальной, но не сейчас. Сначала нужно к ней как следует привыкнуть. Какое-то время девушка лежала, бездумно глядя в потолок и слушая ровное дыхание Кириса. А потом, впервые после приключения на лабораторном острове, она провалилась в теплый блаженный сон без сновидений, куда не мог проникнуть даже вечный огненный вальс ночного мира.

09–10.29.1232. Шансима, Ценгань

Утро следующего дня началось так, как не начиналось уже очень давно: с ощущения теплой груди Кира под щекой и ладонью и настойчивого щекотания левой пятки. Фуоко недовольно дернула ногой, потом еще раз, но щекотка не пропадала. Потом ее слегка дернули за ухо. Она недовольно выдохнула, приподняла голову и приоткрыла один глаз.

— Ну чего вам? — пробурчала она. — Щас как укушу…

— Фучи, ты и в самом деле дрыхла? — изумленно осведомился Кирис (его голос вибрировал и отдавался в грудной клетке под ребрами). — Честно, что ли?

— Тебе жалко, да? — девушка широко зевнула и тут же дернулась, потому что в пятку кольнуло чем-то острым. Она резко села и обернулась. Зорра ухмылялась во всю пасть, глядя на нее.

— Фучи соня, соня, соня! — пропела парса. — Утро пришло, вставать пора, завтрак готов! Кто опоздает, пусть на себя пеняет!

— Сама сочинила, да? — саркастично осведомилась Фуоко. — Оно и заметно…. Ой! А сколько времени?

— Побудку сыграли минут десять как, — Кирис сел, потягиваясь. — Га, подтверди.

— Сигнал подан! — мявкнул черно-белый шестилап, подпрыгнув и перевернувшись в воздухе. Постель под ним отозвалась глухим уханьем. — Все на выход! Отставших не ждут!

Фуоко похлопала глазами, проверяя ощущения. И в самом деле ведь заснула! Но теперь сна не осталось ни в одном глазу, и во всем теле чувствовалась необыкновенная упругая легкость. Голова казалась ясной и отдохнувшей, а пробивающиеся вокруг шторы солнечные лучи искрились бриллиантовыми блестками. Незрячий глаз послушно показал непрекращающийся огненный вальс ночного мира, но даже тот казался ободряющим и радостным. Девушка вскочила на ноги и запрыгала на кровати, упруго поддающейся под пятками.

— Одевайся давай, акробатка! — Кирис звонко шлепнул ее по голой ягодице, и Фуоко тихо взвизгнула. Она попыталась стукнуть друга кулаком по макушке, но тот ловко уклонился и ушел в ванную. Девушка вздохнула полной грудью, пустила по предплечьям синие искры, тут же подавила их и спрыгнула на пол. Настроение было чудесным, и его не портило даже воспоминание о ночном разговоре с Рисой и сексуальных опытах Майи. Разберемся. Со всем разберемся. И с Михаилом, и с Мартой, и с любителями Большой Игры. Главное, что Кир на нее не сердится за вчерашнее, и она не сердится на него.

Несмотря на нехватку времени, Фуоко все же потратила пять минут, чтобы тщательно замазать шрамы на голове тональным кремом, выданным Дзии еще в Хёнконе. Получилось очень неплохо: шрамы удавалось разглядеть в зеркале только вплотную, да и то если знать, что искать. После завтрака в общей компании студентов и краткого инструктажа, проведенного Сируко, экскурсантов разбили на группы и рассадили по микроавтобусам, ожидавшим на небольшой стоянке в парке возле консульства. Кириса и Фуоко устроили в компании четверых ставрийцев. Одна из копий Сируко устроилась за рулем, Варуйко Сэйторий села на сиденье рядом с ней, потом в салон запрыгнул смуглый от загара дядька в коротких штанах и халате, оказавшийся нанятым гидом, и машина рванула с места. Остальные микроавтобусы последовали за ней, но на проспекте разъехались в разные стороны — каждая группа следовала своему маршруту.

До вечера компания моталась по городу. Проспекты, храмы, парки и музеи Шансимы мелькали перед глазами, сливаясь в одну яркую пеструю картину, наполненную прозрачной ясностью ума и странной тихой радостью. Кир с интересом смотрел по сторонам, и по эмоциональному каналу от него не текло ничего, кроме ощущения искреннего любопытства. Фуоко то и дело щелкала портативной фотокамерой, постоянно подсчитывая в уме уже отснятые кадры и остаток на запасных катушках пленки в сумочке. Ни Михаил, ни Марта не упоминали о вчерашнем приключении, и Фуоко даже не знала, рассказал ли кто-то из них о произошедшем Юрию и Ольге. Ольга держалась заметно лучше, чем накануне, обожженный бок ее, похоже, почти не беспокоил. Все четверо ставрийцев вели себя так же, как обычно: с жадным интересом осматривая местность и теребя экскурсовода непрестанным вопросами. Поскольку гид не говорил ни на кваре, ни на камиссе, в роли переводчика выступала Сируко, транслируя речь через наушники, соединенные с увесистыми коробочками приемников на поясах экскурсантов. Поначалу гид с явной опаской поглядывал на Парсу с Зоррой, во время пеших вылазок лениво трусивших на всех шести лапах по бокам группы, но постепенно привык и перестал обращать на них внимание. Однако с Варой такой номер не прошел. Она тоже явно пугала гида, причем вздорной девице его страх явно доставлял наслаждение. Охранница не упускала случая нависнуть над ним, ухмыляясь нехорошей улыбкой с дырой выбитого зуба и поглаживая пальцами рукоять тяжелого боевого ножа. Каждый раз гид съёживался и старался укрыться за Сируко или кем-то из студентов.

В большом, прелестно оформленном ландшафтном парке

возле резиденции королевского наместника, с карповыми прудами и рассаженными ярусами незнакомыми деревьями, их попытался остановить военный патруль. Шестеро солдат приблизились, хмуро взирая на группу и сжимая в руках длинноствольные штурмовые винтовки, а их командир с нашивками лейтенанта второго класса потребовал предъявить документы. Сируко показала ему какую-то бумагу, непринужденно извлеченную из предплечья, и лейтенант, нервно сглотнув и отдав честь, увел патруль за изгиб аллеи. Фуоко попыталась представить себе, как их группа выглядит со стороны. Пять девиц, трое в мини-шортах и майках, а две другие в обтягивающих красных ципао (как же Фуоко не подумала, что оденется почти так же, как Сируко?), одна вооружена здоровым ножом в набедренном чехле и тяжелым пистолетом в поясной кобуре, другая щеголяет коротким ежиком абсолютно седых… нет, лучше белых волос (и хорошо еще, что шрамы почти не видны). Плюс три здоровых парня в шортах и майках, двое с коренастыми фигурами, накачанными, как у профессиональных борцов, а третий — высокий красавчик, словно сошедший с обложки модного журнала. М-да. Выглядит если и не устрашающе, то необычно — уж точно. Впрочем, уже то хорошо, что местные не пытаются приблизиться и полапать на счастье: Сируко предупредила, что к студентам и сотрудникам Университета отношение сейчас восторженное, так что возможны эксцессы, пусть и не слишком неприятные.

Последним в программе стоял океанариум. Стаи мелких медуз, подрагивающих в наполненных водой стеклянных колоннах, подсвеченные ультрамариновым синим светом во тьме зала; пестрые тропические рыбы, стайками снующие в больших, метра два в высоту, аквариумах, расположенных вдоль длинных проходов; здоровые черные и белые рыбищи, почти неподвижно висящие в толще воды и медленно заглатывающие ее толстогубыми ртами, обрамленными длинными усами; ногастые крабы величиной с тарелку, медленно перебирающиеся по камням в таинственном красном полумраке; толстые мурены, под ярким светом ламп неторопливо извивающиеся по глубоким норам в искусственном коралловом рифе; огромные морские черепахи, плавающие кругами и изредка высовывающие голову на поверхность, чтобы подышать; большие и малые акулы и скаты, снующие над стеклянным потолком прохода под гигантским аквариумом; аквалангисты, кормящие этих акул рыбой со специальных палок; дрессировщики, весело командующие ручными тюленями, перекидывающимися мячами и со скоростью катера таскающими над водой вертикально стоящих на их носах

кукол… Фуоко рассматривала живность в тихом восторге. В Барне имелся свой океанариум, куда ее не раз водили в детстве, но он не шел ни в какое сравнение с местным. Отщелкав последние кадры на последней катушке (что-то получится при таком освещении и получится ли вообще?), она со вздохом убрала аппарат. Как раз одной катушки не хватило, вот блин…

— Потрясающе, — задумчиво сказала Ольга, когда компания вышла из торгового центра, в подвале которого располагался океанариум. — Я же всех рыб видела в книжках на картинках и в передачах по телевизору. Но никогда не думала, что вблизи, живые, они выглядят так… так…

Она вздохнула и махнула рукой.

— Да уж, — согласился Юрий. — Выдающееся место. Я бы там на недельку с удовольствием поселился, поизучал бы. Одного не понимаю — почему акулы других рыб не жрут? Рядом же плавают с такими косяками — и не жрут! А говорят, кровожадные…

— Об акулах в приключенческих романах навыдумывали много, — сердито сказала Марта. — Я читала статьи, они вовсе не такие агрессивные, как считается. Наоборот, они весьма осторожные. Их еще и уничтожают все, кому под руку подвернутся, они уже едва ли не вымирают.

Фуоко сделала зарубку на память: почитать об акулах. Наверняка в обширной электронной и бумажной библиотеках паладаров найдется немало материалов на данную тему. Вообще, получается, у нее общая биология — белое пятно. Что в школе учить задавали, знает, а за пределами — ни шиша. Нужно исправлять.

Попрощавшись с явно повеселевшим гидом, группа погрузилась в микроавтобус и через полчаса соединилась с остальными экскурсантами в небольшом уютном ресторане на окраине Шансимы. Уже стемнело, на улицах один за другим зажигались фонари, горели окна домов и гирлянды электрических огоньков на деревьях. Неподалеку от ресторана яркие прожекторы выхватывали из тьмы большой, в два человеческих роста, портрет короля в овальной золотой раме, расположенный на вычурном постаменте. После ужина, состоявшего из парового риса, незнакомых пресных вареных растений, тушеной курятины в острой подливке и резаных кубиками ананасов и арбузов, студентов и охранников загрузили в большой туристический автобус, где уже ожидали их вещи. Впереди ждал долгий вечерний переезд в Санъяму.

Первой забравшись в автобус, Фуоко забилась в задний ряд кресел к высокому окну, отгородилась Кирисом от остального

автобуса и задумалась. День выдался долгим, но память удержала и послушно выдавала даже самые незначительные детали: раскраску голубей на площадях, белесые потеки на каменных постаментах генералов, наваленные грудами яблоки, манго и мандарины на фруктовых рынках… Сегодня голова работала на удивление четко. Сна не ощущалось ни в одном глазу, и хотя приподнятое утреннее настроение уже ушло, холодная ясность сознания сохранилась. Странно. Она хорошо знала себя, и обычно к вечеру настолько насыщенного дня ей хотелось лишь одного: забраться в горячую ванну и долго лежать там посреди мыльной пены в блаженном ничегонеделании. В течение последних бессонных декад она не раз прибегала к такому средству, дававшему облегчение мозгам. Сегодня же…

Мэй. Возможно, ее состояние — первый за полсотни дней ночной сон и ясность ума сегодня — как-то связано с тем, что произошло вчера в ресторане возле порта. Оябун "Кобры" что-то сделал с ней — то ли исправил, то ли, наоборот, испортил, но сделал. Фуоко задумчиво смотрела на проплывающие за окнами автобуса городские улицы, где дома становились все ниже, а освещение все жиже, и пыталась исследовать ощущения своего тела. Нет, больше ничего необычного. Она осторожно позволила ночному миру в незрячем глазу раздуться и слиться с реальностью и принялась покачивать головой из стороны в сторону, совмещая его огненные сгустки и линии с объектами настоящего мира. Совмещение сегодня тоже проходило на удивление легко, почти без усилий. Радужный сгусток внутри Кириса выпустил паутинную сетку линий, тянущихся во всех направлениях, в том числе в сторону самой Фуоко, и одна извилистая паутинка совершенно определенно соединяла его с чистым голубым сиянием внутри сидящей неподалеку Марты. Привстав, чтобы смотреть зрячим глазом над спинками, Фуоко разглядела, что разноцветные сгустки сидели внутри всех без исключения студентов и половины охранников, включая Варуйко. Хаотичная мешанина танцующих цветных линий вилась вокруг, иногда раздуваясь в огненные полотнища, иногда истончаясь и делаясь почти незаметной. Потом, сдвигая все остальное в сторону, надвинулось видение звездного неба — глубокого, черного, испещренного точками, лужами и озерами искристой пыли, заполненного темными бесформенными провалами туманностей и светящимися кляксами межзвездного газа. Фуоко поспешно отогнала видение — слишком нестандартно, можно в обморок хлопнуться или искрить начать прямо здесь. Звезды послушно исчезли, не сопротивляясь и не устраивая неприятностей. Автобус тряхнуло на повороте, и Фуоко

плюхнулась обратно в кресло, неловко наступив на лапу забившейся под сиденье Зорры и ударившись локтем в грудь Кириса. Зорра недовольно тявкнула.

— Чего скачешь? — шепотом осведомился Кирис, потирая грудь. — Не набегалась за день?

— Извини. Смотрю обоими глазами, — коротко сказала Фуоко, устраиваясь поудобнее.

— Электрошторм не устрой, быр-быр девочка, — хмыкнул друг, понявший ее без дальнейших пояснений. Фуоко еще раз саданула его локтем в брюхо, чтобы не выделывался, но это движение Кир предугадал, парировав удар предплечьем. Фыркнув, девушка ухватила его руку за запястье и вздернула в воздух, а пальцем другой руки ткнула в открытый, содрогнувшийся от щекотки бок. Прежде чем Кирис успел что-то сказать, Фуоко устроилась у него под мышкой, положила свою голову ему на грудь, его руку обвила вокруг своей талии и снова уставилась в окно. Автобус уже несся по загородному шоссе под мельтешащим ночным небом, и мимо мелькала только темная стена деревьев, кое-где озаряемая голубыми отблесками восходящей Труффы.

Мэй. Ключ — Мэй. Оябун большой банды. Он носит четыре серьги. Если верить газетной статье про Анъями, что она раскопала в университетской библиотеке, количество серег прямо пропорционально влиянию. А влияние, в свою очередь, прямо пропорционально количеству людей, подчиняющихся его приказам. Сколько у него подручных по всему Ценганю или даже по всему Могерату? Пять тысяч? Десять? Двадцать? Умный, циничный, обаятельный, беспринципный и опасный — и заинтересованный в ней. И еще обладает такими странными способностями. Почему именно он, человек, меньше всего заинтересованный в научном сотрудничестве с паладарами? А почему именно Фуоко таскает в себе нечто странное и необычное, какую-то двойную корону и крючковатый посох? Быстрый и простой ответ: так сложилось. А правильный? Тогда, три года назад, когда волюты внезапно атаковали в море прогулочный камер семьи Деллавита, и Фуоко заработала свой первый шрам на левой груди, чудом выжив благодаря самоотверженности Джиона — случайность ли произошла? Появились ли волюты сами по себе? Или она уже тогда могла неосознанно их призывать? Скажем, она их позвала, но тогда они еще не понимали, как обращаться с людьми, и попытались говорить с ними своими способами — сгустками энергии. М-да. Жаль, что нельзя вернуться в прошлое и увидеть, как все происходило на самом деле.

Мэй. Обаятельный и убедительный мерзавец. Ключ к происходящему, не менее, а может, и более важный, чем сама Фуоко. Девушке вдруг вспомнился разговор на следующее утро после злосчастной прогулки с Варой по ночному городу, закончившейся двумя сожженными бандитами в переулке и поездкой с раненым Мэем в простреленной машине. Что он тогда сказал важного, неприятно ее кольнувшего?

Вы обречены стать либо кукловодом, либо безвольной марионеткой в чужих руках, дэйя Деллавита.

Да, примерно так. Он имел в виду ее способности в реальном мире, ее состояние как одной из наследниц богатого отца… но, похоже, оказался прав и в другом смысле, о котором тогда даже не подозревал. Чужая сила. Чужие руки. Арасиномэ — кто или что за ним стоит? Неведомый Демиург Брагата? Или что-то другое? Неважно. Главное, что сейчас они с Киром, вообще весь мир становятся марионетками непонятно какого кукловода, пляшущими на сцене, выстроенной из древних-древних легенд давно мертвого мира. Так нельзя. Категорически нельзя. Значит, надо найти кукловода, вступить с ним в контакт, заставить одуматься. Может ли им оказаться мама-роза, благодушно растущая в неведомой теплой оранжерее? Нет, вряд ли. Даже если она реально существует, то беспокоится о своих детях и, заодно, о Фуоко, но больше не проявляет никаких чувств. И у нее лишь одно желание: вырасти и расцвести по-настоящему. Кто тогда? Длиннобородый старик, встреченный ей в видении? Или некто, скомандовавший ей бежать? Или же она опять цепляется за ложные иллюзии?

Неважно. Главное, что она не желает становиться марионеткой ни в руках какого-то малахольного Демиурга, ни кого-то еще. Следовательно, надо начинать бороться. Теперь, когда она понимает, что может скрываться за происходящим, можно искать с открытыми глазами. Интересно, что теперь у нее со сном? Опять придется дрыхнуть по несколько часов каждую ночь? Она уже начала привыкать к массе дополнительного свободного времени, появившегося ночью, и отказываться от него не хотелось бы. Оптимально, если она станет спать… ну, скажем, раз в декаду. Нужно посоветоваться с Дзии, использовав Сируко или Зорру в качестве посредника. А пока что — время для микро-эксперимента: удастся ей заснуть сейчас или нет?

Эксперимент провалился… точнее, дал отрицательный результат, поправила она себя полчаса спустя. Гудящий разговорами автобус постепенно затих, студенты один за другим погружались в дремоту, и дыхание Кириса тоже постепенно стало ровным и размеренным. Однако Фуоко заснуть так и не сумела.

Интересно. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Она потерла глаза пальцами и принялась восстанавливать в памяти океанариум.

Блеск Шансимы стоял перед ее глазами, но вдруг ей вспомнилось совершенно иное. Покосившиеся деревянные домишки без стекол, пыльные грунтовые улицы, извивающаяся между рисовых чек ухабистая дорога — и убогие лачуги, в которых иной хозяин постеснялся бы держать даже кур. Похищение и плен казались ей далекими и странными, почти стершимися из памяти. Да и смерть от взрыва гранаты улучшению памяти, видимо, не поспособствовала. Фуоко уже почти забыла ту унылую и безнадежную обстановку, где проводили всю жизнь обитатели мелкого городка под названием Оокий, затерянного в джунглях не так уж и далеко от Санъямы. Блеск и нищета огромной страны, где миллионы живут в быстро растущих и развивающихся современных городах, иногда, как Шансима, даже превосходящих заморские, но сотни миллионов по-прежнему прозябают в тех же условиях, что и их предки. Но разве в других местах иначе? В родной Барне — шикарный особняк Деллавита в холмах, окруженный огромным частным парком, где она провела практически всю свою жизнь, вышколенная прислуга и вымуштрованная охрана — всё, всё для нее, ее семьи и немногих высокопоставленных отцовских служащих. Блистающие дорогой роскошью рестораны и магазины в центре города — и обшарпанная лапшичная старого Дзидзи рядом с мертвым районом Барны, отобранная банком за долги. Великолепные частные яхты — и облупленные моторки и сейнеры, ежедневно выходящие в море от соседних причалов на грошовый промысел. И нищие припортовые районы, где вырос Кирис, населенные докерами, семьями моряков и беженцами, с трудом сводящими концы с концами, кишащие преступниками и подростковыми бандами — они были такими и до Первого Удара…

Фуоко вдруг вспомнила, как четыре года назад (больше, чем целая вечность!) она сбежала от Джиона в толпе большого универмага и выскользнула на улицу. Для нее побег казался веселой игрой, забавным приключением, местью назойливой охране, и она даже не задумывалась, скольких седых волос стоили Джиону следующие два часа ее поисков. Она ускользнула на улицу и ушла довольно далеко, забравшись с большого проспекта в глубину жилых районов. Там она впервые увидела осыпавшуюся, исчерканную граффити штукатурку старых стен, окна с треснувшими стеклами, плохо одетых людей, нищих у небольшой церквушки Рассвета, побитые ржавые автомобили, оборванных детей, донашивающих перешитые со взрослых

обноски… Новый мир потряс ее настолько, что она забыла и о побеге, и о времени. Люди открыто пялились на хорошо одетую девочку — принцессу среди оборванцев — с открытым ртом бредущую по тротуару и так же открыто пялящуюся на окружающих. Столкнулись два мира, редко пересекавшихся, и высеченные ударом искры горели в памяти до сих пор.

Когда ее наконец нашли — Джион поднял по тревоге всю службу охраны, и окрестные районы, как она потом узнала, прочесывало не менее семидесяти человек — она приняла от отца выволочку смиренно и тихо, даже не пытаясь оправдываться. А потом она напала на него с вопросами: почему те люди так бедно живут, не могут переехать в хорошие дома и купить новые машины?.. Тут в задумчивость впал уже отец. Он отменил назначенную встречу с руководством своего банка и долго объяснял, что есть люди богатые и бедные, что деньги не падают с неба, и что устройство мира далеко от справедливого. А когда Фуоко поинтересовалась, почему бы не дать беднякам денег, которых так много у семьи Деллавита, отец усмехнулся и прочитал ей небольшую лекцию о финансах. Тогда она мало что поняла и запомнила, но осознала одно: огромные богатства главных семей и финансово-промышленных конгломератов Кайтара — лишь капля в море. Даже если раздать их все, большинство не станет жить лучше — а вот экономике (это слово она запомнила) станет гораздо хуже, потому что она лишится главного инструмента управления и развития: сконцентрированного капитала.

Еще отец рассказал, что совсем недавно, до Удара, люди жили гораздо лучше, чем сейчас. Появление Красной Звезды и внезапное изменение законов физики изменило мир, уничтожило целые отрасли промышленности, убило много выдающихся технологов, инженеров и ученых, чья нервная система не смогла функционировать в новых условиях. Кайтар и Ставрия получили дополнительный могучий удар: самопроизвольно сдетонировавшее атомное оружие и взорвавшиеся атомные реакторы уничтожили значительную часть армии, заразили радиацией огромные жилые территории, разрушили несколько промышленных городов и портов на обоих континентах и целиком стерли с лица Паллы кайтарскую дестру Тессан. Первые два года мир просто пытался выжить, оправиться от эпидемий, восстановить хотя бы самые важные части инфраструктуры и возобновить производство самого необходимого продовольствия и товаров. Палла не погибла, но какое-то время балансировала на грани полного коллапса. Мир выжил, но следствием стало резкое падение уровня жизни. Личные автомобили, телевизоры, дальние

путешествия, даже просто сложная бытовая техника — все превратилось из обыденности в роскошь. И лишь немногие дети из богатых семей по-прежнему наслаждались счастливым безмятежным детством.

Отец никогда не отличался бурными проявлениям чувств и сентиментальностью, но рассказчиком являлся превосходным. Он сумел донести до десятилетней девочки то, что многие не понимают до самой старости. Потрясенная внезапно открывшейся суровостью мира, Фуоко несколько декад осмысливала рассказанное, иногда приходя к отцу за дополнительными объяснениями — а потом потребовала, чтобы ее перевели из закрытой частной школы в обычную общеобразовательную. И отец, строгий отец, не склонный потакать ее глупым капризам, согласился даже без особых уговоров, проигнорировав бурные возражения матери. Он лишь регулярно проверял, что она учится хорошо, и не только по оценкам, но и по знаниям — и Фуоко, зная, что в случае чего немедленно вернется в закрытый пансион, изо всех сил старалась доказать, что имеет право на такое поведение. Да и ей самой быстро понравилось быть первой ученицей — не по праву рождения или отцовских капиталов, а только и исключительно за счет способностей. Конечно, она довольно скоро начала понимать, что и здесь помогает ее богатство: из школы она отправлялась домой учить уроки, а большинство одноклассников шли подрабатывать кто куда, и сил и времени на зубрежку у них не оставалось. Но тут она уже ничего поделать не могла. И она больше не сбегала от охраны — вернее, не упускала случая подшутить над Джионом, спрятавшись поблизости от него, но никогда не убегала далеко. Это стало частью ее соглашения с отцом, которого она придерживалась всерьез.

А потом — потом в школу "Бабочка", в ее класс перевелся Кирис, мрачный нелюдимый хулиган, тянущий за собой шлейф опасливых слухов, трудный подросток, наводящий страх даже на директора. Он сразу невзлюбил "принцессу", и та ответила взаимной неприязнью. Их пикировки на переменах стали в школе легендарными, и Фуоко стоило немалых трудов удержать прослышавшего о ситуации Джиона от быстрой и окончательной разборки. Постепенно Фуоко привыкла и к пикировкам, и к самому Кирису, и когда появившаяся Риса и последующие события окончательно переплели их судьбы, вдруг осознала, что не может без него жить. И вот теперь они здесь, вместе, менее чем за год пережившие кучу приключений и даже умудрившиеся по разу помереть — по-настоящему, до смерти. Живы они сейчас или нет, вопрос чисто академический. Главное, что вместе. А

приключения с другими партнерами, вроде вчерашнего… ну и что? Права Риса, иногда надо и отдохнуть друг от друга.

Она чуть повернула голову, глядя назад и вверх на лицо Кириса. Тот дремал, но ее движение почувствовал. Приоткрыв один глаз, он вопросительно пошевелил губами: "что?" "Всё норм", так же беззвучно ответила она, сопроводив мимику ощущением блаженства по их незримой связи. В ответ пришла теплая ирония и проартикулированное слово "Б-Р-Л-Д-А" (сам дубина! буквы толком запомнить не может, а туда же, дразнится!) Фуоко показала другу язык и принялась снова смотреть в окно на пролетающие мимо темные деревья. Но все-таки, что же можно сделать с нищетой и бедностью, что в Кайтаре, что на Могерате? Выходило, что прямо сейчас — ничего, разумеется. Она не дурочка и не считает, как некоторые, что достаточно раздать людям побольше денег, забрав их у богатых, и сразу наступит всеобщее счастье. Никакого желания жить во всеуравнивающей бедности, как в Ставрии, у нее нет. В конце концов, за заслуги следует поощрять, а лучшая награда — деньги, позволяющие человеку самому купить, что захочет. Но что же тогда делать?

Для начала — разобраться с Арасиномэ, подсказал ей внутренний голос. Если мир вернется к состоянию до Первого Удара, все станет куда проще. Или же нужно побыстрее развить науку до прежнего уровня, восстановить прежние технологии. Разумеется, в одиночку она не справится. Но у нее есть Кир, есть замечательная подруга — Риса-Карина, а теперь появился и еще один друг — Михаил. И Марта. М-да. Отношения с ними нужно как-то распутать и упорядочить, чтобы никому боли не причинить ненароком. Но здесь они разберутся. Может, не сегодня вечером, но после возвращения в Хёнкон — точно. И вообще, паладары создали международный университет "Дайгака" именно для того, чтобы ускорить развитие науки. И она, Фуоко, является его частью. Немаловажной частью, между прочим. Ключ она или не ключ, а исследования их с Кирисом способностей чрезвычайно важны, и если появились новые взаимосвязи с миром, их следует исследовать.

Недолго понежившись в приливе гордости за себя и Университет, Фуоко снова принялась вспоминать прошедший день. Надо отдать пленки в проявку завтра же вечером, сразу после возвращения в Хёнкон, а заметки по фотографиям набросать уже сегодня ночью, пока не забылись. Ах, да, не получится: они остановятся в обычной гостинице, там нет паладарских терминалов. Ха, а Зорра на что? Фуоко надиктует, а Зорра запишет и перешлет в личный ящик. Жутко неудобно с голоса, без редактирования, но ничего, все лучше, чем совсем без

заметок. Ну, вот и есть программа на сегодняшнюю ночь, или как минимум на ее половину. А вторую половину можно погулять в окрестностях гостиницы в сопровождении Зорры и Сируко. Не откажет ведь координатор в такой малости?

Вечер в Санъяме прошел без приключений. По прибытии в гостиницу вымотавшийся за день народ расползся по номерам. Ставрийцы и Кирис не стали исключением. Фуоко, однако, усталости совсем не чувствовала. Посидев в выделенном ей крошечном одноместном номере, она заглянула в комнату Кириса (тоже одноместную, хотя всех остальных разместили по двое), но тот уже лежал на брюхе на кровати, даже не раздевшись, и тихо посапывал. Погрозив пальцем встрепенувшемуся Гатто и погасив свет, девушка тихо прикрыла дверь и спустилась на первый этаж, где в небольшом холле возле регистратуры в кресле сидел один из экземпляров Сируко. Ее красное ципао казалось свежеотглаженным, словно только что надетым. А может, и не казалось: по опыту Фуоко знала, что дроны способны таскать внутри себя довольно много вещей. Да и в автобусе под багаж места хватает. Интересно, Сируко всегда выглядит с иголочки из-за того, что обладает зачатками женской личности? Или паладары на публике просто обязаны изображать идеал?

— Я прогуляюсь вокруг гостиницы, — проинформировала Фуоко.

— Хорошо. Дроны прикрытия активны, дэйя Винтаре, за вами присмотрят, — Сируко даже не повела бровью. — Но не отходите далеко. При осложнениях можете связываться со мной через Зорру.

Девушка вздохнула про себя. И здесь охрана… Впрочем, уж не тебе с твоим талантом влипать в неприятности жаловаться на присмотр, одернула она себя. Один раз гранату в морду получила и еще раз желаешь? А до того еще были бандиты в переулке в Шансиме и пиратский адмирал в Хёнконе. И драка в баре в Оокие. И растяжка на острове, на которую напоролся Кир. Обжегшую три года назад волюту даже не вспоминаем. Блин, да сколько же можно, в конце-то концов? Другие люди за всю жизнь и с одной такой подлянкой не сталкиваются, а мы с Киром что, магнитом их притягиваем? Нет, милая, никаких больше приключений сегодня.

Прогулявшись взад-вперед мимо гостиницы, не отходя далее полусотни метров, Фуоко не обнаружила ничего примечательного: двухэтажные деревянные дома, маленькие уличные ресторанчики, лоточные торговцы сувенирами, с открытыми ртами пялящиеся на важно семенящую Зорру, и один тихий бар, где накачивались спиртным несколько очевидных,

судя по одежде, иностранцев. Соскучившись, девушка вернулась в гостиницу и приняла душ из электрического водонагревателя. Ванна и даже душевой поддон в крохотном санузле отсутствовали, а вода стекала в дырку в полу и собиралась стоячей лужицей вокруг унитаза. Представив, как приятно будет поутру шлепать босыми ногами по холодной воде, она шепотом выругалась, улеглась в кровать и честно попыталась заснуть. Чуть погодя она смирилась с тем, что бессонные ночи продолжаются, достала из сумки припасенный на такой случай учебник по физиологии человека и углубилась в чтение раздела о функциях печени. Откомментировать фотографии она решила чуть позже.

Серый рассвет застал ее за романом о средневековых пиратах. Книгу взяла в библиотеке Рикона. Дочитав роман предыдущей (точнее, уже пред-предыдущей) ночью, инопланетянка спустилась к Фуоко и пристала к ней с вопросами, на которые девушка не смогла ответить даже приблизительно. Пришлось взять книжку, чтобы осилить ее на досуге и хотя бы понять, о чем речь. Сама она подобную литературу не любила, считая ее скучной и глупой, но марку держать следовало. В конце концов, речь идет о хотя и модифицированной писателем, но реальной истории Паллы. К моменту, когда сквозь тонкую штору забрезжил свет, Фуоко осилила половину романа — до того места, где отважная принцесса сбегала с пиратского брига вместе с компаньонами, предварительно оставив подожженный фитиль в крюйт-камере. И герои, и злодеи поражали воображение своей глупостью и неумением просчитывать действия хотя бы на два шага вперед, и Фуоко начинала понимать, что именно вызвало у Риконы такую растерянность. Ну да, у них-то в реабилитационном мире все продумано куда как лучше, и пираты выглядят не дебильными подростками, а настоящими злодеями, в самый раз для противостояния Защитницам. Взглянув на часы и решительно захлопнув книгу, Фуоко надела шорты и майку (ципао она решила отложить до мест, где рядом нет Сируко) и отправилась будить Кириса.

После завтрака группы экскурсантов в сопровождении новых гидов повели осматривать Санъяму. Город оказался довольно маленьким, полукруглое пятно на карте диаметром не более полутора цул. Располагался он на берегах небольшой речушки Кава у подножия горы Томиси, не слишком высокой, менее полуцулы в высоту. Однако ее вершина, как, впрочем, и у остальных гор гряды Массиро и окружающего Хёнкон хребта Сюань, в солнечных лучах выглядела снежно-белой — отнюдь не из-за снега, отродясь там не выпадавшего, а из-за складывающего гору известняка. На самой вершине располагалась смотровая

площадка, куда тянулась тоненькая отсюда ниточка канатной дороги. Туда экскурсантов обещали поднять после обеда, перед отъездом обратно в Шансиму. Но до того гвоздем программы являлся храмовый комплекс с длинным названием на катару, которое, переведенное Сируко, немедленно вылетело из памяти у Фуоко, да и у остальных, похоже, тоже. Когда Марта попросила повторить, гид, усмехнувшись, выдал короткую версию: Храм Вечного Полдня. На деле комплекс представлял собой десятка три больших и малых храмов, и в каждом поклонялись кому-то из богов Миндаллы. Большие статуи, выкрашенные ядовитыми красками, грозно взирали на ничтожных людишек с высоты своих постаментов, а верующие несли им многочисленные дары: цветы — и живые, и искусственные, фрукты, воду в пластиковых бутылках, печенье в бумажных пачках, конфеты в прозрачных мешочках… В многочисленных ящиках для пожертвований, сверху закрытых редкими рядами реек, постоянно звякали бросаемые монеты и шелестели бумажки.

Солнечные отблески играли на золотой птичьей голове солнечного Вегешота, на чьем красном теле бугрились гипертрофированные мускулы. Стены его храма сплошь заполонили часы: от древних домашних ходиков с гирьками до больших вокзальных кругляшей. Голубая худощавая фигура водного Теллеона щерилась головой выдры, неприятно напомнив Фуоко реконструкцию образа Мэя в нереальном мире. Черная, как ночь, статуя Смеретуса, бога камня, бесстрастно взирала на мир щелястыми зрачками рогатой козлиной головы. Восьмигрудая Перелла держала в ладонях миниатюрного ягненка и сноп каких-то злаков (риса?), символизируя плодородие, в храме через площадь от нее золотая корона висела над пустыми плечами бога смерти Мискурата, а чуть поодаль неугасимое пламя пылало над такими же пустыми плечами неукротимой воительницы Теребохи, держащей по длинному мечу в каждой из раскинутых шести рук.

Второстепенные боги довольствовались храмами попроще, расположенными в дальней от входа части комплекса. Оплетенная цветущим вьюнком богиня растений Квантия, кроликоголовый бог животных Дзири, четырехглазая богиня насекомых Цетта, сидящая, как в гамаке, посреди паутины, щеголяющий пустым трехглазым черепом бог врачевания Хомм, толстопузый веселый Мамоно, бог богатства — они производили не такое гнетущее впечатление. Народу здесь ходило заметно меньше, и Фуоко всласть нащелкалась фотоаппаратом, несколько катушек пленки для которого втридорога купила в киоске у входа в комплекс.

В храме Хомма внимание Фуоко привлекла крашеная золотом

статуя невысокой нагой женщины, стоявшая справа от пьедестала с восседавшей статуей бога. Сидящий со скрещенными ногами Хомм держал обе ладони поднятыми вертикально, растопырив все пальцы, кроме загнутых мизинцев (ритуальный жест благословения, как пояснил гид). Внутри его пустого черепа мерцали огоньки свечей, и бог казался равнодушным и отрешенным от мирской суеты. Однако женщина казалась на удивление живой. Она, гордо выпрямившись, стояла вполоборота к людям. В ладони ее поднятой руки лежал небольшой трехглазый череп, такой же, как у хозяина храма, а на лице держалось одухотворенное выражение. Она словно обещала помощь каждому страждущему. Черты статуи казались на удивление знакомыми, и Фуоко, сфотографировав ее, спросила у гида, кто она такая.

— Карина Мураций-атара, — ответил гид, низко кланяясь статуе, сложив ладони вертикально перед грудью. — Живое воплощение великого Хомма, дарующего облегчение больным и усталым, омм маа хаанан!

— Карина Мураций? — в один голос спросили Ольга и Фуоко. Девушки переглянулись, и Ольга, следуя приглашающему жесту Фуоко, продолжила на камиссе:

— Почему Карина Мураций является воплощением бога Хомма? Она ведь прилетела с другой планеты.

— Так постановили Великие Учителя, — дослушав радиопереводчика, пояснил гид. — Боги Миндаллы никогда не оставляют смертных в беде, и сейчас Хомм сошел на землю, омм маа хаанан, чтобы облегчить наши страдания.

— Секунду! — поднял руку Юрий. — Я читал о таком в "Дайгаку нунтемпе". Но почему Хомм? Я же полчаса назад видел ее статую в храме Вегешота! Только отвлекся и забыл спросить, как она может быть воплощением Вегешота. Он ведь мужчина, а она женщина!

— Великие Учителя постановили, что Карина Мураций-атара является воплощением Вегешота, омм маа хаанан, — снова поклонился гид. — Его божественное сияние отгоняет злобных дхайнов, как сила Карины Мураций-атары отгоняет волют и кольчонов.

— Погодите! — нетерпеливо вклинилась Марта. — Вы же только что сказали, что Великие Учителя признали ее воплощением Хомма. Так Хомма или Вегешота?

— Карина Мураций-атара является воплощением Вегешота и Хомма, омм маа хаанан, — гид в очередной раз согнулся в поклоне.

— Не понял, — пробормотал Михаил. — Раздвоение

личности, что ли, ей приписывают? Божественный коктейль какой-то…

В радиопереводчике его слова не прозвучали, и гид вопросительно взглянул сначала на ставрийца, потом на Сируко.

— Боги Миндаллы умеют одновременно воплощаться в одном и том же смертном теле, — пояснила Сируко на камиссе, и на сей раз наушник ее комментарий отразил. — Прецеденты в истории известны. Желающим заняться более глубоким изучением священных свитков мы такую возможность предоставим, но не сейчас.

— Но Карина же женщина! — нетерпеливо тряхнула головой Фуоко. — А Вегешот и Хомм — мужики.

— Уж точно не бабы. У Вегешота, вон, член до колена висит, — согласилась циничная Вара, кивая в сторону, где предположительно находился храм солнечного бога.

Марта хихикнула.

— Боги приходят к людям в том обличье, в каком считают нужным, — невозмутимо пояснил гид. — Когда небожители воевали с дхайнами из-за пахтанья Молочного Океана, Теллеон, омм маа хаанан, выходил из моря в виде женщины божественной красы, перед которой падали ниц даже зеленокожие гиганты. Всем известно, что паладары тоже умеют принимать любой вид по своему выбору.

А ведь верно, если вспомнить Майю, непринужденно превращающуюся из девочки в мальчика, а то и в футанари. Или Дзии, использующего дронов как в мужской, так и в женской форме. Да и Карина тоже постоянно превращается из взрослой женщины в щуплую девчонку… При воспоминании о Майе Фуоко почувствовала, что ее щеки теплеют.

— Короче, в сказках логика бессмысленна. Народ, оставьте человека в покое, пока он задумываться не начал, — подытожил Михаил, и его комментарий опять не прозвучал в радионаушнике. Неужели Сируко таким образом щадит чувства гида? Ну да, дядька, похоже, глубоко верующий. Пусть его. Вот только бы народ вокруг не прочухал, что они из Университета — еще начнут в ноги падать и поклоняться. Хорошо еще, что Зорру с Гатто оставили в автобусе из-за запрета приводить в храмы домашних животных. Кстати, а что их попросили временно снять идентификационные браслеты Университета и отдать их Сируко — может, как раз для того, чтобы они свою принадлежность к Хёнкону не выдавали? Ну да, так они не выделяются на фоне прочих иностранцев, коих здесь море.

Фуоко вдруг вспомнилось, как в прошлый раз в маленьком ресторанчике в Шансиме, где она ждала запропастившуюся Вару,

народ начал расшаркиваться перед ней, лишь узнав, что она студентка Университета. А здесь религиозных фанатиков куча, они точно всех на сувениры разрежут… Вот, кстати, еще одна загадка, которую нужно прояснить попозже: почему Карина (да, кстати, и Перелла с Теребохой) стоят нагими, а женщинам запрещено сюда соваться даже просто с голыми ногами? Видимо, опять божественная шизофрения, прав Михаил.

Прогулки по комплексу заняли четыре часа, и в конце концов ноги у Фуоко начали тихо гудеть от усталости. Она поймала себя на том, что то и дело старается присесть на любой удобный приступок, чтобы дать им отдохнуть. Кожа на бедрах зудела от пота и постоянного трения о длинный кусок грубой ткани, который всех экскурсантов и Вару, носящих короткие шорты, на входе заставили обернуть вокруг пояса. Даже Сируко, у кого подол ципао доставал лишь до коленей, а на бедре тянулся длинный разрез до самого верха, тоже нацепила дурацкую обертку. Но ей-то что, дроны от жары не страдают! Определенно, ноги требовали большого перерыва. Заодно в животе начало урчать от голода — что там насчет перекусить? Можно, конечно, накупить вкусно пахнущих жареных сосисок на палочках и осминожьих шариков с многочисленных прилавков, но лучше бы поесть нормально.

— Дальнейшая программа такова, — сообщила Сируко, словно прочитав ее мысли. — Сейчас идем обедать в ресторан, расположенный у входа в комплекс. Затем у вас останется два часа свободного времени, чтобы погулять в окрестностях. Потом собираемся все вместе и поднимаемся на гору, после чего отправляемся домой. Не потеряйте билеты, они дают право многократного входа в течение одного дня.

Она раскланялась с гидом, мгновенно растворившимся в толпе, и уверенно пошла через центральную площадь, где они сейчас находились.

Небольшой и забитый народом, как и все здесь, ресторанчик порадовал рисом с ломтиками свинины и кучей растительных добавок, а также фруктами, в том числе засахаренными мясистыми стручками какого-то растения с острым приятным вкусом. Фуоко чуть не сломала зуб о блестящие черные семена, твердые, словно мелкие камешки.

— Тамаринд, — пояснил Кирис, глядя, как она с изумлением рассматривает семечко, по форме сильно смахивающее на маленький полированный кубик. — Не видела никогда, что ли? У нас в Хёнконе у каждого второго торговца фруктами на прилавке лежат.

— Не видела… — пробормотала Фуоко. Приятное пряное

жжение во рту быстро проходило. Она сунула в рот еще один стручок и принялась аккуратно выжевывать из него семена, сплевывая их на тарелку. Интересно, а если в них дырки просверлить и на нитку нанизать, красивое получится ожерелье? Раз тамаринд продается в Хёнконе, по возвращении нужно купить его побольше и попытаться сделать хотя бы браслет. Должно стильно получиться. А сверло пусть Кир раздобудет, у него знакомств среди механиков куча.

Дожидаясь, пока Кирис закончить есть, девушка оглядела небольшой зал ресторана. В противоположных углах устроились две группы очевидных иностранцев — в заокеанской одежде и почти без неизбежного местного загара. Сама Фуоко, надев ципао, от местных практически не отличалась — так ее кожа потемнела под тропическим солнцем. Однако седые, пусть даже и сходящие за белокурые волосы все равно заставляли людей оглядываться на нее (хотя куда лестнее думать, что привлекают мужчин ее почти идеальная фигура и красивое лицо!) Туристы-иностранцы щеголяли белой кожей, у многих покрасневшей и облупившейся от солнечных ожогов на лице, лысинах, руках и прочих частях тела, по недосмотру или незнанию оставленных неприкрытыми. Девушка мимоходом пожалела их — теперь станут мучиться несколько дней… Дверь ресторана распахнулась, впуская с улицы жаркий воздух и группу хёнконских экскурсантов, сопровождаемой еще одной копией Сируко. Один из студентов приветственно махнул рукой, и Михаил махнул в ответ.

— Ну что, двинулись? — спросил Михаил, вытирая рот салфеткой. — Дэйя Сируко, где и во сколько встречаемся?

— Сейчас тринадцать часов семь минут, — откликнулась та. — Влево от выхода из ресторана находится бюро туристической информации, вы наверняка видели большую вывеску на трех языках. Оно назначено местом встречи. В соответствии с планом ровно в пятнадцать ноль ноль вся группа в полном составе отправляется к посадочной платформе фуникулера, просьба не опаздывать. Внутри бюро есть диваны и кондиционирование воздуха, а также автоматы по продаже воды, можете ждать там. Проверьте, пожалуйста, что не потеряли входные билеты в комплекс.

Фуоко машинально сунула руку в карман шортов, раздергав проклятую ткань. Под пальцами почувствовалась бумага, изрядно пропитавшаяся потом. Ходер! Убить бы кого-нибудь за такие обычаи!

— Дэйя Винтаре, дэй Сэйторий, — добавила Сируко, — я сопровождаю вас двоих. Вы намерены гулять вместе? Если нет, я назначу вторую куклу для сопровождения.

— Зачем нас сопровождать? — нахмурился Кирис. — Мы и сами не заблудимся. И вон, Вара с нами.

— Боюсь, данный вопрос обсуждению не подлежит, дэй Сэйторий. За вами должны одновременно наблюдать и человек, и дрон. Альтернативой моему эскорту является вызов ваших парсов. Полагаю, что, используя авторитет Университета, я могу добиться для них разрешения находиться на территории комплекса. Однако они неизбежно привлекут очень много внимания и к себе, и к вам, и вы не сможете скрыть свою принадлежность к Университету от паломников. Полагаю, вы бы не хотели подвергнуться обожанию со стороны нескольких сотен или даже тысяч человек, не так ли?

В голосе Сируко скользнула ирония. Фуоко тихо вздрогнула. Нет уж, спасибо. Лучше не надо.

— Мы не хотим отличаться от других иностранцев, — решительно заявила она. — Кир, не ерепенься. Дэйя Сируко, мы вместе.

— Мы с Татой тоже изобразим из себя парочку и прошвырнемся по местности, — Михаил искоса глянул на Марту. — Татка, не возражаешь? И разговор есть.

— Ах, милый! — преувеличенно проворковала та, ухватывая его под руку, хотя в ее глазах на мгновение мелькнули растерянность и настороженность. — С тобой даже солнцепек не страшен. Тем более что нашим голубкам, — она с веселой иронией глянула на Ольгу с Юрием, — наедине явно интереснее, чем в нашей компании.

— Да мы можем и с вами, если хотите, — улыбнулась Ольга. — Но раз у вас такие секреты…

— Вот и ладушки! — Михаил вскочил из-за стола и потянул за собой Марту. — Все, мы ушли, пока-пока!

И, буксируя свою спутницу едва ли не силой, он пробрался между столиками и выскочил на улицу. Фуоко озадаченно глянула им вслед. Связан ли разговор Михаила и Марты с тем, что произошло позавчера вечером? И от кого тайны — от них с Киром? Определенно, какие-то странные отношения складываются в их маленькой компании. А, ладно. Незачем зацикливаться.

Оставив Ольгу и Михаила заканчивать обед, Фуоко и Кирис вышли в жаркую уличную духоту. Сируко и Вара шли позади, немного приотстав. Ну вот, блин. Если раньше они воспринимались как сопровождающие подгруппы целиком, то теперь однозначно превратились в личных телохранителей. Похоже, краткое время личной свободы и независимости закончилось навсегда. Конечно, Фуоко и раньше помнила, что

Зорра для нее, как и Гатто для Кириса, не просто товарищ и компаньон, а еще и следящее устройство, но с парсами дело совсем другое. А теперь она обзавелась местным аналогом Джиона. И ей-то неприятно, а уж как себя Кир должен чувствовать…

Отогнав мрачные мысли, она решительно направилась обратно ко входу в комплекс. Предъявив изрядно замусоленные билеты, вся компания снова оказалась в людской суете на небольшой улице, круто поднимающейся от главных ворот к центральной площади. Здесь в бесчисленных лавочках торговали живыми и пластмассовыми цветами лотоса, какими-то пестрыми гирляндами и палочками благовоний (некоторые в качестве рекламы тлели в поставцах, и воздух заполняли удушливые дымные ароматы), конструкциями из висячих на нитках трубочек, звенящими на ветру, маленькими статуэтками богов, круглыми каменными геммами с теми же богами…. Продравшись сквозь толпу обратно к площади, Фуоко нерешительно остановилась.

— Ну что, куда сейчас? — спросила она Кириса. — Может, в храм Вегешота? Хочу на статую Карины посмотреть. И как я ее пропустила в первый раз?

— Можно и туда, — пожал плечами тот. — Мне, в общем, пофиг, сама решай. Нет, погодь… — Он прищурился, вглядываясь в толпу, сгрудившуюся возле центрального фонтана, изображавшего четырех слонов, из задранных хоботов которых лилась вода. — Ну-ка, подойду, послушаю. Что-то там странное про Университет базарят. Фучи, постой здесь, не суйся.

Толпа и в самом деле выглядела странно. Люди в ней по большей части стояли на коленях, низко кланяясь и касаясь лбом брусчатки, стоящие же сложили руки перед грудью и мерно раскачивались. В ее центре стоял, забравшись на бортик фонтана, босой человек в драных коротких штанах и истрепанном халате — одежде бедняка. Его лоб обхватывала красная лента, а левый локоть обхватывала грязная тряпичная повязка. Задрав к небу руки и запрокинув лицо, он что-то завывал — видимо, на катару, но так, что Фуоко не могла разобрать ни одного слова. Однако Кирис и Вара, похоже, понимали. Переглянувшись, они двинулись к фонтану, причем Варуйко раздернула на бедре ткань, скрывавшую ноги, и положила руку на чехол ножа (кобуру с пистолетом она, после прямого приказа Сируко, отдала, но расставаться с ножом категорически отказалась). Фуоко качнулась, чтобы последовать за ними, но рука на плече остановила ее.

— Дэйя Винтаре, вам и в самом деле незачем приближаться, — бесстрастно-вежливым тоном сказала Сируко, и

в голове девушки щелкнул сигнал опасности — такой тон охранница использовала в нештатных ситуациях. — Человек у фонтана — странствующий проповедник из Братства Локтя, и, судя по содержимому его речи, он настроен недружелюбно к Университету в целом и к Карине Мураций в частности. Локтевики вообще не любят иностранцев и иноверцев… Дэйя Винтаре, здесь координатор. Я взял под прямой контроль все куклы Сируко. Приготовьтесь к неприятностям. В худшем варианте мне придется заняться экстренной эвакуацией экскурсантов.

Фуоко мельком оглянулась. Внешне Сируко не изменилась — да и с чего бы? Но что проповедник вещает такого, что к делу напрямую подключилась суперличность координатора?

— Тогда надо позвать Кира и Вару, чтобы они тоже не ходили, — напряженно произнесла она.

— Они местные. Шансы, что они спровоцируют нападение, невелики. Не беспокойтесь, я полностью контролирую ситуацию. В моем арсенале есть в том числе эффективные методы рассеивания агрессивно настроенной толпы. Возможно также, что я слишком остро реагирую на обстановку, но есть кое-что, что вам требуется знать. Под Санъямой есть небольшой резервуар энергоплазмы, и мои орбитальные спутники, а также боэй в районе комплекса фиксируют связанные с ней небольшие, но заметные флуктуации метрики в окружающем пространстве.

— Могут появиться волюты?

— Неизвестно. У нас нет данных о связи волют с подземными резервуарами. Однако ожидать можно чего угодно, вплоть до кольчона.

— Поняла. О чем он говорит? — Фуоко попыталась вслушаться в слова проповедника, но в его завываниях слова по-прежнему не разбирались.

— Включаю трансляцию перевода на ваш радиогид.

Фуоко поспешно ухватила свернутый кольцами проводок, прицепленный к коробочке приемника на поясе, и вставила в ухо пуговку наушника.

"…и сказано в Писании, что настанут последние времена, когда жрецы забудут истинных богов и осквернят храмы изображениями ложных, а дхайны начнут летать средь бела дня, не боясь сияния божественного Вегешота. Люди отвернутся от богов, а боги отвернутся от них, и воцарятся на земле блуд и порок, предвестники эпидемий и моров. И спустятся с небес на землю чудовища, сиречь паладары, и начнут пожирать людей…"

— Он что-то цитирует? — осведомилась девушка, чувствуя, что в животе собирается тяжелый комок. — Какую-то священную

книгу?

— Не могу определить. Во время Первого Удара значительная часть сведений, накопленных о развитии вашей цивилизации, оказалась утраченной. В доступных мне сейчас базах отсутствуют упоминания о конкретном источнике, где буквально воспроизводится сказанное им. Я бы предположил, что он излагает личную компиляцию и интерпретацию разных текстов, но поручиться не могу.

— Эй! — громко крикнул Кирис на катару. Наушник перевел и его слова. — Мужик, ты чё тут гонишь про паладаров? В табло давно не получал? Так могу обеспечить.

— Кто ты такой, чтобы грубо обращаться к пророку Вегешота? — взвизгнул проповедник. К Кирису и Варе начали оборачиваться.

— Я студент Университета, понял, ты, фуфло беспонтовое? — Кирис, казалось, нимало не смутился отпором. Наоборот, от него отчетливо плеснуло темной яростью. — А вот ты кто такой? Я тебя вообще в первый раз вижу.

— Ты продался дхайнам! — рявкнул проповедник, наставляя на Кириса костлявый трясущийся палец. — Такие, как ты, позор рода людского! Предатель!

— Слышь, шо, пасть захлопни, пока в хлебало не прилетело! — Кирис шагнул вперед, бесцеремонно распихивая стоящих и цепляясь ногами за стоящих на коленях. Люди поспешно отступали и отползали от него в стороны, делая странные жесты руками. Вара неторопливо шагала сзади, все так же положив руку на нож. — Я человек простой, слов умных не знаю, спорить не стану. Но ты, мудак, у меня щас своими зубами подавишься, если про паладаров еще хоть слово вякнешь. Они тебе чем помешали, козел? Последний пельмень отобрали?

— Я вижу, у дэя Сэйтория весьма своеобразная манера вести теологические диспуты, — негромко пробормотала Сируко. — Отправляю его куратору рекомендацию включить в индивидуальную программу курс ораторского мастерства.

Фуоко тихо хихикнула, наблюдая, как проповедник багровеет с распахнутым ртом, явно не находя, что возразить на столь убедительные аргументы. Кирис наконец продрался сквозь толпу и сам вскочил на бортик фонтана рядом с проповедником.

— А теперь слушать сюда! — сказал он, обращаясь к толпе. — Паладары пришли сюда, чтобы нам помочь. Я сам из Хёнкона, и паладары его щас отстраивают. Кто-то из людей хоть почесался, чтобы нам помочь после Удара? Да хрен. А паладары выгнали оттуда пиратов и теперь страну восстанавливают. Мне до фонаря, кем вы их там назовете, но я за них кому угодно очко порву,

поняли? А если ты, янориман, — он яростно обернулся к проповеднику, и тот отпрянул, — еще хоть раз про Карину Мураций что-то вякнешь, урою на месте, дошло? Не твоим языком ее имя поганить!

— Ты продался! — проповедник наконец-то оправился от первого шока и перешел в наступление. Он благоразумно отступил на пару шагов, но тона не сбавил. — Купленные дхайнами вандабани, как ты, за чашку риса убивают мужчин и насилуют женщин! Дхайны радуются, глядя…

Кирис сделал движение в его сторону, и проповедник дернулся и осекся.

— Тинтин га саолянь! — резко сказал парень, и на сей раз радиопереводчик промолчал. Впрочем, Фуоко и так знала смысл выражения — "пососи мой член" или что-то такое. — Я тебе в последний раз по-хорошему говорю — дристуй отсюда, люай но тиксё, пока зубы целы!

Фи, матерщинник! Вот она ему по башке настучит за несдержанность, когда наедине останутся! Действительно, теологический диспут!

Вара постучала Кириса пальцем по плечу, и парень кинул на нее раздраженный взгляд. Сестра молча указала в сторону, и Фуоко проследила взглядом за ее пальцем. Со стороны храма Вегешота поспешно семенили двое пожилых бритых налысо монахов в темно-красных рясах, сопровождаемые тремя угрюмого вида парнями в простых одеждах. Ага. Похоже, жрецы тоже разглядели неладное и решили вмешаться. Парни выглядели немногим мельче Кириса и настолько же способными компенсировать грубой силой неуспех в теоретической дискуссии.

Проповедник быстро оглянулся, и его зубы ощерились в уродливой гримасе.

— Узрите адептов ложной веры! — он ткнул в жрецов пальцем. — Они пришли, чтобы заткнуть рот носителю истины! Но истинная сила — только в моих руках! Яви ее, о божественный Вегешот, и покарай гнусных лжецов!

Он вскинул к небу руки, и вокруг них вспыхнула синяя корона мелких молний, почти не различимых в солнечном свете.

И тут же Фуоко словно ударили пыльным мешком по голове. Ночной мир в ее незрячем глазу ослепительно вспыхнул и завертелся, заслоняя реальность. В ушах грянул рев незримых хоралов. Она почувствовала, что земля уходит из-под ног, и взмахнула руками, отчаянно пытаясь удержать равновесие. Твердые руки подхватили ее под мышки, голос Сируко отчаянно пытался пробиться к ее сознанию, но сладкие и горькие хоралы

заглушали его так же надежно, как ночной мир скрыл реальный. Ледяное солнце било в глаза с кислого неба, а неистовое бешенство полотнищ пламени и хаоса разноцветных нитей нежно гладило ее по голове и сдавливало все тело удушающими змеиными кольцами. Хреново, мелькнуло в голове. Арасиномэ, или где там сейчас обитает ее сознание, опять перепутал нервы и транслирует чушь. Ну нетушки, не поддамся, даже и не ждите!

— Приступ синергии, — проговорила она, чудовищным усилием воли отгоняя ночной мир подальше, не слыша себя и не зная, слышит ли ее хоть кто-нибудь. — Пытаюсь бороться. Держите меня…

Реальный мир вернулся, но все вокруг казалось размытым и на расстоянии десятка метров словно терялось в густом дыму. Словно? Нет. Кольчон! Они внутри кольчона! Стаи серых туманных спиралей роились вокруг, их сердцевины горели угрожающим багровым пламенем. Потом ее словно с размаху ударили кулаком в лицо, и волюты пропали, а кольчон резко раздался, освободив пузырь метров полста в диаметре. Кирис стоял в его центре, и вокруг парня бушевал электрический шторм — и такой же шторм ярился вокруг проповедника. Их одежда дымилась и обугливалась на глазах, густая сеть электрических разрядов хаотично металась и танцевала между ними, отдельные молнии втыкались в тела валяющихся на земле людей, пытающихся отползти. Варуйко неподвижно полулежала на бортике фонтана, ее пальцы свело судорогой вокруг наполовину выдернутого из чехла ножа. Вокруг Кириса клубилось, быстро сгущаясь, серое, закрученное по вертикали облако энергоплазмы. Рев хоралов в ушах усилился, и вдруг вокруг снова замерцали багровые огни. Тучи волют гигантским водоворотом закружились над площадью и фонтаном, и одна из них, на глазах Фуоко рассыпавшись облаком снежных хлопьев, обрушилась на ползущего на четвереньках мужчину. Тот дернулся, упал на каменную брусчатку лицом вниз — и замер.

Я уже видела такое, билось в голове. Я видела. Тогда, на набережной, после приезда в Хёнкон. И кольчоны. И водоворот волют. Только сейчас поблизости нет Труды Баркхорн на ее реактивной машине, и никто не придет на помощь ни им с Кирисом, ни людям вокруг.

Чудовищная тяжесть обрушилась на нее, на сей раз реальная, и, падая на землю вместе с поддерживающей Сируко, она успела увидеть, как Кирис опускается на одно колено, упираясь кулаком в землю, а каменные слоны фонтана позади него разлетаются тучей крупного щебня. От него просто хлестало ощущение непомерного напряжения. Нет! — крикнула она во весь голос, по-

прежнему не слыша себя и пытаясь разобрать в общем реве одинокую чистую ноту Кириса, чтобы передать ему сигнал. Нет! Остановись, Кир, ты опять начал разрушать! Я помогу! Проповедник стоял с воздетыми к небу руками. Взбесившаяся гравитация не доставляла ему никаких проблем, и электрический шторм вокруг него с Кирисом бушевал все сильнее. Он не слышит. Не может услышать.

И тогда Фуоко, глубоко вдохнув, впустила в себя ночной мир, позволила ему овладеть собой. Пожалуйста, успокойтесь, мысленно попросила она, обращаясь к волютам и внезапно ощутив вокруг перепуганных братьев и сестер. Я знаю, что вы хорошие. Вы никому не хотите зла. Вы просто не знаете нас. Вы хорошие, но сейчас вы вредите. Пожалуйста, уходите. Успокойтесь и уходите прямо сейчас. А потом мы с вами еще поговорим. Мама-роза, пожалуйста, скажи им!..

Теплое материнское чувство поднялось из-за дальнего горизонта, и нежное блаженство обволокло ее, отгоняя и рев хоралов, и мятущийся ночной мир, и реальность. Мелькнуло и пропало лицо кривляющегося людоеда с высунутым дразнящимся языком, а потом на нее обрушились звезды. Черная бездна космоса с горящими водопадами искристого света заставила ее задохнуться от восторга.

А потом плотное качающееся желе ударило ее по коленям и ладоням, и, пребывая на грани сознания, она увидела торчащую над дальним лесом скалу, высокий замок на ее вершине и — рядом с собой — убогие деревянные лачуги, сгрудившиеся вокруг небольшой грязной площади. Площадь заполняли люди, молча смотрящие на нее. Подождите, я сейчас, попыталась сказать она, но язык не слушался. Только удержись, только не отключайся, только не потеряй картинку, заклинала она себя, но сердце бешено колотилось, воздуха не хватало, и земля под ногами и коленями казалась ватой, с трудом удерживающей на себе и готовой в любой момент прорваться и расступиться. Она помнит, с ней такое уже случалось — в таинственной библиотеке с книгой, говорящей на искаженном эсперанто. Она снова в том мире. Нельзя его потерять!

Держись. Держись. Не теряй сознание! Чьи-то руки подхватили ее, перевернули на спину, и перед глазами оказалось синее небо с блеклыми облаками, а условно-твердая поверхность из-под коленей переместилось под спину. Сердце потихоньку успокаивалось, мир казался всё более устойчивым. Несколько минут — или часов, время утратило смысл — спустя Фуоко все-таки решилась опробовать тело. Рука мотнулась неожиданно легко — и угодила во что-то упругое. Тихо охнул от боли

мужской голос. Так, попытка не засчитана. Хорошо бы обошлось без жертв… Нужно полежать еще немного.

— Дыши глубже, атара, — сказал мужской голос на катару, и девушка удивилась отдаленным уголком сознания: почему катару? — Сейчас все пройдет.

— Я в порядке… — пробормотала Фуоко, с трудом вспоминая нужные слова на том же языке и не делая больше попыток двигаться. — Где… я?

В ответ голос выдал тираду на катару, в которой девушка не поняла ни слова. Скосив глаза — здесь она видела обоими! — она обнаружила совсем рядом бритого наголо молодого мужчину. Тот широко улыбался, однако из-за трех отсутствующих зубов улыбка выходила жутковатой. Ладно, попробуем подыграть и не бояться.

— Я плохо говорю на катару, — сказала Фуоко, стараясь как можно тщательнее контролировать голос. — Я не понимаю. Говори медленно и просто, атара.

Тоны удавались ей плохо, и регистр она использовала фамильярный, не подходящий к ситуации первого знакомства. Мужик, однако, не только понял ее, но и не обиделся. Действительно, чего взять с иностранки?

— Я не знаю, где мы, дэйя, — сказал он на кваре. — Для определенности я называю это место Коодо. В мифологии Миндаллы — посмертный и потусторонний мир. По-моему, неплохое имечко для нашей ситуации.

— Вы говорите на кваре? А откуда вы знаете, что я из Кайтара? — спросила Фуоко, снова пытаясь пошевелить рукой. На сей раз вышло много лучше.

— Акцент характерный, — пояснил мужик. — Как вы себя чувствуете, дэйя?

— Не знаю… — девушка попробовала сесть, и, для разнообразия, у нее получилось. — Вроде бы уже легче.

Она опустила глаза и обнаружила, что ниже пояса плотно обернута цветастой узкой юбкой, зафиксированной на талии узорно-золотым поясом, а вот выше — совершенно голая. А рядом — незнакомый мужик. Да и пофиг. И она в Хёнконе к наготе привыкла, и мужик на нее уже вдосталь насмотрелся. Стоп! Когда она в прошлый раз попала в "библиотеку", неведомая сила одела ее точно так же. И… точно! Картинка-реконструкция видения Мэя! Она вскинула руку над головой. Нет, двойная корона там, к счастью, не ощущалась. И то спасибо. Однако незнакомое ощущение теплой мягкости на голове не пропало. Ощупав ее, девушка с изумлением поняла, что носит покрытый платком парик поверх такой же бритой башки, что и у мужика. Парик, кажется, состоял из сплошных прямых линий. Стоп, нет. Потом с

внешностью разберемся и, желательно, перед зеркалом, если здесь такие водятся.

Фуоко поморгала и огляделась по сторонам. Видение исчезать не собиралось. Покосившиеся деревянные домики даже без печных труб (топят по-черному?), слепые окошки, затянутые какой-то мутной пленкой, тесная площадь, по периметру которой теснится народ…. Так. Она опять попала в тот самый фантастический мир, куда после островного инцидента с кольчоном так и не смогла по своей воле заглянуть ни разу. Нужно вспомнить все, что успела рассказать Риса про игровую реальность… как звали того Демиурга, Прагат?.. но чуть позже. Сначала — запомнить все на случай, если ее опять выбросит назад, в реальность. Люди, главное, люди — бородатые мужчины, прячущиеся за их спины женщины и цепляющиеся за подолы мелкие дети, все одеты в какое-то бесформенное серое рванье. И на лицах — странное равнодушное выражение, словно все спали на ходу.

И еще странные пятна, испещряющие лес и скалу с замком: черные, курящиеся дымом, словно гигантские воронки от снарядов. В предыдущих видениях ничего подобного она не замечала.

— Можете идти, дэйя? — напряженно осведомился мужчина. — Нужно уходить и прятаться, и побыстрее. Если нас поймают солдаты, придется плохо.

— Солдаты? — переспросила Фуоко. Она поерзала ягодицами по земле. Та больше не казалась зыбкой и ненадежной. Девушка попыталась встать — и чуть не грохнулась обратно, поскольку обертывающая ноги тесная ткань не давала толком шевелиться. Мужчина поддержал ее под локоть, и она потихоньку обрела равновесие.

— Шевелитесь, дэйя Деллавита, — нетерпеливо сказал неизвестный помощник. — Быстрее!

— Кто вы такой… атара? — ошарашенно спросила Фуоко, осматривая его. Странная одежда: бедра обернуты плотной набедренной повязкой, на плечи наброшен большой отрез полупрозрачной ткани с прорезью для головы, сшитый под мышками. Поверх ткани талию охватывал пестрый с золотыми нитями пояс, на котором в прозрачных, словно стеклянных ножнах висел ярко светящийся длинный прямой меч с позолоченной рукоятью. Конец ножен почти волочился по земле.

— Меня зовут Юно, — мужик нетерпеливо оглянулся по сторонам. — Юно Юнару, дэйя Фуоко. Я узнал тебя. Суоко-атара о тебе рассказывала, ты среди паладаров знаменитость, и твой куратор Таня Каварова — моя знакомая. Но ты меня не знаешь.

Уходим, быстрее, все объяснения потом!

Фуоко еще раз озадаченно оглядела его с головы до ног. С одной стороны, если он связан с паладарами и знает Таню, доверять ему можно. С другой — как он вообще сюда попал?..

Юно! Тот самый Юно Юнару, чье тело они с Кирисом забирали у "Кобры" меньше двух суток назад? И Суоко — та самая паладарша, что на коленях просила о помощи? Значит, верна гипотеза о переносе сознаний на другой носитель, они с Кирисом не исключение, и люди и в самом деле не погибают! Ой-ё, как интересно!

— Хорошо, идем, — решительно согласилась она. — Только, дэй Юнару, дэйя Суоко…

Мужчина не дал ей договорить. Ухватив за руку, он потащил девушку к окраине площади сквозь толпу, медленно, во сне, расступавшуюся перед ним. Их сандалии постукивали по твердой земле. Фуоко семенила следом, стараясь не спотыкаться на каждом шагу. Узкая юбка ужасно мешала идти — чем бы ее разрезать хотя бы до колена? Может, его мечом? Но каких солдат так боится?

Ответ на свой вопрос она получила немедленно. Они не успели покинуть площадь. Люди перед ними вдруг отхлынули в стороны, и навстречу чеканным шагом вышел десяток солдат, словно срисованных со средневековой картинки: в грубых железных кольчугах и кожаных штанах, в кольчужных же капюшонах (как-то они называются по-умному, но сейчас не вспомнить) и грубых кожаных сапогах. В руках они держали копья, чьи острия немедленно уставились в грудь Фуоко и Юно, замерших на месте.

— Твою мать сверху донизу и через колено… — процедил Юно сквозь зубы на камиссе. Каждое в отдельности слово Фуоко поняла, но в осмысленную фразу они не сложились. Впрочем, общий смысл она поняла и из контекста. Что-то сегодня мужики вокруг нее ругаются куда чаще, чем в среднем. А дядька, кстати, полиглот — на трех языках шпарит без запинки. — Фуоко-атара, мне придется драться. Вы бегите и постарайтесь спрятаться, я их задержу.

— Но что им нужно?

— Да чтоб я знал! — Юно сплюнул. — Они гоняются за мной с тех пор, как я здесь очнулся — сначала вяло и без энтузиазма, но когда пару дней назад по лесу прошел гигант с дубиной, сильно оживились. И клятый меч из ножен не достается… — Он ухватился за рукоять и дернул, но безуспешно. — Бегите же, ну!

Фуоко тупо смотрела на блестящие, словно никелированные, копейные наконечники. Чушь какая-то. Почему солдаты? Почему

такие агрессивные? Наверное, потому же, что и замок…

И тут один из солдат внезапно что-то неразборчиво рявкнул, и сразу два копья ударили девушку в грудь.

Точнее, попытались ударить. Не успев толком осознать происходящее, она… оттолкнула копья. Не руками, нет — их она едва успела вскинуть вверх в защитном жесте, а так же, как просила уйти волют. Ослепительная вспышка ударила ее по глазам, и несколько солдат отлетели назад. Не удержавшись на ногах, они повалились на землю, а Юно, чей меч внезапно выскользнул из ножен, изящным отточенным движением обрубил копье одного из удержавшихся, и его клинок с хрустом и скрежетом вошел в живот солдата.

Потом всё смешалось. Кричали и бежали люди, топали ноги, звенел металл о металл, что-то взорвалось, обдав лицо теплым воздухом. Девушка пыталась увертываться, и каким-то чудом ее не уронили и не затоптали, хотя несколько раз изрядно пихнули в живот, бок и грудь.

А потом всё кончилось как-то сразу. На пустой площади, усыпанной десятками неподвижных тел в кольчугах (они делением размножились?), остались она, Юно, тяжело дышащий и сжимающий меч с обоюдоострым клинком, струящимся ослепительным белым пламенем, и небольшая толпа мужчин — в белых набедренных повязках, сандалиях из ремешков, черных париках и с короткими мечами в руках. От них отчетливо тянуло хорошо знакомым чувством — обеспокоенностью невидимых братьев и сестер. В руке у девушки откуда-то оказалась раздвоенная палка с золотой собачьей головой размером с кирисов кулак. Мужчины выстроились в шеренгу перед Юно, заступившим собой Фуоко. Один из них шагнул вперед, с великолепным безразличием проигнорировав Юно, и опустился на одно колено перед Фуоко, положив меч на землю.

— Ни венис, реджидино, — произнес он мягким гудящим басом, склоняя голову. — Дойменииир.

Конец четвертой книги
Февраль 2013 — февраль 2014
Продолжение следует